

A photograph of a river or lake with autumn foliage reflected in the water. The top half of the image shows dense trees with vibrant orange and yellow leaves, some with hints of red. The bottom half shows the dark, rippling water of the river, which reflects the colors of the trees above. The overall mood is serene and autumnal.

АННА СОБОЛЕВА

ЛЕГЕНДЫ
РАЗНОРА

Анна Соболева

Легенды Раэнора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70560307

SelfPub; 2024

Аннотация

Говорят, что княжество Раэнор процветает. Но так ли это? Большинство раэнорцев – потомки беженцев из терзаемых войнами соседних земель, живут замкнуто, не смешиваясь друг с другом и не интересуясь жизнью за границами княжества. Но княгиня Элен знает, что готовящаяся война двух соседних государств станет для Раэнора катастрофой. Княгиня пытается выиграть время, чтобы подготовиться к переселению в далекую северную страну, принадлежавшую некогда ее предкам. Она понимает, что предстоящие испытания или превратят ее подданных в единый народ, или погубят их, рассеяв выживших по Срединному миру. Элен знает, что, полюбив, разбудит старинное проклятие ее рода. Но Хаггару, сыну правителя соседнего государства, не страшны тайны, скрытые за стенами княжеского дворца. Сможет ли он преодолеть страх княгини перед любовью? Как примут пришельца друзья Элен? И не изменой ли покажется его отцу отсутствие сына? Ведь Арандамар, родина Хаггара, готовится к войне с соседом и защитником Раэнора – Морном.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	67
Глава 3	157
Глава 4	293
Глава 5	377

Анна Соболева

Легенды Раэнора

Глава 1

ЛЕГЕНДА О ДЕВЕ ОЗЕРА

Весна снова пришла в Раэнор. Она начала свой путь с самых вершин Пепельных гор, превращая тихо журчащие речки с ледяной, прозрачной водой в широкие, мутные потоки, с ревом и грохотом проносящиеся меж скал и тесных ущелий и врывающиеся в долины, даруя жаждущим полям живительную влагу. Горы сбросили снежные одеяла. Их оголенные склоны подернулись нежно-зеленым пухом. В низинах островки деревьев покрывались первой листвой. Робка, несмела весна в горах. Но зато внизу, в долинах, набирает она силу и буйствует, пьяная от хмельных ароматов цветения.

В мае весь Раэнор, от северных границ в Бурых землях до южных в самых труднодоступных отрогах Пепельных гор, утопает в бело-розовой пене цветущих садов. Легкий ветерок колышет безбрежные моря молодых трав. В кипени садов утопают города, и только колокольные башни горделиво тянутся в ярко-голубое, ясное небо. Вдоль узорно выложен-

ных цветными плитами дорог, обсаженных могучими платанами с густой листвой, заботливо укрывающей путешественников от полуденного зноя, тянутся поля с молодой пшеницей, гречихой, рожью. Дома улыбаются прозрачной чистотой оконных стекол.

Главным чудом страны по праву считается ее столица Дол-Раэн. Строился он не для войн и сражений, не как мрачные, неприступные крепости Запада. Город был подарком влюбленного властелина своей госпоже. Тонкие, узорные белые башни словно вступали в спор с горными вершинами. Они говорили: “Мы созданы из того же грубого камня, что и вы, гордящиеся своей высотой и мощью. Но в вас нет гармонии и легкости. Вы принадлежите земле, из нее выбиваетесь, растете, как зубы чудовищ. А мы устремлены в небо, к жаркому солнцу, к бледной луне, готовые улететь в прозрачную голубую бездну вместе с мечтами тех, кто нас создал”. Горы молчали, словно вся мудрость их матери-земли передалась им. И открылось горам, что красота хрупка и век ее короток. Исполненные печального знания, они бережно укрывали беспечный город от знойных, сухих, разрушающих ветров, дующих с юга. Текли века, годы мелькали, словно капли летнего дождя, принося обновление. Так было...

*Прекрасна весенняя зелень садов
У подножия Пепельных гор... –*

тихо пела княгиня Элен Раэниэль, стоя на смотровой площадке Сторожевой башни княжеского дворца. По-летнему теплый ветер играл прядями ее распущенных волос, вплетая в них принесенные снизу, из садов и цветников Дол-Раэна, розоватые лепестки яблонь и белые цветки вишни. Положив руку на увитые плющом перила, она смотрела на раскинувшийся у ее ног город.

– О чем задумалась госпожа? – раздался за ее спиной тихий голос.

Элен даже не обернулась: здесь тревожить ее смел лишь лекарь Дию, ее старый друг.

– Я снова видела, как рушатся знаменитые белые башни Раэнора...

– Что за грустные мысли, госпожа! И когда же? Накануне праздника! – Дию подошел к Элен и укоризненно покачал головой. – Княгиня должна быть бодрой и веселой, дабы не вселять уныние и сомнения в сердца своих подданных.

– Ты прав, но сердцу не прикажешь, Дию. Как говорят наши придворные дамы, весной томленья сердца больней и безнадежней. И праздник, кажется, совсем не вовремя!

– Праздник как раз вовремя. Судя по летописям, вот уже лет четыреста он не отменялся и не переносился. Не вовремя дурное настроение. К тому же известно – надежде тоже свойственно тревожить сердце.

– Но Дию, как только представлю все эти давно надоевшие хлопоты, предстоящий Совет, нескончаемые доклады и

нелепые жалобы, отчаяние овладевает мною!

– Ну, не может быть, чтобы все было так уж плохо!

– Нет, конечно. – Элен наконец-то взглянула лекарю в лицо. – Я жду посольство и надеюсь, что на этот раз нам удастся избежать потерь. Я должна, наконец, принять решение, Дию.

– Разве ты его не приняла? – спросил лекарь. Она не успела ответить. На лестнице послышались чьи-то торопливые шаги. Элен и Дию переглянулись – вход в башню был под запретом для всех, кроме княгини и ее лекаря.

– Госпожа моя, это я! – Раздался взволнованный возглас и перед ними предстал Ирлинг, новый секретарь Элен. Запыхавшись после долгого подъема, он выдохнул, явно смущаясь и ожидая неприятностей за вольность:

– Прошу меня простить, госпожа! Я никогда бы не позволил себе побеспокоить тебя здесь! Но ты сама просила сообщить, как только мне станет что-то известно. – Он замолк, переводя взгляд с Элен на Дию, не решаясь больше сказать ни слова.

– Что же ты молчишь? – нетерпеливо воскликнула княгиня. – Велемир вернулся. Он говорит, что посольство Морна вышло из ворот Мрака шесть дней назад и через день-два будет здесь.

– Отлично! – Глаза Элен зажглись азартом. Дию всегда поражался таким переменам в ее настроении и опасался их. – Они узнали, кто на этот раз?

Ирлинг потупился и в смущении развел руками.

– Они старались, госпожа, но, видимо, тебе готовят сюрприз: на этот раз послы необычайно осторожны. Однако разведчики вернулись не одни.

Элен, прикусив губу, отвернулась, не заинтересовавшись этим сообщением. Границы Раэнора вечно осаждали беглецы из других земель, жаждущие наконец-то обрести уверенность в завтрашнем дне. Ирлинг все же добавил:

– С молодым воином-иноземцем. Разведчики говорят, что он сумасшедший.

– Отчего они так решили? – спросил Дию.

– Посуди сам, господин. В первый раз его обнаружили у западной границы, но ему удалось уйти. Уж и не знаю, как он пересек кордоны Дарка. Там ведь не зевают. А настигли его уже недалеко от столицы. Несмотря на то, что он был один против целого отряда Велемира, этот безумец решил сопротивляться, и ребята погорячились, вправляя ему мозги. Но даже тогда он не унялся, всю дорогу норовил сбежать, требовал, чтобы его немедленно привели к госпоже!

Элен с изумлением обернулась:

– Ко мне? Что ему надо? Ирлинг, они не узнали?

– Нет, он говорит, что объяснит все только княгине.

– Вот как. Каков он с виду?

– Из людей и, кажется, пришел из-за Реки.

Княгиня с насмешкой протянула:

– Прелестное описание! И где же теперь этот «безумец»?

– Его привезли в город и заперли в свободной комнате

казармы гарнизона.

– Ты сказал, что ему досталось в бою. Как он себя чувствует? – снова поинтересовался Дию.

– Судя потому, что лекарей не звали, с ним все в порядке.

Элен задумчиво пробормотала:

– Дерзок, да, но сумасшедший? Да и время выбрал удачное, легче проскользнуть в предпраздничной суматохе. Похоже, мне следует увидеть его.

– Когда же, госпожа? – Ирлинг был удивлен внезапным проявлением любопытства.

– Сегодня после Малого приема Велемир должен явиться ко мне, чтобы доложить о походе. Пусть с ним пошлют пленника.

– Прости мою дерзость, госпожа, но боюсь, что у тебя сегодня будут другие, более неотложные дела. Мэллор настаивает на скорейшем проведении Совета, и его поддерживают остальные.

Услышав эти слова, Элен изумленно подняла брови. Ирлинг понял, что совершил ошибку.

– Прошу, не горячись, – мягко, но настойчиво вмешался Дию.

– Ах, перестань, пожалуйста! Ирлинг, иди и передай Совету, что я сама назначу время, а пока пусть они ждут и готовятся.

– Как прикажешь, госпожа. – Секретарь глубоко поклонился, переглянулся со стариком и проворно скрылся. Шум

его торопливых шагов слышался какое-то время, а потом и он смолк. Княгиня и лекарь остались одни. Элен примириительно протянула Дию руку:

– Прости, дорогой друг. Я-то надеялась, что здесь, на невысказанной высоте, спасена от суетных забот, но, увы, ошиблась. Дела зовут, и нужно спешить.

– Наконец-то я слышу княгиню, а не капризную девчонку! – проворчал довольный переменой Дию, и рука об руку они покинули площадку, спускаясь по крутой витой лестнице, на белоснежные ступени которой сквозь высокие узкие окна косыми лучами падал солнечный свет.

– Не кажется ли тебе, госпожа, что ты немного небрежна по отношению к новому Совету? Это не делает тебе чести! К тому же нынешние советники еще очень молоды. А молодость обычно горда и честолюбива. – Вздохнул Дию.

– Возможно, я немного строга к ним, но думаю, что это пойдет советникам на пользу. – Небрежно отмахнулась княгиня. – Не забывай, я возлагаю на них большие надежды. Да ты и сам знаешь, как многое будет зависеть от этого Совета. Пока же они больше огорчают меня своими вечными спорами и препирательствами. Каждый думает, что умнее и талантливее других. Несомненно, советники – люди незаурядные, заслуживающие уважения, но только по отдельности. Вместе же они несносны. Но довольно о Совете. Расскажи-ка мне лучше, кто из врачей на этот раз получит золотую цепь.

Дию метнул на княгиню лукавый взгляд из-под седых бровей:

– Ах, госпожа, госпожа! Неужели ты думаешь, что я раскрою такую тайну? Нет, не скажу, но поверь, мое решение будет для тебя большой неожиданностью.

– Старый лис! – Она усмехнулась и ласково пожала его руку.

Когда кончился спуск, Элен и Дию по крытому проходу попали на второй ярус основного здания дворца. Сквозь анфиладу комнат, где толпились придворные, почтительно склонявшие головы при приближении княгини, они дошли до Гобеленового зала. У массивных, покрытых позолотой дверей застыли, взяв на караул, стражники.

– Здесь я покину тебя, госпожа, – сказал Дию.

– Не забудь, ты должен быть вечером у меня. Нам будет что обсудить.

Стражи распахнули перед ней двери. Стены зала украшали гобелены со сценами охоты, битв и празднеств – сотворенное руками вышивальщиц Раэнора чудо. Огромный беломраморный камин в ненастные зимние вечера прогонял сырость и холод. На небольшом возвышении под балдахинном стояло обитое темно-зеленым бархатом кресло княгини. Пушистый ковер покрывал пол. Высокие окна украшали витражи, повторявшие рисунок гобеленов.

Как только Элен переступила порог зала, все ее надежды на скорое окончание приема рухнули. Толпа нетерпеливо

ожидавших ее подданных замерла в поклонах, пока она медленно шествовала мимо них, а сзади шел уже невесть откуда взявшийся Ирлинг. Он поднялся вслед за княгиней на возвышение. Как только она села в кресло, секретарь положил подушечку ей под ноги и весьма довольный своей ловкостью, что ясно читалось на его физиономии, застыл, стоя рядом с маленьким столиком для документов чуть поодаль от своей обожаемой госпожи и чутко следя за любым ее движением, чтобы тут же откликнуться на него.

Оглядев собравшихся, княгиня остановила свой взгляд на стоящем в первом ряду Фреагоре, ее церемонимейстере и главном герольде, ужасе дворцовой челяди. Еще совсем молодой, он уже теперь брюзжал и ворчал, словно старик, постоянно ко всему придирался якобы из любви к порядку и был так дотошен в соблюдении даже самых незначительных правил придворного этикета, что вызывал лишь неприязнь подданных княгини за вечные укоры и наставления. Но она ценила церемонимейстера за преданность и знание дела и не давала в обиду. Вот и сейчас княгиня милостиво ему улыбнулась и чуть приметно кивнула, но и этого было достаточно. С кучей свитков в руках, покрасневший от удовольствия, что именно ему оказана честь быть выслушанным первым, Фреагор торопливо подошел к возвышению.

– Ну, милый Фреагор, чем ты меня порадуешь? – спросила Элен.

– Госпожа, я был бы бесконечно счастлив сообщить хоро-

шие новости, но не виноват, что их нет. Я знаю, что очень многие недовольны той добросовестностью, которую я проявляю, исполняя твои поручения, почитая ее, и весьма справедливо, укором своей нерадивости, – начал Фреагор, бросая победный взгляд назад, в толпу, и саркастически улыбаясь. – но я на них не в обиде. Что значат чувства бедного Фреагора, когда обсуждаются дела государства! Но к делу! – неожиданно прервал он свои излияния. – Госпожа, вот проекты торжественной речи. Выбери наиболее тебе понравившийся. Вот списки приглашенных гостей согласно их родovitости и сану.

Он продолжал говорить, а Элен скучающим взглядом обводила такие же отсутствующие лица придворных. Она наперед знала, что скажет Фреагор в следующую минуту, ведь все это повторялось для нее сотни раз. Те же гости, те же речи, те же хлопоты, и все ради соблюдения древних традиций и удивления многочисленных иноземцев, ежегодно валом валивших на знаменитый праздник.

– Довольно, Фреагор, я вижу, ты, как всегда, отменно потрудился... – Элен попыталась прервать затянувшуюся речь церемонимейстера, но не тут-то было! Если уж ему удавалось начать говорить, то заставить его замолчать было делом нелегким.

– А еще, госпожа, я хочу выразить свое возмущение тем, как некоторые стремятся испортить праздник! Тебе известно, что помосты не готовы, а новый мост не испытан? Да о

чем говорить, если повара еще не составили списка блюд, что будут поданы на торжественном обеде! Позор! Гости не сегодня-завтра начнут собираться, а покои для них не приготовлены! Мне начинает казаться, что все это не иначе, как злой умысел! Но это мелочи. Ведь я еще не поставлен в известность об официальных посольствах! Нет, это невозможно, я ничего не успею, и бедного Фреагора обвинят в измене, приписав мне все прегрешения других. Аэрэлин придется отменить!

– Ну, господин церемонимейстер, не стоит так горячиться! Сегодня, я думаю, мы все выясним, и насчет моста, и насчет гостей... – начала было по привычке успокаивать своего не в меру мнительного подданного Элен, но он бесцеремонно прервал ее, ибо за собой несоблюдений этикета не замечал:

– А посольства...

– А посольства – не твое дело, милейший Фреагор! – теперь уже раздраженная княгиня перебила его. – Список посольств и последовательность их представления будут у тебя через день. Ты свободен. Эльвира, подойди, что у тебя?

Фреагор, не ожидавший такого поворота дел, сдал в руки Ирлинга грамоты и, обиженно насупившись, пошел от возвышения, сопровождаемый ухмылками и тихими смешками. Его место заняла Эльвира, живая, подвижная женщина уже не первой молодости. Она крепко держала в своих проворных руках челядь, кладовые, кухни, заведовала всем двор-

цовым хозяйством. И сейчас, привычным жестом убрав под накидку непослушную прядь волос и проверив, в порядке ли складки на широких рукавах яркого цветастого платья, Эльвира принялась обстоятельно, не торопясь, перечислять все, за чем и пришла на прием.

– Ты, госпожа, уж не очень-то верь всему, что тут тебе этот книжник наговорил. Он вечно чем-нибудь недоволен, таков уж уродился. А у меня все готово. Провизия закуплена самая наилучшая, повара получили нагоняй на всякий случай. Покрывала для помостов, новые платья, костюмы стражей – все сшито и лишь дожидается торжеств. Список праздничных даров, утвержденный Советом, приготовлен. В прошлом году метельщики были не особо проворны, так теперь они предупреждены заранее, и их беда, если все повторится снова.

Она перевела дух, секунду прикидывая в уме, все ли сказала. Видимо, решив, что все, поклонилась и отпущенная ласковой улыбкой госпожи, унеслась из зала, гремя ключами.

Один за другим подходили к трону княгини ее подданные. Гора списков, прошений, указов, громоздящихся на столике рядом с тронном, росла и росла. Элен с ужасом думала о том, что сегодняшний день целиком потерян, что давно уже надоевшие и бессмысленные дела настигли ее и теперь придется заняться ими всерьез. Наконец зал почти опустел. Кроме Элен и ее секретаря, остались еще двое – странная парочка, в последнее время доставлявшая княгине немалые хлопоты.

Первый – невысокий, широкоплечий грим с могучими жилистыми руками, сплошь покрытыми шрамами от ожогов, один из лучших строителей Раэнора. Ему не было равных в возведении крепостных стен и укреплений, таящих для неприятеля немало смертоносных сюрпризов. А какие он выковывал каминные и оконные решетки, на которых диковинные цветы красотой и изяществом спорили с цветами живыми! Но вот характер у мастера был прескверный. Гримы Раэнора известны своей строптивостью, высокомерием, тщеславием, но Гройн, казалось, перещеголял всех. Его дерзко торчащая темно-рыжая борода, независимый вид, гордо поднятая голова и единственный глаз, часто загорающийся гневом, – все словно предупреждало: “Не задевай меня, приятель, а то пожалеешь!”. Своего левого глаза он лишился еще в молодости, когда по приказу княгини был отправлен на север учиться мастерству. Он утверждал, что получил увечье в жестоким бою с дикарями, но вскоре стало известно, что причиной была драка, по разрушительной силе едва ли уступающая настоящей битве. Гройн учинил ее, доказывая преимущества своего метода кладки. И теперь грим был явно не в духе. Грозно сдвинув брови, Гройн тяжело дышал, сдерживая негодование.

Альв Талион, высокий, статный, всегда спокойно-печальный, с видом мученика взирал на грима.

– Подойдите, друзья мои! – Княгиня решила быть невозмутимой, что бы ни произошло. Оба приблизились: грим,

решительно топая коваными сапогами, бросая грозные взгляды на Талиона, желая этим предупредить, что сдерживаться не намерен, и альв, почтительно-вежливый, словно извиняющийся перед княгиней за грубость спутника.

– Что за забота омрачает чело славного Гройна? – участливо спросила Элен, быстро переглянувшись с альвом. Грим, будто дождавшись условного знака, глубоко вздохнул и дал волю негодованию.

– Конечно, я понимаю, мне здесь не доверяют, видимо, думая, что на старости лет я из ума выжил. Но тогда и скажите мне это прямо в лицо! Нечего перед родичами посмешищем выставлять! – загрохотал его мощный бас.

– Но о чем ты, благородный Гройн? – Элен в изумлении воззрилась на него.

– Как о чем, княгиня? Зачем ко мне приставили этого? – он небрежно кивнул в сторону молчащего альва.

– Мы хотим помочь тебе, Гройн. Я подумала, что такое трудное дело не по силам одному, будь он хоть трижды искусным гримом! – примирительно сказала Элен, надеясь, что гнев Гройна утихнет. Но он продолжал бушевать:

– А меня спросили, нужна ли мне помощь, да еще от него? Так и знай, госпожа, ворота к празднику готовы не будут, если только... – Тут он умолк, и его единственный глаз хитро прищурился.

– Что “если только”, Гройн? Договаривай! Каково твое условие?

– Пусть он оставит меня в покое! Этот умник всю душу мне извел своими вечными придирками! Хорошо, согласен, что его чертежи и задумки прекрасны, решения великолепны, но теперь-то моя очередь творить, и пусть он в это не вмешивается! Я знаю, он не хочет делить со мной славу!

Элен внимательно слушала строптивца, участливо кивая головой, а при его последних словах даже вздохнула, явно расстроенная таким безобразием.

– Если я прикажу Талиону больше не досаждать тебе, ворота будут готовы к празднику?

– Да!

– И все будет благополучно, без неожиданностей, как пять лет назад, когда незакрепленная оконная решетка упала во двор как раз во время церемонии награждения, чуть не проломив головы зрителям? Помнишь тот скандал с Фором и его тещей?

– Тогда были виноваты мастеровые, а вовсе не я! Клянусь своей бородой, госпожа, все будет как надо.

– Такой клятве я верю, ибо без бороды, почтенный Гройн, я тебя не представляю и боюсь, что родичи твои тебя не поймут. Можешь идти, и удачи тебе! А с тобой, Талион, я должна серьезно поговорить. Отчего ты изводишь придирками столь почтенного мастера?

Альв виновато пожал плечами. Казалось, он был очень расстроен, и Гройн, уходя, пожалел его, подумав: “А не слишком ли я к нему строг? Он ведь всего-навсего альв!”

Кинув на Талиона уже почти сочувственный взгляд, он вышел из зала и не спеша направился в мастерские.

Едва дверь за гримом затворилась и шаги его затихли в глубине коридоров, Элен и Талион, встретившись взглядами, улыбнулись.

– Подойди и садись, мой друг. Давно тебя не видела. – Элен все еще улыбалась, указав на обитую черной кожей скамью, стоящую на ступени ниже трона. Талион поклонился и сел, внимательно глядя на княгиню. Он ждал вопросов, и княгиня не замедлила их задать.

– Неужели все так серьезно с гримом?

– Нет, госпожа, он почти справился. Если бы не его заносчивость и непомерное упрямство, Гройн мог бы, пожалуй, обойтись и своими силами.

– Но мы сможем воспользоваться мостом и воротами во время праздника? Или гостям придется через ров вплавь переправляться?

– Княгиня, отбрось сомненья. Я знаю, где в конструкции ошибка.

– Прекрасно, Талион. Прости Гройна за несдержанность. Он вовсе не так плохо к тебе относится, как старается это показать.

– Я знаю, княгиня, иначе я бы не стал с ним работать. Но согласись, иногда он становится просто несносен.

– К сожалению, это правда. Поверь, я очень ценю твою выдержку. Однако оставим Гройна. Что действительно меня

тревожит, так это твоя грусть. Или ветер весенний не в силах развеять печали туман? Или юного солнца лучи не изгонят зиму из сердца? Отчего ты печален? Неужели Аэрэлин тому виной? Так ли сильны воспоминания? Неужели еще недостаточно времени прошло, чтобы забыть боль?

На секунду гримаса страдания исказила прекрасное лицо альва, словно к незажившей еще ране притронулась неосторожная рука.

– Ах, госпожа... – Он горько улыбнулся. – Вот что напоминает мне о прошлом!

Резким движением Талион сорвал со лба повязку из тонкой узорной ткани. Блестящие черные волосы рассыпались по плечам. Его лоб был обезображен посветлевшим от времени клеймом: магической руной Морна.

– Не стереть! Клеймо не только здесь, – его ладонь с длинными пальцами коснулась лба, – но и там, внутри. – Рука легла на грудь. – Свобода потеряна навсегда, а с ней и мечта о счастье. Мы – клейменные альвы, изгой, всюду подозреваемые в предательстве и сговоре с Врагом. Нам нельзя вернуться в мир, чтобы не быть причиной горя и бед для своего народа.

– Но, Талион, здесь, в Разноре, ты свободен! – Элен, взволнованная, встала, подошла к альву и положила руку на его прижатую к груди ладонь. Альв смутился, но, взглянув в ее полные участия и сострадания глаза, улыбнулся в ответ.

– Что ты говоришь, княгиня! Прекрасный Разнор для ме-

ня – та же тюрьма. Ведь я не могу сделать выбор. А без возможности выбора нет свободы. Мне жаль огорчать тебя, но и лгать тоже не могу.

– Я понимаю, Талион. Ведь княгиня Раэнора Элен Раэниэль – тоже пленница своей судьбы. Но скажи, так думают все твои сородичи?

– Почти все. Прости. – Он встал, но ладони Элен из своих рук не выпускал.

– За что? Ты сказал правду. Значит, как я ни старалась, не смогла сделать эту страну вашим домом. Неужели здесь так плохо?

– Нет, отчего же! Дол-Раэн прекрасен, словно древний город Грэндоома, но знаешь, что нас всех держит здесь? Ты, только ты. Если бы не было тебя, княгиня, здесь не было бы и нас. Ты – единственная в этой стране, кто может нас понять.

– Может быть, друг мой. – Теперь уже Элен грустно улыбалась альву.

– Я пойду, госпожа. Не беспокойся, к празднику все будет готово. – Он бережно поднес ее руку к губам и поцеловал, а затем поклонился и вышел.

– Госпожа, он забыл надеть повязку, – тихо произнес Ирлинг, во время беседы Элен и Талиона стоявший, затаив дыхание, боясь малейшим шорохом напомнить им о себе. Он восхищался госпожой с самого детства, когда, будучи совсем еще ребенком, вертелся во дворце, целыми днями бегая с поручениями на кухни, в конюшни, к истопникам, частень-

ко появляясь у швей, горничных, служанок, где был любимцем и молодых хохотушек-кружевниц, и острых на язык кумушек-прачек с мощными ручищами и обильными телесами. Когда ему удавалось проникнуть в покои придворных, он восторженно следил за проходящими мимо него, высоко подняв головы и не замечая прячущегося в тени тяжелых портьер мальчишки, кавалерами в роскошных костюмах. Как грозны были воины, бряцающие длинными тяжелыми мечами, в сверкающих кольчугах, в шлемах с разноцветными трепещущими шарфами, бросающие пронизательные, настороженные взгляды из-под нахмуренных бровей! И совсем редко, если уж очень повезет, Ирлинг видел княгиню. Она была загадкой для всех, такая разная и в то же время совсем не зависевшая от бега времени. Когда она была весела, а чаще всего она и была такой, ее звонкий, мелодичный голос слышался повсюду: в галереях, переходах, садах у фонтанов. То здесь, то там появлялась она, шутя и посмеиваясь. Если же ей становилось грустно, она любила уединяться в Сторожевой башне и подолгу оставаться там. В такие минуты беспокоить ее не разрешалось.

“Ах, княгиня!” – вздохнул про себя Ирлинг. Иногда лукавая, капризная, смешливая, как обычная городская девчонка, иногда грозная, жестокая – настоящая правительница, она всегда была одинока.

– Да ты спишь, что ли, Ирлинг? – Нетерпеливый возглас вывел его из задумчивости.

– Нет, госпожа, прости. – Он слегка покраснел.

– Ирлинг! – Голос Элен стал жалобно-молящим, томный взгляд из-под длинных пушистых ресниц ввел бы в соблазн любого. – Если ты сейчас же не придумаешь что-нибудь, твоя госпожа умрет от усталости и голода! – И последовал тяжелый, скорбный вздох, как бы невзначай вырвавшийся из ее груди.

– Только и всего? Княгиня, я как преданный слуга спасу тебя! – Он торжественно извлек из резного сундука, укрытого от любопытных глаз тканью балдахина, золотой чеканный кувшин с длинным узким горлом, блюда с румяными яблоками, темным виноградом и сладостями.

– Да ты волшебник! А ну-ка, смахни со стола все эти бумаги, и мы с тобой попируем. Но сначала предупреди стражу, чтобы никого, кроме Велемира, не впускали. Как только он появится, пусть сразу же введут его сюда.

– Сейчас! – Он сгреб со столика свитки, отчего стала видна цветная мозаика – розовые прозрачно-перламутровые цветы на гибких изумрудных стеблях с резными листьями, придвинул его к креслу княгини, поставил кувшин, блюда и золотой кубок той же работы. А когда все было готово, метнулся к дверям и исчез, но через минуту вернулся. Почтительно остановившись около столика, он поднял кувшин за тонкую витую ручку, и благоухающая влага с мелодичным звоном полилась в кубок, пенясь и рубиновыми брызгами оседая на его стенках. Элен, взяв кубок и отпив глоток, вдруг

поставила его обратно.

– Послушай, дружок, ты что же, думаешь, что большое удовольствие давиться едой, будучи сжигаемой твоим голодным взглядом?

Ирлинг в смятении потупился и еле слышно пробормотал.

– Прости, госпожа, я не хотел. Я выйду.

Она секунду удивленно смотрела на него, словно не понимая, а потом рассмеялась:

– Я не о том! Где второй кубок? Придвинь ближе скамью, садись. Сегодня ты обедаешь со мной. Да не стой ты как истукан! Шевелись!

Секретарь растерянно потоптался на месте, не решаясь последовать приглашению княгини, но потом махнул рукой, отважно уселся рядом с госпожой и налил себе вина в кубок попроще. Несколько минут они весело хрустели яблоками, запивали вином нежные пирожные, горстями сыпали в рот орехи, но, по мере того как голод отступал, наступало смущение. Стараясь скрыть его, Ирлинг спросил:

– Госпожа, я давно удивляюсь, как ты можешь так ловко управляться с нашим шумным народом! Взять хотя бы этого скандалиста Гройна! Нет, правда, удивительно.

– Оставь лесть, дружок. Просто я очень не люблю ссоры и избегаю их любыми способами. Ты вот лучше скажи, откуда это вино?

– Нравится? – Ирлинг притворно удивился.

– Нектар!

– То-то, госпожа! Это вино – надежда Альвиса на победу в состязании виноделов.

– Сдается мне, он надеется не зря.

Они еще немного поболтали о предстоящем празднике, а потом княгиня, как-то сразу став серьезной, скомандовала:

– Ну, хватит, теперь за дела. Читай, а я буду диктовать ответы!

День прошел незаметно. Элен и Ирлинг разбирали бумаги. Оба устали. В голосе княгини все явственнее слышалось раздражение. Секретарь бросал на свою госпожу встревоженные взгляды, но не смел предложить отдохнуть. Указ следовал за указом, прошения подписывались, почти не глядя, – вечная праздничная суэта. Время от времени Элен с тоской поглядывала в окно – солнце садилось, сумерки надвигались на город, пора было зажигать огни.

– Постой-ка, прервемся! – Ирлинг читал указ о расчистке рва вокруг дворца, но на полуслове запнулся и с удивлением уставился на госпожу.

– Ты разве не заметил, что стемнело? Я же ничего не вижу! Как я могу что-то подписывать в крошечной тьме? – Она возмущенно отбросила перо и свиток бумаги.

Секунду Ирлинг оторопело моргал глазами, но лишь секунду. Он живо понял намек и кинулся исполнять повеление княгини. Подбежав к двери, он высунул голову наружу и зычно крикнул:

– Эй, где фонарщик? Заснул? Что стоите, лоботрясы, най-

ти его, живо!

Видимо, ему возразили, но он возмутился:

– Что значит – не время? Княгиня из-за вас, растяп, работать не может! Да побыстрее!

Закрыв дверь, Ирлинг метнул взгляд назад, на княгиню, сидящую в кресле и со скучающим видом глядящую в окна, где небо только еще начинало блекнуть, а последние косые лучи солнца золотили шпили башен, слепили глаза, отражаясь в оконных стеклах. Удрученно покачав головой, секретарь вернулся на свое место.

– Сейчас, госпожа, только не волнуйся!

Княгиня в ответ тихонько вздохнула. Ирлинг не понял, довольна она или все еще сердится. Не зная, что делать дальше, бедняга молча стоял и ждал, что еще придет в ветреную голову его госпожи, что она прикажет ему. Но тут его попытка кончилась, потому что дверь тихо отворилась. Княгиня, думая, что пришел фонарщик, даже не повернула головы. Однако она ошиблась. Громкий, хриплый голос стражника разнесся по залу:

– Капитан Велемир просит позволения войти.

Элен, встрепенувшись, живо произнесла:

– Впустите скорее.

Наконец-то! Не оглядываясь на секретаря, она спросила:

– Ирлинг, что у нас там осталось?

– Самая малость, госпожа. Закон о пошлинах на будущий год, список подарков к празднику, жалоба...

– Все потом. – Она встала, прервав его на полуслове, и застыла в ожидании. Двери распахнулись. В зал вошел капитан разведчиков Велемир со своим отрядом. Капитан был невысокого роста, стройный, гибкий, как юноша. Мягкие высокие сапоги словно и не касались плит пола – так легка была его поступь. Но решительно сжатый рот и черные насупленные брови капитана выдавали страстный нрав. Его воины, привыкшие во всем подражать своему командиру, готовые идти следом за ним хоть на край земли, и внешне старались походить на него. Среди них не было гигантов вроде стражников, охраняющих дворец, что проводили дни, стоя у дверей и зевая во весь рот. Однако хрупкость этих храбрецов была обманчива. В ловкости, искусстве владения оружием и находчивости разведчикам Велемира не было равных. Элен невольно залюбовалась ими. Темная зелень одежды оттеняла тусклый серебряный блеск кольчуг, тяжелые черные бархатные плащи украшали золотые застёжки, легкие шлемы укрывали чело. При каждом их шаге длинные мечи бились о бедра. Отряд подошел к возвышению. Шедшие попарно воины разделились и двумя шеренгами выстроились вдоль гобеленовых стен зала, а в образовавшемся коридоре остался стоять один человек. Это был пленник, высокий, с широкими плечами, в залитой кровью, изорванной одежде. Все молчали: княгиня, с любопытством разглядывающая юношу, Велемир, ждущий знака от госпожи, молчал и пленник, уронив голову, держась за левое плечо и покачиваясь от слабо-

сти. Густые черные волосы закрывали его лицо, но когда он поднял, наконец, голову, Элен, вздрогнув, сразу его узнала, а он, смертельно бледный, но победно улыбающийся, еще смог сделать несколько тяжелых, неверных шагов к возвышению, опуститься на одно колено и произнести слабым, чуть слышным голосом, не сводя восхищенных глаз с ее лица:

– Приветствую тебя, Дева Озера! Я нашел то, что искал на Востоке.

А потом глаза его закрылись, и он упал, сраженный усталостью и болью.

Хаггар очнулся, словно проснувшись после тяжелого, долгого сна. Приоткрыв глаза, он зажмурился – даже призрачный, мутноватый предутренний свет был сейчас для него слишком ярким. Но привыкнув к нему, он увидел, что лежит в комнате с высоким потолком, позолоченный краешек которого только и был ему виден из-за плотного синего с золотыми кистями полога, скрывавшего от его взора остальное. Еще он видел кусочек бледного неба в окне. Хаггар попытался отдернуть бархатную ткань, но не смог ни рукой пошевелить, ни голову поднять. Ему оставалось только лежать без движения, ожидая, что кто-нибудь придет. Но сквозь пелену слабости и боли пробивалась в его сердце радость: он сделал то, о чем мечтал столько лет! И получил награду – увидел, как изумленно распахнулись глаза той, которую он так долго искал, как зажегся в самой их глубине огонек радости. Как

давно это было!

Сумерки сгущались над Серебряной Чашей. Тишину нарушал лишь щебет птиц да треск цикад в густой траве. Край этот, прежде звавшийся Садам Восточного мира, теперь опустел. Жители давно покинули его из-за бесконечных войн и набегов разбойников. Но лес все еще хранил былую красоту и великолепие. Мощные темные стволы древних дубов укрывала густая листва. Заросли орешника прятались в ее тени. Никто уже много лет не прокладывал тропинок в высоких травах.

Но вот еле уловимый шорох послышался в глубине леса, а через мгновение на большую, густо заросшую папоротником поляну из тени дубов-великанов вышел отряд воинов. Статные, высокие как на подбор, в зелено-коричневых штанах и рубахах, скрывавших блеск кольчуг, опоясанные широкими ремнями, на которых висели длинные мечи и кинжалы в кожаных ножнах, они внимательно оглядывались, словно что-то искали. У некоторых за плечами были луки и колчаны, полные стрел. Легкие шлемы на головах скрыты под капюшонами. Темные глаза на совсем еще молодых лицах горели азартом погони. Они рассыпались по поляне, тщательно обследуя каждый куст, каждую веточку на дереве. Только двое не принимали участия в поисках.

Хаггар, старший сын правителя Арандамара Номанатура, был командиром отряда. Зимой ему исполнился двадцать

один год, а именно с этого возраста сын правителя становился совершеннолетним и ему присваивали титул Капитана Цитадели. До своего совершеннолетия сыновья правителя были обычными воинами. А теперь Хаггар стал предводителем отряда, в котором еще недавно сражался как простой солдат. Он был любимым сыном и обещал стать талантливым и удачливым полководцем. Рядом с ним стоял единственный в отряде воин, чей возраст перевалил за середину жизни. Они тихо переговаривались.

– Хаггар, ты делаешь ошибку! Дай людям отдохнуть, иначе они не смогут биться завтра! Позволь... – Но воин не успел договорить, прерванный на полуслове своим юным собеседником:

– Ты все еще сомневаешься во мне, Гаральд. Твоя трогательная забота о людях достойна похвалы, но они – не избалованные городские юнцы, а воины. Если не устал я, значит, не устали и они. Отец приказал тебе наблюдать, а не давать советы! Я команду отрядом и отвечу как за победу, так и за поражение.

Хаггар отвернулся от наставника, давая понять, что разговор закончен. Гаральд сумрачно оглядел заносчивого юношу и пожал плечами. Они в полном молчании простояли еще немного, когда к Хаггару подбежал один из воинов и тихо сообщил:

– Капитан, мы нашли их следы. Они прошли здесь совсем недавно, сок еще не успел застыть на сломанных ветках.

Хаггар мрачно улыбнулся и приказал юноше:

– Живо собери людей! – Он, сдерживая волнение, смотрел, как возникают из темноты силуэты бойцов. Удостоверившись, что все в сборе, Хаггар тихо начал говорить:

– По моим расчетам, мы догоним их часа через два, если будем идти быстро, не делая остановок для отдыха. Они наверняка решат устроить привал ночью, не догадываясь о погоне. Мы застанем негодяев сонными и покончим с ними.

Один из окружавших его молодых воинов, почти ровесник Хаггара, спросил, возмущенно блестя глазами:

– Убивать безоружных, спящих?

Хаггар резко прервал его:

– Может, ты хочешь, чтобы в честном бою с разбойниками я положил весь отряд? Нас – всего двадцать, а их к сотне, я думаю. Заговорил о благородстве! Ты лучше вспомни, что они творили в захваченных деревнях! Хватит глупых разговоров.

Он подал знак, и отряд скрылся в лесу так же бесшумно и незаметно, как и появился на поляне.

Лагерь разбойников, разбитый на месте когда-то вырубленного леса, укрытый от ветра растущим по краям поляны кустарником, они обнаружили к утру. Как и предполагал Хаггар, разбойники спали. Потухающий костер, разбитый бочонок из-под вина, объедки, валяющиеся по всей поляне, красноречиво указывали на затянувшуюся пирушку. Тюки с награбленным добром валялись около новых владельцев,

грязных, заросших щетиной, одетых в невероятные лохмотья, спящих вповалку прямо на земле. Воздух стал тяжелым от смрада давно не мытых тел, смешанного с парами в изобилии разлитого накануне вина. Оружие валялось тут же: ятаганы dwarves, мечи, дротики, копья, пращи. Если бы бандиты проснулись, арандамарцам пришлось бы несладко. Но то ли по глупости, то ли из наглой беспечности они даже не выставили часовых.

Взяв поляну в кольцо и оставив несколько лучников в засаде, люди Хаггара, обнажив мечи, вышли из укрытия деревьев. Тускло поблескивала темная сталь клинков. Хаггар поднял руку, дав знак, что пора начинать, и первым неслышными шагами двинулся меж громко храпящих людей. За ним пошли остальные. Капитан подошел к одному из разбойников. Тот лежал на животе, крепко обхватив руками мешок с добычей. Время от времени он тихо поскуливал то ли от боли, то ли от страшного сна и даже не вскрикнул, когда арандамарец, подняв меч, рубанул по его шее, замотанной рваными тряпками. Хрустнули позвонки, человек, дернувшись, обмяк. Переступив через мертвое тело, Хаггар шагнул к следующему спящему. Длинный, тощий, с серым, костлявым лицом, он спал, широко раскинув руки, обнажив хилую грудь. Его реденькая бороденка смешно торчала вверх. Хаггар с размаху ударил ниже, туда, где вверх-вниз двигался острый кадык. Тут же алая струйка крови брызнула прямо ему в лицо, на одежду, на сапоги, забулькала, потекла в траву.

Они действовали бесшумно, пока один из бандитов, проснувшись, не увидел над собой занесенный меч и не заорал что было мочи. Крик его был тут же прерван ударом, но оставшиеся в живых разбойники проснулись. Тех из них, кто пытался укрыться в лесу, догнали стрелы стороживших в засаде лучников, а те, кто, взявшись за оружие, пытался защититься, были окружены и добыты.

Восходящее солнце осветило заваленную трупами поляну.

– Все, возвращаемся домой, – устало скомандовал Хаггар. Его воины, такие же хмурые, с ног до головы забрызганные кровью, молча, не смотря друг на друга, вытирали мечи о траву. Через несколько минут отряд во главе с Капитаном двинулся обратно все той же тропкой, что и пришли, покидая поляну и тех, кто на ней остался. А в небе уже кружили черные птицы, пронзительно кричали, радуясь обильной трапезе.

Они шли весь день. Река была уже близко. В чистом лесном воздухе чувствовалось ее присутствие. Люди спотыкались от усталости, но никто не заговаривал об отдыхе: ждали приказа Капитана. Наконец, когда солнце спряталось за верхушки деревьев, Хаггар уступил их молчаливой просьбе. Мгновенно устроили привал, выставили часовых, и через несколько минут обессиленные бойцы спали. Не приходил сон только к их молодому командиру. Он лежал, глядя в темное звездное небо, и думал о своем первом самостоя-

тельном походе, об отце, о брате, так просившемся пойти с ним, о том, как встретят его дома... Но нерадостно было у него на душе.

Да, кто-кто, а уж Хаггар понимал, какие чувства переполняли сегодня его молодых, честолюбивых соратников. Кому же из них не хотелось биться, покрыв себя славой, а не красться в ночи по-воровски, чтобы прирезать сонного врага, словно свинью на бойне! Стать великим и отважным рыцарем было когда-то и его мечтой. Но в жизни, он знал, все совсем по-другому. Лишь с достойным нужно биться достойно, а подвергать опасности жизни своих людей из-за шайки бродяг он считал неразумным. Наверняка отец одобрит его решение. И все же.....

Думы не давали покоя. Нет, видно, в эту ночь ему так и не удастся уснуть. Юноша встал, предупредил часовых, что пройдет, и исчез в зарослях орешника.

Он вдыхал свежий ночной воздух, пахнувший травами и хранящий воспоминания о днях счастья и благоденствия, когда не было горя и смерти, а была лишь радость и нежная грусть. В темно-сапфировом небе парили звезды. Огромная, золотая луна плыла над самой землей, и в ее призрачном свете деревья отбрасывали на траву причудливые тени.

Вдруг в тишине этой волшебной ночи он услышал новый нарастающий звук – шум падающей воды. Водопады в этих местах – явление нередкое. Арандамарец пошел навстречу этому звуку. Неожиданно деревья перед ним расступились,

приглашая взглянуть на то, что раньше так ревниво укрывали от чужих глаз, и изумленный юноша увидел озеро. Оно было круглым, как чаша, выточенная в горной породе самим Великим Гримом, а наполнял эту чашу водопад. Несколько ручьев соединяли в нем свои воды, переплетаясь при падении. Звездный свет мерцал в струях, несущихся с горного уступа и падающих серебряным дождем, чтобы слиться с водами озера. Луна отражалась в черной, как небо, воде точно в центре круга. Блики ее скользили по темной глади, образуя золотую дорожку, ведущую к берегу.

Хаггар догадался, что в ночь Великого Полнолуния оказался у Зачарованного озера, о котором старики рассказывают сказки и которое воспевают в песнях и легендах менестрели. Немногие бывали здесь, и вот теперь ему, неизвестно за какие заслуги, выпала неслыханная удача. Но уж единицы видели то, чему оказался свидетелем старший сын правителя, ибо самым прекрасным и чудесным в эту ночь было не небо, не луна, зовущая к себе, не озеро – мечта поэтов Запада, а девушка, стоящая в центре озерного круга. Подняв руки к луне, она пела тихо и печально:

Ин мезрэс фульмонан натан

Моона, эов леотас гале.

Эовер сэлдик леоман

Мин алигтэ анд дреам гизэф.

Юноша смотрел на нее и все яснее понимал, что эта встре-

ча изменит его жизнь. Дева Озера! О ней он читал в старинных манускриптах, о ней бредили молодые мечтатели, тщетно пытаясь найти Зачарованные Воды. Да, она была прекрасна: легкая, стройная. Тяжелые черные косы спускались по спине к ногам. Ее обнаженное тело было укрыто лишь плащом тьмы. Единственным украшением девы были брызги воды – капли на волосах, на белоснежной коже сверкали золотом и серебром, вбирая свет луны и звезд.

Хаггар стоял, не шелохнувшись и почти не дыша. В его голове не было и мысли о том, чтобы выйти и заговорить с певуньей. Из старых сказаний он знал, что спугнуть Деву, помешать ей – значит навлечь на себя ее гнев, и тогда беды ждут нескромного, не сумевшего удержаться. Дослушав песню, тихо, так, чтобы не хрустнула ни одна веточка под ногами, он стал пробираться прочь от заповедного места. Отойдя достаточно далеко, побежал в сторону лагеря, а когда оказался на месте, заснул как убитый. На следующее утро арандамарец, вспоминая увиденное, не мог решить: сон то был или наяву привиделось ему озеро.

Отряд достиг западного берега без приключений и с почестями вошел в родной город. Взрослая жизнь Капитана захватила Хаггара. Заботы мешали остановиться, задуматься. Но иногда ночью приходила к нему Дева Озера и смеялась, и пела, и манила его к себе. После таких сновидений он бывал рассеян и задумчив. Время шло, дни летели незаметно, и некогда было думать о чудесах. Арандамар воевал, и вой-

на была жестокой и безнадежной. Дела насущные заставляли забыть о себе, о чувствах и надеждах. Но как вырывается из клетки зверь, долго томящийся в неволе, и уничтожает всякого, вставшего на его пути, так желания гордого человека, подавляемые его железной волей, с большей силой захватывают его, и уже нет сил им сопротивляться. Так произошло и с Хаггаром.

Через несколько лет непредсказуемая судьба воина вновь занесла его в заповедное место. Ночь Великого Полнолуния приближалась. И тогда Хаггар решился. “Будь что будет, но я хочу снова увидеть тебя, Волшебная Дева, и я поговорю с тобой, чего бы мне это ни стоило!” – думал он. Опытный разведчик, Хаггар устроил себе надежное убежище у самой воды и стал ждать полуночи. Сердце неустрашимого бойца этой ночью билось, как у пойманной птицы. Он не мог объяснить себе причину такого волнения. Кажется, в этом приключении ему ничто не угрожало, но чувство, что никогда в жизни не понадобится ему большего мужества и удачи, не покидало его.

Темнело. Но для Хаггара время словно замерло. Ладья Небесного Стража все не показывалась на небе. Бедный упрямец! Если бы это было в его силах, он взошел бы на небо и на руках вынес бы ночь из-за горизонта. Но она уже сама, вняв горячим мольбам всех влюбленных Срединного мира, сходила на землю, раскинув черный бархатный плащ.

Все звуки, кроме пения воды, умерли. Но вот среди на-

стороженной тишины чуткое ухо разведчика различило едва уловимый стук копыт стремительно скачущей лошади. Вскоре всадник показался в глубине аллеи из сплетенных верхними ветвями древних вязов. В следующий миг конь пронесся мимо замершего арандамарца и, взрыв влажную землю копытами, остановился у кромки воды. Он был прекрасен, словно легендарные кони Великого Охотника, тонконогий, атласно-черный, без седла и узды. Лишь серебряная звезда с вправленным в нее огромным алмазом висела на тонкой цепочке на могучей груди жеребца. Длинный хвост и косматая грива взметались черным вихрем. Но истинным его украшением была всадница в летящем плаще, словно сотканном из ночного воздуха. Вся она, с тяжелыми прядями темных волос, с огнями, мелькавшими в черных глазах, была воплощением Великой Ночи. Тогда зло и добро не привыкли еще сравнивать с тенью и светом, и лишь Единый мог смотреть на только что созданную им юную землю.

Всадница легко спрыгнула на землю, шепнула что-то на ухо коню, и тот, ласково ткнувшись храпом в плечо хозяйки, скрылся в лесу. Она же осталась наедине с озером, луной и ночью, как равная среди равных. Хаггар испугался. Все предания о коварстве лесной красавицы разом вспомнились ему, но он не жалел, что очутился здесь, и смотрел, не отрывая восхищенных глаз, на хрупкую девушку на берегу. Но вот луна достигла центра озера, и наблюдатель чуть не вскрикнул от изумления: Дева шла по воде. Она вскинула

руки, подняла глаза к желтой луне и запела странную песню. От песни этой хотелось грустить и радоваться, потому что печалью и любовью складывались ее строки. И, если приглядеться, было заметно, как лунный свет, льющийся с неба, словно облаком, окутывал девушку.

Песня кончилась. И вот уже озерная волшебница снова оказалась на берегу. Когда же она нагнулась за оставленным у самой воды плащом, с удивлением обнаружила, что тот скрыт под россыпью золотисто-белых, нежных цветков нифредили. Она выпрямилась, закуталась в черный шелк, огляделась, но, не заметив ничего особенного, тихо спросила, глядя в темноту широко открытыми глазами:

– Кто здесь?

– Не бойся, – ответил арандамарец и шагнул из укрытия на поляну. Девушка, казалось, не удивилась и не испугалась, только строго спросила:

– Как ты здесь оказался? Кто ты и зачем следил за мной? Ну же, отвечай, я жду! – И в глазах ее промелькнул огонек гнева.

– Не сердись, прекраснейшая из всех детей земли, не сердись, ибо на влюбленных нельзя сердиться! Пять лет назад увидел я тебя здесь, поющую свои печальные песни луне, и с того дня думы мои всегда с тобой. Ты приходишь ко мне во снах, беспокоя сердце, отнимая радость! Ты зовешь, и вот я снова здесь, но виновата в этом лишь ты, только свою красоту считай тому причиной!

Он говорил, как в бреду, лихорадочно блестящие глаза и хрипнувший голос выдавали необычное волнение, охватившее беднягу. Глубоко вздохнув, он продолжал:

– Я, Хаггар, старший сын правителя Номанатура, первый рыцарь и Капитан Цитадели великого королевства Арандамар, прошу твоей руки! Мне все равно, кто ты и откуда, стань моей женой и возлюбленной!

Она слушала его молча, внимательно глядя в его глаза, а затем ответила:

– Я слышала твои слова, Хаггар, и поняла, что речи твои – речи ребенка. Я не знаю, что такое Арандамар, и ничего не слышала о его Капитане. Что сделал ты такого, чтобы я смогла полюбить тебя? Ты герой, мудрец, чародей или великий король? Таких, как я, не завоевывают, выслеживая и подсматривая, таким бросают под ноги жизни и королевства! Однако, если ты не лжешь о своем чувстве, что же, я не отнимаю надежды. Но ты должен стать достойным моей любви. Мы поговорим, когда твоя юность сменится зрелостью, и в твоей власти сделать нашу следующую встречу скорой.

Она обернулась в сторону аллеи, тихо свистнула. Тотчас ее чудесный конь вылетел на поляну и остановился перед своей госпожой, всхрапывая и грозно кося глазом на незнакомца. Хаггар подошел, чтобы помочь девушке сесть на коня, и вздрогнул, когда почувствовал, как самая прекрасная в мире, маленькая, как у ребенка, ножка скользнула по его руке. Будто во сне, услышал он ее тихие прощальные слова:

– Ищи на Востоке.

И черный смерч унес его счастье.

С тех пор искал он свою любовь. И все поиски были тщетны. Восток – закрытая земля для Арандамара, чужая земля, земля Врага. Но недаром говорят люди: иди вдоль реки, выйдешь к морю. По сказкам, по небылицам, по слухам о волшебнице искал он дорогу к ней и нашел, почти потеряв надежду на встречу.

Мысли его путались, предутренняя мгла не рассеивалась, наоборот, сгущалась все больше. А может, это темнеет в глазах? С каждой минутой он чувствовал себя все хуже. Голова закружилась, и Хаггар стал терять чувство реальности. То ли сон, то ли беспмятство уносили его в темноту. Ему казалось, что комната наполняется шумными, смеющимися людьми. Они подходят к нему, шепчутся меж собой, а потом исчезают, растворяясь в воздухе. Чей-то мягкий, ласковый голос говорил странные слова. Нежные руки прикасались к нему... Видение вновь исчезало. Потом резкая боль во всем теле, невыносимая, вытягивающая душу, внезапно обрушивалась на него, и Хаггар кричал, не слыша собственного крика. Его отец Номанатур и брат Хэльмир появлялись и звали с собой. Но он не хотел с ними идти, пытаясь объяснить свое нежелание и не зная, как это сделать. А потом пришла озерная волшебница. Она смеялась, манила его рукой, звала, а когда он, обезумев от любви, ринулся к ней, ее прекрасное

лицо преобразилось, став холодным, белым слепком, и лишь темнели провалы глазниц, втягивая его в бездонную глубь, сулящую смерть. И Хаггар пытался убежать от кошмарного видения. Так он метался, теряя силы, сходя с ума, пока не ощутил, как на его лоб легла властная, прохладная ладонь, а потом в пересохший рот влили горячее, терпкое, пахнущее полынным полем питье. После этого юноша уже ничего не чувствовал. Он заснул крепко, спокойно, без сновидений.

Хаггар проснулся и тут же с радостью понял, что вчерашние мучения кончены, призраки исчезли. Теплый солнечный луч прокрался по одеялу к его руке, пригрелся на ладони. Арандамарец почувствовал, что сегодня силы вернулись к нему. Он попытался приподняться на подушках, и ему это удалось. Голова слегка кружилась, ныла рана, но ни усталости, ни тоски не было. Решив для начала как следует осмотреться, Хаггар, все же невольно морщась от боли, отдернул полог кровати и зажмурился от хлынувшего света. Но вскоре глаза привыкли, и он огляделся. Комната с высоким золоченым потолком была совсем небольшой. Оконные занавеси из точно такой же, как и полог, ткани отдернуты. Недалеко от постели, стоящей на возвышении, – столик и пара ореховых стульев. На одном из них, спиной к арандамарцу, сидел человек, одетый в черный просторный балахон, с длинными седыми волосами, заплетенными в косу и перехваченными легким серебряным обручем. Человек, видимо, углубился в

изучение свитков, в беспорядке лежащих на столике. Время от времени он качал головой, словно не одобряя прочитанного, но занятия своего не бросал. Арандамарец не знал, что делать: то ли окликнуть сидящего, то ли снова лечь и подождать, пока он не уйдет, а потом уже встать. Но ему не пришлось выбирать. Тихий, приятный голос произнес:

– Я рад приветствовать достойного рыцаря и счастлив, что смог помочь твоему выздоровлению.

Говоривший обернулся к Хаггару, отложил свиток и встал. Это был невысокого роста старик с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Однако, когда старец прошел к ложу, юноша удивился, до чего легка была его походка.

– Я вижу, ты почти здоров! Что ж, думаю, что сытный завтрак тебе не помешает. Позвони вот в этот колокольчик, и тебе все принесут.

Спокойная речь, умный взгляд выцветших серых глаз, легкая, приветливая улыбка – все в старце располагало к себе, внушало доверие, и Хаггар решился:

– Прости, почтенный незнакомец, но я хотел бы тебя кое о чем расспросить. К примеру, кто ты, где я нахожусь и что мне предстоит?

– О, это ты прости меня великодушно! – Старик огорченно развел руками. – Как же я забыл! Старость, старость. Сейчас я все тебе объясню. Вот уже третий день ты здесь, во дворце. Княгиня приказала отвести тебе эти покои. В них легко дышится, уличный шум не долетает сюда. Вчера ты

был в забытьи, бредил, но стараниями княгини и при моем недостойном участии опасность для тебя миновала. Теперь ты почти здоров.

– Что ты сказал, лекарь? Княгиня была здесь? – Щеки юноши запылали.

– О, не стыдись! Она превосходная целительница, и даже я, Главный лекарь Раэнора, личный врач княгини Элен, не могу с ней сравниться в искусстве врачевания. – При этих словах старик отвесил поклон, однако веселые искорки смеха зажглись в его глазах, морщинки в уголках рта дрогнули. Хаггару захотелось расспросить у симпатичного старика подробнее о княгине, но он не решился, а тот полушутливо продолжал:

– Да будет тебе известно, что сегодня утром Хаггар, рыцарь Арандамара, объявлен личным гостем княгини Элен, а стало быть, и всего Раэнора. Думаю, это приятная для тебя новость. Ну, мне пора. До встречи.

Он снова поклонился и бесшумно вышел, оставив арандамарца одного. Хаггар еще немного посидел, опершись на бесчисленные подушки, наслаждаясь покоем и тишиной, а потом решительно встал. Он поискал глазами свою одежду, но нигде ее не обнаружил.

– Ничего себе гостеприимство! Видно, мне придется весь день в постели проваляться или бродить по замку вот в этом, словно призрак Старого Дворецкого! – Он раздраженно дернул подол длинной, ниже колен, шелковой рубахи, неизвест-

но как на нем оказавшейся. – Ну надо же, бабьи тряпки напялили!

Изящная рубашка с богатым шитьем и впрямь казалась арандамарцу женской. Снова усевшись на кровать, он, накупившись, устался в пол, но потом вспомнил про колокольчик, что дал ему лекарь и что лежал теперь на постели рядом с его рукой, схватил его и позвонил. Мелодичный звон был совсем негромок, но дверь тут же отворилась, и на пороге показался пожилой мужчина с круглым, румяным, добродушным лицом, в нелепом цветном костюме. Он низко поклонился и почти пропел, так ласков был его голос:

– Господин рыцарь желает завтракать?

Но арандамарца не растрогала такая любезность. Он сердито пробурчал:

– Господин рыцарь желает одеться!

Человек ничуть не обиделся. Все так же улыбаясь, он заверил Хаггара:

– Сейчас, сейчас, господин рыцарь! – и выскользнул из комнаты.

Хаггар пожал плечами. “Сейчас, сейчас!” – передразнил он забавного чудака. Юноша спустился с возвышения, на котором стояла кровать, и, прохаживаясь по теплomu паркету, принялся разглядывать комнату более подробно.

Хаггар привык к строгой простоте гранитных залов дворца правителей. Яркая пышность убранства комнаты удивила его, начиная с мелочей вроде того же колокольчика или све-

тильников на стенах в виде дивных птиц с переливающимся разноцветным оперением и заканчивая потолком, на котором мастер-художник изобразил тех же птиц, сидящих на зеленых ветвях деревьев и кажущихся живыми. Становилось боязно, как бы не улетели они в широко открытые окна, потревоженные неосторожным движением. Хаггар, задрав голову, с восхищением следил, как переливаются в лучах восходящего солнца их перья. По стенам вверх тянулись зеленые плети плюща, карликового винограда и каких-то неизвестных арандамарцу растений с фиолетовыми бархатистыми гроздьями соцветий. Тонкие стебли колыхались, когда легкий ветерок залетал в комнату и играл с тканью занавесей на окнах. Но тут совершенно неожиданно за его спиной послышался короткий смешок. Арандамарец в мгновение ока повернулся и увидел рядом с собой девушку, скромно и опрятно одетую, с забранными под белое покрывало волосами, однако же совсем не смиренницу, судя по ее плутовскому личику и хитрющим темным глазам, которые она вперила в пол, едва ее взгляд встретился с грозным взглядом Хаггара.

– Ты что здесь делаешь? – Он шагнул вперед, и впрямь рассердившись на бесцеремонность.

– Но ведь ты сам позвонил в колокольчик, господин! Разве нет? – Она снова смотрела прямо ему в лицо, широко распахнув глаза.

– Звонил, но тебя не звал. – Хаггар все еще был хмур. Нелепый наряд заставил его покраснеть. Он не знал, куда

спрятать свои голые ноги, и не раз уже косился на необузданную постель – его спасительное убежище.

– Пожалуй, я снова лягу. Что-то нездоровится мне.

– Господин, я уже все приготовила для умывания! – И девушка показала на вместительный серебряный кувшин и полотенца, разложенные на скамье у стены.

– Да? А, ладно, польешь мне. – Он махнул рукой и направился к скамье, резонно решив, что девчонка и так будет смеяться, поэтому глупо стесняться и дальше.

Умывался он с удовольствием, фыркая, разбрызгивая воду, стараясь не обращать внимания на чувствительную боль в плече. Когда он обтерся пахнущим лавандой полотенцем, девица весьма проворно убрала следы его плесканий и вышла, не забыв напоследок поклониться. Холодная вода взбодрила, прогнав вялость. Усевшись в легкое плетеное кресло, он вытянул ноги и принялся ждать. Любопытно, чем его здесь удивят. Через миг в дверь снова постучали, и в комнату вошел все тот же мужчина. На этот раз он вернулся, почтительно держа на вытянутых руках, как показалось Хаггару, ворох разноцветных лоскутьев. Бережно разложив их на скамье, он выжидающе посмотрел на неподвижно сидящего арандамарца. Тот секунду помедлил, потом встал, подошел к скамье и воззрился на принесенное, а потом недоуменно спросил:

– Что это?

– Как что? Господин, это твоя одежда! – Мужчина был

удивлен не меньше его. Хаггар начал закипать. Запустив руку в легкие, скользящие ткани, он выудил первое, что ему попало – нечто, отдаленно напоминающее рубаху, из тончайшего белого полотна, с немыслимыми разрезами, расшитое золотом, с пуговицами из горного хрусталя, повертел, рассматривая, а потом, развернувшись, сунул под нос оторопевшему слуге:

– Ты что же, так до сих пор и не разглядел, что я мужчина? Что это такое? Где мой костюм, негодяй, где меч? Отвечай!

От его грозного крика служитель присел, румянец сошел с его лица, он испуганно глядел на бушующего арандамарца, а тот не унимался:

– Мало того, что обрядили невесть во что, так еще и потешаться надумали? У какой из здешних наглых кокеток ты это одолжил?

– Господин мой, у нас, в Раэноре, такое носят придворные кавалеры! – попытался было оправдаться служитель.

– А мне плевать, что тут у вас, в Раэноре! – в запальчивости крикнул Хаггар. – Неси мою одежду! Ну, живо!

– Но твой костюм сильно пострадал во время путешествия, боюсь... – слуга хотел продолжить увещевания, но, видя, как грозно сдвигаются брови рыцаря, поспешно закивал: – сейчас, сейчас, подожди минутку, – и кинулся из комнаты, однако быстро вернулся, неся одежду арандамарца. Хаггар ухмыльнулся, жестом выпроводил слугу, а сам расправил свой походный выдавший виды костюм и увидел по-

рез от меча, нанесшего ему рану, пятна высохшей и побуревшей крови. Да, он, видимо, погорячился, так настойчиво требуя его назад. Но теперь уже поздно. К тому же уж лучше так, чем в этих легкомысленных одеяниях. Встряхнув костюм, он попытался было придать ему более достойный вид, но понял, что не стоит стараться, быстро переоделся, все время косясь на дверь и морщась от боли. Напоследок арандамарец опоясался ремнем и прицепил к нему свой меч. Значит, прав лекарь, он гость здесь. Оглядев себя, Хаггар остался доволен. Ну вот теперь можно позавтракать.

Не успел он об этом подумать, как двери вновь распахнулись. Две женщины, одетые так же, как заходившая до них девушка, принесли подносы, заставленные серебряными тарелочками со всевозможной снедью. Улыбаясь Хаггару, они поставили подносы на стол и вышли. Изрядно подкрепившись, отдав должное искусству раэнорских кулинаров, арандамарец сидел и раздумывал, чем же теперь заняться, и уже хотел было встать, чтобы отправиться посмотреть дворец одному, раз уж о нем все забыли, но дверь снова открылась, и в комнату вошел все тот же старый лекарь, а из-за его спины выглядывал мальчуган лет шестнадцати.

– Я что здесь – вместо ярмарочного медведя? – беззлобно поинтересовался у старика Хаггар. – Ты еще не всем меня показал?

Лекарь нисколько не смутился. Обернувшись к мальчику, несколько оторопевшему от таких слов, он объяснил:

– Достойный рыцарь, я думаю, шутит.

Вновь обратившись к арандамарцу, старик продолжал:

– Этот юный отрок, именуемый Атни, легкомысленный, но весьма смысленный, покажет тебе дворец, город и все, что тебя заинтересует.

– Что, никого другого в провожатые не нашлось?

Лекарь пожал плечами:

– Господин, пойми и прости нас! Ты прибыл как раз накануне праздника. Все заняты последними приготовлениями.

– А госпожа?

– О, она занята более других. Ты как сын правителя и как будущий правитель должен знать, сколько сил и времени отнимает такое торжество. Но это отнюдь не значит, что о тебе забыли или пренебрегли тобой, вовсе нет. Сегодня вечером княгиня будет ждать тебя в своих покоях, чтобы вместе поужинать. Правда, если только я разрешу, ибо ни она, ни я вовсе не хотим, чтобы от усталости и беспокойства к тебе вернулась болезнь.

– Я здоров, лекарь, и мне лучше судить о том, готов ли я к встрече! – вскипел Хаггар.

– О, вижу, твой воинственный пыл вновь вернулся к тебе, рыцарь! Судя по тому, как загорелись гневом твои глаза, ты действительно на пути к выздоровлению. Что ж, вечером за тобой придут. К семи ударам колокола будь здесь, в своих покоях. Атни будет сопровождать тебя на прогулке.

– Без соглядатая можно?

– И вовсе я не согладатай! Пожалуйста, разреши мне идти с тобой! – набравшись храбрости, выпалил мальчуган, выскочив из-за спины старика. Хаггар удивленно улыбнулся:

– Неужели тебе хочется за мной таскаться? Ничего более занятного и полезного ты найти не можешь?

– Нет! Разреши, прошу! – мальчишка упрямо тряхнул темными кудрями.

– Что ж, раз ты так хочешь, пойдём. А пока подожди меня за дверью.

Атти, обрадованный тем, что добился своего, вышел. Хаггар обратился к лекарю:

– Ладно, старик. Ты хитер, но, чувствую, добр и мудр. Не найдется ли у тебя времени для беседы со мной?

В ответ лекарь улыбнулся и покачал головой:

– Сдается мне, доблестный витязь, не для бесед с пусть мудрым и добрым, но дряхлым стариком проделал ты путь, грозящий смертью. Или я неправ?

– Как знать, лекарь. – Хаггар стал серьезен. Его темно-серые глаза встретились с выцветшими, цвета ноябрьского льда, глазами старика. Тот не отвел взгляда. Прошло, казалось, несколько минут, прежде чем лекарь опустил глаза, подошел к арандамарцу, положил руку на его могучее плечо и произнес:

– Ты смел и благороден, юноша, душа твоя светла, сердце отважно, много сил в тебе. Что ж, я понял, что помыслы твои чисты и ты готов идти до конца. Таких мало. Но все же

хочу предостеречь тебя, пока не поздно: опасное дело затеял ты, очень опасное. Княгиня умна и коварна. Никогда еще любовь не обжигала ее сердце. Многие, многие достойные витязи пытались покорить ее гордую душу, но никому этого так и не удалось. У нас, в Раэноре, говорят, что вместо живого сердца в груди у госпожи алмаз, драгоценный, но безнадежно холодный. Поэтому берегись!

– Я понял тебя, старик! Благодарю за предупреждение, но твои увещевания опоздали на много лет. Я – рыцарь Арандамара и не привык бегать от смерти, так неужели же убою от любви?

– Иногда любовь страшнее смерти, рыцарь, иногда она приносит несчастья, зло, позор...

– Ну нет! Пусть зло, пусть беды, но не позор! Или я слаб? Или не сумею преодолеть препятствия, коими грозит мне судьба? Или холодная рыбья кровь выродившихся королевских потомков течет в моих жилах? Я ничего не боюсь! Говоришь, ее сердце – алмаз? Что ж, посмотрим, устоит ли он перед огнем моей души!

– Я рад, Хаггар, и если ты и впрямь поступишь так, как говоришь, я буду другом тебе, а это, поверь, не так уж и мало!

– Старик, мы, арандамарцы, уж если что-то говорим, то и делаем.

– Хорошо. Что ж, иди. Атни ждет тебя.

Хаггар поклонился лекарю и вышел из комнаты, оставив лекаря одного.

– Попытайся, мальчик. Только ты, может быть, еще можешь спасти ее, – произнес в раздумье старик.

Хаггар шел по открытым солнцу галереям дворца, вознесенным высоко над землей. Так тонки были каменные кружева перил, витые колонны, резные потолки, что казалось – дотронься, и растают они, словно белые облака в небе. Зелень лиан, толстыми коврами укутывающих стены, оставляла открытыми лишь оконные проемы, то забранные бронзовыми решетками, то украшенные витражами. Солнечный свет проникал повсюду, золотя безжизненный камень, делая его теплым, живым. Навстречу арандамарцу то и дело попадались несущиеся сломя голову дворцовые слуги, на ходу окликая мальчика – проводника Хаггара. Тот отвечал на приветствия, важно вышагивая рядом с гостем. Чинно проплывали мимо увешанные ожерельями из сверкающих и переливающихся на солнце самоцветов дамы в немислимых туалетах, настолько ярких, красочных, богато расшитых золотом и серебром, что у арандамарца с непривычки зарябило в глазах. Запах духов и благовоний кружил голову. Хаггар, привыкший к строгим, несколько суховатым канонам красоты Арандамара, удивленно провожал красавиц взглядами, в ответ получая взгляды не менее удивленные. Дамы недоумевали, где этот ненормальный мог отыскать такое рванье, в котором и нищему будет стыдно пройти по улице, как тако-го оборванца пустили во дворец, а не вышвырнули за воро-

та, посоветовав помыться для начала, и почему с ним этот мальчишка Атни, не сводящий с бродяги восхищенных глаз. Но не получая ответа на свои вопросы, дамы проходили мимо, задирая носы и презрительно фыркая, а арандамарец шествовал, насмешливо ухмыляясь и время от времени поправляя меч.

Внизу располагался сад, ступенями поднимающийся в горы. Из южной галереи, где находились Хаггар и Атни, открывался прекрасный вид: цветники, аллеи, роци на сером фоне гор. Судя по тому, что уже видел юноша, весь дворец утопал в зелени, и неизвестно, что было более прекрасным: творение рук, создавших Дол-Раэн, или живая красота растений. Фонтаны, ручейки, ключи, бившие из-под камней, искрились на солнце, затмевая блеск золота, серебра и самоцветов. Птицы с оперением столь же ярким, как наряды здешних женщин, щебетали, перелетая с ветки на ветку. В черных и белых мраморных бассейнах среди водорослей и лилий сновали стайки рыбок. Хаггар заметил, что среди душистых зарослей по дорожкам, выложенным черным полированным камнем, снуют садовники, поливая, подрезая, рыхля, ибо любая красота, а такая в особенности, требует ухода.

Когда арандамарец прошел южную галерею и вышел на восточную, картина сменилась, словно и не было волшебного сада. До высоких городских стен тянулись бесконечные белостенные дома, утопающие в зелени платанов. Дым под-

нимался из труб, слышались удары молота о наковальню, конское ржание, смех и шум голосов. Здесь трудились мастеровые, умельцы, чья работа была источником богатства страны.

Северная часть Дол-Раэна была парадной. От городских ворот к самому дворцу тянулась прямая дорога, вдоль которой росли пышные кусты роз, акаций, жасмина. Богатые дома с башенками и высокими шпилями приветливо блестели чистотой прозрачных оконных стекол. С дворцовой галереи красная, зеленая, коричневая черепица на крышах домов казалась искусно выложенной мозаикой. Флажки трепетали на легком теплом ветерке, доносившем до Хаггара звуки музыки.

Западная часть города пахла съестным: сдобой, вином, пряностями. Здесь толчея и гомон толпы заглушались высокими тополями, раскидистыми кленами и ясенями, укрывающими своей листвой бесконечные вереницы повозок, доставляющих к празднику провизию придворным поварам.

Обойдя дворец по тянущимся вдоль всего второго этажа галереям, Хаггар с Атни вернулись на северную сторону. Арандамарец с любопытством наблюдал, как по широкой лестнице, ведущей из дворца к внутренним воротам, сейчас почему-то закрытым деревянными щитами, спускаются и поднимаются люди: одни – степенно, важно, другие – почти бегом, не глядя по сторонам, третьи, и их было большинство, – весело насвистывая, прыгая по ступеням. Широ-

кий, мощный гладкими, словно зеркало, серыми плитами двор с высоты казался озером со свинцово-тяжелой водой, отражающей синее небо и белые облака. По двору проезжали всадники в развевающихся одеждах, с яркими лентами на шлемах. Кони горячатся, храпят, но всадники умелы и ловки, их сильные руки крепко держат поводья...

– Петухи бойцовые! – услышал вдруг Хаггар презрительный голос. Атни стоял рядом с ним и тоже смотрел вниз, на красавцев рыцарей. Заметив удивленный взгляд Хаггара, он пояснил:

– К чему им мечи и доспехи? Не знаю, довелось ли хоть одному из них сражаться по-настоящему. Думаю, что нет.

– Почему?

– Да потому, что у нас, в Раэноре, войн не бывает. Разве что на границах иногда случаются стычки с разбойниками. Или кочевники нападут. А здесь, в столице, они только меж собой ссоры затевают. Смешно смотреть! – Он немного помолчал, а потом робко спросил: – А скажи, ты был в бою?

– Зачем тебе, парень? – Хаггар усмехнулся, заметив как выжидающе замер мальчишка.

– Ну пожалуйста, ответь!

– Конечно, был! Сколько тебе сейчас?

– Шестнадцать, но скоро будет семнадцать.

– Мне было столько же, когда меня впервые взяли в поход.

– Эх, а я так вот и просижу здесь со всем этим бабьем!

Хаггару стало смешно, но он сдержался, подавив улыбку.

– Так ты, стало быть, хочешь стать воином?

– Да я мечтаю об этом! Мечтаю биться с врагом, летя на коне, видя рядом друзей, добывая победу мечом, а после боя сидеть у костра и петь о подвигах героев.

– А потом стать героем самому?

– И погибнуть в бою, пораженным в сердце.

Арандамарец слушал вдохновенную речь Атни, с грустью глядя в его еще совсем детское лицо. Так же мечтал и он, пока не понял, что война – тяжкий, грязный труд, приносящий лишь горе и смерть. Мальчик, не замечая его грусти, продолжал:

– Знаешь, я хочу сказать тебе кое-что. Только поклянись, что никому не расскажешь! – Атни, видимо, решился совершенно довериться Хаггару.

– Зачем клятва? Слово воина Арандамара стоит многих клятв. Ну, о чем ты хочешь мне поведать?

– Я убегу отсюда. Рано или поздно, но убегу!

– Вот это да! Куда же?

– К вам. Вступлю в дружину и буду сражаться за правителя.

– Почему именно к нам, Атни?

– Да просто мои предки были арандамарцы, давно-давно...

– Погоди-ка, а ты не путаешь?

Атни пожал плечами, удивляясь недоверчивости гостя:

– Нет, конечно! Здесь много таких семей, особенно рядом

со столицей. Из Серебряной Чаши, даже из-за Великой Реки. Им здесь спокойно, безопасно! Но я такого спокойствия не хочу. Уйду.

– И бросишь свой народ?

– Свой народ? – Атни удивленно поднял брови. – Но у меня нет своего народа. Мы беглецы. Кого же мне считать своим народом?

– Родичей, друзей, соседей, всех, живущих в этом благо-словенном краю, неважно, откуда бы вы все ни пришли сю-да. Только негодяи отвечают неблагодарностью за добро. Ты уйдешь, другие уйдут, а кто останется здесь, кто будет беречь эту красоту? – Хаггар развел руками, показывая на раски-нувшиеся за городскими стенами поля, сады.

– От кого беречь? Я ведь тебе сказал, у нас войн не бывает! Кому я здесь нужен!

– А вдруг все изменится? Вдруг, когда ты наконец-то решишь вернуться в Раэнор, чтобы увидеть отца и мать, най-дешь здесь только обгорелые развалины? Так часто бывает. Сможешь ты простить себя за то, что оставил, не уберег свой дом? За то, что, вместо того чтобы служить своей родине и защитить ее от беды, искал приключений в чужих землях? Сможешь простить себе предательство?

– Не знаю, – протянул Атни. Видно было, что парень рас-терялся. Его мечта рушилась, ибо доводы арандамарца были сильны.

– Подумай на досуге. А пока пойдем, побродим по дворцу.

Все равно еще рано, солнце едва перевалило за полдень.

Хаггар и Атни свернули в довольно узкий коридор. Их шаги гулко отдавались от низкого потолка. В тусклом свете светилен из полумрака проступали барельефы всадников на могучих конях, танцующих медведей, оленей с ветвистыми рогами, собак, пущенных по следу. Здесь было пустынно, тихо. С интересом поглядывая по сторонам, Хаггар не заметил, как они оказались во внутренних покоях замка. Мимо них засновали придворные с ворохами свитков под мышками. Чрезвычайно серьезные, они бросали на арандамарца рассеянные взгляды и пробегали дальше, словно и не поняв, кого только что увидели их глаза. Стайки девушек в развевающихся легких нарядах, с распущенными по плечам локонами порхали по коридорам, о чем-то оживленно беседуя, а увидя Хаггара, с любопытством оглядывали его с головы до ног. Атни гордо вышагивал рядом, счастливый оттого, что все вокруг смотрят на них, что вот идет суровый, отважный воин и он, Атни, вместе с ним. Он, задрав голову, свысока поглядывал на мальчишек-посыльных, останавливавшихся при виде их и провожавших арандамарца и Атни восхищенно-завистливыми взглядами. Видя это, Хаггар от души веселился.

Внутренние покои дворца поражали богатством и великолепием отделки. Потолки вновь ушли ввысь, и там, вверху, то сияло солнце, то тускло светила луна, то мерцали холодным, призрачным блеском звезды. Полупрозрачные колонны взметались к потолку, как струи воды в фонтанах. Бе-

лый, розовый и даже голубой мрамор с серебряными прожилками лучился мягким светом. Стены выложены мозаикой из драгоценных камней. Золотые птицы парят в бирюзовом небе, серебряные единороги скачут по изумрудной траве. Изящество, доходящее до вычурности, яркость, праздничность красок! Всюду свет, льющийся из тысяч светильен, от огромных в виде огромных драконов, изрыгающих пламя, до маленьких шариков-светлячков, разбросанных в листве растений. Цепкие кудрявые плети лиан с белыми, словно из снега, большими цветами, тянулись вверх, оплетая колонны. Изредка Хаггару удавалось увидеть двери, скрытые за пышными кустами роз.

Неожиданно они оказались в просторном зале с множеством высоких окон. Косо падающий на узорный паркет свет разбивался на тысячи брызг. В углах, скрытые тенью, уходили вверх винтовые лестницы. С потолка ледяными гирляндами свисали люстры из искрящегося хрусталя. Хаггару захотелось сверху взглянуть на чудесный паркет, и, легко взбежав по одной из лестниц, он оказался на хорах. Сверху зал был еще более красивым. Заглядевшись на изощренный узор, любуясь множеством оттенков дерева, от нежно-розового до иссиня-черного, юноша надолго задумался. Атни молча стоял рядом. Вдруг внизу раздался звук шагов, и арандамарец увидел княгиню. Она была не одна. Рядом с ней шел высокий мужчина в черных одеждах, которые украшала серебряная цепь да меч в посеребренных ножнах. Белое воз-

душное платье княгини казалось по сравнению с этой темной еще более ярким. Подойдя к окну, они тихо беседовали. Арандамарец видел, что нежная рука владычицы покоится в могучей руке неизвестного воина, лицо ее обращено к его лицу. Судя по тому, как склоняется его голова, воин слушает внимательно, время от времени указывая ей рукой на что-то там, во дворе, видимое только им двоим.

Хаггару стало не по себе. Уединенность места, тишина, ласковый голос и смех княгини, покорность витязя – разве могли оставаться сомнения? Наверняка это его соперник, и соперник более удачливый. Для беседы с ним у княгини нашлось время, а Хаггара она даже не навестила. Прислала какого-то хитрого старика, приставила мальчишку-соглядатая и отправила бродить по бесчисленным комнатам своего дворца, чтобы совсем заморочить ему голову. А он-то тоже хорош! Стоило пробиваться сквозь гиблые земли на виду у Тьмы ради того, чтобы быть выставленным на посмешище! Хаггару вспомнились издевательски-насмешливые взгляды, скользящие по его лицу, одежде. Конечно, он смешон всем им, разряженным, надушенным, обвешанным золотыми и алмазными побрякушками. Вычурные наряды раэнорцев, холеные лица, лукавые глаза, изящные даже у встреченных им мужчин руки, пальцы, униженные перстнями, длинные, завитые волосы, жесты, небрежные и в то же время жеманные! Красота слишком утонченная, чтобы проникать в душу, поражающая, вызывающая восхищение, но

не трогающая сердце. Зачем он здесь? Не лучше ли вернуться домой, туда, где он свой, где нужен? Может, прав лекарь, может, оставить ее одну среди ее нереальных садов, саму похожую на тепличный цветок?

Он думал так, а глаза его неотрывно следили за теми у окна. Вот она пожала руку воина, засмеялась, немного откинув голову. Волосы ее, закрученные толстыми жгутами, увитые золотыми нитями, шевельнулись, точно змеи. Воин в ответ склонил голову еще ниже, так, что его темные локоны коснулись ее обнаженной руки. Не в силах больше стоять и смотреть, Хаггар отпрянул от перил, неслышно спустился вниз и вышел из зала. Атни последовал за ним, а те двое так ничего и не заметили, увлеченные то ли разговором, то ли друг другом.

Обида клокотала в груди арандамарца. Он быстро шел, ничего и никого вокруг не видя. Следом бежал растерявшийся Атни. Он предпочел не задавать вопросов. Прохожие шарахались в стороны, уступая дорогу, а те, кто не успевал посторониться, отлетали, задетые могучим плечом. Глупец! Жалкий дурак! Он ругал себя, и гнев все жарче разгорался в его сердце. Не разбирая дороги, Хаггар летел до тех пор, пока не оказался в тупике. Очнувшись от приступа ярости, он огляделся. Вокруг никого не было, только Атни, запыхавшийся, красный, стоял рядом и тарасил на него круглые любопытные глаза.

– Ну что, дружище, устал? Слабоват ты, однако! – неук-

люже пошутил арандамарец, пытаясь скрыть смущение.

– Это без привычки, а так я ловкий! – хитро, понимающе улыбаясь, оправдывался мальчишка.

– Да ладно. Скажи-ка, где мы сейчас.

– Тут дальше хода нет. Проход заложили давным-давно.

– Что так?

– А, не знаю. – Атни отвернулся, делая вид, что чрезвычайно заинтересован лепными узорами на потолке.

– Ну, не хочешь говорить – не надо. Давай выбираться отсюда.

Они повернули и не спеша двинулись обратно. Вскоре Атни вывел Хаггара в людные залы, и опять засновали мимо спешащие придворные. Когда из просторных комнат они вышли в довольно узкий, с низким потолком переход, Хаггар заметил, что впереди люди останавливают суетливый бег, отходят к стенам, кого-то пропуская. Кто это был, арандамарец не мог видеть, пока толпа не расступилась совсем близко, и тогда прямо перед ним оказался (о небеса!) самый настоящий дверг! От неожиданности Хаггар на секунду растерялся, не зная, что делать. Он видел, как почтительно кланяются этому громиле, не очень высокому, но чрезвычайно широкому в плечах, с огромными длинными ручищами и короткими кривыми ногами. На нем не было ни шелков, ни золотых блесток. Одежда из грубой прочной ткани, кожаная куртка, поверх которой, как влитая, сидела кольчуга. Кривой ятаган висел на поясе. Свиренное лицо дверга с угрюмым, ужас-

ным ртом было сумрачно, его маленькие, темные, с красными прожилками глазки впились в лицо арандамарца. На миг остановившись, удивленно шевельнув косматыми бровями, дверг двинулся к Хаггару, тяжело ступая грубыми коваными сапогами по узорному полу. Каждый шаг его эхом отдавался под сводами перехода. Люди смолкли. Атни опасно отодвинулся к стене. Мгновенно выхватив из ножен меч, арандамарец спокойно ждал. Что ж, не раз приходилось ему биться с этими тварями, чего же бояться теперь! Но дверг совсем не собирался нападать на него. Еще издали, заметив воинственный настрой гостя, он хрипло прорычал:

– Ага, значит, это ты – тот парень из Арандамара! Ну-ну. Ловок ты, братец! И как это мои ребята не углядели тебя на границе? Я на тебя очень зол. – Он осклабился, показывая крепкие клыки, и продолжал: – Княгиня мне такой нагоняй из-за тебя устроила! Но ничего, в следующий раз берегись, мы будем наготове и встретим, как надо. – Хмыкнув, дверг еще раз оглядел арандамарца и прошествовал мимо, провожаемый подобострастными поклонами. Но как только он скрылся, все снова засуетились, побежали, загалдели. Хаггар отыскал глазами Атни и спросил его:

– Слушай, я что-то не понял! Это же был дверг! Во дворце – настоящий дверг! Что это значит?

– Как что? Да ничего. Конечно, это двер, самый настоящий. Это капитан Западного гарнизона, знаменитый герой Дарк! Он недавно с отрядом всего из пятидесяти погранич-

ников отразил нападение целой орды кочевников. Эх, вот настоящий воин! Попасть бы к нему в отряд!

Хаггар, слушая эти слова, начал думать, что ребенок не в себе. Стремиться в отряд к двергу!

– Что же ты не попросишься? – мягко спросил он.

Теперь Атни взглянул на него с состраданием.

– Я же человек! Люди могут, конечно, стать воинами. Вон как эти столбы, стоять днями и ночами напролет и глазеть на толпу, – он презрительно кивнул на стражей у дверей, мимо которых они проходили. – Есть еще, правда, отряд разведчиков Велемира, но туда и вовсе не пробиться. Эх, быть бы мне двергом!

– Братец, да ты рехнулся! Ты понимаешь, о чем говоришь?

– А что? У нас многие завидуют им, все мои друзья – так уж точно.

– Да они же служат Морну! Это наши заклятые враги! Ты сам говорил, что хочешь сбежать в Арандамар, к правителю, и тут же хочешь быть двергом!

– Ну и что! Это, может, тамошние, из-за гор, злые, а наши, раэморские, особенные. Отец говорит, что от двергов у них только название и осталось.

– Да, интересная у вас страна!

Атни огрызнулся:

– Страна – лучше всяких других!

Хаггар понял, что спорить с мальчишкой бесполезно.

– Ладно, успокойся. Ни к чему ссориться из-за какого-то

дверга.

В ответ Атни лишь пожал плечами, и дальше они шли молча. Под конец путешествия Хаггар был уже рад снова оказаться в своих покоях. Рана ныла, и арандамарец чувствовал, как снова начала сочиться кровь. Усевшись в кресло, он, поблагодарив, отпустил Атни и так, полулежа, сидел без движения, ленив даже протянуть руку и позвонить в колокольчик, чтобы принесли обед.

Глава 2

ЛЕГЕНДА О ЦАРИЦЕ И ЗВЕЗДОЧЕТЕ

Лежа в постели, Элен наслаждалась тишиной. Еще несколько дней, и кончится этот ежегодный кавардак под названием Аэрэлин.

– О, скорее бы меня оставили в покое! – раздалось ее сонное мурлыканье. Было еще очень рано. Дворец спал. Только внизу, в городе, слышались звуки пробуждения. Она свернулась в клубок, натянула на голову одеяло и снова задремала. Княгиня любила просыпаться рано, когда предутренние сумерки еще царят над землей, и снова засыпать, радуясь мнимой свободе. Но на этот раз вышло по-другому. Сквозь дремоту она услышала, как почти бесшумно приоткрылась дверь. Тихие, осторожные шаги прошелестели по пушистым коврам, не пропускающий свет тяжелый полог кровати отдернулся, и хорошо знакомый голос произнес:

– Госпожа, прости, но ты должна встать.

– Ничего не слышу, ничего не вижу, оставьте меня, я сплю, – пробурчала она, еще глубже зарываясь в ворох атласных подушек и одеял. Но пришедший был настойчив:

– Ты рассердишься, если я не настою на своем! Пленнику стало хуже и, если не поторопиться, он умрет.

– Неужели так серьезно, Дию?

– Еще несколько минут, и, думаю, уже ничего нельзя будет сделать.

Наконец до нее дошел смысл сказанного. Нахмурившись, Элен решительно приказала:

– Беги к нему. Да живее! – Тревога все более овладевала княгиней. Дию быстро вышел, а она вскочила с постели, забыв о туфлях, набросила на плечи первый попавшийся плащ, плеснула в лицо воды и, оттолкнув появившуюся в дверях привлеченную шумом служанку, почти бегом поспешила в покои гостя. К счастью, они находились совсем рядом. Стоило только пройти немного направо, и за поворотом показались белые резные двери. Не замедляя шага, Элен ворвалась в комнату, куда еще вчера принесли раненого. В тусклом предутреннем свете очертания предметов расплывались и тени зловеще залегли в углах. У ложа, на котором без движения лежал чужеземец, стоял Дию и, держа бессильную руку больного в своей ладони, отсчитывал пульс. Обернувшись на шум, он поджал губы и, покачав головой, вздохнул. Элен заметила, как устал, осунулся и словно еще больше постарел за ночь лекарь.

Склонившись над раненым, княгиня заглянула ему в лицо: безнадежно бледное, глаза закрыты, черные тени под длинными ресницами. Он, похоже, уже уходил в Страну Мертвых. Опоздала – отчаянная мысль пронеслась в голове Элен, но усилием воли она подавила растерянность и сосредоточилась. Не раз приходилось ей врачевать уже, казалось,

совсем безнадежных больных, возвращая им жизнь, но сейчас незнакомое, трепетное волнение охватило ее сердце, лишая душевного покоя. Дию с нарастающей тревогой следил за госпожой. Время шло. Пролетал час за часом. Старый лекарь уже слышал усиливающийся гул охватившей город привычной утренней суеты. Яркое солнце заглянуло в окна, а княгиня все так же без движения сидела рядом с арандамарцем, устремив на его лицо уже, казалось, невидящий взгляд и держа его холодеющие ладони в своих руках. Несколько раз дверь в комнату открывалась, показывались чьи-то лица. Не шевелясь, она прохрипела:

– Встань у дверей и никого не впускай!

Лекарь тотчас повиновался. Он не на шутку испугался. Такой свою госпожу Дию никогда не видел. С ужасом смотрел он, как краска жизни сходит и с ее лица, как мрачнеют глаза Элен, и словно тысячи молний сверкают в их бездонной глубине. Она отдавала свою силу странному человеку, пришедшему к ней издалека, а он не хотел ее принимать. Долго, мучительно долго тянулось время. Дию начинало казаться, что много дней сидят они здесь, а ведь колокол только пробил четыре раза. Наконец княгиня пошевелинулась. Тотчас востропелся и Дию:

– Ну, как?

Ее белое восковое лицо не дрогнуло. Глаза словно не видели его, голос был тих и хрипл:

– Знай, лекарь, если он умрет, открытием праздника будет

твоя казнь. Почему ты не позвал меня раньше?

А потом встала, спустилась к оторопевшему врачу и уже обычным, не терпящим возражения, голосом произнесла:

– Готовь чашу. У нас осталось последнее средство.

Поняв, о чем она говорит, старый лекарь отшатнулся:

– Только не это, госпожа, пожалей себя!

– Молчи! Чашу, Дию! Мне уже все равно.

Старик еще раз с мольбой взглянул в ее лицо, но понял, что все слова бесполезны. С трясущимися от страха и волнения руками он стал готовиться к таинству. Зажигал огонь в маленькой жаровне, ставил на него литой золотой сосуд, из разноцветных хрустальных баночек сыпал в него порошки, пока княгиня не отстранила его рукой:

– Теперь я сама.

Дию молча поклонился ей и бесшумно отошел к стене, не в силах оторвать взгляд от ее измученного лица. Элен сыпала в чашу травы, вливала соки одной ей ведомых растений, осторожно перемешивая серебряной ложечкой, шептала давно забытые людьми слова древних заклятий. Огонь в жаровне разгорался, но пламя его лишилось теплого ярко-желтого цвета, побледнело, будто выцвело. Забурлила жидкость в золотой чаше, наполняя комнату резким, терпким запахом. Вдохнув его, зашевелился на ложе больной. Тихий, жалобный стон прозвучал в тишине, и княгиня вздрогнула, услышав его. Все сумрачнее становилось ее лицо. Ми-

нуты текли, будто капли влаги с ее длинных пальцев. Наконец Элен взяла со столика полую серебряную иглу, откинула легкую ткань рукава, обнажив левую руку до локтя, и резким движением вогнала острие в голубую вену. Кровь показалась почти мгновенно. Первая темная, тяжелая капля упала в кипящий отвар, и, как только это произошло, в комнате резко потемнело, солнце исчезло. Фигура княгини стала вдруг очень отчетливой, тень за ее спиной выросла, словно раскинулись гигантские темные крылья, заполнив собой всю комнату, поглотив и свет, и звуки. Раненый хрипло закричал, заметался, разрывая на груди рубашку, сбрасывая с постели одеяла и подушки. Кровь капала в сосуд. Ужас клубился в комнате черным дымом, не давая дышать. Казалось, неукротимая ярость вселилась в напиток, он забурлил, заклокотал, разбрасывая огненные брызги. Засвистел пронзительный ветер. Тень пронеслась за окном. Леденящий души крик услышал безмятежный город и замер в ужасе, вспомнив былое. В наступившей затем мертвой тишине уже неживой голос читал заклинание:

Риквизендай аброс, гахаусъит!

Флокандс,

Мид афтумин венайс

Извара бидде биандсталд!

Как только замерло последнее слово, огонь потух. Страш-

ный сон кончился. Страхнув с себя оцепенение, опомнился Дию. Мрачные тени бесследно исчезли, вновь согревало воздух уже неяркое вечернее солнце. Над золотой чашей в задумчивости стояла княгиня, такая усталая, словно не день провела она здесь, а десятки бессонных, тревожных ночей. У нее не было сил говорить, лишь еле слышный шепот:

– Подойди к нему, Дию, и приподними голову. Он должен это выпить.

Лекарь повиновался, осторожно приподнял голову арандамарца, снова погрузившегося в забытье. Элен налила в маленькую чашечку черную тягучую влагу, поднесла ко рту больного и осторожно, каплю за каплей, влила в пересохшее горло. Он содрогнулся, словно от ожога, дернулся, закинув голову, застонал, но через минуту успокоился, и по ясному, тихому дыханию Элен поняла, что он заснул. Посидев еще немного у его ложа, она встала, но, пошатнувшись, еле устояла на ногах. Все плыло у нее перед глазами. Дию кинулся на помощь, но княгиня отстранила его, твердо сказав:

– Оставь меня. Я хочу быть одна.

Она медленно шла обратно, к себе в покои, не отвечая на приветствия, провожаемая испуганными взглядами. Дию брел следом, тоже еле переставляя ноги, и казалось, что оба они, и госпожа, и ее верный слуга, видели нечто такое, что навсегда заставит их забыть о радости.

Распахнув двери в спальню и оставив их открытыми настежь, Элен, не взглянув на застывших в почтительных по-

клонах служанок, дошла до кровати и, совершенно обессиленная, повалилась на нее ничком, чтобы тут же провалиться в сон. Дню прикрыл двери, отослал прислугу, подозвал двух стражников и приказал:

– Никого не впускать к княгине, пока она не проснется. Слышали? Никого! Иначе головы снимаю!

Молодцы почтительно вытянулись перед стариком, которого не только любили и уважали за доброту и великие знания, но и порядком побаивались.

Элен очнулась, когда в темнеющей синеве неба уже зажигались звезды. Морщась от ужасной головной боли, она все же нашла в себе силы подняться. Ее знобило. Усталость накопилась во всем теле, неприятная, раздражающая слабость охватывала истомой. Пошатываясь, она добрела до дверей, приоткрыла их и еле слышно приказала:

– Где служанки? Найти Фреагора и привести ко мне.

Все, словно ждали этих слов, засуетились, заволновались вокруг госпожи. Вскоре к княгине вошел Фреагор. Отвешивая на ходу бесчисленные ритуальные поклоны, им же самим и выдуманные, чтобы мучить себя и придворных, с привычной просяще-обожающей улыбкой на лице он наконец-то подошел к ней. Элен удивилась: вместо обычной веселой жалости сегодня церемонимейстер вызывал в ней злое недовольство. Ей вдруг захотелось закричать на него, выгнать, как побитую собаку. Но вместо этого она заставила себя приветли-

во, почти ласково улыбнуться и тихо сказала:

– Я рада тебя видеть. Хоть время теперь для визитов довольно позднее, все же я никак не могу обойтись без беседы с тобой.

При этих словах на лице Фреагора разлилось блаженство. Отвесив пару изысканных поклонов, он ответил:

– О, госпожа сегодня чрезвычайно добра к своему бедному слуге!

– А разве я когда-нибудь бываю зла к тебе? – Улыбка исчезла с лица княгини.

– Нет, о великодушная! – Фреагор в испуге отодвинулся.

– То-то же! Я призвала тебя по срочному делу, дружок. Через час на всех перекрестках Дол-Раэна, а затем и по всему Раэнору герольды должны протрубить и возвестить о том, что Хаггар, рыцарь Арандамара, является нашим гостем и другом.

При этих словах Фреагор решительно затряс головой:

– Это невозможно!

– Не говори глупостей!

– Это невозможно, госпожа! – упрямо настаивал на своем церемонимейстер.

– Почему же? – Она еще сдерживалась.

– Как почему? Над нами же будут смеяться! Кто он, этот Хаггар, чтобы быть гостем самой княгини? Грубый, неотесанный мужлан!

– Он сын правителя.

– Госпожа, он не из рода королей! В его жилах нет ни капли благородной крови! – Нескрываемое презрение звучало в голосе Фреагора. – Ты и сама знаешь, арандамарские вояки повсюду славятся буйным нравом, необузданностью страстей, жестокостью...

– Замолчи, Фреагор, – тихо попросила княгиня.

– Я видел вчера, как взволнована ты была, когда шла рядом с носилками, на которых развалился этот грубиян. Напрасно! Говорят, на таких молодцах все заживает, как на собаках. Я уверен, что сейчас наш герой бродит по коридорам дворца и высматривает хорошеньких служанок, на которых наверняка падок.

Он все более вдохновлялся, совершенно не замечая, как темнеют, наливаясь гневом, глаза госпожи.

– Да и что за нужда в подобной спешке? Подумай сама, как объяснишь ты Совету появление в Раэноре этого выскочки! Но Совет – это еще не так страшно. А Морн? Что будет, когда тот узнает, откуда этот бродяга? Как вся эта история не к месту! Ведь уже прибывают первые посольства. А может быть, он и вовсе шпион, подсланный своим хитрым отцом...

Церемонимейстер увлекся, расписывая недостатки пришельца, но тут грозный окрик заставил его, вздрогнув, замолкнуть на полуслове:

– Вон, и если через час я не услышу труб герольдов, ты пожалеешь о том, что родился! – Княгиня встала. Ее лицо

горело гневом, ярость полыхала в глазах.

Фреагор на секунду замер. Он никогда не видел обожаемую госпожу такой, а потом попятился к двери, развернулся и выскочил из комнаты, а вслед ему неслось:

– Вон, шут! Уберите его! – Рука княгини шарила по столу в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы запустить вслед обезумевшему от страха, убегающему слуге. Дверь за ним закрылась. Никто больше не решался беспокоить госпожу. Оставшись одна, Элен снова опустилась в кресло. Гнев спал. Она не могла понять, что вывело ее из равновесия. Княгиня не узнавала себя. Откуда эта злость на несчастного болвана? Элен была словно больна со вчерашнего вечера. Обычное спокойствие и уверенность в себе ушли. Она устала, бесконечно устала! И совершенно неожиданно для себя впервые за много лет княгиня горько заплакала.

Дию не спалось. Мешали мысли и предчувствия, одни мрачнее других. Он долго ворочался с боку на бок на своей старой, скрипучей кровати, которую отказывался поменять на новую, отшучиваясь:

– Да вы что, братцы! Она знает все мои тайные мысли и секреты, а без присмотра может их разболтать. К тому же какие хорошие сны приходят ко мне под ее задушевный скрип!

Наконец он встал, посидел еще немного в кресле, зажег светильник, попытался читать, но беспокойство не оставляло. Накинув мантию, лекарь решительно вышел из спаль-

ни и направился к покоям арандамарца. Осторожно открыв дверь, он вошел, немного постоял, привыкая к темноте после ярко освещенных коридоров, а когда усталые глаза начали различать контуры предметов, двинулся к ложу. Бесшумно откинув тяжелый полог, Дию прислушался к ровному, тихому дыханию спящего. Что же, не Хаггар вызвал в нем все нарастающее чувство тревоги. Так же тихо, как и вошел, лекарь вышел из его покоев и поспешил совсем в другом направлении. Он шел по переходам, сворачивал в арки, поднимался и спускался по широким мраморным лестницам. Вокруг было пусто, ни души. Наконец он дошел до Дубового коридора. Стараясь идти бесшумно, миновал его и оказался в Сторожевой башне. Здесь, в отличие от залитого светом дворца, не было ни огонька. Тишину нарушал ветер, шелестящий в листьях дикого винограда. Тусклый свет звезд лился на ступени. Дию казалось, что башня – облако белого тумана и сейчас растает в ночном небе, так необычно выглядела она теперь.

Поглядывая вверх, он поднимался по бесчисленным ступеням, и тревога его все возрастала. Дию чувствовал опасность, нависшую над этим местом. Последние ступени были самыми трудными, но он преодолел и их, выйдя на площадку, открытую всем ветрам. Княгиня была здесь, стояла спиной к нему, одной рукой держась за хрупкие перила, подавшись всем телом вперед, всматриваясь в ясное звездное небо на севере. Она что-то шептала, но старик не мог разобрать слов. Превозмогая неловкость, Дию еле слышно позвал:

– Госпожа!

Элен резко обернулась, рискуя потерять равновесие. Ее волосы, освобожденные от лент и украшений, черной волной всколыхнулись за спиной. Но увидев, что это старый лекарь, княгиня разочарованно вздохнула:

– А, это ты! Зачем ты здесь? Почему не спишь?

Вместо ответа Дию с опасением проворчал:

– Госпожа, отойди от перил. Ты неосторожна и можешь упасть.

Она рассмеялась, услышав его слова:

– И что же? Ты думаешь, что я разобьюсь о камни мостовой? Нет, Дию, с моим непобедимым упрямством я буду падать не вниз, а вверх, и раздосадованным богам придется даровать мне крылья, чтобы хоть как-то скрыть свою беспомощность!

– Ты шутишь, княгиня. Я рад этому.

– Но все же, почему ты пришел? – Элен вновь стала серьезной.

– Я боюсь за тебя, госпожа. Вижу, боль возвращается снова. Скажи, для чего ты здесь? – мягко спросил лекарь. Она, отвернувшись, помолчала немного, потом, решившись, снова посмотрела ему в лицо:

– Я жду его.

– Зачем?

– Не знаю, Дию, не знаю! Но я жду. Не могу так больше. Он нужен мне, слышишь? Сегодня, творя заклинания, я бы-

ла уверена, что он услышит меня и поймет мою тоску. Но вот уже и половина ночи прошла, а его все нет.

– И не будет, княгиня. Слава богам, не будет ни сегодня, ни завтра, ни в другой день. Ты же знаешь, он оставил и тебя, и эту страну, чтобы никогда не возвращаться.

– А я все жду.

Немного помолчав, Дию решился возобновить разговор:

– Ты уверена, что только это – причина тоски? – И снова внимательно взглянул в лицо княгини. Что-то дрогнуло в глубине ее глаз. Дию с изумлением увидел, как покрылись нежным румянцем ее щеки. Всплеснув руками, она растерянно прошептала:

– Не знаю, – но тут же справилась с собой и уже бесстрастно продолжила: – Если ты думаешь, друг мой, об этом мальчике из Арандамара, то глубоко ошибаешься. Он же еще совсем ребенок! Да и Фреагор открыл мне глаза на многие его достоинства. Нет, о нем, да и о ком-либо другом и речи быть не может. Или ты забыл о проклятье нашего рода?

Дию грустно улыбнулся:

– Не пытайся обмануть ни себя, ни меня, госпожа. Я слишком стар и слишком хорошо тебя знаю. Княгиня Элен не из тех, кто боится древних сказок. Проклятье – что оно для тебя! Да, думаю, ты ничего не боишься.

– С чего это ты так решил?

– Отчаявшимся неведом страх. Мое сердце разрывает жалость к тебе! Такая прекрасная, гордая, мудрая и такая оди-

нокая, навсегда одинокая.

– Оставь свою жалость себе, старик! – резко прервала его Элен. – И не воображай, что то, о чем ты тут наговорил, – правда. Знаешь, зачем мне нужен арандамарец, этот мальчишка-ветрогон? С его помощью я хочу добраться до Номанатура, его отца, и осуществить давнюю мечту: проникнуть в хранилища мудрости Вальбарда.

Она вдохновенно рисовала перед лекарем свои планы относительно Арандамара. Он же смотрел на нее с грустью, согласно кивал и думал, что глупо и бесполезно будить в этом застывшем сердце чувства, что она могла бы еще спастись, но спасение это упорно отвергает, а он, Дию, ничем не может помочь ей, хотя страстно этого желает. Удрученно вздохнув, старик тихо произнес:

– Госпожа, я устал. Прости за глупость. Я понял свою ошибку.

Она удивленно уставилась на него, но тут же, улыбнувшись, кивнула. Лекарь повернулся и пошел к лестнице, но, уже спускаясь, обернулся к ней и спросил:

– Может быть, госпожа, ты пойдешь со мной?

– Нет, Дию, я буду ждать.

Старик побрел вниз. Вскоре стихли его медленные шаги. Элен снова была одна. Опять подойдя к перилам, она подняла лицо к звездам.

Следующий день начался спокойно. Дию сообщил княги-

не, что гость встал и чувствует себя настолько бодрым, что, вопреки советам лекаря, отправился бродить по дворцу, но сначала для порядка устроил хорошую взбучку слугам. Элен посмеивалась, слушая.

– Но это же невозможно, Дию! Он, оказывается, упрямец и скандалист!

– Ничего не поделаешь, княгиня. Он наш гость, и нам придется смириться.

Едва дождавшись ухода лекаря, придворные предстали перед княгиней в надежде уладить перед праздником последние заминки и недоразумения. Незаметно подошло время Совета. Колокол пробил пять раз. С последним ударом княгиня вошла в зал заседаний Совета Раэнора. С балкона она спустилась вниз по изгибающейся легкой лестнице. Ее ступени укрывал ковер под цвет серебристых перил, постеленный во избежание падений: не так давно один престарелый советник поскользнулся на полированном камне и разбился насмерть, пересчитав все ступени хребтом. Зал Совета был большим, светлым, с высоким потолком, по граням сводов которого разбегались серебряные линии, то скрещивающиеся, то вновь расходящиеся. Вход в зал был отдельным, через тайный коридор, идущий прямо над внешней галереей. Советники были уже здесь. Они сидели на длинных деревянных скамьях, сиденья и спинки которых были обиты темно-серой тисненой кожей, каждый на своем излюбленном месте, и о чем-то горячо спорили. Скамьи располагались

двумя рядами около небольшого возвышения. На нем стоял трон из черного дерева с резной спинкой в виде двух дерущихся драконов, с подлокотниками и ножками – драконьими лапами. Светло-серые стены, жемчужный потолок, темно-серый ковер на полу – все оттенки серого были использованы в отделке, и только иногда – вкрапления белого и черного. Серый Совет – так называла княгиня двенадцать своих помощников. Спускаясь к ним по лестнице, она легко хлопала рукой по перилам, и этот тихий звук был услышан. Тотчас же спор прекратился. Все встали со своих мест и, почтительно склонив головы, ждали, пока она медленно пройдет меж рядами скамей, шелестя воздушными белыми одеждами и наполняя воздух ароматом духов, взойдет на возвышение и, обернувшись к ним, ответит на их молчаливое приветствие легким кивком головы, полуулыбкой. Заняв трон, княгиня произнесла:

– Приветствую вас, друзья мои, садитесь, прошу. Давно мы не собирались вместе, вот уж скоро неделя пройдет. Наверное, великое множество новостей накопилось за это время.

Советники сели, принялись раскладывать принесенные свитки, а Элен продолжала:

– Почтенный Мэллор так настаивал на нашей встрече, что, несмотря на неотложные дела, сыплющиеся на мою бедную голову, я все же сумела прийти сюда. Ну, кто первый сообщит мне о делах, поражающих своей срочностью?

Выждав секунду, со своего места поднялся Мэллор, спокойный, весьма умный молодой человек, мастер улаживать ссоры и споры. На него княгиня возлагала особые надежды, видя, как легко он справляется с делами. Мэллор вновь почтительно ей поклонился и начал речь, очаровывая мягкостью голоса:

– Мы поняли шутку, княгиня. Но, даже шутя, ты умеешь угадывать истину. Да, несомненно, дела не терпят отлагательств. Позволь Диору высказаться.

– Конечно. Диор, друг мой, я слушаю тебя!

Советник, крякнув, неторопливо поднялся, и Элен вновь изумилась, до чего же он похож на грима. Диор и горы знал, и любил так же страстно, как они, поэтому ведал горнорудными работами. Хмурое выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Откашлявшись, хриплым голосом он начал:

– Госпожа, дела плохи! Мы только что закончили вырубку новой штольни. Жила обещала быть богатой. Но вчера днем пришли дурные вести – вода просачивается неизвестно откуда. Видимо, задели удерживающий слой, он разрушился, и сейчас никто не знает, до какого уровня затопит штреки.

– Значит, мы не получим руду до конца лета? – взволнованно спросил Арафант, которого это касалось непосредственно – он был главой оружейников Раэнора.

– До конца лета? – переспросил Диор. – Да ты в уме? Там работы непечатый край! К зиме бы управиться!

– Если и дальше так возиться, вы и к концу переселения не управитесь! – вспылил Арафант.

– Тише, друзья, тише! – Княгиня не любила эти перепалки. Ей хотелось, чтобы мир и согласие царили в Совете. Но хочется нам одного, а выходит подчас совсем другое. Вот и теперь, не слушая ее, советники заспорили. Ни один не желал уступать, каждый был уверен в своей правоте. Наконец, после того как со всех сторон спорщиков стали дергать за одежду и негодующе шептать, они опомнились, замолкли, и Арафант, красный от гнева, снова уселся на свое место, бросая недобрые взгляды на Диора. Тот, устыдившись неуместной горячности, смущенно пробормотал, опустив голову:

– Прости, княгиня! Но трудно сдержаться, когда те, кто ничего в моем деле не понимает, а годится только огонь в горниле разводить, суются решать вопросы, которые выше их скудного ума, да еще имеют наглость упрекать!

– Успокойся, Диор, я поняла твой намек и ни с упреками, ни с советами не поспешу. Позволь лишь спросить, на какой срок мы можем надеяться?

– Мы делаем все, что возможно, госпожа! Может, уйдет дней десять, прежде чем я смогу ответить, будет ли руда.

– Хорошо, а что с золотом?

– Моют исправно. Правда, самородки появляются все реже, но песок идет неплохо.

– Я рада. Что еще?

– Кажется, пока больше ничего серьезного.

– Госпожа, я бы хотел предупредить тебя, – не дожидаясь, пока Диор сядет, вскочив, выпалил Арафант, – оружия, заказанного Таргоном, не будет.

– Что, что ты говоришь? – подал голос обеспокоенный не на шутку Таргон, ведающий торговлей с Восточной степью, понимающий множество их языков и прекрасно знающий обычаи и нравы тех народов. – Это невозможно! Мы же обещали бэлистанцам сабли, щиты, кольчуги! Караван уже прибыл! Завтра после приема я должен буду передать обещанное послу, а что я скажу ему вместо этого? Да он мне голову снесет!

– Я не виноват! – рявкнул в ответ Арафант. – Вот у него спроси! – Он ткнул в Диора пальцем. – Хвастун! Кто трубил весь год: будет руда, будет руда весной! И что? Затопило штольни. Хорошо, хоть не обрушило!

– При чем здесь новая штольня? – взревел, снова вскочив, Диор. – Если завтра отдавать заказ, значит, он уже должен быть готов! Не сваливай на меня свою нерасторопность!

Арафант только искоса глянул на горнорабочика. Он решил не продолжать спор. Выждав немного, советник обратился к Таргону:

– Ладно, успокойся. Твой заказ я уже выполнил. Кузнецы постарались. Думаю, степняки будут довольны.

– Уф! Нельзя же так пугать! – облегченно выдохнул Таргон.

– Но это была последняя партия. Больше железа нет.

– Подожди, Арафант. – Княгиня отыскала взглядом человека, которого, видимо, происходящее совсем не интересовало. Он сидел, устремив взгляд в окно, выходящее во двор замка, и словно дремал с открытыми глазами.

– Ванатур, послушай, проснись!

Советник словно и впрямь очнулся ото сна, встрепенулся, встал, поклонившись.

– Что угодно от меня госпоже? – Он, казалось, был немало удивлен тем, что потревожен.

– Голубчик Ванатур, ты и Ородреф должны добыть нам железо.

– Прекрасно. Но как? – Ванатур покосился на столь же удивленного соседа.

– Ты и твой друг должны попытаться купить руду или чистое железо там, за горами. Это возможно?

– Почему нет, госпожа? Все возможно, – вмешался Ородреф, лучше всех осведомленный о том, что, где, как и почему продается и покупается.

– Но за какую цену? – добавил Ванатур. – После Аэрэлина и уплаты выкупа у нас в казне негусто. Да и захотят ли за горами продавать нам хоть что-то? – Он с сомнением покачал головой.

– А вы сделайте так, чтобы захотели. Это необходимо. И как можно быстрее.

– Хорошо, мы постараемся, – снова поклонившись, заверил княгиню Ванатур и сел на свое место. В наступившей

тишине все слышали недовольный голос Арафанта:

– Когда я просил, он даже ответить не пожелал!

– А почему я должен для тебя что-то делать, господин Длинный Язык? – живо откликнулся на его упрек казначей.

– Не для него, не для себя, а для Раэнора! Все мы трудимся для нашей страны, – урезонил друзей Балтар, добродушный, снисходительный, однако же во всем, что касалось блага княжества, не щадящий ни себя, ни других.

– А, Балтар, ты сам подал голос, напомнив о себе, – улыбнулась Элен.

– Я не прячусь, княгиня. Мне нечего бояться и не за что стыдиться. Свое дело я делаю исправно. Если бы все эти пустозвоны, окружающие тебя и корчащие из себя труженников, делали хоть сотую часть того, что успеваю я, нужны в столь срочном созыве Совета не было бы! Я закончил ежегодную проверку приграничных поселков. Везде полный порядок. Пришельцы, попросившие пристанища в прошлом году, устроены. Конечно, хоромы им не предоставили, однако никто не жалуется.

– Еще бы! Эти нищие должны быть довольны уже тем, что их оставили в покое, – пробурчал Ворондил.

– Не говори так! – нахмурился Балтар.

– Это правда! – поддержал Ворондила Диор.

– Вы не смеее так говорить! Ведь и ваши предки пришли когда-то в Раэнор искать убежища. Никто не упрекал их в бедности, наоборот, им помогли! – не уступал Балтар.

– Ты защищаешь их потому, что твои родители поселились здесь каких-то тридцать лет назад, – процедил Ворондил.

– Довольно! – прервала их спор Элен. Советники нехотя уступили.

– И все же, госпожа, я выскажусь! – вновь поднялся со своего места Ворондил, начальник стражи Дол-Раэна. – Сегодня я вновь столкнулся с грубостью и нахальством dwarves.

При этих словах все советники, до того занятые своими думами, прислушались.

– Госпожа, это уж слишком! Ты должна наказать Дарка.

– Но за что?

– Я не прошу для себя ни привилегий, ни почестей, но требую, чтобы меня уважали. А dwarf оскорбил меня! И если не наказать его за это, наглость его, да и всех его сородичей, возрастет непомерно.

– Да что же случилось? – Элен обеспокоилась не на шутку. Стычки между людьми и dwarves происходили и до этого, слишком уж разными были их привычки и обычаи. Да и ненависть к их собратьям, жившая в душе бежавших от войн и разорения людей, была на удивление живуча.

– Я был сегодня на Северной галерее, когда навстречу мне показался Дарк. Он шел вразвалку, словно был хозяином дворца, а вокруг толпились зеваки. Не знаю, что их в нем привлекает – то ли его доблесть, то ли уродство. Когда он поравнялся со мной, я потребовал, чтобы он вежливо по-

клонился. Нет, не мне, а сану советника, являющегося твоим представителем, княгиня. Ведь, проявляя неуважение к нам, тем самым проявляют неуважение к тебе, согласишься!

– Да, несомненно. И что он ответил? – спросила Элен.

– Мне стыдно за него! В ответ на мои мягкие увещевания он оглядел меня с ног до головы, громко, развязно захохотал во все горло, а потом плюнул мне под ноги!

При этих словах советники заговорили все разом. Слышались возмущенные возгласы:

– Как он посмел!

– Оскорбить Совет!

– Негодяй!

Княгиня с удивлением обнаружила, что эта история никого не оставила равнодушным. Только что все они были друг другу чуть ли не врагами, но стоило задеть одного из них, как все забыли о разногласиях, вновь едины и полны решимости добиться правосудия и уважения к себе.

– Хорошо, я поговорю с Дарком.

– Нет, княгиня, ты должна не просто поговорить, ты должна наказать его. Пойми, унижая нас, он тем самым унизил и тебя на глазах у твоих подданных.

– Он напрасно сделал это, – нахмурилась Элен.

– Вот именно, госпожа! – поддержал Ворондила Мэллор. – Сегодня они плюют под ноги нам, завтра захотят плюнуть под ноги тебе. Кто знает, не захочется ли им большего!

– Ну нет, Мэллор. – Однако в голосе Элен послышалось

сомнение.

– Ты зря им так доверяешь. Настали времена, когда за такое слепое доверие можно дорого заплатить. Отдать всю военную власть и мощь в руки одного народа неразумно. Стоит кому-нибудь из двергов попытаться выйти из повиновения, и усмирять их будет некому. Госпожа, подумай.

– Но до сих пор этого не случилось!

– До сих пор – да, но кто поручится, что этого не произойдет и впредь? – спросил Ворондил.

– Так было всегда! Обычай этот установил еще мой отец, да и потом не было нужды менять его.

– Не было, госпожа, но теперь иное время.

– Почему иное?

– Мир меняется, меняемся мы, и кто знает, не меняются ли дверги, а вместе с тем и их мысли.

– Это неубедительно.

– Буду откровеннее. – Мэллор склонил голову, на миг замолк, а потом решительно сказал: – Госпожа, и наши отношения с южным соседом меняются, но далеко не в лучшую сторону. Тебе это прекрасно известно. Возможно, вскоре морнийцам покажется, что мы слишком самостоятельны, слишком свободны, и тогда они попытаются это изменить. Согласись, при таком положении вещей дверги вновь станут слугами старого хозяина. Мы окажемся беззащитны перед врагом.

– То, что ты говоришь, невозможно! – Элен вдруг почув-

ствовала, как закружилась голова.

– Отчего? Нет, госпожа, нужно иметь мужество признать, что это так. Нет ничего вечного. Мы долго жили в мире, но это не значит, что так мы будем жить всегда.

– Я не думала об этом, – растерянно сказала Элен.

– А мы думали и думаем постоянно, ведь на то мы и советники! Госпожа, ты не должна расстраиваться. – Голос Мэллора стал еще более мягок, в нем слышалось сочувствие. – Если не уверен в старых друзьях, нужно искать новых. Поэтому посольства – наша главная забота теперь.

– И есть что-то обнадеживающее?

– Есть, госпожа. Куртанэ прислал к тебе своих людей. Они прибыли сегодня днем и рвутся на прием.

– Куртанэ? Странно. Давненько я не слыхала о нем. Что ему от нас нужно?

– Не знаю. Глава посольства настаивает на встрече с тобой.

– Чем его мы не устроили? – пробурчал Ворондил.

– Видимо, на это у него есть причины, – возразил Мэллор.

– Куртанэ – глава Совета Запада, великий мудрец. К каждому его слову прислушиваются. Друзей ему не занимать, отчего же он шлет посольство в маленький Раэнор, чем может быть полезен ему союз с нами?

– К чему гадать, госпожа! Прими посла, и все станет ясно.

– Прямо сейчас? – удивилась княгиня.

Мэллор был настойчив:

– А почему бы и нет? Он ждет.

– Хорошо, я снова последую твоему совету. Пригласите послов Куртанэ.

Тотчас сидевший с краю Таргон встал и быстро вышел. Пока длилось ожидание, Элен размышляла, чем же заинтересовала она мудреца, но так ничего и не придумала. Дверь вновь отворилась, вошел Таргон, а следом за ним показался высокий смуглый человек, одетый в черное, с четырехконечной белой звездой – знаком Куртанэ на груди. Отстранив Таргона, он твердым шагом прошел прямо к трону. Не дойдя до него двух шагов, посол остановился, почтительно поклонился и, лишь дождавшись ответного мягкого кивка головой и приветливой улыбки княгини, заговорил:

– Прекрасную владычицу Раэнора приветствует Куртанэ Мудрый! Да простит княгиня мою смелость, но если она при такой ослепительной красоте еще и столь же мудра, то она является воистину редчайшим и драгоценнейшим чудом. Мой господин предупреждал меня об этом, но, честно говоря, я не ожидал, что слова будут куда беднее действительности!

– Твоя любезность делает честь и тебе, и твоему господину, – ответила княгиня. – Но довольно о моей красоте. К делу. О чем хочет говорить со мной великий Мудрец?

– Согласен, княгиня, поговорим о деле. Куртанэ хочет предложить тебе свою дружбу и помощь. Не удивляйся. Здесь, в твоём прекрасном Раэноре, достойном своей госпо-

жи, можно жить, не замечая ни бега времени, ни опасностей, нависающих над миром.

Элен перебила посла:

– Странно, что Куртанэ Мудрый, всегда интересовавшийся лишь собственной мудростью, вдруг изменил себе, оторвал взгляд от древних свитков, помогающих понять прошлое, и направил его на мир, задумавшись над будущим. Откуда такая перемена?

– Действительно, мир меняется. Растет опасность войны, растет страх, и нет уже былой уверенности в прежних друзьях и соратниках. Поэтому мой господин вынужден тратить драгоценное время на то, чтобы сохранить в наше смутное время свободу и избежать опасностей.

– Какие же опасности ему грозят?

Посол усмехнулся:

– Мир сошел с ума, княгиня, и доказательство тому – вражда и нелепые подозрения, которые питают к Куртанэ его бывшие друзья. Плетя недостойные интриги, правители Древнего Народа возбуждают в альвах недоверие и злобу к Мудрому. Лишь Арандамар, ближайший сосед Куртанэ, по-прежнему его верный друг. Согласись, если бы опасения альвов были верны, сосед первым заметил бы неладное.

– Да, ты прав.

– Поэтому мы вынуждены искать союзников здесь, на Востоке.

– Но Куртанэ Мудрый должен знать, что Раэнор слишком

мал и слаб для его честолюбия. Мы ничем не сможем ему помочь.

– Позволь не согласиться с тобой! Ты тоже умна, ты понимаешь, что знание порой куда важнее силы.

– В этом ты прав, посол. Но мои знания по сравнению со знаниями Мудреца – то же, что капля и море!

– Знания знаниям рознь. Княгиня, тысячи лет ты живешь бок о бок с Врагом, и многие его тайны тебе известны. О, ты могла бы поведать нам и о Морне, и о его вернейшем слуге – Черном Вестнике. Отчего осмелели там, за горами, впервые за много лет? Что вселяет в них силу? Кого и когда изберут они первой жертвой? Что тебе известно? Скажи, и Куртанэ Мудрый станет твоим другом.

– То, о чем ты просишь, невозможно, – отрезала Элен.

– Почему? Что теперь связывает тебя с Морном? До нас дошли слухи о том, что твой мрачный сосед больше не желает заботиться о благе Раэнора, а ведь других союзников у тебя нет. Это очень печально. Ведь стоит кому-нибудь захотеть, – при этом глаза посла сузились, голос стал вкрадчивее, – и любой, кто обладает хоть какой-то силой, сотрет прекрасное княжество в порошок.

– Ты угрожаешь? – нахмурилась княгиня.

– О, что ты, госпожа! – отшатнулся посол. – Как ты могла об этом подумать! Прости, прости меня, если я вдруг невольно навел тебя на такую мысль! – Он низко поклонился.

– Ты хитришь, посол. Куртанэ прекрасно знает, что я ни-

когда не пойду против Владыки. Раэнор связан с ним давним соглашением, и предательства я не допущу.

– Какое предательство? Ты же должна заботиться о своих подданных! Согласись на дружбу с Куртанэ, и он поможет твоему народу исполнить то, что вы задумали.

– О чем ты говоришь, посол? – удивилась Элен.

– О великом переселении, конечно! Неужели ты думала, что такое воистину небывалое прежде дело не будет замечено?

– Признаться, мне бы этого очень хотелось!

– Нет, госпожа, мы давно знаем, что разведчики Раэнора отправляются на Север, и знаем, зачем. Мой господин восхищен твоими замыслами! Он хочет помочь тебе. Так неужели же ты откажешься? Кто еще, кроме него, смог бы убедить Запад пропустить твоих подданных, даже dwarves, в Хьорланд? Да, ему будет очень трудно, ты же знаешь, что за Рекой всё помнят и не хотят забывать. Они не откажутся от мести, ведь и так почти половина посланных тобою на Север разведчиков не возвращается. Поэтому подумай, стоит ли отказывать.

– Но... – начала было княгиня, однако посол перебил ее:

– Прости, я знаю, что ты хочешь сказать. Это так неразумно – цепляться за прошлое! Что было, то прошло, а мы должны жить дальше. Скоро мир содрогнется от новых войн. Неужели ты хочешь, чтобы Раэнор превратился в пыль, чтобы народ твой погиб? Не верю. Мудрые отойдут в сторону,

пока псы дерутся. Последний бой будет жестоким. Многие уйдут навсегда, исчезнут из мира. Опустеют земли, и тогда придем мы, возьмем мир в свои руки и будем им править так, как и надлежит – мудро, без насилия и войн. Неужели ты не желаешь этого?

– Кто же не желает этого, посол! Но вот плата, я думаю, слишком высока.

– Что я слышу! Нет, невозможно! Плата за мир и спокойствие не может быть слишком высокой! Да и что от тебя требуется? Только узнать, отчего обеспокоен Враг, и когда он хочет начать войну.

– Только-то? – изумилась княгиня.

– Конечно! Мы уверены, тебе известно о планах Морна все.

– Да, недаром ходят о твоём господине легенды! Он и впрямь очень хорошо осведомлен и обо мне, и о моих делах.

– Не только о тебе, княгиня. Ну как, ты согласна принять нашу дружбу?

– Прости меня, посол. Хоть ты и говорил о том, что я умна, позволь все же подумать до завтра. Это слишком серьезное решение, чтобы торопиться.

– Но и медлить не стоит! – возразил посол.

– Ты прав. Я дам ответ завтра, на приеме. – Элен улыбнулась. Посол еще раз низко поклонился, повернулся и прошествовал до двери, провожаемый взглядами советников. У выхода его ждал Таргон, открыл перед ним дверь, пропустил

вперед и вышел следом.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем княгиня прервала молчание.

– Ну, друзья мои, что вы посоветуете ответить Куртанэ?

Советники тихо переговаривались меж собой, обмениваясь взглядами, но высказаться никто не решался. Тут со своего места встал Балтар и, не глядя на советников, решительно произнес:

– Я хочу сказать, госпожа, что мне не нравится наш южный сосед, давно пора отказаться от его постыдной помощи. Однако и слова посла не пришлись мне по душе. Понятно, куда он клонит. Куртанэ хочет и нашим, и вашим угодить. Если Морн победит в грядущей войне, Мудрец будет тут как тут. Мол, помогал, защищал...

– Да уж, – поддержал его Ворондил, – а если победа окажется на стороне Запада, и тогда он внакладе не останется.

– Точно. Выведывал, мол, планы Врага, жизнью рисковал! – Балтар презрительно усмехнулся.

– Что же ты предлагаешь? – спросила Элен.

– Обратиться за помощью к Западу!

Княгиня пристально посмотрела в его лицо и вздохнула:

– Ты не знаешь, о чем говоришь! Это невозможно. Ни один из правителей Запада не захочет даже разговаривать с нами. Они твердо решили, что согласиться на союз с Раэнором – значит согласиться на союз с Врагом, с Морном.

– Это верно, – поддержал княгиню уже вернувшийся Тар-

гон. – Госпожа, а что, если нам отвлечь свои взоры от Запада и пристальнее взглянуть на Восток?

Элен кивнула:

– Хорошая мысль. Но мы, увы, опоздали. С каждым днем у нашего соседа появляются новые данники в странах Востока. Там нет силы, способной нам помочь.

– Нужно принять предложение Куртанэ, княгиня, – подал голос Ондогер. – Посол был прав, нам не выстоять одним. Как бы там ни было, Куртанэ способен помочь, его слово имеет вес.

– Возможно, возможно, Ондогер. Я еще подумаю над этим. Надеюсь, на сегодня это всё?

– Нет, княгиня, – опять заговорил Мэллор. – Позволим себе задержать тебя еще ненадолго. Амтар хочет сообщить о том, чем закончился последний поход его разведчиков. Они вернулись только вчера.

Элен оживилась:

– Что же вы раньше молчали!

Наконец-то радостная весть! Она пристально смотрела на медленно поднимающегося со своего места советника, смущенного таким вниманием. Оглянувшись на Мэллора, он начал говорить:

– На этот раз, госпожа, все прошло довольно удачно. Мы обнаружили наконец-то эту проклятую дорогу! Правда, назвать ее дорогой можно с большим трудом, но глупо сетовать, зная, сколько времени прошло с тех пор, как ею зани-

мались серьезно. Некоторые каменные мосты целы, а то, что было из железа и дерева, давно истлело. Что ни говори, а работы там непочатый край! Разрушено почти все. От многих замков и крепостей не осталось и следа, кругом запустение, но то, что уцелело, разведчики внесли в карты.

– Где же эти карты, Амтар?

– Они со мной, княгиня.

Советник показал ей старые, позеленевшие от времени медные пластины, на которых можно было разглядеть еле заметные линии, черточки, точки и везде буквы древнего, давно забытого языка. Так когда-то наносились на карты крепости, дороги, реки, леса Хьорланда. Советники встали со своих мест и подошли к массивному дубовому столу, стоявшему за скамьями, ближе к маленьким окнам, забранным решетками. Недостаток освещения устранялся множеством светильников – алебастровых шариков, висящих над столом на тоненьких цепочках и льющих мягкий, неяркий свет. Разложив на столе пластины, Элен и советники принялись обсуждать, что нуждается в восстановлении в первую очередь, как это лучше сделать, кому поручить работу и в какие сроки она должна быть выполнена.

– Госпожа, я предупреждал, что карты во многом неверны, – волновался Амтар.

Княгиня удрученно вздохнула:

– Что ж, друзья мои, других у нас нет.

– Прекрасно! Идти неизвестно куда, неизвестно как, и

неизвестно зачем – очень умно! – проворчал Балтар, ярый противник переселения.

– Прекрати, не начинай все сначала! – прервал его Ванатур.

– В конце концов, что-то лучше, чем ничего, – примирительно произнес Мэллор. – Насколько неточны эти карты?

– Они слишком древние! – сокрушенно вздохнул Амтар. – Горы живут, время разрушает постройки, реки меняют берега. Различия велики. Но не отчаивайся, княгиня! Мы сделаем все, что в наших силах.

– Надеюсь на тебя. – ласково улыбнулась Элен.

– Неужели и в княжеском архиве нет ничего о Хьорланде? Не может этого быть, – задумчиво протянул до этого молчавший Аманор.

– Нет, – отрезала княгиня.

– Придется довольствоваться тем, что есть, – снова заговорил Амтар. – Теперь самое время послать туда большой отряд. Пора начинать работы. Госпожа, ты должна дать нам орков для охраны, а тебе, Арафант, придется уговорить кого-нибудь из гримов, ведь и среди них встречаются непоседы!

– Ну-ну! Сомневаюсь, что такие найдутся, – усмехнулся тот.

– Найдутся, если умно объяснить, – неодобрительно взглянул на оружейника Мэллор.

Княгиня устало вздохнула:

– Думаю, этот вопрос решится. Неужели есть еще что-то, любезный Мэллор? Взгляни в окно, уже стемнело!

– Минуту, госпожа. Мы все хотели бы спросить тебя кое о чем.

– Ну, спрашивайте. – Элен догадалась, что за вопрос ей зададут.

– Хорошо. Госпожа, мы хотели бы знать, кто этот человек, этот арандамарец, зачем он приехал и как мы должны отнестись к его визиту.

– Всем есть до него дело, – усмехнулась княгиня. – Неужели он так заметен?

– О да, госпожа, и, если уж говорить откровенно, он внушает нам беспокойство.

– Напрасно. Я отвечу на ваш вопрос. Он мой гость, и ваш долг – относиться к нему со всем уважением, на какое вы только способны. Его доблесть, отвага и мужество достойны и большего. Кроме того, он нужен всем вам. Да, советники, не делайте столь удивленные лица! Только что вы спрашивали меня, где взять точные карты и описания Хьорланда, но ни один из вас не удосужился вспомнить о библиотеке Вальбарда. Там нужно искать. И я надеюсь найти, а заодно и избавить Арандамар от лишних знаний.

– Кажется, я понимаю, госпожа, – задумчиво кивнул Мэллор. – Но это очень опасно. Правитель – не глупец. Тебе вряд ли удастся обмануть его.

– Ничего. Если даже он о чем-то догадается, отпустит в

благодарность за спасение сына.

– А как здесь оказался сын правителя Арандамара? – спросил Ондогер. – И точно ли он тот, за кого себя выдает?

– Да. Он действительно наследник правителя. Не сомневайтесь, – твердо сказала Элен. – Хаггар с маленьким отрядом разведки был настигнут воинами Морна у ворот Тьмы. Ему удалось уйти. Остальные погибли. А потом его, раненого и истекающего кровью, нашел Велемир и доставил сюда, в столицу. Я вернула его к жизни.

– Прекрасно. Но как же княжество?

– Вы поможете мне.

– Когда ты думаешь ехать?

– Еще не знаю. Наверное, после охоты. Ну, неужели есть еще дела?

– Нет, госпожа, на сегодня всё.

– Хвала небесам! Ну и утомили же вы меня! Да, советники, не забудьте, завтра Большой прием. Советую быть внимательными и не делать ошибок, иначе вы будете на целый год обречены выслушивать жалобы, сетования и обвинения Фреагора, – шутливо пригрозила им княгиня.

Советники рассмеялись.

– Да уж, пожалуй, страшнее кары не придумаешь!

– До завтра! – Она отошла от стола, ответив на их глубокие поклоны, поднялась по лестнице и снова скрылась за маленькой кованой дверью. Как только советники остались одни, споры возобновились с новой силой.

Уставшая, раздосадованная затянувшимся Советом, княгиня вернулась в свои покои, позвала служанок и велела себя переодеть. Пока они, напуганные хмурым видом госпожи, готовили платье, она слегка подкрепилась. Это немного улучшило ее настроение, а когда, уже одетая и причесанная, она придирчиво оглядела себя в зеркале, то даже улыбнулась. Однако, взглянув в окно на башенные часы, снова огорченно вздохнула: время, назначенное ею арандамарцу для свидания, давно прошло. Ночь опустилась на Раэнор. В иссиня-черном небе зажглись звезды, утих дневной шум, галереи дворца и улицы города опустели. Повсюду сверкали огни светилен, заменяя собой солнце. Время вечерней трапезы тоже прошло. Элен стало очень не по себе при мысли о том, что думает сейчас о ней ее гость, какие чувства овладевают этим отнюдь не смиренным молодым человеком. Сначала ей просто хотелось поговорить с ним, завоевать его доверие, познакомить арандамарца со своим ближайшим окружением, чтобы он не чувствовал себя покинутым, оставленным без должного внимания. Это было бы недопустимо по отношению к любому гостю княжества, к Хаггару же в особенности. Ведь от его расположения зависел успех планов, от которых княгиня отказываться не собиралась. Она подзвала служанку:

– Лола, детка, сходи в покои, что отвели для гостя из Арандамара, и приведи его сюда. Остальные пусть приготовят Розовую комнату и позаботятся об ужине.

– Госпожа будет ужинать в такое время? – удивилась служанка, прекрасно изучившая привычки княгини.

– Почему бы и нет? Мой гость – не чета нашим нежным кавалерам, с детства страдающим потерей аппетита и желания двигаться. Он – настоящий мужчина, из тех, о которых еще можно узнать из старых сказок. Он не боится ни жизни, ни тех удовольствий, которые она может подарить. Поэтому передай поварам, пусть проявят все свое умение. Ступай, да не бойся, если гость покажется тебе немного резким. Он не так уж и груб, как хочет показаться.

Лола, растерянно улыбнувшись, поклонилась и бесшумно вышла, а княгиня еще раз, повернувшись к зеркалу, придирчиво осмотрела себя и, кивнув отражению, направилась в Розовую комнату.

Хаггар сидел в кресле, устремив неподвижный взгляд в ночное небо за окном. Напрасно прождав княгиню почти три часа, он понял, что снова обманут. Его гнев и сомнения улетучились, сменившись твердой уверенностью в правильности принятого решения. Оставалось лишь дожидаться завтрашнего утра. И он ждал. Неожиданно раздался тихий стук в дверь, она приоткрылась, и в комнату робко вошла молодая служанка. Остановившись у порога, не решаясь пройти, она поклонилась и смущенно произнесла:

– Благородный рыцарь, моя госпожа просит простить ее за столь долгое ожидание и приглашает разделить с ней тра-

пезу. – Она замолкла, опасливо поглядывая на арандамарца. Подавив раздражение, которое он чувствовал всякий раз, когда здешние жители смотрели на него вот так же, будто опасаясь, что он сейчас на них набросится, Хаггар усмехнулся:

– Ну, пойдем.

Служанка шла чуть впереди, все время оглядываясь и не говоря больше ни слова. Они дошли до покоев княгини. Легкие белые двери бесшумно распахнулись перед ними, Лола пропустила гостя вперед, и Хаггар оказался там, куда могли входить лишь самые близкие и преданные друзья Элен. Здесь царил полумрак. Арандамарец на мгновение остановился, привыкая к темноте после яркого света тысяч всевозможных ламп и светильен, освещавших коридоры замка. Откуда-то доносились звуки музыки. Нежные голоса пели, но слов Хаггар разобрать не мог, язык песен был ему незнаком. Стараясь ступать как можно тише, он шел вперед по широкому коридору, уходящему вглубь, в темноту. Вдоль стен тянулись ряды огромных зеркал в рамах из обвивающих их густых лиан. Рядом с зеркалами на бронзовых треножниках стояли чаши из черного камня, в которых играло бледно-желтое пламя. В его неверном, дрожащем свете предметы меняли свои очертания. Таинственным волшебством веяло отовсюду. То и дело над головой арандамарца пролетали маленькие птички. На их ярких перьях вспыхивали искорки. Шелест мягких крыльев замирал в глубине коридоров, отходящих от основной галереи и убегающих в непроглядную тьму. Вокруг не

было ни души, только служанка шла следом. Хаггар подумал, что из жилища веселых, бесшабашных, изнеженных, но все же живых людей он попал в прибежище бесплотных духов. Ему начинало казаться, что из таинственной темноты зеркал выступают очертания прекрасных существ, прячущихся там от любопытных взоров, оберегая свои тайны. Но, взглянув пристальнее, узнавал в расплывчатых отражениях себя. Шепот листвы, потрескивание огня, колеблющееся пламя, тени, пляшущие под высоким потолком, шорох птичьих крыльев, музыка, льющаяся словно из ниоткуда, невидимые певцы – все было, как в очаровательной старой сказке.

Чтобы продлить это ощущение, Хаггар остановился. Служанка обогнала его, удивленно оглянулась, но ничего не сказала, прошла дальше, потом тоже остановилась и поманила его рукой. Арандамарец нехотя подошел и увидел, что зеркало, стоящее перед ним, – столь искусно замаскированная дверь, что, будь он один, ему так бы и пришлось бродить по пустынному коридору до утра в поисках выхода. Служанка легко постучала пальцами по стеклу, нажала на ручку, спрятанную в зелени листвы, и зеркальная дверь бесшумно отворилась. Все так же молча служанка жестом пригласила Хаггара войти, а когда он, так же без слов, повиновался, затворила за ним дверь. Хаггар приготовился увидеть воистину ошеломляющую роскошь, но ожидания его не оправдались. Небольшая комната, в которой он оказался, была почти пустой. Она была освещена лишь витыми свечами в серебря-

ных подсвечниках, стоящих на высоком камине: бледно-розовые стены, подернутые золотой дымкой, невысокий куполообразный лепной потолок, из центра которого хрустальным дождем изливал неяркий свет светильник, – все это Хаггар заметил в один миг. Но поразило его другое. Честь и хвала строителям дворца, если сердца их так тонко чувствовали красоту, ибо такого чуда арандамарец еще не видел. Комната была угловой и имела всего две стены, еще же двух просто не было. Вместо них его восхищенному взору открылось безбрежное ночное небо, усеянное крупными мерцающими звездами. Прозрачные колонны выдерживали тяжесть потолка, нисколько не мешая наслаждаться красотой, не задерживая на себе взгляд. За ними тянулся широкий, с низенькими перилами балкон, словно парящий в воздухе. В центре комнаты стояли два массивных кресла с высокими спинками, между ними – круглый маленький столик, заставленный тарелочками с кушаньями. Два бокала и серебряный кувшин отражали на крутых боках свет свечей. Кресла были повернуты к балкону, и Хаггар не мог видеть, пустуют ли они. В комнате была такая тишина, что ему казалось, будто он слышит стук своего сердца. Сделав несколько шагов вперед, арандамарец остановился в замешательстве – княгиня была здесь. Она сидела в кресле и смотрела прямо на гостя. До этого мгновения Хаггар был спокоен и уверен в себе. Он принял решение и знал, что выполнит его. Но теперь его уверенность пошатнулась. Изящная, малень-

кая, похожая на фею, решившую подразнить людей своим присутствием, княгиня сегодня была необычайно красива. Капельки алмазов, словно искры звезд, отражающих в них свой свет, сверкали в черных блестящих волосах, забранных в высокую прическу. Локоны змеились вдоль щек, скользили по открытой шее, падали на плечи. Тяжелые алмазные серьги качнулись, и сияние их дрогнуло, когда Элен кивнула головой и взглянула в лицо гостя. Она была задумчива, глаза печальны, но легкая, еле заметная улыбка давала надежду на то, что уныние проходит. Хаггар думал, что уже привык к необычным одеждам здешних жителей, но, взглянув на платье княгини, он почувствовал, что краснеет. Легчайшая темно-красная ткань, расшитая серебром, струилась, совершенно не скрывая фигуру, обнажая нежные руки, обрисовывая стройные ножки, обутые в башмачки из черного бархата. Заметив смущение юноши, княгиня засмеялась и приветливо, почти ласково произнесла:

– Ах, мой друг, прости за нелепую задержку! Садись, прошу. Но, о небеса, отчего ты так смотришь на меня?

Поборов смятение, Хаггар сел и почти спокойно ответил:

– Ты очень красива, разве это для тебя новость? Однако прости, никак не могу привыкнуть к легкости ваших нравов.

– О, понимаю! Но легкость одежд еще не говорит о легкости нравов. Тебя, я вижу, смутило мое платье. Скажи, это правда, что, появившись я в таком облике на улицах Вальбарда, меня закидали бы камнями?

– Возможно, – невозмутимо ответил Хаггар.

Элен усмехнулась:

– Для столь сурового народа это простительно. Я слышала, что ваши женщины признают лишь черные да серые одежды, не носят украшений и так неприступны, холодны и горды, что ваши мужчины вынуждены искать себе жен в чужих краях.

Арандамарец пожал плечами и спокойно возразил:

– Это ложь. Мы так же ценим прекрасное, как и вы, а о красоте и величии наших женщин складывают легенды.

– Но как можете вы ценить красоту, если все время ведете войны? Прости, но тот, кто убивает, не может творить. Он лишь сеет смерть!

– Мы защищаем свою землю, княгиня, а это – справедливая война.

Элен недовольно хмыкнула в ответ, а потом, капризно поджав губу, заметила:

– Ну вот, начали с похвалы моему платью, а закончили нудными рассуждениями о справедливости войны. Мне сегодня и так досталось от советников.

– Ты сама затеяла эту игру. – Арандамарец был невозмутим. Элен с удивлением заметила, что явно недооценивала его, приняв за наивного мальчишку-буяна. Сегодня он сопротивлялся ей. Элен чувствовала, что не может повлиять на его настроение. Все ее попытки вывести его из равновесия разбиваются о его спокойствие. Решив сменить тактику,

она жалобно протянула, томно прикрыв глаза ресницами:

– Прости меня, рыцарь, я так устала! Эти государственные дела так скучны, отнимают столько сил и времени!

Хаггар представил, как эта капризная красавица вершит дела государства, надувая губки всякий раз, когда кто-нибудь осмеливается ей перечить, как сидит она вот в таком наряде, окруженная мудрецами, мысли которых скорее всего бывают заняты изучением ее изысканных одежд, и невольно улыбнулся. Она не заметила его улыбки, участливо спросила:

– Как рана?

– Твой лекарь творит чудеса, княгиня, ты можешь им гордиться.

Элен кивнула:

– Да, старый Дию знает свое дело!

Хаггар заметил:

– Значит, его зовут Дию. Старик не назвал мне своего имени.

– Забыл, вероятно. Он очень рассеян.

– Что-то непохоже, – покачал головой Хаггар.

Элен вздохнула и улыбнулась:

– Оставим Дию. Отчего ты не ешь? Прошу, не стесняйся, ведь ты, наверное, очень проголодался! – Она указала на столик, заставленный угощениями. Арандамарец покачал головой:

– Я не голоден.

– Не может быть!

– Послушай, – Хаггар пристально взглянул в ее лицо, – отчего ты, да и все вокруг принимаете меня за дикаря, только и знающего, что войну и обжорство? Чем я это заслужил? Тем, что не такой, как твои глупые, чванливые павлины, распускающие перья? Да, я не так изыскан, как твои приближенные, я не одеваюсь в шелка, мой облик не соответствует обычаям, принятым в Раэноре. Я воин и умею убивать, но делаю это, защищая ту красоту, о которой ты говоришь и которой так гордишься. Я, видно, не гожусь для твоего хрупкого мирка. Мне по душе бездонное небо, просторы полей, прохлада рек, золото солнца, серебро звезд, я ценю хорошую песню больше, чем пригоршню самоцветов, а добрый, веселый смех – больше жалкого жеманства. Я понял, что лишний здесь, и не стану для вас посмешищем. Ищите для этого других. Завтра утром я уеду и больше никогда не потревожу тебя, княгиня. Живи в своем саду спокойно, большой мир не для тебя. Хрустальный шар подходит тебе больше, чем это звездное небо.

Он говорил тихо и печально. Элен внимала его словам, чувствуя, как сердце ее сжимается от неведомого ей раньше отчаяния. Он прав, этот странный человек, пусть уходит, пусть оставит ее, а с ним уйдут сомнения и страх, терзающие ее душу с тех пор, как он здесь. Так будет лучше. И пусть не удался ее шальной план проникнуть в Вальбард, она ни сколько об этом не жалеет. Но отчего, отчего тогда ей так

больно от его слов?

– Значит, ты лгал о любви, человек. – Она, не глядя на него, встала и легко, словно и не касаясь пола крошечными ножками, прошла через комнату и вышла на балкон. Слабый ветерок играл тканью платья, то ревниво пряча ее фигуру во множестве мягких складок, то словно обнажая, и темный пурпур струился по ветру, сверкая серебряными искрами.

– Я не умею лгать! – Хаггар тоже поднялся с места. – Да, ты прекрасна так, что ради такой дивной красоты можно пойти и на смерть. Но есть вещи гораздо важнее ее. Теперь я знаю это. Когда несколько лет назад я увидел девушку на озере, не только ее красота пленила меня. Нет, я был поражен в самое сердце, почувствовав, насколько она чиста, хрупка и беззащитна! Я понял, что должен защитить, убереечь ее от опасностей этого мира, что это моя воля и мой долг. Поэтому искал я по свету эту девушку, упорно не желая забывать, зная, что та встреча у озера не случайна, что судьба моя отныне будет навечно связана с ее судьбой. – Он остановился, помолчал немного, не в силах оторвать взгляд от княгини, стоящей на балконе, а потом с усмешкой продолжил: – Но я ошибся. Не существует Озерной Девы. Все это лишь моя глупая выдумка. Есть ты, княгиня, – живая, веселая красавица, вовсе не нуждающаяся в моей любви и защите. Все это у тебя уже есть. Ты окружена верными друзьями, преданными поклонниками. Власть твоя над ними безгранична. Даже уродливые дверги смиряют пред тобой свой бешеный нрав.

Что могу дать тебе я? Ничего. А быть униженным просителем, как другие, – не мой удел. У меня нет времени и желания становиться твоим покорным шутом только для того, чтобы время от времени ты обращала на меня благосклонный взор. Я – воин, и долг для меня гораздо важнее твоей красоты. Не мне его нарушать. Да, я люблю тебя, княгиня, но не настолько, чтобы из-за любви забыть о гордости и достоинстве. И поэтому я уеду.

Элен обернулась к нему и улыбнулась. Хаггару показалось на мгновение, что в глазах ее блеснули слезы. Но нет, он ошибся, то был лишь отблеск звездного света. Она оглядела его с ног до головы, пожала плечами и презрительно скривила губы:

– Сколько громких слов, чтобы оправдать свою трусость! Да ты же испугался! Добиться любви простой девушки с озера проще, чем зажечь страсть в сердце княгини Раэнора. Хорошо, ищи себе оправдания, раз так легче, но только не говори о любви! Ты не знаешь, что это такое. Возвращайся в свой Арандамар и постарайся забыть меня. Я ошиблась. Прощай.

И она снова отвернулась от него, давая понять, что разговор закончен. Подавив горький вздох, Хаггар склонил голову и вышел, оставив Элен одну.

Арандамарец не понимал, как оказался в этом пустынном, сумрачном коридоре. Ни звука не долетало сюда из многолюдных, шумных галерей. Каждый шаг эхом отдавался под сводами потолка. Матовые шарики в светильнях разливали

тусклый голубоватый свет. Поминутно оглядываясь от овладевшего им внезапно чувства опасности, Хаггар все же шел вперед. Он не был любопытен, чужие тайны не волновали его воображение, но сейчас будто что-то тянуло его туда, где в глубине коридора показались высокие массивные двери. Подойдя к ним, он осторожно потянул бронзовое кольцо на себя. Дверь на удивление легко, бесшумно приоткрылась. Арандамарец заглянул внутрь, тщетно пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме. Поняв, что это ему не удастся, он извлек из светильни один шарик, совсем не горячий, и вошел в таинственные покои. Бледный свет разлился вокруг, и Хаггар принялся внимательно рассматривать то место, куда попал. С удивлением он обнаружил, что покои эти совсем не похожи на все, виденное им доселе. Легкомысленное изящество, воздушность, невесомость, вычурность исчезли без следа. Строгое убранство комнат напоминало ему скорее древние залы его родного дворца в Вальбарде. Благородная простота линий, никаких излишеств – и в то же время ощущение силы и величия. Странное чувство овладело молодым человеком. Ему казалось, что все вокруг – лишь его сон, до того разительным было отличие. Вдруг ему почудился неясный шум там, в темноте, куда не проникал свет шарика, словно взмахнула крыльями птица. Он шагнул вперед, но ничего не увидел, да и не мог увидеть. Хаггар чувствовал, что в покоях этих давно никто не живет. Мертвая, давящая тишина, ощущение пустоты, заброшенности, буд-

то время, бегущее вперед за дверями этих странных покоев, здесь навсегда остановилось. Века проходят там, здесь не пролетает и секунды. Хозяева этих комнат ушли, но древние стены еще хранят их голоса, в глубине огромных зеркал таются их неясные образы, воздух помнит их дыхание. Но кто, кто были они? Только не княгиня. Ее присутствия здесь не чувствовалось, хозяевами были другие.

Оставив позади две небольшие комнаты, он попал в зал. Огромное пространство неожиданно распахнулось перед ним. Потолок взметнулся вверх и исчез во тьме, стены раздвинулись, словно стараясь скрыться от любопытных глаз, высокие окна, как и в остальных комнатах, были задернуты темной, плотной тканью, не пропускающей ни лучика света. Арандамарец миновал зал и, пройдя еще несколько комнат, оказался в последнем небольшом покое, откуда уже не вела ни одна дверь. Это была спальня. Огромная кровать под черным бархатным балдахинном стояла на небольшом возвышении, окна были, как и везде, закрыты, но комната эта не была похожа на остальные. Хаггар с невольной дрожью почувствовал, что место это обитаемо, хотя только здесь царил немислимый беспорядок из-за множества картин, видимо, принесенных сюда из остальных покоев. Они висели на стенах, почти не оставляя свободного места, стояли на полу, укрытые черной тканью. Подавив в себе страх, Хаггар принялся их разглядывать. С холстов на него смотрели лукавые красавицы в богатых одеждах, увешанные драгоценностями

в традициях Разнора, воины в старинных доспехах умирляли горячих коней, седые старики угрюмо глядели на него тусклыми, в красных прожилках глазами. Окинув беглым взглядом всю эту пестроту, арандамарец обратил внимание на два огромных портрета, висящих рядом, в старинных деревянных рамах, потемневших и потрескавшихся от времени.

С одного из них на него ласково взирала молодая, красивая женщина в простом белом платье, а за ее руку держался испуганный малыш. Сначала арандамарец подумал, что это портрет княгини Элен, до того была похожа на нее женщина, но, приглядевшись, понял, что ошибся. Красота молодой матери была, как ни странно, более живой, теплой, но печаль таилась в ее темных глазах. С другого портрета на Хаггара глядел суровый и непреклонный воин. Его лицо выступало из мрака, презрительно сжаты тонкие губы, нос с горбинкой напоминал клюв орла, высокий царственный лоб говорил о недюжинном уме, холеные руки с длинными пальцами могли быть руками музыканта, но сжимали княжеский жезл. Он был очень красив, этот человек. Хаггар вдруг вспомнил своего отца. Было в них обоих что-то общее – то ли презрение к миру, таящееся в уголках сжатых губ, то ли немислимая гордыня, то ли мрачная сила, светящаяся в пронзительных серых глазах. Кем был он, этот гордый воитель, владыка, достойный трона? Чем дольше смотрел Хаггар на портреты, тем мучительнее становилось его желание узнать, кто они, эти двое. Их лица были из тех, увидев которые одна-

жды, уже не забыть никогда. Но как это сделать? Он глубоко вздохнул, вспомнив, что утром должен покинуть дворец и оставить тайну неразгаданной. Вздох его, усиленный прихотливым эхом, словно ветер, пронесся по комнате, и арандамарцу вдруг показалось, что люди на портретах вздрогнули. Их глаза, доселе устремленные вдаль, обратились на него и, о ужас, тяжелым гневом налился взгляд владыки, а женщина чуть улыбнулась и кивнула ему головой, словно подбадривая! С этого мига ожили мертвые, опустевшие покои! Из зала до чуткого уха Хаггара донеслась музыка и шум танцующих пар, легкие шаги женских ножек по паркету, стук сапог, чьи-то голоса, нежный смех... Арандамарец не боялся живых, но тут его обуял страх, призраки – другое дело. Кто смог бы с ними совладать? Как судорожно сжали жезл спокойные до этого руки, как нахмурились брови, сколько угрозы в глазах сурового князя! Вот он встает, протягивает к Хаггару руку... С ужасом ощутил юноша, как легла она ему на плечо, невероятной тяжестью придавливая к полу... О небо! Он был в том же темном коридоре, в руке держал тускло светящийся шарик, а напротив него стоял лекарь Дию. Он держал руку на плече Хаггара, лицо его выражало испуг.

– Что с тобой, друг? Ты так бледен! Что ты делаешь один здесь, в этом заброшенном переходе?

Юноша в растерянности смотрел на старика, не зная, что сказать. Действительно, как он тут оказался? И где таинственные покои? Где ожившие портреты, где музыка, танцы,

смех?

– Отчего ты молчишь? Что случилось? – Дию и впрямь был не на шутку обеспокоен, с тревогой вглядываясь в лицо Хаггара. Тот беспомощно оглянулся, ища взглядом дверь с бронзовым кольцом, но ее не было! В конце коридора белела глухая, гладкая стена.

– Где же она? Где дверь? – Он снова взглянул на Дию, словно ища помощи. Тот удивленно спросил:

– Какая дверь?

– Здесь, в конце коридора, была дверь. Я открыл ее, вошел и увидел...

– Что увидел? – Дию странно оживился. Глаза его тревожно всматривались в лицо арандамарца. – Что?

– Там была комната, портреты..... Много портретов на стенах, и два из них... – он в нерешительности замолчал.

– Ну, договаривай! – вскричал Дию.

– Да нет, мне, наверное, все это показалось, – виновато улыбнувшись, сказал Хаггар. Дию внимательно смотрел на него. От этого пристального взгляда молодому человеку стало не по себе. Заметив его смущение, старик тоже улыбнулся и отвел взгляд:

– Конечно же, тебе померещилось! Видишь, никакой двери, а уж тем более комнат здесь нет. Стена, только голая стена, и ничего больше. – Лекарь провел рукой по ровной белой поверхности. – Ты устал, дружок. Пойдем ко мне, я осмотрю и, если нужно, перевяжу твою рану. – Он взял Хаггара под

руку и повел его прочь из темного коридора.

Идти пришлось довольно долго. Пустынные переходы, ряды комнат тянулись, казалось, бесконечно. Но вот они свернули на крутую наружную лестницу, оказались этажом выше, и, пройдя еще немного по узкому переходу, Дию остановился перед низенькой деревянной дверью в глубокой нише.

– Вот оно, мое жилище. Входи смелее, не стесняйся.

Хаггар толкнул дверь. Она с легким скрипом отворилась. Нагнувшись, арандамарец вошел в покои лекаря и остановился у порога, с любопытством оглядываясь. А взглянуть здесь было на что. Две небольшие комнаты с белеными потолками, слегка закопченными в углах, были еле освещены несколькими догорающими толстыми свечами, оплывающими в серебряных, почерневших от времени подсвечниках, стоящих на небольшом камине, в котором, несмотря на теплую погоду, тлел огонек. Вдоль стен до потолка тянулись бесчисленные ряды полок, сплошь заставленных глиняными горшочками, бронзовыми ступками, стеклянными баночками. На невысоком столике у маленького окна груды возвышались огромные книги в старинных золотых и серебряных переплетах, свитки с истлевшими краями. Пахло сухими травами, заключенными в деревянные коробочки, догорающими углями и пылью фолиантов. Открытая дверь во вторую комнату, очень маленькую и еще более темную, все же позволяла увидеть ее отнюдь не роскошную обстановку.

– Входи же! – Дию зашел следом за арандамарцем и за-

крыл дверь. Подойдя к камину, он взял подсвечник и прошел с ним в соседнюю комнату, знаком приглашая Хаггара следовать за ним. Тот вошел, огляделся и не смог скрыть улыбку. Лекарь, крайне непритязательный в нарядах, состоящих, видимо, из бесформенных, выдавших виды балахонов, был и в быту таким же. Стол и две скамьи из резного дуба, такой же сундук в углу и ветхая кровать – вот все, что здесь было. Хаггар придвинул скамью к столу и сел, а Дию вышел, чтобы через мгновение вернуться, неся в руках серебряный кувшин незатейливой работы и две чарки из оникса, оправленные в серебро.

– Ну вот, теперь можно и поговорить, – вздохнув, произнес он и сел напротив Хаггара. Налив в чарки вина, он пристально вглядывался в лицо юноши. Тот немного смутился, чувствуя, что старик недоволен, и догадываясь, в чем причина его недовольства.

– Я слышал, ты решил уехать. Это так?

– Да, лекарь, я уеду завтра на рассвете. – Хаггар опустил голову, пряча глаза.

– Жаль. Твое решение несказанно огорчает меня, да и не только меня, я думаю. В чем же причина такого поспешного бегства?

– Это не бегство! – Арандамарец снова взглянул в лицо старику, и ему стало не по себе – так суров и холоден был его взгляд. – И ты тоже обвиняешь меня! Ну как еще мне объяснить? Я не мальчишка, чтобы мной помыкали. Почему

я должен терпеть презрение и насмешки твоей госпожи? Да, я чужой здесь и никогда не стану, да и не хочу становиться, таким, как раэнорцы. – Хаггар приходил во все большее смятение. Чувства, бурлившие в его груди, норовя разорвать сердце, теперь, когда он говорил о них, казались убогими, неубедительными, жалкими. Он не мог высказать того, что горело в душе, той боли и безнадежной, глупой любви. В совершенном отчаянии от этого он почти выкрикнул:

– Да как же ты не поймешь! Я люблю ее, с каждой минутой, с каждым мигом все сильнее, но она-то меня не любит! Зачем ей мое чувство? Она и слышать о нем не хочет. Иногда, знаешь, мне кажется, что она боится меня! Находит тысячи отговорок, лишь бы со мной не встречаться, а когда сегодня мы наконец-то остались одни, – Хаггар горько усмехнулся, – она, словно невоспитанная девчонка, наговорила мне каких-то гадостей. Что я – слуга ей, что ли? И после этого я должен остаться?

Дию внимательно слушал его, а когда арандамарец замолчал, снисходительно усмехнулся:

– Да ты и впрямь совсем еще мальчишка! Я-то подозревал тебя в малодушии, а ты, оказывается, просто еще очень глуп и горд не в меру! Не хмурься, ведь это правда. Скажи, а чего ты ждал от моей госпожи? Неужели ты настолько самонадеян и уверен в себе, что тебе могло показаться – как только ты доберешься до Раэнора и проникнешь во дворец, княгиня, увидев тебя, потрясенная столь великим и беспри-

мерным подвигом, кинется тебе на шею и со слезами признается в ответном чувстве?

– Нет, но...

– О небеса! О чем я должен говорить с этим юнцом? Ему больше пристало бегать за молоденькими девчонками у себя в Вальбарде. Будь моя воля, Хаггар, я бы отправил тебя назад, домой, и как можно скорее. Но вместо этого вынужден настаивать на обратном. Мне претит твоя нерешительность, мне непонятны твои сомнения, однако выбран ты, и я ничего не могу поделать, кроме как покориться судьбе. Я хочу рассказать тебе одну древнюю сказку, и ты поймешь, что никто не в силах избежать предначертанного.

Ну что ж, сказку, так сказку! Хаггар готов был слушать, что угодно, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Дию начал неторопливый рассказ:

– Есть далеко на юге маленькая страна, и когда-то давно правила ею молодая, красивая царица. Она была сиротой. Родители ее умерли, когда она была еще ребенком, и царица привыкла к одиночеству. В семье их существовало древнее предание, в котором говорилось о том, что как только в сердце представителя их рода вспыхивала любовь, она начинала приносить несчастья, ведя к неминуемой гибели обоих возлюбленных. Сомневаться в пророчестве не приходилось. Царица была уверена в том, что любовь для нее равносильна смерти, и закрыла свое сердце от чувства, заключила его в холодный ледяной панцирь. Так она жила, не жалея ни о

чем. Годы были не властны над нею, красота ее только расцветала со временем. Многие доблестные витязи искали ее любви, но ни одному не удалось разбудить сердце царицы. Покой был ее счастьем. Так она жила, пока однажды не случилась беда. У царицы был друг, старик – звездочет, предсказатель и маг. Он поднимался на самую высокую башню и читал по звездам, как в книге. И вот однажды он пришел к своей повелительнице и сказал:

– Царица, небо предупредило меня, что вскоре судьба твоя решится. Путь твоей звезды пересечется с путем другого светила. Скоро встретишь ты человека, которого полюбишь, и ничто не может этого изменить.

Царица отшатнулась в испуге и смятении, ей вспомнилось древнее пророчество. С мольбой взглянула она на старика:

– Мудрец, признайся, что это неправда! Я не хочу, чтобы так случилось.

Но звездочет был неумолим:

– Нет, царица, все будет так: придет из-за Большой Воды человек с белым камнем на груди, и ты не сможешь больше бороться с любовью. Он станет для тебя дороже всего мира, и ты станешь его женой.

Царица разгневалась на мудреца, топнула ногой и вскричала:

– Замолчи, колдун! Ложью меня не запугать!

Но он продолжал:

– Счастье наконец-то придет к тебе, но ненадолго. Вскоре

один из вас умрет, а другому жизнь станет горше смерти. Так будет.

Только он сказал это, как царица призвала стражников, велела им схватить звездочета и сбросить его с той самой башни, с которой он увидел и разгадал ее судьбу. “Так будет, царица!” – кричал он, пока не столкнули его вниз с огромной высоты. Тело его упало к подножию башни, забрызгав кровью белые стены. Много лет прошло с тех пор. Мир менялся, забылись слова безумного старца, новый звездочет успел состариться, но в душе царицы живет страх, и она все ждет того человека из-за Большой Воды.

Дию замолчал, устремив взгляд в пространство. Молчал и Хаггар, не решаясь задать мучивший его вопрос. Наконец лекарь встрепенулся, взглянул в задумчивое лицо арандарца и снова улыбнулся:

– Ну, понравилась тебе сказка?

– Не знаю.

– Что же ты не пьешь? Или вино не пришлось тебе по вкусу? Однако оставим старые истории. Я хотел поговорить с тобой о другом. Ты сын правителя и, думаю, знаком с законом, согласно которому гость – персона важная. Долг гостеприимства превышает всего, а тот, кто его нарушает, достоин презрения. Я понял, отчего ты решил уехать. Это твое право. Но умоляю тебя, оттяни свой отъезд! Ты обидишь княгиню, опозоришь ее, покинув Раэнор накануне праздника. Она этого не заслужила, мальчик. Она запретила мне упоминать

об этом, но я должен сказать: жизнью своей ты обязан госпоже. Кое-что в лекарстве я понимаю, но твои раны даже мне не под силу было излечить. Да и не удивлен ты разве, что два дня тому назад умирал, а теперь почти здоров? Она отдала тебе часть своей силы, часть жизни своей! Будь же благодарен!

– Что я должен сделать? – помолчав, спросил Хаггар.

– Самую малость. Не уезжай, останься до конца праздника. Никто не говорит о том, чтобы бегать за Элен. Ты гость и ты сам волен собой распоряжаться. Если хочешь, я составлю тебе компанию на это время. И еще. Прими мой совет, дружок. Ты сетуешь на излишнее внимание к себе, но ты сам в этом виноват! Разнорцы совсем не злы, они лишь крайне любопытны и придают слишком большое значение пустякам. Твой необычный костюм, да и весь твой грозный вид привлекли бы внимание и не таких сплетников, как они. Нет, я не предлагаю тебе облачаться в их прозрачные ткани, скорее обнажающие, чем скрывающие тело. Я и сам не образец для подражания здешних модников. Однако, согласишься, твоя одежда хороша для похода, но совсем не годится для дворца.

Хаггар нахмурился:

– Другой у меня нет.

– Завтра утром я принесу тебе подходящий костюм.

– Спасибо! Мне уже приносили один!

Дию рассмеялся:

– Нет, совсем еще мальчишка! Не бойся, на меня ты мо-

жешь положитьсь. Завтрашний день я проведу с тобой. Мы побываем на Посольском приеме. Но до этого с утра я зайду в твои покои, и ты должен будешь послушно исполнить то, что я тебе скажу. Договорились?

– Ого, я рискую! – улыбнулся Хаггар.

– Тебе не придется об этом пожалеть, обещаю. Ты, арандамарец, нравишься мне, и поэтому можешь рассчитывать на мою дружбу, а дружба Дию чего-нибудь да стоит!

– Стоит того, чтобы за нее выпить!

Они подняли чарки, выпили прохладного, сладкого вина и замолчали. Каждый думал о своем, пока Дию, встрепенувшись, не вскрикнул:

– Эй, да мы засиделись! Вставай, дружок, дай-ка я взгляну, все ли в порядке с твоим плечом.

Он внимательно осмотрел заживающие рубцы, удовлетворенно хмыкнул:

– Решительно, лекари Раэнора – самые великие лекари под Солнцем! Что ты молчишь, или не согласен?

Хаггар засмеялся:

– Согласен, согласен!

– То-то! А теперь одевайся. Я отведу тебя в твои покои.

– Зачем? Я и сам доберусь.

– Не сомневаюсь, – невозмутимо поддакнул Дию. – Вот только вопрос – когда. Мне бы хотелось, чтобы ты еще и выспаться успел. Так что я уж лучше тебя провожу.

Они оба, переговариваясь, вышли в коридор, снова верну-

лись на второй этаж, прошли немного по галерее, свернули в переход и оказались прямо перед дверью, ведущей в комнаты Хаггара.

– Ну, мальчик, приятных тебе снов! Завтра чуть свет я разбужу тебя. – Дию легко поклонился.

– До завтра, друг. – Арандамарец с улыбкой ответил на поклон.

Лежа в постели, Хаггар ворочался, не в силах отделаться от тревожных дум. Конечно, он не может так оскорбить княгиню. Элен не виновата в том, что он не может внушить ей ответного чувства. Видимо, он действительно всего лишь смешной юнец. Старик Дию добр, придумал целую сказку, чтобы хоть как-то его ободрить, вселить в его сердце надежду. Несомненно, он видел молочно-белый камень на витой серебряной цепочке, висевший на шее арандамарца, – талисман, подаренный ему матерью, – когда перевязывал его раны. Но утешать себя выдумками – нет, Хаггар не опустится до этого. Да, он останется и постарается не попадаться на глаза капризнице. Пусть не воображает, что сумела одержать над ним верх. Однако, как ни странно, он совсем не сердится на нее. Наоборот, ему стало бесконечно ее жаль, такую гордую, неприступную, холодную, но такую одинокую и беззащитную перед собственным страхом. Пусть себе старается его разозлить, если ей так легче. Да и кто знает, что еще может случиться и с ним, и с нею. С этими мыслями арандамарец заснул. Ему снилась княгиня. Или это была та женщина

с таинственного портрета? Она склонялась над ним, печально и ласково улыбаясь, и он чувствовал, как нежные губы запечатлевают на его лбу робкий поцелуй.

Его разбудило яркое утреннее солнце. Приоткрыв глаза, Хаггар с удивлением обнаружил, что полог кровати отдернут, окна распахнуты, на столе громоздятся подносы с кушаньями, источающими соблазнительные ароматы, а рядом с кроватью стоит Дию и смотрит на него, неодобрительно хмурясь.

– Вставай, рыцарь! Если ты не поторопишься, мы рискуем опоздать на Посольский прием. Да вставай же, лентяй, ванна уже готова!

Хаггар вскочил с кровати, потянулся так, что хрустнули суставы, и быстро пробежал в небольшую овальную комнату, где, скинув рубашку, с наслаждением погрузился в прохладную голубую воду бассейна, вдыхая запах пурпурных лепестков роз, качающихся на воде, словно отсветы огней. Вот так бы лежать, слушать ласковое журчание воды... Так нет же, Дию ворвался и сюда:

– Вылезай, да поживей! С нынешней молодежью одни заботы! Только бы нежиться на перинах, а старики пускай хлопчут, наживают себе неприятности! – Лекарь извлек его из ванны, накинул ему на плечи огромное полотенце и потащил обратно в комнату.

– Вот, взгляни, и если скажешь, что и это тебе не подходит, я просто умру от отчаяния! – указал лекарь на аккурат-

но разложенную в кресле одежду.

– Не переживай, друг, ради тебя я надена даже юбку! – Решительно подойдя к креслу, Хаггар принялся облачаться в принесенную одежду, невольно морщась – болело плечо. К его несказанному удивлению, костюм не был таким уж необычным, почти ничем не отличаясь от его прежнего платья, вот разве что ткань потоньше да шитья побольше. Расчесав еще влажные волосы, черными локонами рассыпавшиеся по плечам, он повернулся к Дию:

– Ну, как?

Старик взглянул на него и надолго замолчал. Элен намекала ему, а он, старый болван, не верил, не угадывал! Как же похож он на того, другого! То же гордое лицо, пристальный, властный взгляд серых глаз, плотно сжатые губы, тонкий нос с легкой горбинкой... Как непостижимо, странно все это! И острое предчувствие беды кольнуло сердце старика.

– Почему ты молчишь? – подозрительно спросил Хаггар, чувствуя себя неуютно под пристальным взглядом старика.

– Онемел от восторга! Садись, подкрепись как следует. Да поспеши!

Он замолчал и наблюдал за арандамарцем, пока тот завтракал с завидным аппетитом, а когда наконец-то насытился, лекарь снова накинудся на него, торопя:

– Вставай, нечего рассиживаться, мы должны пройти в зал незаметно, пока там не появилась княгиня. Эй, зачем это ты пристегиваешь к поясу меч? Хаггар, с оружием на прием?!

С явным сожалением положив меч обратно, арандамарец вздохнул:

– Что ж, я готов. Пошли, раз уж ты так торопишься.

Они вышли из покоев. Дию оглянулся по сторонам, словно чего-то опасаясь, и повел Хаггара в Тронный зал.

С самого утра княгиня была не в духе. Проснувшись раньше обычного, она хмуро наблюдала за тем, как служанки готовят ей ванну, как накрывают на стол, как бережно раскладывают ее наряд. Настроение не улучшилось и после того, как в освеженном, натертом благовониями теле появилась легкость. Элен казалось, что день пасмурен, что ее разбудил шум за окном и еще слишком рано, что служанки крайне рассеянны и топают, как табун лошадей. Почти не притронувшись к еде, она отдала себя в их руки, и пока девушки одевали ее, трудились над прической, украшали шею и руки драгоценностями, Элен думала о том, как бы поскорее прошли праздники. Жизнь снова войдет в привычную колею, днем она будет отдыхать в одиночестве, а ночами – подниматься в башню, всматриваться в небо, и ждать, ждать... Что толку в друзьях? Дию отказался сопровождать свою госпожу на прием. Талион не выносил всех этих торжественных затей... Даже мальчик арандамарец, и тот оставил ее.

От этих мыслей Элен совсем сникла. Захотелось, сославшись на болезнь, отменить и прием, и праздник, и охоту, но она знала, что не сделает этого. Время приближалось к по-

лудню. Княгиня вздохнула и поднялась с кресла. Пора.

У дверей ее ждал Ирлинг в праздничных одеждах, в нетерпении ходивший взад-вперед мимо невозмутимых стражей. Увидев княгиню, он быстро поклонился и глубоко, шумно вздохнул.

– Волнуешься? – Элен придиричиво оглядела его наряд. На удивление, все было в порядке: белоснежные кружева расправлены, ленты на рукавах под цвет ее платья завязаны пышными бантами, начищенные до блеска золотые пряжки на башмаках отбрасывают солнечные блики на паркет. Ирлинг кивнул:

– Боюсь, как бы коленки не задрожали!

– Ничего, – ободрила его Элен, – это только в первый раз страшно. Вот увидишь, посольства – такая смертельная штука! Они похожи одно на другое, как капли воды. А где Румиль? Он уже должен быть здесь!

– Он и был здесь, госпожа. Не беспокойся, сейчас проверит караулы и присоединится к нам перед самой церемонией.

– Что ж, пойдём. Княгине не годится опаздывать.

Тронный зал изумлял своими огромными размерами. Здесь и в помине не было привычной легкости, воздушности и изящества, царивших в остальных помещениях дворца. Высокие белые потолки, украшенные строгими лепными узорами, сходились сводами в почти недоступной высоте. Тяжелые гирлянды позолоченных люстр свисали вниз ог-

ненными гроздьями. Тысячи витых свечей горели, заливая центр зала дрожащим светом. Ряды массивных колонн из черного гранита покоились на постаментах в виде золоченых драконьих лап и, уходя ввысь, поддерживали перекрытия потолка капителями в виде голов дракона, тускло отливающими золотым блеском в полумраке сводов. Окна – широкие, от самого пола – впускали солнечный свет. Их проемы ярко светились на фоне стен, выложенных тонкими отполированными пластинами темно-синего лазурита. Отделяя их друг от друга, из стен выступали черные полуколонны, рассекая лазуритовые волны. Сине-белая мозаика пола подчеркивала холодную красоту. Зал наполовину пустовал, на прием были приглашены лишь самые знатные семейства Раэнора. Всего несколько рядов гостей стояло внизу, за спинами дворцовых стражей, двумя плотными шеренгами выстроившихся от дверей до возвышения, на котором стоял трон, образуя широкий коридор, по которому пройдут посольства. Остальные гости, те, кто был менее знатен, расположились на балконе, тянущемся вдоль двух противоположных стен зала. Ожидая начала приема, придворные дамы и кавалеры откровенно разглядывали друг друга и тихо переговаривались, обсуждая богатство отделки туалетов и смелость выдумки портных. великолепие их одежд бросало вызов строгому убранству зала. Но, несмотря на всю их пестроту, толчею и суету, люди были просто незаметны среди величественной простоты.

Наконец колокол на башне прозвонил двенадцать раз. Когда звук последнего удара растаял в нагретом воздухе, словно вторя ему, с хоров раздались звуки труб, а потом загремела музыка. Тяжелые двери из черного дерева медленно отворились, и в зал вошла княгиня Элен Раэниель. Гости склонились в глубоком поклоне, а она медленно шествовала по коридору из шеренг стражников. Они застыли, словно каменные изваяния, и только глаза их внимательно следили за княгиней. Элен сопровождали ее секретарь Ирлинг и телохранитель Румиль. Дойдя до возвышения, они остановились. На нижних широких ступенях по обе стороны от трона стояли советники в жемчужно-серых праздничных одеждах. Знак Совета – бриллиантовый полумесяц – висел на золотой цепочке на груди у каждого. Все они склонили головы перед госпожой, а она ответила им легким поклоном в знак уважения и признания их заслуг.

Затем, приподняв подол темно-лилового платья, княгиня взошла по ступеням на возвышение, где под черным балдахином с тяжелыми золотыми кистями стоял трон. Синий атлас обивки, позолота резного дерева перекликались с убранством зала. Сев, княгиня огляделась и на миг замерла. Сотни глаз смотрели на нее. Сегодня она была властительницей, полной величия, от воли которой зависела судьба всего Раэнора. Знаком этой неограниченной власти был княжеский венец из благородного серебра с вправленным в него огромным алмазом, украшавший чело госпожи. Ее волосы были

убраны под тонкое белое покрывало. Руки спокойно лежали на подлокотниках трона, ноги в синих с золотом башмачках покоились на черной бархатной подушечке с гербом Раэнора.

По правую сторону от княгини, чуть позади, стоял Ирлинг, а слева – Румиль. Человек этот, в отличие от остальных, всем своим видом показывал, что попал сюда совершенно случайно и вовсе не желает принимать участие в торжестве. Его мрачный костюм наводил уныние, хмурое, совершенно бесстрастное лицо не выражало ничего, кроме скуки. Единственный в зале, кроме стражников, он был вооружен. Короткий меч и кинжал в скромных кожаных ножнах висели на его поясе.

Убедившись, что все вокруг ожидают лишь ее знака, княгиня взмахнула рукой, и тотчас же сбоку из толпы гостей показалась высокая, худая фигура церемонимейстера. Особой походкой, выработанной им специально для столь торжественных случаев, почти не сгибая ног, он подошел к возвышению, отвесил несколько замысловатых поклонов княгине и гостям и резко выпрямился. При каждом движении церемонимейстера позументы и позолота, во множестве нашитые на его одеяние, ярко вспыхивали в солнечном свете. Он откинул упавшие на лоб волосы гордым движением головы, развернул внушительный свиток, что держал в руках, и громко, торжественно объявил:

– Посольство Морна!

Затем церемонимейстер быстро свернул свиток и отступил в сторону. Тотчас сверху, с хоров, загремела музыка, двери распахнулись, и всеми вдруг овладела безотчетная тревога. Словно черная грозовая туча вползла в зал, наполняя воздух угрозой. Даже свет яркого дневного солнца потускнел. Посланцы из-за гор шли, образуя “стрелу”, знаменитое построение атакующих отрядов Морна. Грохот их шагов заглушал рев труб и литавр. Тяжелая поступь идущих в ногу тысячных войск Морна слышалась в этих звуках. Во главе посольства шли несколько коренных морнийцев – народа, первым принявшего Врага и всегда бывшего верным своему господину, были ли то годы его могущества или века изгнания. Они были полны достоинства, гордые властью, коею их облекли, высокие, статные, черноволосые. На их суровых, хищных лицах горели темные, пронзительные глаза. Властные взгляды, которыми морнийцы обводили толпу, заставляли сердца дрожать от внезапно нахлынувшего страха. Весь мир будет принадлежать им, так обещал их хозяин, и они не сомневались, веря ему во всем. Одежды монийцев были черны, но о богатстве говорили массивные золотые цепи, пояса, перстни с огромными самоцветами. В посольстве были не только люди Морна. Два уйга – темнолицых, пухлогубых, едва сдерживающих свою порывистость, отличающихся от остальных пестротой одежд, впрочем, столь же обильно украшенных золотом, и один степняк – его раскосые глаза таили злобную ухмылку – шли чуть позади. Никто

из них не был вооружен, но угрозу почуяли все. Стражники напряглись, Румиль согнал с лица скуку и зорко всматривался в идущих, следя за каждым их движением. Ирлинг побледнел, советники переглядывались, стараясь скрыть смущение. Элен прекрасно это видела. Стыд за свою беспомощность жег огнем, но, не подав и виду, что заметила высокомерное презрение гостей, она приветливо улыбалась, пряча за улыбкой ненависть.

Пройдя коридор и достигнув возвышения, послы остановились. Тотчас музыка смолкла, и зал застыл в тишине. Вперед вышел глава посольства. На его груди висел золотой диск с магической руной Владыки. Отвесив легкий поклон, он гордо выпрямился, и пронзительный, хриплый голос разнесся по залу:

– Властелин мира, покоритель народов, колебатель престолов, вершитель Судеб, господин Вечности Морн Могучий приветствует княгиню Раэнора Элен Раэниэль! Памятуя об узах давней дружбы, что неразрывно связывают наши земли, мой господин милостиво дарит тебе в знак своего расположения к Большому празднику то, о чем ты просила – жизни двенадцати пленников. Вот их имена. Отныне они твои, и ты вольна делать с ними все, что хочешь.

Посол шагнул вперед, поставил ногу на ступень, ведущую к трону, и протянул княгине свиток. Его передал Элен Ирлинг, на которого посол зло сверкнул черными глазами, но смирил недовольство, отступил назад и продолжил речь,

лишь в голосе его явственнее стала слышна угроза:

– Морн Великий желает тебе и твоему народу благополучия. Он ценит верность, преданность и послушание. Поэтому просит принять еще один дар.

Сказав это, он обернулся, подал знак рукой, и двое из его свиты вышли вперед, с видимым усилием неся какой-то предмет, укрытый от любопытных глаз тяжелой черной тканью. Подойдя к послу, они остановились. Ткань спала, и все увидели большое, круглое золотое блюдо. На блюде лежал спрятанный в золотые чеканные ножны кинжал. Бережно взяв его в руки, посол с благоговейным, строгим выражением лица поднялся на возвышение. Ирлинг, сунувшийся было принять у него подарок, как вкопанный, замер на месте, остановленный яростным взглядом морнийца. Он понял, что лучше отойти с дороги этого чужака. Подойдя к трону, посол глубоко поклонился. Княгиня встала, кивнув ему, и приняла из рук в руки обычное на первый взгляд оружие. Она осторожно извлекла кинжал из ножен. Показалось длинное тонкое изогнутое лезвие. Темный металл не излучал блеска, наоборот, ловя на грани лучи солнца и отблески свечей, поглощал их, оставаясь все таким же безжизненно-холодным. Элен, вздрогнув, увидела хорошо знакомое клеймо. Неужели еще что-то осталось от того, кто когда-то, тысячи лет назад, ковал его?

– Дасар старинной хьорландской работы! – спрятав смущение, воскликнула княгиня. – Необычайно щедрый пода-

рок!

– Мой господин щедр всегда. Он умеет ценить и дружбу, и вражду, и предательство, и верность, – с достоинством подтвердил морниец.

– Несомненно. Однако мне бы хотелось, чтобы ты кое-что объяснил. – Княгиня снова села, положив вложенный в ножны кинжал на колени. – Здесь, в свитке, говорится о двенадцати пленниках, но мне известно, что границы Раэнора пересекли лишь девять. Где же остальные трое? – И остановила пристальный, изучающий взгляд на надменном лице посла. Он усмехнулся и развел руками:

– Княгиня, я глубоко опечален. Но поверь, моей вины в случившемся нет. Дороги нынче трудны и опасны, а тем более с такими пленниками, как эти проклятые альвы, выбранные тобой. Уроки, преподанные этим негодьям в крепостях Морна, не пошли им впрок. Мы были уже на полпути к Раэнору, когда неожиданно на нас напала стая каких-то жутких оборванцев, разбойников из-за Реки, принявших, наверное, нас за обоз с товарами. Их ошибка обошлась им дорого. Никто из этой шайки не ушел от нас живым. Но воспользовавшись тем, что внимание наше ослабло, трое пленников решились на бегство. Ты должна понять, княгиня, нам приказали доставить их сюда, а не отпускать на все четыре стороны. Гнаться за ними мы тоже не могли. Поэтому их догнали наши стрелы. Они сами виновны в своей гибели, не так ли? – Его глаза сверкнули вызовом.

– Так, посол. Ты рассудил верно. – Княгиня улыбнулась ему, но какой ценой далась ей эта улыбка! Как ненавидела Элен этого напыщенного наглеца! Но она осознавала собственное бессилие. – Однако не кажется ли тебе странным, что, как только посольство сопровождаешь ты, я недосчитываюсь двоих-троих пленников, а если их доставляет кто-то другой, все проходит спокойно?

– Видно, злой рок преследует меня, княгиня.

– Похоже, что так, посол. Я, право же, начинаю за тебя бояться! Конечно, на границах у нас довольно спокойно, но все же на обратном пути ты можешь попасть в переделку. Вдруг эти разбойники были не одни? Или степные кочевники захотят поживиться за ваш счет? Ты должен быть очень осторожным, в бою может случиться всякое!

– Не беспокойся, княгиня, если со мной случится несчастье, за меня будет кому отомстить. И того, кто причинит мне вред, найдут хоть на дне морском. – Морниец криво ухмыльнулся прямо ей в лицо.

– Не сомневаюсь. – Княгиня безмятежно ему улыбалась. – Ты ведь останешься на праздник?

– Думаю, да.

– Что ж, тогда у нас будет возможность поговорить подробнее об уроне, который снова нанесен моей казне. Тебе известно, что я плачу за рабов золотом? Ну да ладно. Передай Морну Великому, что Раэнор сохраняет ему верность, гордится соседством с таким могучим владыкой и остается

его надежным другом. Можете идти.

Подав знак, что отпускает их, она наблюдала, как толпа расступалась перед людьми Морна, словно боясь к ним прикоснуться, как, отворачиваясь, раэнорцы опускали головы, пряча глаза от угрюмых взглядов южных соседей. Как только морнийцы заняли свои места среди зрителей, на середину зала снова вышел Фреагор. Снова черед замысловатых поклонов, и он зычно прокричал:

– Посольство Бэлистана!

Опять зазвучала музыка, аромат пряных благовоний разнесся в воздухе, и в зал вошло посольство с Востока. Если мрачный вид морнийцев наводил страх и уныние, то теперь полные восхищения глаза зрителей были прикованы к медленно, торжественно шествующим послам. Великолепием нарядов они затмили даже раэнорцев. Атлас и бархат, густо затканые серебром и золотом, тяжелыми складками спадали с их плеч, ожерелья из сверкающих самоцветов, перстни с алмазами, рубины и изумруды, скрепляющие шарфы из невесомой вуали, повязанные вокруг голов, сияли в лучах солнца. Султаны из пушистых, белых перьев приносящей счастье птицы Кеа трепетали при каждом их шаге. Глава посольства, поминутно кланяясь и поглаживая короткую рыжеватую бородку, шел впереди, а за ним шедшие попарно слуги несли на вытянутых руках ларцы с подарками. Дойдя до возвышения, посол остановился, отвесил три глубоких поклона, подождал, когда смолкнет музыка, и ласко-

во, нараспев, вкрадчивым голосом начал речь:

– О прекрасная царица! Повелитель Бэлистана шлет тебе свой поклон! Он горд той честью, что приносит ему дружба с тобой. Он полон благодарности за ту великую и неоценимую помощь, что ты ему оказываешь. Да будет благословенно имя твое, царица, весь род твой и вся твоя земля!

Рассыпаясь в похвалах, посол меж тем упорно искал глазами среди советников Таргона, а найдя и получив знак, что его дело решено положительно, еще жарче принялся изливать чувства, переполнявшие его сердце:

– Сколь ничтожны те дары, что мы можем поднести к твоим стопам, о царица! Ты достойна того, чтобы весь мир повергся ниц перед твоей красотой и мудростью. Но дары наши от чистого сердца, поэтому будь великодушна и прими их.

Дав знак своим людям подойти, посол принялся расхваливать подношения:

– Вот магические камни: камень воздуха столь же прозрачен, как утренний воздух ваших гор. Кроваво-красный камень огня поможет удержать возле себя того, кого ты наделишь честью своей любви. Темно-зеленый камень земли столь же прекрасен, как листва деревьев в твоих садах. Он наделяет силой и здоровьем. Бледно-голубой камень воды смывает с сердца скуку и печаль. А это – особый камень.

Слуга открыл большую перламутровую шкатулку. На сером бархате лежал прозрачный, стального цвета, с множеством граней камень величиной с кулак. Посол осторожно

взял его в руки и поймал на грани солнечный луч.

– Взгляни, княгиня! Видишь, как пляшет в глубине камня тень? Это большая редкость! Наши мастера еще не постигли столь безупречного мастерства, это работа ювелира с Запада. Он пришел в нашу страну ненадолго и ушел, унося секреты с собой.

Посол рассказывал, а его люди кланялись. Свет дрожал на гранях драгоценных камней. Восхищенный шепот придворных и загоревшиеся алчностью глаза морнийцев свидетельствовали о том, что подарки оценены по достоинству.

– Но это еще не все! – торжественно сказал посол, весьма довольный таким приемом, хлопнул в ладоши, и к подножию трона легло конское седло и сбруя такой изумительной красоты и богатства, что зал ахнул. Княгиня, милостиво улыбнувшись, спросила:

– Найдется ли в моих конюшнях конь под стать такой красоте?

Посол в ответ с поклоном возразил:

– Не сомневайся, повелительница, такой конь есть, и он уже ест овес в твоей конюшне.

– Что ты говоришь! Почему я не знаю об этом? – удивленно спросила княгиня. Посол лукаво улыбнулся:

– Это будет для тебя приятной неожиданностью, ибо конь сей и впрямь необыкновенный. Другого такого нет в мире.

– Посмотрим. Однако и без того господин твой весьма щедр. Поэтому я тоже хочу что-нибудь ему подарить. Проси,

что хочешь, посол, я выполню твою просьбу, если только она не слишком дерзка.

Посол, низко склонившись в поклоне, осторожно произнес:

– Просить слишком мало – обидеть дарящего. Поэтому просьба моя будет велика. Государыня, многие чудеса рассказывают о Раэноре, но больше всего он прославился искусством своих врачей. Не хмурь прекрасные брови, царица, ты же сама позволила мне говорить! Я прошу, пусть твои лекари примут к себе в обучение трех наших мальчиков, пусть откроют им свое знание. Повелитель мой не пожалеет для тебя ни золота, ни алмазов, только согласись!

Княгиня молчала несколько мгновений, а потом, решившись, улыбнулась:

– Я обещала, что исполню твою просьбу, и обещание сдержу. А еще поздравлю господина твоего с таким умным, преданным слугой. Присылайте мальчиков.

Она дала понять, что разговор закончен.

Посольства следовали одно за другим. Медленно шествовали северяне с Железных холмов. С ними было несколько гримов. Представители нескольких племен степняков проковыляли на коротких, кривых ногах, вызывая скрытые усмешки раэнорцев. Все ближайшие и даже более дальние соседи не забыли прислать своих представителей. День подходил к концу, все бледнее становился свет солнца и все ярче пылало пламя свечей. А потом и сумерки сменились тем-

нотой. Голос Фреагора стал хриплым, движения – не такими уверенными. Гостями овладело равнодушие. Томно обмахиваясь веерами, они переминались с ноги на ногу. Стражники провожали тоскливыми взглядами уходящих послов. Но вот наконец обессиленный церемонимейстер с плохо скрытой радостью в голосе выкрикнул:

– Посольство Куртанэ!

Оно было последним. Толпа встрепенулась, стряхивая усталое равнодушие, музыка зазвучала в последний раз, и в зал вошли строго одетые, подтянутые люди. Их было немного, да и никаких подношений посланники, по всей видимости, делать не собирались. Они уверенно прошли коридор. Двое подошли к самому возвышению, остальные остановились в двух шагах. В одном из подошедших княгиня узнала посла, с которым разговаривала на Совете, а вот его спутник ей сразу не понравился. Глаза его уж слишком пристально шарили вокруг, и во всем его облике была напряженность. Однако, судя по тому, как оглядывался на него посол, словно ища одобрения, княгиня поняла, что власть этот человек имел немалую. Получив разрешение говорить, посол поклонился и спросил:

– Госпожа решила?

Княгиня нахмурилась. Накопившаяся за день усталость делала ее раздражительной. А тут еще сверлящий взгляд неприятного человека! Голос посла мягко увещевал:

– Мы не таим на тебя обиду за то, что нам пришлось весь

день прождать своего часа в передней. Но сегодня ты обещала дать нам свой ответ.

– Какого ответа ты ждешь? – перебила княгиня. Тот, покосившись на соседа, продолжал:

– Будь благоразумна, согласись, прими нашу дружбу.

Элен на минуту задумалась, потом решительно произнесла:

– Я очень высоко ценю желание Куртанэ помочь нам, но сожалею: я не смогу заключить с ним союз.

Резкий голос тут же перебил ее:

– Почему? – Это говорил тот, второй. Словно не обращая внимания на его злобу, Элен спокойно обратилась к послу:

– Я не свободна в своем выборе. Возможно, недостаточно у меня и благоразумия. Поэтому я отказываюсь от предложения Куртанэ, без сомнения, очень лестного и выгодного для меня. Сожалею, что долгое ожидание оказалось бесплодным. Но, возможно, за время пребывания в Раэноре вам удастся найти союзников в других землях.

Посол, хмурясь, слушал ее, а его помощник бросал разъяренные взгляды то на него, то на княгиню.

– Передайте Куртанэ, что, ценя его мудрость и прозорливость, я была бы счастлива заручиться его дружбой и поддержкой. Но другие, более крепкие, давние узы мешают мне сделать это. Я не из тех, кто в погоне за выгодой предает старых друзей и союзников.

Говоря так, Элен взглянула туда, где в отдалении от про-

чих стояли люди Морна. Вдруг спутник посла ринулся по ступеням к трону, на бегу выхватив из широкого рукава рубахи кривой нож. Румиль не успел преградить убийце путь: стремительно выпрямившаяся княгиня на миг закрыла от него нападавшего, но и этого мига было достаточно, чтобы безумец оказался рядом с Элен и занес над ней нож. Она успела выхватить из ножен дасар, лежавший до этого на ее коленях, и отвела удар. В тот же миг Румиль кинулся на убийцу, одним страшным ударом свалил его с ног и сбросил с возвышения вниз, в руки стражников. Однако злодей не унимался. Пытаясь вырваться, он хрипел, вращал дикими, налитыми кровью глазами и пронзительно кричал:

– Ты сдохнешь, тварь, но прежде тебя на веревке приволокут к моему господину и языком заставят лизать его сапоги!

Пока его вели из зала, он не переставая выкрикивал ругательства. И только когда затворились тяжелые двери, визгливый голос замолк. В наступившей тишине слышалось лишь тяжелое от пережитого волнения дыхание Румиля, с ненавистью смотревшего на послов. Те, окруженные стражниками, с заломленными назад руками, бледные, растерянные, не сводили глаз с лица княгини. Они ждали решения своей участи. Элен молчала. Она даже не успела испугаться, так быстро все произошло. Взглянув на дасар в своей руке, княгиня на миг замерла: лезвие было в крови. Значит, она все же ранила нападавшего. Мрачно улыбнувшись, она вытерла лезвие платком, услужливо поданным Ирлингом, и вложила

его в ножны. Помолчала еще немного и ровным, бесстрастным голосом произнесла:

– Вас оставят в живых. Чтобы не портить праздник. Завтра утром, еще до восхода солнца, вы покинете дворец. Все. Если кого-то из вас все же застанут здесь, казнят немедленно. Вы слышали.

Глава посольства, подталкиваемый стражниками к выходу, с отчаянием выкрикнул:

– Прости, княгиня! Это не вина моего господина! Куртанэ не желает тебе зла!

Но, поймав на себе ее гневный взгляд, умолк. Под ропот толпы послов вывели из зала. Когда двери за ними закрылись, шум снова стих. Дождавшись знака госпожи, вперед снова выступил невозмутимый Фреагор и важно объявил:

– Прием закончен!

Княгиня поднялась с места и сошла с возвышения, опираясь на руки Ирлинга и Румиля. Под звуки торжественной музыки она проходила по живому коридору, видя лишь склоненные головы. Но тут она заметила, как в толпе придворных мелькнуло и тут же исчезло лицо того, кто уж совсем не мог здесь оказаться. Она даже остановилась на миг, внимательно оглядывая склоненных в глубоком, почтительном поклоне людей. Нет, показалось. Поймав на себе удивленные взгляды спутников, княгиня ускорила шаг и вышла из зала.

Только подойдя к своим покоям, Элен облегченно вздохнула. Хвала богам, прием закончился. И скучать особо не

пришлось, особенно в конце. От пережитого волнения ее сердце колотилось и руки дрожали. Все еще опираясь на руку Румиля, Элен спросила секретаря:

– Послушай, ты не заметил ничего странного после того, как этот сумасшедший кинулся на меня? Никакого движения там, внизу, среди гостей?

Ирлинг недоуменно мотнул головой. Элен нахмурилась.

– Ну какой же ты! Кажется, там был какой-то шум. Нет? Румиль, а ты ничего не заметил?

Телохранитель покачал головой. Выведенная из себя их упрямством, княгиня вспылила:

– Вы оба – несказанные олухи! Вместо того чтобы наблюдать, внимательно наблюдать за происходящим, мечтаете, неизвестно о чем! Мало того, вы спите даже тогда, когда мне угрожает смертельная опасность, и я сама вынуждена защищаться. Теперь везде станет известно, какие болваны мои приближенные! Ладно, Ирлинга я еще могу простить, это его первый прием, да к тому же все знают: он оболтус, каких мало. Но ты-то, Румиль! Что с тобой? Или, может, ты хочешь поменять хозяина? Если так, не стоит ждать, пока меня убьют, дай мне знать, и я похлопочу о твоём новом господине!

При этих словах Румиль, словно от удара, отступил назад. Его лицо побледнело, а в глазах появилось такое страдание, что Элен стало жаль его. Смягчившись, она взяла телохранителя за руку и примирительно произнесла:

– Я устала, мой друг, прости мою резкость. Однако ты должен признать, что твоя вина в случившемся есть. Теперь иди, проследи за тем, чтобы послы Куртанэ убралась отсюда как можно раньше. Человек, напавший на меня, пусть тоже уходит с ними. Посольство должно покинуть Раэнор как можно скорее. И, Румиль, сейчас не время для мести.

Она, зло прищурившись, улыбнулась. Телохранитель понимающе кивнул и быстро исчез в коридорах, торопясь загладить вину.

Оставшись с Ирлингом, княгиня сурово оглядела его, резко выговорив:

– А ты, бестолковый секретарь, найдешь Талиона, где бы он ни был, и скажешь, что я жду его у себя. Да поживее! – прикрикнула она. Ирлинг от страха чуть на месте не подпрыгнул, развернулся и помчался по коридору вслед за Румилем. Элен улыбнулась, оглянулась по сторонам и исчезла за белыми дверями, ведущими в ее покои.

Служанка привела Талиона, когда княгиня, отдохнувшая, переодевшаяся, даже успевшая немного подкрепиться, полулежала на кушетке, закрыв глаза и о чем-то глубоко задумавшись. Услышав звук открываемой двери и тихие шаги, она очнулась от грез, приподнялась и ласково, ободряюще улыбнулась вошедшему альву. Когда служанка, поклонившись, вышла, оставив их наедине, Элен первой обратилась к гостю:

– Мы снова вместе, друг. Пройди, сядь рядом со мной.

Разговор будет долгим. Ты многое пропустил, отказавшись от приема.

Она указала Талиону на невысокое кресло, придвинутое к ее ложу. Тот молча последовал ее приглашению. Элен со все более возрастающей тревогой вглядывалась в его лицо. Альв был внешне спокоен и собран, однако по тому, как сжалась в кулак его ладонь, легшая на подлокотник кресла, княгиня поняла, что он крайне взволнован, но старается скрыть это от нее. Что могло так его раздосадовать? Словно не замечая его состояния, она, мило улыбнувшись, прошептала:

– Догадываюсь, что и твой день был нелегким. Как чувствуют себя вновь прибывшие? Может быть, им нужна моя помощь? Ну же, Талион, не молчи, почему ты опять такой скучный?

Однако альв не поддержал игривый тон госпожи. Склонив голову, Талион ровным, спокойным голосом произнес:

– Мне стыдно смотреть им в глаза.

Легкомысленная улыбка сошла с лица княгини. Она тихо сказала:

– Подумай, что ты говоришь. Это же глупость!

Он упрямо мотнул головой:

– Неужели ты не понимаешь? Я, сильный, здоровый, сижу здесь, в тишине и покое, наслаждаюсь беззаботной жизнью, а они... Я стараюсь спрятаться от своей совести, придумывая игрушки для толпы. Пытаюсь убежать от воспоминаний, которые все равно неотвратимо настигают меня. Это стано-

вится невыносимым!

Элен с участием смотрела на своего бедного друга, а когда он подавленно замолчал, мягко возразила:

– Все совсем не так, и ты сам это знаешь! Ты выстрадал свой покой.

Горькая улыбка тронула губы альва:

– Покой? Да, долгое время я обманывал себя, думал, что после всех скитаний, после гонений и издевательств своего же народа, после стольких страданий нашел наконец пристанище здесь.

Элен глубоко вздохнула:

– Я помню, каким ты попал сюда. И мне, и Дию казалось, что ты обречен, что силы твои истаяли.

– Так было. И только ты смогла мне помочь. Я надеялся, что странствия мои закончились, но ошибся. Дорога вновь зовет меня.

– И куда же на этот раз?

Талион, впервые за время их разговора подняв на нее глаза, ответил:

– Куда – еще не знаю. Но на этот раз я уйду не один. Княгиня, я понимаю, что жесток и неблагодарен по отношению к тебе. Ведь именно теперь вам пригодились бы наши знания и помощь. Но ты сама говорила, что Раэнор для нас – не тюрьма, а мы – не пленники.

Элен согласно кивнула. Она поняла, что услышит сейчас. Как она боялась этого, как не хотела! Талион продолжал:

– Мы решили уйти. Да, возможно, мы торопимся, возможно, слишком мало пользы принесли Раэнору. Но больше ждать мы не можем.

Это сообщение было для княгини тяжелым ударом. Не в силах сдержать волнение, она встала с кушетки и, шурша складками шелкового платья, медленно подошла к закрытому тяжелыми занавесями окну. Талион тоже встал, опечаленный не меньше Элен. Сейчас, когда она стояла, отвернувшись, и не видела его лица, альв мог больше не прятать в глубине души нежность. И когда он готов был уже прийти ей на помощь со словами утешения, его порыв остановил бесстрастный голос княгини:

– Я знала, что это неминуемо должно случиться. Но почему именно сейчас?

Талион подавил вздох и ответил:

– Ты разве не чувствуешь, что вновь надвигается опасность с Юга? Мы больше не можем отсиживаться за чужими спинами.

– Понимаю. Что вы намерены делать? Куда собираетесь уходить? Ты же знаешь, что ни один правитель Запада не рискнет довериться вам и принять в свое войско!

– Да, ты права. Но мы полагаемся лишь на свои силы. Клейменные альвы хотят отомстить за себя, княгиня.

– Вы окажетесь между двух огней. Думаешь, Запад оценит вашу жертву?

– Разве это важно? Нас не так уж и много, но быстрота и

внезапность ударов, боевой опыт не позволят Морну легко разделаться с нами. А что до того, куда направиться, то ведь земля велика и, к несчастью, всякой мрази на ней не убавляется.

Элен кивнула, соглашаясь. Обернувшись к Талиону, она спросила:

– Когда именно вы хотите уйти?

– Чем раньше, тем лучше, княгиня. – Альв внимательно посмотрел в ее лицо, однако, решив, что она успокоилась, тоже немного расслабился. – Как только придут в себя сегодняшние пленники. Думаю, не позднее, чем через месяц после праздника.

Элен оживилась.

– Ты так и не ответил, как чувствуют себя твои родичи! Судя по тому, как быстро вы хотите уйти, они не так уж плохи. Я права?

– Они смогут идти.

– Постой, а что, Линдир встретил брата? Должно быть, оба рады!

Талион быстро взглянул на нее и глухо произнес:

– Его брат был одним из убитых. Твои старания не помогли.

Лицо княгини вспыхнуло, как от пощечины. Но альв, не щадя ее, продолжал:

– Люди Морна повеселились на славу. Я не буду рассказывать тебе, как умирали те трое, но ты и сама знаешь, что

вызывает прилив веселья у твоих южных соседей. Их убили для забавы, чтобы развлечься, а заодно преподать урок послушания остальным.

Он видел, что эти слова причиняют ей боль. Элен пыталась сдержать чувства, но ее голос дрогнул, когда она сказала:

– Я дам вам лошадей, оружие и золото.

Талион покачал головой.

– Нет, княгиня, мы откажемся. И ты знаешь, почему.

Ее глаза наполнились слезами.

– Если бы ты знал, как я завидую тебе. Да, тебе, клейменный альв! Ты можешь уйти, вырваться из постылой неволи, а я... Я должна молчать, любезно улыбаться, принимать и посылать дары, заверять в дружбе. Моя ненависть не находит выхода, она сжигает меня изнутри. Ты в ответе лишь за себя, а мне приходится думать о княжестве.

– Но ведь Раэнор обречен!

– А его жители? Да, я сумела бы отомстить, но какой ценной! И вот я молчу, связанная по рукам заботами о благополучии подданных. Глупы те, кто стремится к власти, надеясь обрести свободу. Однако и в моем положении можно кое-что предпринять.

Ее губы искривились в мрачной улыбке.

– Талион, завтра праздник, и я снова, после многих лет перерыва, решила устроить единоборство. Вот только... Знаешь, у меня неприятное предчувствие. Эти состязания так

опасны! Слишком тяжелый удар может проломить голову, излишне резкий выпад – причина смертельных ран. Конь, взбесясь от страха, может сбросить и самого умелого седока, а ведь, падая, легко сломать шею! Эта забава не для послов. Да они и не захотят в ней участвовать. Разве что наши южные соседи. Ты же сам говорил – они не прочь поразвлечься. Вот я и боюсь, как бы не случилось несчастья. Нам это ни к чему.

Она замолчала, подошла вплотную к Талиону и взглянула ему в глаза.

– Ты много раз спрашивал, чем можешь отблагодарить меня за помощь. Теперь пришло время. Глава посольства спесив, обидчив и жаден. Я видела, как загорелись его глаза, когда он увидел груды самоцветов. И его может соблазнить награда – лучшее изделие победителя состязаний ювелиров. Я не хочу, чтобы его противник был случайным.

Талион улыбнулся. Вот чего хочет эта женщина! Она продолжала:

– Но никто не должен ничего заподозрить. Ведь нам нельзя портить отношения с соседями!

Альв кивнул, все так же не говоря ни слова. Княгиня тоже помолчала, а потом, не в силах сдержаться, с тоской спросила:

– Почему, почему ты уходишь? Ведь ты нужен нам, мне нужен, Талион, и теперь больше, чем когда бы то ни было!

Альва смутила ее слова, весь ее несчастный, потерянный вид. Взяв ее руку в свои ладони, он хотел было ответить, вы-

сказать то, о чем не решался даже думать все эти годы, проведенные в Разноре. Но тут в дверь комнаты настойчиво постучали. Талион тут же отступил назад и вышел так стремительно, что Элен не успела его остановить. Вместо него в комнату вошла служанка и доложила, что пришел лекарь Дию и хочет поговорить с госпожой.

Глава 3

ЛЕГЕНДА О КЕМЕНЪЯРЛОСС

Хаггар вздрогнул и открыл глаза. В ночной тишине густой звон колокола плыл над дворцом. Накануне арандамарец решил, что только приляжет отдохнуть, даже не раздеваясь, но вот заснул. Плеснув в лицо холодной воды, он немного взбодрился. Ничего, еще только середина ночи, а во дворце, как он уже знал, просыпаться рано было не принято. Быстро приведя в порядок одежду, пристегнув к поясу меч, Хаггар подошел к окну, отдернул тяжелые занавеси и распахнул створки настежь. Он все обдумал и теперь был уверен в успехе своего замысла. Прислушавшись и не уловив ничего, кроме удаляющихся мерных шагов часовых, Хаггар вскочил на широкий подоконник, слева от окна нашарил рукой толстые ветви лиан, зеленым водопадом спускающихся вдоль гладких каменных стен, дернул, проверяя, выдержат ли, и, крепко за них ухватившись, начал медленно спускаться вниз. Вскоре он оказался в соединяющем две соседние башни внутреннем дворике. Весь дворец состоял из множества высоких башенок со шпильями, соединяющихся меж собой крытыми переходами, галереями, хрупкими мостиками. Внутри, меж ними, в садах с фонтанами располагались дворы для отдыха. Эти строения выросли из общего двухэтаж-

ного основания, будто пикой, пронзенного самой высокой и мощной Сторожевой башней. Она никак не была соединена с остальными и гордо высилась над дворцом. Попасть туда можно было лишь с внутренней галереи второго этажа.

Покои Хаггара находились на южной стороне дворца, в самой отдаленной круглой башне. Окна спальни выходили в большой сад, тянущийся вверх, в горы, насколько хватало глаз, и никак не подходили для его плана. Выручила его маленькая комнатка, увешанная коврами, назначения которой он так и не понял. Именно оттуда и начал арандамарец свое путешествие. Прокравшись вдоль внутренней стены, он перелез через нее и спрыгнул на покатую крышу соседнего здания. Под ногами предательски зашуршала черепица. Застыв без движения, Хаггар напряженно вслушивался. Ничего. Взглянув вперед, туда, куда лежал его путь, он невольно залюбовался: в черноте южной ночи дворец переливался огнями. Только мрачная громада Сторожевой башни угрюмо нависала над всем этим великолепием. Пробежав по крыше, Хаггар достиг перехода, по нему добрался до башенки, прилегающей к Сторожевой башне, слез по резным уступам в стене, держась за ветки плюща и благодаря про себя здешних садовников, и оказался на висячем мостике, перекинутом через большой внутренний хозяйственный двор. Из разговора с Атни он узнал, что двор связан с основным зданием, а как раз это ему и было нужно. Хрупкий мостик, украшенный гирляндами розовых цветов, покачивался под нога-

ми арандамарца. Дойдя до середины, Хаггар посмотрел вниз, вздохнул и прыгнул. Приземлился он удачно. Оглядевшись, увидел на другой стороне двора калитку из железных прутьев. Прячась за огромными корзинами, бочками, ящиками, арандамарец добрался до калитки, но с досадой обнаружил, что она заперта. Запертыми оказались и остальные двери. Значит, эти разнорцы не так беспечны, какими хотят показаться.

Время шло, а арандамарец был еще так далек от цели! Придется снова скакать по крышам. Поставив одну на другую несколько пустых бочек, Хаггар вскарабкался по ним на мост и продолжил путь. Так, перелезая через стены, перепрыгивая с одной крыши на другую, укрываясь в густой зелени висячих садов, он добрался до крайней башни Восточной галереи. Все вокруг было погружено в крепкий предутренний сон. Сейчас только бы спуститься вниз. Нащупав ногой резную решетку оконца под самой крышей, он ухватился руками за одревесневшие плети дикого винограда, добрался до большого балкона, по поддерживающему крышу винтовому столбу скользнул вниз, а с балкона спрыгнул на крышу галереи. Теперь нужно было быть крайне осторожным. По столбу перекрытия спустившись на галерею, Хаггар тут же отступил к самой стене. Здесь было светло, как днем. Справа, из коридора, донесся лязг оружия и шаги: это менялась стража. Подождав, пока отряд стражников пройдет по внутреннему коридору, арандамарец подбежал к перилам, перелез

через них, покачнулся на узеньком карнизе, но удержался, схватившись за стебли плюща, оттолкнулся и повис. Галерея располагалась довольно высоко над землей, арандамарцу пришлось спуститься ниже. Уже потом он разжал руки. Взрыхленная земля спружинила под ногами.

Он оказался во внешнем дворе замка, в саду перед Восточными воротами. Прогулки по дворцу не прошли даром. Хаггар отлично помнил, куда следует двигаться дальше. Прячась за кустами жасмина, он добрался до самой крепостной стены. Светильники ярко горели вверху, на галерее, но, к счастью для арандамарца, вдоль всей стены росли высокие кипарисы, а меж ними – разросшиеся и сплетенные ветвями кусты акации. Под их надежным укрытием юноша добрался до своей цели – Северных ворот, все еще закрытых деревянными щитами. Отсюда главный вход во дворец был виден, как на ладони: высокая лестница с широкими ступенями, массивные двери и стража, двумя рядами выстроившаяся у входа. Теперь оставалось лишь ждать. Хаггар, поудобней устроившись в глубокой каменной нише, принялся следить, не откроются ли двери.

Колокол отзвонил четыре раза. Вновь сменилась стража, а Хаггар все ждал. Дворец спал. Ни звука, ни движения внутри! С тревогой вглядываясь в небо на востоке, где тьма уже отступала от горизонта, он заволновался. Уж не передумали ли во дворце? Но тут за тяжелыми дверями послышался неясный шум. Створки чуть приоткрылись. Яркий луч све-

та упал из проема на ступени лестницы, и во двор спустился человек. Он был один. Судя по дорогой одежде, по важной, степенной походке, по тому, с каким почтением отсалютовали ему стражники, то был важный господин. Он мог знать, отчего медлят во дворце. Хаггар выбрался из укрытия, внимательно следя за каждым движением придворного. Тот постоял немного, будто прислушиваясь, как и Хаггар, бросил взгляд в небо на востоке и неторопливо двинулся к Западным воротам. Пока незнакомец пересекал двор, арандамарец вдоль стены бесшумно, так, что не шевельнулась ни одна веточка, добрался до превращенной в сад западной части двора. Притаившись в кустах бузины, он отлично видел, как человек миновал площадь и пошел по нарядной аллее из магнолий. В саду было тихо и пустынно, лишь журчала вода в фонтанах. Но Хаггар не замечал ничего: ни запаха роз, ни предутренней свежести, ни тишины, царящей в таинственном сумраке аллеи. Сейчас он видел лишь фигуру человека в светлых одеждах, приближающегося к узкой тропинке, ведущей к домикам садовников, рядом с которой, обогнав его, и ждал арандамарец. Вот уже явственно слышны неторопливые шаги, вот он уже совсем рядом... Но раньше, чем Хаггар встретился с незнакомцем, он услышал тихое бормотание. С изумлением арандамарец разобрал слова:

– Да, мой друг, должно быть, очень обидно прождать на холоде столько времени, и все напрасно! Предутренняя сырость и сквозняки – не для свежих ран. Конечно, ты возра-

зишь мне, что наглец посланник должен получить свое, и я с тобой согласен, но... Видишь ли, того, за кем ты охотишься, давно уже нет во дворце. Ты опоздал!

Ну конечно же, он сразу узнал сварливый голос Дию! Выйдя из укрытия, Хаггар остановился перед лекарем, но в первое мгновение не узнал его, не поверил своим глазам. Где же незаметный, сутулый старичок в неизменно темном бесформенном балахоне? Перед ним стоял Главный лекарь Раэнора, наделенный властью возвращать к жизни утративших надежду. Он стал как будто выше ростом, согбенные плечи распрямились, гордо поднята голова. В полумраке, скрадывающем морщинки, он казался много моложе, с лица исчезла хитроватая улыбка, из-за которой арандамарцу казалось порой, что старик над ним издевается. Серьезно, пристально вглядывались в лицо Хаггара светлые глаза под седыми бровями, сурово сжаты тонкие губы. Волосы Дию, обычно заплетенные в длинную косичку, сегодня серебристыми волнами рассыпались по плечам, высокий лоб украшал золотой обруч с алмазными звездочками, вспыхивающими, когда на их грани падал свет. Белая туника из тончайшего шелка со множеством складок, ворот и широкие рукава которой были обшиты золотой нитью, на поясе была перехвачена позолоченными шнурами. Длинный полупрозрачный фиолетовый плащ скреплен на плечах золотыми застежками. Тускло поблескивала тяжелая золотая цепь с висящим на ней диском, в центре которого был впаян круглый матово-зеленый камень,

окруженный алмазами. Хаггар смог прочесть надпись, нанесенную на диск альфарскими рунами: “Еэрэст эмель актель”. Арандамарец даже немного обробел. Однако, вспомнив слова старика, нахмурился и резко спросил:

– Это правда, что послов уже нет во дворце?

Дию невозмутимо кивнул головой:

– Во избежание неприятностей и недоразумений их выслали через два часа после окончания приема. Зачем ждать до утра? Не скрою, сделано это было и по моему настоянию. Я опасался, а вдруг княгиня передумает, и обида возьмет в ней верх над благоразумием. Сейчас, видя тебя здесь, понимаю, что поступил правильно. К тому же и среди раэнорцев есть жаждущие отомстить за оскорбление, нанесенное госпоже.

– Будто? Но послушай-ка, Дию, а как ты узнал, что я именно здесь? – Арандамарец злился все больше оттого, что план его, мало того, что не удался, но и с легкостью разгадан пронырливым стариком. Лекарь все так же бесстрастно ответил:

– Видишь ли, я тороплюсь. По твоей вине я задержался, но, возможно, мы еще успеем к началу праздника. А по дороге я обо всем тебе расскажу. Не стоять же нам здесь, теряя драгоценное время! Да пойдем же! – Он подошел к Хаггару, взял его под руку, и тому ничего не оставалось, как только подчиниться.

Они шли довольно быстро, и Дию рассказывал:

– Еще вчера, когда ты своей непомерной горячностью ед-

ва не обнаружил нас, я понял, что прощать обиды ты не умеешь. И принял это в расчет, настаивая на том, чтобы опальное посольство было удалено из столицы. Нам не нужны неприятности. Сегодня утром, зайдя за тобой, как и обещал, я обнаружил, что твои покои пусты. Неразобранная, но помятая постель, остатки поспешной трапезы, отсутствие одежды и, что главное, оружия говорило о том, что я в тебе не ошибся. Дорогу, которой ты совершенно незаметно выбрался из дворца, указывало открытое окно и следы сапог на подоконнике. Честно говоря, я немного волновался. Вполне можно ошибиться в расчетах, зная человека так мало. Но, – и хитрая, такая знакомая арандамарцу улыбка скользнула по его тонким губам, – как видишь, я оказался прав. И если уж быть совсем откровенным, то, будь я помоложе, поступил бы так же. Но, видишь ли, поединки с убийцами – дело неблагодарное. Тот разбойник свое получил, будь уверен.

– Не знаю. У нас в Арандамаре покусившегося на жизнь правителя ждала бы жестокая казнь. А этот злодей уйдет невредимым. Я не беру в расчет тычки, полученные им от стражи. Да уж, и впрямь – несчастная княгиня, если ее не могут уберечь от посягательств даже на приеме! Какой позор! Удивительное дело – телохранитель с кислой физиономией проспал всю церемонию. Другой, мальчишка, так перетрусил, что чуть не умер. А те двенадцать истуканов, стоявших на ступенях трона! Хороша компания! И мысль вызвать обидчика на поединок никому в голову не пришла? Кавале-

ры! Почему она терпит их возле себя, Дию?

Лекарь слушал пылкую речь не совсем внимательно и рассеянно ответил:

– Почему? Да потому, что других нет рядом.

На этом их разговор прервался.

Когда путешественники достигли Западных ворот, четверо стражников подняли решетку и опустили мост. Проходя мимо, Дию чуть задержался и спросил у одного из них:

– Гонтер, советники уже выехали?

Тот, оглянувшись на остальных, ответил:

– Здесь они не проезжали. Но около часа назад я слышал какой-то шум со стороны сада. Возможно, на этот раз они выбрали путь по аллее Золотого Дождя, господин лекарь.

Старик неодобрительно взглянул на зевающего спутника, жестом поблагодарил стражника и ускорил шаг.

Выйдя за ворота, они оказались в городе. Арандамарец, оглядываясь по сторонам, с любопытством вертел головой, и одно обстоятельство чрезвычайно удивляло его – тишина, царящая вокруг точно так же, как и во дворце. Он обратился к лекарю:

– Скажи, почему здесь так тихо? Куда делись жители? Ведь, насколько я знаю, эти улицы просыпаются раньше всех и шуму здесь хватает. Похоже, что в одну ночь город опустел.

Дию нехотя откликнулся:

– Это меня и беспокоит. Лишнее доказательство того, что мы безнадежно опаздываем. Мальчик мой, Аэрэлин – празд-

ник особый, на него стремятся попасть все, от малышей до дряхлых старцев. Все ждут в этот день чуда. Только уж совсем немощные, больные да закоренелые лежебоки и лентяи вроде нас остались в городе.

Путники свернули на узкую улочку, тянущуюся вдоль дворцовой стены. Глубокий, наполненный прозрачной водой ров отсюда не был виден, скрытый двух-трехэтажными домами, однако приятная свежесть воздуха и влажный запах выдавали его близкое присутствие. Хаггар разглядывал занятные вывески у дверей: яркие желто-красные калачи, сдобные булки невероятных размеров и пышности, щедро обсыпанные сахарной пудрой и обильно политые глазурью, многослойные торты и пирожные с нанизанными, словно бусинки, ягодами, пузатые бочонки и огромные винные кружки с названиями трактиров вроде “Синяя ящерица”, “Добрый мельник” или “Единорог”. Метельщики заканчивали работу, унося корзины мусора. Чисто подметенные плиты мостовой блестяли, потемнев от воды, смывшей пыль. Кое-где слышался звук открываемых ставен. Жилыцы, выглядывающие из распахнутых настежь окон, чтобы вдохнуть свежего утреннего воздуха, и редкие встречные прохожие, увидев Дию, улыбались и громко приветствовали его:

- Доброе утро, господин лекарь!
- Счастливая встреча, господин лекарь!
- Удачи, господин лекарь!
- Поздравляем с праздником, господин лекарь!

Дию в ответ важно кланялся. Хаггар удивленно спросил:

– Откуда они все тебя знают?

– Ну, видишь ли, я так стар, так долго живу здесь и так всем надоел, что поневоле стал живой легендой Дол-Раэна, – серьезно ответил Дию.

Время от времени они пересекали прямые убегающие вниз улицы, и тогда к ароматам ванили и сдобы примешивались другие запахи: сушеных фруктов, пастилы, пряных вин, иногда аппетитный запах копченого мяса, окороков, жареных колбас, а когда они проходили по горбатым мостикам над каналами, то и сладковатый запах рыбы. Однако вскоре, когда дорога свернула вправо, все вокруг резко изменилось. Запахи пищи исчезли, сама улица стала много шире. Темно-серые плиты мостовой сменила цветная мозаика из белого, черного, красного, голубого и зеленого камня. Дома выросли вверх. Массивный фундамент, толстые стены, широкие окна с витражами, разноцветные флажки и флагеры на башенках, окованные двери с бронзовыми, начищенными до блеска ручками – все говорило о богатстве и значительности владельцев. Перед каждым домом был разбит небольшой сад. За низкими резными заборами – ровные дорожки, посыпанные белым песком и по краям выложенные кирпичом, высокие пышные клумбы с яркими цветами, крашенные скамейки, крошечные бассейны с тихо журчащими фонтанами.

– Северная часть города – самая древняя, – пояснял Дию. – Здесь бедняки не живут. Ты видел лавки, мастерские,

трактиры на западной стороне? Это дома их владельцев. Сами они уже не работают, только следят за своими помощниками и заключают сделки.

Хаггар рассеянно слушал тихую речь старика, с любопытством разглядывая узорчатые калитки, гирлянды фонарей на невысоких столбах в виде витых колонн, блестящие колокольчики с посеребренными шнурами. И здесь была тишина. Хозяева и их многочисленные семейства давно уехали на праздник.

– Прибавим шагу! Поторопимся! – то и дело подгонял обеспокоенный Дию, и к концу своего путешествия по Дол-Раэну они уже почти бежали. Вскоре вдаль показалась высокая белая крепостная стена. Путешественники достигли больших Северных ворот, ведущих из города. Окинув насмешливым взглядом хрупкую решетку, резные ворота, тонкие перила моста, ненадежные запоры в виде раскинувших крылья птиц, Хаггар хмыкнул и, перейдя на другой берег рва, покачал головой и заметил:

– Да, ваша беспечность меня изумляет. Каменные ворота Вальбарда, и те вызывают у нас беспокойство, а тут... Я удивлен, что Дол-Раэн еще существует. Какой умник возводил эти укрепления?

Дию невозмутимо возразил:

– Напрасно ты обижаешь мастеров Раэнора. Они знали, что строили. Здесь у нас войны не в почете. От кого нам обороняться, зачем возводить уродливые укрепления, которые

никогда не пригодятся?

Арандамарец вздохнул:

– Ох, уж это мне ваше миролюбие!

И оба вновь замолчали.

Дорога шла меж лугов с густой молодой травой, спускаясь все ниже, исчезала в темнеющей впереди роще. Хаггар, глядя на нее, прикидывал, сколько им еще идти и куда дальше поведет их эта дорога, но тут Дию неожиданно остановился и указал на еле заметную тропку, уходящую к востоку:

– Пойдем здесь. Нужно сократить путь, иначе не успеем.

– Что ж ты не поехал верхом, раз так спешишь? – спросил Хаггар.

– Нельзя. Таков обычай.

Они свернули с дороги и спустились на тропинку. До них здесь сегодня никто не проходил. Обильная роса смочила сапоги и плащи. Небо посветлело. На западе еще бархатно-синее, с тусклыми звездами, оно постепенно голубело, подергивалось желтовато-серой дымкой, а на востоке становилось прозрачно-розовым. Рассвет бросил на травы красноватый отблеск. Ветерок совсем затих. Прозрачный воздух звенел тишиной. Даже птицы молчали в этот предутренний час.

Когда дорога осталась далеко позади, а город с порозовевшими на востоке стенами отдалился и словно вознесся над горами, Хаггар прервал молчание:

– Послушай, Дию, а не мог бы ты хотя бы из вежливости объяснить мне, куда мы идем и что это за праздник вы нача-

ли отмечать уже с полуночи?

Шедший впереди лекарь остановился и обернулся к арандамарцу:

– А ты разве не знаешь? – Но, увидев искреннее недоумение на лице юноши, хлопнул себя ладонью по лбу. – Опять забыл! Но ты сам виноват! Я ведь уже стар, дружок. Мог бы и напомнить. Но не сердись, я исправлю свою ошибку. Только не забывай переставлять ноги!

Они снова двинулись вперед, и, немного помолчав, Дио начал неторопливый рассказ:

– Все это случилось так давно, что мне самому иногда не верится, правдива ли старая история. Когда еще не было и в помине ни страны Мрака, ни Арандамара, в эти земли с запада пришел витязь с многочисленной свитой, беглец, изгнанник, потерявший родину и искавший новый дом. Кто знает, куда устремлял он свои честолюбивые помыслы, но хотим мы одного, а получаем зачастую совсем иное! Была весна, когда он пришел сюда. Реки вошли в свои берега, земля ждала плуга пахаря. И когда перед витязем раскинулась широкая долина, сплошь усыпанная маленькими белыми цветами звездчатки, он велел разбить там лагерь. Огромные разноцветные шатры запестрели внизу, на белоснежном поле. Странники решили остаться в этих местах на три дня, дать отдых и себе, и утомленным коням, а потом двинуться дальше, на восток. Но на исходе третьей ночи предводителю беглецов приснился странный сон: он увидел большой, прекрас-

ный город. Белые башни устремлялись в безоблачное небо, звучала веселая музыка, толпы нарядных горожан стояли у ворот, и витязь понял, что ждут они его. Под ноги его коня летели букеты цветов, пригоршни золотых и серебряных монет. Отовсюду слышался смех, радостные голоса, пожелания счастья. Проснувшись, витязь почувствовал, что сон тот – вещий. Но где искать волшебный город? Выйдя из шатра, он взглянул в светлеющее предутреннее небо и – о чудо – увидел, как с запада на восток прочертила небосвод ярко-красная звезда и упала совсем недалеко от лагеря, чуть выше, в горах. Видел это не только он, но и часовые, и те, кто вышел из шатров, чтобы заняться приготовлениями к дороге. Тотчас все они устремились на поиски упавшей звезды. И впрямь, на ровной площадке недалеко от лагеря лежал тлеющий камень, а вокруг – черная, выжженная земля. Никто не решался приблизиться к этому месту, люди застыли в безмолвии. Тогда витязь ступил в опаленный круг и взял дышащий жаром камень в руки. Он не обжегся. И повелел гордый человек строить на этом месте город, назвав его Дол-Раэн – город Бродячей Звезды. Камень, посланный небесами, был замурован в основание Сторожевой башни, в фундамент, который уходит глубоко в обожженную землю, так и не ожившую с тех пор. А луг, укрытый покрывалом звездчатки, на котором был разбит лагерь, зовется с тех пор Кеменьярлосс – снежно-белый.

Время шло, город строился, изгнанник стал князем. И

вот, когда последний камень был положен в стену княжеского дворца, властитель повелел устроить праздник в тот день, когда увидел падающую звезду. Это был праздник для всех: для мастеровых и ремесленников, строивших столицу, для рыцарей и знати, защищавших ее от орд кочевников. Аэрэлин начинается в тот миг, когда первый луч солнца окрашивает землю в пурпур – цвет звезды. С тех пор прошло четыре тысячи восемьсот пятьдесят лет. И, кажется, именно в этот раз из-за легкомыслия одного молодого повесы я и опоздаю на церемонию, подвергнув свою жизнь опасности.

Закончив таким образом свой рассказ, Дию опять замолчал. Путешественники давно уже оставили позади поля и, не сбавляя шага, вошли под густую, прохладную сень ореховой рощи. Заинтересовавшись рассказом, Хаггар спросил:

– А кто он был, этот витязь, почему бежал с запада и что с ним стало потом?

Дию, однако, с разъяснениями не спешил, и арандамарец в нетерпении переспросил:

– Что же ты молчишь? Ответь!

Словно нехотя, старик пробурчал:

– Уж не считаешь ли ты меня летописцем или, того хуже, хранителем древности? Я – лекарь, хвала небу, и надеюсь им остаться, хотя, если я все же опоздаю, не уверен, что мне это удастся! Я знаю только то, что рассказал. Хочешь знать больше, спроси у кого-нибудь другого, у княгини или у Фреагора, к примеру. Уж он-то лучше всех в этих старых сказках

разбирается.

– Ну и спрошу! А кто он, этот Фреагор?

– Ты его видел на приеме. Церемонимейстер княгини Элен.

Хаггар улыбнулся:

– А, понятно! Смешной он, однако, и важный! Нет уж, этот точно ничего мне не скажет.

Дию в ответ хмыкнул.

Тропинка спускалась вниз. Теснившиеся вдоль нее деревья, сплетающие в вышине свои ветви, начали понемногу отступать. Роща кончилась совершенно неожиданно. Хаггар хотел спросить Дию, долго ли еще идти, но замолк на полуслове, пораженный увиденным. Путники стояли на краю крутого спуска в долину, покрытую ковром из нежно-белых цветов. Будто широкая река из легких облаков текла по холмам с запада на восток.

– Смотри, солнце встает! – воскликнул Дию, и Хаггар, замерев от восхищения, увидел, как побледнело небо на востоке, а потом полыхнуло рыже-алое пламя, окрашивая долину в розовый цвет. Первый яркий солнечный луч прорезал сумрак, и четыре тысячи восемьсот пятидесятое утро Аэрэлина началось. Тишину разрушил звонкий голос труб. Арандамарец вздрогнул от неожиданности, но тут же увидел трубочей. Их красно-белые одежды выделялись на фоне молодой зеленой листвы. Внизу, в долине, услышали сигнал, и загремели приветственные крики, над разноцветными палатками,

лотками, помостами взвились флаги Раэнора – черные полотнища с большим белым кругом посередине.

– Пойдем быстрее, дружок! – поторопил юношу Дию и первым начал спускаться по круто уходящей вниз тропинке. Дорогу ему преградили стражники в белых туниках и пурпурно-красных плащах. Восход горел на доспехах и шлемах. Однако, увидев, кто перед ними, стражники почтительно расступились, давая дорогу лекарю.

Не доходя нескольких шагов до пестрой шумной толпы, Дию остановился и взял Хаггара под руку:

– А теперь послушай меня внимательно, мальчик. Сейчас мы разойдемся. Мои дела здесь скучны и неинтересны. А ты поброди, понаблюдай. Ты ведь хотел узнать, какой он, Раэнор? Тебе повезло, Аэрэлин – душа нашей страны. Здесь он весь, его жители, их нравы, привычки, пристрастия. Видишь шатры прямо перед нами? Там ты найдешь все, чем славится Раэнор в чужих землях. Там показывает свое искусство ремесленный люд. Дальше к западу, вон за тем холмом, оценивают лучших коней, продают и покупают скот. На восточном краю поля, там, где стоят навесы, окруженные стражей, будет турнир, а еще дальше к востоку готовят столы для пира. Ну, иди. Только помни: больше смотри, меньше говори! А к полудню я жду тебя здесь.

– Хорошо, старик. Я пойду.

– Эй, подожди! – Лекарь расстегнул шитый золотом кошелек, висевший у него на поясе, и достал оттуда небольшой,

но туго набитый мешочек из красной кожи. – Чуть не забыл! Возьми, без денег на празднике делать нечего!

Хаггар отвел его руку.

– Ну нет, ни к чему это!

– Да возьми, а вдруг захочешь угостить сладостями хорошенькую поселянку! Отдашь, когда станешь князем Раэнора!

Хаггар отказался, про себя подумав, что у них, в Арандамаре, за подобную шутку можно и жизнью поплатиться. Видя, что спорить бесполезно, лекарь махнул рукой и скрылся из виду, нырнув под цветные навесы и оставив арандамарца одного.

Хаггар, не спеша, присматриваясь, пошел дальше. Несмотря на присущую таким сборищам шум и сутолоку, он с удивлением обнаружил, что порядка здесь гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. Арандамарец помнил толкотню народных праздников дома, в Вальбарде, которая так нравилась ему, когда он был подростком, и которая так раздражала его, когда он вырос и когда, чтобы проложить себе дорогу в кричащей толпе, ему приходилось жестоко теснить людей конем.

На поле раскинулся целый город с широкими улицами, шумными площадями и людными перекрестками. Шатры, палатки, навесы, помосты рядами уходили вдаль. Над ними развевались флажки, и несли охрану бдительные стражники, наблюдая за порядком. Возле каждого шатра стояли широ-

кие, крепкие скамьи.

Хаггар забрел в ряд кузнецов. Забавляя публику, здоровяки состязались в силе рук, поддразнивая друг друга и восхищенных зрителей. Волнами ходили под распахнутыми рукавами налитые мощью мускулы.

– Эй, ротозей, а ну, попробуй, сможешь ли? – предлагали они померяться силой и проходившему мимо арандамарцу. Но он только добродушно улыбался и шел себе дальше. С удивлением разглядывал Хаггар степенно прогуливающих от шатра к шатру гримов. Они деловито переговаривались с кузнецами, то довольно улыбаясь, а то и громко споря. Видно было, что они здесь свои, их ждут, к их советам прислушиваются.

Дальше шли ряды оружейников. Здесь посетителей было больше. Да и было на что взглянуть. На широких помостах громоздились щиты всевозможных форм и размеров от легких круглых для степных наездников до тяжелых, в человеческий рост. Груды мечей, сабель, ятаганов, кинжалов и еще самого диковинного оружия приковывали восхищенный взгляд арандамарца. Вокруг сновали суетливые иноземцы. Время от времени на глаза попадались скромно, даже бедно одетые люди, но Хаггар заметил, что их здесь встречают радушно, покупают они много и платят щедро. На разнорцев суровые покупатели не были похожи. И только иногда забредали сюда изящные, богато одетые юноши, в растерянности разглядывая горы оружия. Хозяева лавок, завидя их, выно-

силы вперед драгоценные безделушки – кинжалы и короткие мечи в золотых ножнах, с усыпанными драгоценными камнями рукоятками. Другое оружие не пользовалось спросом у жителей столицы.

За полупустыми рядами палаток оружейников народу заметно прибавилось. Здесь показывали чеканную посуду – кувшины, кубки, тарелки, блюда, каминные щипцы и другую кухонную утварь. Ценители спорили, доказывая, чье мастерство выше, остальные шумно выражали одобрение или пренебрежение. Арандамарец не знал, на что смотреть – то ли на чудесные изделия умельцев, то ли на публику, копошащуюся вокруг. Тут еще преобладали мужчины, но и женщин было немало. Они, нисколько не смущаясь, протискивались вперед, крича ничуть не тише своих мужей, а споря, может, и яростней.

За рядами чеканщиков шум и толкотня усилились. Пожалуй, это была самая многолюдная часть поля. Тут раскинули свои шатры ювелиры. Хаггар уже понял, что раэнорцы – страстные любители драгоценностей, но здесь творилось что-то невообразимое. Золотые и серебряные цепи, ожерелья, браслеты, перстни, кольца, серьги с драгоценными камнями переходили из одних рук в другие.

– Господин, купи для своей подруги перстень с приворотным камнем! – кричал, надрываясь, усатый торговец. Другой так же рьяно перебивал его:

– Эй, господин, купи лучше золотой пояс, уж он куда

прочнее, чем чувства красоток!

Хаггар, красный от смущения, старался побыстрее миновать назойливых продавцов. Спасаясь от толчеи и невообразимого шума, он свернул направо и оказался будто в другом мире. Здесь царила тишина. Вместо слов говорили ароматы. Ряды цветочных лотков тянулись в обе стороны. Посетители медленно прогуливались в одиночку или парами, переговариваясь шепотом и мечтательно улыбаясь. Белоснежные лилии, золотые эльфы, розы с бархатными лепестками, длинные, душистые плети кориолисов и еще множество самых изысканных, диковинных растений, названий которых Хаггар не знал, будили в нем новые, неясные ощущения.

Отдохнув в тишине, арандамарец направился к центру поля. Тут шуму и возни было, пожалуй, не меньше, чем у ювелиров. Палатки пекарей, поваров, кондитеров, около которых были поставлены крепкие скамьи и широкие столы, пользовались доброй славой как у разнорцев, так и у гостей праздника. Сегодня хозяева угощали своих соотечественников, не беря с них платы, а соотечественники уплетали за обе щеки, во всю глотку восхваляя таланты угощающих. Пироги с мясом, рыбой, птицей, пирожки с фруктами, пирожные и торты, колбасы, окорока, сыры, жареные барашки и поросята, пучки свежей зелени – все съедалось в мгновение ока и требовалось еще. Посетители здесь были под стать лавочникам: жизнерадостные, крепкие, с ясными, веселыми глазами – что женщины, что мужчины – с крепкими зубами и неуто-

мимыми челюстями и желудком.

Еще дальше в голову ударял пьянящий запах вин. На низкие помосты выкатывались огромные бочки, тут же вышибалось дно, и наполнялись искрящейся на солнце влагой ковши, кубки, кружки и стаканы. Веселье, казалось, вот-вот готово было вылиться в разгул, но нет, граница так и оставалась непрейденной. Хаггару со всех сторон предлагали чарку, но он благоразумно отказывался и поскорей поспешил прочь от веселого места.

Теперь он оказался в рядах сапожников, где девушки без стеснения поднимали юбки, до колен обнажая стройные ножки. В то время как им примеряли готовые туфельки, они шарили взглядами по толпе, и не раз Хаггар, хмурясь, отводил глаза перед вызовом бесстыжих красоток. Вышивальщицы показывали тончайшее белье, одежды, гобелены. Женщины и здесь первенствовали. Они рассматривали платья, советовались, вполголоса переговариваясь. Кружевницы предлагали свою полупрозрачную работу. Пушились ковры, споря оттенками с живыми цветами. Разворошенные тюки тканей придирчиво шупались и сминались руками, прикладывались к лицу, и споры разгорались с новой силой.

Хаггар шел дальше, дальше, оглядываясь по сторонам. Мимо него сновали чужие ему люди. Сколько томных, задорных, зовущих взглядов ловил на себе арандамарец! Ему начинало казаться, что шальной народ придумал свой буйный праздник лишь затем, чтобы сменить декорации любви.

Однако он с удивлением обнаружил, что разнорцы не слишком дружны меж собой. Безошибочно угадывались в толпе жители столицы. Их наряды были вызывающе богаты, сознание собственного превосходства печатью ложилось на их лица, а взгляды были полны тщеславия и гордости. Жителям окраин в их простых, добротных одеждах было далеко до изящества. Их грубоватая речь, резкие жесты, непонятные словечки обнаруживали в одних уроженцев юга. Вот, наверное, бежавшие с востока, северяне. А этот высокий человек, не из Серебряной ли он Чащи? Но от этих размышлений его отвлекли звуки музыки. Хаггар увидел прямо перед собой старика в потрепанных лохмотьях странника. Его сумрачный, дикий вид, всклокоченные седые космы, хмурое, изможденное лицо резко выделялись из праздничной толпы. Длинными дрожащими пальцами он перебирал струны старой, треснувшей арфы. Но голос старика был силен и разносился далеко над притихшей толпой:

*Настроил лютню менестрель
И начал свой рассказ
О рощах, где поет свирель,
О травах и цветах.
Об облаках, бегущих вдаль
В небесной вышине,
О реках чистых, как хрусталь,
О солнце и луне.*

Хаггар не мог поверить своим ушам. Он с изумлением взглядывался в лицо нищего. Конечно же, он узнал песню! Старинная арандамарская баллада, в которой пелось о состязании менестрелей еще во времена королей! Это была странная и грустная история. Неизвестного юношу, поразившего всех своим искусством, на следующее утро после состязания нашли мертвым. Никто тогда так и не узнал, что было причиной его смерти. То ли зависть соперников, то ли ревность короля. Когда смолкли последние слова песни, старик собрал монетки, брошенные ему щедрыми слушателями, с трудом поднялся с земли и побрел дальше.

Проводив его взглядом, Хаггар направился туда, где в собравшейся толпе слышались взрывы хохота. Там давал представление кукольный балаганчик. За матерчатой ширмой копошились люди и писклявыми голосами говорили за своих персонажей: принцесс, королей, злых чародеев, рыцарей, оборотней и прочую нечисть. Незаметно для себя арандамарец увлекся историей печальной любви смешного карлика к королеве. Несчастный понемногу прибавлял в росте, преодолевая очередное препятствие между ними. Зрители хохотали, смеялся вместе с ними и Хаггар. Когда же представление благополучно закончилось, и королева все-таки полюбила карлика, превратившегося к тому времени в здорового молодца, он пошел дальше. Постепенно его веселость сменялась задумчивостью. Он уже несколько раз за это шум-

ное утро ловил себя на мысли, что поступает неправильно, оставаясь здесь, посреди необузданного веселья, и все острее чувствовал свою ненужность. Он был лишний. Мимо него пробегали все эти смеющиеся, счастливые люди. Он же думал, что так и останется чужим на их празднике. Но тут Хаггар услышал за спиной громкий разговор двух лавочниц:

– А что здесь этот красавчик делает? Ишь, как вырядился! Вроде бы еще рано, солнце к полудню идет. Они в это время во дворце только глаза протирают. По сторонам так и зыркает!

– Не знаешь, что ли? Подружку себе новую приглядывает, уж это точно. У моей соседки дочка вот с таким же паршивцем сошлась. Ох, не доведет это ее до добра! А ведь тоже на празднике познакомились! Дорогая моя, кто за чем сюда приходит.

– Уж это ты правду говоришь.

Арандамарец усмехнулся. Неужели эти женщины говорят о нем? Неужели он так похож на здешних дворцовых соблазнительей?

Так он бродил и смотрел, время от времени вздыхая и думая, что неплохо бы и у себя в Вальбарде время от времени устраивать такие же праздники. Нет, конечно, без этих раэнорских вольностей, но все же... А вокруг веселились люди. Шум, музыка, песни, смех звучали все громче. Солнце поднялось. Время близилось к полудню. Можно было пробираться к месту, где ему назначил встречу Дию. Осмот-

ревшись, он повернул обратно, но не тут-то было. Бедняге пришлось изрядно попотеть, пробиваясь сквозь толпы народа, прежде чем он снова оказался на восточном конце поля. Здесь была тишина. Издалека из-за небольшого возвышения слышалось ржание лошадей, мычание коров, бляение овец.

Белые, нежно пахнущие цветы снежным покрывалом укрыли всю долину. Выбрав невысокие, тенистые кусты акации, Хаггар присел на мягкую траву. Дию нигде не было видно. Старик с его вечной забывчивостью опаздывал. Наверняка ждать его бессмысленно. Однако унывать арандамарец не собирался. Раз у него есть время, почему бы не отдохнуть? Откинувшись на спину, он смотрел в яркое голубое небо, просвечивающее сквозь густо-зеленую листву, и улыбался. Сорвав травинку, пожевал ее, вдохнул полной грудью сладковатый воздух, раскинул в стороны руки. Хорошо! Там, внизу, шумит раэнорский Аэрэлин, а здесь – никого. Интересно, что подельывает сейчас эта капризная княгиня? Должно быть, только встала и собирается на праздник. Бедные служанки! Она, наверное, порядочная злока. Еще немного поразмышляв о недостатках возлюбленной, Хаггар незаметно для себя заснул, утомленный ночными приключениями, дорогой до Кеменьярлосса и праздником Аэрэлин.

Во сне он снова бежал по дворцовым переходам, прятался в тени разросшегося плюща, спускался по хрупким решеткам, но когда по узкому карнизу хотел перейти с одной башни на другую, его ноги соскользнули с покатой плоскости. Он

судорожно пытался зацепиться руками за ветви винограда, но они не выдержали, оборвались. С отчаянным криком Хаггар упал вниз, в черноту, и, вздрогнув всем телом, проснулся.

Спросонья он не понял, где находится, но, оглядевшись, опомнился. Солнце склонилось на запад. Шум и толкотня внизу поутихли, наступило время дневного отдыха. Совсем недалеко, тоже устроившись в прохладной тени, сидел Дию. Перед ним на вышитом полотенце стояли блюда с едой, кувшин и два кубка. Не глядя в сторону арандамарца, старик медленно, с наслаждением ел виноград, отрывая от грозди сочные, зеленые с восковым налетом ягоды и отправляя их в рот. Время от времени он бросал взгляд вниз, в долину, и что-то еле слышно бормотал. Хаггар вдруг почувствовал смертельный голод. Интересно, почему Дию его не разбудил? Решив отыгаться за утреннее поражение, арандамарец встал и неслышно подкрался сзади к ничего не подозревающему лекарю. Но, не дойдя каких-то двух шагов, услышал, как Дию, даже не обернувшись, внятно и весьма недовольно произнес:

– Ну, наконец-то! Знал, что ты лентяй, но чтобы уж такой!

– Послушай, лекарь, а ты себе случайно не пришил глаза на затылке? – с досадой фыркнул арандамарец. – Мог бы пригласить к трапезе!

– Не сердись, – примирительно улыбнулся Дию. – Я даже рад, что ты отдохнул. Садись, подкрепи силы. Только сове-

тую поторопиться, а то можешь опоздать. Пропустишь все на свете.

– Ты пойдешь со мной? – спросил Хаггар, усаживаясь рядом со стариком. Тот мотнул головой.

– Нет. Сегодня ты сам будешь знакомиться с Раэнором. А я еще дела не закончил.

– Хм! Какие у тебя могут быть здесь дела? – с сомнением покачал головой арандамарец.

– Ну, все же я не так безнадежно стар и бестолков, как тебе кажется. Однако позволь дать тебе совет. Видишь, подалее к востоку поле не занято шатрами? Смотри, вон, где нарядные навесы, окруженные стражей. Насколько я знаю, именно там будет происходить самое интересное. И там ты сможешь увидеть княгиню.

– А стража меня пропустит?

Дию придирчиво оглядел его с ног до головы и пожал плечами.

– Думаю, да. Конечно, если ты хоть немного приведешь себя в порядок.

Хаггар рассмеялся:

– Ну вот, опять не угодил! Да знаешь ли ты, ворчун, что меня сегодня все принимали за раэнорского придворного?

Дию, покосившись на него, с сомнением протянул:

– Возможно. Те, кто никогда не видел раэнорских придворных.

– Ладно, старик, – улыбнулся арандамарец. – Ты вот луч-

ше скажи, что за странные люди попадались мне время от времени?

– Какие люди? – оживился Дию.

– Очень важные, суровые даже. Стоило им где-нибудь появиться, как шум вокруг стихал, все, кто был рядом, низко кланялись, лавочники начинали суетиться, доставали свои самые лучшие товары и наперебой расхваливали их. Те хмурились, смотрели, трогали руками, вертели и так и сяк, но я не видел, чтобы кто-то из них хоть что-нибудь купил. И одеты они были нелепо, во все серое, как мыши.

– Понял, о ком ты говоришь, – усмехнулся Дию, – да ты и сам их знаешь. Это советники княгини. Ты видел их вчера на приеме.

– Издалека они выглядели лучше.

– Сегодня утром ты говорил обратное, назвав их, кажется, истуканами.

– Не слишком ли они молоды для советников? Самому старшему из них, я полагаю, нет и сорока.

– Старше – не всегда лучше, – возразил лекарь.

– Ну, глядя на тебя, этого не скажешь, – улынулся Хаггар.

– Конечно, но таких, как я, и нет больше, – невозмутимо подтвердил Дию и уже серьезно продолжал: – Не спеши их судить, мальчик. Судьба советника тяжела и не каждому по плечу. Видишь ли, тот, кто становится советником, должен отказаться от себя. Он навсегда покидает родной дом, семью, друзей и переселяется во дворец. Дела Раэнора ста-

новятся его делами. Жизнь княжества – его жизнью. И так до тех пор, пока не приходит смерть. Прежде советниками становились, уже будучи немолодыми людьми. К этому времени они успевали многое сделать: прожить со своими женами достойную жизнь, вырастить и воспитать детей... На этот раз все получилось по-иному. Эти юноши, носящие знак Совета, не раз еще пожалеют о своей участи. Но, может быть, я и неправ, – вздохнул Дию. – Ладно, друг мой, мне пора. Когда закончишь трапезу, спускайся к навесам. – И уже на ходу крикнул: – Встретимся вечером!

Хаггар вновь остался один. Плотно подкрепившись ветчиной, сыром и сдобными булками, запив все это легким вином, он вдруг вспомнил, что не договорился со стариком ни о времени, ни о месте встречи.

– Его забывчивость заразительна, – пробормотал арандамарец.

Проклятие – ждать без надежды. Ты не придешь. Сколько бы я ни звала. Но снова упрямо вглядываюсь в черное небо над южными горами. И кажется, что слышу, как воздух свистит под могучими крыльями, как из плотной, непроглядной тьмы ты возникаешь передо мной.

Майское полуденное солнце заливало ярким светом дворец, крепостные стены и серые полированные плиты площади перед главной лестницей. Оно обрушивало на город сле-

пящие лучи, стремясь наверстать упущенное за ненастную зиму. Свет нещадно бил в глаза, отражаясь от гладких белых камней, изгоняя тени. На площади дворца шумела нарядная толпа. Она колыхалась, гудела, бурлила. Лишь изредка сквозь буйную пестроту одежд пробивалась то здесь, то там чернота. словно в переливающемся под солнечными лучами море из меняющей цвет воды поднимались темные вершины островов. Разноцветными искрами сверкали драгоценности. Ароматы духов и благовоний, смешиваясь, образовывали новые, волнующие сочетания запахов.

В толпе были приглашенные на праздник знатные разнорские семейства: пожилые, строгие дамы, насмешливые девицы, кокетливые красавицы, томные юноши, надменные мужи и бодрые старики. Тут же толпились иноземцы и посольства соседних держав со свитами. Все они разговаривали, шутили, смеялись, многозначительно переглядывались, высматривали знакомых и без стеснения их окликали. Но время от времени каждый посылал нетерпеливый взгляд в сторону широкой белой лестницы и высоких, наглухо закрытых черных дверей, на стражников, двумя рядами стоявших у подножья лестницы и оцепивших площадь позади гостей.

Тут ожил колокол на Сторожевой башне. Низкий, густой звон плыл в теплом воздухе, разносясь далеко за стенами дворца, слышный даже в полях за городом. Когда отзвучал последний удар, толпа, притихнув, замерла. Все взгляды были прикованы к черным дверям. Они внезапно распахну-

лись, из глубины показались юноши-герольды в белых туниках. Расположившись парами по обе стороны лестницы, они на секунду застыли, похожие на изящные статуэтки из мрамора. Позолота одежд горела на солнце. Через миг они, как один, поднесли к губам трубы. Их чистый, звонкий, призывно-торжественный зов был услышан. На лестнице появился церемонимейстер, замер на верхней ступени, и в звенящей тишине прозвучал его резкий голос:

– Княгиня Раэнора Элен Раэниэль!

В черном провале дверей на фоне белоснежных стен дворца неожиданно, словно по волшебству, возникла яркая, изящная фигурка. На миг замерев, окинув взглядом людское море внизу, княгиня легко сбежала по широким ступеням. Ее развевающееся зеленое платье трепетало при каждом шаге. Белый, почти прозрачный плащ летел за ней. Блеск золотых нитей, вплетенных в тяжелые черные косы, бросал вызов лучам дневного светила. На лице княгини играла веселая, чуть насмешливая улыбка. В ней и следа не осталось от вчерашней надменной, суровой правительницы.

Слева от княгини, отстав от нее шага на три, торопливо шел Ирлинг в длинной пунцовой рубахе, перехваченной позолоченным поясом. Короткий темно-вишневый плащ развевался у него за плечами. Вспыхивали на солнце золотые застёжки на высоких, из винно-красного сафьяна, сапогах. Его щеки горели от смущения, но широкая, добрая улыбка и выражение больших, наивных темно-голубых глаз ясно го-

ворили о том, что юноша был доволен и собой, и окружающим миром. Справа, почти вровень с госпожой, шел Румиль. Он, как всегда, был мрачен. Не повлиял на строптивца даже разговор с княгиней, накануне выговорившей ему:

– Дорогой мой, глядя на тебя, всем кажется, что у нас большое горе, а мы старательно хотим его скрыть. Завтра праздник, а не траурное сожжение!

Лицо Румиля было сурово-замкнуто, лишь глаза настороженно, внимательно наблюдали за происходящим. Его неизменный черный костюм был сегодня разве что из более дорогой ткани. Да на плечи телохранитель накинул длинный, белый плащ.

Элен с утра была в радостном возбуждении, как когда-то в детстве, когда веришь, что непременно должно случиться что-нибудь очень хорошее. Этим чудесным весенним утром ей хотелось смеяться и петь. Веселое настроение не прошло и сейчас, когда она стремительно шла по коридору в почти-тительно расступившейся толпе, замечая в ней старых знакомых и чуть ласковее им улыбаясь. Вот промелькнуло веселое лицо Велемира. Рядом с ним была его молодая жена. Чуть дальше слева стоял Итаран, полный достоинства хранитель библиотеки, потомок одной из самых знатных семей Раэнора. Вот важные и сосредоточенные, как всегда, жрецы. Здесь были все, кого она каждый день встречала во дворце, иногда оглядывая лишь краем глаза, а иногда и вовсе не замечая. Но сегодня – особый день! И княгиня с благодарной нежностью

им улыбалась. Чуть дальше, в первых рядах, Элен увидела послов и с затаенной усмешкой отметила про себя, что даже на лицах морнийцев мелькает нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Исподволь вглядываясь в толпу, она заметила в самом дальнем углу площади, чуть в стороне от изливающей свои бурные чувства толпы, небольшую группу раэнорцев, отличавшихся от прочих скромностью, приглушенными тонами одежд и крайней сдержанностью. Это были альвы. Краем глаза она успела заметить, как от них кто-то отделился и тут же смешался с толпой. Княгиня перевела взгляд вперед, на освобожденные от щитов новые Северные ворота.

Монолитная плита, инкрустированная золотыми пластинами, была облицована перламутром. Тончайшие золотые нити отделяли переливы цветов от одного оттенка к другому. Узор, казалось, был прост. Над высокими горными пиками сияло полуденное солнце. Вязь охранной надписи больше походила на причудливо извивающиеся стебли цепких лиан. Прозрачно-синее небо, изумрудно-зеленая листва деревьев, снежно-белые лепестки первых весенних цветов, голубоватая прозрачность воды, розовая пена закатов отдали перламутру свои цвета. У самых ворот переминались с ноги на ногу четыре грима. Впереди, во главе своей артели, важный и нарядный, в малиновом кафтане, обшитом серебряным галуном, стоял Гройн. Он почти не спал в эту ночь, предвкушая час своего торжества. Теперь он докажет всем, кто первый мастер Раэнора. Он собьет спесь с этих надменных аль-

вов. Княгине придется признать его, Гройна, превосходство. И это произойдет сейчас, через минуту. Грим от волнения тяжело дышал. Его напряженное лицо покраснело, руки тербли шапку, но единственный глаз горел упорством. Элен, внимательно взглядевшись в его лицо, ощутила чувства, переполнявшие грима. На миг ей стало жаль его. Не остановить ли все, не дать ли знак Талиону прямо сейчас? Однако княгиня твердо знала, что все беды Гройна – от его непомерно-го упрямства, которое нужно искоренить. Поэтому, не медля больше, она ободряюще улыбнулась гриму и подала знак к началу церемонии.

Коротко вздохнув и откашлявшись, бросив косой взгляд на сородичей, тоже еле сдерживающих волнение, Гройн обернулся к воротам и хрипло выкрикнул:

– Открывай!

Тотчас невидимые руки привели в движение механизм. В мгновенно наступившей тишине, такой, что Элен показалось, будто она слышит свое дыхание, послышался тихий, ровный стук. А еще через мгновение казавшаяся до этого монолитной плита раскололась на две части, и вместо нежного ажурного узора все увидели грозно сверкнувшие на солнце острые лезвия поднимающейся вверх позолоченной решетки. За ней был виден опускающийся на цепях мост. В тот же миг все словно разом обрели дар речи. Отовсюду слышались восхищенные возгласы:

– Великолепно!

– Восхитительно!

– Прекрасно!

– Да здравствует мастер Гройн!

Всем захотелось поближе взглянуть на чудесные ворота.

Задние ряды зрителей напирали на передние, и стражникам с трудом удавалось сдерживать толпу. Румиль уже не раз с угрозой оглядывался назад, на самых ретивых и бойких, красноречиво положив руку на рукоять кинжала. Из свободных проходов слуги подводили лошадей, и кое-кто пытался верхом пробиться вперед. Шум стоял невообразимый. Гройн, расплывшись в счастливой улыбке, принимал сыпавшиеся отовсюду поздравления.

Среди всеобщей неразберихи лишь княгиня была невозмутимо-спокойна. Не торопясь сесть на коня, она ожидала, пока ворота совсем распахнутся, и все так же улыбалась. Вдруг рев толпы перекрыл ужасающий скрежет. Дрогнувший мост, готовый, как показалось всем, упасть, застыл надо рвом. Решетка не поднялась и наполовину, угрожая вновь опуститься и пронзить копьями смельчаков, что попытаются под ней пройти. А створки ворот так и остались полуоткрытыми, не войдя в толщу стен. Восклицания, смех, поздравления разом смолкли. В наступившей тишине слышался лишь храп лошадей да стук копыт. Элен заметила, как озадаченно переглядывались разнорцы, смущенно прятали глаза иноземцы, а когда ее взгляд нашел морнийцев, она увидела их откровенно злорадные усмешки. Им не нужно было притво-

ряться. Толкотня и давка разом прекратились. Все замерли на месте, не понимая, что же происходит, и в недоумении глядя на повелительницу. Однако она, видимо, ничуть не была удивлена произошедшим.

Бедняга Гройн стоял, повернувшись к воротам, и растерянно взирал на свое детище. Плечи его поникли, с лица сошел румянец. Единственный глаз беспомощно моргал. Все надежды рухнули в одночасье! Но отчего? Отчего заело эту проклятую машину? От бессилия и обиды губы его дрогнули, но в этот миг он почувствовал на своем плече чью-то руку, и мягкий, знакомый голос произнес:

– Не печалься, друг.

Гройн быстро обернулся. Рядом стоял Талион и без улыбки, с сочувствием смотрел на грима. Тот с угрозой хмыкнул, скинул руку альва со своего плеча и снова отвернулся. Талион расстроено покачал головой, подошел к помощникам Гройна, таким же растерянным, как и их предводитель, что-то быстро им объяснил, и те тотчас скрылись за маленькой, незаметной белой дверцей в нише стены. Оттуда до гостей донесся грохот, лязг, а потом снова тихий, ровный стук, и под всеобщий вздох облегчения створки ворот быстро исчезли, решетка, спрятав шипы, поднялась, а мост мягко опустился на землю. Однако толпа молчала. Все ожидали, что гнев княгини сейчас обрушится на самоуверенного, упрямого грима. Да и он сам приготовился к этому. Но, к всеобщему удивлению, ничего подобного не произошло. Дав знак Тали-

ону и Гройну приблизиться, Элен со всей серьезностью, на какую в эту минуту была способна, обратилась к понуро стоявшему перед ней гриму:

– Мастер Гройн, ты и в самом деле сотворил чудо. Нам удалось заставить гостей поволноваться. Я рада, что не ошиблась в тебе. Сегодня вечером я хочу видеть тебя и твоих помощников за пиршественным столом на Кеменьярлоссе.

А затем, обернувшись к альву, чье лицо было, как обычно, непроницаемо-серьезным, лукаво улыбнулась:

– Я хочу, чтобы сегодня моим рыцарем был ты.

Тотчас княгиня дала знак слугам, и они подвели к ней коня. Она похлопала своего любимца по могучей шее, полюбивалась черной, гладкой, блестящей шерстью. Румиль хотел было помочь своей госпоже сесть в седло, но она мягко отстранила его и оперлась на сильную руку Талиона. Подобрал поводья, Элен вновь улыбнулась:

– Поторопись, альв. Сегодня твое место рядом со мной.

Сзади слышался цокот копыт, конское ржание, крики, смех, гомон голосов. Толпа гостей редела. Всадники выстраивались в колонну, готовые тронуться в путь по первому знаку княгини. Румиль, на черном, как ночь, коне, гарцевал на свободной площадке у ворот. Золотисто-рыжая лошадь Ирлинга стояла смирно, а ее хозяин вертел головой, вглядываясь в ряды всадников. Наконец, решив, что все готовы, княгиня подняла руку. Тотчас из свободных проходов у ворот выехали герольды на гнедых лошадях и, остановившись,

протрубили вновь.

Еще не смолкли резкие звуки, эхом прокатившиеся под сводами стен, а княгиня, чуть ослабив поводья, послала коня вперед. Черный зверь зло заржал, но, подчиняясь знаковой руке, легко перебирая тонкими ногами, вошел в ворота. Его копыта с серебряными подковами гулко простучали по мосту. Длинные серьги, золотыми каскадами спускающиеся к плечам, и белый султанчик на венце княгини подрагивали в такт движениям коня. Следом за ней, совсем рядом, ехал Румиль. Ирлинг тоже не отставал. Герольды попарно выехали из ворот вслед за госпожой, а за ними потянулась бесчисленная свита княгини.

Они ехали по широкой, совершенно пустой в этот полуденный час главной улице столицы, спускавшейся вниз, к внешним воротам. Пестрая, веселая, шумная толпа, словно река, текла вниз, к выходу из города. Гремели по мостовой копыта лошадей. Смех, крики, громкие разговоры, песни слились в неясный гул.

Почти у самых ворот княгиню догнал Талион на высокой гнедой кобыле и, встреченный радостной улыбкой, поехал рядом. Элен то и дело удивленно взглядывала на своего друга. На лице альва не было и следа обычной печали. Оно то и дело озарялось улыбкой, а вместо уныло-скромной одежды на нем сегодня был дорогой наряд из посеребренной ткани цвета чистого речного песка. На широком поясе висел длинный меч в богатых ножнах. На плечо был накинут светлый

плащ. Его густые, черные волосы были перевязаны узкой серебряной лентой.

Сдерживая коней, не торопясь, шагом Элен и ее спутники выехали за ворота. За ними яркой и беспорядочной толпой следовали раэнорцы. Отдельными группами, не сливаясь с остальными, неспешно двигались иноземные посланники, за ними, чуть приотстав, шли кони раэнорских альвов, а уж за альвами в нарядных повозках, украшенных цветами и лентами, запряженных могучими лошадьми, ехали веселые, шумные компании гримов и распевали песни. Шествие замыкали стражи, сжимающие в руках легкие, прикрепленные к стремянам древки развевающихся флагов и знамен.

Элен с восхищением обводила открывшийся ее глазам простор: длинную полосу дороги, раскинувшиеся по обе стороны от нее цветущие поля. Чистый, прозрачный воздух позволял ясно видеть темнеющие далеко внизу деревья, скрывающие под своей сенью дорогу. Ей вдруг захотелось запеть от радости, переполнявшей все ее существо. Не желая сдерживать этот порыв, она обернулась к Талиону и легонько послала коня вперед. Альв, заметив, что жеребец княгини с неторопливого шага перешел на легкую рысь, увидев загоревшиеся азартом глаза Элен, прочтя в них вызов, принял ее игру и тоже поторопил лошадь. Румиль, не колеблясь, последовал за госпожой, Ирлинг же, замечтавшись, ничего не заметил, но его предоставленная сама себе кобылка потянулась за остальными. Забыв обо всем, Элен подгоняла коня. Тот

с рыси перешел в галоп и черным вихрем понесся вниз по дороге. Только искры снопами сыпались из-под копыт. Та-лион не отставал от нее, его лошадь летела рядом, голова к голове. Следом скакали Румиль и Ирлинг, поневоле вовле-ченный в это состязание. Не в силах больше сдерживать бу-шующую в ее груди радость Элен звонко рассмеялась, озор-но блестя глазами. Ее платье билось на ветру, плащ летел по воздуху, точно облако, косы сплелись с черной гривой ска-куна. Кони неслись, не чуя под собой земли. Всадники под-гоняли их криками, и уже не было ни княгини, ни ее слуг. Сейчас все они были равны друг другу, словно вновь вернув-шись в детство, когда первенство определяют мужество, си-ла и ловкость. Далеко позади осталась озадаченная свита, но никто из четверых и не вспомнил о ней.

Неожиданно княгиня, чей конь вырвался вперед, сверну-ла с дороги в поле. Остальные последовали за ней, разверну-ли коней, и те понеслись по зеленой равнине. Высокая трава ложилась под копыта, разноцветными искрами вспыхивали на солнце крылья бабочек, золотистым облачком висела над полем цветочная пыльца, теплый воздух приятно оведал те-ло. Бескрайний простор опьянял. Элен вдруг пронзительно взвизгнула, ударила пятками в бока коня, и он понесся еще стремительнее, хотя казалось, что это уже невозможно. По-ле, небо, трава, облака слились в яркий цветной ковер, ле-тящий под ноги скакуна. Легкий, нежный ветерок стал вих-рем, захлестал по щекам, выбивая слезы из глаз, засвистел в

ушах. Но сквозь вой ветра до нее донесся еще один звук: совсем рядом глухо били землю копыта другой лошади. Не сомневаясь, что настигает ее альв, Элен выхватила из-за пояса тонкую плетъ и хлестнула по крутому боку коня. Жеребец обиженно всхрапнул и гигантским прыжком попытался оторваться от преследователя, но топот все приближался. Удивленно оглянувшись, Элен увидела совсем рядом всадника. Но это был не Талион. Румиль преследовал ее. Однако где же альв? Взглянув вперед, она все поняла. Тот обогнул поле, срезав угол, оказался далеко впереди и теперь неся навстречу. Не сговариваясь, Элен и Румиль выровняли коней и поскакали вперед, намереваясь взять дерзкого альва в клещи. Откуда-то сзади послышался испуганный голос Ирлинга. Он не участвовал в безумной гонке. Затаив дыхание, секретарь наблюдал, как летят навстречу друг другу три темные молнии. Вот сейчас, сейчас они сшибутся, ломая кости, и не станет прекрасных всадников. В ужасе закрыв глаза, Ирлинг ждал удара. Но вместо этого его напряженный слух уловил веселый, беззаботный смех. Открыв глаза, он успел увидеть, как три всадника на миг слились, а потом каждый из них поскакал дальше, целый и невредимый.

Опасная шутка удалась. Элен веселилась от души. Хорошо, что всего этого не видел Дию! Когда бурное ликование улеглось, княгиня попридержала коня, постепенно сбавляя ход, пока тот не перешел на рысь. Талион и Румиль последовали примеру госпожи, вскоре их догнал Ирлинг. Все четве-

ро молчали, однако их глаза блестели, и разгоряченные скачкой лица все еще озарялись улыбками. Сделав большой круг, Элен и ее спутники возвращались к дороге, по которой ползла свита княгини.

Когда придворные увидели, что их госпожа, повинувшись бесшабашному порыву, поскакала вперед, многие даже обрадовались возможности хоть как-то разнообразить надоевший ритуал, а заодно продемонстрировать свою ловкость и резвость лошадей. Горяча коней, они устремились вслед за госпожой, но догнать ее не смог никто, и тщетные попытки были оставлены. Посланники, переговаривавшиеся во время неспешной езды, с удивлением и неудовольствием последовали примеру разнорцев, однако, ловя на себе кокетливо-призывные взгляды прекрасных всадниц, поддержали игру и пришпорили коней. Но лошади альвов лишь чуть прибавили ход, а ехавшие позади всех гримы и вовсе ничего не заметили, настолько они были увлечены друг другом. Колонна всадников растянулась по дороге, извиваясь, будто гигантская змея, и только когда она достигла рощи со спасительной тенью, к ней присоединилась княгиня, пропустила вперед подстегнувших лошадей герольдов и возглавила пышную кавалькаду.

Кеменьярлосс затих. Шум праздничной толпы смолк, проходы у палаток, лотков, помостов опустели. По склонам долины на раскинутых на траве цветных ковриках сидели в тени под матерчатыми навесами утомленные купцы, ремес-

ленники, горожане. Солнце перевалило далеко за полдень, несколько раз сменялись стражники. Казалось, Аэрэлин подходил к концу. Однако утомленные раэнорцы, поднабравшись новых сил за время полуденного отдыха, ждали продолжения празднества. И вот наконец послышались резкие звуки труб, конский топот, и из прохладной тени на залитую солнцем дорогу вылетели герольды. Они проскакали мимо дозоров, будя окрестности грохотом подков и ревом труб. Едва они показались вдалеке, лениво развалившиеся на траве, разморенные сном раэнорцы тут же повскакивали на ноги и устремились вниз, обратно к палаткам и лоткам, на ходу поправляя прически и одежду.

Как чудесно начался день! Конь, бережно неся всадницу, летел по мощеной дороге. Рядом, чуть пропуская госпожу, ехал Талион. Он, как казалось Элен, тоже был радостен, отвечая неизменной улыбкой всякий раз, стоило только ей обернуться и взглянуть в его лицо. Вынырнув из рощи, дорога круто пошла вниз, в долину. Княгиню уже ждали вопящие от восторга и размахивающие руками подданные. Сдержав коня, Элен поехала медленно. Свита тотчас последовала ее примеру. Герольды врезались в ликующую толпу, пронесли по очищенному стражниками проходу. Рев и крики усилились, на дорогу полетели цветы, мелкие серебряные монетки, цветные ленточки. Осторожно ступая по ним точеными копытами, вороной жеребец горделиво выгибал шею. Чуть позвякивали на его упряжи золотые капельки-подвес-

ки.

Приветливо улыбаясь встречающим, княгиня повернула коня в широкий ряд просторных палаток, рядом с которыми на высоких скамьях, покрытых бархатными накидками, лежали тяжелые фолианты. Тут же стояли люди в скромных одеждах со строгими, не улыбочивыми лицами. Это были писцы и переплетчики, а сами владельцы книг сидели под навесами и, не торопясь, объясняли таким же тихим и серьезным покупателям достоинства того или иного тома. Здесь, как всегда, было много иноземцев. Они платили за знания щедро, не торгуясь, бережно рассматривая старые свитки, заключенные в шкатулки из драгоценного дерева, листая древние, подпорченные временем страницы ветхих книг.

Элен ехала вдоль палаток, с улыбкой глядя на склоненных в глубоких, почтительных поклонах людей, а навстречу ей уже неторопливо шел советник Ондогер. Увидев его, княгиня остановила коня. Ондогер приблизился и, чуть склонив голову, бесстрастным, почти лишенным интонации голосом произнес:

– Княгиня, я счастлив представить тебе людей, обладающих небывалым мастерством и умением. Взгляни, что за чудо они сотворили.

Советник хлопнул в ладоши. Двое слуг вынесли из расположенной справа, в пяти шагах от Элен, палатки большую книгу. Третий нес подставку. Он установил ее напротив княгини, и слуги осторожно поставили фолиант на резную пли-

ту. Книга лишь казалась легкой: тонкие ножки подставки под ее тяжестью врезались в землю. Закрытый на два крошечных золотых замочка футляр из тонкой кожи нежно-голубого цвета был окован резными уголками из золотой фольги. Княгиня с восхищением смотрела на выступающий из лазурной глубины золотой силуэт поднявшего паруса корабля. Открыв футляр, Ондогер перелистал несколько страниц. На белых листах, сверху украшенных рисунками, были начертаны четкие, ровные буквы. Почерк писца был легкий, смел, но в то же время строг и не вычурен. Заглавные буквы – высокие, благородно-простые. Элен восторженно вздохнула и спросила Ондогера:

– Чья это работа?

Советник обернулся назад и снова хлопнул в ладоши. Тотчас из палатки вышел богато одетый раэнорец и еще двое человек в одеждах попроще и победнее. Увидев княгиню, хозяин низко поклонился и, выпрямившись, застыл без движения, опустив глаза. Элен сразу узнала этого человека. Веселая улыбка сошла с ее губ, и княгиня сухо обратилась к стоявшему перед ней книжнику:

– А ведь я была уверена, Юхим, что ты снова окажешься первым. Ну, что на этот раз послужило темой для твоего шедевра?

Книжник в тон ей, без малейшего смущения ответил:

– Это список древней легенды бессмертных. В ней говорится о том, что там, где сливаются небо и море, из голубой

бездны поднимается прекрасный остров Эалонд, уже тысячи лет ждущий своих хозяев – альвов. А они все не плывут.

Элен строго спросила Юхима:

– Откуда ты узнал легенду?

Тот молчал. Тихий голос рядом с княгиней произнес:

– Я рассказал ему об этом.

Элен с изумлением оглянулась на спутника. Талион не отвел глаз и выдержал ее наливающийся гневом взгляд.

– Так, значит, ты забыл о запрете? – вновь обернувшись к Юхиму, грозно спросила Элен. Тот склонил голову:

– Нет, госпожа. Я помню, что всякое упоминание об альвах преступно. Вот только не могу понять, почему.

Княгиня вскинула голову и надменно произнесла:

– А тебе и незачем понимать. С тебя достаточно того, что это понимаю я и мои советники. Не так ли, Ондогер?

И ее глаза под нахмуренными бровями сверкнули вызовом. Советник склонился в глубоком поклоне. Княгиня продолжала:

– Я могла бы приказать, чтобы тебя и твоих подручных выслали из столицы куда-нибудь подальше, в приграничный поселок, отняв инструменты и запретив работать! И я была бы права!

– Госпожа... – подал голос Талион, но тут же смолк, остановленный гневным окриком княгини:

– И ты тоже не избежал бы наказания за свою несдержанность, упрямый альв! Но сегодня праздник, Аэрэлин. И по-

этому я решу по-другому. Ты, – она метнула взгляд на Юхима, – завтра же переедешь во дворец. Отныне ты будешь изготавливать книги только для меня. И эти двое тоже. Кстати, где ты нашел таких великолепных мастеров?

Понимая, что возражать против решения княгини – безумие, Юхим хмуро ответил:

– Переписчик наш, разнорец с западных поселений, а переплетчик нашел меня сам. Говорит, что сбежал от степняков.

Он замолчал. Элен обратилась к советнику:

– Ондогер, благодарю за мудрый выбор. Ты умеешь ценить истинно прекрасное. Прошу, проследи, чтобы мое решение было выполнено. Пусть над палаткой Юхима поднимут мой флаг. Лучшего должны знать все. Да, и еще. Я хочу купить эту книгу.

– Она не продается, госпожа. – Голос книжника был непреклонен. Элен шевельнула бровью:

– Это еще почему?

– Она уже не моя.

– А чья же?

– Княгиня, не стоит огорчаться, – опять подал голос Таليون, – эту книгу мастер подарил мне, еще не зная, что на нее падет твой выбор. Но досадную ошибку легко исправить. Книга твоя, прошу, прими ее.

Элен взглянула на Юхима, потом на альва, пожалала плечами и вдруг улыбнулась:

– Какие же это все-таки пустяки! Талион, друг мой, это чудо доставят в твой дом. Однако в наказание ты должен будешь рассказать мне легенду.

Альв откликнулся:

– Разумеется, княгиня. Почту за честь.

Ондогер, Юхим и его люди отошли, и княгиня, тронув поводья, поехала дальше. Когда, бросая любопытные взгляды на хмурого победителя, мимо проследовала ее многочисленная свита, разошлись зеваки, стих завистливый шепот, у палаток опять наступила тишина. Советник Ондогер с мягкой улыбкой, такой необычной на его бесстрастном лице, обратился к Юхиму:

– Ну вот, мастер, тебе и повезло. Только что ты стал придворным княгини Элен.

Книжник отвернулся и горько произнес:

– Только что я стал ее рабом.

Княгиня медленно объезжала палаточные ряды, и там, где, возвещая о ее приближении, появлялись герольды, шум и крики смолкали, толпа расступалась, образуя широкий коридор. Хозяева выставленного товара, встречая правительницу, выходили вперед. Затем из пестрого собрания советники подводили к ней лучших умельцев. Многих из них Элен давно знала. Так, среди виноделов первым опять оказался Альвис, и ему снова было предоставлено право целый год торговать вином без пошлины. Альвис уже лет десять поставлял лучшие вина в погреба княжеского дворца. Пер-

вым из кузнецов вновь был признан Никсо, а лучшим оружейником – Гревис, друг советника Арафанта. Парфюмеры на этот раз преподнесли госпоже новые духи в алмазном флаге, плод их пятнадцатилетнего труда.

В цветочном ряду княгиня задержалась, залюбовавшись детищем победившего на этот раз в состязании Кертиса. Цветы были и впрямь великолепны: на длинных изумрудно-зеленых упругих стеблях покачивались снежно-белые головки. Большие атласные лепестки, трепеща, полностью раскрылись, обнажив золотую сердцевину – тоненькие усики-завитки. Чудесные цветы искрились, сияя в потоке солнечных лучей. Они были так изысканны, так чисты и прекрасны! Элен вдруг стало грустно.

– Они похожи на тебя, – шепнул ей Талион. Княгиня усмехнулась и обратилась к Кертису:

– Как ты их назвал?

Цветовод, седой, но еще крепкий старик, с достоинством ответил:

– Ферлифьор.

Видя, что княгиня собирается двинуться дальше, он поспешно добавил:

– Госпожа, прости мою смелость, но позволь попросить тебя взглянуть еще на один цветок! – И склонился в поклоне. Советник Аманор, сам страстный садовник, помог княгине сойти с коня и указал на высокую просторную палатку. Элен вошла туда вслед за Кертисом и с интересом огляде-

лась. Палатка была пуста. Лишь часть ее было отделена плотным белым занавесом. Цветовод подошел к нему и отдернул ткань. Княгиня увидела высокий узкий постамент, укрытый черным атласом, глубокими складками спадающим до пола. На постаменте стояла изящная ваза из прозрачного горного хрусталя, а в вазе – единственный цветок. Он словно парил в пустоте на уровне глаз Элен. Княгиня смотрела на темный стебель с длинными, как острия кинжалов, шипами, на тугие резные листья с черноватыми прожилками и на распутившийся бутон. Больше, чем самые крупные розы в ее садах, он был иссиня-черным. Шелковые лепестки лишь на самых краешках чуть светлели, и сквозь черноту проступал пурпур. Цветок издавал сладкий, пряный аромат, но в самой сладости была заключена горьковатая нотка.

– Я вырастил его для тебя, госпожа, – тихо проговорил Кертис. – Ты сама дашь ему имя. Если позволишь, я посажу черенок на скале Плача. Он достоин твоей печали.

Элен обернулась к садовнику и внимательно взглянула в его доброе дотемна загорелое лицо.

– Спасибо, друг мой. Цветок воистину прекрасен. Я назову его Айтэри, в честь той, чья судьба была печальна и горька. Возьми, я не могу подарить тебе подобное чудо, это всего лишь камень, но и он может хранить память. – Княгиня сняла с руки перстень с черным агатом, положила его в широкую ладонь цветовода и быстро вышла из палатки.

Время шло. Спутники княгини устали. Их глаза привыкли

к роскоши. Они перестали удивляться диковинкам, припрятанным специально для них и теперь выставленным на цветных подушечках на всеобщее обозрение. Пожалуй, в ювелирном ряду наступило короткое оживление, но и оно быстро иссякло. Наконец, княгиня распорядилась покидать ряды палаток.

Процессия потянулась к высокому длинному шатру, что стоял в стороне от суетливой толпы. Когда всадники подъехали к нему, из шатра по двое стали выходить люди в длинных белых одеяниях, перехваченных на поясе серебряными шнурами. Они будто не на празднике были, а проходили тяжелое испытание, так строги и сосредоточены были их лица. Возраст этих людей был очень разным, от почти еще мальчиков до седовласых почтенных старцев, но всех их, независимо от количества прожитых лет, отличал умный, пронзительный взгляд. Последним из шатра вышел невысокий старик. При его появлении все молча склонили головы.

– Дию! – Радостно улыбнувшись, прошептала Элен. Но улыбка тут же сошла с ее губ, и лицо вновь стало серьезным. Дию неторопливо подошел к ней и торжественно произнес:

– Княгиня, я хочу представить тебе нового Главного лекаря Раэнора. С моим выбором согласились все.

Он чуть поклонился ей, повернулся и пошел обратно. Элен не отрывала от него напряженный, почти испуганный взгляд. Она давно слышала от Дию, что он собрался оставить столь почетную должность, но втайне надеялась, что

это произойдет еще очень нескоро, и вот... Старик медленно шел мимо врачей, заглядывая им в глаза, и мало кто мог выдержать его взгляд. Он остановился напротив высокого человека с темными, коротко стриженными волосами. Придворные за спиной княгини встревоженно зашептались. Да и самой Элен выбор Дию не пришелся по душе. Она была солидарна с остальными – старик должен был выбрать раэнонца!

Но Дию был невозмутим. Он словно и не слышал раздраженного гула голосов, не чувствовал тяжелых, неодобрительных взглядов. Не отрывая глаз от серьезного, покрасневшего от волнения лица избранника, он положил руку на его широкое плечо. Человек вздрогнул и сделал шаг вперед. Миг помолчав, Дию решительно произнес:

– Сегодня я, Дию, после долгих лет службы Раэнору слагаю с себя обязанности Главного лекаря. Пользуясь правом и исходя из долга, я выбрал себе преемника. Все вы достойны своего занятия, все обладаете глубоким, смертельным для непосвященного тайным знанием и можете применять его на пользу себе и другим. Поэтому выбор мой был так труден. Однако сегодня все вы с ним согласились. Ты, Фрэй, отныне являешься главой лекарей Раэнора, первым среди равных, и отныне ты понесешь это тяжкое бремя.

С этими словами Дию снял с себя золотую цепь с диском и надел ее на шею Фрэя. Тот стоял молча, не шелохнувшись, только чуть дрогнувшие уголки рта и сжавшиеся в кулаки

ладони выдавали волнение. Взяв его под руку, старик подвел молодого человека к княгине.

– Госпожа, вот новый Главный лекарь Раэнора.

Элен внимательно оглядела подошедшего. Он ничем не отличался от тех, остальных. Тот же скромный наряд, спокойное, бесстрастное выражение лица, серьезные карие глаза, тонкий, строгий рот. Вот разве что ежик непослушных, не по обычаю Раэнора, коротких волос.

– Откуда ты родом? – наконец спросила княгиня.

– Мои родители – кочевники с северо-востока. – Его голос был глубок, хоть и негромок. И взгляда он не отводил. Услышав его ответ, раэнорцы снова неодобрительно зашумели.

– Опять безродный выскочка!

– Почему этот старик не выбрал Гельмира?

– Ему нельзя доверять!

Однако ни княгиня, ни тот, к кому относились эти слова, будто и не слышали их.

– Так, стало быть, ты хороший лекарь?

– Так считают другие.

– А ты сам?

– Лучше многих, но многие лучше меня.

Элен усмехнулась.

– Почему же согласился стать первым?

– Моего согласия не спрашивали, княгиня.

Она метнула на Дию угрожающий взгляд и коротко командовала:

– Фрэй, ты поедешь со мной. Коня Главному лекарю!

Тот хотел было возразить, но промолчал, остановленный предостерегающим взглядом Дию. Тотчас слуга подвел ему каракового тонконового жеребца в богатой упряжи, и лекарь, ловко вскочив в седло, смирил гордое животное и заставил повиноваться себе.

– Кровь! – презрительно переговаривались меж собой в свите княгини.

– Чего еще ожидать от дикаря!

– И в руках этого пришельца отныне будет наша жизнь!

Еще восточнее, в низине, часть поля была отгорожена. Огромное пространство оцепили отряды dwarves – лучшие воины четырех приграничных гарнизонов. Южный и Восточный возглавлялись своими капитанами. Дарка, капитана Западного гарнизона, заменял его помощник, потому что после жалобы советников княгиня резко воспротивилась его присутствию на празднике. Dwarf в ответ проворчал, что сытно поесть, изрядно выпить и посмотреть на мордобой он может и дома, а больше на Аэрэлине и делать-то нечего. Элен сделала вид, что не слышала этой грубости. Вот только Северный гарнизон остался без капитана, совсем недавно отравленного хитрыми степняками, с которых он нещадно взимал дань.

Dwarves стояли, тесной лентой оцепив площадку, сжимая в руках обнаженные ятаганы. На их коротких плащах был вышит герб Раэнора: над черными пиками гор бледное око

луны. Да сами плащи отличались цветом, показывая, к какому гарнизону причислены их владельцы. У южан они были темно-красные, у восточных – коричневые, у западных – темно-зеленые, у северян – черные.

На окруженной двергами части поля были выстроены ряды деревянных скамей, окружавшие поляну длиной не менее четырехсот шагов, на которой должны будут проходить состязания. На южном конце поляны были приготовлены места для посольств. Под отдельным навесом стояло высокое кресло княгини. На противоположном конце площадки расположился маленький отряд из двадцати двергов, стоящих в колонне по четыре. Это были лучшие бойцы Северного гарнизона. Именно из них княгине предстояло сегодня выбрать одного, который и станет капитаном.

Элен подъехала к площадке. Тут же к ней подбежал низкорослый, мрачный дверг, капитан Южного гарнизона, и схватил под уздцы ее коня. Ахор, на удивление гостям, не стал противиться и дал себя увести. Снова поднялся невообразимый шум. Свита княгини спешила. Началась толкотня и споры из-за мест. Элен опустилась в кресло из резного черного дерева и принялась терпеливо ждать, пока вся эта пестрая, шумная толпа разместится на скамьях. Послы и почетные гости устраивались соответственно рангу на расположенных полукругом чуть позади княгини мягких сиденьях под навесами. Внезапно Элен поймала себя на том, что боится! Охватившее ее утром радостное возбуждение прошло.

Вместо него росла, поднимаясь из глубины души, тревога. В тщетной надежде забыться княгиня с усиленным вниманием пыталась наблюдать за происходящим. Придворные расселись по местам, и теперь помосты стали похожи на пышные цветочные клумбы. Совсем недалеко, слева, заняли свои места альвы. Они тихо меж собой переговаривались. Элен отослала Талиона к родичам, и он сидел в первом ряду, о чем-то оживленно споря с соседом. Княгиня узнала светловолосого, с мягкой, чуть застенчивой улыбкой альва. Это был Аманд-эйл. Слева чинно расселись гримы с женами и детьми. Элен улыбнулась: в старинных книгах говорится, что женщины гримов так же непритязательны и грубы, как мужчины, но о раэморских дамах такого не скажешь. Эти прекрасно разбирались в последних модах, кокетничали не меньше прочих и умели вытягивать из упрямых мужей деньги на обновления. Гримы шутили и громко, от души смеялись. Однако княгиня прекрасно знала, как обманчива эта открытая бесшабашность. Надменностью, высокомерием, презрением к чужакам они превосходили всех остальных раэморцев, вместе взятых.

Чуть оглянувшись назад, Элен с досадой увидела, что по правую руку от нее, совсем рядом, разместились морнийцы. Ардук, глава посольства, скучающим взглядом обводил собрание, и на миг глаза княгини и морнийца встретились. Элен призвала на помощь всю свою выдержку, чтобы спрятать глубоко в душе начинавшие клокотать в ее сердце

чувства, и, распахнув глаза, улыбнулась наивной, открытой улыбкой. Ответом ей была циничная ухмылка. Негодяй чувствовал свою неуязвимость и пользовался ею. Отведя взгляд, словно и не поняв вызова, княгиня посмотрела на стоявшего рядом Ирлинга. Тот ничего не замечал, увлеченный тем, что высматривал кого-то в яркой, колышущейся толпе. Зато Румиль тотчас ответил на взгляд госпожи, чуть сдвинув густые черные брови.

Убедившись, что можно начинать, Элен оглянулась налево, нашла взглядом церемонимейстера и чуть заметно склонила голову. Знак был понят Фреагором, не сводившим внимательных глаз с госпожи. Он встал со скамьи, взмахнул рукой, и герольды, выстроившиеся вдоль поля, поднесли трубы к губам. Пронзительные звуки разнеслись над Кеменьярлоссом, возвещая о начале состязаний. Тотчас давно ожидавший этого знака отряд северных dwarves вышел вперед. Ступая нога в ногу, не спеша, уверенно, они приближались к сидящей под белоснежным балдахином повелительнице.

Все эти дни Угард был сам не свой. Он знал, что должен победить в предстоящем состязании, но не был уверен, что сможет это сделать. Конечно, он не размазня-новичок, кое-что уже успел повидать за свою недолгую жизнь. Отец, отец отца, да и все его предки служили князьям Раэнора. Не так давно пришла очередь Угарда. Но никто из его родичей никогда не был капитаном гарнизона, а он, молодой еще dwarf,

должен им стать. Его семья всегда жила небогато, но им и в голову не приходило жаловаться на судьбу. Таким пустякам значения не придавали, не то что мать Рины. Эх, если бы старый капитан, ее отец, был жив! Но проклятые офы все же сумели до него добраться. Угард хорошо помнил, как плакала Рина, когда вспыхнул погребальный костер.

Теперь дверг шел по ровному зеленому дерну, сосредоточившись на предстоящей схватке. Рядом, настороженно поглядывая, бесшумно двигался его будущий противник. Сидевшие на скамьях зрители вполголоса переговаривались, обсуждая достоинства и недостатки претендентов на победу. Капитаны гарнизонов меняются нечасто, поэтому многие раэenorцы видели подобную церемонию впервые. Они с любопытством разглядывали двергов и пытались угадать, кто из них станет победителем. Тут же возникали жаркие споры и ставились заклады. Однако ничего этого Угард не замечал. До его ушей долетал лишь неясный гомон голосов. Дойдя до воткнутого в землю маленького белого флажка, дверг и его соперник остановились, повернулись друг к другу, скинули плащи, расстегнули тяжелые окованные пояса, стащили с себя защищающие спину и грудь пластины из толстой дубленой кожи, сняли просторные холщовые рубахи и остались лишь в штанах из прочной дерюги, заправленных в сапоги.

Хоть Угард и был чуть выше своего противника, недостаток роста у того с лихвой возмещался мощными мускулами, бугрившимися под темной кожей. Зато Угард, не обладав-

ший столь устрашающей силой, был более гибок и подвижен. Обритые наголо головы dwarves, их широкие лица, крепкие тела блестели от пота. Едкий запах, ударив в ноздри молодого dwarf, разбудил дремавший до поры в его душе гнев. Этот запах, запах врага, заставил его сердце забиться сильнее. Ноздри, ловя его, раздулись, губы раздвинулись, обнажив крепкие белые клыки. Его противник тоже подобрался, искорки бешеной злобы заплясали в темных прищуренных глазах. Стремясь утратить врага, он напрягал мышцы, так и ходившие волнами, то вздуваясь, то опадая. Для застывших в напряжении бойцов понемногу исчезало все: Кеменьярлосс, толпы притихших зрителей, оцепившая поле стража. Исчезло небо, даже солнце померкло. Остался только стоящий рядом враг, которого нужно убить. Угард чувствовал, как это желание все сильнее захватывает его, как ярость застилает глаза багровой пеленой, как меркнет память. Перед ним теперь был не товарищ по гарнизону, не соратник, с которым они бок о бок сражались против нашествий степняков, не веселый приятель по буйным пирушкам, с которым делилась последняя кружка вина. Нет. Теперь он – чужак, а не родич. И так было со всеми, кто стоял сейчас на залитом солнцем зеленом поле Кеменьярлосс.

Надрывно взревели трубы. Распорядители взмахнули флажками, оповещая о начале схватки. И застывшие до этого без движения могучие, длиннорукие, с мощными загривками, покрытые шрамами бойцы ожили. Противник Угард

да хрипло рыкнул, пригнул голову и ринулся вперед, стремясь ухватить его огромными ручищами, однако молодой орк отшатнулся, успев нанести быстрый удар по шее соперника. Тот охнул, но тут же ловко развернулся, и его кулак угодил прямо в живот Угарда. Дыхание перехватило, свет померк в глазах, но дверг успел встретить бросок врага, и оба, сцепившись, закружились на месте, взрывая землю, нанося друг другу страшные удары, утробно рыча, лязгая зубами. Чужая, что силы оставляют его и вырваться из железных объятий противника не удастся, Угард быстро повернулся и, качнувшись всем телом, с размаху ударил лбом в лицо врага. Послышался треск, из раздробленного носа потекла темная кровь. При этом оба, не устояв, рухнули на землю и покатались, нещадно избивая друг друга, рвя зубами грудь, плечи. Более молодой и ловкий, Угард сумел освободить одну руку, ухватил дверга за подбородок и изо всей силы потянул его голову назад, обнажая незащищенное горло. Он увидел ужас, затопивший глаза соперника, понявшего, что смерть близка, и впился клыками в пульсирующие жилы. Дверг в его объятьях дернулся, напрягся всем телом, в последней, отчаянной попытке стремясь сбросить с себя убийцу, но не смог, захрипел, в горле его забулькало. Рот Угарда наполнился кровью. Вздрыгнув в последний раз, дверг обмяк.

Выпустив из рук безжизненное тело, Угард вскочил на ноги и быстро огляделся: комья взрытой земли летели из-под ног дерущихся прямо ему в лицо. Несколько двергов валя-

лись без движения. Вдруг сзади на его голову обрушился тяжелый удар. Сознание помутилось, дверг упал на колени. И тут же на него навалилось горячее, скользкое от крови тело. Острые зубы впились в загривок. Но нападавший действовал одной рукой и был изнурен боем. Угард резко опрокинулся навзничь и вырвался из объятий, извернулся, вскочил и что было сил ударил поднимающегося противника. Тот снова упал, и Угард прикончил его, раздробив голову неистовыми ударами ног. Дальше он ничего уже не понимал. Боль притупилась. Тело ничего не чувствовало, глаза заливала кровь, дыхание пресекалось, все труднее становилось отражать удары. Но сдаться – значит умереть. Меся ногами еще живые тела, Угард с остервенением молотил кулаками, пока его силы окончательно не иссякли. Дверг бессильно повалился на залитую кровью землю.

Когда Угард очнулся, он тотчас вспомнил об опасности, попытался резко подняться, пошатнулся, но все же встал. Стерев с лица кровь, разлепил веки и огляделся по сторонам. Вокруг него валялись скорченные, изуродованные тела. Некоторые еще шевелились, издавая тихие стоны. Но Угарду было не до них. Он искал взглядом того, кто сможет встать на ноги, чтобы продолжить бой, и увидел недалеко от себя Крэя, его давнего друга и почти ровесника. Тому здорово досталось во время драки, он, как и Угард, дышал тяжело, с хрипами, со свистом, но его хмурые глаза горели упорным бешенством. Он, еле передвигая ноги, приближался к Угар-

ду. Тот на секунду растерялся, но лишь на секунду! В следующий миг он собрал все свои силы и приготовился к бою, не сводя глаз с Крэя. Но они не успели сойтись.

Неожиданно вновь раздался пронзительный голос труб. Распорядители вновь взмахнули флагами. К двергам подбежали стражники и повели их туда, где под колышущимся белым балдахинном в высоком кресле сидела княгиня. Слух вновь вернулся к Угарду. Оглушительный рев волной обрушился на дверга. Вскочившие со своих мест зрители вопили, размахивали руками, горстями бросали на поле золотые монеты, перстни, ожерелья. Пронзительно визжали женщины. Вой обезумевшей от кровавого зрелища толпы сотрясал взрытое поле.

Их подвели к княгине. Угард видел ее впервые. До этого он думал, что княгиня – могучая, властная старуха, вроде матери его отца, заправлявшей всем домом. Однако она оказалась совсем еще молодой, увешанной драгоценностями женщиной. Ее окружала многочисленная свита придворных, не спускавших глаз со своей повелительницы. Но ее взгляд был обращен на двух dwarфов. Княгиня улыбалась, однако, когда их глаза встретились, Угард похолодел от страха. Он вдруг понял, что рвущая боль во всем теле – ничто по сравнению с болью, которую может причинить взгляд этих черных, как сажа, глаз. Прошло несколько минут, а она все еще молчала, так же улыбаясь лишь губами, а глаза ее напряженно шарили по лицам dwarфов. Но Угард к своему удивлению

вдруг понял, что его душа спокойна. От решения этой женщины в его судьбе уже ничего не зависело. Да, еще перед схваткой он мечтал о победе, думая, что она его осчастливит. Но вот он остался жив, а счастья что-то нет. Наоборот, он впервые задумался, а стоила ли победа кровавой бойни. Стоило ли платить своей жизнью за развлечение столичных бездельников и этой разряженной красотки? И горькая ухмылка искривила его разбитые губы. Что ж, если даже он не станет капитаном, он останется собой и уж сумеет взять от жизни все, что ему причитается. Подумав так, он вновь взглянул в лицо княгини, но уже не ждущим, а немного насмешливым взглядом. И тут же понял, что она знает все его тайные мысли. Что его душа для нее – открытая дорога, и в ее глазах не было уже ни высокомерного презрения, ни гордой властности, а лишь усталое понимание. Этот взгляд был предназначен лишь ему, молодому двергу Угарду. И тихий, строгий голос произнес:

– Вот капитан Северного гарнизона.

Он победил! Он добился того, о чем год назад и мечтать не смел! Угард стоял, пошатываясь. Разбитый нос распух, глаза заплыли. Уши висели рваными клочьями. Каждый вздох сопровождала резкая боль. Клыки соперников оставили на всем его теле глубокие, кровоточащие борозды. Но он был жив. Он – капитан. Сквозь застилающую глаза темную пелену он видел, как осел на землю Крэй, как слуги вытаскивают с поля трупы и умирающих, как разравнивают землю.

А на его истерзанное тело их ловкие руки надевали новую одежду капитана. Когда была застегнута последняя ременная пряжка, накинут на плечи черный плащ, княгиня поднялась с кресла. Рядом с ней оказался советник Ворондил. Он держал на вытянутых руках подушечку, на которой сверкал позолотой капитанский жезл. В наступившей тишине вновь зазвучал ее голос:

– Ты готов дать мне клятву верности?

Угард чуть шевельнул губами, выдавив лишь сиплое:

– Да.

Он медленно опустился перед ней на колени, немного помолчал, собираясь с силами, а потом прохрипел:

– Я клянусь быть верным тебе, только тебе, госпожа. Клянусь чтить твой закон, биться с твоими врагами и умереть за тебя, когда придет время.

Он замолк, не зная, что еще сказать. Внимательные, знающие глаза все так же смотрели на него. Княгиня взяла жезл в руки и осторожно коснулась им левого плеча дверга:

– Встань, капитан. Гарнизон ждет тебя. Иди.

Приняв из рук княгини капитанский жезл, Угард повернулся и пошел по пустому полю к своему отряду. Он брел, тяжело переступая ногами, под приветственные крики толпы. Двергу казалось, что прошла вечность, прежде чем он добрался до Северного отряда, все так же колонной выстроенного меж Западным и Восточным гарнизонами. У него еще хватило сил расставить их кольцом окружения, сдвинув

соседние отряды на юг, и когда сомкнулись два ряда оцепления, Угард в изнеможении повалился на специально принесенную для него скамью и замер.

Когда слуги привели поле в порядок, княгиня подала знак к началу турнира. Турнир был любимой ежегодной забавой раэнорской знати, прекрасной возможностью показать свою ловкость, мастерство выездки, наряды, богатое оружие и роскошную упряжь лошадей. Элен со скукой взирала на долгие приготовления. Молодые люди, не торопясь, выходили на противоположные концы поля. Слуги подводили лошадей, подносили доспехи и копья. Садясь в седло, юноши заботливо расправляли складки одежды, разглаживали повязанные ими в честь дам сердца ленты на рукавах, надевали сверкающие шлемы с цветными шарфами, осторожно раскидывали по плечам тщательно завитые и надушенные локоны длинных, доходящих иным до пояса волос. Их нежные руки были заботливо защищены перчатками. В ладонях все они сжимали легкие копья, острия которых были замотаны тряпками, обмакнутыми в красную краску. Согласно правилам, победителем считался тот, на ком к концу забавы не было ни одной красной отметины. Все участники турнира были готовы. Распорядители подали знак, ободряюще пропели трубы, и кони рванулись вперед. словно две яркие, переливающиеся в лучах солнца волны, неслись они друг к другу. Зрители замерли в волнении. Доскакав до середины поля, лошади сшиблись. Послышались крики, конское ржание, треск ло-

мающихся копий, а когда соперники разъехались, на земле остались лежать несколько выбитых из седла воинов. Под испуганные возгласы толпы к ним уже спешили лекари и слуги, чтобы унести с поля и оказать помощь. Княгиня с безразличием наблюдала, как юноши со смехом выясняют, кто же остался незапятнанным. А потом победитель под громкие возгласы одобрения с гордо поднятой головой медленно объезжал поле, и девушки бросали ему букетики цветов. Так повторялось несколько раз, пока, наконец, не осталось больше желающих принять участие в веселой забаве. И тут на княгиню тяжелой волной накатил страх. Сейчас должно случиться то, ради чего она сюда приехала. Отыскав глазами Фреагора, Элен подала ему знак, которого он давно ждал. Выйдя на поле, церемонимейстер взмахнул жезлом. Герольды вновь поднесли трубы к губам, и торжественные звуки разнеслись по полю, призывая к молчанию. В наступившей тишине прозвучал взволнованный голос Фреагора:

– Аэрэлин – особый праздник. Четыре тысячи восемьсот пятьдесят лет прошло с того дня, как возник прекрасный Раэнор. Так вспомним же о прошлом. Турнир не окончен. Сегодня каждый из вас, – он обвел взглядом застывших в удивленном молчании зрителей, – сможет принять участие в единоборстве. Наградой победителю станет место на пиру рядом с княгиней и драгоценное оплечье, за которое мастер Фрека получил сегодня должность дворцового ювелира. Внесите заклад!

Фреагор чуть отступил в сторону. Вперед вышли четверо слуг, бережно несущих на серебряном блюде оплечье изумительной красоты и богатства, за которое, пожалуй, можно было бы купить пол-Раэнора, найдись продавец. Толпа ахнула от восторга. Посланники возбужденно зашептались. Краем глаза Элен видела, как впился взглядом в драгоценную вещь сидевший рядом морниец. Ее сердце учащенно забилося. Пальцы в волнении впелись в подлокотники кресла. Выждав, Фреагор продолжал:

– Залог хорош! Богатый дар и высокая честь! Однако и плата высока. Только смерть противника дает в единоборстве право на победу. Решайтесь, храбрецы! Обычай жесток. Много лет не проводилось единоборство. Но это достойная забава для мужей, в чьих жилах течет кровь, а не вода. Ну же, где вы, бесстрашные рыцари, смельчаки, отчаянные сердца? Ваши имена будут записаны в Золотую книгу Раэнора! Ваши беспримерные подвиги будут воспеты менестрелями! Лучшие поэты Раэнора воздадут вам хвалу! Взоры первых красавиц будут к вам благосклонны!

Он замолк. Над полем нависла давящая, гнетущая тишина, в которой явственно прозвучал усталый голос княгини:

– К несчастью, моя страна бедна только одним – храбрецами.

Ее губы искривила горькая усмешка. И в глубине сердца росла тревога. Минуты шли. Длилось молчание над пустым полем. Никто не хотел рисковать. Элен, замерев, невидящим

взглядом смотрела прямо перед собой. Она ждала. А алмазы на закладе призывно сверкали, разбрасывая разноцветные искорки света.

Вдруг справа от нее произошло какое-то движение. Элен быстро повернула голову и увидела, что глава морнийского посольства Ардук встал, отстегнул плащ, черной тенью упавший к его ногам. Его спутники что-то шептали ему, но морниец вскинул голову и громко расхохотался. Обведя презрительным взглядом отшатнувшихся с его пути придворных, Ардук вышел на поле и встал перед креслом княгини.

– Я хочу сразиться в поединке. Правда, если среди твоих подданных найдется для меня соперник, – со смехом бросил он ей. Элен тоже улыбнулась и приказала:

– Коня и доспехи господину!

Тот удивленно возразил:

– Но у меня есть и то, и другое.

Все так же улыбаясь, княгиня спокойно объяснила:

– Ардук, правила таковы, что кони и доспехи противников – мои. А вот оружие, сила, опыт и мужество могут быть только твоими. Да, если что-то тебя не устроит, скажи, и мы тотчас исправим ошибку.

Морниец пожал плечами:

– Что ж, раз таковы традиции... Хотя я уверен, княгиня, что ни доспехи, ни оружие мне не понадобятся.

– Я буду только рада этому. Тогда ты увезешь оплечье как мой подарок.

И обернувшись к слугам, приказала:

– Приготовьте для рыцаря все, что нужно. И подведите коня!

А потом опять обратилась к морнийцу:

– Что ж, выбор соперника за тобой. И знай, я желаю твоей победы.

– Не сомневаюсь, княгиня, – усмехнулся Ардук.

Ему подвели гнедого коня в простой кожаной сбруе. Проверив крепость упряжи, морниец вскочил в седло. Конь тут же взвился на дыбы, но его упрямство только развеселило Ардука. Вогнав в бока жеребца шпоры и резко рванув поводья, он заставил животное взвизгнуть от боли и заплясать на месте. А потом, ослабив повод, послал коня вперед, и тот, усмирённый опытным всадником, рванулся к центру поля. Княгиня невольно залюбовалась гордой посадкой наездника, его сильными, уверенными движениями. Морниец выехал на середину поля, погарцевал, заставляя коня взрывать землю копытами, а потом направил его к правому, дальнему концу поля, к скамьям раэнорцев. Подъехав совсем близко к страже, он медленно начал объезд, всматриваясь в лица людей, заставляя мужчин отводить глаза, а женщин – смущенно краснеть под дерзким взглядом темных, горячих глаз. Его улыбка была все так же высокомерно-презрительна.

Элен следила, как он объезжает ряды скамей. Она знала, что никто из ее подданных не решится на поединок. И сюрпризов не ждала. Ардук вызвался биться, и это было глав-

ным, а что до противника... Но все же волнение и страх не проходили. Заставляя себя улыбаться, она ждала, когда морниец подъедет поближе. Он был уже совсем рядом, напротив скамей, где сидели альвы. Ардук хотел было пришпорить коня, чтобы проехать быстрее, но не успел: минув ряды стражников, на поле вышел высокий альв и остановился прямо перед морнийцем. Сердце Элен замерло: это был Талион. Затаив дыхание, она впилась взглядом в надменное лицо Ардука. Тот удивленно смотрел на альва, не понимая, что нужно от него этому странному существу. Не обращая внимания на столь явное пренебрежение, Талион холодно бросил ему:

– Мне кажется, принц альфарской крови – достойный соперник послу Морна.

Ардук молча оглядел его с ног до головы, и его надменное лицо исказила презрительно-жалостливая гримаса:

– А, я узнал тебя. Так ты, стало быть, еще жив? Странно. Я должен был бы исправить эту ошибку прямо сейчас, но жаль, не могу этого сделать. Ведь, сразившись с тобой на равных, я покрою позором свой меч. Кто же бьется в единоборстве с рабом? Раба наказывают палкой или плетью, когда он становится непокорным. А ведь ты раб, альв. Тебя, как скотину на рынке, купили за золото. Право, княгиня, твоя нынешняя госпожа, была слишком щедра. Ты не стоишь тех денег. Принц альфарской крови? Забудь об этом. Ты, возможно, был им когда-то, но твое прошлое стерто навсегда. Оно стерто клеймом, выжженным на твоем лбу. Что же ты

его прячешь? Ведь об этом все равно все знают! Прочь с дороги, а не то к клейму я прибавлю еще пару отметин!

Он двинул коня на альва и выхватил из-за пояса плетку, но Талион даже не шелохнулся. Побледнев от ярости, судорожно сжав кулаки, он впился потемневшими от гнева глазами в лицо Ардука. Жеребец навис над ним, нерешительно переступая, фыркая и приседая на задние ноги. Плеть морнийца взвилась, готовая опуститься на голову упрямца, но тут над полем разнесся суровый, властный голос:

– Берегись, Ардук! Оскорбляя раэнорца, ты наносишь обиду мне. А я обид не прощаю, как не прощают и те, за горами. Или ты хочешь на себе испытать гнев Черного Вестника? Талион, отойди. Раз гость имеет право выбора, это право нужно уважать.

Альв дрогнул, как от удара, но, сделав над собой невероятное усилие, склонил голову и удалился за оцепление стражи. Ардук спрятал плетку, и его конь двинулся дальше.

Все было кончено. Морниец разгадал ее хитрость и отказался от поединка. Княгиню душила жгучая ненависть. Этот человек должен умереть! Она этого хочет, и так будет! Он ответит за свою наглость!

А морниец уже подъехал к ее креслу, наклонился и вполголоса, так, чтобы слышала только она, произнес:

– Ты проиграла, и мне тебя жаль.

От этих слов лицо княгини вспыхнуло. Она подняла на всадника тяжелый, невидящий взгляд. Ни слова не было

произнесено, но Ардук вдруг отшатнулся и, криво ухмыльнувшись, шевельнул поводьями. Но конь не двинулся с места. Его крепко держал под уздцы телохранитель княгини. Элен удивленно взглянула на него. Ардук тоже долго вглядывался в его лицо, но внезапно невесело усмехнулся и покачал головой:

– Отойди. С тобой я не стану драться.

Но тут вмешалась княгиня:

– Почему же? Ведь он не пленный альв. Он равен тебе. Он твой соотечественник, твой родич, Ардук. Так чем же ты недоволен теперь?

Тот метнул в ее сторону ненавидящий взгляд, но сдержался и промолчал. А княгиня продолжала:

– Румиль – не раб, купленный за деньги. Он мой приближенный. Более того, он мой друг. Неужели узы крови удерживают тебя?

– Ты хочешь, чтобы я сказал это? – Ардук быстро глянул на Румиля и в гневе сжал поводья.

– Да. Я хочу, чтобы ты объяснил, почему твой родич не достоин поединка.

Решившись, гордец ненавидяще зыркнул в ее лицо и прошипел:

– Этот человек – предатель! Позор нашего рода!

Элен с притворным огорчением покачала головой:

– Да, это веская причина. Выходит, и среди морнийских соколов попадают вороны. Румиль, подойди ко мне, оставь

его. Я не буду рисковать тобой.

Телохранитель с сожалением разжал руки, отпустив уздечку, и конь скакнул вперед, унося седока. Что ж, Элен удалось хотя бы унижить морнийца. Сдерживая нервную дрожь, княгиня улыбнулась: она решила, как умрет посол. Ради этого она не пожалеет свой любимый алмаз. Его растолкут в порошок и всыпят в пурпурное вино. И она своими руками поднесет чашу послу. Ардук будет умирать у нее на глазах медленно, в страшных мучениях. У него будет время пожалеть о своей наглости. Представив себе все это, Элен немного успокоилась. Она, не спуская глаз, следила за всадником, чью участь только что решила. Но ее жгла обида на своих изнеженных, трусливых, слабых, не способных на благородную самоотверженность подданных. Этот чванливый глупец называл рабом Талиона! Но на самом деле рабами были раэнорцы. Рабами своих прихотей, капризов, своего малодушия, безудержной тяги к богатству, нелепого презрения к другим народам. И она, Элен, была госпожой этих жалких рабов. Ей захотелось плакать от обиды. Ее унижение видят все. Иноземцы злорадно ухмыляются. Уж они не преминут рассказать о сегодняшнем празднике у себя на родине. О небеса! Почему эта горькая участь суждена именно ей? Элен погрузилась в мрачные размышления, совершенно забыв о морнийце, понимая, что единоборства не будет. Ее вывел из задумчивости дружный вздох, пронесшийся над полем. Подняв голову, она на мгновение замерла, не веря своим глазам.

А потом лицо ее озарила радостная улыбка. Лошади Ардука преграждал дорогу раэнорец, и морниец, кажется, наконец-то согласился начать бой.

Хаггар со все возрастающей скукой наблюдал за турниром. Дию посмеялся над ним, когда посоветовал прийти именно сюда. Уж лучше было остаться бродить среди толп народа попроще, чем наблюдать за жалкими забавами здешней знати. Ему не нравился Раэнор, ему не нравились раэнорцы. Все они словно сговорились меж собой и, вместо того чтобы просто жить, играют в какую-то непонятную игру. Арандамарец сам изумлялся своему спокойствию. Присутствие здесь тварей – dwarves совсем не задевало его. Мало того, даже посольство Морна лишь удивило, не вызвав обычного гнева. Да, вот, оказывается, какие друзья у княгини! И, кажется, они ее весьма устраивали. Но вот уж что действительно не укладывалось у него в голове, так то, что он сам чувствовал! Впервые Хаггар насторожился еще во дворце, когда встретил в толпе придворных капитана-дверга. Тогда, правда, всего на миг, ему показалось, что тот – единственный живой среди разряженных кукол. Сейчас, глядя на красочное, но невыразимо скучное представление, в которое раэнорцы умудрились превратить веселую, опасную забаву, он вспомнил бойню dwarves, орущую толпу, впервые в жизни ощутив нечто, похожее на жалость и сочувствие к этим ужасным изгоям, и сам испугался своих чувств. Нет сомне-

ний, это княгиня околдовала его! Все здесь – фальшь, игра, и сама правительница тоже играет и лжет.

Пока он размышлял, запели трубы герольдов, выведя арандамарца из задумчивости, а потом издалека, с противоположного конца поля, оттуда, где располагалась со своей свитой княгиня, до него долетел еле слышный голос церемониймейстера. Вслушиваясь в слова, соседи Хаггара оживленно обсуждали, кто же решится на такой неслыханно дерзкий и смелый поступок, как единоборство. Арандамарец с усмешкой оглядывал ряды зрителей. Но когда вперед вышел морниец, улыбка сошла с лица Хаггара. Это был враг. Что значат какие-то дворги по сравнению с надменным, чувствующим свое превосходство и безнаказанность посланцем Морна! И Хаггар воззвал к небесам, чтобы ему не нашлось противника. Дважды замирало его сердце, когда конь морнийца останавливался перед желающими испытать удачу. В первый раз это был суровый воин, которого арандамарец уже не раз замечал рядом с княгиней, а вторым был ее телохранитель. И дважды Хаггар с облегчением вздыхал, когда посол ехал дальше. Всадник, уже уверенный в том, что достойного противника не найдется, подъехал к дальнему левому краю поля, где сидел арандамарец. Тот впился пристальным взглядом в его смуглое лицо. Морниец, до этого презрительно взиравший на притихших зрителей, почувствовал на себе этот взгляд, и выражение ленивого превосходства в его глазах сменилось удивлением. Прямо перед ним стоял разнорец

и спокойно взирал на Ардука. Еще больше удивился посол, услышав ровный, властный голос незнакомца:

– Я хочу быть твоим соперником и буду им. Ты должен знать, что трижды не отказываются от поединка.

Ардук был воином Тьмы, но ценил и уважал доблесть, пусть даже доблесть врага. Он не прощал трусость и малодушие, но считал, что храбростью искупается многое, даже то, что человек, стоящий перед ним, был раэнорецем. Посол еще раз внимательно оглядел будущего противника. Тот был еще очень молод. Гордое лицо не выражало ничего, кроме спокойного ожидания ответа. И Ардук кивнул:

– Я согласен. Готовься к бою.

Ему стало жаль юношу. С большим удовольствием расправился бы он с прихвостнями гордячки-княгини. Ведь они так и лезли к нему на меч, хотели превратить честное состязание в сведение старых счетов. Но с ними он потом разделается, а теперь... Что ж, парень сам выбрал свою судьбу. Он повернул коня и поскакал через поле к слугам, которые уже ждали его, приготовив доспехи и оружие.

Как только морниец согласился на поединок, Хаггар вновь почувствовал в душе привычную легкость и спокойствие, безучастно наблюдая, как вокруг засуетились слуги. Не спеша, он осмотрел тут же подведенного коня, проверил крепость подпруг, надежно ли пристегнут повод, вскочил в седло и заставил лошадь пройти ровным шагом, рысью, пустил в галоп. Удовлетворенный испытанием, Хаггар спрыгнул на

землю, отдав повод подбежавшему слуге. Внимательно оглядев доспехи, арандамарец выбрал легкую короткую кольчугу, круглый нагрудник с узором из золотых нитей, остроконечный шлем той же работы. Вынув из ножен свой меч, он поймал на остро отточенное лезвие солнечный луч, и сталь клинка, загоревшись золотом вечернего солнца, приветливо блеснула. Закрепив толстые кожаные ремни красного кованого щита, Хаггар снова сел в седло. Арандамарец был невозмутимо-сосредоточен, неторопливо поправил меч, принял из рук прислужников щит, вддел левую руку в ремни, правой ободряюще похлопал коня по шее. Он видел, как готовится к бою морниец, как нетерпеливо пляшет под ним темный жеребец. Трубы герольдов возвестили, что рыцари готовы к приветствию. Подождав, когда противник первым тронется с места, Хаггар, не торопясь, поехал ему навстречу. Они сошлись в центре поля. Кони рыли землю копытами, зло сверкая глазами. Воины отсалютовали друг другу, повернули лошадей и послали приветственный поклон в сторону белого балдахина. Потом, все так же не торопясь, разъехались, и каждый признался себе, что противник достоин внимания.

Прошло несколько долгих минут. Герольды протрубили снова. Где-то далеко, на другом конце поля, княгиня Элен Раэниэль взмахнула белым шарфом, давая знак о начале единоборства. Тут же ему отозвался пронзительный вой труб. Горяча коня, Хаггар окликнул слуг. Те подбежали, поднеся длинное легкое копьё. Собрав поводья в левую руку, правой

сжав тонкое древко, арандамарец послал коня вперед, и тот полетел по полю навстречу так же бешено несущемуся всаднику. Ветер засвистел в ушах. Ровный глухой топот копыт отдавался во всем теле, вторя стуку сердца. Все ближе, ближе враг! Хаггар выставил вперед щит и направил копье в узкий просвет между вороненым шлемом и широким черным щитом противника. Не сбавляя хода, кони сшиблись, взвились на дыбы. Раздался громкий треск, и всадники, целые и невредимые, тут же разъехались. Отбросив обломки копий, они выхватили из ножен мечи и, прикрываясь щитами, вновь послали коней навстречу друг другу. Разбрасывая искры, зазвенела сталь.

Морниец бился осторожно, выжидая, не спеша, и, наконец, ему повезло. Хаггар, все еще не оправившийся от раны, чуть замешкался, и Ардук что было сил ударил мечом в открывшуюся грудь. Арандамарца спасли доспехи. Но от резкого толчка он не удержался и вылетел из седла, грянувшись оземь. Его конь испугался, вырвал узду из рук и с громким ржанием унесся на другой конец поля. Морниец двинул своего жеребца прямо на Хаггара, но тот, очнувшись, в последний миг успел-таки увернуться от ударов копыт и, вскочив на ноги, что было сил рубанул мечом по передним ногам коня. Тот взвизгнул от боли и рухнул на бок. Однако его всадник был проворен и ловок, он успел выскользнуть из-под падающей лошади и в мгновение ока оказался рядом с Хаггаром. Бой закипел с новой силой. Мечи взлетали и опуска-

лись на щиты, разбивая дерево и корежа железо. Едкий пот заливал воинам глаза. Доспехи, казалось, с каждым мгновением наливались неподъемной тяжестью, пригибая к земле. Вечернее солнце напоследок щедро изливало теплые лучи на сошедшихся бойцов. В нем холодом отливала чернота морнийских доспехов и плавилась золотые нити на шлеме арандамарца. Ардук был уверен в победе. Он и мысли не допускал, что может быть иначе. Его повелитель всегда помогал своему верному слуге со славой выходить из битв. Так будет и в этот раз. Так будет! И он со все большим жаром отдавался бою. Хаггар, наоборот, был спокоен. Он берег силы. Что ж, вот оправдание его затянувшегося пребыванию здесь. Вечное противостояние с Врагом! Там, далеко, за Рекой, он поднимал свой меч против Морна, и тут, на праздничном поле Кеменьярлосс, под гомон веселой толпы, он опять сражается с ним! Но почему так тяжело дышать? Почему рука все медленнее поднимает меч? Нет, не сдаваться! Он должен победить, должен выжить, чтобы вернуться назад, домой, к отцу и брату.

Оба, и Ардук, и Хаггар, уже не однажды были ранены, но раны только распалили бойцов. Отшвырнув в сторону то, что осталось от щитов, надсадно хрипя, спотыкаясь, пошатываясь от усталости, они рубились, не думая о пощаде. И билась, расправляя крылья, за плечами Ардука черная тень, а Хаггара обливало жгучими лучами солнце. Воин Света и воин Тьмы, они кружились по полю, и то тень затмевала солнце,

то дневное светило пробивало черный туман. А на востоке уже клубились сумерки. И арандамарец вдруг понял, что его жизнь теперь зависит от того, успеет ли он расправиться с врагом до того, как сядет солнце. Если нет, то его ждет неминуемая гибель. Морниец тоже понял это, и его черные глаза сверкнули торжеством. Удары становились все сильнее, и все труднее было их отбивать. Огненный диск склонялся за холмы, вновь обжигая Кеменьярлосс багровым пламенем, и его красные отсветы играли на потемневшей от крови стали мечей и кольчуг. Ярость клубилась в груди Ардука, алые лучи заката безжалостно били в глаза, он рубил, рубил... Его меч обрушивался на арандамарца, гнул сталь, оставляя на полированном металле глубокие шрамы-вмятины.

Хаггару пришлось отступить под градом безжалостных, смертоносных ударов. Время неотвратно уходило. Все ниже, ниже сползало к земле солнце. Уверенность в победе исчезала. Как невероятно трудно дышать! Словно черные щупальца сдавили горло и грудь. Пронизывающим холодом повеяло от земли. Закоченели пальцы, державшие меч, и холод полз, неумолимо полз к сердцу, неся гибель. Но тут солнце вдруг вспыхнуло в последний раз, полыхнуло жаром, прогоняя могильный холод, светом своим рассекая черные плети тьмы, вливая в жилы Хаггара огонь. Жарко зарделись доспехи, заискрились золотом, обожгли морнийца невыносимым сиянием. Ардук закричал от боли. Его палило солнце, жгло глаза, плавило тело. А враг его вдруг исчез. Вместо него за-

литые слезами глаза посла увидели высокого огненного витязя, поднявшего для последнего удара светящийся меч. Морниец понял, что побежден. И безропотно, без страха и раскаяния принял он последний удар, не пытаясь ни бежать, ни уклониться.

Очнувшись, Хаггар перевел дыхание и огляделся. Ардук лежал у его ног в луже темной, густой крови. Шлем слетел с его головы, лоб был обезображен страшным ударом. Черные локоны слиплись, открытые глаза с изумлением смотрели в темнеющее небо. Он был мертв. Вот она, победа! Вокруг стояла звенящая тишина. Арандамарец почувствовал, как в него впились сотни испуганных глаз. Устало вздохнув, он вытер окровавленный меч плащом морнийца и вложил в ножны. Снял шлем, откинув назад волосы, отер лоб, а потом медленно пошел туда, где под белым трепещущим балдахинном сидела княгиня. Настороженная тишина застыла над полем. Слышался лишь звук его неторопливых шагов, позвякивание доспехов и хриплое дыхание.

Хаггар вдруг невесело усмехнулся, представив, как испугается его победы княгиня, как удивится его присутствию здесь. Наверное, в знак печали этой тщеславной властительнице придется отменить дальнейшие празднества. Еще бы, убит такой важный гость, и кем! Вот она сидит, неподвижная, как статуя, только огромные глаза напряженно вглядываются в его лицо. Как же она бледна! Но то, что случилось дальше, повергло его в растерянность, смутило и сбilo с тол-

ку. Ее глаза вдруг ожили, узнавая, заблестели влагой слез, и в них засветилась такая радость! Губы ее чуть дрогнули, а еще за миг до того на бледное, словно окаменевшее лицо вернулся нежный румянец. Устало улыбнувшись ей в ответ, арандамарец подошел ближе и произнес:

– Я выиграл единоборство, княгиня. Но заклад не возьму. Занять на предстоящем пиру место рядом с тобой считаю для себя куда большей наградой.

Она прикрыла сияющие глаза длинными ресницами и негромко ответила:

– Воля рыцаря – закон! – А потом словно вспомнила о забытой роли. Вновь лицо ее стало непроницаемым. Княгиня властным голосом произнесла, гордо вскинув голову:

– Этот человек в честном поединке одержал победу и заслужил богатую награду. Но храбрец оценил честь выше богатства. Что ж, хвала ему за это! Я решила, что драгоценное оплечье – заклад поединка будет подарком друзьям погибшего воина.

Элен со злорадством увидела, как просветлели хмурые лица морнийцев, опечаленных смертью своего предводителя. Она продолжала:

– А теперь я приглашаю всех на пир!

Как только были произнесены эти слова, гнетущую тишину взорвали истошные вопли, возня, топот, толкотня. Встав, Элен подошла к Хаггару, вложила в его горячую, дрожащую от усталости и напряжения, залитую кровью руку свою про-

хладную маленькую ладонь и возглавила потянувшуюся с поля на восток процессию. Там, на холме, в сгущающейся темноте белели на накрытых столах скатерти, и огни факелов в руках слуг отражались в золотой и серебряной посуде.

На Кеменьярлосс спустилась ночь. Солнце зашло за холмы на западе, небо там еще багрово светилось. Но восток уже погрузился во тьму, и яркие крупные звезды зажглись над землей. Аэрэлин продолжался. Темнота не мешала веселью. Она занавесом закрыла горизонты, обступила долину, опоясанную дрожащим светом факелов.

Широкий княжеский стол на помосте был покрыт скатертью из серебряной парчи. Перед помостом выстроились герольды, а по обе стороны от него приготовились веселить гостей музыканты, перебирая струны арф, настраивая виолы, пробуя звуки флейт и рожков. Плотным кольцом окружавшие площадку кусты акации были увешаны гирляндами разноцветных фонариков. В их неярких лучах чуть колыхались от легкого ветерка черные с большим белым кругом в центре знамена Раэнора и полотнища с вышитым гербом княжества: над черными островерхими пиками гор всходила бледная полная луна. С одной стороны ощерил пасть черный дракон, а с другой – взвился на дыбы белоснежный единорог.

Два длинных узких стола тянулись вдоль площадки и к западному краю немного опускались вниз, где был поставлен еще один стол. Все, и гости, и хозяйева, уже сидели на

своих местах. Хаггар занял место по правую руку от высоко-го кресла княгини. Слева она приказала сесть новому лека-рю. Дальше по обе стороны от нее расположились советни-ки, а еще дальше – странные люди, поразившие Хаггара. Он с изумлением их разглядывал. Молчаливые, важные мужчи-ны и строгие женщины в дивных, старинного кроя, одеждах так разительно отличались от остальных гостей! Арандама-рец мог поклясться, что этих людей не было в свите княгини. Как независимо они держались! С каким почтением кла-нялись им и гости, и послы! Их лица были похожи на над-менные лица древней знати Арандамара, только черты бы-ли тоньше, изящнее. Казалось, что они появились здесь из волшебной старой легенды о навсегда потерянной для людей земле. Как странно, Хаггару показалось, что они и княгиня связаны одной тайной. Иногда необычные гости переговари-вались меж собой на непонятном наречии. Княгиня же мол-чала.

Внизу, в отличие от натянутого молчания за княжеским столом, царило веселье. Разнорцы беззаботно болтали. С дальнего конца левого стола доносились мелодичные голоса альвов, а справа раздавался дружный хохот гримов. Инозем-цы были посажены за отдельный стол и теперь тихо перего-варивались, время от времени поглядывая на княгиню. Меж гостями бесшумно сновали слуги, разнося на больших блю-дах аппетитно благоухающие кушанья.

Элен хотелось смеяться от переполнявшей ее сердце радо-

сти. Но она сдерживалась, сохраняя наружную серьезность, лишь время от времени бросая быстрый взгляд на сидевшего рядом арандамарца. Он замечал таящуюся в глубине ее глаз улыбку и в ответ улыбался сам. Хаггар был счастлив. Кажется, сердце своевольной красавицы оттаяло. Элен поискала среди гостей Дию, но старика нигде не было. Однако ее досада улетучилась, как только, не удержавшись от насмешливой улыбки, она увидела Ирлинга. Он стоял рядом со столом, окруженный стайкой молоденьких девушек, и что-то увлеченно им рассказывал. Видимо, это было нечто, очень веселое и интересное, потому что девушки то и дело задорно смеялись, не обращая внимания на окрики и неодобрительное шиканье родичей. Княгиня не понимала, чем их пленял ее секретарь, простоватый, бестолковый мальчишка. Однако девушки, видимо, так не думали. Сколько раз приходилось княгине успокаивать разъяренных родителей бедняжек, которые вбили себе в голову, что Ирлинг должен жениться именно на них!

– Но, госпожа, – оправдывался парень, когда княгиня отчитывала его за легкомыслие, – я же не могу стать мужем для всех девиц Раэнора! И я не виноват, что эти глупышки так меня любят!

Это было правдой. Но тут от мыслей о секретаре ее отвлек взрыв громогласного хохота. От гримьего сообщества отделилась коренастая фигура. Некто шел вдоль столов к помосту, и путь его сопровождался громким смехом. Ничего не

понимая, Элен пристально взгляделась в идущего и всплеснула руками, не зная, то ли плакать, то ли смеяться вместе со всеми. Прямо перед помостом стоял Гройн. Вид его был весьма устрашающ, лоб нахмурен, гневно сверкает глаз, но...

– О небо, Гройн, что ты с собой сделал! – в растерянности прошептала княгиня.

– Я же поклялся тебе своей бородой! Вот, я сдержал клятву! – с вызовом рявкнул грим. И правда. Вместо густой, всегда дерзко торчащей бороды Элен видела расцарапанный голый подбородок грима с кое-где торчащей редкими пучками темно-рыжей щетиной.

– Голубчик Гройн, – с состраданием простонала она, наступив на ногу Хаггару, чье лицо расплылось было в широчайшей улыбке. Но грим уже отвернулся от нее и быстро пошел вниз, к той части стола, где веселились его родичи. Не в силах больше сдерживаться, Элен опустила голову и тихо засмеялась. Рядом трясся в приступе беззвучного хохота арандамарец. Советники и знать с трудом сдерживали смех. Успокоившись наконец, Элен опять обвела глазами площадку и тихо хлопнула в ладоши, подавая знак герольдам к началу пира. Юноши поднесли трубы к губам, и над притихшей долиной разнеслись чистые, торжественные звуки. Тотчас внизу вспыхнули тысячи огоньков. В черное ночное небо взвились, разбрасывая разноцветные искры, ракеты. Прихотливое эхо возвращало затихающие вдалеке песни

труб. Гости примолкли. Кравчий налил темного вина в чашу княгини. Она встала, подняла кубок вверх и звучным голосом произнесла:

– В этот радостный миг вспомним землю предков, которую мы навсегда потеряли!

Ее глаза смотрели на запад! Хаггар с трепетом наблюдал, как в полном молчании поднялись со своих мест раэнорцы. Их лукавые, веселые лица стали вдруг необычайно серьезными, и в каждом из них проступили, словно всплыли из самых потаенных глубин души, где их ревниво оберегали от чужих глаз, черты давно канувшего в прошлое гордого народа. Они протягивали к западу кубки, наполненные вином. Губы их беззвучно шептали слова древней молитвы. Потом, отпив глоток, они вновь застывали без движения, неотрывно глядя в звездное небо.

– Смотрите, раэнорцы, смотрите! – разнесся над полем резкий голос княгини. – Серп Небесных владык взошел над землей Раэнора! Корона Севера вновь венчает чело моей страны!

Из-за темного горизонта поднималось созвездие. Хаггар восхищенно ахнул: звезды повторяли очертания гор на гербе княжества. Сходство было поразительным еще и оттого, что над созвездием висела полная луна, правда, не белая, а золотая. Неожиданно в тишине зазвучала музыка, и чистый, печальный голос запел:

*Прекрасна весенняя зелень садов
У подножий Пепельных гор!
Навеки свою отдала я любовь
Тебе, лишь тебе, Разнор!*

*Цветущих лугов медвяный хмель,
Гирлянды бархатных пурпурных роз,
Фонтанов звон и ручьев свирель -
Все в твоей красоте слилось.*

*Белоснежные башни твоих городов
Сохраняют минувшего след.
Их возводить повелела любовь
В честь великих своих побед.*

*Не ведали смерти владыки твои,
Храня в своих добрых, мудрых руках
Чистую прелесть юной земли,
Позабыв о бегущих годах.*

*Но счастье не вечно – вот жизни закон,
Неизменен он и жесток.
И князь, что не ведал желаньям препон,
Остался вновь одинок.*

Подруга его, покинув дом,

*Оставила мне свою жизнь.
Легким дымом над погребальным костром
Вознеслась в небесную высь.*

*Но снова, как прежде, приходит весна
В долины у Пепельных гор.
И вновь свежесть юности дарит она
Тебе, сын Луны, Раэнор.*

Песня кончилась, музыка вновь смолкла. Княгиня села за стол, и арандамарец, очнувшись от наваждения, понял, что пела она. Как только госпожа улыбнулась, раэнорцы в мгновение ока сбросили с себя серьезность и вновь превратились в шумных, смешливых, озорных, словно дети, людей. Пир начался. Со всех сторон слышались заздравные тосты, шутки, смех. Тихо заиграла музыка. Со своего места поднялся посол Бэлистана и обратился к княгине:

– Прости, великодушная! Позволь спеть тебе песню, услышанную мною от горцев!

Его бархатистые черные глаза хитро прищурились. Элен ободряюще улыбнулась ему, и зазвучал высокий, мягкий, красивый голос посла:

*Есть под знойным, выцветшим небом
Страна среди скал островерхих,
Что в пене садов утопает.*

*Дивный край тот повсюду известен
Больше золота и самоцветов
Красотою своей царицы.*

*Ее черные косы змеятся,
Словно струи ночных водопадов,
Над челом серебра светлее.*

*Очи глубже бездны небесной,
Тьмой сияют, грозят бедою
Под бровей прихотливым изгибом.*

*Где мне смелость взять, подскажите,
Чтоб уста сравнить с пурпурной розой
Или с ярко-красным рубином?*

*Ее стан стройней кипариса,
Что упрямо тянется к солнцу,
О земле позабыть стараясь.*

*Ни одно кольцо не достойно
Украшать столь дивные руки
С кожей нежною, как у ребенка.*

Но напрасно думают люди,

*Что красавица гордая эта
Столь добра, сколь она же прекрасна!*

*Стоит лишь взглянуть на влюбленных,
Что, недугом тяжким томимы,
У ее дворца погибают.*

*Нет, не сердце в груди у царицы!
Видно, горы взамен подарили
Ей алмаз бесстрастный, холодный.*

*Нет любви в душе беспощадной.
Бесполезны наши молитвы.
Пожалейте, друзья, мое сердце!*

Элен кокетливо опускала глаза, а потом бросала лукавые взгляды то на посла, то на арандамарца. Султанчик на ее венце вздрагивал, покачивались длинные золотые серьги. Когда песня кончилась, княгиня со смехом заметила:

– Царица умна! Алмазное сердце – единственное спасение от сумасбродных мужей!

– А какое же спасение от ветреных, гордых красавиц? – тихо спросил у нее Хаггар, уже громче добавив: – Позвольте и мне спеть одну арандамарскую балладу о коварстве дев!

Гости одобрительно зашумели. Тема эта в Раэноре была явно всем знакома. Хаггар взял в руки лютню и, мягко пере-

бирая пальцами струны, запел:

*“Элиндор, страна волшебных озер,
В чьих сонных водах тайны спят!
По берегам – мрачных тисов дозор,
Что их древний покой хранят”, -
Так пел, улыбаясь, лесник молодой,
Парень, что надо, себе на уме,
Быстро шагая по тропке лесной
С верным луком в руке.*

*Меж тем на землю спускалась ночь,
В черном небе звезды зажглись,
Облака, словно тени, умчались прочь,
И птицы спать улеглись.
В песне вспомнил парень далекий дом,
А в саду – соловья и кусты резеды.
Но вдруг услышал он в безмолвьи ночном
Плеск зовущей воды.*

*Среди расступившихся темных стволов,
Шагнув с тропинки, увидел лесник:
В озере черном, в кругу валунов
Диск янтарной луны возник.
А между парящей в небе луной
И той, что в тяжелых водах плыла,*

*Тропинка выгнулась хрупкой дугой,
Будто дождь из стекла.*

*В дробящемся желтом круге луны
На ровной, как зеркало, глади вод
Лесник увидал (не сбываются ль сны?),
Что к нему колдунья идет.
Юна и прекрасна, как вишня весной,
Но, как сизый туман поутру, неверна,
В волшебном танце кружась над волной,
Ему улыбалась она.*

*Лесник в изумленье забыл про страх,
Про то, что опасен колдуньи взгляд,
Про то, что из тех, кто плутал здесь в лесах,
Никто не вернулся назад.
Отбросив в сторону верный лук,
Не в силах противиться власти чар,
Он слышал лишь пенье да сердца стук -
В нем любви запылал пожар.*

*Грустя о своей одинокой судьбе,
Колдунья звала лесника за собой.
И, полный сочувствия к страстной мольбе,
Он шагнул на диск золотой.
Она поцелуй подарила ему,*

*Допьяна напоила забвенья вином.
По хрустальной дорожке ушла на луну
С околдованным пенем лесником.*

Гости притихли. С лица княгини сошла веселая улыбка. Она задумчиво наблюдала, как во тьме под красивую мелодию танцевали ласково мигающие огоньки фонарей. Ей вдруг стало грустно. Причин для печали не было, наоборот, сегодня сбылось все, чего она желала. Но сердце жгло предчувствие беды. В ней вновь пробудился дремавший долгие годы страх.

– Княгине понравилась баллада? – услышала она голос арандамарца.

– Да. – Она взглянула в его глаза и удивилась: в них тоже была печаль. Осторожно взяв ее руку в свои ладони, Хаггар запечатлел на ней нежный поцелуй. Элен вздрогнула, ощутив тепло его губ. Ее щеки покрылись румянцем. Совершенно растерявшись, она в смущении отвернулась, но руки не отняла.

Пир продолжался. Гости вовсю веселились, кушанья сменяли одно другое, вино лилось рекой. Со своего места поднялся альв Ингольд, друг Талиона, взял в руки арфу и запел:

*Вздыхает старый клен,
В который раз прощаясь
С смертельно осенью больным*

Листом в багрянце.

Теряет сына он.

А тот, к корням спускаясь,

С другим листом кружится

В тихом танце.

Когда замерли сладостные звуки, со всех сторон раздались восторженные крики. Едва они смолкли, как загремел голос грима:

– Ну, раз уж альвы спели, то нам и вовсе стыдно молчать!

Его слова потонули во взрыве хохота. Невозмутимо выждав, пока смех стихнет, он продолжал:

– Мы тоже хотим вспомнить сегодня землю наших предков. Даже у холодного алмаза есть душа, так и у грима есть сердце, которое помнит и не хочет забывать.

По его знаку музыканты заиграли, и гном запел:

Единого волей в начале времен

Весь мир погружен был в диковинный сон.

Дремали долины с поникшей травой,

Заснули лавины над горной тропой.

И гримам в пещерах подземной страны

О золоте звезд снились дивные сны.

Это была Песня Пробуждения. Один за другим присоединяли к ней гримы свои голоса, пока не загремел над полем их

мощный хор. Длинная легенда не утомляла слушателей, ведь певцы исполняли ее страстно, стремясь рассказать о Праотце гримов Бронде и его подвигах, о подземных городах Запада, их прародине, о доблести и богатствах, утерянных навсегда. Но вот песня кончилась. Пока слушатели благодарили гримов, на поляну перед столами вышли двое: юноша в скромной одежде горожанина и старик в лохмотьях. Хаггар сразу же узнал его, это был нищий с площади. Княгиня удивленно спросила у советников:

– А это кто такие?

Ей ответил Мэллор:

– Госпожа, этот юноша победил сегодня в состязании мести стрелы. Его имя Хенгель, он раэнорец, сын садовника Рутмарка из Грейля. А старику позволили прийти сюда по его просьбе. Они оба хотят петь для тебя.

Элен милостиво улыбнулась:

– Ладно, пусть поют.

Мэллор кивнул юноше, не спускавшему глаз с княгини, и тот, чуть покраснев, взволнованно произнес:

– Я дарю эту песню тебе, госпожа!

Ему подали арфу. Как только тонкие, сильные пальцы пробежали по струнам, лицо юноши преобразилось. Исчезла застенчивость. Оглядев лица гостей, он пристально посмотрел на княгиню, и Элен невольно опустила глаза, так горяч и требователен был взгляд певца. Сильный, страстный голос разнесся по поляне:

*Труд тяжелый закончив, взглянул на людей,
Безмятежно резвящихся в зелени трав,
На наивных, доверчивых, добрых детей,
И с улыбкой уснул, от творенья устал.*

*Мир он создал из мрачной, немой пустоты:
Солнце, звезды, луну, землю и небеса,
Жар пустынь и певучую свежесть воды,
Пенье птиц на заре и ветров голоса.*

*Он хотел подарить им багровый закат,
Золотые рассветы над пеной морей,
Шум дождей и нежнейших цветов аромат,
Пики снежные гор и просторы морей.*

*О, как ты заблуждался, великий Творец!
Красота не смогла победить забвенье.
Оценить красоту может только мудрец,
Заплатив болью сердца за знание свое.*

*И тогда зарыдал он, ошибку поняв.
Нет, не могут ни счастье, ни радость познать
Те, кто жил, не страдая, устал от забав,
Кому некого, нечего было терять.*

Что ж, о люди! Решился и руки разжал.
Взмыли с теплых ладоней его в небеса
Две волшебные птицы, Творца щедрый дар.
Вздрогнул мир, услышав вещей птиц голоса.

И назвал он любовью одну, что могла,
Крылья белые вскинув, до солнца лететь,
А другой, что, как бездна ночная, черна,
Дал он имя волшебно-прекрасное смерть.

Ты был щедр, люди с радостью приняли дар,
Молча слушая вещее пение птиц.
И открылось. Зажегся в сердцах их пожар,
Слившись с пламенем алым вечерних зарниц.

И узнали они, как чудесна земля,
Как нежна по весне молодая трава,
Как медово вздыхают под солнцем поля,
Как хрупка, беззащитна она, красота.

Они поняли, приняли участь свою,
Лишь теперь и судьбу, и свободу познав.
Говорили, сгорая, сердца их: “Люблю!”
В смерть без страха сходили, от жизни устав.

Мир менялся, подвластный законам земли.

Люди, тоже меняясь, устали страдать.
И любовь заменили покоем они,
Ну, а смерть... И от смерти пытались бежать.

Позабыли они, что равны ночь и день.
Их союз управляет движеньем миров.
Ведь зловещая тьма – лишь послушная тень,
Что плетется за солнцем из века веков.

Если радость смеется, то плачет печаль.
Между черным и белым – все краски земли.
То в морские просторы, в безбрежную даль,
То к родному причалу спешат корабли.

Мудр правитель, что может свободу и власть
Соразмерив, дать подданным мир и покой,
Что могуч и силен тот, в ком воля и страсть,
Уравнявшись, смиряют гордыню собой.

Только разве возможно для тех, кого страх,
Ум отняв, погрузил в бездну сумрачных снов,
Вспомнить о красоте, о ветрах, о цветах,
О весне и о том, что такое любовь!

Нет, с безумным упорством бессмертья ища,
Отвергали и радость, и счастье, и боль.

*Ждали смерти, от тщетных надежд трепеща,
И платили за это безумье собой.*

*Так с тех пор голоса вещей птиц не слышны.
Растворились их крылья в небесной дали.
И ни смерть, ни любовь нам теперь не страшны.
Только мы-то, ответьте, остались людьми?*

Когда последние звуки песни растаяли в небе, Элен обернулась к стоявшему за ее креслом Румилю. Он исчез, а через минуту вернулся, держа в руках пурпурно-красную розу. Княгиня взяла ее, поднесла к лицу, поцеловала нежный лепесток и бросила цветок певцу. Он поднял розу и спрятал под плащ. Передав арфу старику и ободряюще ему улыбнувшись, юноша еще раз поклонился княгине и исчез в темноте. Элен хотела остановить его, но не успела. Заиграл старик, и княгиня, прислушавшись к горьким словам песни, забыла о Хенгеле. Нищий пел:

*Когда я был молод и смел,
Был милой любим и любил.
Добрых, верных друзей имел
И в доме родительском жил.*

*Однажды ночью порой,
На небо во тьме посмотрев,*

*Я встретился взглядом с звездой
И услышал призывный напев.*

*Обещая исполнить мечту,
Он настойчиво звал за собой.
И я понял, что счастье найду
Лишь в доме под дивной звездой.*

*Тогда я покинул свой кров,
Где в мире и радости жил,
Оставил друзей, врагов
И деву, что страстно любил.*

*На свете немало дорог
Я прошел, гонясь за мечтой.
Но напрасно: я так и не смог
Найти дома под дивной звездой.*

*И опять ночью порой
Я смотрел в небесную высь,
Встретясь взглядами со звездой,
Что мою изменила жизнь.*

*– Живый камень! – кричал я ей,
Черной бездне грозя кулаком. –
Что ты сделала с жизнью моей!*

Где же счастье, любовь, где мой дом?

*В дальних странствиях годы прошли,
И теперь я – седой старик,
Жалкий нищий, в грязи и пыли,
Я бреду, головою поник.*

*Состраданья не встречу нигде,
Ни себя, ни людей не люблю.
В сердце – пепел сгоревших надежд.
Лишь о скорой смерти молю!*

*Ярко вспыхнула в небе звезда.
Холодный, презрительный смех
И безжалостные слова
Сердце болью наполнили мне.*

*– Ты глупец! – хохотала она. –
Что искал в чуждеальном краю?
Для чего на суму променял
Жизнь, любовь и душу свою?*

*Неужели не понял ты -
Бесполезен был долгий путь,
И что тот недостоин мечты,
Кто боится в себя заглянуть.*

*Так узнай же, бродяга, секрет,
Коим был ты всю жизнь томим!
Разливала волшебный свет
Я в ту ночь над домом твоим!*

Как только он замолк, со всех сторон послышались недовольные возгласы:

- Зачем этого оборванца сюда пустили?
- Такие песни не к добру!
- О небо, какие лохмотья!
- И это в Аэрэлин!
- Какое неуважение, какая дерзость!

Старик, слушая гневные окрики, озирался вокруг. Он был растерян и испуган таким неласковым приемом. Элен неприятно поразили его трясущиеся морщинистые руки. Она строго спросила:

- Откуда ты взял эту песню?

Старик помолчал, а потом глухо, еле слышно пробурчал:

- Слышал в приграничных районах.
- Вот как? Что-то не верится, чтобы такие песни пели у нас в Раэноре.

Неожиданно он поднял голову, и из-под седых косм блеснули вызовом глаза:

- А чем твой Раэнор лучше других земель? Нищих и бродяг здесь ровно столько же, сколько и в других местах. Так

почему бы им не сложить песню о своей несладкой доле?

– О, да ты дерзок! И откуда же забрел к нам? Судя по твоему говору – издалека.

– Из-за приморских гор.

– А здесь тебе что нужно?

– Ничего. Мне вообще ничего не нужно, княгиня. И твоей жалости тоже.

Элен невольно улыбнулась. Ее позабавила дерзость безумного нищего. Снова отдав распоряжение Румиллю, она продолжала разговор:

– Ну что, понравилось тебе здесь, старик? Говорят, моя страна очень красива.

Нищий хмыкнул и дернул плечами:

– Может, и так. Только я бы не хотел оставаться в Раэноре.

Полусумасшедшая улыбка тронула его губы. Оглянувшись на гостей, он таинственным шепотом обратился к Элен:

– Ты разве не чувствуешь, как здесь трудно дышать? Какой тяжелый воздух! Слишком много мертвецов.

При этих словах княгиня нахмурилась, но тут к ней вновь склонился Румиль и подал расшитый серебряной нитью мешочек. Элен взяла его и бросила к ногам певца:

– Вот, возьми эти деньги. Ты их честно заработал. И ступай отсюда, тебе больше нечего здесь делать.

По губам старика пробежала странная улыбка. Он поднял мешочек, быстро спрятал его в лохмотья, и подбежавшие слуги вывели его прочь. Гости еще немного повозмуща-

лись выходкой нищего, а потом вновь принялись за трапезу. И вскоре о старике забыли.

Время близилось к полуночи. Пир был в разгаре. И гости, и хозяева, уже изрядно навеселе, хором тянули всем известные песенки о пьяницах-троллях, влюбчивых людоедах, веселых мельничихах, бравых смельчаках-рыцарях. С дальнего конца стола доносилась заунывная степная песня:

*Путь лежит на восток, дом отсюда далек,
Лишь бескрайняя степь под ногами коня.*

*Шатер неба высок, дом отсюда далек,
Молодая жена ждет с похода меня.*

*Скалы, бурный поток, дом отсюда далек,
Чтобы встретить меня, пир готовит родня.*

На другом конце могучие рыжеволосые северяне с обветренными лицами гремели:

*Шумит прибой, волна за волной
На берег пустой нахлынет.
Смельчак-мореход, отправившись в путь,
В пучине бескрайней сгинет.*

Его оплачут жена и мать,

*Сын взгляд в бездну моря кинет,
Но, вечному зову верный, опять
Он парус над лодкой поднимет.*

Позабыв о потере предводителя, морнийцы, стуча по столу кубками, разливая вино, кроваво-красными разводами растекающееся по скатерти, дружно ревели:

*Расцветет цветок войны
И напьется вражьей кровью.
В сердце злоба пустит корни,
Отравляя жизни дни.
Расцветет цветок войны.*

А откуда-то снизу доносился нестройный хор мощных, хриплых голосов, горлающих:

*Ну-ка, присядь с нами рядком!
Выпьем, дружнице, и песню споем!
Повеселимся мы от души!
Пей и пляши! Пой и пляши!*

Музыканты старались вовсю. Кружились в танцах пары. И только за княжеским столом царило все то же строгое молчание. Здесь никто не смеялся, говорили вполголоса и сдержанно улыбались. Хаггару все это наскучило. Он уже нетер-

пеливо заерзал, измышляя способ, как бы поскорее отсюда вырваться, и не одному, когда Элен обратилась к нему:

– Гости будут праздновать до утра и встретят рассвет здесь. Если хочешь, останься с ними. А я сейчас уезжаю.

– Я бы хотел поехать с тобой. Только вот беда, коня-то у меня нет. А пешком, боюсь, не догнать.

Элен усмехнулась:

– Ты и верхом не догонишь.

Арандамарец в ответ рассмеялся:

– Я бы мог побиться с тобой об заклад, но не знаю, принято ли это у вас.

– Готова вступить в спор. Но не сейчас. Завтра княжеская охота. Тогда и испытаем резвость коней.

Она обернулась к телохранителю:

– Румиль, я уезжаю. Пусть подадут лошадь и для моего гостя.

Молчаливый телохранитель с поклоном удалился. Княгиня встала и, опершись на руку арандамарца, сошла с помоста. А гости продолжали веселиться, уже ничего и никого вокруг не замечая. Но тут рядом с Элен неожиданно оказался один из морнийцев и, покаясь на Хаггара, почти шепотом спросил:

– Княгиня, ты сказала, что даришь оплечье нам?

Элен недоуменно взглянула на него:

– Да, это правда. Оно ваше.

Морниец моргнул уже изрядно помутневшими глазами.

– А кому именно ты его даришь? Ведь нас много!

– Послушай, это подарок всем вам, и уж ваше дело, как вы его разделите.

И княгиня пошла дальше, а морниец еще долго озадаченно смотрел ей вслед, а потом нетвердыми шагами направился к своим.

Свита, состоящая из отряда стражников и немногочисленных придворных, спешивших вернуться в город, уже ждала их. Элен и Хаггар возглавили процессию, и все без промедления двинулись обратно в Дол-Раэн. Миновав Кеменьярлосс, поднявшись на холм, всадники пришпорили коней и поскакали по мощеной дороге. Впереди неслись стражники. Горящие факелы в их руках разрывали тьму, разбрасывая снопы искр. Кавалькада влетела в город, когда колокол на башне пробил два раза. Аэрэлин кончился.

Наступило раннее утро. Хаггар еле разлепил глаза, судорожно зевая во весь рот, откинул полог кровати, встал, пожевываясь, подошел к окну, отдернул занавеси и зажмурился. Утро было таким же безоблачным и ясным, как и предыдущее. Странно, но усталости он не чувствовал, хотя провел весь вчерашний день на ногах, к тому же выдержав нешуточный бой. При воспоминании о победе арандамарец улыбнулся. Удача не оставляет его. Да, насколько он понял, особого огорчения по поводу гибели морнийского посла княгиня не испытывала, скорее, наоборот. Стало быть, не все здесь так

просто. Эх, разобраться бы! Странные они, эти раэнорцы. Поглядишь, вроде все у них есть, все прекрасно и удивительно, и живут они легко и свободно. Но вот прошло несколько дней, и ему уже так не кажется. У них тоже есть свои беды, страхи, тайны. Тайн, пожалуй, даже слишком много. Раздумывая об этом, Хаггар оделся и быстро спустился во двор замка. У главной лестницы опять собрался народ. Арандамарец с откровенной усмешкой поглядывал на хмурых, заспанных иноземцев, не успевших толком отдохнуть после пира, на столь же сумрачных раэнорцев, на чьих холеных лицах вместо обычного выражения веселой беспечности и превосходства ясно читалось раздражение и усталось. Но все это касалось только мужчин. Дамы же, напротив, вовсе не были утомлены прошедшим праздником. Они оставались все такими же свежими и прекрасными. Их звонкие голоса и переливчатый смех оживляли мрачно молчащее собрание. Казалось, Хаггар должен был бы уже привыкнуть к нарядам этих легкомысленных красавиц, но сегодня они снова сумели поразить его воображение: все они были одеты в мужское платье, то есть по раэнорским понятиям мужское.

Не успел он как следует разглядеть собравшихся, как двери распахнулись, и по ступеням к ним стремительно сбежала княгиня. Арандамарец сначала ее не узнал. В наряде охотницы Элен была похожа на мальчишку-альва. Однако, следуя всеобщему примеру, тоже склонился в почтительном поклоне. За госпожой, словно тень, следовал ее мрачный телохранитель.

нитель. Озорно блеснув глазами, княгиня прошебетала:

– Доброго утра всем. Эй, подводите коней! Гости заждались.

Поискав глазами посла Бэлистана, она направилась прямо к нему.

– Ну что, дорогой мой, взглянем на скакуна?

Посол только молча развел руками и покорно склонил голову. А Элен уже отдавала слугам распоряжения. Вскоре справа, от укрытых каштанами конюшен, раздалось громкое ржание и цокот копыт по каменным плитам. Двое слуг вывели под уздцы коня. Увидав его, Элен широко распахнула глаза, всплеснула руками и прошептала:

– Это чудо!

Жеребец и впрямь был великолепен. Хаггар тоже впервые видел такого красавца. Его блестящая золотая шерсть искрилась на солнце. Пышная грива и длинный хвост были чисто-белыми. Легкая, чуть горбоносая, изящная голова, маленькие уши, огромные, светло-карие глаза с фиолетовыми зрачками под густыми ресницами, трепетные ноздри, широкая грудь, сильная спина, сухие стройные ноги!

– Он так же прекрасен, как это дивное утро! – воскликнула княгиня. – Скажи, посол, а он вынослив?

Тот с достоинством ответил:

– Этот конь может бежать по голой, безводной степи длинный летний день, и при этом дыхание его будет все таким же ровным, и ни одна капля пота не выступит на его шкуре.

– Отлично! Я поеду на нем. Седлайте!

– Но княгиня, может быть, не стоит рисковать? Ведь конь только обьезжен!

– Какая глупость! Седлайте!

Посол пожал плечами, сокрушенно вздохнул и отошел. Княгиня скучающим взглядом обводила занятых воспоминаниями о вчерашнем дне и обсуждением нового коня подданных. Хаггар, не отрываясь, наблюдал за ней. Иногда, вот как сейчас, она казалась ему просто капризным ребенком, которого оставили в одиночестве и отделяются богатыми подарками. И когда Элен остановила на нем взгляд, он мягко ей улыбнулся. Тут же ее лицо сморщилось в проказливой гримасе, и заговорщицки подмигнул черный глаз. Вне всяких сомнений, княгиня сегодня была в весьма веселом расположении духа.

Слуги уже подводили охотникам лошадей. Голоса зазвучали оживленнее, послышался смех. Через некоторое время лишь Элен, Румиль и Хаггар стояли, окруженные нарядными всадниками.

– Друг мой, да ты не выбрал себе коня! Как же наш заклад? – спохватилась княгиня.

Арандамарец невозмутимо ответил:

– О закладе поговорим после. А коня я уже выбрал. Если ты поедешь на этом золотом красавце, мне вели оседлать того черного жеребца, что был под тобою вчера.

Княгиня рассмеялась:

– С ума сошел! Ахор даже не подпустит тебя! Он необычный конь. Ты не знаешь, о чем просишь! Выбери другого.

Тот упрямо мотнул головой:

– Ты просто боишься мне его дать, потому что тогда я точно выиграю.

– Это неправда!

– Тогда разреши.

Элен гневно сверкнула на него глазами и фыркнула:

– Ты сам виноват. Приведите Ахора!

Всадники освободили большую площадку около ворот. Разговоры стихли. Все с любопытством ждали, чем закончится новая выходка княгини. Ахор был ее любимцем, но что именно пленяло ее в нем больше – резвость, неутомимость и красота или буйный, неукротимый нрав, никто не знал. Многие не раз бывали свидетелями того, как этот зверь, вырвавшись из конюшен, носился по аллеям дворцового сада, угрожая нерасторопным прохожим смертоносными ударами копыт. Из каштановой аллеи послышался ровный, звонкий цокот серебряных подков, и на гладкие зеркальные плиты ступил жеребец, которого вели под уздцы могучие слуги. Гости заволновались. Чернота ночи и золото дня соперничали друг с другом, поражая благородством форм и царственной статью. Со всех сторон слышались возторженные возгласы и одобрителный шепот. Княгиня подошла к выбранному ею коню, крепко ухватила его за гриву и, точно кошка, вспрыгнула в седло. Сжав в руке поводья, она

крикнула слугам:

– Пускайте!

Те разом разжали руки и отскочили в стороны, опасаясь острых шипов на подковах. Все ждали, что жеребец начнет весьма ретиво показывать свою прыть, но ничего подобного не произошло. Конь только тряхнул головой, отчего волной взметнулась белая грива, да заперебирал копытами. Элен звонко расхохоталась:

– Вот видите? И этот покорился, как все!

Услышав эти слова, Хаггар нахмурился и шагнул к черному зверю. Тот насторожился, фыркнул и рванул поводья. Слуги, повисшие всей своей тяжестью на веревках, пошатнулись. Но арандамарец ничуть не растерялся. Он с детства наезжал к родичам в Лонгайр, где с самыми отчаянными коневодами укрощал диких степных лошадей.

Положив ладонь на шею коня, Хаггар властно взялся за повод. Жеребец покосился на него и тихонько заржал, но не шелохнулся. Неторопливо вставив ногу в стремя, арандамарец сел в седло, еще раз огладил коня, наклонился к его уху и что-то зашептал, время от времени бросая на княгиню насмешливый взгляд. А она с нескрываемым любопытством следила за каждым его движением. Наконец, когда Ахор перестал дрожать и фыркать, Хаггар дал знак, и слуги медленно выпустили из рук веревки. Конь даже не шелохнулся.

– Ого, раз уж начало таково, охота будет интересной! – воскликнула Элен. Теперь все были готовы, и Румиль занял

свое место рядом с госпожой.

– Выводите собак! – скомандовал главный егерь.

Не дожидаясь, пока визжащая, рычащая, лающая свора присоединится к ним, Элен обратилась к гостям:

– Едем через сады по аллее Золотого Дождя! – И, обернувшись к арандамарцу, добавила: – Не отставай, держись рядом.

Охотники тронули коней и повернули к Западным воротам. Широкая дорога вела туда, где начинающийся сад был отгорожен аллеей из невысоких, раскидистых деревьев. Их тонкие ветви клонились к земле, словно не выдерживая собственной тяжести. Пучки серебристых листьев мягко шелестели. Между ними висели длинные грозди соцветий с нежно-желтыми цветками.

– Ты когда-нибудь видел такие деревья? – спросила Элен у Хаггара, жадно вдыхавшего медовый воздух. – Говорят, альфарские дубы хороши, но эти, я думаю, все же прекраснее. Их зовут Золотой Дождь.

– У нас в Арандамаре такие не растут, – пробормотал Хаггар.

– Еще бы! Семечко этого дерева мне привезли из-за моря. Что ты делаешь, сумасшедший! – Она испуганно оттолкнула руку пытавшегося сорвать пышную гроздь арандамарца. – Это смерть! Цветы ядовиты!

Хаггар растерянно взглянул в ее побледневшее лицо, потом – на длинную золотую кисть, которую хотел подарить

Элен. Под дуновением ветерка чашечки цветков тихо зазвенели, будто маленькие колокольчики, наполнив аллею нежной музыкой.

– Нелепица какая-то! – с досадой воскликнул арандамарец.

Кони стучали подковами по булыжной мостовой. Хаггар подумал, что аллея наверняка тянется вдоль всей западной части города и выходит далеко в поля. Его догадка вскоре подтвердилась. Миновав ворота, всадники выехали из города, поднялись на невысокий холм и огляделись. У самого подножия холма текла, змеясь, маленькая речушка, берега которой поросли осокой, хвощом, а кое-где виднелись заросли камыша. Дальше местность опускалась. Покрытые ковром из чабреца, дремлицы, горечавки холмы тянулись вниз. На их плоских вершинах волновалась листва молодых дубков, кое-где их темную зелень прорезали светлые островки грабов.

К Элен подъехал главный егерь и что-то тихо ей сказал. Она обернулась к спутникам и обрадованно воскликнула:

– Удача сопутствует нам! Егеря обнаружили оленя! Пускайте собак. А ну, кто убьет зверя?

Егеря затрубили в рог, и низкие, рокочущие звуки разнеслись далеко над холмами, переливаясь и усиливаясь эхом. Свора длинноногих пегих псов с громким лаем кинулась вниз с холма, веером рассыпалась по долине, понеслась вдоль реки и скрылась в густых ивовых зарослях. Элен огля-

нулась на Хаггара, улыбнулась ему и послала своего коня вперед. Спокойно ступая по склону, он легко перепрыгнул через журчащую воду и поскакал по мягкой молодой травке. Конь Хаггара ринулся за ним, всаднику не было нужды подгонять скакуна. Охотники помчались следом за собаками, надеясь на удачу.

Заливистый лай слышался где-то впереди. Время от времени Хаггар видел, как мелькает среди густой зелени бирюзовый плащ княгини. Ахор чуял хозяйку и рвался к ней, забыв о седоке. Расстояние между всадниками сокращалось. Взобравшись на очередной пригорок, арандамарец увидел Элен совсем рядом, в низинке. Почувствовав его взгляд, она оглянулась, заметила его и рассмеялась. Потом стегнула коня плетью, и тот, как бешеный, понесся вперед. Черный жеребец Хаггара, зло заржав, огромными прыжками поскакал следом.

Во время погони Элен перенеслась в детство, когда, повинаясь озорному порыву, внезапно отделялась от свиты и пускала коня в галоп, наслаждаясь бьющим в лицо ветром и чувством свободы. Правда, после таких шалостей отец строго выговаривал ей, что будущая правительница должна внушать подданным страх и почтение, а не изумлять их умением обращаться с лошадьми – это дело конюхов. Сейчас, вспомнив об этом, она только чуть улыбнулась. Конь стлался по земле, которая, казалось, сама летела ему под ноги. Элен плавно покачивалась в седле.

Она услышала стук копыт совсем рядом, оглянулась и увидела преследующего ее всадника. Он был уже совсем рядом. Утомившись скачкой, княгиня позволила Хаггару догнать себя, и он, поравнявшись с нею, схватил ее лошадь за повод, заставил перейти на шаг, а потом и вовсе остановиться. Лицо арандамарца порозовело от волнения. Он широко улыбался, а в его серых глазах Элен увидела пляшущие огоньки еле сдерживаемого смеха. Сейчас, сбросив маску сурового воина, арандамарец был похож на озорного паренька. Он выдохнул:

– Я выиграл спор!

Элен нежно улыбнулась:

– Согласна, согласна! Теперь мы должны вернуться к остальным, если не хотим пропустить самое интересное.

Они повернули лошадей и поехали туда, где слышалось густое пение рога. Нырнув под своды дубовой рощи, Элен и Хаггар обменивались взглядами и улыбками, но отчего-то ни он, ни она не решались заговорить.

Когда они выехали на окруженную густой порослью молодого кустарника большую поляну на самой вершине холма, лай собак стал громче, а потом неожиданно раздался громкий треск ломающихся веток, и из зарослей на поляну выскочил олень. Это был могучий зверь с огромными ветвистыми рогами. Успокоив шарахнувшихся коней, всадники восхищенно наблюдали за ним. Арандамарец забыл про висевший у него за спиной лук. Олень был не один. Вслед за ним

легким прыжком, почти не отставая, следовала его подруга. Они, как две золотистые тени, промелькнули и исчезли в зелени деревьев. Прошло несколько мгновений. Там, откуда они бежали, лай стал оглушительным, и на поляну выскочила взбешенная свора псов. Они визжали от возбуждения, рыли землю носами, безошибочно идя по следу. Пронесшись мимо всадников, свора скрылась в роще. Проводив взглядом собак, Элен вдруг до боли ярко представила, чем кончится это преследование. Прекрасные, гордые звери превратятся в груды дымящегося мяса. Из шкур сделают ковры для охотничьего зала, а рога... Нет. Она решила мгновенно. Выхватив из-за пояса плеть, Элен стегнула коня. Тот закружился на месте, но, почуяв, как властная рука чуть отпустила поводья, рванул вперед, за собаками. Хаггар ничего не понимал. Он не решился следовать за ней, увидев, как лицо Элен в мгновение стало жестким, холодным.

Громкий лай был все ближе. Погоня коня, Элен настигла свору, обогнала ее и наугад помчалась дальше. Вскоре она увидела, как впереди, среди зелени листвы, едва заметно мелькают два рыжих пятна, будто солнечные зайчики собрались поиграть в догонялки. С отчаянием она поняла, что олени идут прямо на охотников. Направив коня чуть левее, Элен немного обошла их и стала теснить вправо, туда, где меж двух маленьких холмов текла речка. Лай собак сзади не умолкал. Отличная свора, их почти невозможно сбить со следа! Пройдет еще несколько минут, псы вынырнут из ле-

са, и тогда спасти оленей не удастся. Элен направила коня прямо на зверя и что было силы стегнула его плетью. От боли и страха тот метнулся в сторону. Его подруга следовала за ним. Впереди блестела, журча, речушка. Не замедляя бега, олени влетели в воду, поднимая фонтаны брызг. Словно поняв план Элен, звери помчались по воде, доходившей им до живота. С шумом взметались брызги, обдавая княгиню с головы до ног, но она неумолимо гнала коня дальше. Храпя, потряхивая мокрой гривой, он следовал воле госпожи. Река делала поворот, скрываясь за холмом. Элен прогнала зверей еще немного, а потом заставила выскочить на другой берег, а сама остановила коня и прислушалась. Издалека доносился жалобный визг и обиженное тьяканье потерявших след собак. Взглянув вслед уносящимся по холму оленям, она удовлетворенно улыбнулась.

Выбравшись на пологий берег, Элен оглядела себя и ужаснулась: вид у нее был такой, будто ее волоком протащили по прибрежной топи. Мало того, что она вымокла до нитки, так еще и была забрызгана комьями летевшего из-под ног оленей ила. Конь тоже выглядел не лучше. Чудесная грива и хвост спутались, шерсть намочила и потемнела от грязи. Но, кажется, он ничуть не был утомлен погоней. Соскочив с седла, Элен подвела коня к воде, обтерла атласную шкуру пучками высохшей прошлогодней травы, вывела скакуна на пригорок и привязала к дереву. А сама, оглядевшись, отстегнула плащ и прямо в одежде полезла в реку чуть выше по течению. Ко-

гда вода дошла ей до пояса, Элен окунулась с головой и тут же вынырнула. Купаться было явно еще рановато. Она выскочила на берег. Ил почти смылся. Сняв сапоги и вылив из них воду, Элен попрыгала на месте, подождав, пока стекут на траву ручейки с одежды, отжала мокрые пряди волос, еще час назад уложенные в затейливую прическу. Справившись со всем этим, Элен, дрожа от холода, отвязала коня, села в седло и поспешила на призывный звук рога.

Хаггар начинал волноваться. Когда княгиня устремилась вслед за собаками, он с невольной неприязнью подумал, что ей не терпится посмотреть, как будут справляться с загнанными животными. Но, вернувшись к охотникам, удивился: свора уже тут, но ни княгини, ни оленей не было. На него накинулись с вопросами, но арандамарец только недоуменно пожимал плечами. Время шло. Хаггар заметил, что телохранитель княгини тоже нервничает, хмуро поглядывает на него и покусывает нижнюю губу, точь-в-точь, как его госпожа. Остальные делились догадками и предположениями. Наступил полдень. Солнце припекало по-летнему, пора было возвращаться во дворец. Всем стало ясно, что что-то произошло. Егеря начали поиски, когда наконец-то в низине, вынырнув из рощи, показалась княгиня. Как ни в чем не бывало она подъехала к свите и, удивленно оглянувшись, спросила:

– А где же обещанный олень?

Тотчас со всех сторон посыпались вопросы, загудели

встревоженные голоса:

– Госпожа, мы испугались за тебя!

– Собаки потеряли след!

– Тебя везде ищут!

– О, да она вся вымокла! Скорее плащ, княгиня простудится!

Досадливо отмахиваясь от назойливой опеки, Элен пожала плечами:

– Ничего страшного! Меня предупредили, что конь не объезжен, я же слишком понадеялась на свои силы. Когда, увлекшись преследованием, я потеряла вас из виду, из леса прямо навстречу мне выскочил олень, а за ним – собаки. Конь испугался и понес. Я ничего не могла сделать. Эта сумасшедшая скачка кончилась, когда он влетел в реку и скинул меня с седла. Холодная вода привела нас обоих в чувство. Но где же олень?

Главный егерь подъехал к княгине и растерянно взглянул ей в лицо:

– Ничего не понимаю, госпожа! Собаки гнали зверя прямо на нас. Свора отличная! И что же! Их лай с каждым мигом становился все громче, мы натянули тетивы луков, а егеря уже готовились трубить победу. Но собаки вдруг затихли, а через несколько минут вернулись к нам с поджатыми хвостами, визжа от обиды. Они потеряли след. Куда делся олень, неизвестно. Но мы все же попытаемся узнать причину такой досадной неудачи.

Княгиня тяжело вздохнула и обратилась к гостям:

– Прошу извинить меня, друзья! Охота не удалась. Но думаю, это не будет поводом для уныния. Возвращаемся во дворец, там вас ждет прощальный обед. Жаль, что я уже не смогу на нем присутствовать. Дела государства не дают покоя. Однако, надеюсь, советники сумеют вас развлечь.

По ее знаку вновь протрубил возвещающий окончание охоты рог, и всадники во главе с княгиней поехали к городу. Поравнявшись с Элен, Хаггар тихо спросил ее:

– А что же произошло на самом деле?

Она распахнула наивные глаза и пролепетала:

– Но я же объяснила! – Но, увидев, что арандамарец обиженно нахмурился, добавила: – Ну, если хочешь, я могу рассказать о моем приключении сегодня вечером. Лола придет за тобой. Так что будь в своих покоях.

И она погнала коня вперед.

Как ни старался Хаггар справиться с охватившим его тревожным волнением, у него ничего не получалось. Все попытки успокоиться шли прахом. Как только он вспоминал о предстоящей встрече с Элен, его сердце начинало учащенно биться. Может быть, сегодня он увидит ее в последний раз. Как медленно тянется день! Возвратившись после охоты в свои покои, арандамарец так никуда и не выходил. Дию звал его на прощальный пир, но Хаггар отказался, и старик ушел, проворчав, что только глупец может предпочесть тоскливое

одинокое радужное веселье.

Колокол на башне пробил семь раз, а посланного от княгини все не было. Но Хаггар уже не помышлял о том, что она вновь хочет его обмануть. Вчера, по дороге с Кеменьярлосса, и сегодня на охоте что-то изменилось между ними и в них самих. Исчезло напряженное отчуждение. Они оба, кажется, нашли в себе силы довериться друг другу. А этот ее странный взгляд тогда, в лесу, когда он настиг ее и схватил под уздцы ее коня! А нежная улыбка, когда они въезжали в город после охоты! Дюю, конечно, прав. Сердце Элен покорить непросто, но тем желаннее и ценнее победа. Хаггар никогда не выбирал легкую дорогу. Ему больше был по душе жребий сокрушавшего на своем пути все преграды воина, будь то полчища врагов или равнодушные женского сердца.

От этих мыслей его отвлек еле слышный стук в дверь. Но для арандамарца он прозвучал, как раскат грома. Он стремительно повернулся и увидел прямо перед собой знакомую уже девушку. Лола несмело улыбнулась, испуганно взглянула в его напряженное лицо и пролепетала:

– Госпожа ждет тебя в саду, рыцарь. Я провожу.

В ответ он сумел лишь кивнуть и направился следом за ней.

Хаггар шел, словно во сне, и очнулся, лишь когда девушка распахнула перед ним небольшую, еле приметную в зелени плюща дверь и прошептала:

– Княгиня уже в саду. Господин рыцарь найдет ее, если

пойдет по главной аллее прямо к павильону “Королева Ночи”.

Она пропустила арандамарца вперед и закрыла за ним дверь. Хаггар оказался на небольшой площадке на втором этаже дворца, откуда вниз вел густо оплетенный плющом висячий мостик. Солнце садилось за горные пики, их снежные вершины были залиты ало-золотым сиянием. Мостик выводил прямо на широкую аллею, обсаженную аккуратно подстриженными кустами роз. Черные полированные плиты дорожки как в зеркале отражали неяркий свет разгоравшихся светильен. Журчала вода в невидимых фонтанах. Аллея вела в глубь сада. Но арандамарцу не было дела до окружавших его красот. Какая разница, прекрасны сады Дол-Раэна или нет, если он не знает, увидит ли когда-нибудь снова ту, ради которой так сюда стремился!

Дороге не было конца. Она терялась в глубине сада, а от нее разбегались в стороны тропинки, приглашающие, манящие в темноту листья, туда, где плескалась вода и откуда доносилась еле слышная музыка. Хаггар тщетно всматривался в прохладную тьму, надеясь увидеть княгиню. Аллея была пуста. Ему подумалось, что кроме него в этом огромном саду никого нет. Но вот вдалеке, там, где дорога ступенями поднималась в горы, арандамарец разглядел неясную светлую фигуру, издали похожую на сгусток тумана. Сердце его вдруг забилось с такой силой, что, казалось, вот-вот разорвет грудь.

Это была княгиня. Она стояла на террасе. Взбежав по ступеням, Хаггар в смущении остановился в нескольких шагах от нее. Элен приблизилась и почти шепотом произнесла:

– Я ждала тебя. – Она замолчала. Арандамарец поразился: княгиня ласково, мило ему улыбалась, но ее лицо было бледным, а в темных глазах бился страх.

– Что с тобой? – Он шагнул к ней, протянув руки, но она отшатнулась. Наступило неловкое молчание. Хаггар не знал, что должен сказать, сделать сейчас, а она ждала, он видел это! Чувствовал, как напряглось все ее существо, как наигранная ласковость сменилась жалкой растерянностью. Он коротко вздохнул, отступил на шаг и отвел глаза от ее лица, делая вид, что весь погрузился в созерцание роз.

– Послушай, долго мы будем здесь стоять? Ты, я думаю, хотела похвалиться передо мной, неотесанным мужланом, садом твоего дворца. Так что приступай. Я приготовился изумляться, восхищаться, вопить от восторга, готов даже в обморок упасть от избытка чувств, если это тебя хоть как-то развлечет!

Он с облегчением увидел, что Элен чуть расслабилась и даже улыбнулась. Наверное, представила, как он лишится чувств при виде какого-нибудь фонтана или статуи. Что ж, все лучше, чем этот необъяснимый страх в ее глазах. Она и впрямь, кажется, пришла в себя, стяхнула оцепенение и уже обычным своим капризным голоском промурлыкала:

– Конечно, я покажу тебе сад. Идем.

Они направились по аллее вверх, в горы.

– А что это за павильон такой – “Королева Ночи”? – спросил арандамарец.

– Увидишь, – только и был ответ. Но, должно быть, почувствовав, что не слишком-то любезна с гостем, Элен подошла к Хаггару и взяла его под руку. Он на секунду замер от неожиданности, но тут же справился с замешательством и, тряхнув черными кудрями, широко улыбнулся:

– Ого, госпожа, похоже, изволила сменить гнев на милость! Может быть, ты все же расскажешь мне, что произошло на охоте? Подозреваю, что неудача постигла егерей не без твоего вмешательства.

Элен скромно потупилась:

– Не понимаю, о чем ты. Ну, быть может, я немного перестаралась, пытаюсь помочь собакам настигнуть добычу, вот и загнала оленей в реку. – Она огорченно вздохнула. Но тут же подняла голову и взглянула арандамарцу в лицо: – Мне стало жаль их.

Он мягко улыбнулся и кивнул:

– Я знаю.

Они снова замолчали. Хаггар сам себе удивлялся: надо же, на душе у него вновь стало легко и спокойно. Да и тревога Элен, кажется, улеглась. Лишь время от времени его сердце странно сжималось.

Княгиня и ее спутник переходили через неглубокий канал по хрупкому горбатому мостику, когда над ними стре-

мительно пронеслись две птицы. Их белые крылья, разрезающие воздух, были словно обведены черной траурной полосой. От неожиданности Элен прижалась к Хаггару. Он обнял ее, почувствовав под ладонями теплоту тела, чуть прикрытого тонкой тканью. Птицы, едва не задев их крыльями, взмыли в темнеющее небо, очертили широкий круг и снова вернулись. Тишину прорезал резкий, печальный вскрик.

– Айвэ?! – изумленно прошептал арандамарец.

– Да. Но откуда ты знаешь? Разве в Арандамаре о них известно? – Элен была удивлена не меньше.

– Конечно! Почему нет? Я видел их в первый раз, когда совсем еще мальчишкой ездил с матерью в Лонгайр. Помню, они вот так же пронеслись над нами. Я испугался, а мать рассмеялась и сказала, что крик айвэ навевает печаль, но предвещает радость.

– Так, стало быть, и тебе ведом страх? – Элен мягко улыбнулась, представив этого гиганта маленьким мальчиком, сидящим на коленях у матери. Хаггар тоже улыбнулся:

– А еще она говорила, что айвэ сожгла свои крылья, когда слишком близко подлетела к солнцу.

– Какая чудная история! А у нас, в Раэноре, есть другая легенда. Однажды, очень давно, жили на берегу моря две птицы. Они были белыми, как нетронутый снег на вершинах гор. Их белизна сияла, ослепляла, восхищала. А песнями своими они завораживали, как самой сладчайшей музыкой. Но красота оказалась губительной. Люди, позарившись на

нее, поймали одну птицу, заключили ее в клетку и взяли с собой на корабль, чтобы в пути она услаждала их своим пением. Однако птица молчала. Корабль вышел в море. Вот уже и берег пропал из виду, когда моряки заметили в небе ту, другую. Она летела и пела, надеясь смягчить их сердца. Но люди остались глухи к ее мольбе. Вскоре голос птицы стал слабеть, а потом и вовсе пропал. Только тихий стон вырывался из ее груди. А корабль все плыл. И летела за ним измученная, усталая птица. Но вот однажды на море разыгрался шторм. Волны обрушивались на судно, гнали его, то вздымая на гребнях, то швыряя в пучину. А потом с неба пал огонь, перед злосчастливым кораблем разверзлась бездна, и гигантский водоворот увлек его на дно. Погибли все, а с ними – птица айвэ. Ее подруга долго кружила над волнами, оплакивая потерю. Перья ее почернели от горя, а может, то небесный огонь опалил их. С тех пор ее песня похожа на плач, с тех пор она любит море. – Элен замолчала, следя за быстрым полетом птиц.

– Но здесь-то они откуда? – спросил Хаггар.

– Их привез отец. Он тоже любил море! – Голос Элен дрогнул. – Я помню, он рассказывал мне о штормах, о гибельных водоворотах, о таинственных огнях, зеленым жаром горящих в воде в лунные ночи, о бескрайнем горизонте...

– А кто он был, твой отец, и где он сейчас?

Элен усмехнулась:

– Он был князем Раэнора. Он ушел очень давно, Хаггар,

оставив меня одну.

– Так он умер?

Элен молчала. Не дождавшись ответа, Хаггар спросил:

– А мать?

– О, я ее никогда не видела. Она умерла, когда я только родилась. А твоя, стало быть, жива?

– Нет. В этом наши судьбы схожи.

– Тебе повезло больше. Ты свою мать помнишь. Помнишь, как она улыбалась. – Но, увидев в глазах Хаггара сострадание, Элен резко добавила: – Ты жалеешь меня? Нет нужды! Все это было давно. Мне уже не больно.

Хаггар окинул ее взглядом. Хрупкая, беззащитная перед его силой, девушка с вызовом смотрела ему в лицо. Он усмехнулся и вдруг притянул ее к себе.

– Конечно, нет. И одиночества ты не боишься! Ты же так горда! Но тебе страшно другое – ты боишься меня! Признайся! – Хаггар встряхнул ее, почувствовав гнев. Она снова играет! Ну да ничего, сейчас он собьет спесь с этой кокетки! Сколько раз натыкался он на такое притворство, но стоило быть понастойчивей, и девицы быстро сменяли гнев на милость. А эта...

– Тебя? Нет, ты не угадал, арандамарец! Как, впрочем, и Дию, говоря, что я лишена страха. Да, я боюсь. Но не тебя, мальчишка, а себя! Себя, понимаешь? – Элен рванулась из его объятий. В ее глазах блеснули слезы, губы дрожали. – Этот страх меня убивает, я чувствую, как он пожирает мое

сердце!

Хаггар разжал руки, растерянно глядя на девушку:

– Что с тобой? Да ты вся дрожишь! Я напугал тебя? Ответь же!

Но она молчала, глядя на него широко распахнутыми глазами, полными боли и ужаса. И Хаггар словно очнулся. И это с ней он хотел бороться? С этим растерянным, беззащитным, испуганным ребенком? В его мозгу пронеслись воспоминания детства, горечь потерь, чувство собственной ненужности, одиночества... Хаггар взял Элен за руки. Она попыталась снова вырваться, но он не отпустил, сжав ее холодные, как лед, ладони в своих руках.

– Послушай меня, Элен, звезда моя! Послушай, и не спеши отвергать! Уедем со мной! Ты будешь моей гостьей. Я знаю, это темное дыхание Морна отравляет тебя. Поедем, и я покажу тебе море! Слышишь? Ты вдохнешь воздух степей, увидишь Великую Реку, проедешь по улицам Вальбарда, столицы древнего Арандамара. Решись, вырвись из своего хрустального шара, посмотри на мир! Он стоит того! – В волнении Хаггар сжал ее руки. Глаза его горели, щеки зарделись румянцем. Он уже почти кричал! Ну как, как еще достучаться до ее души! Как оживить ее глаза, полные муки? Замолкнув, Хаггар с мольбой вглядывался в лицо Элен и вскоре с облегчением заметил, что она снова приходит в себя. Он отпустил ее.

Словно очнувшись от страшного сна, княгиня провела ла-

донью по лбу. В растерянности посмотрев на арандамарца, она пролепетала:

– Это усталость, прости.

Он с готовностью поддержал:

– Конечно! Ты утомилась, измучилась, а я-то, болван, пристаю к тебе с расспросами! Пойдем обратно во дворец! А сад... Как-нибудь в другой раз.

– Ну, нет! Ты должен увидеть “Королеву Ночи”. И я не хочу с тобой расставаться.

Княгиня оперлась о его руку, и они снова двинулись в путь.

Хаггар сам себя не понимал. Что-то непонятное творилось в его душе. Только теперь арандамарец задумался, а любит ли он Элен. Одно он мог сказать точно: никогда раньше ни одна девушка не будила в нем таких странных, не свойственных ему мыслей и желаний. Он был красив, богат, удачлив. Что еще нужно для любви? Для той любви, которую он до сегодняшнего дня только и считал настоящей. Страстные поцелуи, жаркие объятия... Хаггар вдруг вспомнил отца. Как он изнемогал от бешенства, видя на гордом лице Номанатура брезгливо-презрительную улыбку, когда до того доходили слухи о похождениях старшего сына. Теперь, вспоминая прошлое, Хаггар и сам так улыбнулся. А Элен, она-то казалась ему поначалу даже слишком легкомысленной! Эти ее платья, постоянное мужское окружение, дерзкие словечки, лесть, кокетство! Оказывается, это только годная

для толпы мишура. Вот мишура слетела, и перед ним снова оказалась та девушка с озера. Хаггар и сам был таким. Прятал горе и слезы за развязной улыбкой. Теперь он не знал, осталось ли в нем хоть что-то от пылкого, нежного мальчика.

Подъем кончился. Путешественники оказались на ровной площадке, густо обсаженной сиренью с белыми душистыми гроздьями соцветий. Посреди площадки, вдоль берегов небольшого круглого пруда горели фонари, отражаясь в черной воде. В центре пруда, как показалось Хаггару, плавала белая резная беседка.

– Подождем здесь, – сказала Элен. Они оба взглянули на небо. Солнце село, сумерки быстро сгущались, темнота стремительно наползала с гор. В чернеющем небе зажигались одна за другой звезды. И вдруг тьму разорвал свет внезапно вспыхнувших светильников. Пруд засиял, как темный аметист. Из черной глубины вод вдруг стали всплывать один за другим огромные белые цветы. Вскоре весь пруд был покрыт ими.

– Пойдем. – Элен обернулась к Хаггару.

– Но как?

– Пойдем же!

Она подошла к воде и ступила на черную гладкую поверхность. Даже волны не разбежались от ее ног. Порхая белой бабочкой над прудом, над цветами, шелестя шелком белых одежд, мерцая жемчугами, она закружилась и засмеялась.

– Иди же ко мне! – позвала она арандамарца. Он стоял у

воды, красный, как рак, и думал, что выглядит сейчас дурак дураком. Внезапно Элен остановилась и, взглянув на него, тотчас все поняла. Она подбежала к берегу и протянула Хаггару руку.

– Ты не понял, друг мой, это не волшебство! Разве я могу быть такой жестокой? Это всего лишь хрусталь. Вот, взгляни!

Она топнула ногой, но гладь воды даже не поморщилась.

– Тропка из хрусталя ведет к беседке. Пойдем.

Хаггар, про себя выругав весь Раэнор, его придурковатых жителей, а заодно и все озера, пруды и лужи, ступил на хрустальную дорожку. И тут с ним произошло нечто странное. Он как будто вернулся в детство. Да, он снова был ребенком! Он чувствовал, что теперь уже не надо таиться от самого себя, не надо бояться обнажить свою душу. И впервые за много лет Хаггар весело, беззаботно рассмеялся. Ему стало легко и радостно. Подбежав к Элен, он подхватил ее на руки и закружил, а она тоже смеялась и кричала:

– Мы летим, летим!

Они не знали, сколько пробыли в волшебном саду, но, вернувшись в покои, Хаггар долго еще не мог заснуть. Перед его глазами все еще стоял пруд, фонтаны с быстрыми рыбками, лилии, павлины с перламутровыми хвостами, журчала вода в акведуках, пели водопады, стекающие с гор. Золотыми облачками проносились стайки светлячков, плавали в темной воде фонарики.

Он уехал на рассвете. Погода испортилась. Накрапывал мелкий теплый дождик. И на душе у Хаггара было смутно. Элен обещала ему, что они скоро снова встретятся, но арандамарец понимал, что обещания иногда просто невыполнимы. Он покидал Раэнор, и, возможно, навсегда. Но в своей памяти он навеки сохранит Дол-Раэн, Аэрэлин, старого Дию, который обнял его на прощанье, как сына, и ее, княгиню Элен, рано повзрослевшую девочку. Дорога вилась перед ним, уводя на запад, к дому, а на высокой Сторожевой башне Элен сквозь слезы, градом катившиеся по щекам, пыталась разглядеть всадника, неумоимо стремившегося прочь.

Глава 4

ЛЕГЕНДА О РАЭНОРСКИХ ЛЕКАРЯХ

Караван медленно двигался по широкой древней дороге. Темно-серые плиты кое-где потрескались от времени. Из изломов торчали пучки жесткой, серой от пыли травы. Изнуренные дорогой лошади не слушались погонщиков, лишь изредка переходя с шага на медлительную рысцу. Дувший с Реки пронизывающий ветер взметал над дорогой тучи песка. Прохладный выдался август в этом году.

Путники то и дело вглядывались вперед, на запад, где дорога утыкалась в туманный горный хребет. От резкого ветра и постоянного напряжения их уставшие глаза опухли и покраснели. Караванщики то и дело смахивали слезы широкими рукавами атласных рубах.

– Подтянись! Погоняйте лошадей! – кричал Тасмари, бесменный старшина каравана. С самого утра он подгонял своих людей, боясь не успеть въехать в город до закрытия ворот. Вот уже и день подходит к концу. Багровое солнце нависло над горами. Тасмари, нервно теребя повод, пробурчал:

– О боги! Говорили же мне, что брать с собой в поход женщину – безумие!

Он произносил эти слова по несколько раз в день вот уже месяц, с тех пор как в его караване появилась Айвэ. Нет, в

глубине души старшина ни на минуту не сомневался, что она не виновата ни в том, что несколько колодцев, которыми они обычно пользовались в дороге, оказались засыпанными песчаной бурей, ни в случившемся недалеко от Реки набеге разбойников-уйгов, ни в том, что из-за этого они задержались в пути еще на два дня. Тасмари оглянулся. В самом хвосте каравана покачивалась в седле маленькая женщина, с ног до головы закутанная в зелено-голубые шелка. Только лицо ее было открыто. Тасмари приставил к ней троих всадников для охраны. Во время путешествия они развлекали госпожу, и нередко караванщик слышал ее звонкий смех. Но сейчас и Айвэ, и ее собеседники примолкли. Молчание нависло над караваном. Усталость сутулила плечи, склоняла головы, закрывала рты.

– Смотрите! Город! – пронзительный крик вдруг разрушил сонную тишину. Заорали погонщики, послышались радостные, возбужденные голоса. Лошади тоже приободрились, почуяв близкий отдых.

– Шевелись! Живей! – кричал Тасмари, кружа на взмыленном буланом коне вокруг каравана.

Вальбард, столица королевства Арандамар, возник перед ними неожиданно, выступив из обагренных солнцем гор. Мрачные высокие стены, тяжелые каменные ворота и громады городских башен, вросших в скалы, нависли над дорогой.

– Это тот самый город? – услышал рядом с собой испуганный шепот Тасмари. Айвэ подъехала к нему и смотрела

на Вальбард, распахнув черные глаза, в которых изумление боролось со страхом. Караванщик улыбнулся и поспешил ее успокоить:

– Не бойся! Он не так страшен, каким хочет казаться! Вот увидишь, там живут такие же добрые и приветливые люди, как в твоей стране.

А затем, заботливо поправив на ней покрывало, поехал вперед, оставив женщину с ее телохранителями.

На этот раз купцам повезло. Они успели въехать в город за несколько минут до того, как солнце скрылось за горами. Заплатив пошлину, Тасмари повел караван от ворот, проезжая по ярусам города, кольцами поднимавшимся вверх. Сумерки вползали в Вальбард. В домах зажигались огни. Копыта лошадей скользили по мощеной мостовой. Нависая над головами путников, темными силуэтами выступали из полумрака дома. Тасмари с грустью отметил, что со времени его последнего приезда столица еще больше опустела. Раньше в это время суток улицы заливали реки света, льющегося из открытых окон, светильен и фонарей. Играла музыка, люди гуляли, любовались звездным небом, пели... Теперь все стало другим. Жители покидали Вальбард. То и дело ветер доносил до слуха караванщика тоскливое дребезжание разбитого стекла, скрип несмазанных дверных петель, стук незакрепленных ставен в оставленных домах. Слепые, черные дыры зияли вместо окон-витражей. В нижних ярусах народ еще шевелился, из встречных кабачков доносились песни,

громкий хохот, брань, но чем выше поднималась похожая на гигантскую змею, сдавившую город в смертельной спирали своих объятий, дорога, тем темней и тише становились улицы. И уже в самой вышине горел огнями королевский дворец. Но и там царила мертвая тишина, которую время от времени нарушали крики часовых.

Поднявшись до пятого яруса, Тасмари свернул направо и через несколько минут подъехал к большому трехэтажному дому. Во всех окнах первого этажа горел свет. Дверь дома то и дело распахивалась, впуская и выпуская посетителей. Над входом на цепях висела доска с надписью “Мотылек”.

Тасмари коротко бросил: “Ждите”, слез с коня и пошел ко входу. Взойдя на крыльцо по выщербленным каменным ступеням, он отшатнулся: тяжелая дверь распахнулась настежь, и из гостиницы вывалилась шумная компания мастеровых, здорово навеселе. Яркий свет вырвал из уличного полумрака фигуры всадников. Захрапели лошади. Хохочущие гуляки от неожиданности разом смолкли и уставились на караванщиков, а те, не обращая на зевак никакого внимания, спешили, с хрустом потягивались, разминая затекшие в долгой дороге суставы.

Тем временем Тасмари, войдя в гостиницу, внимательно осмотрелся. “Похоже, во всем городе только здесь ничего не изменилось”, – подумал он. Та же большая, чистая, несмотря на множество народу, комната, те же опрятные, расторопные слуги, запах жаркого, смешанный с парами доброго ви-

на, яркие фонари, светящие из-под потолка вовсе без чада. Ни ругани, ни ссор, ни потасовок здесь не допускали.

Подлетевшего слугу Тасмари попросил позвать хозяина. Получив монетку, парень кивнул и умчался вверх по ведущей на второй этаж широкой деревянной лестнице. Караванщик присел на свободный стул и тяжело вздохнул, вытирая рукавом влажный лоб. Вскоре раздался стук тяжелых башмаков, знакомое побряхтывание, и Тасмари увидел своего давнего приятеля – старика Лескаса. Так называли здесь содержателя гостиницы, хотя тому не было еще и пятидесяти. Тасмари всякий раз, приезжая в Вальбард после долгого перерыва, удивлялся, глядя на этого человека. Уж очень непохож был Лескас на трактирщика. Сутулый, задумчивый, с коротко остриженными седыми волосами и глубокими морщинами у сжатого рта, он гораздо больше походил на выдавшего виды крестьянина из арандамарского приграничного поселения.

Увидев караванщика, Лескас чуть улыбнулся, и морщины у его рта дрогнули.

– Каким ветром тебя занесло к нам, бродяга? – просипел он.

– Восточным, дружище! – Тасмари поднялся и шагнул навстречу хозяину. – Что, уж и не ждал старого знаконца?

– Признаться, нет. Ты ведь, как я помню, обычно на ярмарку приезжал, к Сердцу Лета, а теперь уж и август позади.

– Да я и сам знаю, что поздновато приехали. Но дела, зна-

ешь ли, задержали. Да и дороги теперь не те, что раньше.

– Тут уж ты прав. Куда мир катится? – сочувственно вздохнул трактирщик. Он хотел было о чем-то спросить караванщика, но тот перебил его:

– Лескас, я и мои люди устали. Нам нужен отдых. И поскорее, а то уж ночь на дворе. До стражи бы успеть.

– Весь второй этаж в твоём распоряжении. Негусто нынче с постояльцами. Эй, парень! – позвал слугу трактирщик. – Сходи-ка за Весдой, скажи: Тасмари приехал, надо устроить его людей. Да потом помоги в конюшне с лошадьми. Ну, беги, да побыстрей!

Слуга кинулся выполнять поручения хозяина. Тасмари направился было за ним, но Лескас удержал его:

– Эй, да погоди ты, присядь. Сами справятся. В первый раз, что ли?

Секунду помедлив, караванщик снова опустился на стул. Хозяин сел рядом. Ждать им не пришлось. За их спинами послышался шорох платья и легкий стук башмачков. Весда, жена трактирщика, стояла на последней ступени лестницы, держа на руках большую черно-белую пушистую кошку. “Странная женщина”, – подумал Тасмари. Было в ней что-то настораживающее. Темно-серые глаза Весды смотрели строго, изучающе, рот всегда был сурово сжат. Прекрасно сшитое аккуратное темное платье подчеркивало стройность фигуры и прямоту осанки. Волосы она всегда прятала под белоснежный чепец, и Тасмари понятия не имел, каковы они.

Трактирщица была намного моложе мужа.

– Здравствуй, купец! – произнесла женщина, чуть прикрыв глаза. – Опять пожаловал в столицу? Может, позабавишь нас как-нибудь рассказами о дороге? Вы, торговцы, люди счастливые: все видите, обо всем знаете. Не то, что мы – курицы оседлые.

Тасмари улыбнулся и осторожно ей возразил:

– Госпожа напрасно думает, что доля бродяги так уж завидна! Опасности, неудобства, лишения – вот наша участь. Да мало ли что случается в пути! Будь моя воля, я бы охотно остался дома. Но дела, дела...

Всегда меж тем внимательно разглядывала бэлистанца: его усталое, загорелое лицо, черные бархатные глаза под густыми бровями, хищный нос, красивые губы... Легко вздохнув, она перебила его:

– Что это я утомляю гостя докучными разговорами. Слуги приготовили комнаты. Сейчас согреют воду и принесут ужин. Я распорядилась. До завтра, Тасмари, покойной ночи.

И она, отвернувшись от мужчин, не спеша пошла наверх. Лескас тоже хотел уйти вслед за женой, но Тасмари удержал его, взяв за руку. Тем временем бэлистанцы управились с лошадьми и появились в “Мотыльке”. Прекрасно зная здешние порядки, они волокли на себе тюки с товарами. Здороваясь с трактирщиком, караванчики, побряхтывая, поднимались по лестнице наверх, вызвав своим появлением живейший интерес у местной публики и у почуявших наживу слуг. Наконец,

когда дверь скрипнула в последний раз, на пороге “Мотылька” показалась хрупкая маленькая женщина в сопровождении трех дюжих молодцов. Тасмари ринулся ей навстречу. Она, увидев его, тоже подалась вперед и испуганно прижалась к нему.

– Вот, Лескас, это та самая причина, по которой я так задержался в пути. Видишь ли, прошлым летом я женился, и эта дрожащая девочка – моя жена Айвэ.

Лескас несколько мгновений оторопело смотрел на укутанную в шелка женщину, а потом пожал плечами и проворчал:

– Не думал я, что ты так глуп, Тасмари. Что женился – молодец, давно пора, уж седина скоро появится. Но вот что взял с собой жену, да еще в такое время! Э, да сам знаешь. Иди, устраивай малышку, она вон уже на ногах не стоит от усталости.

Второй этаж “Мотылька”, до этого погруженный в дремоту, встрепенулся, слышались шаги, разговоры, смех. Слуги сновали туда-сюда, торопясь угодить гостям в надежде на щедрую плату, захлопали двери комнат, аппетитные запахи закружились в воздухе, но уже совсем скоро толчея стихла, шум улегся и “Мотылек” погрузился в сон.

Ранним утром следующего дня бэлистанцы отправились на городской рынок. Тасмари заглянул в комнату к Айвэ, но старая служанка, приставленная к ней Лескасом по просьбе

караванщика, остановила его:

– Сударь, девочка еще спит. Не буди ее. Бедняжка так устала! Вы, мужчины, думаете только о себе! Как можно было брать с собой в дорогу такого прелестного ребенка!

Тасмари отмахнулся от старушки и вышел из комнаты.

Караванщики вернулись в трактир к обеду. Весда распорядилась накрыть на стол и пригласила Тасмари. Комнаты семьи Лескаса располагались на третьем этаже, и только столовая была на первом, отделенная перегородкой от общего зала. Когда Тасмари и Айвэ вошли туда, Лескас говорил своей жене о чем-то, что ей очень не нравилось. Весда в ярости комкала салфетку, но слушала молча, не перебивая и не переча. Ее обычно бледное лицо покрылось румянцем, глаза были опущены. Не решаясь войти, гости замерли на пороге, однако Лескас, первым заметивший их появление, отвернулся от Весды и обрадованно закричал:

– Наконец-то! А мы уж думали, что ты, Тасмари, и шагу не сделаешь из комнаты жены! Детка, – обратился он к Айвэ, – твоя служанка уж всем раззвонила, какая ты красавица! Что, плут, боишься, как бы наши ребята заглядываться не стали, или от своих бережешь? Ишь, всю в тряпки закутал!

Айвэ действительно накинула на голову синее шелковое покрывало, а лицо предусмотрительно закрыла вуалью. При словах трактирщика она быстро взглянула на Тасмари, но тот не был задет вольными речами – он улыбался и, похоже, был готов подхватить разговор.

Их остановила Весда. Она поднялась с места и певуче произнесла:

– Пора обедать. Подавай, – обратилась она к вошедшему следом за гостями слуге.

Тасмари усадил Айвэ напротив хозяйки, а сам сел рядом. Весда не проявила ни любопытства, ни беспокойства при появлении гостя. Она ее просто не замечала. И когда Айвэ сняла вуаль, только Лескас хмыкнул, она же и бровью не повела. Слуга приносил кушанья. Ели молча. Наконец Весда заговорила:

– Тасмари, мы с мужем говорили о тебе. Ты же наш давний постоялец, а постояльцы, да еще исправно платящие за жилье, как известно, трактирщику ближе родни. Так вот, мы рады, что ты наконец-то обзавелся семьей.

– Спасибо, Весда, – улыбнулся бэлистанец.

– Да, такому человеку, как ты, без жены нельзя! Кто же будет управлять домом, пока ты странствуешь, приумножать твое богатство, беречь достоинство и честь, растить твоих детей, воспитывая их как наследников! Жена купца должна быть умной женщиной, Тасмари, и верить мужу.

– Весда! – предостерегающе протянул Лескас.

– Пусть говорит, трактирщик. Твоя жена – женщина толковая, ее стоит послушать, – остановил его Тасмари.

– К тому же всем известно, что женская красота быстро исчезает, а если вместо нее ничего не остается, кроме капризов, легкомыслия да бестолковости, дела плохи. Еще

есть женщины, настолько глупые и ревнивые, что готовы потащиться за мужьями хоть на край света, забыв о долге, о приличиях, не думая, что мужьям, вместо того чтобы заниматься делами, приходится все силы затрачивать на то, чтобы охранять их в пути и выполнять все их прихоти. А бывает и просто ужасно – мужья вынуждены своих жен с собой таскать, чтоб уберечься от позора и разорения. Вот уж тут просто беда! Ты согласна со мной, милочка?

И Весда впервые прямо посмотрела на Айвэ. Трактирщица была высокой и статной, как все женщины Вальбарда. Ее прямая осанка, гордо поднятая голова, властные жесты, твердый, уверенный взгляд делали ее похожей на королеву, из прихоти переодевшуюся горожанкой. Но когда Айвэ подняла глаза и взглянула ей в лицо, та умолкла и как-то сникла. Но Айвэ все продолжала молча смотреть на нее. Трактирщица побледнела и отвела свой взгляд. Мужчины ничего не заметили, за обе щеки уплетая жареных цыплят и запивая их домашним вином. Весда посидела для приличия еще немного, но больше к еде не притронулась и вскоре ушла, извинившись и сославшись на дела. Айвэ тоже отправилась к себе. Тасмари и Лескас проводили ее взглядами до двери и уставились друг на друга.

– Да, старина, – пробормотал Тасмари, – не завидую я тебе.

– Не бери в голову. Я уж привык, – вздохнул Лескас. – Это родители ее избаловали, вот она и вообразила себя принцес-

сой. Ох, и натерпелись мы от ее выходок. Ну, да ничего, привыкнет, пообтешется. Твоя-то не такая?

– Моя? – Тасмари вспомнил черные очи Айвэ и мечтательно улыбнулся.

– Можешь не говорить, сам вижу, – пробурчал трактирщик, крихтя, поднялся и, не спеша, пошел вслед за женой.

Ветер все не утихал. Он гулял по расположенному в самом нижнем ярусе, недалеко от городских ворот, рынку, радовался приволью, хлопал по навесам, стучал ставнями, трепал ткани, взъерошивал меха, обдувал лица прохожих, разнося по широким проходам обрывки материи, увядшие цветы, высохшие фруктовые корки, шелуху орехов и семечек.

Когда-то рынок Вальбарда был маленькой копией большого города с домами-лотками и широкими улицами-рядами. Чтобы обойти его весь, мало было дня. Толпы народа приезжали сюда со всей страны, и жителей столицы иноземцами было не удивить. Но теперь настали совсем другие времена. Рынок все еще жил своей бурной, яркой жизнью, он все еще поражал новичка обилием товаров, но беспечного веселья, безудержной праздничности не было и в помине.

Тасмари торговал уже несколько дней. Кто-кто, а уж он был спокоен – разорение ему не грозило. У лавок бэлистанцев народ толкался с утра до вечера, товары раскупались бойко. Глядишь, не пройдет десяти дней, и можно будет уезжать из столицы.

Вечером того же дня караванщик пригласил Лескаса к себе в комнату.

– Садись, старина, – приветливо улыбнулся он трактирщику. – Хочу спросить у тебя совет. Знаю, ты человек умный и рассудительный. Помоги мне. А я, ты знаешь, в долгу не останусь.

Лескас с удивлением воззрился на Тасмари:

– Что это с тобой, бродяга? Ты ведь не из тех, кто просит совета у других. На тебя это непохоже!

– Да дело-то уж больно деликатное! Я подумал и решил, что, кроме тебя, мне помочь некому.

– Что надо-то? Не тяни!

– Эх, это все жена. Она у меня выдумщица, вот беда! Вбила, видишь, себе в голову, что хочет посмотреть столицу королевства и во дворце правителя побывать.

– Да она что, рехнулась? – Лескас аж привстал со стула.

– Упряма! Ничего поделать не могу. Да и, честно признаться, хочется мне ее порадовать.

– А я при чем?

– Как при чем? “Мотылек” твой с дворцом – сосед. К тебе ведь стражники заглядывают. Ты мне намекни, покажи только, к кому податься. А уж я заплачу.

– Ты об этом! – облегченно протянул трактирщик. – Ладно, помогу. Знаю одного. Отчаянный, деньги любит. Попробуй. Только уж не обессудь, если что!

На следующий вечер, когда Тасмари вернулся с рыночной

площади, Лескас указал ему на веселящегося в шумной компании мужчину.

– Этот и есть. Удачи тебе, бродяга!

Караванщик подошел к стойке, немного помедлил, наблюдая за стражником, а потом, взяв большую кружку эля, направился напрямиком к его столу. Наскучившие уже друг другу выпивохи приняли новичка радушно.

– Здорово, купец!

– Выпей с нами, поговори!

– Расскажи, что новенького в мире! – тормошили они Тасмари. Тот, чинно усевшись, отхлебывая эль, принялся ублажать слух собутыльников всякими небылицами, да так умело и складно, что у них то и дело вырывались восхищенные возгласы:

– Да ну! Во врет, купчина!

– Дела! Бывает же такое!

Потом он рассказал им о нападениях кочевников в степях за Рекой.

– Еле отбились. Раньше такого не было.

– Да, не позавидуешь вашему брату, – протянул один из стражников.

– Мои люди не жалуется, – похвалился Тасмари. – Смелчаки у нас в почете. Для них мне денег не жалко.

Купец неожиданно пристально взглянул на человека, которого указал Лескас. Поймав его взгляд, стражник вопросительно поднял брови. После, веселя собрание, караванщик

еще пару раз переглядывался со стражником. Время шло, приближаясь к полуночи, и после очередной истории стражника, видимо, вспомнив о службе, зашумели и подозвали слугу рассчитаться за выпитое. Но караванщик их опередил. Достав из-за пояса туго набитый кошелек, он хмельно осклабился:

– Хочу вас угостить, друзья.

При этом он заметил, что золотые монеты – содержимое кошелька – кое-кого не оставили равнодушным. Тасмари все рассчитал правильно. Когда, незаметно подав знак стражнику, он снова уселся за уставленный пустыми кружками стол, то ждал недолго. Тот, ловко отделавшись от приятелей, быстрехонько возвратился в “Мотылек” и сел рядом с караванщиком. Тасмари поведал ему о своем желании, напоследок добавив:

– Заплачу, не волнуйся. Тебе и утруждать себя не придется. Знай ходи туда-сюда да позевывай. Мне нужен-то час-другой. Только покажу жене дворец ваш знаменитый да Белую башню – и назад.

Стражник слушал и молчал. Когда Тасмари закончил говорить, он промычал что-то про себя, потом снова ненадолго замолчал и в конце концов изрек:

– Ладно. Возьмусь за это дело. Но тут подковырка имеется. Я ведь службу не один несу. Мы ворота с напарником стережем. Понимаешь, что к чему? Уговорить нужно человека, то се...

И он выжидающе уставился на купца. Тот кивнул:

– Понимаю. И друга твоего без награды не оставим. Так ему и передай.

Они сошлись на том, что на следующий день стражник снова придет в “Мотылек” и расскажет, когда все будет готово.

Тасмари после разговора поспешил к Айвэ.

– Кажется, дело сдвинулось. Я договорился, – сообщил он ей. Айвэ радостно хлопнула в ладоши. Тасмари постоял немного, глядя на ее ликование, а потом хмуро спросил:

– Ты думаешь, у нас все получится?

– Да что с тобой, купец? – Девушка беспечно улыбнулась ему. – Как ты можешь сомневаться? Вот увидишь, все будет так, как мы хотим.

– А если кто-нибудь догадается, зачем мы здесь на самом деле? Нам непоздоровится, дорогая.

– Прекрати, Тасмари! – Айвэ досадливо поморщилась. – Откуда им узнать! Но даже если и случится что-нибудь подобное, не бойся, нас не посмеют тронуть.

Однако ее заверения не прибавили купцу бодрости.

Со стражниками условились, что ждать их будут у Южных ворот во время полночного дозора. И вот долгожданный час настал. Тасмари и Айвэ вышли из дома. Лескас, провожая их, только вздыхал да укоризненно качал головой, а про себя думал, что женщины, видно, для того и созданы, чтобы заставлять мужчин совершать глупости, а потом этими глупо-

стями гордиться. Глядя вслед быстро удаляющимся темным фигурам, трактирщик вдруг осознал, что завидует Тасмари.

“Ну вот, старый дурак, и ты туда же норовишь!” – обругал он себя, испугавшись невесть откуда возникших чувств, закрыл дверь трактира, заложил засов и пошел, кряхтя и вздыхая, к своей надменной жене.

Всю дорогу Айвэ брела, точно слепая, послушно следуя за каждым шагом Тасмари, для надежности ухватившись за широкий рукав его рубахи. Громада залитых бледным светом дворцовых башен придвигалась все ближе, и было что-то зловещее в тусклом свечении длинных узких окон, в тишине, царящей над дворцом...

– Не бойся, скоро придем, – подбадривал девушку купец. – Посмотри-ка лучше вверх. Там, на следующем ярусе, правее от нас, находятся знаменитые лечебные палаты Вальбарда. До них мы дойдем без помех. А вот дальше пробраться будет трудно. Плохи наши дела, если стражники не помогут.

Айвэ только коротко вздохнула.

Купец отлично ориентировался в ночном городе. Минуя дом за домом, поднимаясь с яруса на ярус, они достигли Южных ворот точно в срок. Стражники уже ждали их.

– Ну, купец, с тебя по двадцать золотых на брата, – сказал тот, с которым договаривался Тасмари. – И помни, вам на все про все два часа. Потом мы сменяемся. А тебе, красавица, я вот что скажу, – неожиданно сурово обратился он к Айвэ. –

Муж твой тебя любит, а ты своими глупостями его на рожон лезть заставляешь. Одумалась бы, пока не поздно.

Он вопросительно взглянул на стоящую рядом с купцом женщину, ожидая ее ответа. Тасмари тоже повернулся к ней. Но Айве только отрицательно мотнула головой. Стражник, хмыкнув, отвернулся от нее и направился к товарищу. Они о чем-то пошептались, а потом снова, уже вдвоем, вернулись к Тасмари. Купец отдал им золото, а они взамен чуть приоткрыли тяжелые кованые ворота. Массивная створка подавалась легко, без скрипа, видно, не все еще в столице пришло в запустение. Айвэ и Тасмари переглянулись и решительно вошли под каменные своды ворот, тут же захлопнувшихся за их спинами.

Перед путниками открылся величественный вид последнего, седьмого яруса Вальбарда, города-крепости Великого Запада. Слева на площади высоко возносилась в черноту неба Белая башня, а справа четко обрисовывались контуры королевского дворца. Вдоль всей стены, отделявшей седьмой ярус от остального города, теснились палаты для гостей, воинские дома, служебные постройки. Несколько строений стояло на площади перед дворцом. Все здания освещались фонарями, яркий свет которых позволял живущим там не только передвигаться ночами так же свободно, как днем, но и любоваться при свете звезд суровой красотой Цитадели.

Однако медлить было нельзя. Тасмари наметил ближайшую и, как ему показалось, самую безопасную дорогу к сте-

нам дворца и, неслышно ступая по гранитным плитам, двинулся вперед. Айвэ, как тень, следовала за ним. Успешно миновав несколько зданий, они оба остановились и прислушались. Ничего, ни единого звука. Можно было идти дальше. Но только они тронулись с места, как чьи-то сильные руки схватили их и властный голос произнес:

– Ваше путешествие закончилось. Правда, попадете вы совсем не туда, куда так стремились.

Последний судебный день августа тянулся невыносимо долго. Хаггар сидел в кресле Главного судьи и изо всех сил боролся с зевотой. Стражники приводили и уводили просителей, ищущих у правителя последней правды. Жалобы, тяжбы, наговоры... Ремесленники, торговцы, заезжие купцы, бродяги сменяли друг друга в зале суда. Дела и заботы этих людей были скучны и обыденны. В другое время Хаггар и часа бы здесь не выдержал, сбежал бы без оглядки. Даже суровый взгляд правителя, бывало, не мог удержать его в этом средоточии тоски и ожидания. Но сейчас – другое дело. Отец, больной, безразличный ко всему, лежал в лекарском покое, и гордость наследника не позволяла Хаггару переложить дела на помощников. Он вставал чуть свет, погружаясь в нужды и заботы великого города. Только теперь юноша начинал понимать, какой груз все эти годы нес на своих плечах правитель, отчего так мало времени мог уделять сыновьям, почему морщины до срока избороздили его лицо и столько

суровой непреклонности было в его взгляде. Хаггар тяжело вздохнул.

Но сколько еще ему здесь ждать? Молодой человек недовольно взглянул на судебных чиновников, что сидели в своих креслах справа и слева от него. Неужели они думают, что у него нет других, более важных дел, кроме как изображать здесь высшую справедливость? Сегодня утром из Судебной палаты прислали за ним: дескать, дело, которое будет рассматриваться, необычайно важно и касается безопасности жизни правителя. И вот он торчит здесь уже несколько часов, а эти крючкотворы-законники и не думают объяснять ему, для чего. Выждав, когда из зала выйдет очередной проситель, Хаггар обратился к сидящему рядом Главному судье, бодрому сухощавому человеку с длинными седыми волосами, обрамлявшими гладко выбритое бледное лицо:

– Да простит меня господин судья, но мое время подходит к концу. Через час в Белой башне меня будут ждать посланцы из Серебряной Чащи.

– Но господин Капитан и так не балует нас вниманием. Он мог бы отложить встречу на более позднее время, – вмешался в разговор другой судейский чиновник, сидевший справа от Хаггара. Молодой человек неприязненно поглядел на него и хотел было поставить судейского на место, но Главный судья опередил его:

– У Капитана сейчас и без нас забот хватает. Не забывайте, правитель болен. – Старик взглянул Хаггару в лицо: – Про-

сти за задержку, – а потом подал знак страже.

В зал ввели двоих пленников, мужчину и женщину. Вид их был крайне необычен. Маленькая фигурка женщины была с ног до головы закутана в драгоценные яркие ткани. Лицо скрыто вуалью. Видны были лишь большие испуганные глаза да белый чистый лоб. Женщина со страхом озиралась по сторонам и пыталась спрятаться за спину своего спутника. Зато мужчина вовсе не был ни смущен, ни напуган. Хаггар, забыв об усталости, весь подавшись вперед, впился в него взглядом. Ему вдруг показалось, что он уже где-то видел и загорелое, гордое лицо пленника, и расшитые золотом дорогие одежды...

– В чем вина этих людей? – спросил он у судьи. Тот заговорил:

– Вчера ближе к вечеру к нам пришла женщина, жена трактирщика Лескаса, хозяина заведения “Мотылек” с пятого яруса. Она сказала, что в их трактире остановились мужчина и женщина, показавшиеся ей крайне подозрительными. Трактирщица решила проследить за ними. Подслушав разговоры пришельцев, она узнала, что эти двое замышляют проникнуть в королевский дворец. Причем мужчина отказывался, но женщина настаивала и угрожала. Наконец они договорились, что ночью проберутся в Цитадель через Южные ворота. Мы решили все проверить, и стражники Южных ворот подтвердили слова трактирщицы. Двое иноземцев действительно хотели подкупить их, чтобы проникнуть во дворец.

Этой ночью мы схватили их уже в Цитадели.

Судья закончил свою речь. Хаггар спросил его:

– А зачем они хотели попасть во дворец, эта женщина не узнала?

– Она утверждает, что иноземка – подосланная морнйцами ведьма и что она хотела отравить правителя.

Хаггар заметил, как в презрительной усмешке искривились губы пленника.

– Ну, а ты что скажешь, красавец? – резко бросил он мужчине.

– Не повезло Лескасу с женой, – проронил тот, пожав плечами. Голос! Мягкий, чуть глуховатый выговор иноземца был странно, необъяснимо знаком! Но наглость пришельца задела Хаггара, и он угрожающе произнес:

– Ты, видно, не знаешь, что за наказание тебя ждет! Да будет вам обоим известно, что подкуп стражи, самовольное проникновение во дворец правителя и умышление против его жизни караются смертью!

И тут случилось то, чего Хаггар никак не ожидал. Женщина, до этого робко жавшаяся к дерзкому красавцу, вдруг выбежала вперед, упала на колени и залепетала:

– Это я виновата, не он! Я, глупая, наслушалась всяких сказок про дворец правителя! Мой муж очень любит меня и ни в чем не может мне отказать. Господин, меня наказывайте!

Слезы, катившиеся из ее красивых глаз, голос, в котором

слышался такой отчаянный страх за мужа, растрогали Хаггара. Он даже невольно позавидовал пленнику. Смягчившись, он спросил:

– Вы кто такие?

Подняв всхлипывающую жену с колен и что-то ей прошептав, мужчина, наконец-то опустив глаза, ответил:

– Мое имя Тасмари. Я бэлистанский купец, а эта женщина – моя жена Айвэ. Она целый год меня упрашивала: возьми да возьми в Вальбард. Я уж и так, и эдак упирался, а этим летом подумал: а, возьму, пусть уймется. Что там дворец арандамарских правителей показать! Ради любимой женщины и не на такое пойдешь!

Ах, купец! Слова твои попали в цель. Хаггар задумался. Уж кто-кто, а он-то был согласен с бэлистанцем. Тут подал голос Главный судья:

– А как они объяснят слова трактирщицы?

Тасмари невесело усмехнулся:

– Да что тут объяснять! Я ведь у Лескаса каждый год остаиваюсь, когда привожу караван в столицу. Он хороший человек, честный. Только вот беда – жена ему попалась дурная и сварливая. К тому же еще в прошлый мой приезд мы с трактирщиком заметили, что она глаз с меня не сводит. Ну, посмеялись меж собой. А в этот раз уж не до смеху! Она, как узнала, что я женился, будто взбесилась. Ей бы дать волю, так она бы мою девочку со свету сжила. Ишь что выдумала! Да разве может Айвэ хоть кого-нибудь обидеть? А уж зло ка-

кое замыслить – и подавно!

Судьи зашептались. Странное было дело. Если все так, как говорит купец, то не казнить же его из-за любопытства супруги?! А если нет? Хаггар же унесся мыслями далеко от гордого купца, от его крошки-жены, от ревливой трактирщицы... Бэлистан! При этом слове в его памяти возник праздник Аэрэлин, бои, забавы, песни и влюбленные очи княгини Элен. А ведь эти люди могли видеть ее, могли знать о ней хоть что-то. Вновь сурово взглянув на застывших в молчании пленников, Хаггар решительно произнес:

– Купец, вся твоя вина в том, что ты, видимо, слишком любишь эту глупую женщину и потворствуешь самым сумасшедшим ее капризам. Мне жаль, но я не могу не наказать тебя, иначе где же справедливость? Сегодня же ты и твоя жена покинете Вальбард и переправитесь через Реку, а там уж делайте, что хотите. Можете ждать своих, а можете отправляться к себе в Бэлистан вдвоем. Людей твоих тоже ждет наказание. Им придется покинуть “Мотылек” и убраться за городскую стену.

– А как же торговля? – Тасмари был озадачен.

– Пусть себе торгуют. Только въездную пошлину им придется по твоей милости платить каждый день. Я сам за этим прослежу. Сейчас стражники проводят вас до трактира. Я приеду вечером. И не вздумай повторять своей ошибки, купец. Воины Арандамара не продаются.

Бэлистанец с благодарностью поклонился. Да и судьи, по-

хоже, были рады такому повороту событий.

Вечером, когда уже начало смеркаться, Хаггар, наконец, покончил с делами и, взяв лошадь, направился к “Мотыльку”. Выехав из дворца, он рассеянно оглядывал опустевшие улицы города. В тишине громко цокали по стертým плитам мостовой подковы его лошади. Хаггар уже миновал шестой ярус, когда вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. За ним следили. Делая вид, что поправляет подпругу, он нагнулся и взглянул назад. Никого. Дома скупó освещались уличными фонарями. Ни огонька в закрытых окнах. Арандамарец сердито проворчал:

– Точно, тронусь скоро.

Он подбодрил коня и вскоре оказался перед “Мотыльком”. Четверо стражников, приставленных к бэлистанцам, ждали его в трактире, коротая время за кружкой пива. Увидев Капитана, один из них встал и отправился на второй этаж поторопить изгнанников. Вскоре все трое спустились вниз. Ни Тасмари, ни Айвэ, видимо, вовсе не были расстроены. Только трое сидевших за столиком у камина телохранителей бэлистанки хмуро наблюдали за сборами. Когда же их госпожа подошла к ним, чтобы проститься, они вскочили со своих мест и почтительно ей поклонились. А бедный трактирщик, узнав о вероломстве жены, не мог взглянуть купцу в глаза и, наскоро обнявшись и пробормотав слова прощания, стараясь особо не попадаться на глаза Хаггару, ушел к себе. Бэлистанцы шумно провожали своего начальника. Он дал им по-

следние указания, помог сесть в седло Айвэ, сам легко вскочил на коня и, не оглядываясь, поехал вниз, к Главным воротам.

Когда в Судебной палате Хаггар впервые увидел эту женщину, а потом узнал ее имя – Айвэ, он стал искать сходство там, где его быть не могло. Потом, когда она, рыдая, принялась защищать мужа, арандамарец в душе посмеялся над своими подозрениями. В гостинице, пока купец прощался со своими, он опять внимательно разглядывал бэлистанку. А когда она взлетела в седло, почти не касаясь сильных рук мужа, когда ее ножка мелькнула в воздухе, когда маленькая ладонь уверенно сжала повод, он почти испугался – так невероятно похожи были движения этой юной купеческой жены на движения той, далекой, любимой...

– С ума сошел! – ругал он себя. – Спятил! Ищешь там, где быть не может! Чтобы она – и здесь?! Вот уж было бы чудо!

Едва дождавшись, когда ворота останутся позади, Хаггар послал стражников вперед проверить дорогу, а сам поехал рядом с Тасмари. Уже стемнело. При свете притороченного к седлу фонаря арандамарец едва различал лицо купца.

– А скажи-ка мне, – обратился он к нему, – верно ли говорят, что на востоке есть такая страна – Раэнор?

Бэлистанец хмыкнул:

– Есть, куда же ей деться!

– И ты там бывал?

– Приходилось.

– А в последний раз когда был?

– Вот перед тем, как сюда приехать, и был. Месяца два тому.

– Ага. И что же это за страна такая?

– Торговать там хорошо. Пошлины маленькие.

– И все? – В голосе Хаггара слышалось явное разочарование.

– Ну да.

Арандамарец вздохнул и отвернулся от купца, потеряв всякий интерес к разговору.

– Это прекрасная страна, – раздался вдруг мягкий голос. Хаггар от неожиданности чуть не подпрыгнул в седле. Опять наваждение! А жена купца, подъехав к нему поближе, продолжала:

– И люди там добрые и приветливые. Я и в столице была. Княжеский дворец видела. И никто нас за это из Раэнора не выгнал. – В голосе женщины слышалась явная насмешка.

– Мы вынуждены быть бдительными из-за этих проклятых войн. К тому же правитель нездоров. В такое время посторонним нечего делать за стенами дворца. Вот настанет мир, тогда и мы откроем наши ворота, – возразил ей Хаггар.

– Хорошо бы. А что тебе до Раэнора?

И Хаггар решился. Он развязно улыбнулся и протянул:

– Да люди болтают, что уж больно чудная страна. То ли царица у них там правит, то ли королева, шут их разберет, якобы уж такая красавица!

Айвэ рассмеялась. (Ах, этот смех!) А лицо – под вуалью.

– Вот ты о чем! Да, верно говорят. Надо же, куда только слухи не доходят! Только вот беда, королева при всей своей красоте уж больно горда и спесива.

При этих словах жены купец, что ехал молча и слушал их разговор, разразился смехом:

– Ну, Айвэ! Вот бы она тебя услышала!

– Так, может, ты ее видела? – допытывался Хаггар.

– А как же. Вот как тебя. Она на праздник какой-то ехала, разнаряженная и золотом увешанная с головы до ног.

Айвэ, разводя ручками, принялась расписывать королеву. Хаггар же, не слыша слов, следил за ее движениями, а потом властно взглянул в глаза. Ах, эта вуаль, демоново наваждение. Протянуть бы руку и сорвать, да как? Скажут еще, что обесчестил купцову жену! И ведь знал он наверняка, что глупо даже мечтать, что уж слишком это невероятно, а с сердцем ничего поделать не мог. Долгие месяцы разлуки, бессонные ночи, тоска, думы одна другой мрачнее – все это навалилось на него в один миг и терзало, пока он смотрел в темные, лукавые глаза бэлистанки.

Но тут послышался приближающийся стук копыт. Стражники возвращались. Наваждение отпустило его.

– Капитан, дорога безопасна, – подъехав к Хаггару, доложил один из солдат. – Пусть себе едут до Окружной стены. Там на берегу гостиницы есть, переночуют. Нам пора в город возвращаться. Стражу у стены мы предупредили, так что там

уже ждут гостей.

Да, все верно. Он поговорил с людьми, которые еще совсем недавно видели княгиню Чего же ему еще?!

– Ну, что ж, – обернулся он к купцу. – Прощай, Тасмари. Вряд ли еще когда-нибудь увидимся. Счастливо добраться до дома. Береги жену.

– И тебе счастливо, Капитан. А вот что до того, увидимся ли... Мир не так велик, жизнь длинна, как знать. Прощай, спасибо тебе.

– И ты, красавица, прощай. Да впредь будь благоразумней. Мужа люби, как он тебя любит.

Айвэ хихикнула, дерзко взглянув на него, и выпалила:

– А ты, Капитан, будь посмелей, тогда, может, и счастлив будешь. Слыхала я, что красотка раэнорская одна-одинешенька живет. Да и ты вот тоже один. Чем не пара! Взял да и женился бы!

Хаггар, не зная, что ответить на такое нахальство, только рукой махнул и поворотил коня догонять своих. Бэлистанцы тоже поехали было дальше, когда Айвэ услышала:

– А вот и женюсь.

И повернувшись, со смехом крикнула:

– Да услышат тебя небеса!

Вуаль, потревоженная легким ночным ветерком, всколыхнулась, открывая безупречной красоты лицо. Но женщина тут же отвернулась и послала коня вскачь, а следом за ней поскакал по ведущей к пристани дороге Тасмари. Вскоре их

фигуры растворились во тьме, и Хаггар так и не смог ответить себе, пригрезилось ему или и впрямь видел он свою возлюбленную, княгиню Элен.

На следующий вечер караван незадачливых бэлистанцев выехал из Главных ворот. Они устроились под самой городской стеной, поставив в ряд свои разноцветные шелковые палатки. Каждое утро проходили они теперь в город, неся товары на своих плечах, под хохот и шутки зевак. Однако насмешки нисколько не задевали иноземцев. Похоже, что они вовсе не были огорчены. Без тени сожаления отсчитывая стражникам монеты, бэлистанцы веселой толпой шли по утрам на рынок, а возвращаясь вечером, разводили костры и готовили еду. Пряные запахи, смех, песни были слышны в близлежащих хуторках, и частенько радушные караванщики принимали у себя гостей – любопытную молодежь, жаждавшую рассказов о дальних землях. Да и стражники были не прочь посидеть у костра и поболтать о том о сем. Однако, несмотря на свое расположение к опальным купцам, каждое утро при входе они внимательно всматривались в лица бэлистанцев, опасаясь, что хитрый Тасмари может вернуться к своим, нарушив решение суда. Но Тасмари не появлялся. Еще один чужеземец занимал внимание стражи – богато одетый юноша. Он не был купцом, не прикасался к тюкам с товарами, не кашеварил у общего котла. Но каждое утро он шествовал во главе бэлистанцев в сопровождении трех покорных рабов, которые по очереди носили за ним сундучок.

Стражники, конечно же, проверили его содержимое и нашли блестящие иглы, щипчики, пилки, мешочки с травами, пузырьки и порошки. Они заподозрили было неладное, но караванщики вступились за земляка и объяснили, что юнец – весьма искусный лекарь. Арандамарцы решили проверить, так ли это, и вечером привели в лагерь купцов человека с чудовищно раздутой щекой.

– Ну, лекарь, покажи, на что способен, – подступили они к бэлистанцу. Тот невозмутимо поклонился, взял за руку упирающегося пациента и повел в свою палатку. Рабы преградили дорогу сунувшимся было вслед стражникам. Те уселись ждать у костра, переглядываясь и неуверенно улыбаясь. Когда же из палатки донесся сдавленный вопль, перешедший в хрип, арандамарцы поспешили на помощь страдальцу.

Ворвавшись в палатку, они застыли, оторопело глядя на счастливо улыбающегося приятеля.

– Во, глядите! – восторженно завопил он, показывая им огромный, черный от гнили зуб.

Все облегченно вздохнули.

– Дурак! Чего орал – то? – спросил один из стражников.

– Дак страшно! Щипцы-то у него во какие! – недавний больной широко развел руки. Юноша сдержанно улыбнулся. С этого дня, встречая врачевателя, стражники почтительно ему кланялись.

Лекарские палаты были битком набиты пациентами. Буд-

то весь Вальбард во главе со своим правителем решил поправить свое здоровье. Но у обычных людей и болезни были обычные. Врачи справлялись с ними без особого труда, а вот правитель... Страшно было видеть, как сильный, властный человек под действием неведомого недуга превращался в безвольного, безразличного ко всему старца. Приступы тоски случались с ним и раньше. Причиной тому все считали странную смерть его жены Фальмариль. Но никогда еще болезнь не была столь сильна. К тому же никто из придворных лекарей не знал, как лечатся подобные недуги. Изгнать боль из груди и желудка, вылечить зубы, помочь оправиться от ран – это пожалуйста. Но как лечить от тоски? К тому же правитель, считавший всех вместе взятых лекарей шарлатанами, и видеть никого из них не хотел. Так и лежал он один в королевском покое. Лишь сыновья осмеливались время от времени нарушать его уединение.

Старший лекарь Корн только что вернулся в лекарские палаты. Несколько часов он принимал роды у жены начальника дворцовой стражи и теперь сидел, вытянув ноги и прислонившись к стене затекшими лопатками. Он совсем расслабился и даже задремал. Но лекарь недолго наслаждался покоем. В коридоре появился запыхавшийся служка и еще издали закричал:

– Господин Корн, я все узнал!

Лекарь, стряхивая усталость, встрепенулся:

– Ну и как?

– Все верно, слухи-то не обманули! Он и впрямь чародей!

– Неужто?

– Его палатка на рыночной площади. Сегодня там просто не протолкнуться! И так – каждый день. Я сам его не видел, а вот с людьми, которые у него побывали, говорил.

Служка на миг остановился, чтобы перевести дыхание, и снова затараторил:

– Там девчонку приводили, у нее короста все тело съела. После лечения короста отваливаться стала! Глядишь, скоро и вовсе сойдет.

Корн лишь усмехнулся. Служка разгорячился еще больше:

– Истинная правда! Язвы и раны залечивает, боль унимает и даже, поговаривают, помешательство исцелить может.

Тут уж Корн не выдержал. Он поднялся и раздраженно бросил:

– Прекрати. Мне, Старшему лекарю, базарные сплетни выслушивать не годится.

– Да ведь я сам видел! Вспомни, господин мой, бешеного Гура! Ты его еще от лихорадки лечил. Помнишь, что он вытворял? Ведь в последнее время до того дошло, что и выпускать его из подвала не решались!

– Ну и что? – пробурчал Корн.

– А то! Сидит около материной лавки, семечки щелкает, тихонечко бубнит что-то и улыбается. Мозги ему, конечно, в голову не вложишь. Но от бешенства и угрюмости его из-

лечили.

Корн удивленно воззрился на служку. Язвы и раны и здесь, в лечебнице Вальбарда, исцеляли. Но вот с душевными болезнями справляться? И Корн решился.

– Сейчас я напишу записку, а ты отнесешь ее этому всемогущему лекарю.

Он быстро прошел в свою комнату, оставив служку ждать у дверей, а через пару минут вернулся с аккуратно сложенным листком бумаги.

– Вот, держи. А на словах передай, что ответить нужно тотчас же. И принесешь мне его ответ немедленно, как только получишь его. Понятно?

– Да, уважаемый Корн. – Служка бережно спрятал письмо в поясную сумку и поспешил исполнять поручение.

Поздно вечером служка вернулся и доложил:

– Все сделал, как было велено. Иноземец записку прочел.

– И где ответ?

– Не стал он писать ничего. На словах просил передать, что польщен и обрадован твоим вниманием и придет сразу же, как только позволят это нужды его больных. Вот.

Служка с облегчением вздохнул. Кажется, ничего не забыл.

– Что ж, неплохо. – Корн был удовлетворен ответом. Если незнакомец не бросил страдальцев, которых взялся лечить, и не помчался к Старшему лекарю столицы, соблазняясь высокой честью и немалой наградой, значит, он чего-то

да стоил. И лекарь принялся ждать.

Прошло несколько дней. Корн забыл о незнакомце. Весь в заботах, он и себя-то не помнил, забывая о еде и сне. Но сейчас лекарь сидел в своей каморке и жадно хлебал горячий суп под монотонное причитание супруги.

– Совсем рехнулся с работой! Если бы я не пришла, ты бы, старый дурень, опять не евши весь день пробегал! Погляди на себя!

– Ладно тебе, Ирма! Не ворчи! Дел много.

– Много? А когда их у тебя мало было? Всю жизнь я промаялась одна, это при живом-то муже! Дети без отца выросли. Хорошо, брат мой мальчика нашего в люди вывел, пристроил по судебному делу. Отцу-то заботы нет.

– Ого! Загнал парня бумажки ворошить. Лучше бы он при мне ума набирался! – возмутился Корн.

– Молчи и ешь! Давай-ка сюда миску, курицу положу. И ты еще хотел, чтобы я родное дитя на такие муки толкнула? Ты вот скажи мне: не забыл, что у дочери твоей скоро свадьба?

– Ой, забыл! – спохватился лекарь.

– Вот! Какой ты отец?

– Плохой, Ирма. Зато ты мать великолепная. Не сердись, старушка. Ты же знаешь.....

– Знаю, знаю. Ешь лучше. А то опять кого-нибудь принесет.

Она как в воду глядела. Через несколько минут в дверь

постучали, и в комнату влетел его помощник.

– Корн, скорее! – взволнованно затормошил он лекаря. – У нас посетитель!

– Эка невидаль! – возмущенно фыркнула Ирма. – Зачем человека беспокоишь?

Не обращая на нее внимания, помощник настаивал:

– Он говорит, что ты за ним посылал!

Тут Корна осенило. Чудо-исцелитель!

– Пойдем, – скомандовал он помощнику.

– А обед? – спохватилась Ирма.

– Потом. Меня не жди, приду поздно.

Выскочив из комнаты, он быстро зашагал вслед за провозжатым. Интересно, каков из себя чужеземец? Наверное, холеный старик, степенный и неторопливый. Не то, что он, Корн, отошавший, судорожно зевающий от вечного недосыпания. И за что только Ирма все еще любит его?

В приемной, как всегда, былолюдно, но Корн сразу же увидел незнакомца, о котором говорил помощник. Вместо благообразного старца в зале стоял окруженный любопытной толпой невысокий худощавый юноша. Ошеломленный лекарь растерялся. Зачем пожаловал сюда этот красавец? Совсем еще мальчик, видимо. Корн невольно залюбовался гостем, тонкими чертами его лица, нежным румянцем щек, длинными ресницами... “Наверное, внук лекаря, – подумал он. – Да, не бедствует его семейство”. И правда, наряд юноши был роскошен. Драгоценные камни сияли на его чалме.

Лекарь, пробившись сквозь глазевшую на пришельца толпу, подошел к молодому человеку, спокойно разглядывавшему больных, и учтиво спросил:

– Что привело столь блестящего юношу в нашу юдоль скорби?

Тот, приветливо улыбнувшись и поклонившись, ответил:

– Я бы хотел поговорить со Старшим лекарем. Это возможно?

Корн кивнул, знаком пригласив следовать за собой. Юноша повиновался. Очувившись в своей комнате, лекарь повернулся к спутнику, чтобы спросить, отчего его искусный родич не пришел сам, но так и замер, открыв рот. На груди пришельца на толстой золотой цепи висел, поблескивая, массивный золотой диск с темно-зеленым нефритом в центре.

– О небеса! – только и сумел прошептать Корн. Юноша, сочувственно взглянув на него, улыбнулся.

– Но я ждал почтенного, опытного мужа, а не мальчика! – простонал лекарь.

В ответ пришелец звонко рассмеялся:

– Многие совершали эту ошибку, уважаемый, не смущайся! Но ты ведь знаешь – подобные вещи на базаре не купишь.

– Ты прав, юноша, но... Я не верю в удачу! Неужели разнорский лекарь? Откуда ты здесь, как твое имя?

– Меня звать Хадинг. Но родом я не из Разнора. Я бэлистанец, в Разноре учился врачеванию и, видишь, преуспел.

Ты не совсем доверяешь моим словам. Я привык. Ты, почтеннейший, прямо сейчас можешь проверить их истинность. Пойдем к больным?

– Ай да мальчишка! – воскликнул Корн, оправившись от потрясения. – Ну, что ж, пойдем.

С этого дня Хадинг поселился в лекарских палатах. Первое время Корн и другие лекари с недоверием относились к тому, как он врачует. Но увидев, как внимательно он выслушивает даже самых отъявленных зануд, как бережно обследует тяжелобольных, строго и властно успокаивает подозрительных, как мягок он со страдающими женщинами и ласков с детьми, арандамарцы успокоились и приняли его в свою семью.

Хадинг и впрямь с головой погрузился в повседневную жизнь больницы. Каждое утро он обходил своих пациентов, перевязывал раны, готовил снадобья, даже на кухню заходил, не гнушаясь проверять, не слишком ли много соли и жира добавляется к еде для больных. Он подарил поварам множество рецептов, среди которых и поныне известный бальзам из аниса и мяты и морсы из лесных листьев и ягод. В палаты с умирающими, куда лекари заглядывали нечасто, он входил с неизменной ласковой улыбкой, шутил с сиделками, подбадривал, рассказывал новости, укорял малодушных. После его ухода несчастным казалось, что в их беспросветную, заполненную лишь тоскливым ожиданием смерти жизнь вернулась надежда. Бэлистанец лишь несколько раз уходил из

больницы в город. И каждый раз, когда он выходил из ворот, три мрачных человека встречали его с глубокими поклонами.

Однажды поздним вечером, когда Хадинг уже собирался к себе в покои, к нему подошел Корн.

– Прости, друг, что пристаю с разговором. Ты, вижу, с ног валишься.

– О, почтеннейший, не изволь беспокоиться. Я вовсе не устал, – слабо улыбнувшись, ответил юноша. Лицо его было очень бледным, но глаза смотрели ясно и спокойно. – О чем ты хотел поговорить?

– Давай я провожу тебя, а по дороге расскажу, в чем дело.

Они медленно шли по темным, затихшим коридорам больницы. Корн почти шепотом заговорил:

– У меня есть друг. Хороший, сильный человек. Но недавно он захворал. Недуг его не телесный, а душевный. Ему, видишь ли, расхотелось жить. Лежит, не встает, не ест, не разговаривает. Приступы такие случались с ним и раньше, но они проходили быстро, так же внезапно, как и начинались. Однако на этот раз все гораздо хуже. Я даже опасуюсь за его жизнь!

Хадинг, опустив голову и спрятав руки в широкие рукава рубахи, внимательно слушал. Когда лекарь замолчал, он поднял голову и спросил:

– Уважаемый, почему ты уверен, что состояние твоего друга не является следствием телесных страданий?

Корн пожал плечами.

– Мы его осматривали. Ты же видел, с насморком и бородавками мы справляемся. Телом мой друг здоров. Причина в другом!

– Не горячись, почтенный Корн. Если я, ничтожный, правильно тебя понял, ты хочешь, чтобы я осмотрел больного и назначил лечение.

– Не совсем. От недуга у него помутился разум. И он наотрез отказывается от врачей. Не мог бы ты определить, в чем дело, по описанным мной признакам?

Хадинг протестующе поднял руку, но Корн не дал ему заговорить:

– Это не принято, я знаю. Но мне известно, как ты сведущ в душевных хворях! Не отказывай, помоги! – лекарь с мольбой взглянул на бэлистанца. Юноша, явно расстроенный его просьбой, некоторое время шел молча. Наконец он глубоко вздохнул и произнес:

– Хорошо. Я попытаюсь. Но ты, почтенный, должен будешь точно ответить на все мои вопросы, какими бы нелепыми они тебе ни показались. Пусть даже самая незначительная, как ты можешь подумать, ошибка может обернуться для твоего друга бедой.

Корн благодарно поклонился.

– Я понял. Задавай свои вопросы.

– Скажи, каков возраст твоего друга, а также его рост, телесное сложение, склад ума и характер? Его ремесло, люби-

мые занятия? Женат ли он, и есть ли у него дети? Женолюбив или верен своей супруге? Во что он верит и чего боится? Каковы его мечты? Хороши ли его волосы и какого они цвета? Каков нос? А глаза? Нет ли пятен у зрачков, а если есть, где именно? Каковы его руки? Опиши мне каждый палец, каждый ноготь. Что можно прочесть по линиям ладоней? Каков его запах? Впалая ли у него грудь? Выдаются ли ребра? Острые ли колени? А ноги не кривые? Есть ли трещины на подошвах и где именно?

С каждым вопросом Корн становился все угрюмее. Наконец, не выдержав, он прервал Хадинга:

– Остановись. Увы, я не знаю ответов и на половину твоих вопросов.

– Уважаемый, ты прекрасный врач. Мало есть на свете лекарей, что могут сравниться с тобой. Твои руки способны творить чудеса. Я, ничтожный, горжусь тем, что ты позволил мне приблизиться к тебе. И как же мне больно и стыдно теперь, когда ты, почтенный, просил меня о помощи, а я, словно неблагодарный пес, отказываю. Но я вынужден это сделать! Ты и сам не простишь бы меня, если бы из-за ошибки твой друг пострадал, принимая назначенное мной лечение.

– Ты прав, дружище, – пробормотал Корн. – Я сглупил. Забудь.

Они дошли до лестницы, связывающей этажи лечебницы. Тускло горящие фонари едва освещали площадку. Хадинг жил на последнем, третьем, этаже больницы, а Корн – в ма-

леньком доме недалеко от палат. Перед тем как ступить на погруженную во мрак лестницу, он, потеряв лоб рукой, проворчал:

– Спасибо за разговор. До завтра. И не вздумай браться за книги! А то служители доложили мне, что свет в твоём окне горит до рассвета. Побереги себя, Хадинг. Посмотри, ты бледен, как смерть! А синие круги под глазами!

– Мой уважаемый господин слишком добр ко мне, – кланяясь, мягко произнес юноша. – Я прислушаюсь к твоим советам. До завтра.

Он повернулся и, легко взбежав по ступеням, исчез в темноте.

Хэльмир, младший сын правителя, выполнил все поручения Совета старейшин только к вечеру. Уже стемнело, когда, наскоро перекусив, он отправился в лекарские палаты, чтобы повидать отца. Но сначала он хотел поговорить со старшим лекарем Корном. Дойдя до его комнаты, он нашел дверь закрытой. Дежуривший в коридоре служка сказал ему, что Корн и лекарь-иноземец только что ушли, и если он поторопится, то сможет их догнать. Хэльмир бросился бежать по полутемному коридору и, свернув в длинную галерею, только в начале освещенную фонарем, увидел лекаря. Юноша сразу узнал его худую, сутуловатую фигуру. Рядом с лекарем шел маленький незнакомец, едва доходивший Корну до плеча. Даже в потемках его одежда переливалась, сверкая золо-

тым шитьем. Султанчик на белоснежной чалме подрагивал в такт шагам. Оба, и лекарь, и незнакомец, шли медленно, явно не торопясь расстаться, и о чем-то увлеченно беседовали, поглощенные друг другом настолько, что не слышали топотливых шагов Хэльмира. Юноша, уважавший Корна, решил не мешать их беседе и шел за ними, держась немного поодаль до тех пор, пока его чуткое ухо не уловило обрывки их разговора. Речь шла о душевных болезнях. Это было интересно. Вдруг он услышит хоть что-то, что могло бы помочь его отцу! И, неслышно ступая по истертому каменному полу, юноша подкрался поближе. Теперь он слышал все совершенно отчетливо. Глуховатый, охрипший голос Корна и мягкий, высокий говорок иноземца долетали до него, усиленные отражавшимся от полукруглых сводов потолка эхом. Так он проводил врачей до лестницы, подождал, пока они попрощались и гость поднялся к себе, и окликнул Корна:

– Здравствуй, лекарь! Прости, я понимаю, что явился поздно, но уверяю тебя.....

– Ты к отцу идешь? – перебил его Корн и улыбнулся. Ему нравился добрый, открытый юноша.

– Да. – Хэльмир тоже в ответ улыбнулся. – Только хотел сначала с тобой поговорить. Но, увы, опоздал.

– Ничего. Что ты хотел узнать?

– Как он?

– Все так же. – Корн тяжело вздохнул и нахмурился. – Никого к себе не впускает, слышать о нас не хочет, от еды и ле-

карств отказывается. Если в ближайшие дни не произойдет перемены, плохи его дела, Хэльмир.

С лица юноши исчезла улыбка. Он испуганно смотрел на лекаря, в растерянности не зная, что сказать. Корну стало жаль его.

– А где твой брат? Что-то давно его не видел. Дел много?

– Что? – переспросил Тэльмир. – А, брат. Его нет в столице. Верно, у него много дел.

– Жаль. Уж он-то растормошил бы правителя. Скоро он вернется?

– Не знаю. Неужели ничего нельзя сделать, Корн?

Лекарь руками развел. Но потом, вспомнив о чем-то, встрепенулся:

– Можно было бы попробовать. Терять-то нечего.

Хэльмир в волнении схватил Корна за руку.

– Ну же, говори!

– Ты видел юношу, с которым я только что разговаривал?

– Да, да. Я, кажется, даже знаю, кто он. Слуги во дворце только и говорят о каком-то невероятном пришельце из восточных стран. И ты считаешь, что этот человек может помочь?

– Надо попытаться. Но ты же знаешь правителя! Эх, не вовремя Хаггар уехал.

Хэльмир решительно тряхнул головой:

– Я попробую поговорить с отцом. Корн, мы не должны сидеть сложа руки и ждать, зная, что в это время отец теряет

последние силы!

Лекарь невесело кивнул:

– Ты прав, мальчик. Но ты помнишь, что было с предыдущим врачом? Мы тогда беднягу едва от плетей спасли. Хадинг не этого достоин. К тому же правитель не согласится.

– Посмотрим. Я пойду к отцу и буду умолять его уступить нам. Пусть гневается. Лишь бы допустил лекаря. А друга твоего я в обиду не дам.

– Ну что ж, попробуй, – устало пробормотал Корн. – И да хранят тебя небеса.

Хэльмир помчался в покои отца.

Несмотря на поздний час, Номанатуру не спалось. Бессонница была частой гостьей правителя. Обычно он не тяготился ею – по ночам лучше работалось. Правда, для его секретарей такие периоды были сущим наказанием. Но сейчас, во время болезни, длинные ночи пугали правителя. Откинувшись на подушки, он лежал в постели, не решаясь погасить светильник, и с тоской смотрел в узкое, решетчатое окно, ожидая, когда начнет светлеть небо. С приходом утра, особенно если оно обещало превратиться в погожий, солнечный день, Номанатуру становилось легче. Болезнь как будто отступала, сознание прояснялось, мысли переставали путаться, исчезал мутный туман, окутывавший его так плотно, что порой Номанатур забывал, кто он, отчего лежит один в этой темной, мрачной комнате. Но с наступлением но-

чи мучение возобновлялось. Беспричинный, необъяснимый страх душил правителя, делая невыносимой каждую минуту. Встать бы, стряхнуть липкую паутину кошмара. Но слабость не давала Номанатуру шевельнуться. Он застонал от унижения и закрыл глаза.

Из забытья его вывел громкий, настойчивый стук. Открыв глаза, правитель сначала взглянул в чернеющий оконный проем, а потом уже повернул голову к двери. На пороге комнаты стоял высокий юноша.

– Хэльмир, – прошептал правитель, узнав младшего сына.

– Добрый вечер, отец! – Юноша прикрыл дверь и быстро прошел к ложу, с нежной тревогой взглядываясь в лицо Номанатура. – Как ты себя чувствуешь?

Больной молчал. Хэльмир поставил стул поближе к ложу и сел. Недовольно поморщившись, правитель покосился на сына.

– Зачем ты пришел? Почему оставил дела?

Стараясь не обращать внимания на неласковый прием, тот спокойно ответил:

– Сегодня я уже сделал все, что поручили мне старейшины. А пришел, чтобы попросить тебя о милости, отец.

– Что тебе нужно? – удивился Номанатур. Обычно Хэльмир к нему с просьбами не обращался.

– Пожалуйста, выслушай! Я узнал от Корна.....

– Значит, тебя костоправы прислали! – гневно воскликнул Номанатур, пытаясь сесть, но не смог. Хэльмир поспешил

отцу на выручку, усадив его поудобнее на широком ложе и поправив подушки.

– Никто меня не посылал. Честно говоря, наши лекари обиделись бы, если бы узнали, о чем я хочу с тобой говорить.

– Неужели? – язвительно усмехнулся правитель.

– Да. Прошу, прими одного иноземца. Он прибыл к нам издалека.

– Да? – Номанатур хмыкнул. – И кто же он, этот путешественник?

– Ученый и лекарь.

– Опять?

– Отец! – Хэльмир умоляюще взглянул на него.

– Откуда он?

– Толком не узнал. Откуда-то с востока, из-за Реки.

Услышав это, Номанатур насторожился:

– Ты его видел?

– Да. Но поговорить с ним мне так и не удалось. Представляешь, отец, – оживился Хэльмир, ободренный неожиданным интересом правителя к чужеземцу, – он совсем еще молод! Но мастер просто удивительный! Если бы ты знал, как почитают его в лекарьских палатах! Каждое его слово ловят с благоговением.

– Лекарь с востока – мальчишка? – в задумчивости проворкотал Номанатур.

– Но это ничего не значит! – с отчаянием воскликнул Хэльмир. – Отец, не отказывайся, умоляю, ведь внешность

обманчива! Хотя бы взгляни на него!

Номанатур не ответил. Он снова закрыл глаза, откинулся на подушки и погрузился в размышления. Хэльмир сидел, не двигаясь, боясь его потревожить. В тягостном, ничем не нарушаемом безмолвии шли минуты. От усталости глаза юноши слипались, неудержимо тянуло в сон. Вдруг он почувствовал на себе пронзительный взгляд правителя и очнулся.

– О, прости, отец, я, кажется, задремал. Что ты мне ответишь?

– Я согласен встретиться с иноземцем. Ты сам приведешь его сюда. Никому не говори ни слова.

Хэльмир в радостном возбуждении вскочил:

– Отец, спасибо! Все сделаю так, как ты хочешь.

Номанатур раздраженно перебил его:

– Ты еще не ушел? Поторопись.

Поклонившись отцу, Хэльмир выбежал из комнаты. Правитель проводил его взглядом, и когда за юношей закрылась дверь, на его лице появилась торжествующая улыбка.

Вне себя от радости выскочив из покоев отца, Хэльмир помчался к лестнице, прыгая через две ступеньки, взлетел на третий этаж и в растерянности остановился. Он совсем забыл, ведь уже ночь! В больнице спали все, кроме дежурных служителей. И иноземец, несомненно, тоже уснул. К тому же Хэльмир не знал, где находится его комната. Но если ждать утра, отец может передумать. И юноша решился. Оглянув-

шись, он направился к дремлющему на узкой скамье служителю. Услышав шаги, тот вскочил и, узнав сына правителя, склонил голову.

– Это ты, господин Хэльмир! Час-то поздний, зачем ты здесь? Ищешь кого?

– Да, ищу. Не поможешь ли? Где живет лекарь-чужеземец? Корн сказал мне, что на третьем этаже, но где именно?

– А, господин Хадинг! Вот, четвертая дверь по коридору налево. И не бойся, стучи. Господин лекарь ложится поздно. Вот добрый человек! Иной раз выйдет в коридор, побеседует с нами.

– Вот как? – Хэльмир уже шел к двери. – Спасибо за помощь.

– Да какая помощь, господин Хэльмир!

Юноша подошел к указанной служителем двери и несмело постучал. Высокий голос произнес:

– Войдите, открыто.

Хэльмир толкнул скрипнувшую створку и вошел в комнату. В голову ему ударил густой, пряный дым из повешенной над дверью курильницы. За массивным столом, спиной к юноше, сидел человек в темном атласном халате. Оплывшие свечи в железных плошках освещали лишь часть стола с лежащей на ней толстой книгой, которую хозяин увлеченно читал. Когда Хэльмир вошел, лекарь отложил чтение, встал и шагнул навстречу гостю. Наконец-то юноша смог разглядеть незнакомца! Действительно маленького, изящного, за-

кутанного в широкий халат, в нелепой чалме, его можно было принять за изнеженного, болезненного отрока. Но, всмотревшись в его лицо, Тэльмир с удивлением понял, что перед ним далеко не мальчишка. Глаза лекаря смотрели твердо и строго. В его взгляде была такая спокойная сила, что Хэльмир отступил на шаг и в смятении склонил голову. Но, вспомнив о деле, вновь взглянул на иноземца.

– Я знаю, что ты сердисься на мой приход, лекарь, – решительно начал он. – Но медлить нельзя. Мой отец болен, очень болен. И ты, я думаю, можешь ему помочь.

Высокий, певучий голос перебил его:

– Постой, уважаемый незнакомец. Позволь мне узнать твое имя, прежде чем ты начнешь рассказ о своих печалях.

Смутившись, юноша пробормотал:

– Хэльмир.

– А меня добрые люди зовут Хадингом. Вот мы и познакомились. Но ты, благородный юноша, говорил о своем больном отце. Это очень печально. Однако отчего ты и твои родичи не хотите обратиться к лекарям столицы? Они весьма искусны в своем ремесле, уверяю тебя! А если и они не устраивают вас, почему вам не попросить о помощи Старшего лекаря? Он – звезда среди целителей! Я же, ничтожный, недостоин даже корпию для него щипать.

– Ты, видно, не понял! – Тэльмир вновь взглянул в лицо лекаря. – Это Корн рассказал мне о тебе.

– Подожди, о благородный юноша! – Вскричал Хадинг. –

А уважаемый отец твой – не друг ли Старшего лекаря, о котором он говорил мне только сегодня вечером? Он не доверяет врачевателям, отказывается от пищи, оттого что разум его омрачен тяжкими страданиями?

– Друг Корна? – Хэльмир удивился. – Нет, лекарь. Мой отец действительно не верит врачам, ничего не ест и снедаем неизвестным недугом. Но он не друг Корна, а его господин. Мой отец – Номанатур, правитель Арандамара. И он хочет, чтобы ты ему помог. Для этого я и пришел сюда в столь позднее время.

Легкая тень на миг омрачила лицо иноземца, но через миг он спокойно кивнул:

– Хорошо. Идем, юноша.

Накинув плащ и задув свечи, Хадинг вышел из комнаты вслед за Хэльмиром, запер дверь, и оба быстро зашагали к покоям правителя.

Когда Хэльмир, постучав, вновь вошел в королевский покой, Номанатур все так же лежал, откинувшись на подушки, и потухшим взглядом смотрел в окно. Холодное сияние луны зеленоватым отсветом ложилось на его лицо. Даже не повернув головы, чтобы взглянуть, кто нарушил его уединение, правитель спросил:

– Ты привел его?

Юноша поспешно ответил:

– Да, отец. Но я вижу, тебе совсем плохо! Не позвать ли и Корна? Еще час назад, когда я оставил тебя.....

Не слушая, о чем говорит сын, Номанатур с тоской прошептал:

– Эта ночь никогда не кончится. – Но потом, будто спохватившись, произнес громко и отчетливо: – Веди иноземца сюда и оставь нас одних.

Хадинг с поклоном вошел в королевский покой. Тусклый фонарь над дверью выхватывал из душной темноты очертания массивного, как надгробный постамент, ложа. В вязкой тишине слышалось хриплое, с присвистом дыхание больного. Помедлив, не дождавшись приглашения, лекарь прошел к кровати и с тревожным любопытством склонился над застывшим без движения правителем. Его лицо, обрамленное густыми, почти совсем седыми волосами, было испещрено глубокими морщинами. Хадинг заметил, как чуть заметно дергается уголок сурово сжатого рта, и, достав платок, осторожно вытер испарину со лба больного.

– Я пришел. – чуть слышно прошептал он, склонившись к самому уху Номанатура. Прошло несколько секунд, прежде чем тот открыл глаза. Его взгляд неприятно поразил Хадинга – так колюч и полон подозрения он был. Внимательно оглядев застывшего в почтительном поклоне лекаря, Номанатур, наконец, произнес:

– Значит, Хадинг. Ну, что ж ты стоишь? Садись, поговорим.

Лекарь последовал приглашению и сел, придвинув единственный стул к самому изголовью. Он был совершенно бес-

страстен и не собирался первым начинать разговор. Правитель же, наоборот, с каждой минутой становился все взволнованнее. Наконец, не дождавшись от пришельца ни слова, он первый заговорил:

– А ты не торопишься. Думаешь, тебе некуда спешить? Напрасно. Скоро, очень скоро начнется то, чего мы все так боимся. А ведь вы к этому еще совсем не готовы!

– Неужели тебя это волнует, правитель? – спокойно спросил Хадинг.

– Так же, как и тебя. Иначе зачем бы тебе появляться в Вальбарде? Ведь не заботишься же ты и впрямь о моем здоровье! – Номанатур хрипло рассмеялся.

– Как знать, может, именно оно и дорого для меня в этот час, – возразил юноша, с тревогой наблюдавший за все возраставшим лихорадочным возбуждением правителя. – Но в остальном ты прав. Да, скоро наступят большие перемены и будут они бедой как для меня, так и для тебя! Не оттого ли ты занемог? – Замолкнув на минуту и не дождавшись ответа, Хадинг продолжил: – У нас нет времени. Ты и я потеряем все в грядущей войне, кто бы ни победил – Запад или Восток. Я – потому, что стою на пути больших армий, ты – потому, что стоишь на пути больших людей. Не лучше ли нам объединиться, коли будущее наше так похоже? И не лучше ли сделать это сейчас, не откладывая?

Номанатур не торопился с ответом. Лекарь заговорил снова:

– К чему таиться? Ты ведь уже все решил.

Правитель язвительно хмыкнул:

– Сколь прытки эти выскочки с Востока! Да, я могу дать тебе многое, а вот ты, что ты можешь мне предложить? Свою страну величиной с наперсток?

– Корону Хьорланда для твоих потомков. Или этого для тебя мало? – В голосе прищельца послышалось раздражение.

– Ты, стало быть, соглашаешься разделить со мной власть? – Номанатур попытался привстать с ложа, впившись лихорадочно блестящими глазами в лицо Хадинга.

– С одним из твоих сыновей.

– И когда это произойдет?

– Как только ты отдашь мне то, за чем я приехал.

Номанатур недовольно поморщился:

– Как стремительна твоя атака! Дай мне время подумать....

– Нет. Это время ушло. И помни, что всегда найдутся охотники ответить “да” на мое предложение.

Ни слова не говоря, правитель откинулся на подушки и закрыл глаза. Тишина снова воцарилась в комнате. Номанатур давно знал, что ответит на заданный Хадингом вопрос. Решил все задолго до того, как лекарь появился в Вальбарде. Он не боялся и не колебался. Да и чего было бояться ему, стареющему лорду, последнему правителю Арандамара! Власть и гордость – все, чем он владел, чем дорожил больше жизни своей и своих сыновей. Теперь над властью

его нависла угроза, но он, Номанатур, пойдет на все, чтобы сохранить ее, даже на союз с Востоком. Помедлив еще секунду, правитель открыл глаза и отчетливо произнес:

– Ты прав. Я согласен.

Бесстрастное доселе лицо Хадинга осветила усталая улыбка.

– Рад, что ты решился. Признаюсь, я опасался, что ты окажешься таким же упрямым, как твой сын.

Правитель усмехнулся и проворчал:

– Хаггар еще молод. В его годы я тоже не отличался особой покладистостью. Однако, – он снова стал серьезен, – ведь ты предпочел бы не встречаться с ним?

– Да. Я полагаю, что так будет лучше, – кивнул Хадинг.

– Разумно. Я отправил сына в Южный гарнизон. Пошлю туда гонца. Пусть Хаггар наведается на побережье. Мои люди давненько там не были. Думаю, он будет рад поручению. Мальчишка и так засиделся в городе. Но и ты должен быть осторожен. Если не хочешь, чтоб о тебе говорили, постарайся не попадаться на глаза дворцовой челяди. Хотя, думаю, сейчас уже поздно. Корн и его компания давно перебивают тебе кости.

– Это не страшно. Ведь для всех я твой врачеватель, и довольно удачливый. Уверен, что к завтрашнему вечеру поданные вновь увидят своего правителя если не совсем здоровым, то деятельным. Мое присутствие здесь вполне оправдано.

– Согласен. На правах врача ты сможешь приходить ко мне, как только это понадобится. Я отведу тебе покои рядом со своими...

Но Хадинг покачал головой:

– Нет. Я хочу, чтобы мои комнаты находились как можно ближе к библиотеке. Там я буду проводить все свое время. Предупреди хранителей.

Нахальство гостя изумило Номанатура. Он хотел съязвить по этому поводу, но не успел. Дверь открылась, и на пороге комнаты появился Хэльмир. Ожидание совершенно его измучило. Полный мрачных предчувствий, он ожидал застать отца совершенно изнемогшим от столь долгого общения с иноземцем, но то, что он увидел, несказанно его обрадовало. Номанатур наконец-то преодолел апатию. Его лицо уже не казалось набеленной маской. Потухший взгляд оживился. Юноша, радостно улыбнувшись, прошел к ложу:

– Отец, наконец-то! Небеса услышали нас!

Но Номанатур прервал его взволнованную речь властным взмахом руки:

– Хэльмир.....

Однако и он не успел закончить свою тираду. На помощь юноше пришел лекарь. Поднявшись, он встал рядом с Хэльмиром.

– Боги не оставляют тебя, правитель. Я не имел чести видеть твоего наследника, но младший твой сын – образец сыновней любви. – Он говорил спокойным, певучим голо-

сом, но его обращенный на Номанатура взгляд был холоден и предостерегающ.

– Благородный юноша, прости мне мою смелость, но сейчас ты должен удалиться. Правителю, как ты заметил, лучше, но он все еще нездоров, и всякое присутствие его только раздражает. Завтра, я уверен, он примет тебя, как и подобает мудрому отцу. А сейчас отправляйся к себе и ложись отдыхать.

Говоря так, Хадинг выпроводил молодого человека из комнаты и закрыл за ним дверь. Обернувшись, он увидел, что Номанатур мрачно улыбается.

– Ловок, нечего сказать. Мне было известно о тебе обратное. Ну да ладно. Время к утру. Что собираешься делать?

– Переселяться. И ты мне поможешь. Вставай, правитель, у тебя нет времени на болезнь.

Хмыкнув, Номанатур последовал совету лекаря. Неожиданно легко поднявшись, он накинул шерстяной плащ, что лежал рядом с ложем, но направился не к двери, а за полог кровати. Хадинг спокойно наблюдал, как правитель скрылся за плотной темной тканью, тяжелыми складками падавшей на каменный пол. Через минуту послышался его приглушенный голос:

– Ну, и чего ты ждешь, лекарь?

Хадинг по ступеням взбежал к ложу и тоже зашел за полог. Номанатур отвернулся к стене и быстро провел рукой по выщербленной временем каменной плите. Прошло несколь-

ко секунд, и плита начала подниматься над полом, открывая узкий лаз. Правитель, нагнувшись, ступил в темноту. Хадинг последовал за ним.

Дверной проем закрылся за спиной лекаря. Тьма сразу же обступила их. Однако тут же тускло зажегся над их головами светильник, позволяя разглядеть путь на четыре-пять шагов – достаточно, чтобы видеть, куда ставишь ногу. Номанатур, не оглядываясь, быстро шел вперед. Фонари, будто следуя воле правителя, загорались перед ним и гасли, как только путники проходили под ними. Ступеней не было, но коридор поднимался вверх, Хадинг чувствовал это. Правитель, увлеченный своими мыслями, молчал, словно позабыв о спутнике. Они шли уже долго. Голова кружилась от мелькания света. Почему они пошли здесь? Зачем понадобилось правителю показывать иноземцу тайный ход? Уж не потому ли, что он замыслил отделаться от непрошенного гостя? Всякие слухи ходили о дворце Вальбарда и о его последнем господине. За все время пребывания в арандамарской столице Хадинг впервые остался один, и помощи ждать было неоткуда. От этих мыслей юноше стало не по себе. Спрятав руки в широкие рукава шелковой рубахи, он нащупал пристегнутый к предплечью кинжал. Конечно, в настоящей схватке с Номанатуром победителем ему не быть, но здесь, в тесном коридоре, где потолки мешают распрямиться, ему, невысокому и гибкому, можно надеяться на спасение.

– Не бойся, пришелец, я не замышляю подвоха! – вне-

запно промолвил правитель и остановился. Хадинг не успел опровергнуть его речь, а Номанатур продолжил:

– Согласись, скрытность нам не мешает. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что в библиотеку допущен посторонний. И тем более не хочу, чтобы этот кто-нибудь разболтал, что постороннему там нужно. Иначе как я объясню Совету Мудрых свою покладистость?

– Да уж. Я слышал, ты не больно-то гостей привечаешь.

– По гостю честь.

– А как же лечебница? Корн будет спрашивать обо мне.

– Я поговорю с Корном. Тебя больше никто не потревожит. А теперь мы пришли.

Коридор выгнулся вверх и закончился тупиком. Как и в первый раз, Номанатур мановением руки заставил каменную глыбу сдвинуться.

– Что ж, смотри. Вот она, библиотека Вальбарда!

Правитель, пропуская лекаря, посторонился. Хадинг шагнул вперед, но сначала не увидел ничего – яркий свет больно ударил в глаза. Отерев выступившие слезы, лекарь отвел руки от лица. Он стоял на балконе под самым потолком огромного квадратного зала, стены которого были разделены на пять ярусов. Хадинг чуть перегнулся за балконные перила и отшатнулся – так далеко внизу был пол. По всей высоте серых гранитных стен были вырублены просторные ниши, а в них аккуратными рядами стояли фолианты.

Пройдя вдоль всей стены, Номанатур и лекарь стали спус-

каться по лестнице, которая связывала между собой все пять ярусов. Высокие ступени мелькали под ногами. Хадинг, запыхавшись, воскликнул:

– О боги! Правитель, теперь я понимаю, почему здесь так пустынно! Не каждый отважится проделывать такой путь дважды, а то и трижды в день.

Эхо подхватило его звонкий голос и унесло под высокий свод потолка. Номанатур, не останавливаясь, с презрением возразил:

– Причина не в этом. Нынешние люди имеют крепкие ноги, но слабую голову. Их тошнит от книжной пыли.

– Что я слышу! И это говорит правитель о своем народе!

Когда был преодолен последний лестничный пролет, даже на бледном лице правителя выступил легкий румянец. А Хадинг, обмахиваясь платком, убирал под чалму выбившиеся пряди иссиня-черных волос. Не дав юноше отдышаться, Номанатур извлек из складок плаща маленький ржавый ключ и отпер им незаметную дверцу в нише меж стеллажами.

– Вот твои покои. Вечером я пришлю надежного слугу. Держи ключ. Но комнаты ты осмотришь позже. Пойдем.

Хадинг не успел даже заглянуть за дверь. Номанатур повел его по коридору, ведущему из библиотеки и, видимо, связывающему ее с остальными покоями дворца. Опять была ниша, и опять они открыли небольшую, окованную железом дверь.

В комнатушке, заваленной ветхими, требующими переплета и починки книгами, за высоким столом сидел древний старик. Седые космы спадали на испещренное морщинами лицо. При виде правителя старец попытался встать, но Номанатур остановил его:

– Не стыди меня, почтенный. Это я должен вставать перед тобой. – Обернувшись, он взял Хадинга за руку и подвел поближе к свету. – Отец, этот человек желает приобщиться к знанию. Мы должны ему помочь. Зовут юношу Хадинг. Он хочет знать все о древнем королевстве Хьорланд.

При этих словах лицо старика оживилось.

– Хьорланд? – эхом повторил сиплый, скрипучий голос. Номанатур, подтверждая, кивнул:

– Скажи-ка мне, отец, кто приходит сюда в последнее время?

– Ты же знаешь, правитель, только твой сын.

Хадинг удивился:

– Хаггар?

– У меня два сына, – усмехнулся Номанатур. – Хаггар даже дорогу сюда не знает. Хэльмир – вот кто торчит здесь сутками, вместо того чтобы помогать мне и брату.

– Значит, я могу его здесь встретить? – Лекарь покосился на хранителя. Тот сидел, не поднимая глаз на пришедших.

– Я могу запретить... – начал было Номанатур.

– Нет. Пусть приходит, как обычно. Я знаю, что ему сказать. К тому же, мальчик мне понравился. Пусть только по-

чтенный старец не открывает ему цели моего визита. – Он поклонился хранителю, исподлобья взглянувшему на Номанатура.

– Ты слышал, Морвель? Я могу положиться на тебя? – В голосе правителя неожиданно прозвучала угроза. Старец с готовностью закивал.

– Ну, Хадинг, теперь я тебя оставлю. Мне нужно вернуться в королевский покой. И будь спокоен, Корн не станет тебя искать, – обратился к юноше правитель, когда они вышли из каморки Морвеля. – Если я понадобится тебе, скажи старику. Он еще не совсем из ума выжил.

– Спасибо тебе, правитель. – Хадинг поклонился Номанатуру. Тот ответил на поклон, повернулся и стремительно зашагал прочь по коридору.

Хадинг вернулся в библиотеку. Нет, не величина громадного зала угнетала, а царившая здесь тишина и мертвенный свет, холодными струями лившийся из светильников. Предутренний сумрак тенями залег под сводами узких высоких окон. Ни рисунков, ни украшений не было на гладких серых стенах. Только кое-где усталые глаза лекаря различали чуть заметную резную вязь. Юноша закинул голову, и у него дух захватило – там, в вышине, потолочные своды терялись, растворяясь в сером сумраке. Каждое его движение – шорох шелкового платья, позвякивание золотых браслетов на тонких руках, шарканье мягких замшевых туфель – прихотливое эхо разносило по залу, усиливая стократно. Хадин-

гу показалось, что он попал в колодец, населенный тоскливыми духами. Эти бесплотные твари кружат в воздухе, готовые накинуться на него, живого! Ему никогда не выбраться из каменной западни, в которую завлекла его жажда тайных знаний. И никогда не увидать неба и яркого дневного солнца! Долго стоял лекарь не в силах пошевелиться, терзаемый сомнениями и тоской по своей цветущей, беспечной родине. Как хотелось ему очутиться дома и забыть этот полумертвый город-склеп, на глазах превращавшийся в прах! Но он подавил в себе тяжкие мысли и пошел осматривать предоставленные ему правителем покои.

Весь день Хэльмир провел, теряясь в догадках и пытаясь найти ответ, что же произошло с отцом, отчего одно появление странного незнакомца исцелило его, в то время как старания всех лекарей Вальбарда были напрасны. Что за недуг терзал правителя, и можно ли было надеяться, что он не посетит его вновь? И почему отец был так строг с ним? Едва дождавшись вечера, юноша отправился к Корну. Не в силах увильнуть от настойчивых расспросов Хэльмира, лекарь рассказал ему о том, как появился в палатах странник.

– У него волшебный диск раэморских лекарей! – благоговейно прошептал Корн на ухо юноше.

– А что это значит?

– Невежда! Владелец такого знака – маг! Ему нет равных в искусстве врачевания. Случай с правителем – тому

подтверждение.

– Да, отцу намного лучше. Но ты сказал – раэнорских лекарей? Что такое Раэнор? И где он сейчас, этот волшебный лекарь?

Тут Корну вдруг расхотелось разговаривать. Он торопливо пробурчал:

– Не знаю, не знаю... После нашего ночного разговора он исчез. Хочешь – спроси у отца, а лучше не забивай себе голову подобными пустяками. И вообще, юноша, мне нужно идти. Меня ждут больные.

Пользуясь замешательством Хэльмира, лекарь быстро удалился. Молодой человек не стал его преследовать. Он понял, что должен найти ответ сам.

На следующий день, освободившись от дел, которыми отец в последнее время нещадно его нагружал, Хэльмир отправился в библиотеку. Первым делом он зашел к старику Морвелю. Войдя в его каморку, юноша почтительно спросил:

– Как твое здоровье, дедушка?

Старик, закашлявшись, просипел:

– Да ничего, жив еще. А ты садись, детка. Попьем мятного настоя, поговорим.

– Спасибо, не откажусь.

Хэльмир чувствовал себя здесь, среди пыльной рухляди, совершенно свободно. Он любил старика, его рассказы о лучших временах. Ему нравилось сидеть у камина, пить го-

рячий травяной отвар и слушать, как Морвель говорит о юности его отца, о матери, умершей так рано, о людях, которые окружали Хэльмира в детстве и которые тоже давно ушли в Страну мертвых. Вот и сейчас он пододвинул кресло поближе к огню и рассеянно наблюдал за неторопливыми движениями старца. Несмотря на почтенный возраст, Морвель не хотел признавать свою немощь. Всякий раз, когда юноша пытался помочь, тот отстранял его с недовольным видом. Вскоре напиток был готов. Гость и хозяин некоторое время сидели молча, отхлебывая из толстостенных глиняных кружек горячий пряный отвар и наслаждаясь покоем. Наконец Хэльмир решился:

– Дедушка, помоги мне! Я хочу знать, что такое Раэнор.

Морвель несколько секунд помолчал, а потом настороженно спросил:

– От кого ты о нем узнал?

– От Корна. Он произнес это слово, но не захотел говорить, что оно означает. И даже дал мне совет забыть обо всем этом!

– Он умный человек. Последуй его совету.

– Но, Морвель, пожалуйста, не говори так!

– Последуй совету Корна.

Больше старик не проронил ни слова. Раздосадованный его молчанием, Хэльмир сухо попрощался и направился в зал библиотеки. Окинув взглядом бесчисленные книжные ряды, он было приуныл, но юношеское упрямство взяло

свое. И, схватив лестницу, Хэльмир полез на стеллажи.

Вечер сменился ночью. Хэльмир зажег светильник и уселся на верхней перекладине лестницы. Не раз сын правителя проводил ночи среди книг. И сейчас он держал на коленях раскрытый фолиант, с трудом разбирая наполовину стершиеся руны. Внезапно наверху, ярусом выше, послышался шорох. Юноша поднял голову и успел увидеть мелькнувший среди стеллажей отблеск света. “У старика Морвеля бессонница”, – успокоил он себя и продолжил чтение. Однако через некоторое время шорох повторился уже на другом ярусе.

– Кто здесь? – окликнул Хэльмир невидимку. Только эхо ответило ему. Решив все же проверить, кто этот любитель ночного чтения, Хэльмир слез с лестницы и решительно направился к тому месту, где видел свет в последний раз. Поднявшись на второй ярус, он никого не обнаружил. Не было никого и на третьем.

“Вот глупец! – обругал он себя. – Пора спать отправляться, а то и не такое пригрезится.”

И только было повернулся, чтобы идти назад, как прямо перед собой, на противоположной стороне яруса, увидел стоящую к нему спиной женщину. Она что-то сосредоточенно искала на книжной полке, видимо, не замечая его присутствия. Кто из придворных дам осмелился сюда прийти, да еще в такое время? Хэльмир решил подойти к незнакомке. Он сделал несколько бесшумных шагов, но тут ему под ногу попался обломок деревянной закладки. Раздался треск.

Женщина оглянулась. При свете фонарика ее лицо показалось юноше сказочно прекрасным. Увидев Хэльмира, она отвернулась и исчезла.

– Стой! Подожди! – закричал он и что было силы рванулся туда, где только что стояла женщина. Но нашел лишь оставленный красавицей фонарик. Он обыскал все стеллажи, заглядывал в ниши, за столы, даже под кресла, весь испачкался в пыли, но тщетно. Уставший, запыхавшийся, взбудораженный видением, Хэльмир отправился спать.

Когда на следующий день он спросил у Морвеля о незнакомке, тот только отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. И снова ночью юноша отправился в библиотеку, теперь уже не Раэнор пытаюсь найти, а ту дивную красавицу. На этот раз ему повезло еще меньше. Шорохи, свет, звуки шагов продолжались всю ночь. Он оббегал все ярусы, но никого не нашел. Вдобавок, когда ранним утром Хэльмир, шатаясь от усталости, встретил Морвеля, ему показалось, что старик ехидно ухмылялся.

На третью ночь, ближе к рассвету, Хэльмир стал свидетелем происшествия уж вовсе необъяснимого. Он увидел, как из-за стеллажей вышел его отец, а вместе с ним – та красавица! Они оживленно беседовали. Отец был весел и казался таким невозможно молодым! Потрясенный увиденным, бедняга добрал до постели, повалился ничком и заснул.

Его разбудил слуга. Он тормошил Хэльмира за плечо и повторял:

– Батюшка зовет тебя!

Юноша вскочил, быстро умылся, оделся и поспешил в отцовские покои.

Номанатур ждал сына. Он обнял его, посадил в кресло, сам сел напротив и со вздохом сказал:

– И я, и брат твой предупреждали тебя, Хэльмир! Я слышан о твоих ночных сумасбродствах! Негоже сыну правителя бегать по ночному дворцу и пугать сторожей. Что подумают о тебе люди! К тому же бдения эти не идут тебе на пользу. Взгляни на себя! Похудел, осунулся! А все книги, все альвы да маги. Ты бы лучше мне помогал, вникал в дела правления.

– Я помогаю, отец.

Снова нравоучения! Сколько раз Номанатур беседовал с ним об этом. Но теперь Хэльмир не мог оставаться спокойным. Правитель заметил его волнение.

– Знаю. И все же снова прошу тебя об этом, мой мальчик. Скажи, что ты искал в библиотеке?

Хэльмир молчал, не смея решиться. Номанатур снова настойчиво и мягко спросил:

– Не таись. Быть может, я помогу тебе. Ты же мой сын!

И Хэльмир сдался. Он пробормотал:

– Отец, я видел.

– Что?

– Ту красивую женщину и тебя. Вы разговаривали.

– Это все?

– Да.

Номанатур рассмеялся.

– Бедный малыш! Подожди секунду, мы попытаемся разгадать эту загадку. Так вот ты кого высматривал все эти ночи! Забавно.

Он встал и вышел в соседнюю комнату, плотно затворив за собой дверь. Прошло несколько мучительных для Хэльмира секунд, и отец вернулся, но не один. С ним был тот странный лекарь, с появлением которого все и началось.

– Вы знакомы, не так ли?

Но Хэльмир не слышал вопроса. Он неотрывно глядел в лицо лекаря. Те же черты! Не такие яркие, но все же! Заметив его напряженный взгляд, Номанатур, улыбаясь, обратился к пришельцу:

– Объясни моему неразумному сыну, что все, что он видел, лишь плод его буйной фантазии.

Хадинг тоже улыбнулся:

– Твой отец прав, благородный юноша. Ты хочешь знать, кто был в библиотеке? Изволь, то был я, ничтожный. Твой батюшка разрешил мне обосноваться там, чтоб пополнить знания о древних снадобьях и травах. Эти ночи меня одолевала бессонница. Вот я и бродил среди книг, как мне казалось, в одиночестве.

– А как же женщина? – растерянно прошептал Хэльмир. Хадинг похлопал его по плечу:

– В твои годы видеть во снах красавиц – вполне обычное

дело. Ведь она была красавица? – лекарь лукаво улыбнулся. – И вот что. Я думаю, твой отец разрешит тебе пободрствовать еще одну ночь, но теперь уже в моей компании?

– О небо, Хадинг, ты совсем задуришь парню голову! – вскричал Номанатур.

– Напротив, я научу его отличать фантазии от действительности. Ну, как, согласен? – обратился он к юноше.

– С радостью! – воскликнул Хэльмир.

– Так я жду тебя сегодня в полночь у входа в библиотеку.

Поклонившись обоим, лекарь вышел, оставив отца с сыном одних.

– Ну, ты успокоился? – Номанатур ласково погладил сына по руке. – А теперь держи, это для тебя. – И он вручил юноше свиток с печатью правителя.

– От Хаггара? – Хэльмир в волнении вскочил. – Прибыл гонец? Как он?

– Хорошо, как всегда.

– Когда же он вернется?

– Думаю, через неделю. Ну, ступай.

Хэльмир, схватив свиток, помчался в свои покои.

Ровно в полночь Хадинг встретил Хэльмира и подвел его к нише в стене. Звякнул ключ, щелкнул замок, открылась дверь, о существовании которой сын правителя не подозревал, и они оказались в небольшой комнате с высоким потолком. Хэльмир с любопытством огляделся. У стены стоял стол, покрытый скромной скатертью, на столе – блюдо

с фруктами, сладости, вино. Пол покрывала медвежья шкура. В камине тлели угли. Два глубоких кресла были вплотную придвинуты к каминной решетке. В углу из-за холщовой ширмы виднелось изголовье узкой кровати. Хадинг подошел к камину, зажег свечи в массивном железном подсвечнике и ободряюще улыбнулся топтавшемуся в дверях Хэльмиру:

– Входи. Это, увы, не роскошные палаты, к которым ты привык, но ведь и я не принц.

Усадив юношу в кресло, Хадинг подал ему бокал, поставил рядом фрукты и сласти и тоже сел. Видя, что Хэльмир смущен, он принялся болтать о всяких пустяках. Тот, слушая высокий голос лекаря, понемногу приходил в себя и уже скоро беззаботно смеялся над его шутками. Было уже недалеко до рассвета, когда Хэльмир, набравшись храбрости, спросил у своего радушного хозяина:

– Ты и вправду раэморский лекарь?

– О нет. Я всего лишь учился там. И это, – он вытащил из складок одежды золотой диск, – мне вручили в Раэноре.

– Это страна или город? Где он, этот Раэмор?

– Так ты ничего о нем не знаешь? Странно! Ты же сын правителя. Раэмор – страна, прекрасная и радостная. Хочешь, я покажу ее тебе?

– Да, но как?

– Мы выберем подходящий вечер, и ты все увидишь своими глазами. Обещаю. А теперь тебе пора спать. Прости за

неучтивость, но я все же врачеватель и забочусь о твоём здоровье.

Хадинг встал, проводил Хэльмира до выхода из библиотеки и вернулся к своим ночным бдениям.

Через день юноша снова пришел к лекарю.

– Садись в кресло, – командовал Хадинг, – положи руки на подлокотники, закрой глаза и расслабься.

Хэльмир с сомнением покачал головой, но любопытство все же победило. Хадинг встал за его спиной и положил ладони на голову юноши.

– Ты спишь и видишь сон, – прошептал он.

Прошло какое-то время, и Хэльмир увидел! Он был птицей, стремительно летевшей навстречу белому облаку, спустившемуся к подножью пепельно-серого горного хребта. Но вот облако уплотнилось, очертания стали четче, и вскоре перед Хэльмиром возник город. Резные башни сияли на солнце. Подлетев ближе, Хэльмир разглядел улицы, дома, цветники, разноцветные камешки мостовых... А вот и люди в легких струящихся одеждах. Поначалу Хэльмиру показалось, что он видит только женщин: так нежны были смуглые лица, так заботливо уложены в замысловатые прически завитые локоны. Но вскоре глаза привыкли к яркой красоте жителей. Крылья понесли юношу прочь с шумных улиц. Теперь он был в светлом зале и даже почувствовал запах курений. У колонны стояли двое: старик в выцветшем сером балахоне и высокий мужчина в нарядной белой тунике. “Слуга

и господин”, – подумал Хэльмир. До него донесся обрывок разговора.

– Но, почтенный мой наставник, у меня нет больше сил! – говорил с мольбой в голосе мужчина. – Я не рожден для жизни во дворце!

– Это твое служение. – Старик был непреклонен. – Мне стыдно выслушивать от тебя жалобы.

– Я торчу здесь без пользы!

– Не тебе решать, есть в твоём присутствии польза, или нет. Все. Закончим разговор. Ступай к себе, приготовься к вечернему пиру. Не огорчай госпожу.

Вдруг свет померк. Но уже через мгновение темноту потеснили огни светилен. На широком балконе стояли двое воинов. Один из них, облокотясь о балконные перила, что-то говорил. Губы его шевелились, но слов не было слышно. Его спутник стоял, склонив голову и нервно теребя завязки плаща. Он хмурился и закусывал губу, бросая на собеседника мрачные взгляды. Наконец говоривший замолчал, неожиданно мягко улыбнулся и, обняв друга за плечи, увлек его с балкона.

Снова засияло солнце. На лужайке метались совсем юные девушки. С хохотом и визгом они убегали от парня с завязанными легким шарфом глазами.

– Ирлинг! Ирлинг! Лови!

– Я здесь!

– Да вот же, совсем близко!

Наконец одна из девушек попалась. Парень сорвал с глаз повязку, обнял жертву и поцеловал в яркие смеющиеся губы.

– Так нечестно!

– Мелита, ты поддалась!

– Она смошенничала!

Сон все углублялся. Хэльмир еще успел различить бегущего по коридору долговязого чудака с кипой бумаг под мышкой, но на этом его видения закончились, и он заснул уже по-настоящему.

После этой ночи все свободное время Хэльмир старался проводить с Хадинггом. Пришелец нравился ему, удивляя уже не изяществом манер и вычурностью одежд, а умом и образованностью. Казалось, он мог ответить на все вопросы. И не раз корил юношу за леность и нелюбовь к знанию.

– Боги! Жить здесь, в столице, иметь возможность изучить все эти немислимые сокровища мудрости людской и довольствоваться лишь сказками для пятилетних детей! – восклицал он иногда, и Хэльмир краснел от стыда.

– Но отец говорит, что я и так слишком много времени провожу с книгами, – пытался он оправдаться. – И что в наше время важнее быть сильным, уметь приказывать и стремиться побеждать.

– А также уметь отличать слова от дел. Сила без мудрости – ничто. Разве отец твой – бестолковый вояка, не знающий грамоты? Очнись, Хэльмир, время сказок прошло. Ты уже взрослый. Взгляни на мир вокруг себя. Что ты о нем знаешь?

Ты сбежал от жизни в свои фантазии. Вот почему Номанатуру не нравится, что ты здесь сидишь.

Юноша не спорил. А лекарь меж тем доставал с полок пыльные книги и раскладывал их на столах.

– Вот чем ты пренебрег. Это история Лонгайра, города твоих предков. Вот свитки с описаниями великих походов на Степь. Это несколько томов истории столицы. А вот записки твоего деда, Элеттура. Ты, конечно, знаком с ними?

И Хадинг оставлял пристыженного Хэльмира разбирать книжные завалы, а сам уходил на четвертый ярус, залезал на стеллажи и сидел там, обложившись кипами полуистлевших бумаг. Из любопытства Хэльмир заглянул было в изъеденные временем свитки, но язык, на котором они были написаны, показался ему странным, не похожим ни на людские, ни на альфарские. Еще там были какие-то схемы, карты – скукота.

Так проходил день за днем. Хадинг почти не выходил из зала, что-то быстро записывая в маленькую книжечку, которую всегда носил за поясом. Слуга приносил ему еду прямо к стеллажам. Хэльмир знал, что лекарь работал и ночами. Стоило взглянуть на его серое лицо и усталые покрасневшие глаза.

– Куда ты так спешишь? – спросил он лекаря, когда тот прервал свои труды, чтобы подкрепиться.

– Ты знаешь, сколько дней я здесь?

– Этот – десятый.

– Через два дня мне нужно покинуть Вальбард.

Ну вот! Только Хэльмир нашел воистину бесценного друга и терпеливого наставника, как тот собирается исчезнуть!

– Пожалуйста, Хадинг, не торопись! – взмолился он. – Хочешь, я поговорю с отцом? Он разрешит тебе остаться.

Лекарь, улыбаясь, покачал головой и положил руку на плечо юноши.

– Спасибо, не надо. Меня вполне устраивает и этот срок.

Обида захлестнула Хэльмира. Резко скинув с плеча руку лекаря, он вскочил и выпалил:

– Ну и пожалуйста, уезжай хоть сейчас! А я-то поверил, что ты мне друг! – Не в силах продолжать, он выбежал из библиотеки. Хадинг усмехнулся. Ох, горяч мальчишка! Ему любопытно было наблюдать за Хэльмиром. Несомненно, сходство его с отцом было велико, но правитель был зрелым мужем, немало испытавшим в жизни и знавшим ей цену. Движения его были полны мощи, взгляд пронзителен и властен. Высокий, статный, он даже сейчас был замечательно красив. А сын его – совсем мальчик. Во всем облике его была мягкость, и карие глаза смотрели на мир так доверчиво и беззлобно! Сила спала в нем, пока никем и ничем не потревоженная. Но иногда прорывались наружу страстность и горячность – буйная кровь воителей заявляла о себе. Интересно, как изменится он, когда повзрослеет, этот юный мечтатель?

Хаггар вернулся вечером. Поездка в лонгайрские степи оказалась тяжелей, чем он предполагал. Капитан безмерно устал и теперь хотел только одного – улечься в чистую, мягкую постель и спать часов десять кряду. Но сначала надо было зайти к отцу, увидеть брата. И Хаггар, даже не переменяв запыленную, лоснящуюся от лошадиного пота и пропахшую дымом походную одежду, прошел в покои правителя. Слуги уже рассказали, что Номанатур поправился, но он хотел убедиться в выздоровлении отца сам. Стремительно влетев в коридор, ведущий к дверям в покои отца, Хаггар столкнулся с выходящим оттуда человеком. Оба не ожидали встречи, отскочили друг от друга, и арандамарец замер, оцепенев от изумления. Перед ним стоял увешанный золотыми побрякушками невысокий юноша в ярких восточных одеждах. Но не диковинность одежд поразила капитана. Лицо, которое незнакомец поспешно закрыл широким рукавом, – вот что заставило Хаггара затрепетать от волнения. Черты, не раз являвшиеся ему в мучительных снах. О боги, неужели это возможно?

– Стой! – рванулся он к незнакомцу, но тот уже бежал от него прочь.

– Да постой же! – завопил Хаггар, кинувшись было вдогонку, но его остановил властный голос:

– Что здесь происходит? – В дверях стоял Номанатур, и вид его ясно говорил, что грозы не избежать. Но, увидев сына, он радостно улыбнулся и шагнул навстречу: – А, здрав-

ствуй, здравствуй, бродяга! – Они крепко обнялись. – Что, только на порог, и уже шумишь? Кого это ты ловил?

– Здравствуй, отец! – Хаггар отодвинулся и придиричиво оглядел Номанатура с ног до головы. – Я рад, что ты снова здоров. Небо услышало нас. – И он снова обнял отца.

– Пойдем, сынок, ты расскажешь мне о поездке. – Правитель взял Хаггара под руку. Они вошли в каминный зал и уселись в кресла. Капитан с наслаждением потянулся, раскинув в стороны руки и вытянув ноги в грязных сапогах. Он снова дома. Можно больше не ждать нападений, не опасаться предательских стрел, можно отстегнуть от пояса меч, можно есть и спать сколько угодно, можно, наконец, подумать о себе и о той, далекой, любимой.

– Демоны! Незнакомец! Отец, кто был у тебя только что? – вскричал Хаггар, вспомнив юношу в восточных одеждах.

– Так вот ты кого хотел поймать! Это лекарь из восточных степей. Оставь его в покое, наверное, до смерти напугал беднягу. Расскажи-ка мне лучше, что делается в Лонгайре.

Номанатур налил вина в кубки, протянул один Хаггару и, сев в кресло напротив, принялся подробно расспрашивать сына о поездке. Когда разговор наконец-то закончился, и отец отпустил его, Хаггар чувствовал себя совершенно обесиленным. Но этот лекарь, его лицо, мелькнувшее и вызвавшее столько воспоминаний, кто он? Надо бы разузнать о нем. Но не сейчас. Он ведь еще не видел брата!

Подойдя к комнате Хэльмира, арандамарец бесшумно от-

крыл дверь и, неслышно ступая, вошел. Сноровка разведчика не подвела и на этот раз. Юноша ничего не услышал. Он сидел за столом, уронив голову на руки, и время от времени тяжело вздыхал. Залетавший из открытого окна ветерок ерошил его густые темные волосы.

– О чем тоскуешь? – тихо спросил Хаггар.

– Брат! – Хэльмир вскочил, опрокинув стул, и бросился к Капитану. – Ты вернулся! Вот здорово! А я так ждал, так волновался!

– Глупости, было бы из-за чего! – Хаггар беззаботно рассмеялся, высвободившись из объятий юноши. – Смотри, что я тебе привез.

Он вытащил из-за пазухи тряпичный сверток и осторожно развернул. На его ладони стоял маленький эбеновый слоник. Хэльмир взял его в руки и принялся разглядывать.

– Вот, только и дел было, что слонов из дерева строгать. Говорят, они счастье приносят. А ты, дурачок, переживал! – небрежно бросил Хаггар, плюхаясь на застонавшую под его тяжестью кровать. – Хорошо! Ну, докладывай Капитану, как жил, что делал.

Хэльмир растерянно пожал плечами и улыбнулся:

– Ты опять будешь надо мной смеяться.

– Нет, парень, только не говори, что торчал в этом проклятом пылехранилище! Куда отец смотрел? Он что, не знал?

– Нет, он разрешил. Я был там не один.

– И кто же этот второй слабоумный?

– Хадинг, бэлистанский лекарь.

– Что?! – Хаггара аж подбросило. – Бэлистан? Здесь? Так это его я видел у отца! Где он? Я хочу его видеть! Ну, чего топчешься, зови его сюда!

Хэльмир в смущении покачал головой.

– Он не придет. Хаггар, пожалуйста, потерпи до завтра!

– Это еще почему?

– Он сейчас занят. Хадингу нужно закончить его работу. Не надо мешать ему сегодня! Я очень уважаю лекаря. Он вылечил отца, да и меня многому научил. Будет несправедливо, если из-за нас у него будут неприятности.

– Демоны! Ну хорошо, раз ты просишь... А скажи, он не показался тебе странным?

– Ты о чем?

– Ну, к примеру, не показался он тебе похожим на девушку?

Хэльмир в недоумении уставился на брата.

– На девушку? На какую? Я не понимаю....

Хаггар, смутившись, пробурчал:

– Ладно, и впрямь вопрос дурацкий. Просто все восточные мужчины женственны.

– А, ты об этом... Может, ты прав. Не знаю. Но оставим Хадинга до завтра, братец. Пожалуйста, расскажи, как ты путешествовал!

Хаггар не заставил долго себя упрашивать и с воодушевлением принялся расписывать дорогу в Лонгайр и обратно,

не жалея красок, жестов и выражений. Уже поздно вечером, окончательно вымотанный, он закончил свою повесть. Хэльмир проводил его до спальни, помог умыться и доплестись до постели. Сон сразу же одолел Капитана.

Его разбудил звук открывающейся двери. Ничуть не беспокоясь (отец, или Хэльмир, или слуги что-нибудь забыли), Хаггар недовольно заворочался и проворчал:

– Хоть ночью в покое оставьте!

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – раздался нежный, такой желанный голос. “О могучие боги, если это наваждение, продлите его, умоляю!” Хаггар не решался поверить. Нет, этого быть не может! Сердце колотилось так, что было трудно дышать. Он сел и дрогнувшей от волнения рукой отодвинул полог. На пороге его комнаты, одной рукой прикрывая дверь, в другой держа светильник, стояла его возлюбленная! Хаггар рванулся к ней, но с бессильной яростью обнаружил, что не в силах пошевелиться. Странная слабость сковала все его тело. Она же, видя его волнение, ласково улыбнулась, и прошептала:

– Здравствуй, Капитан! Ты удивлен? Но ведь все просто: я – твой сон!

– Элен!

– Я скучаю по тебе, арандамарец, признаюсь! И вот решила присниться, чтобы увидеть еще раз.

– Элен! Я схожу с ума от тоски! В каждом женском лице я пытаюсь различить твои черты, в каждом необычном жесте

угадываю таинственный знак. Увидимся ли мы вновь?

Она подошла ближе, и Хаггар услышал печальный вздох.

– Не знаю, любимый. Но все же надеюсь.

Ее лицо, доселе капризно-насмешливое, стало задумчивым, грусть слышалась в голосе, а в глазах мерцали слезы.

– Что с тобой, княгиня? Уж не беда ли? Скажи!

– Мне страшно, Хаггар. Могу ли я тебе верить? Если случится несчастье, могу ли позвать? Придешь ли, не отвернешься, не предашь?

Жалость и страх за нее сжали сердце.

– Не бойся, княгиня. Приду. Вот только как узнаю, что зовешь?

Подойдя к ложу, она взглянула ему в глаза своими бездонными очами, и Хаггар почувствовал, что только что произнес самой судьбой подсказанные слова. Не забыть, не миновать. В этот миг перед ним открылось грядущее. И пронеслись между ними столетия, войны, смерть... Звезды, вспыхивая, гасли, кометы огненными хвостами обжигали небо, разверзались горы, поглощая целые города, смерчи сметали с земного лика страны, но над безумием хаоса трепетали в воздухе белоснежные крылья вещей птицы Айвэ.

– Узнаешь.

Губы возлюбленной коснулись его горячих губ, зашелетели упругие перья под могучим порывом ветра, и тяжелый сон-забытье навалился на Хаггара.

Этим же вечером Хадинг собирался в обратный путь. Дорожная сумка была уложена, заколочен и надежно перевязан деревянный ящик с бесценными книгами. Оставалось окинуть прощальным взглядом убогое жилище и сказать последнее прости библиотеке. Он взялся было за ремень сумки, но тут послышался робкий, еле слышный стук в дверь. На пороге стоял Хэльмир. Не глядя бэлистанцу в лицо, он почти шепотом произнес:

– Прости меня, лекарь. Я просто неблагодарный глупец.

Было видно, каких усилий стоило ему это признание. Хадинг подошел к смущенному юноше.

– Не будем вспоминать об ошибках. Спасибо, что пришел. Я ждал тебя. Хотел попрощаться.

Тут только Хэльмир заметил, что лекарь собрался в дорогу.

– Уже? Но ты же сказал, что через два дня! – Обида снова сжала его сердце.

– Ничего не поделаешь. Наш караван ушел от Вальбарда сегодня днем. Что-то изменилось в их планах, и караванщики прислали мне записку, что будут ждать меня к утру у Окружной стены. Так что сам понимаешь, мне надо спешить.

– Но как же так? – Хэльмир чуть не плакал.

– Жизнь такова, друг мой.

– Нет, это невозможно! Остайся!

– Ты хочешь, чтобы путь через опасные восточные земли я проделал один?

Хэльмир опустил голову.

– Нет.

– Тогда бери ящик и проводи меня. Или ты не хочешь?

Юноша схватил нехитрые лекарские пожитки, и они почти бегом помчались по коридорам дворца. Добравшись до пятого яруса, у “Мотылька” они сели на приготовленных для них лошадей и поехали по пустым улицам спящего города. Миновав Главные ворота и выехав за городскую стену, всадники остановились.

– А я обещал брату, что познакомлю вас! – запоздало спохватился Хэльмир. Хадинг неожиданно весело рассмеялся.

– Не переживай, мы с ним давно знакомы. Вот, передай ему это и скажи, что княгине Элен понравился Вальбард. – Хадинг протянул юноше перевязанный шелком сверток. – А это тебе на память о лекаре Хадинге с востока и о далекой стране Раэнор. – Лекарь открыл сумку и бережно достал оттуда старую книгу в потертом кожаном переплете. – А теперь прощай.

Он поворотил коня и поскакал прочь, не оглядываясь и не видя, как махал ему вслед рукой Хэльмир, пока не скрылся из вида всадник и не затих вдалеке стук копыт.

Глава 5

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ ВЕСТНИКЕ

Проводив Хадинга, Хэльмир неспешно вернулся во дворец. Полночь уже миновала. Юноша в задумчивости шел по безлюдным коридорам. Только стражи салютовали сыну правителя. Подарок лекаря он решил отдать брату наутро. “Наверное, Хаггар уже спит”, – убеждал он себя, опасаясь в глубине души, что тот вовсе не обрадуется, узнав о внезапном отъезде врачевателя. Честно говоря, Хэльмир был удивлен интересом брата к случайно увиденному иноземцу. Насколько он знал, Хаггара в чужаках интересовало только одно: решат ли они в годы войны принять сторону Арандамара или подадутся к врагу на восток. Хадинг же вовсе не был похож на человека, готового обнажить меч за кого бы то ни было. Ну да ладно, утро все разъяснит. Однако и наутро ему не удалось застать брата. Тот чуть свет отправился проверять гарнизонные службы, выслушивать донесения вернувшихся из приречных поселений разведчиков, допрашивать вражеских лазутчиков, захваченных его отрядом во время похода. Днем был совет военачальников, после которого Номанатур еще долго не отпускал наследника.

Хэльмир пришел к брату уже поздно вечером. Приоткрыв дверь, юноша в нерешительности замялся. Хаггар ужинал,

сидя за скромно накрытым столом. Рядом с ним притулился писарь. Капитан, запивая ветчину и хлеб вином, диктовал:

– Работу вашу мои люди приедут проверить в начале весны. В помощь можете нанимать крестьян из Пригорья. Для оплаты их трудов получите дополнительные деньги из казны. Однако будьте готовы отчитаться за каждый потраченный золотой.

Писарь быстро строчил, скрипя пером по бумаге, время от времени взглядывая на господина. Наконец, почувствовав чье-то присутствие, оба прекратили свое занятие и вопросительно уставились на Хэльмира.

– Ты что так поздно? – спросил Хаггар. – Случилось что?

– Прости, братец. Я не вовремя. Потом зайду. – Юноша повернулся было, чтобы выйти, но Хаггар остановил его:

– Постой. У тебя ко мне дело или так зашел? Если дело, говори, не стесняйся. Если же просто поболтать, прости, тогда уж и впрямь не ко времени. Отец торопит с делами.

– Прости меня, брат, – вздохнул Хэльмир.

– Да что ты все прощения-то просишь? Натворил чего? Насколько я знаю, передо мной ты ни в чем не виноват.

– Да уж виноват. Обещал, что с Хадингом познакомлю, а выходит, обманул. Уехал он еще вчера. Срочно. – И Хэльмир потупился. Хаггар мгновение-другое глядел на него, явно не понимая, о чем тот говорит, но сообразив, наконец, о ком толкует брат, махнул рукой.

– Да шут с ним, с лекарем. Не до него теперь. Я вот, ви-

дишь, и поесть толком не могу. Нет, чтоб девицу рядом посадить или друга разлюбезного, так на тебе, сидит перед глазами этакая рожа да пером скрипит, тоску наводит. Хаггар подмигнул поднявшему голову писарю, и оба усмехнулись. Хэльмир тоже улыбнулся, подошел к столу и протянул брату сверток:

– Вот. Это от Хадинга. Он просил тебе передать. И еще велел сказать, что княгине Элен понравился Вальбард.

Протянув руку к свертку, Хаггар вскинул голову:

– Что?

Хэльмир отпрянул, так изменилось вдруг побледневшее лицо брата.

– Что с тобой? – Ему стало страшно.

– Повтори! – Брат не просил – приказывал!

– Хадинг, уезжая, сказал, чтобы я тебе передал: “Княгине Элен понравился Вальбард”. Только я не понял, что это за княгиня, но он сказал, что ты знаешь.....

– Замолчи! – Хаггар взял сверток. Шелковая ткань скользнула меж пальцев, и в ладонях у арандамарца оказалась квадратная каменная шкатулка. На черной гранитной крышке серебром был выгравирован герб Раэнора: полная луна над трехверхим горным кряжем. Потрудившись над замком, Хаггар открыл шкатулку. На черном бархате лежал серебряный медальон странной формы: девятиконечная звезда с вплавленным в центр мутным алмазом. Ни письма, ни коротенькой записки! Но Хаггар был уверен – это ее подарок.

Она была здесь, его коварная возлюбленная! Это ее он видел на мрачных улицах Вальбарда и под темными сводами дворца. Мальчишка Хэльмир запросто с ней разговаривал. Даже его отцу она осмелилась показаться! Ему же, любящему, тоскующему, терзаемому сомнениями, она являлась лишь во снах! Почему? Ярость обуяла Хаггара. В глазах у него потемнело. Чувствуя, что не в силах сдержаться, он сжал кулаки и выдохнул: “Вон!” Писарь вскочил, сгреб бумаги в охапку и ринулся к дверям. С Капитаном шутки плохи. А Хэльмира будто оторопь взяла. Никогда прежде он не видел брата в гневе.

– Подожди, Хаггар... – Юноша попытался было с ним заговорить, но тот снова прохрипел:

– Вон! – И угрожающе двинулся на него. Хэльмир выбежал из покоев. Массивные двери захлопнулись за его спиной. Хаггар остался один.

Велемир чистил ножны, положив меч на стол рядом с собой. Он потратил несколько часов, чтобы снять темный налет с серебряных нитей узора, протер кожаные вставки касторовым маслом и отполировал медные заклепки.

– Как новые! – Вертя ножны в руках, разведчик любовался своей работой.

– Капитан, может, пообедаем? – К Велемиру, зевая во весь рот, подошел Эгир. – Ох, скукота! Как думаешь, долго нам еще здесь сидеть?

– Ждали неделю и еще подождем. Дождь так и не пере-

стал?

– Какое! – Эгир лениво потянулся. – Теперь до весны будет лить. Неохота за порог выходить. Холодно.

– И надо же было засесть именно в Овражках! – досадливо поморщился Осси.

– Чем тебе здесь не нравится? – удивился капитан. – Просторно, тепло, чисто. Старина Юм – молодец. Обо всем позаботился.

– И кормят отлично, – поддержал капитана Рути.

– Так что насчет обеда? – снова спросил Эгир.

– Рано еще. Мы партию не доиграли! – подал голос из другой комнаты Хадор. – Подожди ты с обедом, Эгир! Если скучно, иди к нам.

– Во что играете?

– В “Каменную дорогу”.

– Что я, мальчишка, что ли? – Эгир сел на скамью рядом с Велемиром. В комнату вошел Дорвель.

– Привет честной компании! – Он оглянулся. – Надо же! Каждый день повторяется одно и то же. Капитан возится с доспехами, Ирлинг глазеет в окно, Рути и Осси сплетничают, Румиль что-то пишет, остальные режутся в камешки.

– А ты спишь, будто маком тебя опоили. Вон личико-то как опухло, – проворчал Эгир.

– А, тебя забыл! Ты все о еде печешься. Чем еще заняться-то? – Дорвель снова оглянулся и шагнул к Румилю, что-то сосредоточенно записывавшему в тетрадь.

– Дружище, – он заглянул телохранителю через плечо, – брось ты свою писанину. Расскажи-ка нам что-нибудь веселое! Развлеки друзей!

Румиль прекратил писать, закрыл тетрадь и положил ее в дорожный мешок. Потом, стараясь не глядеть на разведчика, встал и вышел из дома. Дорвель пожал плечами:

– Ишь! Слова не скажи!

– Замолчи! – вдруг рявкнул Велемир. Дорвель аж подпрыгнул от неожиданности. Капитан, краснея от гнева, стукнул кулаком по скамье. – Придержи язык! И впрямь весь ум проспал!

– Да ладно, уж и пошутить нельзя! На что он обиделся?

– Оставь Румиля в покое! Ясно? Я приказываю! – отрезал Велемир.

– Хорошо. Не знал, что он особенный! – Дорвель тоже начал злиться.

– Особенный он или нет, не тебе решать. На то у него госпожа имеется. А приказ мой исполняй, иначе в последний раз в поход с нами ходил.

Капитан вложил меч в ножны и вышел вслед за Румилем. Телохранитель стоял у крыльца, подставив лицо холодному мелкому дождю.

– Ты его, дурака, прости. Не со зла он, – примирительно произнес Велемир, подойдя к Румилю. Тот пожал плечами, даже не повернувшись к разведчику.

Вдруг в конце улицы послышался шум. К дому во весь

опор скакали дверги на толстых мохнатых лошадках.

– Едут! Уже близко! – орали они, размахивая руками.

– Ну, наконец-то! – выдохнул Велемир. Румиль бросился в конюшню.

Капитан вернулся в дом и с порога скомандовал:

– Ребята, живо собирайтесь. Дозорные вернулись. Караван уже близко. Едем немедленно.

Отряд был готов через несколько минут. Тем временем приехал начальник гарнизона Юм.

– Вернемся к вечеру! – крикнул ему Велемир. – Смотри, дружище, не осрамясь. Ну, поехали, ребята.

Караван бэлистанцев благополучно миновал безлюдные долины левобережья Великой Реки и к середине октября достиг Пепельных гор. Осень потихоньку уступала место зиме. Попутный западный ветер сменился северным, гнавшим с холодного Срединного моря сизо-серые тучи. Он безжалостно срывал с деревьев последние листья, оголяя дрожащие черные ветки. Непрерывно лил ледяной дождь. По утрам над землей клубился туман, и караванчики, страдая от промозглой сырости, погоняли понуро бредущих лошадей. К полудню сильные порывы ветра уничтожали туман, оставляя призрачные островки на самом дне придорожных канав. Тасмари, присоединившийся к своим на переправе через Великую Реку, тревожился: начинался сезон зимних дождей. Только совсем уж неопытный путешественник или сумасшедший, которому постыла жизнь, отважился бы вы-

ехать из дома в такое время. Потоки ледяной воды размывали дороги, превращали поля в болотные топи. Дожди, не переставая, шли до марта. Караванщики замечали, как опустели земли вокруг. Птичье щебетанье, сопровождавшее их во время долгого пути, смолкло – певцы улетели на юг. Если раньше из густых зарослей кустарника шмыгали через дорогу кролики, целыми выводками семенили куропатки, по ночам неслышно прокрадывались лисы, а из глубины леса доносился хруст веток – там хозяйничали олени и кабаны, то теперь вот уже много дней путников окружала голая безжизненная равнина. Отряд ехал быстрой рысью. От лошадей шел пар. Велемир напряженно вглядывался вдаль, в нетерпении погоняя коня и то и дело спрашивая проводника: “Скоро?”. Дверг ухмылялся, забавляясь нетерпением разведчика. Наконец далеко впереди замаячили темные силуэты.

– Это они! – закричал Эгир. Караванщики и разведчики быстро сближались. Вот уже Тасмари радостно тряс руку Велемира, а Румиль, не обращая внимания на царящую вокруг суету, ехал вдоль растянувшегося по дороге каравана и, покусывая от волнения губы, вглядывался в лица бэлистанцев. Но вот радостная улыбка озарила его сумрачное лицо: Румиль наконец-то увидел княгиню. Элен тоже заметила его, встрепенулась и послала лошадь вперед, радостно крича:

– Слава Единому, Румиль! О, как я рада! – Она подъехала к телохранителю и, улыбаясь, протянула ему руки.

– Госпожа, госпожа, я тоже здесь! – вынырнул вдруг

из толчеи запыхавшийся, раскрасневшийся Ирлинг. Элен всплеснула руками:

– О небеса! А ты-то как здесь оказался? Как тебя девицы дол-раэнские отпустили?

– Его Велемир под плащ спрятал! – крикнул кто-то из разведчиков. Раэнорцы рассмеялись.

– Ну и язва ты, Дорвель! – обиделся Ирлинг.

– Ладно вам, чего к парню пристали! – урезонил разведчиков подъехавший Тасмари. – Ну, пора нам, княгиня. Скоро темнеть начнет. Поедем мы.

– Может, завернешь к нам, Тасмари? – с надеждой спросила Элен.

– Нет, княгиня. Нас дома заждались. Каждый день на счету. Нужно спешить. А то еще снег в пути застанет. Прощай. И удачи тебе! – Тасмари почтительно склонил голову.

– Что ж, прощай и ты, бэлистанец. Я в тебе не ошиблась. Радости тебе. – Элен тоже поклонилась купцу. – Помни, ты в Раэноре желанный гость.

Караван исчез за пеленой дождя так же неожиданно, как появился.

– Ну, а теперь – домой! – скомандовала княгиня, и отряд повернул обратно в Овражки.

Юм стоял у деревенских ворот и озабоченно хмурил брови. Оно, конечно, хорошо, что княгиня именно через Овражки поедет. Есть шанс отличиться. А с другой стороны, как бы не опозориться. Хотя, вроде, все в порядок привели: мосто-

вую на главной улице подправили, подкрасили наличники, двери и калитки у всех домов в поселке, мусорную кучу за городьбой землей засыпали. Юм строго зыркнул на построенных в две шеренги солдат своего отряда.

– Глядите у меня! – погрозил он им кулаком. – Чтобы приветствие дружно прокричали! И головы выше держать! Грудь вперед, плечи расправить! Вы же у меня молодцы!

Молодцы, ежась от холода, переминались с ноги на ногу. Несладко стоять несколько часов под дождем.

– Эй, Юм, – к командиру подбежал пожилой дверг, – жена спрашивает, пироги можно в печь ставить или еще подождать?

– Чего ждать? Того гляди приедут! Шевелитесь там! – замахал руками Юм. – А музыканты где?

– Да здесь мы! – донесся из-за широких солдатских спин хриплый голос. – Как играть-то будем? Руки заоченели!

– Тули, дай ребятам твою флягу. Пусть согреются! – командовал Юм.

– Едут! Едут! – раздался со стены истошный мальчишеский крик. Набрав в грудь воздух, Юм резко выдохнул и заорал: – Открывай ворота! Музыка! Смирно!

Большие бревенчатые ворота медленно отворились. Разведчики въехали в поселок. Юм растерянно оглядел отряд, ища княгиню. Он ее никогда не видел, но до этого не был обеспокоен: найти среди десятка мужчин женщину – невелика задача. Однако женщины-то и не было! Только рядом

с Велемиром ехал смазливый мальчишка-степняк. Заиграли музыканты. Но Юм в раздражении обернулся к ним и рявкнул:

– Стоп!

Музыка оборвалась. Дверги в замешательстве переглядывались. Послышался встревоженный гул голосов.

– Что, не приехала? – Юм угрюмо взглянул на Велемира. В ответ раздался звонкий смех юнца. Обратившись к нему, капитан разведчиков невозмутимо произнес:

– Госпожа, добро пожаловать домой.

Вот это фокус! Юма аж в пот бросило. Это и есть княгиня? Но раздумывать было поздно.

– Приветствие! – заорал он своим солдатам.

– Добро пожаловать домой! – разнесся над Овражками могучий хор голосов. Это было сигналом. Тотчас снова встрепенулись музыканты, из домов высыпали нарядные женщины с цветами и подарками. Миновав главную улицу, отряд подъехал к большому, опрятному бревенчатому дому.

– Вот, госпожа, располагайся, – Юм, все еще чувствовавший себя одураченным, несмело обратился к княгине. – Прости уж, это, конечно, не дворец в Дол-Раэне.

Элен добродушно ему улыбнулась и отпустила, а сама прошла в предоставленную ей комнату и огляделась. У стены стояла широкая, массивная кровать с тремя тюфяками и пятью туго набитыми подушками. У изголовья висели пучки сушеных трав. От печки по комнате разливались волны

тепла. Около окна с плотно задернутыми льняными занавесками стоял накрытый кружевной скатертью стол с толстыми резными ножками и пара стульев. В комнату вошла миловидная молодая дверга.

– Не изволь беспокоиться, госпожа. – улыбнулась она, увидев, как внимательно Элен разглядывает свое жилище. – Юм перед твоим приездом стены и потолок побелил, а мы с его женой все как следует прибрали.

– Вижу. – Элен потянулась. – Как я устала! И есть хочется.

– Сейчас! Вода уже закипела. А правда, что во дворце в ваннах моются?

– Правда.

– Ну вот! Говорила я Юму, давай кузнецу ванну закажем, а он уперся! “Какую еще ванну?” Деревенщина! Но ничего, госпожа, мы и так справимся.

Дверга вытащила на середину комнаты огромный таз. Снимая мокрую одежду, Элен наблюдала, как ловко девушка обходится с полными кипятка ведрами, как наливает в ковши травяные отвары, раскладывает на скамье полотенца и привезенный Румилем чистый дорожный костюм. Вскоре горячие струи смыли усталость и дорожную пыль. Ужинали шумно. Гости сидели за огромным столом, сплошь заставленным глиняными блюдами с кушаньями. Элен пригласила Юма и четверых его помощников принять участие в трапезе. Поначалу, поглядывая на княгиню, капитан робел. Но после нескольких кружек вина и он ободрился и бойко отве-

чал на вопросы Элен о делах на западной границе. Мощные, больше похожие на рык, голоса dwarves мешались с взрывами хохота: это Дорвель веселил компанию. Велемир, Эгир и Гардрад громко обсуждали маршрут следующего похода. Только Румиль сидел, задумавшись, время от времени внимательно поглядывая на госпожу. Она поймала его странный взгляд и, вопросительно улыбнувшись, спросила:

– Дию ничего не передал мне?

Телохранитель достал из-за пазухи сложенный в несколько раз маленький листок бумаги и протянул Элен. Она поспешно развернула послание и прочла: “Они уходят. Поспеши”. И все. Никаких объяснений. Но княгиня знала, о чем записка. Ища поддержки, Элен взглянула на Румиля, но он только холодно посмотрел на нее и пожал плечами. Он тоже знал, в чем дело. Княгиня очнулась от тяжелых дум, услышав обеспокоенный голос Велемира:

– Что-то наша гостья загрустила! Негоже это. Давайте-ка, друзья, развеселим ее песней! Эй, Нир, – окликнул он болтавшего с dwarves парня, – запевай нашу!

Нир, обернувшись к Элен, с готовностью кивнул и запел, а остальные дружно подхватили:

О Запад, земля благородных вождей,
Что мудрость несли из-за дальних морей!
Там горы, одетые в вечные льды,
Ущелья бездонны и тропы круты.
Меж двух исполинов быстры, глубоки,

Там катятся воды Великой Реки.
Твердыни той древней, могучей страны
Для войн, не для радости, возведены.
О Запад, тебя повидать был я рад!
Но больше я рад, что вернулся назад.
Восток, ты – край выжженных солнцем степей!
Там стрелы встречают неожиданных гостей.
Там к редким озерам закрыты пути,
К ним трудно заветные тропы найти.
Там гладкие камни широких дорог
Стонали под тяжестью тысяч сапог.
В безмолвьи, собой закрывая восход,
Там грозная Черная крепость встает.
Восток, как тебя повидать был я рад!
Но больше я рад, что вернулся назад.
О Север, ты – царство дождей и ветров,
Свирепых метелей, глубоких снегов.
Там верят, что в небе сиянье цветов
Играет на спинах у белых волков.
Безжизненный край тот и дик, и суров.
Не встретить людских и звериных следов.
Лишь стены покинутых замков встают,
Что с тайной надеждой владык своих ждут.
О Север, тебя повидать был я рад!
Но больше я рад, что вернулся назад.
О Юг, ты – богатая солнцем страна!

Тебя омывает морская волна.

Заря золотит кораблей паруса,

И чаек печальных звучат голоса.

Там гавани сжаты высокой стеной,

В них тысячи лет ударяет прибой.

Там воинов Черных земля погребла,

Их тайную силу сынам отдала.

О Юг, как тебя повидать был я рад!

Но больше я рад, что вернулся назад.

Песня кончилась. Над столом воцарилось молчание. Разведчики знали, что скоро им будет некуда возвращаться.

– Госпожа, неужели нам нет места нигде, кроме диких северных земель? – прервал молчание Ирлинг. Элен почувствовала, как насторожились ее воины. Видно, все хотели задать тот же вопрос, да не решались.

– Кому, как не вам, надлежит знать, почему выбор мой пал не на солнечный Юг, не на привольные восточные степи, а на снежный, неприветливый Север. Кто из вас был в тех краях?

– Я был, – отозвался Эгир, – с Рути и Хадором. В прошлом году.

– Много было у вас попутчиков по дороге туда?

– Попутчиков? – хмыкнул Рути. – Да по этим дорогам, госпожа, ни одна живая душа, почитай, лет сто не хаживала.

– Не сто лет, Рути, гораздо больше. Страна та пуста. Жители покинули ее очень давно, во времена Великих войн про-

шлого. С тех пор никто не пробовал там селиться. Скажите, разве не лучше для нас прийти на пустые земли, чем воевать с исконными хозяевами, а потом жить либо захватчиками, которых ненавидят, либо пленниками, рабами, которых презирают?

– Ты права, госпожа, – согласился с ней Эгир. – Но как быть с призраками? Поговаривают, что многие жители той земли не захотели оставлять свой край, да так и сгнули, а их души бродят в горах призраками, охраняют дороги от непрошенных гостей. Я сам слышал, как они плачут и стонут: “Наш владыка покинул нас. Он забыл о своих вассалах”.

– Так, значит, правдивы легенды, – чуть слышно пробормотала Элен. И уже громко добавила: – Это хорошо, Эгир. Пусть духи охраняют свой край до нашего прихода. Мне они покорятся. – Улыбнувшись, княгиня оглядела притихших разведчиков. – Я понимаю вашу печаль, друзья. Трудно смириться с предстоящей утратой. Но ведь родину потерять невозможно. Она – в наших сердцах! Когда-то давно той суровой страной владели мои предки. Хьорланд примет нас, не сомневайтесь. Мы придем туда с нашей любовью и болью, с нашими великими знаниями и трудолюбием, и мрачный край станет садом! Мы придумаем новые праздники, сложим новые песни... И с нами останется наша память. Представьте только, как лет этак через пятьдесят старина Ирлинг будет сидеть у камина и, кряхтя, рассказывать многочисленным правнукам о далеком крае, где он некогда жил.

– А я? – улыбнулся Велемир.

– А ты будешь строгим капитаном! Но когда надоест тебе скитаться, а вернее, когда твоя женушка топнет ногой и скажет: “Все, хватит, с этого дня ты сидишь дома!”, остепенись, пошлешь служить вместо себя внуков, а сам, сидя на крылечке и щурясь на весеннее солнышко, тоже будешь вздыхать: “Эх, были времена!”. Наш язвительный Дорвель станет охотником и будет шататься по лесам, потому что из дома его будут выгонять за длинный язык. Ворчун Эгир займется разведением почтовых голубей, выведет новую породу и прославит свою семью. Нир будет сажать деревья и складывать песни!

– А я? А я? – слышались со всех сторон голоса жаждущих узнать свое будущее. И Элен вместе с ними грезила об уютных домах, зеленых садах, преданных женах и любящих детях, о радостных трудах и безмятежных минутах отдыха... Они веселились без оглядки, хотя каждый из них в глубине души знал, что впереди много горя и зла, и что боль утрат порой будет невыносимой. Ужин затянулся. Спать легли поздно, но уже на рассвете, как только стали различимы очертания домов в поселке, княгиня и ее отряд покинули Овражки.

Ехали быстро, зябко поеживаясь под морозящим дождем, то крупной рысью, то пуская коней в галоп. Дол-Раэн они увидели издалека. Ночи в ноябре ранние, темнеет быстро, но даже сквозь влажную темень пробивались яркие огни столицы. Долраэнцы любили свет. Тысячи фонарей, светилен, фа-

келов горели, освещая город от вечерней зари до утренней. Даже ветви деревьев в садах были увиты мерцающими гирляндами крошечных фонариков. Дол-Раэн светился, переливаясь всеми оттенками желтого, голубого, красного пламени, точно искусно ограненный алмаз-великан, истинное сердце Пепельных гор.

До городских ворот оставалось не больше лиги*, когда до рогу всадникам преградили несколько темных, с ног до головы закутанных в плащи фигур. Велемир выхватил из ножен меч, его примеру последовали остальные. Но княгиня властным жестом остановила их.

– Подождите! Ты ли это, Талион? – обратилась она к тому, кто стоял ближе всех.

– Это я, госпожа. Мы ждем тебя с утра и уже, признаться, собирались уходить.

Откинув капюшон, Талион подошел вплотную к разведчикам. Они недоуменно уставились на альва. Насколько они знали, альвам и из столицы-то выходить было запрещено, а тут ночью, на дороге, не таясь! Элен спрыгнула с коня. Румиль спешил за ней, и оба подошли к молчаливо стоящим путникам.

– Значит, уходите. Может, кто-нибудь все же останется? – спросила она с мольбой в голосе.

– Госпожа, ведь все решено уже давно. Ты сама это знаешь, – ответил ей стоявший рядом с Талионом Линдир.

– А раненые излечились?

– Да. Мы не зря проводили время, дожидаясь твоего возвращения из-за Реки.

– Но я вижу, что вас всего шестеро. Где остальные?

– Они ушли раньше, два дня назад. Мы условились встретиться на границе, – ответил ей Талион.

– Ну что ж, – Элен обвела альвов взглядом, – значит, расстаемся. Я хочу поблагодарить вас, дивный народ, и просить вашего прощения за те муки, что вы претерпели, и за ту скудную помощь, что смогла вам оказать. Прости меня, Талион, за то, что не смогла вернуть тебе радость. И ты, Линдир, за навсегда потерянного брата прости. Простите за то, что нет на мне клейма, выжегшего ваши души! Мне, Элен Раэниэль, нечего больше дать вам. Разделить судьбу моих народов вы отказались. Я предлагала вам золото, лошадей, оружие, но вы не взяли и этого. Истинно, у бессмертных свой путь. Прощайте.

Один за другим проходили мимо нее альвы, и когда они поднимали головы, их глаза встречались с полными слез глазами княгини. Вскоре на дороге остался лишь Талион.

– Ни один корабль Запада не возьмет вас с собой, – прошептала Элен, сквозь слезы вглядываясь в его лицо. – Знаешь ли ты это, клейменный альв?

– Знаю, госпожа. Но мы построим свой корабль и примем тебя на борт, как желанную гостью, если решишься.

– Тьма не отпустит меня, Талион. Вы погибнете вместе со мной.

– Не все наши пути нам открыты. И чудеса еще случаются в готовом, кажется, погибнуть мире. Да тебе ли этого не знать! – И альв ласково обнял Элен. – Прощай. А ты, упрямец, не решился уйти со мной? – обратился он к Румилю. Тот, глядя ему в лицо, лишь головой мотнул. – Что ж, тогда прощай и ты. Странная штука жизнь. Ты морниец, подданный Врага, а стал мне дороже брата. – Румиль и Талион крепко обнялись. Альв прошептал: – Береги себя и ее.

Махнув рукой застывшим в молчании разведчикам, только сейчас понявшим, в чем дело, Талион быстро зашагал прочь, так ни разу и не оглянувшись. Сердце Элен сжалось от тоски. Она чувствовала, как в эту промозглую ноябрьскую ночь легкими альфарскими шагами уходит в никуда ее мечта, ее сказка. Ей вспомнилась другая ночь, когда вот так же стояла она на дороге, дрожа, как бесприютный бродяга, ослепшая от слез, и стук копыт уносящегося прочь коня отзывался в ее сердце нестерпимой болью. Княгиня застыла, будто окаменев. Румиль подошел к ней и осторожно, нежно обнял за плечи. Элен повернулась к нему, застонала, спрятав лицо у него на груди, и разрыдалась. Телохранитель гладил ее по мокрым волосам, а сам, до крови закусив губу, провожал взглядом темные фигуры, быстро растворившиеся во влажной темноте. Румиль в смятении смотрел на госпожу. Он служил ей давно, знал ее в веселье и в гневе, но никогда не доводилось ему видеть слезы на ее лице. Душа княгини представлялась ему заснеженной вершиной горы –

прекрасной, гордо-неприступной, сверкающе-холодной. Где же солнце, растопившее вековечные льды? Подождав, пока утихнут рыдания, бережно взяв княгиню под руку, Румиль подвел ее к лошади и помог сесть в седло. Настроение гос-пожи передалось ее спутникам. Велемир время от времени взглядывал на ее понурую фигуру и понимающе вздыхал. Невеселое получилось возвращение.

Весь следующий день Элен провела у себя в покоях. Она никого не хотела видеть. У дверей стоял мрачный Румиль и отрицательно мотал головой на все просьбы желающих увидеть княгиню, а таковых было немало: за время ее отсутствия дел накопилось предостаточно. Но телохранитель лишь руками разводил в ответ на сетования да пожимал плечами, выслушивая угрозы раздраженных его невозмутимостью придворных. Даже перед Дию он встал, как изваяние, загоразживая проход. Старик глянул на него с изумлением, но настаивать не стал, ушел, задумавшись. Только Анита, быстроглазая служанка, время от времени вбегала в затихшие покои с подносами, уставленными серебряными тарелочками с соблазнительно разложенными яствами. Но почти тут же она возвращалась, унося кушанья нетронутыми, а на вопросы встревоженных придворных важно отвечала:

– Княгине нездоровится. Не знаю, отчего. Сидит у окна печальная, ни словечка не скажет. После каждого неудачного захода Анита обращалась к Румиллю:

– Ну хоть ты-то поешь! Вольно ей, птичке певчей, горе-

вать, а ты ведь – здоровяк! Уважь поваров, Румиль, они так старались!

Но телохранитель спроваживал ее, легонько подталкивая в спину. Анита возмущалась:

– Мрачный тип! Вот кто на госпожу тоску наводит!

Элен сидела в спальне у окна, и не радовали ее взгляд ни яркие осенние цветы, которыми садовники убрали покои к ее возвращению, ни веселое пение птиц, перепархивающих с жердочки на жердочку в просторных позолоченных клетках и приветствовавших хозяйку почти весенним гомоном. По витражному стеклу ползли, меняя цвет, дождевые капли. И слезы нет-нет да катились по лицу княгини. Она и не подозревала, что разлука с альвами будет для нее так тяжела. Элен вспоминала тот день, когда в ее судьбе появился Талион. Морнийцы швырнули его, чуть живого, ей под ноги. Как упорно не хотел он возвращаться к жизни! Скольких трудов стоило ей, Элен, излечить его тело! Какие усилия они с Дио прилагали, чтобы исцелить его душу! О Талион, мятежный принц, гордый воин, неистовый мечтатель, клейменный альв! Где ты теперь? Элен встала, распахнула окно и вдохнула холодный воздух, пахнувший дождем и мокрой землей. В вечерующем небе тяжко ворочались плотные серые тучи. Ветер, не в силах ускорить их лениво-медлительный бег, в раздражении накидывался на деревья и сердито рвал листву со стонущих под его напором веток.

– Пресветлая звездная богиня! – прошептала Элен. – Про-

шу, озари путеводным светом дорогу твоих сыновей!

Словно отвечая мольбе, ветер пронзительно взвыл, упругой струей дождя полоснув по ее лицу, тучи расступились, и в крошечном просвете сверкнула одинокая звезда. Далеко у пограничных застав неутомимые путники тоже увидели ее и поняли, что покинутый друг думает о них.

На следующее утро княгиня призвала секретаря и приказала:

– Найди Мэллора и передай, что Совет состоится сегодня в полдень.

Княгиня вошла в зал Совета, когда часы на сторожевой башне только начали бить, возвещая о середине дня. Она зябко поежилась. Хоть слуги затопили камин еще с утра, и сейчас огонь ярко горел, отбрасывая на серые плиты пола оранжевые блики и играя тенями на сводах потолка, в воздухе чувствовалась зимняя сырость. Советники были, как всегда, в сборе и ждали лишь прихода княгини. Мэллор, увидев ее первым, вскочил:

– Ну наконец-то! Госпожа вернулась к нам!

Он встал, подавая пример остальным. Советники шумно приветствовали княгиню, поднимаясь со своих мест. Не торопясь, она прошла к возвышению, минуя ряды скамей, взошла по ступеням и села в кресло. Кутаясь в подбитый мехом плащ, Элен несколько мгновений молчала, внимательно оглядывая лица советников. Интересно, произошли в них какие-нибудь перемены? Но нет, они-то все те же. Ванатур

с Ородрефом опять уединились в уголке, наверное, обсуждают какие-то денежные махинации. Диор косится на Ворондила. Не иначе как грубиян наступил на какую-нибудь болезную мозоль горноработчика. Мэллор снова увещевал недовольного Балтара. Амтар, в нетерпении ожидая вестей о переселении, так и впился в нее глазами. Для них ее отъезд был первой возможностью проверить себя, свои силы перед серьезными испытаниями. Довольны ли они собой? Элен подождала, пока все снова рассядутся по своим местам. В наступившем молчании она заговорила:

– Я рада вас видеть, советники. Уверена, что за три месяца моего отсутствия вы совершили много полезных для Раэнора дел.

– Срок невелик, княгиня, – подал голос Мэллор. – Однако и за столь малое время мы успели кое-что сделать. Начинай, Ванатур.

– А что, я согласен с Мэллором. Урожай с полей собран неплохой. Приезжали с Юга, из-за гор. Кое-что продали им. Они сейчас, видно, в провизии нуждаются. Арафант разговаривал с их закупщиками. Те хотят наше оружие приобрести. Особенно гримьей работы. Платят щедро.

– Зря хотят, – проворчал Арафант. – Как же, согласятся гримы на такое!

– А кто тебя заставляет разьяснять им, кому и для чего заказ? – удивился Ворондил. – Ишь ты, какие привереды!

– Их право знать, Ворондил, – урезонила его Элен.

– Ладно, с гримами Арафант пусть сам разбирается, – продолжил Ванатур. – Заказов у нас много. Таргон со степняками договор заключил. Они обещали восточные пустоши от бродяг очистить и обозы охранять взамен наших доспехов. Тур и Аманор уехали в их кочевья, чтоб на месте разобраться что к чему. Казна, кажется, пополняется.

– И очень вовремя пополняется, – поддержал его Ородреф. – К весне первый обоз снаряжать будем. Прав я, Амтар?

– Прав. Если госпожа даст добро.

Элен улыбнулась:

– Дам, Амтар. Не зря я съездила. Но об этом после.

– Хвала богам! А я уж места себе не находил! – Видно было, что он и вправду рад.

– Однако не все так хорошо, госпожа. Беда у нас была, – заговорил вдруг Балтар.

– Какая? – встревожилась княгиня.

– В сентябре, как стало холодать, на людей странная хворь напала. Начиналось с того, что человеку становилось грустно, он переставал есть, потом нехорошо кашлял, а потом умирал. Хвала небесам, до столицы не докатилось. Тут уж заслуга нашего лекаря Фрэя. Даром, что пришлый. Он сутками с коня не слезал. Всю страну объездил. Сам лечил и другим врачевателям помогал.

– Понимаешь теперь, почему все так всполошились вчера, госпожа? Мы уж думали, и ты заболела, – тихо сказал Мэллор.

– Да, плохая новость. – Элен расстроило это известие. – Верно говорят, беда одна не ходит. Вот и альвы ушли.

– Разве это беда, княгиня? – удивился Ванатур. – Ушли и ушли. Одним соблазном меньше.

– Что? – Элен ушам своим не верила.

– Он верно говорит, – поддержал его Арафант. – Никто из нас не мог понять твоего пристрастия к альвам. Зачем они, для какой пользы? Жили отшельниками, держались отчужденно. Знают они много, это правда. Но какая польза нам от их знаний? Мы для них как букашки. Что им, бессмертным, до наших бед! Ни к чему нам их альфарские чародейства, княгиня! Не для нас они. Мы – люди. Нам на земле крепко стоять надо, а не в небеса глядеть. Сказки не ко времени.

– Вот-вот. Да и казна целей будет, – подытожил Ондогер. Элен растерялась. Похоже, уход альвов обернулся печалью только для нее.

– Они давно уйти собирались. И ушли бы, если бы не Дию. Вот ведь пронырливый старик! Везде свой нос сует. Как он уговаривал их остаться! – с неприязнью вспомнил Диор.

– Да, госпожа, – подтвердил Мэллор. – Его поведение кажется нам странным. Будучи в таком почтенном возрасте, пора о покое думать. Видно, все не может привыкнуть, что он уже не Главный лекарь.

– Да, верно. Он больше не Главный лекарь Раэнора, – прервала его Элен. Нанесенная ей уходом Талиона рана была свежа, и обида за Дию добавила боли. – Он мой наставник

и друг, Мэллор. А напомнить ли вам, кто я, советники? Я княгиня Раэнора, ваша госпожа и повелительница. Быстро вы начали забывать об этом!

Мэллор быстро взглянул на нее и склонил голову.

– За дела ваши благодарю. Однако слушать о том, что выше вашего разумения, не желаю. Совет на сегодня закончен. Тебя, Амтар, и тебя, Мэллор, жду сегодня у себя в покоях в шесть вечера. Поговорим о Хьорланде.

Не глядя на помрачневшие лица советников, она стремительно вышла из зала. Ирлинг и Румиль ждали ее в коридоре. Видя, что княгиня разгневана, Ирлинг молча на нее поглядывал, но не успели они дойти до Восточной галереи, как он, не сдержавшись, выпалил:

– Я подслушивал, госпожа! Виноват! Эх, советники! Дальше своего носа не видят. Все бы им выгоду, пользу блюсти! По земле ходят. А зачем? Для чего жить, если мечтать не о чем? Чтобы казну набивать? Золото они для альвов пожалели! Мудрецы!

– Замолчишь ли ты, несносный мальчишка? Вместо того чтобы сидеть на Совете рядом со мной и прилежно вести записи, ты шатаешься неизвестно где, а потом подслушиваешь под дверями. – Она высвободила из-под плаща руку и легонько стукнула болтуна по затылку. – Поди-ка лучше разыщи Дию. Он, наверное, у себя в каморке. Вот по кому я действительно соскучилась! Ирлинг помчался исполнять поручение. Дойдя до своих покоев, Элен отпустила и Румиля.

Служанкам она велела приготовить фрукты и вино. Сбросив унылый черный плащ, княгиня осталась в темно-синем шерстяном платье, расшитом шелковой нитью. Она рассеянно оглядела себя в большом, оплетенном плюшем зеркале, поправила локоны высокой прически и улыбнулась своему отражению. Пусть Дию не догадывается о ее печали. Элен не хотелось расстраивать старика. Приказав придвинуть кресла и маленький столик ближе к камину, княгиня отослала слуг, налила в бокал темно-красное густое вино и сквозь душистое марево взглянула на пляшущий в камине огонь. Ей не пришлось долго ждать. Дверь отворилась, и послышались мягкие неспешные шаги. Элен поставила бокал на столик и сделала несколько шагов навстречу лекарю.

– Здравствуй, мой милый друг, мой добрый Дию! Если бы ты знал, как я рада тебя видеть!

– Угу! – буркнул старик, казалось, вовсе эту радость не разделяя. Даже не взглянув на Элен, он прошел мимо нее и уселся в кресло. – Теперь я действительно это знаю. Ты просветила меня на этот счет вчера, а твой ужасный Румиль только что пинка мне не дал вдогонку! Неблагодарный мальчишка! Весь в свою хозяйку!

– Ах, Дию, прости! – Элен улыбнулась. Она подошла к креслу, в котором сидел старик, налила в бокал вина и подала его лекарю. – Хватит дуться. – Она обняла Дию за плечи и поцеловала в щеку. – Нам с тобой есть за что выпить, дружнице! По крайней мере, сражение с Арандамаром я выиграла!

– Значит, ты видела Номанатура? – Дию оживился. Его напускная обида бесследно исчезла, и теперь он с любопытством смотрел на княгиню.

– Да. И его сыновей.

Мэллор и Амтар вошли в покои Элен в сопровождении Ирлинга. Никогда прежде княгиня не приглашала советников к себе, и они с плохо скрываемым любопытством рассматривали ее кабинет. Довольно большая комната с высоким потолком, со стенами, обшитыми мореным дубом, с тяжелыми глухими занавесями на окнах настраивала на торжественный, немного мрачный лад. Даже пламя в камине было не желто-оранжевым, а багровым. Не было в помине ни зелени, ни птиц, ни фонтанчиков, ни светильников – всех этих милых безделушек, которыми любила окружать себя княгиня. Забреди сюда случайный человек, сначала по занявшим целую стену шкафам, полным книг в старинных переплетах, он решил бы, что это убежище историка, летописца, мудреца. Но затем, осмотревшись и обнаружив висящие на стенах карты с множеством пометок, свидетельствующих о том, что над ними долго и тщательно работали, пришелец решил бы, что хозяин – бывалый путешественник, исходивший вдоль и поперек полмира. Взглянув в отгороженный ширмой дальний угол комнаты и увидев стоящие на толстой каменной плите странного вида наполненные разноцветными жидкими и сыпучими веществами пузырьки, окинув взглядом полки с ретортами, колбами, щипчиками, ступками, жаровнями

и заметив ворохи бумаг, испещренных странными знаками и буквами таких древних азбук, что теперь никто точно не мог сказать, были ли они на самом деле, убежал бы, радуясь, что дешево отделался, попав в логово к колдуну. Комнату освещали толстые свечи в массивных бронзовых подсвечниках. Около стола стояли четыре тяжелых буковых кресла. Элен ждала советников. Усадив их в кресла, она вопросительно взглянула на оставшегося стоять Ирлинга.

– А я сейчас, госпожа! – Он выскользнул из кабинета в другую комнату. Однако тут же вернулся, держа в руках ворох разноцветных диванных подушек. Уронив их на ковер у камина, Ирлинг улегся тут же, раскрыл внушительных размеров тетрадь, открыл маленькую коробочку-чернильницу, достал из-за уха перо и в ожидании воззрился на княгиню. Поведение секретаря удивило советников, но оба, помня отповедь госпожи, сочли за благо смолчать. Элен же только усмехнулась выходке избалованного мальчишки. Княгиня извлекла из вороха посторонних записей кипу перевязанных лентой больших листов с надписью “Хьорланд”. Развязав ленту, она стала один за другим раскладывать листы перед ошеломленными советниками. На толстой лощеной бумаге были нанесены карты отдельных местностей с дорогами, реками, озерами. Даже горные тропы были отмечены прерывистыми линиями. Чертежи замков, крепостных валов, расчеты для строительства мостов, описания погоды! Были сделаны пометки, что разрушено полностью, что мож-

но было восстановить.

– Откуда?! – только и смог выдохнуть Амтар.

– Я же обещала! – Элен была явно польщена.

– Неужели все это есть у них, за Рекой? – задумчиво произнес Мэллор.

– Конечно, нет. А то плохи были бы наши дела. Это плод наших многолетних совместных усилий. Немало помогли разведчики Велемира. Кое-что подсказали гримы. Да и среди альвов были такие, кто знал о Хьорланде не понаслышке. Поездка же в Вальбард помогла осмыслить и обобщить все собранные нами знания.

– А почему княгиня показывает это только нам двоим? – Опять спросил Мэллор.

– Таскать эти бумаги через весь дворец? Переселением пока серьезно занимается только Амтар. К тому же я уверена – остальным и так все будет известно.

– Это точно, – улыбнулся Амтар. – Ну, теперь можно отправлять первый обоз. – Не рано ли? – усомнился Мэллор.

– Нет, не рано, – поддержала Амтара Элен. – Я прикажу вышить все карты и планы на шелке. Так их легче хранить в дороге. Бумага может истрепаться, отсыреть... Всего будет двенадцать больших отрядов. Каждый поведет один из советников. Думаю, Амтар, первый отряд нужно возглавить тебе.

– Это ошибка, госпожа, – оживился Мэллор. – Амтар должен снаряжать отряды здесь, готовить их к трудной дороге.

Он знает о переселении гораздо больше любого из нас. Вначале на север должен пойти другой. Тот, кто сможет преодолеть первые тяготы, потом – принимать и расселять другие отряды, а главное, быть твоим надежным и верным заместником, княгиня, до того, как ты прибудешь в свои новые владения.

Элен беспечно отмахнулась: – Ладно, потом решим. Амтар, в первом отряде должны быть гримы.

– Понимаю, – Амтар вздохнул. – Только ведь их не заставишь силой. Непростой они народец, несговорчивый, упрямый. Ты же знаешь, многие не хотят с нами идти. Те, у кого есть родичи в Западных горах, думают к ним податься. Остальные тоже впереди всех оказаться не спешат.

– Да что ты, в самом деле! – раздраженно выговорил Мэллор. – Народ непростой! Ты еще так о дворгах скажи! Побещай им что-нибудь! Посули золото, много золота и драгоценных камней. Вот увидишь, у них от жадности глаза загорятся! Отбою не будет от желающих первыми богатства к рукам прибрать!

Элен в недоумении взглянула на Мэллора. Изменился советник. Откуда у него такие мысли? Гримы, дворги, люди – в Разноре меж ними никогда особых различий не было. Альвы не в счет, о них разговор особый. Каждый народ был в своем праве. Других никто не задевал. Почему тогда такая злость и презрение, явственно слышимое в голосе советника?

– Непонятные и чужие твои слова, Мэллор, – строго ска-

зала она. Обиженно насупившемся Амтару речь товарища тоже не пришлась по душе. Да и сам Мэллор, казалось, понял, что сгруппил. Тягостное молчание нависло над столом. И тут Ирлинг, как ни в чем не бывало, сонным голосом протянул:

– Так что решили-то, госпожа? Когда первых переселенцев отправлять будем? Я что-то пропустил. Задремал, наверное.

Элен прыснула. Хорошо, что рядом есть такой неунывающий балбес!

– Пиши: решили отправить первый отряд будущей весной, как только подсохнут дороги. Согласен, Амтар?

– Да. Думаю, самое время.

– Капитаном отряда назначить Мэллора.

Тот заметно обрадовался. А Элен продолжила:

– Наместников никаких не будет. А будет Совет, как в Раэноре. Передайте о моем решении остальным.

В знак того, что разговор закончен, Элен встала. Вслед за ней поднялись Амтар и Мэллор, а за ними вскочил, едва не опрокинув чернильницу, Ирлинг. По знаку княгини он проводил гостей до выхода из ее покоев. А после этого, резонно отметив, что посвятил отчизне и так слишком много времени, отправился в сад, где его уже ждали.

С этого дня спокойствие не только в столице, но и во всем княжестве было нарушено. Из дворца слали гонцов по всему Раэнору, скликая готовых отправиться в опасное путеше-

ствие добровольцев.

Хэльмир был не на шутку встревожен. С его старшим братом творилось что-то неладное. Все началось с того злосчастного вечера, когда юноша передал ему шкатулку Хадинга. Брата было трудно узнать. Куда делись в одну ночь открытый нрав Хаггара, его неугомность? Ясный взгляд серых глаз потух. Понурая угрюмость сменялась болезненной рассеянностью. Теперь Капитана редко видели на крепостных стенах Вальбарда. Он почти не выходил из своих покоев. Ни уговоры, ни угрозы отца, ни старания врачей, ни посещения друзей – ничто на него не действовало. Все свое время Хаггар проводил, созерцая чудный медальон, сжимая в холодных руках такой же холодный, равнодушный металл или стоя у распахнутого окна, замороженно устремив взгляд в небо, за дальний горизонт, прячущий за своей призрачной завесой восточные степи. Время шло. Номанатур, поначалу навещавший сына каждый день, оставил свои попытки вывести его из странного оцепенения. Он всякий раз приходил в бешенство, видя равнодушную бездеятельность наследника. Хэльмир тоже не добился успеха. Хаггар будто и не видел его. Поняв, что усилия будут бесполезны до тех пор, пока не найдется повергшая Хаггара в тоску причина, тот тоже прекратил посещения. Он долго думал, сопоставлял, и вот теперь нужно было подтвердить или опровергнуть свою догадку.

Хэльмир решил. Дождавшись позднего вечера, юноша

подошел к покоям Капитана. Его сердце взволнованно билось. Постояв в нерешительности перед плотно закрытыми массивными дверями, он взялся за бронзовую ручку. Дверь бесшумно открылась. В покоях Хаггара было темно. Хэльмир прошел сквозь пустые комнаты, освещенные лишь тусклым светом едва родившейся луны, к кабинету, под дверями которого мерцали бледные блики каминного пламени. Юноша несмело постучался. Ответа не было, но незапертая дверь чуть приоткрылась, словно приглашая войти. Хэльмир последовал этому немому приглашению. Кабинет скудно освещался тлеющими углями в камине да парой оплывших свечей в высоком подсвечнике, стоявшем на письменном столе. Хаггар, ссутулившись, сидел в кресле у камина. Услышав шаги, он поднял голову и невидящими глазами уставился на Хэльмира. Первые мгновения он не узнавал брата, но потом его взгляд прояснился. Он сделал попытку улыбнуться и тихо сказал: “Садись”, указав на кресло напротив. Хэльмир сел и выжидающе взглянул ему в лицо. Однако, на секунду вырвавшись из пут тяжелых мыслей, Хаггар снова задумался. Напрасно было ждать от него приглашения к беседе. Хэльмир внимательно оглядел брата. Тот сидел, вновь устремив взгляд на угасающее пламя, наблюдая, как сине-желтые змейки вьются вокруг черных блестящих головешек, как, потрескивая, взрываются и, напоследок ярко вспыхивая, рассыпаются угольки, становясь серым пеплом. Его волосы спутанными прядями висели вдоль ввалившихся бледных щек.

Тонкие морщинки прорезались у переносицы. Губы то сжимались, то беззвучно шевелились. В раскрытом ворота его рубахи блеснула витая цепь. Хэльмир признал ее – от медальона, оставленного Хадингом. Хаггар бессознательно тербил ее рукой, перебирая серебряные звенья. Острая жалость пронзила сердце Хэльмира. К своему удивлению, он почувствовал себя гораздо старше брата. Только бы удалось ему помочь! Негромко, но отчетливо Хэльмир произнес:

– Я знаю, отчего ты болен.

Хаггар не пошевелился, но пальцы прекратили лихорадочное движение – он прислушался. И Хэльмир мягко, но уверенно заговорил, сам изумляясь своим словам.

– Ты, как и отец, все еще считаешь меня ребенком, ведь так? Но я вырос. Мне уже двадцать один. Хаггар, ты... Я так тебе благодарен! Ты самый лучший старший брат на свете. Ты всегда мне помогал. Так позволь теперь мне помочь тебе! Я больше не хочу быть младшим. Я хочу быть твоим другом! Хаггар, я не так глуп, чтобы не понять, что с тобой происходит. Ты тоскуешь о ком-то далеком. О ком-то, кто безмерно тебе дорог. Этот человек был здесь. Верно? Он здесь был, но отчего-то не встретился с тобой. Почему он так поступил? Не пожелал, не счел необходимым или не смог? Вот что не дает тебе покоя.

– Если бы я знал наверняка, – глухой голос Хаггара прервал речь юноши. – Если бы я мог увидеть ее, задать лишь один вопрос и услышать ответ! Но нет. Это невозможно.

Значит, верны были догадки Хэльмира! Значит, эта неведомая княгиня всему виной.

– Братец, но ведь она оставила тебе подарок. И Хадинг, передавая его, улыбался.

Горько усмехнувшись, Хаггар подхватил: – Улыбался.

– Ну да! Он хороший человек. Он лечит, а не причиняет боль. Позволь мне взглянуть на медальон.

Хаггар нехотя снял с шеи цепь и протянул брату. Блики змейками сбегали с девяти лучей медальона. Багровым пламенем вспыхнул вплавленный в центр алмаз. Бережно взяв звезду в руки, Хэльмир встал, подошел к столу и при пламени свечей рассмотрел подробно.

– Честный малый этот Хадинг, – пробормотал Хэльмир. – Древняя, драгоценная вещица! Ты, конечно, можешь мне не верить, но она, похоже, постарше нашего королевства. Такие клейма ставили на свою работу альвы Грэндоома. В их изделиях таилось волшебство. Интересно, какая тайна у твоего подарка? Держи. – Он отдал медальон брату. Тот тотчас надел его снова и спрятал под рубашку.

– Эх, везло же королям! – протянул Хэльмир. – Они могли видеть все, что хотели.

– Как? – только и спросил Хаггар.

– Во Всевидящее зеркало. Ты, конечно, не помнишь, но давно, в детстве, мы с тобой нашли старую рукопись и прочли, что было в давние времена в нашем королевстве Всевидящее зеркало. Когда мы спросили у отца, правда ли это,

он рассердился, рукопись отобрал и приказал Морвелю, чтобы тот не подпускал нас к старым свиткам. Ты напрасно так недоверчиво усмехаешься! Во время ночных бдений в библиотеке Хадинг нашел эту рукопись и показал мне. Я, прочтя, был так же недоверчив, как ты. Но лекарь говорил, что все там написанное – правда!

– Ты помнишь, где лежала рукопись?

– Смутно. Среди прочих книг я не придал ей значения. А что?

– Вставай. Пойдем в библиотеку. Покажешь мне. – Хаггар стремительно поднялся с кресла.

– Постой, братец, да ведь сейчас ночь! У нас и ключа нет!

– Не твоя печаль, – отрезал Хаггар и уже в дверях оглянулся на оторопевшего брата. – Ну, идешь?

Тот кивнул и кинулся вслед.

Они быстро шагали по коридорам спящего дворца. Часовые салютовали им, и Хаггар отвечал властным жестом Капитана. Дойдя до библиотеки, братья остановились перед закрытыми дверями.

– Где ключи? – спросил Хаггар.

– У Морвеля. Но он давно спит. Уже, наверное, полночь.

– Где его комната?

– Да что с тобой, брат? Не надо! Отец узнает, рассердится! Он меня тогда сюда и на полет стрелы не подпустит! Дождемся утра!

Оглядев брата, Хаггар спокойно произнес:

– Покажи, где спит старик, и иди к себе.

Хэльмир вспыхнул. Эх, была не была! Он подвел брата к неприметной двери в нише арки. Хаггар грохнул кулаком в деревянную створку. Из-за двери донесся скрип кровати и испуганный старческий голос спросил:

– Кто это?

– Открывай, не бойся. Да поживей! Негоже сыновьям правителя дожидаться в холодном коридоре.

Послышалось ворчливое кряхтение. Через минуту дверь отворилась и на пороге со свечой в руке показался Морвель в ночном колпаке и наброшенном на плечи старом шерстяном плаще. Увидев Хаггара, он отпрянул и проямлил:

– Чем обязан столь поздним посещением, господин Капитан?

– Хватит болтать. Мне нужен ключ от библиотеки. Где он?

– Ключ? А зачем? И в такое время!

Хаггар начал терять терпение. Он резко протянул руку и схватил старика за ворот ночной рубахи.

– Неси ключ, старый прохвост! А нето я возьму сам, а тебя хорошенько вздую, чтоб хозяев уважал!

– Прекрати! Отпусти его! – заступился за старика Хэльмир, но тот быстро закивал, бормоча:

– И поделом мне, поделом! Сейчас, сейчас принесу!

Хаггар, усмехнувшись, разжал руку, и старик скрылся в каморке. Хэльмир холодно произнес:

– Морвель – мой друг.

Хаггар улыбнулся и ласково погладил брата по волосам.

– Дурачок! Друг, говоришь? Отец платит твоему другу, чтобы тот следил, что ты тут делаешь, чем интересуешься, о чем болтаешь в его каморке за чашкой мятного отвара.

Хэльмир ушам своим не верил! Однако он слишком доверял брату, чтобы усомниться в его словах.

– Как же так? – только и пробормотал он, беспомощно заглянув Хаггару в лицо. А тут и Морвель вернулся, держа в руках большой потемневший от времени ключ на прочной веревке.

– Вот, господин Капитан! Торопился как мог!

Хэльмир потупился, боясь взглянуть на старика, так ему было стыдно. Хаггар вырвал ключ из рук Морвеля, схватил растерявшегося брата за руку и потащил к дверям. С замком справились быстро. Выхватив из освещавшего вход подсвечника по толстой свече, братья вошли в зал библиотеки. Звук их шагов, стократно умноженный прихотливым эхом, загремел под гранитными сводами потолка.

– Бр-р! – поежился Хаггар. – А здесь свежо!

Звуки заметались, отскакивая от гладких гранитных стен, как крошечные упругие шарики. Капитан посмотрел на брата. – Ну, веди.

Тот постоял немного, оглядываясь, припоминая, по какой лестнице и куда подниматься. Все- же вспомнив, Хэльмир повернул налево и запрыгал по крутым ступеням лестницы, связующей меж собой все ярусы библиотеки. Одолев пер-

вый пролет, братья зашагали по балкону к просторной нише в стене, заполненной множеством полуистлевших свитков, разрозненных пергаментных листов и старых книг в рваных переплетах.

– Кажется, здесь, – пробормотал Хэльмир.

– Ничего себе! Да тут целый воз всякой трухи! – Хаггар растерянно оглядел стеллажи, с ужасом понимая, что обречен проторчать здесь месяц, не меньше. Хэльмир, взглянув на него, тихонько засмеялся:

– Братец, не робей! Неделя-две упорного труда, и ты найдешь то, что ищешь. Правда, если я не перепутал ниши, – поддразнил он Хаггара. Но, сжалившись, добавил: – Ищи в книге. Кажется, это был небольшой том в темно-коричневом переплете из телячьей кожи.

Они выгребли все книги, что были в нише, сложили их стопками на ближайшем столе и, придвинув светильники, принялись внимательно просматривать фолианты страницу за страницей. Альфарские письмена, гримьи руны, староарандамарская вязь замелькали перед их глазами. Время текло медленно. Однако утро приближалось, а братья так ничего и не нашли. Стопки книг на столе уменьшались вместе с надеждой Хаггара на удачу. Он зевнул, протирая слипающиеся глаза, и взял в руки очередную книжку, бормоча под нос:

– Э, парень, перестань. Ты же знаешь, что рыться в этом мусоре – дурацкая затея. Мальчишке, хитрой бестии, надоело торчать здесь ночи напролет одному. Он решил и меня

к своим бдениям приобщить.

– Да ладно, Хаггар, не ворчи! Мы обязательно найдем эту книгу.

– Ага! Не в этом году, так в следующем.

– Ой! Видел бы тебя отец или наш старый учитель! Помнишь Бертрана? Бравый Капитан холодной ноябрьской ночью торчит здесь, на “кладбище мудрости”, и, мозоля зад на твердой скамье, роется в пыльных бумагах, чтобы найти старую сказку!

– Они бы меня пожалели, а тебе надавали бы затрещин, маленький негодяй, за то, что вводишь в соблазн и морочишь мозги старшему, безоглядно верящему тебе брату!

– При чем здесь я? Вот так всегда...

Но Хаггар взволнованно перебил юношу:

– Хэльмир, я, кажется, нашел!

Лежавшая у него на коленях книга называлась “Сказания о чудесах и магии Эалонда”. Хэльмир взял ее в руки, полистал и кивнул:

– Это она. Мне повезло! А то я уже чувствовал, что не миновать взбучки от отца.

– Да, точно, – потягиваясь, кивнул Хаггар. – Давай отнесем книги обратно в нишу, да и пойдем отсюда. Скоро светать начнет. А эту я с собой возьму.

Он заткнул книгу за ремень, схватил огромную стопку фолиантов и водрузил их на прежнее место. Хэльмир последовал его примеру. Очистив стол и убедившись, что ничто

не выдавало их присутствия здесь, братья покинули библиотеку. Заперев двери, Хаггар без стука вошел в каморку Морвеля, склонился у изголовья кровати и прошептал на ухо проснувшемуся и вздрогнувшему от страха старику:

– Вот ключ. И держи язык за зубами. А не то не поздоровится. Раздавлю, как муху.

Не дожидаясь ответа, он вышел из каморки. Шагая рядом с братом, Хэльмир улыбался. Поглядывая на его сияющее лицо, Хаггар наконец спросил:

– Чего довольный такой?

– За тебя рад! А еще, братец, все хотел тебе сказать, да недосуг было. Я вчера выиграл у Гаральда бой на мечех! Я два раза задел его левое плечо, а он до меня даже не дотронулся. Теперь уж точно весной меня пошлют в поход за Реку!

– Ишь ты! А вот я не думаю. Молод ты еще, Хэльмир. Успеешь мечом намахаться. Оставь эти черные дела мне. Читай вон книги. Ты парень смышленный. Не то что я. А то вдруг случится с тобой что, кто мне советы мудрые давать будет?

Хэльмир при этих словах обиженно нахмурился.

– Да ладно, не дуйся! – примирительно сказал Хаггар, обняв юношу за плечи. – Что ж, что победил Гаральда. Ты вот со мной потягайся!

– Ты не шутишь? – У Хэльмира глаза загорелись от волнения. – Когда?

– Да хоть завтра.

– Нет. Завтра – нет. Ты еще так слаб после болезни. Моя

победа будет слишком легкой!

– Эх хватил! – Хаггар аж присвистнул. – Победа его! Слабая, оказывается! А ну-ка, попробуй, согни. – И он вытянул вперед правую руку. Под загорелой кожей напряглись могучие мускулы. С детства они с братом играли в эту игру, и никогда еще Хэльмир не побеждал. Вот и на этот раз он, кряхтя, возился с братниной рукой, а сделать ничего не мог.

– Сейчас, сейчас! – выдыхал он.

– Ты коленом обопрись, – Хаггар дал брату подзатыльник и проворчал: – Иди спать, воитель. Да перед уроком доспехи в порядок приведи.

Хэльмир хмыкнул, убрал волосы с покрасневшегося лица и чинно зашагал к себе, пожелав брату спокойной ночи. Хаггар посмотрел ему вслед. Только сейчас он почувствовал усталость. Вернувшись к себе, Капитан вытащил из-за ремня добытую книгу, плеснул в стакан вина и хотел было начать читать, но не смог. Глаза слипались, одолела зевота, и, сдавшись, он, наскоро умывшись и стянув одежду, повалился в постель, положив драгоценную книгу под подушку. Вот уж чего с ним не бывало с самого детства! Подумав так, он тут же заснул.

Книга и впрямь оказалась стоящая. Хаггар внимательно ее прочел, обратив особое внимание на те страницы, где было написано о Всевидящих зеркалах. Из подробных описаний он узнал, как выглядели зеркала, как ими пользовались, и догадка его почти подтвердилась. Сам себе удивля-

сь, Хаггар зачастил в библиотеку, желая пополнить полученные знания. Казалось, странная болезнь прошла бесследно. Друзья, соратники Хаггара были рады его выздоровлению. Только Номанатур не мог унять тревогу. Он часто внимательно оглядывал сына и удрученно качал головой. Возможно, лишь для него и была видима произошедшая в том перемена. Хэльмир же опасений отца не разделял. Он был счастлив. Брат, наконец-то, обратил на него внимание! Хаггар и впрямь был приятно удивлен. После обещанного боя на мечях он был вынужден признать, что перед ним – искусный воин, опасный соперник в ратном деле.

– А я и не заметил, как ты из мальчишки в мужчину превратился! – вложив меч в ножны и сняв шлем, рассмеялся Хаггар, когда бой был закончен. – Погонял ты меня изрядно!

– Ты шутишь, – пробормотал смущенный Хэльмир, – тебе я и в подметки не гожусь. – Однако было видно, что он доволен. После этого боя Хаггар уже не обращался с Хэльмиром, как с младшим братом, которого нужно оберегать и защищать. Он перестал разговаривать с ним отеческим тоном, в котором едва заметно чувствовался оттенок превосходства.

– Детство кончилось, малыш, – сказал он как-то Хэльмиру за вечерней беседой. – Я больше не имею права прятать тебя от жизни. Ты не этого достоин. К тому же, Хэльмир, я воин. Хоть отец не хочет и мысли об этом допускать, моя жизнь может прерваться. Поводов предостаточно.

– Я тоже не хочу допускать подобных мыслей! – взволно-

ванно перебил его Хэльмир.

– Глупый! – усмехнулся Хаггар. – Но я не об этом. Хватит валять дурака. Пора взрослеть. Мне нужен друг и помощник. Ты нужен мне. Я должен быть уверен, что ты достойно сможешь помогать отцу в правлении, а при необходимости и заменить его.

Теперь ранним утром Хаггар и Хэльмир частенько сядли коней и вдвоем отправлялись на прогулку по лугам за городскую стену. Они неспешно беседовали. Хаггар рассказывал брату о своих делах и заботах, о том, что творится в Арандамаре и за его пределами. Иногда он присоединялся к Хэльмировым сидениям в библиотеке. Они вдвоем разбирали тексты замшелых манускриптов, в спорах доискиваясь до смысла, надежно скрытого за полустершимися письменами. Старые друзья Капитана, товарищи по кутежам, отдалялись. Хаггару все чаще становилось скучно среди хохота и ора пьяных молодцов. Предводитель дерзкой ватаги отчаянных забияк, совершавших под его началом набег на кабаки от нижних ярусов Вальбарда до Окружной стены, Хаггар стал тяготиться своей буйной свитой. Ему хотелось тишины и сосредоточенности. К тому же мысль о зеркале не давала ему покоя.

Случай представился поздним вечером накануне Совета старейшин. Хаггар, как всегда, проверял караулы во дворце. Подходя к постам у Белой башни, из окна галереи он увидел отца. Номанатур шел к воротам. Вот она, удача. Спря-

тавшись в караульной комнате, Хаггар застыл в ожидании. Вскоре послышались быстрые шаги, и в коридоре показался правитель. Он подошел к отсалютовавшим ему стражам башни. Хаггар услышал его глуховатый голос: “Никого не впускать”. Потом раздался лягз, и правитель скрылся за окованной железом дверью. Через несколько минут в одиноком окошке под самой крышей башни зажегся свет. Выйдя из караулки, Хаггар неторопливо подошел к страже и ответил на их приветствие.

– Это еще почему? – спросил он, кивнув на сдвинутые перед его лицом копыя.

– Приказ правителя – никого не впускать, – произнес один из них.

– Я знаю, Гиттан. Но отец забыл у меня очень важные бу-маги. Не бегать же ему за ними вверх-вниз!

Гиттан переглянулся со своим напарником, и по молчаливому согласию они пропустили Хаггара. Прыгая через две ступени, он взлетел по крутой винтовой лестнице и оказался у входа в маленькую комнатку на самом верху башни. В тускло освещенный коридор из-под двери пробивалось мерцающее сияние. Приникнув к замочной скважине, Хаггар заглянул внутрь. Правитель стоял к двери спиной. Виден был лишь его черный плащ. Ни звука не доносилось из комнаты. Хаггар ждал долго. У него затекли ноги и ныла спина. Было стыдно и страшно. Как он мог решиться шпионить за отцом?! Однако Хаггар и не думал отступить. Но вот Номана-

тур шевельнулся. Всколыхнулся плащ, послышались шаги. Правитель скрылся из виду. “Отступил к левой стене”, – догадался Хаггар. Снова в комнате воцарилась тишина. Слышалось лишь ровное дыхание отца. Потом раздался тихий шелест, затем – легкий стук, снова короткий шелест, и опять тишина. Через мгновение Номанатур вышел, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. Хаггар спрыгнул на пол. Перед появлением правителя он успел, уцепившись за выступ косяка, влезть под потолок и, как паук, расставив руки и ноги, втиснувшись в крошечную нишу над дверью, дожидаться ухода отца. Отерев со лба выступивший пот, Хаггар вытащил свой ключ, отпер дверь и оказался в комнате. Он бывал здесь часто, один и с отцом, оглядывая с высоты простирившийся внизу город, поля за стеной. На востоке поблескивала Великая Река. Зеркало здесь. Хаггар был в этом уверен. Это самое надежное место: вход в башню не разрешался никому, кроме правителя и его наследника. У дверей день и ночь дежурила стража. В комнате не было ни шкафов, ни полок, ни ниш. Лишь в центре стоял круглый низкий каменный стол. Здесь нельзя было спрятать и иголку! Значит, где-то в стенах существовал тайник, в котором отец и хранил зеркало. Не носил же он его каждый раз с собой! Хаггар подошел к левой стене. “Где-то здесь”, – пробормотал он. Отец ничего не произносил, значит, заклинания нет. И Хаггар начал ощупывать камень за камнем, нажимая, пытаясь повернуть во круг оси, постукивая пальцами, прислушиваясь, не отзовет-

ся ли звук пустотой. Капитан поверил в существование Все-видящего зеркала сразу, как только услышал о нем от Хэль-мира. Возможно потому, что очень хотел верить. Но была и еще одна причина. Хаггару всегда казалось странным всеведение отца. Случись какая беда в королевстве, и правитель распоряжается, приказы отдает. А гонец с вестью прибывает к вечеру, а то и на следующий день. А сколько раз, прерывая яростный спор на Совете старейшин, он поднимался в башню подумать, а, возвращаясь, разрешал спор приказом! И ведь ни разу не ошибался! Подданные считали Номанатура чуть ли не магом. Но Хаггар-то знал, что отец колдовство презирал, считая шарлатанством. Значит, причина в другом. И это другое – зеркало. Хаггар добрался до верхнего ряда кладки, и тут камень под его пальцами плавно подался внутрь. Раздался знакомый шелест, и в темной глубокой нише Капитан нащупал холодный металлический диск. Сердце бешено заколотилось. Дрожащими руками Хаггар осторожно вытащил диск из ниши и положил на стол. Тяжелая круглая серебряная пластина была тщательно отполирована, и, наклонившись, Капитан увидел ясное отражение своего бледного от волнения лица. Края диска были украшены рунной вязью. Хаггар узнал древнеальфарскую азбуку. Неужели это оно? Стараясь собраться с мыслями, он вспомнил выученное наизусть описание зеркал из книги “Сказания”. Все сходится. Но что теперь? Как этот бездушный кусок серебра покажет ему Элен?

– Ну же, прошу тебя! – Он прижал пылающие ладони к диску, пытаясь согреть холодный металл. Запрещая себе сомнения, Хаггар впился в зеркало умоляюще-требовательным взглядом. И словно в благодарность за веру, гладкая серая поверхность затуманилась под его горячим дыханием, но туман вскоре отступил от поверхности диска, и потрясенный Хаггар увидел цветущие поля, а вдали – нечеткие очертания гор. На их склоне смутно белело облако. Тут же картинка сменилась, и арандамарец вскрикнул от радости: он увидел Элен, стоявшую на балконе высокой башни. Держась рукой за перила, она напряженно высматривала что-то вдалеке. Ветер развеивал ее волосы. Изображение опять исчезло, а, появившись, замелькало, как в калейдоскопе. Вот Элен бежит по залитому солнцем коридору. Вот она несется во весь опор на своем скакуне в сопровождении мрачного телохранителя. Вот ночью стоит одна на дороге под проливным дождем и, не вытирая слез, машет рукой вслед удаляющимся темным фигурам. А вот она в своих покоях со стариком Дию. Оба весело хохочут, не в силах остановиться. Хаггар тоже улыбнулся, так заразителен был их смех. Но видения вновь исчезли и не появлялись довольно долго. Хаггар забеспокоился. Но вдруг там, в зеркале, вспыхнуло темно-багровое пламя. Арандамарец вновь увидел княгиню. Она стояла в какой-то тесной темной комнате. Ее бледное, строгое лицо было обращено к нему, а глаза, полные горькой муки, смотрели в его глаза.

– Элен! – застонал Хаггар. Отвечая на его зов, она заговорила:

– Державная владычица, княгиня! Казалось мне, что властна я над собственной душой. Что нестигаемая воля мне дана в наследство... Но как же ошибалась я! Политика, опасности правленья, забота о судьбе народа моего – вот тот удел, которым я в гордыне упивалась, не помышляя о судьбе иной! Но, видно, я прогневала богов, бросая вызов им своею силой. Они, жестокие, вложили в грудь мне сердце, способное и ненавидеть, и любить. Сон его был долог. Мертвящее, немое забытье тысячелетья длилось. Но небеса коварные решили прервать его. И загудела в жилах огненная кровь. Ах, можно было б оправдать ту страсть, что сердце жжет огнем, когда бы был избранник мой могучим героем, волшебником или альфарским принцем! Нет, я стыжусь своей любви нелепой, которая сильней день ото дня мне душу жжет. И плачет сердце мудрое княгини от своего бессилья перед страстью. На счастье я надежды не питаю. Не заразился разум мой безумьем, и ясно вижу я: мы слишком далеки. Он – шумное дитя, я – женщина, не девочка-шалунья. Он – тоненький росток, я – дерево с раскидистой кроной. Он – ручеек прозрачный, тонкий, я – море без конца и без границ. Но самая неодолимая преграда есть то, что смертен он, а я, увы, бессмертна. Но я еще сильна, не сломлен дух мой! И может быть, смогу, назло богам, в безумном и отчаянном порыве бессмертие со смертию сочетать. И пусть судьбой обречена на гибель, пусть сча-

стие мое недолгим будет, нет в сердце жалости к себе и страха. Любить смогу я вопреки всему! Мне дела нет до глупостей сословных. Пусть слабые, трусливые глупцы проводят жизнь, заботясь о чистоте наследственных кровей и золота в отцовских сундуках. Мне столь жалкая гордыня непонятна. Ведь слишком многим я сама владею. Не нужно к славе собственной мне прибавленья. Сама хочу я почести дарить! Достанет мне и гордости, и силы. И я клянусь Единого престолом, в своей любви, проснувшейся внезапно, смогу поднять тебя на высоту. Но вот сумеешь ли на ней ты удержаться? Сумеешь ли без страха и сомнений принять любовь мою и с гордою улыбкой в ответ зажечься сердцем самому? Не раз подумай, прежде чем решиться. Но если уж решил, то знай, о выборе своем не пожалеешь. Клянется в том тебе княгиня Раэнора и клятву сдержит. Вопреки Судьбе.

Как только смолкли последние слова, Хаггар вновь увидел свое отражение на поверхности серебряного зеркала. Видения больше не появлялись. Арандамарец положил зеркало в тайник и вышел из комнаты. Его шатало, лоб горел, мысли мешались. Держась за стены, как пьяный, он сошел вниз по лестнице, вяло кивнул стражникам и побрел к себе. Хаггар прочел в книге “Сказания”, что людей, рискнувших заглянуть во Всевидящее зеркало, ждет наказание. Созданные альвами чародейские предметы губительны для смертных. В книге говорилось, что, чтобы оживить волшебный диск, требуется пожертвовать своей силой. Зеркало забирает ее неза-

метно. Бывали случаи, когда любопытный, засмотревшись, умирал, не в силах оторваться от созерцания чудесных видений. Капитан тоже слишком увлекся. Войдя в свои покои, Хаггар без сил повалился на кровать. Только не думать. Ни о чем не думать. Голова раскалывалась. Хотелось кричать от отчаяния. Хаггар закрыл лицо руками. Ладонями ощутил горячую влагу. Первый раз после смерти матери. Он стал слишком раним, слишком открыт для мира. Элен разбудила в нем глубоко спрятанные чувства. – Больно! Больно внутри! Единый, помоги, не будь так безжалостен! Не смотри безучастно! Голова сейчас расколется. Колокол гудит, бьет в виски. Ничего не вижу. Пелена перед глазами. Это зеркало виновато. В груди кружит бешеная лисица, рвет когтями, кусает мелкими острыми зубами сердце. Жжет! Огонь!

К утру боль прошла. Хаггар налил себе вина, сел в кресло у камина поближе к огню. Теперь можно было спокойно обдумать то, что случилось ночью. Нарушив приказ Правителя, он проник в Белую башню, шпионя, выведал тайну отца. Но Хаггар не раскаивался. Он нашел зеркало и видел Элен. Он хотел узнать, почему она не захотела встретиться с ним в Вальбарде. Он этого не узнал. Да теперь это и не важно. А важно то, что Элен его любит. Зеркало не может лгать. Не лгала и княгиня. Она ждет его решения. Но Элен говорила о бессмертии. Значит, она из альвов? Хаггар слышал множество историй о бесплодной, заранее обреченной любви между людьми и альвами. Слишком велика была пропасть между

ними. Но он попытается ее преодолеть. Однако Элен совсем не похожа на альфару, на бесплотное существо из книг. Хотя какая разница? Альв ли, человек ли, демон ли, она – женщина, которую он любит. Только это важно. Он должен поехать к ней. И чем скорее, тем лучше. Но что скажет отец, когда узнает, что он собрался покинуть Арандамар? Оставлять его в неведении бесчестно. Правитель должен узнать обо всем. Только как ему открыться? Зная крутой нрав отца, Хаггар предвидел вспышку гнева, и не без оснований. Ведь то, что он задумал, очень уж смахивало на предательство. Однако это его не пугало. Номанатур должен смириться с тем, что его преемником станет Хэльмир. Мальчишка его не подведет, об этом Хаггар позаботится.

Первые несколько дней после визита в башню Хаггар настороженно наблюдал за правителем. Заметил он что-нибудь или нет? Знает ли, что сын держал в руках Всевидящее зеркало? Однако ничего не происходило. Номанатур, как всегда, добродушно улыбался своему наследнику. И Хаггар успокоился. Кажется, все обошлось.

Капитан начал готовиться к отъезду. Весной на восточном берегу Великой Реки снова появились банды dwarves. На Совете старейшин Хаггар объявил, что поведет отряд за Реку отогнать бандитов от бродов и мостов и, если удастся, уничтожить. Старейшины одобрили его решение. Один лишь Номанатур нахмурился и опустил голову. В тот же вечер он пришел к сыну. Хаггар сидел за столом, обложившись карта-

ми и книгами, и внимательно изучал какую-то книгу, поглядывая на карту, видимо, сверяя по ней текст. Увидев Правителя, он поднялся. Номанатур ласково улыбнулся, махнув рукой:

– Я не вовремя, сынок? Продолжай, не обращай на меня внимания.

– Ну уж нет! Последнее время ты редко радуешь меня визитами, отец! А это... Это подождет.

Хаггар подошел к шкафчику у стены, достал с полки два бокала ярко-красного стекла и бутылку вина.

– Садись поближе к камину, отец. Я сейчас! – Он налил вина в бокал и протянул Номанатуру. Плеснув и себе, Хаггар устроился на медвежьей шкуре рядом с отцовским креслом.

– Значит, скоро снова в поход. – Номанатур искоса взглянул на сына.

– Думаю выступить через неделю. Увы, другого выхода нет.

– А мне кажется, есть, – живо возразил правитель.

– Сынок, почему ты не хочешь, чтобы вместо тебя пошел Хэльмир? В последнее время я только и слышу, что парень вырос, окреп, стал настоящим воином.

Хаггар холодно прервал отца:

– Он слишком неопытен. Да и дворги – свирепые бойцы.

– Однако и он должен когда-то начинать. Не все ему прятаться за твоей спиной. В конце концов, Хэльмир – сын правителя!

– Он не прячется. Это я его прячу. И малыш, хвала небесам, пока об этом не догадывается.

Хаггар, не скрывая раздражения, отвернулся. Ему не хотелось продолжать бесполезный разговор. Отец опять придирается к младшему брату. Хотя сейчас доля правды в его словах все же была.

– Ты прав. Прости. – Он опустил голову. – Хэльмир действительно сын правителя. Он поедет за Реку. Но поведу отряд я.

– О чем ты говоришь! Зачем?

– Подожди, отец. Отряд поведу я. И с двергами я разберусь. А вот потом командиром станет Хэльмир.

– Хочешь подарить ему славу? – усмехнулся Номанатур.

– Почему бы и нет. На мой век этого добра хватит. Когда покончим с бандитами, Хэльмир поведет отряд домой, а я пойду дальше, на восток. Хочу взглянуть на Ворота Мрака. – Хаггар замолчал и заглянул отцу в лицо, желая узнать, что тот думает о его планах.

– М-м. На восток, значит, – раздумчиво протянул Номанатур. – Ну, раз так, пойдём.

И он встал, взглядом приглашая сына следовать за ним. Оставив бокалы с недопитым вином, они вышли из покоев Хаггара. Номанатур шел впереди.

– Я рад, что ты взялся за ум, – говорил он на ходу. – Морвель сказал мне, что ты принялся за чтение.

При упоминании имени старика у Хаггара екнуло в гру-

ди. Интересно, что еще он наболтал отцу? А Номанатур продолжал: – Да и друзья твои больше по кабакам не шатаются. Лисса родители сдали в охрану Цитадели. Ох, погоняют его за лень! Гардрад уехал к родичам в Лонгайр, Хьюрина женили на какой-то богатой красотке с четвертого яруса. Да и Эста, мой друг, тоже уже замужем. – Он оглянулся на сына. Но тот при этом известии и бровью не повел. А уж как эта Эста его изводила! – Остальные разбрелись кто куда. Да, кстати, о Лонгайре. Оттуда гонец на днях приезжал, привез письма. Дядя твой приглашает тебя погостить у него.

– Только не это! Отец, он опять будет приставать ко мне с женитьбой! Идея выдать за меня одну из многочисленных лонгайрских принцесс прочно засела у него в голове.

– Да, дядюшка твой – человек упорный. Хотя мне бы стоило прислушаться к его словам, – вздохнул Номанатур. – А может, съездишь? Там море, тепло.

– Да ну, отец, не время. Хотя хорошо бы, конечно. Море... – он мечтательно улыбнулся. – Так бы и уплыть за дальний горизонт.....

Тем временем они оказались у подножия Белой башни. Ободряюще улыбнувшись сыну, Номанатур зашагал вверх по ступеням. Хаггар с подозрением поглядывал на отца. Да, они и раньше часто поднимались сюда вдвоем, время от времени Номанатур заходил в гости к сыну, так, поболтать перед сном, и почти всегда был с ним ласков, но сейчас что-то было не так. В словах отца ему чудилась скрытая насмешка,

а в глазах правителя плясали искорки гнева. Наконец подъем кончился, и они вошли в сторожевую комнату. Закрыв дверь, Номанатур впился взглядом в лицо сына и властно произнес:

– А теперь расскажи мне, зачем ты отправляешься на восток. Только сказку про Ворота Мрака побереги для братца.

Хаггар молчал. Номанатур прогремел:

– Я знаю, куда и зачем ты едешь! – Не дождавшись ответа, он выдохнул: – Чем эта альфара тебя опоила? Какое заклятие наложила? Проклятая колдунья!

– Отец! – голос Хаггара гневно зазвенел. – Ты ничего о ней не знаешь!

– О да! – презрительно рассмеялся Номанатур. – А ты знаешь, мой многомудрый сын! Ну, тогда тебе должно быть известно, что сюда она приезжала вовсе не для того, чтобы увидеть тебя, молодой пустоголовый красавец, а чтобы встретиться со мной, дряхлым стариком. Потому, что у меня на плечах голова, а не бурдюк с вином.

– Ты видел Элен? – растерянно пробормотал Хаггар.

– Видел? Что мне пользы видеть ее! Я не влюбленный дурак! Я беседовал с ней, давал советы, обсуждал планы.

– Зачем ты отослал меня из Вальбарда? – перебил его Хаггар. – Зачем? Если ты знал, что она здесь, почему не дал нам увидеться? Как ты жесток, отец! Это не прихоть, не страсть. Это судьба. Ты не веришь мне! А ведь я мог быть счастлив. День, два, столько, сколько она была здесь. Это так много? Но ты отказал мне даже в такой малости! – Он в ярости стук-

нул кулаком по стене. – Я не сторожевой пес Вальбарда!

– У тебя есть долг!

– К демонам все долги! – выкрикнул Хаггар. – У меня есть только один долг – поехать к ней.

– Да? – язвительно усмехнулся правитель. – И что потом? Что ты будешь делать, когда приедешь в Раэнор? Что ты ей предложишь? Себя? –

Свою любовь и преданность.

– Щенок! – В гневе закричал Номанатур. – Очнись! Да в тебе, я гляжу, больше дури, чем в твоём младшем братце! Я ничего не знаю о княгине Раэнора?! И ты ещё смеешь упрекать меня в том, что я отправил тебя подальше из Вальбарда! Ты погубил бы Элен в своём невежестве. Он к ней приедет! Она тебе не Эста, не девки из кабаков, даже не наши арандамарские принцессы! Древняя кровь течет в ее жилах, сынок. Благородная и огненная кровь мятежных королей Эалонда. Помнишь сказание о безумном Фале, которому вместо сердца Единый вложил в грудь пылающий камень, упавший с небес? Она из их рода. Кто ее мать, я не знаю, да, пожалуй, и никто не знает, кроме нее самой. А вот кто отец, скажу. Ты никогда не задумывался о странной судьбе маленького Раэнора? Мысль о том, почему на столь богатый и беззащитный край не наложил свою лапу Морн, не приходила в твою умную голову? Как ты побледнел! Ты прав, здесь есть от чего прийти в ужас. Отец Элен, бывший князь Раэнора – король Хьорланда, Черный Вестник Морна, его друг и

советник.

– Нет!

– Да! Вот почему Раэнор еще существует.

Хаггар оперся о стену. Он пытался унять нервную дрожь, глубоко дыша и сжимая руки в кулаки. Номанатур неумолимо продолжал:

– Хватит ребячиться. Подумай, чем обернется для тебя любовь. Клеймо ляжет на тебя, позорное, несмываемое. И обратной дороги сюда, в Арандамар, у тебя не будет. Придется пожертвовать всем. Жезла правителя Арандамарского королевства тебе не видать. Ибо наши подданные не доверят тебе власть, узнав, с кем ты связал свою судьбу.

– Она жертвует большим – своим бессмертием.

– Ну, для кого-то смерть – благо.

Хаггар отошел к окну, оперся плечом о стену и, устремив взгляд в темное звездное небо, задумался. Номанатур простонал:

– Неужели мне суждено лишиться наследника?

Хаггар, не оглядываясь, ответил:

– У тебя два сына, отец. Есть еще младший, Хэльмир.

– Почему ты так упрям? Почему не ему встретилась она? Хаггар, сынок, я еще не все тебе рассказал. Вам придется оставить Раэнор и бежать в Хьорланд. Весь Запад будет преследовать вас, как зверей.

– Почему? Элен не сделала вам ничего плохого!

– Кому есть до этого дело? Кто помнит, что Черный Вест-

ник давно покинул Разнор? Зато о проклятии никто забывать не хочет.

– Какое проклятие? – презрительно усмехнулся Хаггар. – Сказка о том, что в любви нам будет грозить смерть? Чем она так беспокоит наших праведных владык?

– И этого ты не знаешь! Давно, во времена Великих битв, один из королей альвов, преданный Черным Вестником, умирая от руки Морна, произнес странное пророчество. Он сказал, что отныне жизнь господина будет зависеть от жизни его вассала-предателя. Пока жив Черный Вестник, будет жив и Морн.

– Только-то! – в нетерпении перебил отца Хаггар. – Что мне за печаль?

– Тебе есть о чем горевать, сынок. Альвы умеют мстить. Род Элен проклят. Любовь не принесет вам счастья. Демоны будут ее порождением. В душе твоего ребенка, Хаггар, с рождения будет жить зло.

– Я не верю, – прошептал Хаггар.

– Это твое право. Но все, что я сказал, правда. Странно, что Элен сама тебе этого не рассказала.

Хаггар с мольбой взглянул на правителя:

– А может, ты ошибся? Может, все это выдумки, наговоры, сплетни? Откуда ты узнал о Черном вестнике и о пророчестве? В какой лживой книжонке прочел? Отец, может, это неправда?

Номанатур, тяжело вздохнув, отвернулся от сына, подо-

шел к стене и, к изумлению Хаггара, достал зеркало:

– Вот. Смотри. Не притворяйся удивленным. Ведь ты уже заглядывал в него. – Ты знал? – ошарашенно пролепетал Хаггар. Вместо ответа Номанатур с жалостью посмотрел на сына:

– Смотри же.

Хаггар вновь склонился над зеркалом. На этот раз все произошло гораздо быстрее. На серебряной поверхности проступили знакомые очертания высокой Сторожевой башни. Княгиня стояла на смотровой площадке, одной рукой вцепившись в тонкие перила, а другой прикрывая глаза, как от яркого солнца. Прямо перед ней Хаггар увидел темного исполина. Плащ за его плечами трепетал, как крылья гигантской птицы. Это был Черный Вестник, исчадие Мрака, первый вассал Врага. Он навис над беззащитной фигуркой Элен. Княгиня что-то говорила ему, но гигант занес над ее головой тускло сверкнувший меч, и то ли крик, то ли карканье донеслось до Хаггара. Однако Элен, отняв руку от лица, сквозь слезы с вызовом смотрела туда, где в черном провале пустоты багровыми угольями горели глаза призрака. Снова раздался леденящий душу крик, черный меч со свистом разрезал воздух совсем рядом с непокорной черноволосой головой. Княгиня шагнула вперед. Вдруг молния ударила в башню. На секунду изображение потемнело, а когда тьма рассеялась, Хаггар увидел распростертую на полу княгиню, а далеко на горизонте – стремительно удаляющуюся черную тень.

Видения исчезли. Голос Номанатура вывел Хаггара из оцепенения:

– Ну, теперь ты мне веришь?

Хаггар ничего не ответил. Не сказав отцу ни слова, он вышел из комнаты. Когда смятение улеглось, Капитан задумался. Сидя в своих покоях, он размышлял о том, как ему теперь быть. Элен, ее страшные тайны, ее жизнь, омраченная тенью Врага, ее страстные слова, дошедшие до него, ее нежность в тот прощальный вечер в садах Дол-Раэна больше не приводили его в исступление. Сейчас он должен сделать выбор, перед важностью которого меркло второстепенное: интриги, обиды, страх, ложная гордость. Перед Хаггаром словно легли две дороги. Одна – ровная, широкая, давно знакомая, уготованная ему с рождения: слава, почести, титул правителя, обожание подданных, власть над огромной, могучей страной. Другая – смутная, теряющаяся в душистых зарослях сирени и диких роз, предсказывающая изгнание, утрату всего, что было дорого ему с детства, но взамен сулящая недолгое, горькое счастье с любимой и вдобавок – сумасшедшую страну Раэнор. Арандамарец был странно спокоен. События прошедших лет разворачивались в его памяти. Он улыбался одним и печально качал головой, вспоминая другие. Всплыли слова Дию, сулящего княжескую корону. И Элен, потерянно умолкавшая всякий раз, как только разговор заходил о ее предках. Нет, решать сгоряча не годилось.

ЛЕГЕНДА О ПОЛОТНЕ СУДЕБ

Теплые июльские сумерки сгущались над Дол-Раэном. Ясное небо на западе переливалось опаловой радугой. Томное летнее солнце лениво опускалось, готовое опочить на мягкой зеленой перине из густых дубовых лесов, тянущихся от столицы до Элиндора. Один за другим в городе зажигались фонари. Вскоре тысячи разноцветных огней затрепетали, отражаясь от гладких мостовых улиц и площадей Дол-Раэна. Но столица веселого княжества и не думала погружаться в сон. Из восточного и западного районов города доносился неясный шум, а из северной части, из великолепных особняков знати, раздавались звуки музыки. То и дело через Западные ворота из города выезжали тяжело груженные обозы, запряженные огромными рыжими тяжеловозами. Их порода была выведена специально для переселения. В последнее время, как никогда, оживилась торговля с Востоком, и раэнонские мастера не успевали выполнять сыпавшиеся на них заказы. Да и из дворца поступали все новые поручения.

Во дворце на широком мраморном балконе княжеских покоев в легких плетеных креслах сидели Элен и Румиль. Княгиня восхищенно наблюдала за тем, как догорал еще один чудесный летний день Раэнора. Закатное солнце окрасило белый мрамор балкона в розово-алые тона. Его теплые

лучи окутывали Элен, разливаясь по телу нежной истомой, добавляя яркости румянцу ее щек, плавясь пурпуром в рубиновом ожерелье на открытой шее, играя бликами на золотых браслетах, обвивавших змеями ее обнаженные руки, волнами полутонов переливаясь на легком алом шелке платья, зажигая искорки на золоте вышивки. Сурового телохранителя княгини закат не интересовал вовсе. Его взгляд был прикован к госпоже – так прекрасна она была в этот тихий вечер. Румиль давно привык и уже не удивлялся безупречной красоте ее лица и легкой стройности тела. Но сегодня во всем облике княгини чувствовалась печаль, которая придавала ей странную, тихую прелесть. Румиль не в силах был отвести от нее влюбленных глаз, в глубине которых Элен без труда могла бы увидеть разгорающийся огонь, если бы осторожный морниец не скрывал его под ресницами всякий раз, когда княгиня обращалась к нему. Медленно тянулись минуты. Элен рассеянно гладила лепестки белой розы – подарка Румиля. В ее мыслях не было покоя. Вздохи то и дело волновали грудь. Вновь ожившие призраки прошлого томили тяжелыми предчувствиями. Вот уже четыре года уходили из Раэнора отряды в Хьорланд. Пятеро советников, возглавив их, покинули княжество навсегда. А через месяц на север должен был уйти еще один отряд под предводительством Ванатура. Гонцы из Хьорланда приносили хорошие вести: хоть и с трудом, но жизнь там налаживалась. Шаг за шагом переселенцы осваивали каменную пустыню. Все шло так, как и

задумывалось, но радость от этого княгиня не чувствовала.

– Я так одинока, – прошептала Элен. Румиль нахмурился. – Талион ушел, и вряд ли мы когда-нибудь свидимся. Дию тоже уехал. – Она взглянула на телохранителя. – Эти его истории о неожиданно найденных родственниках звучат неубедительно, тебе не кажется?

Румиль скептически фыркнул.

– Только ты не оставляешь меня. Спасибо. – Элен поежилась. Солнце скрылось за горизонт. Зачарованный закатом ветерок ожил, и княгине стало холодно. – Румиль, принеси мою накидку, свечи, вино и... Боги, вот бы узнать какие-нибудь новые средства от скуки!

Телохранитель, укоризненно покачав головой, встал. В дверях он столкнулся с Ирлингом. Запыхавшийся секретарь, как ошпаренный, отскочил от морнийца. Но, вместо того чтобы рассыпаться в извинениях, как он делал всякий раз, когда невзначай задевал Румиля, Ирлинг только умоляюще взглянул на него и бросился к княгине:

– Госпожа! Там, у входа в твои покои, стоит тот человек, который приезжал к нам из-за Реки!

Элен непонимающе смотрела на секретаря, и, по мере того как смысл сказанного доходил до нее, яркий румянец сходил с ее щек. Задержавшись в дверях, Румиль смотрел на госпожу, ожидая приказа. Княгиня стремительно встала, но, вдруг ослабев, позвала:

– Помоги мне! Голова закружилась, – и протянула дрог-

нувшую руку. Телохранитель подбежал к ней, осторожно помог сесть и вопросительно взглянул в испуганно-растерянные глаза княгини. Она же, сжав его ладонь, мгновение помедлила, но, преодолев смятение, уже привычно, властно приказала:

– Ирлинг, ступай. И носа своего сюда не показывай, пока я тебя не позову. А ты, друг мой, не беспокойся. – Она слабо улыбнулась, взглянув на Румиля. – Пусть этот человек войдет. Увидев, как телохранитель в гневе закусил губу, она устало прошептала: – Это судьба, Румиль. Приведи его. Я жду.

Почтительно поцеловав ее руку, морниец вышел. Элен осталась одна. Напряженно прислушиваясь, она со страхом смотрела на дверь. В коридоре послышались торопливые шаги. Не в силах сдержать волнение, Элен встала. А шаги гремели, неотвратимо приближаясь. Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел мужчина. В первое мгновение княгиня его не узнала. Вошедший же, подбежав к Элен, коротко вздохнул и обнял ее, прижав сильными руками к груди. Княгиня, оцепенев, и не пыталась освободиться. А он нежно гладил ее по голове и ласково шептал:

– Прости за промедление! Теперь мы не расстанемся. Я все решил. Слышишь? И я согласен. Хьорланд так Хьорланд. Уедем. Никто не сможет помешать нашему счастью. Нам нет дела ни до Запада, ни до Востока. Пусть меж собой сводят старые счета.

Хаггар коснулся губами ее лба, щеки, губ... Элен, словно во сне, слушала его слова, смотрела в лицо, отстраненно отметив, как изменились его черты. Она попыталась уклониться от поцелуев арандамарца, упершись рукой в его грудь, но пальцы бессильно скользили по красному шелку плаща, по общитому золотом бархату куртки....

– Ах! – Элен вздрогнула, уколов ладонь. На груди Хаггара висел медальон – девятиконечная звезда с погнутым лучом: подарок отца, с которым она рассталась у ворот Вальбарда. Княгиня почувствовала, как, разбуженная прикосновением холодного металла, возвращается к ней воля. Она вырвалась из объятий арандамарца, метнулась к двери и убежала из комнаты. Сбитый с толку, Хаггар лишь через несколько мгновений бросился вслед за ней. Обезумев от внезапно охватившего ее ужаса, Элен бежала по коридорам, переходам, галереям. Разбуженные памятью, в ее ушах гремели яростные речи отца и страшные проклятия Морна. Пальцы жгло прикосновение к медальону. Хаггар неся за ней, отшвыривая с дороги замешкавшихся слуг, стараясь не упустить из виду бьющееся, будто огонек на ветру, платье княгини. Арандамарец боялся одного – потерять ее в огромном дворце. Вдруг, нырнув в нишу, княгиня исчезла.

– Демоны! – Хаггар добежал до ниши, увидел дверь, что было сил рванул ее, чуть не сорвав с петель, и вылетел на висячий мост, ведущий в сад. Княгиня была уже на другом конце моста. Он ринулся за ней. Элен задыхалась. Она, не чуя

земли под ногами, летела по пустым дорожкам сада, а сзади грохотом отдавались шаги преследователя. Не выдержав пытки, она резко остановилась, обернулась к нему и крикнула:

– Стой!

Он не слушал. Хаггару было все равно, что она сейчас скажет. Поняв это, Элен выхватила из висевших на поясе ножен дасар и с угрозой выдохнула:

– Стой!

Зная, что за себя он не испугается, поднесла дасар к своей обнаженной шее и повторила: – Стой! Я убью себя! Еще шаг, и я себя убью!

Она почти ослепла от слез, дыхание прерывалось, ноги подкашивались. Лезвие жгло кожу. Будто натолкнувшись на невидимую стену, Хаггар остановился. Он понял, что еще одно его движение, и она воткнет кинжал себе в горло. Он мягко, тихо позвал:

– Элен!

– Стой, где стоишь! – в ярости закричала она.

– Что с тобой, Элен? – Хаггар ожидал всего, что угодно, вспышек гордости, слез, кокетства, искушений, но это! Она и впрямь готова умереть! – Объясни мне!

– Уходи! Возвращайся в Арандамар! Еще не поздно!

– Почему? Я люблю тебя!

– Нет!

– Да! И ты меня любишь. Ты клялась в этом перед богами!

А я... я пытаюсь подняться к тебе на высоту. Как я смогу на ней удержаться, если ты сама толкаешь меня в пропасть?

– Неправда!

– Я слышал твое признание!

– Ложь! – Она презрительно рассмеялась. – Ты поверил зеркалу? Они тоже врут! Убирайся!

– Элен!

– Убирайся! Как еще мне избавиться от тебя?! – с мукой простонала она. Хаггар сделал шаг вперед.

– Нет! – Она сильнее надавила на дасар. Клинок угрожающе блеснул, готовый вонзиться в тонкую белую кожу. И Хаггар сдался. В бессильном гневе он закричал так, будто стрела глубоко вошла в его грудь, и, уронив в ладони лицо, побрел прочь от дворца, от Элен, от своих разбитых надежд. Княгиня осталась одна. Проводив взглядом ссутулившуюся фигуру арандамарца, она подождала несколько минут и разжала руку. Дасар бесшумно упал на песчаную дорожку. Потеряв последние силы, Элен опустилась на землю и зарыдала.

Через несколько часов Румиль нашел ее там, совершенно обессиленную, дрожащую от холода, и, закутав в меховую накидку, отнес княгиню в ее покои. Пока служанки суетились вокруг госпожи, растирая ее ноги, готовя ванну и липовый отвар с медом, пока Лола, сокрушенно вздыхая, стелила постель, телохранитель сидел у кресла княгини, то и дело вопросительно заглядывая ей в лицо. Он хотел отомстить за ее слезы и ждал хоть малейшего знака. Но Элен в ответ на

его требовательный взгляд лишь медленно качнула головой и шепнула:

– Я люблю его.

Что ж, значит, не теперь. Морниец встал, покорно склонил голову и вышел из покоев, провожаемый неодобрительными взглядами служанок.

Над северной степью сгущалась тьма. Из низин, распуская белесые щупальца, выползал туман. Ветер затих. От земли потянуло сырým холодом. Небо заволокло плотными низкими облаками. Талион, Линдир, Гельмир и Ингольд сидели, кутаясь в плащи, и напряженно вслушивались в тишину.

– Боюсь, он нас не найдет, – пробормотал один из них и встал, оглядываясь вокруг.

– Туман, как назло. Садись, Гельмир, все равно тебя и за десять шагов не видно. – Махнул рукой его сосед.

– Талион, ты уверен, что надо ждать именно здесь? – Гельмир с беспокойством обратился к другу, но тот даже головы не поднял, не в силах оторваться от невеселых дум.

– Он недалеко, я чувствую! – вдруг радостно воскликнул Ингольд, уловив в ватной тишине еле слышный звук. Альвы поднялись. Через минуту прямо на них вылетел взмыленный конь. Увидев альвов, он шарахнулся в сторону, но всадник удержал его, и тот, наконец, остановился, дрожа, всхрипывая и испуганно кося налитыми кровью глазами.

– Дию, да продлятся твои дни, наконец-то! – Ожидавшие радостно окружили спешившегося всадника. Талион же не

двинулся с места. Старик сам подошел к нему, поправил сбившиеся пряди волос и почтительно поприветствовал:

– Здравствуй, принц.

– Здравствуй, отец. – Альв встал, неожиданно ласково улыбнулся и обнял старика. – Дорога была трудной? Устал?

– Немного. – Лекарь секунду помолчал, прислушиваясь. – Непокойно мне, Талион. Мы должны быть начеку. Взгляни на лошадь. Гельмир и Ингольд еле сдерживают ее. Трясется от страха. Да и мне не по себе. – Дию поежился.

– Я тоже чувствую: опасность совсем рядом. Но пока она не появилась, скажи, ты привез ответ? – Талион с надеждой взглянул Дию в лицо. Тот потупился и устало произнес:

– Они не согласны, принц. Они вас не примут.

– Ну что ж, – альв невесело усмехнулся и обернулся к сородичам, – ведь мы ждали этого, верно?

Альвы хмуро молчали.

– Да что же? Почему? – наконец растерянно протянул Линдир.

– Принц объяснит. Талион, мне надо спешить. – Дию беспокоило все больше. – Совет дам, но ведь не слушаете.

– Какой совет?

– Уходите на север, в Хьорланд.

– Нет. Менять одну тюрьму на другую? Мы будем полезны здесь, у Реки. Или отправимся напрямик к Вражьи воротам. Там-то нас никто не ждет.

– Это путь обреченных! – раздраженно бросил Дию.

– А разве мы не обречены? – пожал плечами альв.

– Ты сам ищешь своей гибели. – Лекарь отвернулся. Он знал, что его слова все равно не будут услышаны. Ингольд подвел ему коня, но Дию не успел сесть в седло. Порыв ледяного ветра пронесся, оставляя в тумане широкий разорванный след. Лошадь, обезумев от страха, вырвала повод из рук Ингольда, сбив его с ног. Тьма, окружавшая альвов, уплотнилась и встала стеной. В непроглядной черноте мерцающим бледным признаком встал, закрывая небо, чародей.

– Князь! – потрясенно прошептал Дию.

Хаггар шел, еле передвигая ноги. Выйдя из сада, он оказался на узкой, темной, еле освещенной редкими фонарями улице. Ему было все равно, куда идти, и он пошел вперед. Однако, как бы ни был он подавлен и оглушен случившимся, все же заметил, что место, в которое он попал, необычно для столицы. Ни света, ни шума, ни толчеи. Выступающие из темноты аккуратные одноэтажные домики, выглядывающая из-за непривычно высоких глухих заборов буйная зелень, закрытые двери и ставни – все застыло в безмолвии. В этой тишине арандамарцу казалось – его сапоги так громко стучат по мостовой, что должен был бы проснуться весь квартал. Но никто не высовывался с любопытством из чернеющих оконных проемов. Хаггар вспомнил точно такую же молчащую улицу у себя, в предместьях Вальбарда. Это был год черного мора. Люди погибали сотнями. Города пустели

целыми кварталами, деревни вымирали, чтоб никогда больше не возродиться. Неужели и здесь, в Раэноре, такое случилось? Подойдя к одному из домов, Хаггар постучал в дверь. Глухой звук разнесся по улице. Но никакого ответа не последовало. Скрипнув, дверь приоткрылась, и Хаггара обдало нежилым запахом плесени.

– Эй! – позвал он. Тишина. Осторожно ступив в темнеющий дверной проем, арандамарец пошарил руками по стене. Горожане обычно держат светильники где-то недалеко от входа. Ага. Нащупал. Чиркнуло огниво, и теплый свет разлился, заставляя темноту отступить. Хаггар огляделся. Он стоял в маленьком чистом коридоре. На полу лежал самотканый коврик. У порога стояли три пары легких мужских туфель. Арандамарец прошел в комнату. Она была почти пуста. У самого окна стояли стол, стул, рядом, у стены, узкая кровать, маленький сундук у дверей. На стене висели музыкальные инструменты: флейты, лютня и хрупкая виола с нежными изгибами дек, с тонким грифом и смычком из волос белой кобылицы. Поставив светильник на стол, Хаггар бережно снял виолу со стены, погладил чуткой рукой легкий корпус, провел пальцами по струнам. Виола ответила мелодичным гудением. Подтянув колки, Хаггар взял смычок, приложил виолу к щеке и заиграл. Вскоре в памяти всплыли слова:

Где-то за морями
Есть волшебный остров.

Там с тобой мы встретим

Золотой рассвет.

Это была старая арандамарская песня, которую часто пела мать. И оттого ли, что она вспомнилась ему сейчас особенно явственно, или потому, что голос виолы был щемяще нежен, Хаггар заплакал. Слезы текли по щекам, но он, играя, их не замечал, и в его сердце таяла обида, уступая место уверенности в том, что он приехал не зря, что все еще будет хорошо и они с Элен будут счастливы вместе. Усталость долгого пути и потрясения этой ночи давали о себе знать. Вернув благородный инструмент на место, арандамарец благодарно погладил теплое дерево и прошептал:

– Спасибо!

Виола ответила нежным звоном. Хаггар улыбнулся. Перенеся светильник к кровати, он скинул с плеч плащ, кряхтя, стянул сапоги, расстегнул пояс и улегся, положив меч рядом. Кровать одобрительно скрипнула под тяжестью нового хозяина.

– Кто бы ни были жители этого дома, где бы ни был сейчас их ночлег, пусть звезды сияют над их головами, а сон их будет крепок и спокоен, – прошептал арандамарец, уронил голову на подушку и заснул. ...

Он бежал по темному лесу. Тишина взрывалась в ушах. Горячий воздух обжигал грудь. Его догоняли. Он не знал кто. Не смел оглянуться. Вперед, бежать, только бы хватило сил. Кричал, но не слышал крика. Пересохшим ртом ловил отра-

ву тумана. А те, за спиной, настигали. Не уйти. Ужас подкашивал ноги. Нет, он не сдастся! Яростно закричал во всю мощь рвущихся легких:

– Нет!

Хаггар очнулся от собственного крика. В комнате было темно. Лишь лунные лучи, пробиваясь сквозь щели в ставнях, бледной дорожкой протянулись от окна к стене. Хрипло дыша, он провел ладонями по лицу. Только сон! Но тут же застыл в оцепенении: прямо к нему по лунному лучу плыла виола, а вокруг нее назойливо увивался смычок. Он льнул к струнам, рождая звуки. Но это была не музыка, нет! Виола кривлялась, хохотала, визжала! Она издевалась над ним, безжалостно, отвратительно перевирая его мелодию, мстя музыканту за то, что на миг разбудил ее душу. Хаггар закрыл уши, но смычок пиликал у самого его плеча. Струны скрипели все громче, громче.....

– Хватит! – взмолился Хаггар. Он хотел схватить инструмент, но виола увернулась, злобно взвыла и, будто послушная руке безумного виолищика, принялась носиться вокруг Хаггара, визжа и завывая. Кошмару не было конца. Не выдержав муки, он схватил меч и что было силы ударил по хрупкому корпусу. Раздался треск. Щепки брызнули во все стороны. В комнате воцарилась тишина. Хаггара одолела тяжелая сонливость. Он повалился на кровать и заснул, не выпуская меч из руки. Он снова бежал по узкой тропе в темном, душном лесу. Его опять настигали. Хаггар пытался

проснуться, вырваться из забвения, но сон не хотел его отпустить. Будто выныривая из черной, вязкой воды, арандамарец просыпался, но снова погружался во все тот же сон, как в гиблое болото, засасывавшее его все глубже и глубже. С каждым разом кошмарные преследователи подбирались к нему ближе, их свистящий шепот леденил сердце:

– Обернись! Тебе не уйти. Ты наш!

Хаггар кричал, в отчаянии призывая на помощь отца и брата, но сам не слышал своего крика. Силы оставляли его. Бежать становилось все труднее. Арандамарец еле переставлял немеющие ноги.

– Это сон! Это всего лишь сон! – отчаянно билось в мозгу. – Только бы проснуться! – Но он уже и сам понимал, что обречен, что нет ни сна, ни яви. Хаггар остановился и обернулся. Он никого не увидел. Лишь пятно сизого тумана колыхалось на тропе шагах в пятнадцать от него. Рассекая мечом вязкий воздух, Хаггар закричал:

– Вот он я! Попробуй, возьми!

Туман заволновался, будто смрадный гад зашевелился в его сгустках, свивая и развивая липкие кольца щупалец, и медленно двинулся вперед. Хаггара обдало пронизывающим холодом. Но он только крепче сжал меч. Легко с ним не справятся. Тут, будто прорвавшись сквозь упругую пелену сна, рядом с ним оказались два воина. В одном из них он с изумлением узнал княгиню. Второй, высокий черноволосый витязь, был ему незнаком. Оба встали плечом к плечу с аран-

дамарцем и тоже обнажили сияющие мечи.

– Он наш! – с вызовом выкрикнула Элен. – Уходи!

Она пошла вперед. Витязь не отставал, шагая рядом.

– Ты не сможешь его убить! На нем медальон! Уходи! – звенел ее голос. На мгновение сизое облако замерло. И вдруг из его недр вырвался ослепительный луч, метя в грудь Хаггара. Раздался оглушительный взрыв. От страшного удара арандамарец покатился по земле, но тут же снова вскочил и ринулся вперед. Облако исчезло. Только гарью тянуло с обожженной земли. Элен и ее спутник подбежали к Хаггару.

– Ты свободен! – Она вдруг улыбнулась, сдерживая слезы. – Теперь прощай!

Тут и она, и рыцарь, и лес, и тропа вдруг начали таять, пока совсем не исчезли во тьме. Хаггар открыл глаза. Он лежал на все той же узкой кровати, сжимая в руке меч. Вместо лунных лучей в комнату проникал солнечный свет. Хаггар неприязненно огляделся. Прочь из колдовского жилища!

Пошатываясь, он побрел вниз по узкой пустой улице. Полуденное солнце, отражаясь от белых камней, слепило глаза. Плутал он долго. Жаркое солнце уже клонилось к закату, когда, свернув в очередной переулок, Хаггар оказался перед закрытыми на засов воротами. Вытащив из скобы обитую железом балку, он толкнул створку ногой. Ворота со скрипом отворились. Мертвый квартал остался позади. Хаггара как будто оглушили. Нечто похожее было с ним однажды в юности. Во время боя сзади к нему подкрался дверг и ударил по

голове секирой. Арандамарца спас шлем. Он, в отличие от дверга, остался жив, только недели две ничего не слышал, отчаянно болела голова, и в ушах звон стоял. Машинально передвигая ноги, Хаггар безучастно смотрел на проходивших мимо людей, торопившихся по своим делам. Его вся эта суета не касалась. Времени теперь у него было много. Стеннело. А арандамарец все еще бесцельно бродил по шумным улицам. Он не знал, что делать дальше. Дома, в Вальбарде, ему все казалось простым. Только сделать выбор! Принять проклятье Элен, отречься от будущего – разве малая плата? Тогда, на озере, она говорила о жизнях и королевствах. Что ж, он бросил ей под ноги и то, и другое. Но почему эта сумасшедшая отказалась принять его жертву? Может быть, она не поняла? Косноязычный вояка! А может...? Письмо. Он должен написать ей. Должен пытаться снова и снова, пока на сотый, на тысячный свой вопрос не услышит: “Да”.

Гостиница “Белая роза” располагалась в солидном трехэтажном доме на площади Фонтана. Ее хозяйка Розалия совершенно обоснованно гордилась тем, что “Белая роза” среди столичных жителей слыла самым приличным заведением такого рода. Площадь Фонтана была совсем недалеко от дворца, среди постояльцев Розалии попадались не только богатые купцы со всего Раэнора, но и знатные иноземцы, путешественники, привлеченные в Дол-Раэн слухами о его великолепии. Поэтому хозяйка ревностно следила за тем, чтобы

дом и снаружи, и внутри выглядел образцово. Каждую весну работники подновляли деревянную вывеску. Совсем недавно стены снова подкрасили розовой краской, а рамы обвели белой. Прямо перед домом был крошечный сад, в котором росло несколько кустов белых роз. Хозяйка сама за ними ухаживала. На кованых решетках заборчика и калитки тоже красовались распустившиеся розовые бутоны. На первом этаже гостиницы был трактир, второй был отведен под комнаты для постояльцев, на третьем жили прислуга и сама Розалия. Хозяйка она была, как говорится, с твердой рукой и трезвой головой, отличалась веселым нравом и щедро платила своим работникам. Правда, работать приходилось не покладая рук, так ведь хозяйка и сама без дела не сидела.

Вот и в этот вечер она, по обыкновению, спустилась в трактир проверить как идут дела и помочь девушкам. В большом светлом зале было людно. Сидя за столиками, разнорцы отдыхали в прохладе после жаркого дня. Милovidные опрятные девушки-служанки разносили заказы, улыбаясь и здороваясь с посетителями, многие из которых были завсегдатаями трактира. В углу у каминной решетки дремал паренек. Розалия направилась к нему.

– Ритус, соня! – Она похлопала мальчишку по плечу. Тот встрепенулся, протирая глаза.

– Так-то ты работаешь! Я же тебя посылала за углем для кухни!

– Я и принес! – Парень махнул рукой в сторону одной из

служанок. – Лина сказала, что пяти корзин хватит.

– А в комнатах кто будет убирать? Купцы из Аниата еще утром съехали. – Да что ты в самом деле, Розалия! Я там уж давно порядок навел. Сходи, проверь. Стал бы я тут сидеть!

– Что ты скажешь! Ай да работник! – усмехнулась Розалия. – Ну-ка, бегом на кухню!

Она отвернулась от мальчишки и направилась было вон из зала, но его возглас “Гляди!” заставил ее обернуться. За мгновение до этого входная дверь в который уже раз за день распахнулась, и в зал вошел высокий, широкоплечий мужчина. Чужеземного покроя платье, загорелое лицо и длинный меч незнакомца приковали к нему внимание любопытных долбраэнцев. Однако пришелец не замечал пристальных взглядов. Пока он хмуро оглядывал зал, Розалия, приветливо улыбаясь (еще один постоялец), подлетела к нему.

– Чего желает господин? – пропела она, и ее улыбка стала еще радушнее. Человек равнодушно скользнул по трактирщице взглядом и отрывисто приказал:

– Комнату, перо, чернила и несколько листов бумаги. Куда идти? Розалия опешила. Так с ней никто никогда не разговаривал! Возмущенная до глубины души неслыханной дерзостью пришельца, она с расстановкой начала:

– У нас приличная гостиница, господин незнакомец, – но осеклась на полуслове. Мужчина остановил на ней тяжелый, властный взгляд, от которого у бедной Розалии душа в пятки ушла, и вымолвил:

– Я жду.

Не проронив больше ни слова, обомлевшая от страха хозяйка поспешно вышла из зала. Незнакомец следовал за ней. Поднявшись на второй этаж, Розалия прошла в конец коридора и отворила дверь:

– Вот свободная комната. Не угодно ли осмотреть? Если не нравится, поменяем. Соседняя тоже свободна.

Не дослушав ее щебетание, пришелец вошел в комнату и закрыл дверь. Розалия почувствовала, что сейчас упадет в обморок.

– Хозяйка, что с тобой? – раздалось у нее над ухом. Она вскрикнула, схватившись за грудь, но тут же облегченно вздохнула:

– А, это ты! Ритус, скорее неси ему письменный прибор и бумагу. Проверь только, чтобы все было в порядке. – Парень ринулся было выполнять ее поручение, но она его удержала: – Подожди! Ой, помоги мне дойти до лестницы. Голова закружилась.

– Ты что, Розалия? – Парень с тревогой взглянул на хозяйку. – Человек с дороги устал, вот и все. Хочет дела сделать да на боковую. Что тебе померещилось-то?

– Ой нет, миленький Ритус! – шептала Розалия, опираясь на руку слуги и то и дело оглядываясь на злополучную дверь. – Как он на меня взглянул! Я и близко к нему не подойду. Вот ты, Ритус, и веди с ним дела. От всей остальной работы тебя освобожу, только избавь меня от него!

– Идет! Тогда скорее за пером и бумагой! – И оба прибавили шаг. Хаггар сидел за столом и в задумчивости смотрел на лежащий перед ним чистый лист. Вдруг схватил перо и одним духом написал: “Элен, объясни, почему? Что с тобой? Может, я виноват? Был резок и испугал? Не смог объяснить, почему снова здесь? Я решил окончательно. Мое место рядом с тобой. Хочешь ты того или нет, любишь или нет, все равно. Теперь только понимаю, что такое судьба. Чего ты боишься? Я знаю теперь все твои тайны. Наше прошлое, наш рок... Да какое нам до этого дело! Мы живы, мир вокруг нас живой и прекрасный. Чего ты ждешь? Решайся, не позволяй страху погубить себя!”. Теперь надо найти Дию и отдать письмо ему. Отшвырнув перо, арандамарец сложил листок и сунул его за пазуху. Рука наткнулась на холодный металл. Хаггар осторожно вытащил медальон – подарок Элен. Странно, он нисколько не вбирает в себя тепло. Даже на горячей груди его невозможно согреть. Однако подарок и впрямь полезный. Когда Хаггар показал медальон на приграничной заставе, его не только пропустили, но предложили свежих лошадей и провожатых. И во дворец он прошел без труда. Швырнув на стол несколько монет, арандамарец вышел из комнаты.

Была глубокая ночь. Миновав несколько уснувших кварталов, он быстро добрался до дворца. Часовые у ворот, увидев медальон, пропустили Хаггара, ничего не спросив. Во дворце тоже было тихо. Лишь кое-где в окнах мерцали

огоньки. Войдя в полузабытые покои, арандамарец понял, что не может вспомнить, где обитает Дию. Оглянувшись, он увидел скучающих стражников и подошел к ним.

– Мне нужен лекарь. Как его найти?

Один из них охотно пояснил:

– Сейчас пойдешь прямо, минуешь два коридора, свернешь в третий, поднимешься по лестнице на два пролета, там увидишь небольшую деревянную дверь. Постучишь.

Вскоре он оказался у знакомых дверей.

Фрэй спал чутко. Да и как иначе. За ним приходили и ночью, и под утро. Он не удивился, когда услышал отчетливый стук. Вскочив с кровати, он накинул шерстяной плащ и открыл дверь. Перед ним стоял высокий человек в дорожном платье. Фрэй заметил, какое бледное, осунувшееся лицо у незнакомца.

– Мне нужен лекарь, – хрипло произнес пришелец.

– Он перед тобой. Ты болен? Зайди, я помогу.....

– Мне нужен Дию, – прервал Фрэя незнакомец, остановив на нем тяжелый, равнодушный взгляд. – Где он?

– А-а... – вздохнул лекарь. – Его здесь нет. Месяц назад он уехал на север, но все еще не вернулся. Мы ждем его со дня на день...

Но незнакомец опять не дослушал. Отвернувшись от лекаря, он пошел прочь. Фрэй в недоумении пожал плечами. Слышал ли этот человек его слова? Откуда он? И почему не воспользовался его, Фрэя, помощью? Ведь то, что он болен,

несомненно. Когда шаги прищельца стихли, лекарь закрыл дверь и снова лег в постель.

Хаггар вернулся в гостиницу к рассвету. У своей комнаты он обнаружил дремавшего, прислонившись спиной к дверному косяку, паренька. Шаги арандамарца разбудили спящего. Он вскочил, протирая глаза.

– А, господин рыцарь вернулся! Сразу видно, благородный человек, щедрый, – спросонья бормотал парень, пройдя за Хаггаром в комнату. – Я тут постель приготовил. Сейчас воду согрею и поесть принесу. Помочь раздеться?

Хаггар отстранил его:

– Не надо ничего. Потом. Уходи.

– Ну, не надо, так не надо. Во сколько будить-то?

– Сам позову. Иди.

Слуга вышел, плотно притворив за собой дверь. Хаггар распахнул окно, потушил свечи и сел в кресло, в задумчивости глядя в небо цвета густых фиолетовых чернил. Ему так и не удалось заснуть.

На следующий день, ближе к обеду, Хаггар спустился в трактир перекусить. В зале только у самой стойки сидели несколько посетителей. Столики были свободны. Арандамарец выбрал место в нише у камина, подальше от посторонних глаз. И тут же перед ним возник вчерашний паренек и затараторил:

– Что угодно господину? Есть прекрасный суп с бараниной, телятина с маслинами, тушеная свинина с грибами. А

может, господин предпочитает рыбу? Пожирнее или наоборот? Жареную, тушеную или сырую в маринаде? – Однако, заметив, что гость сидит истукан истуканом, слуга сбавил ход. – Может, птицу приготовить? Гуся там или курицу?

– Стакан белого вина.

– Что? – Парень сначала не понял. – А, сейчас несу! – Он облегченно вздохнул. Где вино, там и трапеза. Уж это точно. А поест постоялец, глядишь, и похорошеет. Через минуту перед арандамарцем на крахмальной белой скатерти стоял высокий стакан из тонкого прозрачного стекла. Расторопный паренек наполнил его до половины молодым вином.

– Сядь. Как твое имя? – Постоялец впервые посмотрел слуге в лицо. Как-то съезжившись и присмирив под сковывающим взглядом, тот присел на край скамьи и проямлил:

– Ритус меня зовут, сударь.

Хаггар невесело усмехнулся:

– Чего затрясся? Осип от страха. Чем я тебя напугал?

– Да нет, господин рыцарь, тебе кажется!

– Может быть. Скажи мне, Ритус, что сейчас происходит в столице? Может, праздники какие близятся?

– Да нет. Аэрэлин прошел. Ярмарка через месяц, в сентябре, день рождения княгини зимой... Нет, сейчас у нас затишь.

– А во дворце никаких увеселений не затевают?

– Вот уж это точно нет. После Аэрэлина все балы отменили.

– Что так?

– Говорят, княгиня нездорова. Нет у нее настроения поселиться, да и дел много. Переселение полным ходом идет! Мы вот тоже года через два тронемся.

– Куда это?

Ритус стал рассказывать о переселении на север. На секунду его рассказ был прерван стуком входной двери. В трактир вошла компания шумных молодых людей.

Когда Велемир подошел к “Белой розе”, разведчики были в сборе и ждали только его.

– Опять ты за свое, командир! – возмутился Дорвель. – А ведь обещал! Пожимая друзьям руки, Велемир живо разразил:

– Я не виноват, что опоздал! Это Лания, это она! Ты же был у нас третьего дня, Дорвель, что ж не попенял ей?

– Ага! – хмыкнул разведчик. – Ей попеняешь!

– Ладно, ребятки, хватит болтать, – прервал их Эгир. – У меня уже во рту пересохло.

Весело переругиваясь, разведчики вошли в трактир. Велемир пошел к стойке, по пути заметив в нише у стены слугу, а рядом с ним быстро спрятавшегося в тень человека.

– Эй, Ритус! – заинтересовавшись, окликнул он паренька. – Где Розалия?

Слуга обернулся и радостно улыбнулся разведчику:

– Здравствуй, господин Велемир! Хозяйка на кухне. Позвать?

– Потом, после обеда.

– Капитан, оставь мальчишку в покое! – окликнул Велемира один из его молодцов. – Времени у нас, насколько я понял, немного!

Велемир вернулся к друзьям. Разведчики, чувствуя себя в трактире по-хозяйски, сдвинули несколько столов, шумно рассаживались, давая наказы хлопотавшим вокруг служакам.

– Понятливый ты, Дорвель, – пробормотал капитан, усаживаясь на оставленное для него место во главе стола. – Для меня-то обед заказали? – взглянул он на соседа.

– Все, как всегда, – улыбнувшись, ответил тот. Через несколько минут девушки, принося заказанное, вновь засуетились вокруг их столов, не забывая весело улыбаться, стреляя глазками на своих любимцев. Они заставили столы блюдами с жарким и тушеными бобами, супницами, тарелками, бутылками и стаканами.

– Ох, ну и запах! – одобрительно крякнул Хадор, потирая руки и вопросительно взглянув на капитана.

– Ну, приступим, пожалуй! – Велемир подал знак к началу трапезы. За время обеда он то и дело поглядывал в сторону укрывшей незнакомца ниши, но видел лишь спину Ритуса. Капитану не давала покоя мысль, что он уже где-то видел странное, лишь на миг выхваченное светом и тут же вновь скрытое полумраком лицо сидевшего там человека.

– Капитан, где витаешь? – услышал он голос соседа. – О

Лании думаешь?

– Странно, Эгир. Тот человек, что с Ритусом... Я его уже встречал. А вот где и кто он, вспомнить не могу.

Эгир пожал плечами. – Брось, капитан. Ты за свою жизнь столько народу повидал! Ежели всех вспоминать, то для остального времени не останется. А чтоб тебе не думалось, сейчас все и выясним. – И не успел Велемир его остановить, как Эгир уже кричал: – Эй, Ритус, братишка, поди сюда! Живее!

Паренек, услышав, оглянулся и вопросительно взглянул на незнакомца. Тот, занятый жарким, равнодушно пожал плечами. Расценив этот жест как согласие, парнишка поспешил к столикам разведчиков и сел на освобожденное для него место рядом с Велемиром.

– Слушай, что это за тип прячется там, в нише? – Эгир покровительственно обнял парня за плечи. – В дружки он тебе явно не годится.

– Да что вы, в самом деле! – Ритус потрянул головой. – Спасите небеса от такого приятеля! Своей тоской любого в гроб загонит. А глазищами как зыркнет – душа в пятки! Хозяйку до смерти напугал. Послали демоны постояльца!

– Да кто такой, откуда? Имя-то знаешь? – ввязался в разговор Дорвель. – Нет же! Но не простой, ясное дело. Богатый. И меч у него – не хуже ваших. Я уж в этом разбираюсь. А кулаки – с мою голову.

– Славно! – расхохотался Дорвель. – Вояка, значит.

– Ритус, возьми-ка бутылку вина получше да отнеси ему от нас в подарок. И пригласи с нами пообедать. Давай! – Сказал Велемир. Ритус взял бутылку и вернулся к постояльцу.

– Господин, раэenorские разведчики послали тебе вино и приглашают к столу, отобедать.

Но паренек тут же пожалел о своих словах – таким ледяным взглядом смерил его с головы до ног пришелец. Отодвинув тарелку с недоеденным жарким, он встал и, не сказав ни слова, направился к ведущей во внутренние покои двери.

Велемир внимательно следил за происходившим. И не напрасно. Когда незнакомец выходил из-за стола, его лицо на несколько мгновений выступило из темноты. Этого было достаточно. Немного подождав, Велемир оставил веселящуюся компанию и последовал за незнакомцем. Подойдя к указанной Ритусом двери, разведчик прислушался. Тишина. Он негромко постучал. Ответа не было. Тогда он стукнул пару раз понастойчивей. Дверь отворилась. На пороге стоял тот самый хмурый человек.

– У меня нет желания общаться с кем бы то ни было, – сухо произнес он, глядя куда-то поверх Велемировой головы, и захлопнул было дверь перед самым носом разведчика, но тот успел схватиться за ручку и спокойно произнес:

– Подожди, Хаггар, не горячись.

Дверь снова отворилась. На сей раз постоялец пристально оглядел гостя и, видимо, что-то вспомнил.

– Проходи. Садись. Что надо? Ты говори, я послушаю.

Мне спешить некуда. – Он придвинул еще один стул к столу и подождал, пока Велемир сядет. Оба минуту помолчали.

– Ты изменился, – наконец произнес Велемир. – С трудом тебя узнал. Отчаянный ты был парень! Мои ребята тебя долго вспоминали.

– Мне они тоже о себе память оставили, – усмехнулся арандамарец.

– Ну, не обессудь! – Велемир тоже улыбнулся. – Служба! А ты чего невеселый такой? – Он внимательно взглянул в лицо арандамарца.

– Устал, – нехотя ответил тот.

– Бывает. А в наших краях какими судьбами?

– Проездом. – И снова молчание.

– Так, значит. Слушай, Хаггар, хочу предложить тебе одно дело.

– Какое?

– Поехали со мной. Мы с ребятами к Срединному морю собираемся. Дороги надо разведать. Заодно Дию заберем. Он там у родни гостит. Я помню, вы с ним приятелями были. Ну, как?

Хаггар пожал плечами:

– Не знаю.

– Решай сейчас. Мне, в отличие от тебя, каждая минута дорога.

– Когда отправляетесь?

– А вот сейчас обед закончим, и в дорогу.

– Лихо!

– Ну, так что?

– Почему бы и нет? – пробормотал Хаггар и взглянул на Велемира. – Я согласен. Поехали.

– Вот и славно, – обрадовался разведчик. – Так мы тебя ждем. Спускайся.

Велемир ушел, оставив арандамарца одного. Тот с минуты стоял в неподвижном раздумье, потом собрал необходимые вещи, вытащил из-за пазухи письмо, без сожаления порвал его и вышел из комнаты. Часа через два разведчики миновали шумные улицы столицы и через Золотые ворота выехали в поля. Никто из них не удивился появлению в отряде новичка. Арандамарец молча ехал рядом с Велемиром. Солнце только начало клониться к закату. Теплый ветерок овеивал разгоряченных всадников, сдувая привлеченную запахом конского пота мошкарку. Раэнорцы сняли плотные шерстяные куртки, необходимые для защиты от прохлады и сквозняков северных ночей, и, расстегнув тонкие рубахи, наслаждались ласковым прикосновением солнечных лучей. Хаггар вскоре последовал их примеру. Дорога была ему незнакома. Первое время он с любопытством оглядывал окрестности. Но привычно опрятный раэнорский пейзаж с мирно зеленеющими полями, чистыми извилистыми речками, белыми домами и безмятежными жителями вскоре ему наскучил. Арандамарец погрузился в размышления.

Сначала разведчики ехали молча. Каждый вспоминал

устроенные родичами проводы. И ведь не впервые уходили они в поход, а сердце все равно учащенно билось от волнения. Как-то будет на этот раз? Однако вскоре тревожные мысли были развеяны возгласом Дорвеля:

– Чего кислые такие? Чай, не на похороны едем. Может, споем?

Хаггар еще в свой первый приезд в Раэнор удивлялся, до чего местные жители любят музыку. Умение играть на каком-нибудь инструменте здесь не было редкостью, наоборот, неуча подвергли бы жестоким насмешкам. С удовольствием слушая пение разведчиков, арандамарец подумал, что частые походы шли их многоголосому хору на пользу. А сколько песен они знали! Когда было покончено с первым десятком, Велемир с притворным участием обратился к друзьям:

– Не устали еще? Может, передохнете? А я пока мастера послушаю. Нир, спой что-нибудь, порадуй старика и покажи заодно этим оболтусам, чем пение от ора отличается.

Нир отмахнулся было, но его уже со всех сторон тормозили:

– Давай, пой! Капитан приказал!

– Нир, пожалуйста!

– Правда, спой хоть одну!

И Нир сдался. Секунду подумав, он запел:

Был в бедную девушку страстно влюблен

Прекрасный и доблестный принц.

Он песни слагал, красотой опьянен,

О чувстве своем без границ.

Но головой качала речам его в ответ

Та, что его любила, но говорила “Нет”.

Тогда он дракона убил для нее

В кровавом, жестоком бою.

– Теперь–то поверило сердце твое,

Как сильно тебя я люблю?

– Но молча отвернулась речам его в ответ

Та, что его любила, но говорила “Нет”.

– Так, может, богатство тебя соблазнит,

И гордость смирится твоя?

Вот клад, что был мною у гримов отбит,

Его сохранила земля.

– Но звонко рассмеялась речам его в ответ

Та, что его любила, но говорила “Нет”.

Принц, странником став, за моря уплывал,

Чтоб новые земли открыть.

И каждую он в ее честь называл,

Не в силах любовь позабыть.

Но молча провожала, смотря на пенный след,

Та, что его любила, но говорила “Нет”.

– Ну, что ж, если так, мне на свете не жить.

Твоей не дожидаться любви.

Лишь в смерти смогу я тебя позабыть,

Пусть кончатся муки мои.

– И тихо улыбнулась речам его в ответ

Та, что его любила, но говорила “Нет”.

Велемир то и дело поглядывал на своего спутника, однако с разговорами не приставал. Он решил дожидаться, когда арандамарец сам захочет поговорить. Остальные же, весело болтая, и вовсе не обращали на чужака внимания. Взрывы дружного хохота то и дело отрывали Хаггара от его дум. Так, спокойно, неторопливо они ехали несколько дней, останавливаясь на ночлег в придорожных гостиницах. Им были рады и принимали, как завсегдатаев. Хаггар лишь головой качал и усмехался, невольно сравнивая эту прогулку с походами, в которые он ходил у себя в Арандамаре.

Через неделю разведчики добрались до границы. Капитану Северного гарнизона Угарду было известно о приближении всадников за два дня до их приезда. Отложив ежегодную проверку приграничных поселков, он готовился к встрече. Разведчики въехали в Дусьи к вечеру. Они остановились у большого капитанского дома. Угард выбежал им навстречу, сам придержал лошадь Велемира и радостно обнял его.

– Ну, наконец-то! – дверг был рад старому знакомцу. – Мои уж мне все уши прожужжали: когда да когда Велемир придет! Ну-ка, ребята, займитесь гостями! – скомандовал он обступившим разведчиков солдатам.

– Здорово, бойцы! – улыбался Дорвель, пожимая тянущиеся к нему руки. – Соскучились?

– Особо по тебе, болтун, – пробасил один из dwarves. – Пошли, в дороге, небось, оголодали!

– Есть такое дело, – согласился Дорвель.

– Тогда пошевеливайтесь! У нас в казарме стол накрыт.

Вскоре двор опустел. Разведчики ушли в гарнизонную казарму. Только сам хозяин, Велемир и арандамарец, которому тот дал знак остаться, стояли у дверей.

– Заходи, бродяга, – dwarf распахнул дверь. – Это кто с тобой?

– Не узнаешь? Сейчас вспомнишь. Тот самый парень, который в поединке победил морнийского посла. Как раз в тот Аэрэлин, когда ты стал капитаном.

– А-а, – протянул dwarf, вперив маленькие внимательные глаза в арандамарца. – Проходите, чего в дверях стоять.

Они вошли в дом и сразу оказались в большой опрятной комнате. Хаггар с настороженным любопытством огляделся. Он впервые был в доме dwarves. Его удивила чистота. Все просто, добротно, ни одной лишней вещи. Начищенные песком дощатый пол и бревенчатые стены пахли деревом, потолок сиял свежей побелкой, на вымытых окнах колыхались под легким ветерком занавески. Посреди комнаты стоял внушительных размеров стол, покрытый вышитой скатертью. На скамьях у стола лежали вязаные коврики.

– Рина! – позвал dwarf. Из соседней комнаты слышался

звонкий голос:

– Иду, иду! – И Хаггар увидел хозяйку дома, молодую невысокую двергу. Оглядев гостей, она радостно улыбнулась, сверкнув крепкими белыми зубами.

– Велемир! Наконец-то! А муж уже беспокоился!

– С чего бы? – Разведчик подошел к двери и чмокнул ее в румяную щечку.

– Ну, как поживаете? Хвастайтесь!

Она было открыла рот, но не успела и слова вымолвить.

– Рина! – остановил жену Угард. – Подавай на стол. Гости с дороги. За обедом поговорим.

Дверга кивнула и засуетилась у печки. Вскоре на столе появились внушительных размеров блюда со снедью. Хаггар сел за стол рядом с Велемиром, во главе стола уселся Угард, и уж последней заняла свое место рядом с мужем Рина. Утолив первый голод, разведчик снова спросил:

– Ну, рассказывайте, как тут у вас.

– Хорошо! – расплылась в улыбке Рина.

– Наследник у меня появился, – обняв жену за плечи, добавил Угард. – Весной.

– Да ну! Ай да жена у тебя, разбойник! Как назвали?

– Борсом, как моего отца. – Улыбка сошла с лица Рины. – Жаль, не увидел внука.

– Да, – задумчиво вздохнул ее муж. Велемир сочувственно покачал головой: – Борс, Борс... Хороший был капитан.

– Он просто был хороший. Вот мать его ненадолго пере-

жила. Замуж меня выдала, внучку дождалась и ушла к нему.

Хаггар слушал, как Велемир и хозяйева вспоминают прошлое. Мягкий говор разведчика то и дело прерывался глухим, гортанным, иногда похожим на рык голосом дверга и звонким смехом его жены. Арандамарец в разговор не вступал. Велемир, еще в столице понявший, что Хаггар – собеседник никудышный, с общением не навязывался. Ужин подошел к концу. Рина убрала со стола.

– Ну, – подмигнув ей, Велемир потер руки, – а теперь главное – подарки!

Он вынес на середину комнаты туго набитый дорожный мешок, распустил завязки и принялся вытаскивать многочисленные свертки.

– Так. Это тебе, Угард, – Велемир бросил на колени двергу один из них. Раздалось глухое звяканье, и Угард, развернув холстину, удовлетворенно хмыкнул:

– То, что надо.

Это были искусно выкованные и подбитые коричневым сукном ноговицы. Придирчиво разглядывая каждую заклепку, дверг повертел их в руках, тщательно проверил ремни и приладил ноговицы к ногам.

– О, гляди.

– Неплохо. У нас, в Дол-Раэне, ковали. Специально для тебя, деревенщина. А ты, вроде, и не рад?

– Это все, что ты мне привез? – подозрительно зыркнул на него Угард.

– Вот, точно: двергу сколько ни дай, все мало. Ты еще, что ли, чего хочешь?

– Ладно, не трави! Достал ты ее?

– О чудеснейший друг мой, как говорит наш добрый Тасмари, да воссияет алмаз твоего терпения! – С этими словами разведчик извлек из-за пазухи тщательно перевязанный золотой нитью и запечатанный свиток и неожиданно серьезно произнес: – Письмо от княгини капитану Северного гарнизона Угарду.

Дверг вскочил и с почтением принял послание. Бережно сломав печать, он развернул свиток и сначала быстро пробежал его глазами, а потом дважды внимательно прочел. Велемир же, пока он читал, вытащил тщательно завернутый в синий шелковый платок ящичек и поставил его на стол.

– А вот и ее подарок тебе.

– Княгини? Мне? – Дверг еще раз взглянул на письмо, аккуратно свернул его и спрятал на груди. – Что там?

– Смотри.

Развязав тугой узел и открыв ящичек, дверг застыл, и счастливая улыбка осветила его суровое лицо.

– Ну и ну, Велемир! – выдохнул он, достав из ящичка толстенную книгу в сером замшевом переплете. – Это оно?

– Оно, оно, чудо ты наше! – рассмеялся разведчик. – Я-то сам нигде не мог отыскать. Про историю dwarves вообще не пишут. Хорошо, госпожа помогла. Удивилась, правда, откуда ты знаешь про “Предания четвертого народа”, но книгу

нашла и передала ее для тебя. Упивайся теперь.

Он похлопал друга по плечу и повернулся к Рине.

– Поди сюда, красавица. Тут жена моя тебе подарок передала.

Дверга развернула сверток и захлопала в ладоши.

– Платье! Какое красивое! Угард, ты только взгляни!

– Оставь его. Он теперь в книжку свою влез, за уши не оттянешь. А это игрушки Фессе. Где она сейчас?

– У соседей. Там у них Тисса верховодит. Вот уж сорвиголова, а не девчонка! – Рина улыбнулась. – Спасибо, Велемир. Приезжайте с Ланией к нам. Как в позапрошлом году.

– Это ты к нам приезжай, дорогая. Вот мужа в следующий раз в столицу вызовут, и ты с ним.

– Хорошо.

Тут в соседней комнате раздалось недовольное попискивание, вскоре перешедшее в требовательный рев. Рина еще раз улыбнулась разведчику и ушла успокаивать свое чадо. Велемир окликнул дверга:

– Угард, потолковать нам надо. Повеселились, и хватит.

Они снова сели за стол. Велемир, вынув из заплечного мешка карту, разложил ее перед двергом.

– Взгляни. Вот наша граница, вот Дусьи, вот Стена, вот море, а вот Приморский кряж. Нам надо пройти чуть западнее, обогнуть горы с севера и обследовать побережье.

Дверг сидел рядом, хмуро разглядывая свои покрытые шрамами руки. Он даже не взглянул на карту.

– Да очнись ты, – окликнул его Велемир. Тот быстро взглянул на него и снова уставился на руки.

– Не лезь ты туда сейчас, – наконец буркнул он.

– Почему это?

– Почему? Плохи наши дела, Велемир. Вы в столице спите, что ли?

– Да нет. Мы знаем, что в степи пошаливают.....

– Пошаливают! – зло усмехнулся Угард. – А кто, не знаете?

– Кочевники, дикари. Как всегда.

– Нет.

– Что ты все намеками? – вдруг взорвался разведчик. –

Говори, что знаешь!

– Да ничего я толком не знаю! – огрызнулся дверг. – Степь горит, Велемир. Огни то тут, то там полыхают. Поджоги это. Воду травят. Народу много перемерло. За Стену теперь мало кто выходит. Да и саму Стену подкапывают. Уследить невозможно. Вечером все цело, а утром то тут, то там обвалы. Не поймать их, гадов!

– А дозоры-то?

– Не видят никого! Я сам стоял, караулил. Все не верилось.

– И что? Тебя-то этим не испугаешь!

Угард понуро опустил голову:

– Думать я начал.

Велемир расхохотался:

– Это серьезно!

– Чего ржешь? – усмехнулся Угард. – Нам, дворгам, думать не положено. За нас уже все другие подумали. Востряки. Только мне все это не очень нравится.

– Да что именно?

– А то, что, как всегда, они там, в столице, свои дыры нашими задницами закрывают!

– Неправда!

– Угу! Раньше хоть строителей присылали, денег не жалели, торговля шла, а теперь! Моим ребятам жалованье за два месяца задолжали. Укрепления сами строим. Прямо швец, жнец и на дуде игрец!

– Это из-за переселения, Угард.

– Ну да, конечно! Они там все переселятся в первых рядах, а мы, дураки, их прикрывать будем до последнего. Пока земля под ногами плавиться не начнет. А может, нас туда, в Хьорланд, и вовсе не возьмут. Здесь подыхать оставят.

– Да с чего ты взял?

– Рожамии не вышли!

– Хватит! – Разведчик грохнул кулаком по столу. – Хватит бред нести!

– Да не бред это, Велемир! – Дверг стиснул его руку в своей и зашептал, зыркнув на Хаггара: – По осени обоз уходил. Мы их до Реки провожали, как велено. Был с ними один из Совета. Все командовать лез. А ведь не знает, как лошадь запрягать! Ну, повздорили мы немного. Он мне и сказал.....

– Что?

– Что скоро уж время придет со всем нашим проклятым племенем поквитаться.

Велемир стиснул зубы. Вот оно что! Помолчав, он обнял дверга за плечи:

– Брось, дружище! Это он сгоряча. Молодой, вспылчивый....

– Ты его глаза не видел, Велемир, – тихо сказал Угард. Они оба замолчали.

Во время их разговора Хаггар придвинул карту поближе к себе и принялся внимательно изучать предполагаемый маршрут. Путь предстоял неблизкий, но никаких трудностей карта не сулила. Ни гор, ни болот, ни холмов, ни оврагов. Сплошная равнина с мелкими речушками и маленьким озерцами. Отчего этот дверг паникует? Степняки не так страшны. Хотя для мирных разнорцев и они, видно, грозная опасность.

– Велемир, думаю, дней за двадцать управимся.

Разведчик согласно кивнул:

– Должны.

– Лошадей не берите, Велемир. Послушайте моего совета. Ведите себя тихо, – устало пробормотал Угард. – Стоячую и речную воду не пейте. Ищите родники. Огня берегитесь. Сколько вас?

– Двенадцать.

– Хорошо. Перед сном с картой посидим. А сейчас пой-

дем, проверим снаряжение. Если что нужно будет, дам.

Они вышли из дома. Стемнело. После дневной жары дышалось легко. Угард зажег фонарь и пошел впереди, освещая дорогу. Огни в домах давно погасли – жители в Дусьях ложились рано. Только на самой окраине поселка виднелся свет. Оттуда доносились шум, пение и смех. Спутники дверга то и дело спотыкались. Наконец, угодив во внушительную выбоину в мостовой, Велемир не выдержал:

– Да что за ерунда! Дверг! У тебя здесь шею сломаешь!

Даже не оглянувшись, Угард пробубнил:

– А тебе, дураку, для того и светят под ноги, чтобы цел был. Пошевеливайся и не ворчи. Слышишь, как твои буянят? Перепились, поди, как всегда! Вот я посмотрю на вас, как на рассвете-то выходить будете! Так уж и быть, на опохмелку фляги наполню.

Хаггар усмехнулся и покачал головой. Вяло переругиваясь, они подошли к казарме. Внушительного вида здание походило, скорее, на преуспевающую гостиницу. Двери гостеприимно распахнуты, ступени освещены фонарями. Оставив свою лампу у входа, Угард и его спутники прошли по широкому, с множеством дверей, коридору и оказались в огромном зале с каменным полом, высоченным закопченным потолком и камином чуть не вполстены. Посреди зала стоял стол с батареей наполовину пустых бутылок самого разного калибра. Было чем и закусить. За столом места свободного не было. Разведчики, сидя в обнимку с солдатами, распева-

ли:

Я пришел с войны домой,
Хоть и ранен, да живой.
Эй, красотка, не реви!
Мужа крепче обними!

Минуту-две никто не замечал вошедших. Но вот один из двергов оглянулся, увидел капитана и вскочил. За ним повскакали с мест остальные. Разведчики, завидя Велемира, тоже поднялись.

– А ну, балбесы, кончай посиделки! – прогремел бас Угарда. – Живо убрать все и на боковую! Вы пятый сон смотреть будете, когда разведчики за Стену уйдут!

Дверги засуетились, убирая со стола остатки трапезы, а капитан, арандамарец, Велемир и его люди прошли в комнату, где были свалены мешки со снаряжением. Еще раз все тщательно проверив, разведчики наконец отправились спать. Угард ушел к себе, пообещав разбудить.

В самый темный час перед рассветом разведчики вышли в поход. Вопреки совету дверга решили ехать верхом. Оставив позади спящий поселок, они проехали лиг пять по широкой мощеной дороге и оказались прямо перед воротами. Хаггар с интересом оглядывал Стену, высотой локтей тридцать, сложенную из гигантских валунов. Такому укреплению мог позавидовать и Арандамар.

– Значит, есть все-таки в Разноре строители с головой, – одобрительно кивнув в сторону Стены, обратился он к ехав-

шему рядом Велемиру. – Не все игрушками занимаются.

Разведчик усмехнулся:

– Были, дружище. Стене-то не одна тысяча лет. Так ведь, Угард?

– Точно. Длинная она. Влево лиг на двести уходит и вправо на триста. Такая во всем Раэноре одна.

– Как это степняки ее подкапывают умудряются?

– Сам не понимаю. Ладно. Приехали уж. Эй, дозорные! – крикнул дверг в темноту. Тут же, испугав лошадей, перед ними выросли четыре кряжистые фигуры. – Открывайте потихоньку ворота!

Наверху пришли в движение мерцающие огоньки факелов, послышались грузные шаги часовых. Раздалось лязганье железа. Огромные кованые засовы сняли с петель и потянули створку на себя.

– Ну, удачи. – Капитан отсалютовал Велемиру и взглядом проводил разведчиков, одного за другим скрывавшихся в непроглядной тьме.

Визит Главного лекаря откладывался больше недели. Сначала княгиня попросила Фрэя повременить с докладом о делах в восточных областях страны, хотя незадолго до этого торопила с отчетом. А потом началось что-то и вовсе невообразимое. Его даже в княжеские покои перестали впускать. У запертых дверей стояли суровые стражи и спокойно объясняли многочисленным посетителям, что госпожа не может

никого принять. Сегодня, как и несколько дней до этого, лекарь получил отказ.

– Если я понадобится, пусть за мной пришлют. – Проворчал он, не скрывая досады. Стражи смотрели сочувственно, а один из них доверительно сказал:

– Господин лекарь, пришлют за тобой, кажется, не скоро. Госпожа серьезно заболела.

– Заболела? Ну так впустите меня!

– Нельзя. Она сама приказала, чтоб никого. Ни-ни!

Махнув рукой, Фрэй отвернулся и пошел было прочь, но тут за его спиной скрипнула дверь, и послышался горький женский плач. Обернувшись, Фрэй увидел служанку Мелиту. Прислонившись к дверям, девушка отчаянно рыдала. Лекарь подошел к ней и участливо спросил:

– Мелита, детка, что случилось?

– Ах, господин лекарь! – простонала служанка. – Я больше так не могу! Она меня убьет! – И она снова разрыдалась.

– Кто?

– Госпожа!

– Что ты говоришь, Мелита! Прекрати плакать, объясни! – Фрэй взял девушку за руку, но она вырвалась, закрывая лицо. – Пойдем, Мелита, я дам тебе успокаивающие капли. Ты слышишь меня? – Голос лекаря стал строгим. Он встряхнул служанку за плечи. Мелита, преодолевая рыдания, забормотала:

– Изю дня в день, господин лекарь! Она и себя уморит,

и нас. Заперлась в спальне. Не ест ничего, говорит, что не хочет. А если и съест, то не глядя, даже не замечая, что ей подают. За целый день слова не скажет. Только “да” да “нет”. Сидит в кресле и будто чего-то ждет. Взгляд в одну точку уставит, как прислушивается. А в глазах, господин лекарь, чернота и ужас! – Служанка снова заплакала.

– Не реви, – приказал Фрэй. – Такое с ней уже было?

– Не знаю! – простонала Мелита. – Я ведь при ней недавно. О боги милосердные! Сама умрет и нас всех с собой заберет! Я спать не могу, а усну – кошмары снятся. Страшно там! Вокруг нее черные птицы летают!

– Замолчи! – вдруг рявкнул Фрэй. – Хватит чепуху молоть! Княгиня заболела, а вы, вместо того чтобы звать врачей, ждете чего-то и трясетесь от страха! – Лекарь обернулся к стражникам. – Слышали? – Оба кивнули. – А теперь пропустите меня.

Часовые переглянулись и, чуть помешкав, открыли дверь. Фрэй вошел в княжеские покои. Встревоженный речами Мелиты, лекарь, тем не менее, не заметил ничего настораживающего. Как всегда, сновали с поручениями слуги, журчали фонтанчики и щебетали птицы, курились благовония. Вот только музыки не было слышно. Провожаемый удивленно-испуганными взглядами слуг, лекарь прошел по коридору к дверям княжеской спальни и остановился. Ему стало не по себе. А вдруг Мелита ошиблась, и княгиня вовсе не больна, а всего лишь устала и хочет побыть одна? Вполне естествен-

ное желание! Ему-то ведь тоже иногда хочется укрыться от всех за толстыми дверями и просто отдохнуть в тишине. Он вошел в комнату. Княгиня сидела в кресле, сквозь распахнутые настежь балконные двери наблюдая за тем, как летят по ясному небу белые с сероватой каймой облака. Полуденное солнце то скрывалось за ними, то вновь обдавало белесым жаром. Княгиня обернулась на звук шагов и, увидев Фрэй, удивленно спросила:

– Лекарь? Как ты здесь оказался?

– Госпожа, – с поклоном начал лекарь, – вот уже больше недели я подхожу к твоим дверям в надежде на то, что ты меня примешь. Но тщетно.

– И поэтому ты решил войти самовольно?

– Нет. Я пришел потому, что ты больна и нуждаешься в помощи.

– Что? – Княгиня встала. – Больна? С чего ты взял?

– Мне сказали твои слуги. Госпожа, твои приближенные уверены в том, что болезнь серьезна. Ты никуда не выходишь, отказываешься от еды, и эти приступы тоски.....

– О Единый! Фрэй! – Она всплеснула руками.

– Госпожа, позволь мне тебя осмотреть. Я знаю, что твой личный врач – Дию, но мы не можем ждать его возвращения. Мелита назвала мне те же признаки, что у неизвестной губительной болезни, с которой мы все чаще сталкиваемся в последнее время!

Неожиданно княгиня улыбнулась:

– Вот оно что. Фрэй, голубчик, возьми кресло, сядь рядом со мной и послушай немного.

Лекарь с неохотой повиновался, и княгиня, секунду помедлив, сказала: – Видишь ли, многие события кажутся нам загадочными, тревожат нас и внушают опасения лишь потому, что мы не знаем их причин или неправильно их истолковываем. Ты увидел следствие, причем изрядно приукрашенное. Я сижу в одиночестве, никого не принимаю, иногда отказываюсь от еды, стало быть, я больна, решаешь ты. Причем непременно чем-то жутким и таинственным. Ничего подобного! Я просто жду. Ты не из коренных раэнорцев, поэтому тебе неизвестны некоторые обряды и таинства. Для посвященных же в моем поведении нет ничего необычного. Это знак – наши боги скоро потребуют нас к себе.

– Что?

– Да нет! – Княгиня тихо засмеялась. – Какое невежество! Это древний обряд, во время которого мы общаемся с Единым. Если уж ты, Главный лекарь, ничего об этом не знаешь, что тогда говорить о простых жителях! Ну-ка, ответь, когда ты щупаешь пульс у слабого больного, ты болтаешь, смеешься, пьешь вино и наслаждаешься трапезой?

Фрэй молчал.

– Нет. Ты требуешь тишины. Твое лицо серьезно, а глаза внимательно следят за пациентом. И это верно. Почему же мое поведение кажется тебе странным?

– Но Мелита.....

– Оставь, пожалуйста! – в раздражении фыркнула Элен. – Мелита – глупая девица, которой хочется замуж, а претендент на такое счастье не особо спешит. Вот только перед тобой она в сотый раз упрашивала меня поговорить с моим секретарем Ирлинггом. Чтобы я приказала ему на ней жениться! Бред!

Фрэй удивленно усмехнулся и покачал головой. – Вот-вот. Видишь, как все просто и ясно, когда знаешь причину? Ну, я развеяла твои опасения?

– О да, госпожа. – Фрэй встал. – Прости. Ворвался без разрешения, наговорил глупостей....

– Ничего. Спасибо за беспокойство. И знаешь, – она взглянула в лицо лекарю, – Дию сделал правильный выбор. Столько раз в этом убеждалась! Теперь иди. Я позову, когда придет время.

Гроза наплывала с юга. Гром грохотал всю ночь. Душный воздух еще более сгустился. В полном безветрии все небо озарялось вспышками. Голубовато-фиолетовый свет разливался до горизонта. Город в его пульсирующем мерцании казался возникшим из пустоты призраком. Разбуженные грохотом жители со страхом смотрели в окна и молили, чтобы пошел дождь. Грозовое зарево все полыхало, но ни единой капли не упало на истомленную зноем землю. Только гром сотрясал горы. А перед рассветом поднялся сильный ветер и унес грозу дальше на север.

Княгиня Раэнора тоже не спала в эту ночь. Она и не думала закрывать балконную дверь, наблюдая за сполохами ярчайшего света. Выбежав на балкон, Элен запрокинула голову, устремила взгляд в горящее холодным огнем небо и застыла в ожидании. Она стояла так, пока последний удар грома не затих вдали, и после этого осторожно, словно боясь расплескать скопившуюся в ней чудесную силу, вернулась в комнату.

Княгиня проснулась после полудня. С удовольствием подкрепившись, послала за Ирлингом, а когда тот с радостной улыбкой влетел в комнату, бесстрастно, будто и не было недельного затворничества, приказала:

– Сообщи жрецам, что таинство будет завтра. Скажешь, что прошу их собраться к рассвету. Потом найдешь советников и отдашь им это. – Она протянула секретарю плотно скрученный свиток, запечатанный алой княжеской печатью. – Да передай, что прием устрою на днях. Пусть готовятся с докладами. – Она помолчала и осторожно спросила: – Дию не вернулся? Понутившись, Ирлинг покачал головой. Он тоже скучал по старику. Элен тяжело вздохнула: – Ладно, иди.

После ухода Ирлинга княгиня снова погрузилась в спокойные раздумья, из которых ее вскоре вывел торопливый стук в дверь.

– Госпожа, – выпалил появившийся на пороге слуга, – к тебе прибыл гость. Он ожидает тебя в кабинете.

– Спасибо, Орс. – Элен встала и секунду помедлила. Вот она, Судьба. Скоро, совсем скоро все решится для нее и для тех, кого соединил с ней Рок. Удивительно, как спокойно на душе! Да, пусть все решится. Когда княгиня вошла в кабинет, человек, до этого сидевший в кресле, стремительно поднялся и шагнул ей навстречу.

– Итис! – радостно улыбнулась Элен, взглянув в пугающе огромные глаза гостя. Он подошел к ней вплотную и склонил голову. – Друг мой, не надо! – Элен попыталась остановить его, но он властно отстранил ее руки.

– Это обряд, госпожа, – пророкотал низкий голос, и гость, опустившись на колени, почтительно поцеловал край ее платья. Затем, помедлив мгновение, поднялся и взглянул в лицо княгини. – Госпожа получила знак?

– Да, Итис, сегодня утром. И уже созвала жрецов. Завтра к вечеру, я верно поняла?

– Боги ждут нас завтра на закате солнца, – произнес он торжественно.

– А сегодня?

– Сегодня я бы хотел быть твоим гостем. – Итис неожиданно мягко улыбнулся.

Отобедав с несколькими приближенными, Элен и ее гость вышли в сад. Они неторопливо прогуливались по сохранившим приятную прохладу аллеям и обменивались последними новостями. Княгиня больше года не видела Хранителя Святилища. Она украдкой разглядывала его, в который уже

раз удивляясь тому, как разительно может измениться человек. Рядом с ней шел высокий, худощавый мужчина с тонкими чертами бледного утонченно-красивого лица, обрамленного волнистыми прядями светлых волос, душистой волной струившихся по спине и только у пояса перехваченных золотой застежкой. Куда исчез худенький, запуганный мальчик, которого тогда, в Святилище, боги избрали своим слугой? Да, их пути не предугадать, их мысли и намерения скрыты. Богам виднее. Да и место, в котором Итис прожил уже тридцать лет, тоже непростое.

– Хранитель, скажи, почему люди уверены, что чудеса прячутся за морями? Меж тем рядом с ними происходят события воистину удивительные!

– Такова их природа. К тому же, чтобы увидеть чудо, надо обладать острым зрением.

– Вот ты, Итис, чудо.

– Объяснись, госпожа. – Он остановил на ней взгляд холодных глаз.

– Я знала твоих родителей. Они были людьми прекрасными, добрыми, но в них не было того огня, который живет в тебе.

– Его зажигает Единый. Ты же знаешь.

– Знаю. Но ни в ком из прежних Хранителей он не горел так ярко.

– Ты недовольна? – Хранитель чуть сдвинул тонкие брови.

– Я? При чем здесь я? Хотя ты почему-то называешь меня

госпожой, но я для тебя всего лишь жрица, одна из многих. Так что были бы боги довольны.

– Жрица Единого, госпожа, и единственная жрица. К тому же знаки небо дает только тебе.

– И тебе, Итис. И божественной силой ты тоже наделен. Перед богами мы равны.

Хранитель опустил голову, помолчал, а потом вдруг с улыбкой взглянул на Элен.

– Перед богами – да. Но не перед твоими подданными. Для них я всего лишь отшельник, чужак, а многие и не подозревают о моем существовании.

– Это тебя тревожит?

– О нет! Всеу свое время. К богам вприпрыжку не бегут. Вскоре, заторопившись по делам, Итис покинул княгиню.

Ранним утром из дворца выехал маленький отряд. Шестнадцать всадников, свернув на восток, проехали через пустующий альфарский квартал, выехали из города и по узкой дороге, петляющей меж холмов и взбирающейся все выше в горы, направились к Святилищу. Путешественники оживленно разговаривали. Дамы время от времени заботливо поправляли прически и складки легкомысленно-прозрачных, затканых золотом одежд. Кавалеры красовались на нарядно убранных лошадях. Ветерок теребил их волосы, длинными локонами рассыпанные по плечам. Элен ехала рядом с Итисом. Всякий раз, когда кто-нибудь обращался к нему, Хра-

нитель отвечал со спокойным достоинством. Его руки с нежной, белой кожей, покоились на луке седла. За каждый перстень, украшавший тонкие пальцы, можно было бы купить скромное, но приличное королевство. “Отшельник, чудака?” – подумала Элен и улыбнулась. Этот человек в богато расшитых фиолетовых одеждах, томно прикрывающий свои волшебные мерцающие глаза длинными ресницами, с властным, рокошущим голосом, внушал почтение и трепет. Он умел подчинять себе людей. Даже Румиль, непримиримый гордец, не признающий над собой ничего превосходства, опускал глаза перед Хранителем Святылища. Тропа поднималась все выше. Город скрылся за островерхими скалами. Неожиданно перед путниками возникли Близнецы – два невысоких кражистых пика, заступавших единственный вход в долину Святылища.

К полудню притомившиеся путники подъехали к перевалу и остановились, чтобы подкрепиться и дать отдых лошадям. Но вскоре отряд снова двинулся в путь. Миновав перевал, всадники невольно задержались. Сколько раз приезжали они сюда, но все никак не могли привыкнуть к красоте Святылища. Со всех сторон окруженная горами маленькая долина была видна как на ладони: квадратики пшеничных полей, крошечное стадо коров, пришедших к петляющей меж гигантских валунов речушке, разноцветные точки пчелиных ульев рядом с домиками служителей. К югу на мощном плато из темного гранита находилось само Святылище, окру-

женное лиловым ковром лаванды. Вдалеке, за пшеничными полями, блестела темная зелень апельсиновой рощи. На пологих склонах рос виноград, из которого служители делали “Слезы дракона” – знаменитое вино.

Воодушевленные прекрасным видом, жрецы поспешили со спуском, и через два часа их уже встречали обрадованные служители. На закате жрецы собрались у подножия плато. Они в молчании ждали появления Хранителя и жрицы Единого. Их было четырнадцать – семеро мужчин и семеро женщин, одетых в одинакового покроя широкие туники из тончайшего шелка, отличавшиеся цветом и узором вышивки. Вскоре раздались звуки музыки, и окруженные толпой служителей появились Элен и Итис. Подойдя к жрецам, Хранитель поднял руку, и музыка смолкла. Не мигая, посмотрев на клонящееся за горы солнце, он сказал: “Пора”, и подал руку Элен. За ними попарно выстроились остальные.

По знаку Итиса процессия двинулась к плато. Снова зазвучала музыка, и служители запели древний гимн посвящения богам. Они шли по узкой тропке в лавандовом поле. В знойном безветрии на них волнами накатывал густой аромат. Итис время от времени взглядывал на жрицу. Она сняла все украшения, и в простом белом платье с распущенными по плечам волосами показалась ему невестой, смущенно следующей на встречу с желанным женихом. “Так и должно быть”, – подумал он и крепче сжал ее ладонь. У ведущих наверх широких, выдолбленных в граните ступеней служители

остановились. Далее жрецы последовали в молчании, не нарушаемом даже птичьим щебетом. Элен почувствовала волнение и вопросительно взглянула на спутника. Тот лишь едва заметно кивнул.

Подъем кончился. Они оказались на зеркально гладкой площадке. По ее периметру стояли четырнадцать мраморных постаментов, богато украшенных драгоценными камнями и золотой и серебряной насечкой. В лучах заходящего солнца камни вспыхивали разноцветными искрами, огни пробегали по гравировке, золотые лужи света разливались по полированной поверхности плато, и только возвышающийся в центре площадки бурый обломок скалы сурово темнел, отбрасывая длинную черную тень. Вся его неровная поверхность была покрыта пятнами ожогов – молнии не щадили исполина. Он не был украшен ничем, кроме строгих рун, кольцом выбитых на его основании. Узкие, высокие ступени вели к его срезанной вершине. Элен и Итис, подойдя к камню, остановились, ожидая, когда жрецы и жрицы взойдут на постаменты. Когда они заняли свои места, Элен в тишине медленно поднялась на вершину обожженного камня, а Хранитель встал у его подножия. Все замерли в ожидании. В звенящей тишине каждый слышал лишь свое учащенное дыхание и стук собственного сердца.

Вдруг, резко вздохнув, Хранитель вскинул к небу руки и громко, чуть хрипло запел, медленно в такт покачиваясь всем телом. Его могучий голос вырывался в небо, ритм все

убыстрялся, все сильнее раскачивалась его высокая фигура. Подул легкий ветерок. С первым его порывом вострепнулись жрецы и по одному, закидывая вверх лица с широко открытыми глазами, подхватывали песню Хранителя. Темп все убыстрялся. Ветер уже свистел в ушах, развевая одежды. Они пели все громче, все быстрее вылетали из пересохших ртов слова, все сильнее качались тела, волосы взвивались вверх. Вихрь кружился, воем вторя песне, свивая воздушные кольца, ограждая Святилище мерцающей бесплотной стеной. Неистово загорелись огромные глаза Хранителя, пламя, разбуженное песней, бушевало в их глубине, и сам он, в пурпурных искрящихся одеждах, с развевающимися волосами, был подобен языку вечного огня, зажженного богами. Песня неслась ввысь, пылающим копьем врезаясь в небо.

Элен, не отрываясь, молча смотрела в раскрывшуюся над ней алую бездну. Там, внизу, Хранитель горел в священном огне, и с ним пылали остальные. Вдруг она почувствовала легкий толчок, а потом жар, разлившийся по жилам, захватил и ее, разбудив дремавшую силу. Ревя и беснуясь, сжигая все на своем пути, огненная волна несется ввысь, будто река, собирая ручьи и наполняясь мощью, стремится влить пенные воды в вечный океан. Элен запела. Ее голос, вплетаясь в могучий хор, растворился в нем, и когда все голоса, слившись в один, рванулись вверх, небо сдалось. Раздался грохот, гулом отдавшийся далеко в горах, и солнечный водопад хлынул, обливая Святилище горячим светом. В ярящемся пото-

ке жрецам явились боги и внимали их речам и просьбам. А в самых недрах светового потока, там, в беспредельной вышине, жрице Единого на миг открылись его помыслы, и, постигнув их, она смирилась и склонила перед его огненным взором свою гордую голову. Солнечный дождь иссяк так же внезапно, как и начался. Смерч разомкнул свои кольца. Кончилась песня. Обессиленные обрядом жрецы медленно сходили с постаментов. Итис, держась рукой за ступени, опустился на землю. Элен в задумчивости сошла с камня и подошла к нему. Хранитель хрипло дышал, дрожащей рукой отирая с лица капли пота.

– Обопрись о мою руку, почтенный, – тихо предложила Элен. Он лишь качнул головой, подняв к ней лицо. В ввалившихся глазах потухло божественное пламя. Лишь серый пепел носился по сожженным садам его души. Элен ужаснулась, не в силах привыкнуть.

– Боги жестоки, – прошептала она. Хранитель лишь слабо улыбнулся.

Но вскоре силы вернулись к нему, и молчаливая процессия спустилась в долину. Там их уже ждали исполненные благоговейного почтения служители и отвели жрецов в приготовленные для них покои.

На следующий день Элен и ее спутники возвращались в столицу. Перед отъездом княгиня даже не попыталась увидеться с Итисом, зная, что он откажет в приеме. Когда она уже садилась в седло, его слуга с глубоким поклоном пере-

дал ей записку, в которой Элен прочла: “На скале место для двоих. Не противься знаку Единого”. Она секунду подумала, а потом сказала слуге:

– Передай господину, что я с радостью покоряюсь воле богов.

Вернувшись в Дол-Раэн, княгиня, как всегда после таинства, собрала жрецов и обратилась к ним:

– Боги говорили с нами. Теперь наш черед говорить с Раэнором, сообщить народу волю богов. Завтра вы отправляетесь в путь. Помните, вы – посредники между великим небом и землей. Будьте милосердны и терпеливы. Не отказывайте никому в слове надежды. Щедро дарите божественную милость.

– А как же благословение Единого? – заволновались жрецы. – Ты говоришь так, будто не поедешь с нами!

– Единый говорил со мной, но благословения не дал, – спокойно произнесла Элен. Со всех сторон раздались недоуменные возгласы:

– Как? Почему?

– Я не принесла жертву, которую он от меня требует. – Казалось, княгиня говорит о пустяке, так безмятежно было ее лицо. Жрецы заговорили меж собой, не скрывая растущую тревогу. Наконец один из них не выдержал:

– А что мы скажем народу? И так ли уж велика жертва, что ты не хочешь ее принести?

Элен невозмутимо произнесла:

– Не вам судить, велика ли она. А народу скажете, что жрица Единого посетит их чуть позже. И пусть готовятся – благословение будет особым. Теперь идите. Да будет легкой ваша дорога.

На следующий день, проводив торжественную процессию, сопровождаемую радостными толпами празднично одетых горожан, Элен вернулась к делам. Гобеленовый зал ломился от посетителей. Ирлинг падал с ног от усталости. Княгиня выслушивала доклады, принимала решения, разбирала тяжбы, выносила приговоры... И так несколько дней подряд. А там подошло заседание Совета, как всегда бурное и трудное. И надо было примирять непримиримых, унимать распри, вникать в любые мелочи. И если в последние годы все это необъяснимо ее раздражало, то теперь Элен неожиданно для себя погрузилась в хозяйственные и политические дела страны с головой. Казалось, ее не волновало ничто, кроме сбора урожая, строительства северной дороги, неприятностей на восточной границе, посольских приемов, пополнения казны... Но в глубине души в ней жило ожидание чего-то знака, обещанного ей в Святилище.

Разведчики медленно продвигались на север. Глаза устали скользить по окружавшей их голой степи. Мертвые стебли высохшей травы с шорохом ломались под копытами изможденных лошадей. Понимая, что бедные животные долго не протянут, Велемир клял себя за упрямство. Не послу-

шался Угарда, и теперь, видно, придется навсегда оставить своего любимца Ветерка здесь, в проклятых северных землях. Разведчики тщетно искали воду, но вместо обозначенных на карте озеро и речушек находили лишь их выстланные ссохшимся илом днища, окруженные сожженным зноем вереском, ковылем и сабельником. Изредка им попадались разрушенные колодцы, с осклизлого дна которых разведчики вычерпывали теплую вонючую воду и пили, подавляя приступы тошноты. Маячившие на горизонте горы приближались. За ними было море. Разведчикам казалось, что именно море избавит их от кошмара, начавшегося в первую же ночь их похода. Тогда впервые они увидели, как небо по краям побагровело. Как будто пожар охватил всю землю, скрытую от них горизонтом. Всю ночь вспыхивали зарницы, а наутро далеко впереди заколыхались белые волны дыма. Солнце, изливая тусклый жар, горелым яблоком выкатилось на выцветшее небо. И нахлынул непонятный страх, не отпускающий ни днем, ни ночью. На третий день пути Велемир отчетливо услышал пение. Далекое голоса исходили унылой жалобой. Сначала капитану показалось, что это вызванный жарой бред, но остальные признались, что тоже слышат похожие на пение звуки. Голоса не умолкали, а ночью песня превратилась в многоголосый вой, полный тоскливой злобы. Разведчики еле справлялись с обезумевшими от ужаса лошадьми. Те шарахались и дрожали, храпя и кося налитыми кровью глазами. Так продолжалось каждую ночь.

С первого дня похода, еще в Раэноре, когда скрылись из глаз белые стены Дол-Раэна, Хаггаром овладело спокойное безразличие. Арандамарец, опытный путешественник, в тягость разведчикам не был. Однако и радости им его присутствие не доставляло. На все вопросы он отвечал односложно, в разговоры не вступал. Лишь Велемир изредка нарушал ход его мыслей своими беседами, в которых больше говорил он, в то время как его собеседник только время от времени рассеянно ронял слова. Зной, жажда, страх мучили Хаггара так же, как и остальных, но все происходившее с ним арандамарец воспринимал, как сквозь пелену сна. Он все еще был оглушен произошедшими в его судьбе стремительными переменами. И странно, огонь, бушевавший за горизонтом и вселявший ужас в его спутников, Хаггару казался заревом надежды, оживавшей в его раненом сердце. Огонь будил в нем знакомое веселое бешенство. Чем теснее скручивал страх своими холодными щупальцами его тело, тем упорнее сопротивлялась ему душа. В глазах арандамарца все ярче горел вызов.

На пятнадцатую ночь путешествия, когда измученные борьбой со степью разведчики спали, выставив часового, Хаггар встал и направился туда, где зарево горело ярче и откуда громче всего доносился вой. Как ни старался арандамарец ступать тихо, его шаги гулко отдавались от растрескавшейся, твердой, как камень, земли. Он все время чувствовал на себе пристальный взгляд. Вой заметно приблизился, беря

его в кольцо. Хаггар недобро усмехнулся:

– Ну, ночные менестрели, начнем охоту!

Его услышали. Звуки, на миг смолкнув, возобновились с новой силой. Все ближе, все громче, неистовой полный лютой злобы вой. Но мучительный страх исчез. Хаггар внезапно с радостным изумлением почувал, как кипящим вином разливается по жилам ярость, и перестал сдерживать дикий, звериный вопль, рвавшийся наружу из самых недр его души. Кромсая мечом горячий воздух, пьянея от неведомого раньше восторга, Хаггар кричал так, что ребра готовы были лопнуть. Яростный вызов волнами неся по пропитавшейся гарью степи. И вой, отступив, понемногу стих. Так волчья стая, устав от грызни, расступается и замолкает перед угрюмым вожаком. В настороженном молчании Хаггар, надменно окинув степь взглядом, приказал:

– Прочь. Я не хочу вас больше слышать.

Он ожидал ответа, но ни звука не донеслось из подернутой белесой дымкой черноты. Вложив меч в ножны, арандамарец повернул к лагерю.

Разведчиков разбудила тишина. Дозорный доложил Велемиру об уходе чужеземца. Капитан, с каждой минутой мрачнея, всматривался в ночную темень.

– Слушай, Велемир, как думаешь, куда он делся? – Дорвель поежился, представив себя затерявшимся в безлюдье степи.

– Вот пропадет, потом нам отвечать, – проворчал Эгир.

Нир примирительно предположил:

– Да ладно, может, пошел прогуляться, подышать.

– Ну и дурак ты, парень! В такую-то ночь?

Нир обиженно замолк.

– Эх, влипли!

– Но вой утих!

– Вот-вот! Сожрали, поди, парня и замолчали на время.

– Откуда вой-то?

– Кто его знает!

Капитан, не слушая перебранку, думал, что сейчас нет смысла приниматься за поиски. Если даже что-то случилось, в такой темноте Хаггара им не отыскать. Ведь они даже не знают, в какую сторону он ушел. Мысленно Велемир уже распрощался со своим молчаливым попутчиком, но тут дозорный крикнул:

– Тихо! Я слышу шаги!

Через несколько мгновений перед ними возник арандамарец. Его появление заставило всех вскочить, схватившись за мечи – так грозно возвышалась его могучая фигура. Отсветы пожара играли тенями на его гордом лице, но в глазах были усталость и грусть. Ни слова не говоря, он прошел к своему месту у костра и, укрывшись плащом, лег. Никто не осмелился его ни о чем спросить. Тихо переговариваясь меж собой, разведчики тоже потихоньку улеглись и вскоре спали все, кроме дозорного и Велемира, которому все казалось,

что кто-то невидимый ходит меж ними, заглядывая им в лица.

Необычайно тихо в этих краях. С ветром я говорю о тебе. А он не слышит. А он – все о чудесах дальних стран. О чужом смехе. И коноплянка – не собеседник. Мне бы смерти выпить, прикоснуться изможденными руками, припасть ртом к ее холодному источнику. Или согнуться с сизым туманом. Знаешь, как он бежит без оглядки от встающего солнца? Куда? Куда мне самому бежать теперь? Без тебя. Что я теперь без тебя?

На следующее утро, когда, запив сухари и сушеные фрукты крепким травяным настоем, разведчики свертывали привал, капитан подошел к Хаггару и, сев рядом, разложил на коленях карту.

– Взгляни, – предложил он арандамарцу. – Мы сейчас вот здесь. – Он указал на белое поле с редкими пометками. – Примерно в пятидесяти лигах от предгорий. Идем мы верно.

– Прекрасно, – Хаггар спокойно смотрел в лицо капитану.

– Да. Но есть у меня опасение... – протянул тот нерешительно.

– Говори. За этим ведь пришел.

– Я бы внимания не обратил. Так, блажь. Но эта степь... Идем на север, а жара такая, будто на самом юге, в пустыне за землями Морна. Мы с ребятами здесь раньше бывали, давненько, правда. Ничего подобного и в помине не было.

Да и голоса... В общем, Хаггар, когда я к походу готовился, знал, что может быть что-то подобное. В одной из рукописей дворцовой библиотеки я нашел странный документ. Княгиня сказала, что ему лет пятьсот, а то и больше. Так вот. В этом свитке говорилось о проклятом месте. Будто бы тысячи лет назад в степи был возведен великий город, которым правили гордые короли. Они были богаты и могущественны, и все эти земли, по которым мы едем, тогда плодородные и многолюдные, принадлежали им. Все дороги в степи стекались в тот город.

– Велемир, ты мне сказку рассказываешь? – нетерпеливо перебил его Хаггар.

– Если бы это была сказка, я приберег бы ее на ночь, – вспыхнул разведчик и стал складывать карту, но арандамарец удержал его:

– Прости. Плохая шутка. Давай дальше.

Велемир продолжил:

– Гордость и сгубила королей. Однажды к ним пришел странник и сказал, что знает обряд, подчиняющий Рок. Если кто-то решится на такой обряд, то сможет сам выбрать себе судьбу, какую пожелает. И даже боги не в силах будут ему помешать. Правивший тогда король приблизил к себе колдуна и сказал, что готов попытаться. И тогда для обряда построили храм. О нем я хочу потолковать. По описаниям храм находится совсем рядом, лигах в пяти левее от нас.

– И что?

– Нам надо сделать крюк, обойти это место. Тот путешественник советовал избегать встречи с храмом.

– Велемир, предостерегавший от опасности человек умер очень давно. И, видимо, у себя дома, в столице, раз свиток попал в дворцовую библиотеку. А ты хочешь из опасений, владевших этим, без сомнения, благоразумным и осторожным путешественником, заставить нас терпеть проклятую жару еще день-два!

– Лучше потерпеть жару, чем погибнуть.

– Мы потеряем оставшихся лошадей.

– Мы и так их потеряем. Не думаю, что они переживут сегодняшний переход. К тому же княгиня тоже предостерегла меня.

– Вот как. От чего предостерегла? Говори ясней!

– Этот храм притягивает. Мы неспроста отклонились от намеченного маршрута. Все эти степные чудеса... Это храм. Он – как голодный аллигатор, притаившийся в единственном на многие лиги озере. Там – смерть.

Хаггар пожал плечами.

– Наверное, Велемир, ты прав. Вам рисковать ни к чему. Поворачиваем на восток. А людям своим ты об этом сказал?

– Да. Они согласны.

– Тогда в дорогу.

Отряд двинулся в путь. Лошадей вели под уздцы, освободив, насколько возможно, от поклажи. Вновь оказавшись рядом с капитаном, Хаггар некоторое время шел молча, а по-

том вдруг спросил: – А что дальше?

Велемир, тоже задумавшийся о своем, недоуменно взглянул на него:

– Ты о чем?

– Ну, изменил король свою судьбу?

– А-а. Нет. Сил не хватило. Храм построили. Огромный, мрачный. Принесли в жертву множество людей и животных. Потом колдун стал творить заклинания, и перед королем возникло золотое полотно Судеб. Ему надо было выплести из полотна свою нить. Но у короля от вожделения так тряслись руки, что он порвал нитку и тут же умер. Его сыновья, не поделив наследство, извели друг друга. Начались войны, потом пришел мор, и край опустел.

– А колдун?

– Исчез вместе с храмом.

– Ничего себе! – насмешливо протянул арандамарец. – И все это ты вычитал в свитке бродяги?

– Княгиня мне рассказала.

– Ты часто ее видишь? – Хаггар с любопытством взглянул на разведчика. – Перед походами она помогает нам составлять маршруты, рассказывает о тех местах, куда собираемся.

– Так она много знает?

– О да.

– Откуда, из книг?

Велемир оставил ехидный выпад без ответа, лишь как-то странно взглянул на Хаггара, но тут же отвел глаза. Разговор

прекратился сам собой.

Толчки начались внезапно. Земля под ногами путников дрогнула, от края до края сведенная тягучей судорогой. А потом с грохотом начала вздыматься волнами, будто под ссохшейся коростой, покрывшей ее тело, пробудился огромный червь и зашевелился, пополз, изгибаясь, то ныряя вглубь, то почти вылезая на поверхность.

– Трещины! Осторожно! Под ноги смотрите! – закричал Велемир, крепче схватил Ветерка под уздцы и рванулся вперед. Но конь не выдержал, со стоном опустился на передние ноги, потом завалился на бок и захрипел.

– Вперед! Я догоню! – скомандовал капитан. – Влево уходите, там спокойнее. Выберемся! – А сам нагнулся к коню и погладил его по широкому лбу, по теплому, мягкому храпу. – Эх! Прости, милый! Я виноват.

– Велемир, беги! – донеслись до него отчаянные вопли. Вскочив на ноги, капитан бросился вперед, перепрыгивая через глубокие разломы, дышащие сухим жаром. Земля сотрясалась в конвульсиях. Сквозь грохот, пронзительное ржание погибающих лошадей, вопли людей Велемир услышал хриплый голос арандамарца:

– Огонь! Степь горит!

Невидимое доселе пламя, лишь багровым дымным заревом напоминавшее о себе, вырвалось из-за горизонта и оранжевой раскаленной стеной стремительно приближалось, сжигая все на своем пути.

– Нас отрезают от гор! – выкрикнул Хаггар.

– Вижу! – Велемир, подбежав к нему, огляделся.

– Что делать, капитан? – Разведчики собрались вокруг капитана.

– Бежать. Западнее, кажется, огня нет. Скорее! Бросайте лошадей и поклажу!

И он первым повернул на запад. Оглядываясь на бушующее у них за спиной пламя, карабкаясь по вздымающимся буграми земляным комьям, разнорцы отходили туда, где ждало если не спасение, то хотя бы передышка.

– Как думаешь, есть у нас надежда? – прокричал Хаггар капитану.

– Не знаю, – выдохнул тот, перепрыгивая через трещины, но вдруг остановился, впившись взглядом в даль, и пробормотал. – Боюсь, что нет.

Хаггар взглянул вперед и замер. Прямо перед ними скалой вздымалась в небо исполинская башня. Арандамарец не спрашивал себя, откуда она взялась в пустынной степи. Он запрокинул голову, замороженно разглядывая сложенные из темных гранитных плит неприступные стены, узкие окна, забранные решетками, и каменные двери, распахнутые настежь, как пасть измученного голодом чудовища, готового пожрать любую добычу. Остальные тоже увидели башню и в нерешительности остановились, оглядываясь на капитана.

– Что теперь? – нервно оглянулся Эгир. Но Велемир не успел ответить. За окружавшей их и теснившей все ближе

к источающей холод каменной глыбе стеной огня раздался визг, и в разведчиков полетели стрелы.

– Дикари. – Велемир, выхватив меч, с быстротой молнии разрубая подлетающие стрелы, заметил, что несколько его людей упало. Хаггар, взвалив лежащего около него разведчика на плечо, закричал:

– Отходим в башню!

– Это западня! – Велемир в отчаянии огляделся.

– Там разберемся! Отходим, быстро! – Хаггар, петляя, побежал к воротам. За ним, унося раненых, рванулись остальные. Велемир бежал последним. И, будто только этого и ожидая, из-за огненной стены визжа, гогоча, понукая лошадей и размахивая короткими кривыми мечами, вылетела орда дикарей. Они стремительно приближались. Хаггар вскрикнул – в плече и в бедре засели две тонкие с черными перьями, стрелы.

– Быстрее! – Он пропустил разведчиков вперед, подождал залитого кровью Велемира и вместе с ним, прикрывая остальных, побежал к дверям. Как только первые разведчики вбежали в башню, толстые каменные створки ворот дрогнули и начали медленно закрываться.

– Капитан, бегите! – отчаянно заорал Дорвель. В последние мгновения, когда лошади уже настигли их и всадники занесли для смертельного удара мечи, Велемир и арандамарец протиснулись в узкую щель, оставшуюся меж створками, и ворота закрылись за ними. Наступила тишина, нарушаемая

хриплым дыханием беглецов и стонами раненых. Осторожно опустив свою ношу на землю, Хаггар, переглянувшись с Велемиром, усмехнулся:

– Однако!

Разведчик, ничего не ответив, опустился на пол. Арандамарец огляделся.

– Похоже, здесь никого нет. Сначала осмотрим раны, а потом решим, что делать.

– Эгир, убитые есть? – спросил Велемир. Разведчик сумрачно кивнул:

– Пятеро.

– Кто?

– Рути, Гардрад, Хадор, Милис и Конар. Нир и Осси серьезно ранены, капитан.

– Давай поглядим, что с ними.

Хаггар опустился на корточки рядом с капитаном.

– Ты сам-то, Велемир, живой? – Он взгляделся в покрытое испариной, бледное лицо разнорабца. Но тот лишь отмахнулся:

– Не в первый раз. До дому бы дотянуть. Там все вылечат. Тебя, я вижу, тоже задела.

– Пустяки. Давай-ка я тебя перевяжу.

Он снял жилет, стащил с себя запятнанную кровью рубаху и разорвал на лоскуты.

– Стрелы я вытащу. Терпи. Легко выходят, на себе проверил. Лишь бы не отравленные были.

– Непохоже. Мы бы уже почувствовали.

– Ну, тогда держись. Эй, ребята, помогите капитану.

Подошел Фенгель, присев, крепко обхватил Велемира за плечи и прижал к себе. Хаггар выдернул четыре стрелы, а пятую, обломив древко, оставил торчать между ребер. Потом, закрыв раны лоскутами, привычно перевязал.

– Ловко! – удивился Фенгель.

– Простуды лечить не умею. А такое – пожалуйста. – Хаггар похлопал разведчика по плечу. – Ну, – поднявшись с колен и надев жилет, спросил он, – как остальные?

– Плохо, – отозвался Эгир, вытирая со лба пот. – Боюсь, не продержатся они.

Хаггар взглянул на раненых. Один из них, лежавший на груди, с трудом, хрипло дышал. В его спине засело несколько стрел. У второго из левого бока торчали два древка. По одежде Хаггар узнал в нем свою ношу.

– Совсем мальчишка! – вздохнул один из сидевших около раненого разведчиков.

– Такая, значит, судьба, – чуть слышно пробормотал арандамарец, понимая, что ничем не может помочь этим двоим. Его слова, словно ветром, разнеслись по башне.

Хаггар впервые внимательно огляделся. Темно-серые полированные стены, делившие башню на три яруса, в сумрачной вышине венчались ребристым куполом. Сквозь три ряда узких окон внутрь проникал тусклый свет, поглощаемый покрывавшим пол толстым ровным слоем пыли. Вдоль каждого яруса шел балкон с поручнями, да в центре пола, прямо

под куполом, возвышалась круглая площадка, тоже покрытая пылью. Ни рисунков, ни украшений. Сжигавшая степь жара не проникала сквозь толстые стены. В воздухе стоял запах прелой затхлости. Хаггар поежился и шагнул из темной дверной ниши. Он зажмурился и вдруг замер. Совсем тихое, но все же отчетливое пение донеслось до него. Голоса из степи! Они приближались, бесплотные, не принадлежавшие никому и все же таящие угрозу. Призрачные певцы монотонно выводили простую мелодию. К ним присоединился невнятный шепот, превратившийся, становясь все громче, в крик:

– Король! Это король!

Вверху, на балконах, проявляясь в туманном воздухе и обретая плоть, возникли люди. Множество мужчин и женщин в богатых нарядах стояли, держась за поручни, и пели. Их полные восторга глаза были прикованы к Хаггару. Голоса зазвенели, будя заснувшее под куполом эхо. Меж тем сквозь пение проступал низкий, гудящий звук, доносящийся с круглой площадки в центре храма. Он становился все громче, поглощая все остальные звуки, закручиваясь и свиваясь в тугую спираль. Вдруг пылинки на площадке взвились вверх и закрутились, как гигантский волчок, вспыхивая белесыми искрами. Так в поле из крошечных песчинок зарождается смерч. Мерное гудение заворожило стоящих на балконах зрителей. Теперь они смотрели на стремительно вращающийся кокон. Его сердцевина потемнела. Через мгнове-

ние пыль рассеялась, и в центре круга появилась женщина. Она была высокая, в черном платье, с длинными темными волосами. Женщина кружилась, подняв высоко над головой руки. Колоколом крутилось платье, жесткие, прямые волосы, разрезая воздух, издавали свист. Лица было не разглядеть, только белое пятно появлялось и тут же исчезало.

– Фея! Фея! – донеслось с ярусов. – Значит, это и вправду король! Король вернулся!

– Конечно, это король! – раздался рядом мягкий, вкрадчивый голос. Полный лысый человек в белой накидке возник из сумрака, выйдя на свет. – Ты снова здесь, мой господин! – Он упал на колени и коснулся лбом пыли у самых сапог арандамарца. Хаггар молчал. Поднявшись, человек с подобострастной улыбкой взглянул ему в лицо: – Видишь, твой раб не обманывает тебя! В случае ошибки все можно исправить и пытаться до тех пор, пока не получится. Ты снова пришел за нитью Судьбы, не так ли? Фея готова раскинуть перед тобой полотно. Ты вытащишь свою нить-Судьбу и сделаешь с ней все, что пожелаешь. Все! – Колдун торжественно выпрямился, и глаза его засверкали. – Если хочешь, будешь царем всего мира, все его богатства лягут к твоим ногам. Хочешь – станешь самым мудрым и проживешь тысячу лет. А хочешь – самые красивые женщины будут твоими и мечтать будут только о тебе!

Хаггар хмыкнул:

– Завидный удел, – и насмешливо взглянул на колдуна. –

А ты что же не попробуешь? Или предел твоих притязаний – валяться в пыли перед случайными прохожими?

Колдун бесстрастно произнес:

– Только королям под силу такое свершение. Я же всего лишь жалкий слуга.

– Но я не король, – безмятежно улыбнулся Хаггар. – Слышите? Я – не король! Я всего лишь сын правителя. Но я попытаю счастья.

Колдун радостно закивал. Хлопнув в ладоши, он приказал:

– Готовьте жертвы!

За спиной Хаггара раздался жалобный стон. Обернувшись, он увидел, что окруженных плотным кольцом вооруженной стражи разведчиков ведут к маленькой, окованной двери в нише. Нира и Осси волокли следом. Арандамарец закричал:

– Стойте!

Но стражники будто и не слышали его. Хаггар с угрозой бросил колдуну:

– Это мои люди.

– К чему они тебе теперь? – возразил тот.

– Верни их!

– Нет! – Глаза колдуна сверкнули. – Теперь они наши. Будешь ты пытаться вытянуть нить или нет, для них уже все равно. Мы не отдадим их. Забудь!

Хаггар молча смотрел на стоявшего перед ним человека,

чувствуя, как снова пробуждается в нем ярость. Но не знакомая чистая, горячая, яркая ярость, охватывавшая его в тяжелом бою и помогавшая победить, а новая, холодная, презрительная ярость господина, взбешенного неповиновением раба. Протянув руку, он схватил колдуна за плечо, удовлетворенно почувствовав плоть под белым балахоном, и, швырнув его на пол, себе под ноги, вынул из ножен меч.

– Жалкий слуга осмелился послушаться своего господина, – прогремел он, обводя властным взглядом притихшие ярусы. Зрители, пряча глаза, покорно опускали головы. Вдруг, змеей выскользнув из-под сапога Хаггара, колдун кинулся к возвышению, на котором кружилась безучастная к происходившему фея, и закричал ей:

– Порви, порви его нить!

Арандамарец расхохотался:

– Глупый раб! На этот раз ты ошибся с жертвой!

– Убейте его! – подняв голову, колдун властно махнул рукой призракам. Они всколыхнулись, но, усмиренные холодным взглядом Хаггара, не двинулись с места.

– Ты хотел жертвы? – Хаггар, улыбаясь, шагнул к колдуну. – Вот она. Молниеносным взмахом он опустил меч на шею колдуна. Раздался хруст. Безжизненное тело, как куль, повалилось на пол. Черная кровь, не растекаясь, впитывалась в пыль. Подняв за ухо отрубленную голову, арандамарец бросил ее к подножию круга.

– Вот, фея, прими мою жертву и покажи полотно Судеб.

Женщина ни на миг не прервала кружение. Но вдруг замерцал воздух, и огромное полотно предстало перед Хаггаром. Оно висело в воздухе, невесомое, сплетенное из миллионов прозрачных искрящихся нитей, переплетавшихся меж собой, то исчезающих, то появляющихся вновь. Нежное золотое сияние исходило от полотна, а воздух, очистившись, наполнился еле слышным мелодичным звоном. Затаив дыхание, Хаггар наблюдал, как тончайшие нити сплетаются в прихотливые узоры. Поднеся к полотну руку, он ощутил их трепет. Без труда найдя свою нить, арандамарец задумался. И явственно увидел рядом с собой всех тех, кто приходил сюда до него: построившего этот храм и не сумевшего совладать с жадностью короля, отчаянных бродяг, желавших богатства и воли, гордецов, жаждавших власти, попавших в западню путников, в отчаянии обрывавших нити собственных жизней... Он гордо вскинул голову и воскликнул:

– Великие и далекие боги и ты Единый! Вот я, Хаггар Арандамарский, по праву рождения первый рыцарь великого королевства и по своей воле нищий бродяга. Взгляните! Я, смертный, держу свою Судьбу в руках. Она бьется, обжигая ладони. И вы не в силах вмешаться. Ведь я принес жертву. – Он на мгновение замолчал, любуясь волшебным полотном, и, усмехнувшись, тихо сказал: – Я не вор, потихоньку таскающий куски с господского стола. Не я ткал эти нити. Но я, боги, бросаю вам вызов, принимая свою Судьбу, какой бы она ни была. Мои руки пусты, впереди – тысяча дорог, а по-

зади воет ветер. С легким сердцем и веселым смехом приму я свой жребий.

Он отпустил нить. Ослепительно сверкнув, она вновь вплелась в бесконечный узор, слившись с золотой тканью. Полотно заколыхалось, будто под порывами ветра, и начало таять, таять... Хаггар взглянул на женщину и увидел, наконец, ее меняющееся лицо. Девушкой, женщиной и старухой поочередно представала она за несколько мгновений, бесчисленное количество жизней проживая за свой нескончаемый танец. Когда исчезло полотно, женщину вновь стало затягивать в пыльный кокон. Через несколько мгновений исчез бешено вращающийся столб пыли, а с ним зрители, купол, стены проклятого храма. Когда осели последние песчинки, Хаггар стоял посреди залитой солнцем степи. Рядом, изумленно оглядываясь, сидели его спутники. Ни следов землетрясения, ни пожара. Только изрытая конскими копытами земля простиралась от края до края. А у ног Хаггара лежал обезглавленный труп колдуна.

– Это сон был, – оглядываясь, неуверенно протянул Лонни-тугодум.

– Ага, – вскочил Дорвель. – И это сон, – он пнул труп. – И это, – он ткнул пальцем в забинтованную голову и руку Лонни. – А эти вот еще не проснулись, – он указал на Осси и Нира.

– Ты чего взъелся? – вступился Эгир.

– А чего ерунду молоть?

– Хватит, – одернул их Велемир и, пошатываясь, подошел к арандамарцу. – Что будем делать?

Тот смутился.

– Тебе решать. Ты капитан.

Велемир молча смотрел на него. Арандамарец выдержал его взгляд и повторил:

– Ты капитан. Я могу посоветовать, если спросишь. Ты выбираешь, следовать моим советам или нет. Я не король. Ты же слышал. Помолчав, Велемир кивнул, тихо выдохнув:

– Жаль.

– Чего?

– Жаль, что нам не быть друзьями.

Хаггар усмехнулся:

– А может, попытаемся? – и протянул разведчику руку. Велемир испытующе взглянул в серые, смеющиеся глаза арандамарца, пожал протянутую руку. Потом, оглядев поредевший, потрепанный отряд, приказал:

– Возвращаемся.

К вечеру жара спала. Стало легче дышать. Раненых несли по очереди. Осси не приходил в сознание, а Нир бредил. Ночью их догнала огромная черная туча и, накрыв небо, разразилась грозой. Разведчики спешно устроили привал. Тесно прижавшись друг к другу, они сидели и смотрели, как молнии снопами бьют в мертвую землю.

– Ты, господин, в полотне наших-то судеб не разглядел? Не сгорим мы от небесного огня? – опять подал голос Лон-

ни. Сидевший рядом Эгир пихнул его в бок. Хаггар расхохотался.

– Разглядел, а как же! Ты вот, может статься, от тычков помрешь, которыми тебя твой приятель то и дело награждает!

Все, кроме смущенного Эгира, рассмеялись. Через день Осси умер. Велемир, сам еле стоявший на ногах, сокрушался:

– Что я его сестре скажу? – И в сердцах добавлял: – Проклятая степь! Чем ближе был дом, тем печальнее и молчаливее становились раэнорцы. Когда же, наконец, вдалеке показалась Стена, обрадовался, похоже, один Хаггар. Угарда они не застали – гонялся в степи за дикарями. Его жена собрала родным Велемира посылку, а дверги немного потрудились над ранами разведчиков, дали им лошадей и повозку для Нира. В гарнизоне задерживаться не стали. А еще через несколько дней отряд въехал в столицу.

Прощаясь, Велемир спросил Хаггара:

– Куда ты теперь?

– К себе в гостиницу.

– А потом?

– Отдохну, а там посмотрим.

– Послушай, – Велемир сжал его руку. – Обещай, что никуда не уедешь хотя бы три-четыре дня! Я прошу!

Хаггар похлопал его по руке:

– Хорошо. Три дня. И даже в гости зову.

Разведчик облегченно улыбнулся:

– Вот и славно. Ну, приятного отдыха!

Они расстались. Разведчики поехали во дворец, где их давно и с волнением ждали. Хаггар направился в “Белую розу”, где его хоть и помнили, но уж не ждали точно.

Глава 7

ЛЕГЕНДА О ТАНЦУЮЩИХ БОГАХ

С наслаждением разлегшись на постели, Хаггар удовлетворенно вспоминал, как вытянулось лицо у хозяйки гостиницы, когда он вошел в “Белую розу”. Даже в полумраке было заметно, как побледнела Розалия, увидев возникшую на пороге высокую фигуру странника. Завороженно глядя в его осунувшееся, хмурое лицо, она только всплеснула руками и молча поклонилась. Посетители тоже помалкивали. Положение спас Ритус. Беззаботно насвистывая, он спускался по лестнице со второго этажа и замер, но уже через мгновение, стряхнув оторопь, ринулся к начинавшему раздраженно хмуриться арандамарцу.

– Какая радость! – запричитал он. – Господин рыцарь вернулся! Ну вот и славно! А мы уж ждали, думали, скорее бы!

– Да, да. – Не глядя на суетящегося парнишку, арандамарец шел по проходу между столами, сопровождаемый любопытно-настороженными взглядами. Уже поднимаясь по лестнице, он подозвал слугу. Ритус мигом оказался рядом,

выжидаяще глядя на постояльца.

– Мне нужно умыться и поесть. Принеси все наверх. Поможешь. Та комната все еще за мной?

– Конечно. Господин ведь заплатил вперед.

– Тогда пошевеливайся.

Вскоре Ритус, скособочившись, притащил ведра с горячей водой, а две служанки принесли таз, ковш, мыло и полотенца. Сняв одежду, Хаггар оглядел повязки.

– Лей осторожно, чтобы не замочить.

Застыв с полным ковшом, Ритус испуганно глядел на проступавшие сквозь ткань бурые пятна. Его заставил очнуться окрик:

– Спишь?

– Виноват!

Вода тонкой струйкой полилась Хаггару на спину. Помогая постояльцу намылиться, Ритус опасно (не попало бы за любопытство) спросил:

– Неужто воевать пришлось?

– Ты о чем?

– Господин ведь с капитаном Велемиром ушел. А он разведчик. Известное дело, в дальних походах чего только не случается. Хотя в последнее время, хвала богам, неприятностей не было. Неужели в этот раз не обошлось?

– Не обошлось, – буркнул арандамарец. Ритус понимающе кивнул и замолк. Умывшись и надев свежую рубаху, Хаггар сел за стол и придвинул к себе блюдо с бараниной и тушеной

фасолю. Ритус тем временем утащил ведра и таз. Когда он вернулся, арандамарец спросил:

– Есть здесь поблизости хороший лекарь?

– Конечно. На площади Журавлей живет. Могу сбегать прямо сейчас.

– Не надо. Завтра. – Арандамарец встал из-за стола. – Неплохой был ужин. Убирай тарелки и иди.

Ритус поставил посуду на поднос и, уже выходя из комнаты, спросил:

– Когда будить завтра?

– Не надо.

Оставшись один, Хаггар скинул одежду, лег на мягкую, широкую кровать с пологом и впервые оглядел комнату. “И вправду, “приличное” местечко”, – хмыкнул арандамарец, скользнув взглядом по светло-зеленым стенам, натертому до глянца паркетному полу, по расписанному цветочным узором потолку. Два открытых окна выходили во внутренний дворик. Розалия любила порядок и поэтому особо не загромождала дом мебелью. Длинный сундук у стены, небольшой стол у окна, комод рядом с кроватью и высокое зеркало – все, что было в его новом жилище. “Надолго ли?” – подумал Хаггар. Вот ведь странно, оказавшись в чужой стране, без друзей, без надежд, он вовсе не чувствовал ни растерянности, ни печали. Наоборот, улыбался, будто не было тяжелого расставания с отцом, неодобрительного удивления брата, сотен лиг изнурительного, бесполезного пути, тех слов, бро-

шенных ему Элен... Прошлое задернулось прозрачным, но прочным занавесом, и для него начиналась новая жизнь. Все изменилось после похода в степь. Спасибо Велемиру. Надо найти его и поблагодарить. С этими приятными мыслями Хаггар заснул.

Ночью пошел дождь. Тяжелые капли ударили по упругим листьям, стучали по черепице, хлюпали, пополняя лужи. Водяные струи со звоном стекали по медным желобам, ручейки зажурчали в стоках. Запахло землей, зеленью. Под утро дождь кончился, и рассветное солнце, пробиваясь сквозь парную дымку, позолотило потемневшие стены, заиграло бликами на крышах и мостовых. На окраинах закричали петухи. Горожане просыпались. Первые прохожие, здороваясь с дворниками, заспешили по делам. Улицы постепенно наполнялись народом. Открывались лавки, мастерские, трактиры. Хаггара разбудил стук в дверь. Еле разлепив глаза, он поднял голову и буркнул:

– Что надо?

Вместо ответа дверь открылась, и в комнату вошел высокий человек с вместительной сумкой.

– Приятель, чего тебе? – Спросонья шурясь, арандамарец сел в кровати. Поставив сумку на стол, вошедший обернулся к нему и, внимательно оглядев, ответил:

– Я врач. Меня попросили тебе помочь. Сказали, что ты ранен.

– А-а... – протянул Хаггар. – Ну-ну. – Про себя он уди-

вился расторопности слуги.

– Подойди сюда и сядь на стул. – Когда Хаггар послушно сел, лекарь предупредил: – Не двигайся. Он осторожно, слой за слоем, начал разматывать повязку на плече.

– Здесь все зажило, – бормотал Хаггар. – А вот нога что-то никак. Расходится рана, и все.

– Посмотрим. – Лекарь ловко снял последний лоскут. – Великолепно. Больше не бинтуй. Рана почти затянулась. Теперь поглядим, что с ногой.

Несколько следующих минут прошло в молчанье. Слой за слоем снимая заскорузлую повязку, лекарь все больше хмурился, а Хаггар, разглядывая его, силился вспомнить, где раньше он мог видеть этого строгого человека с необычно коротко остриженными волосами.

– Потерпи. Сейчас будет больно. – Лекарь, одной рукой придерживая кожу, другой резко рванул мокрый от крови лоскут. – Боги мои! – воскликнул он при виде открывшейся раны. – Как можно довести себя до подобного состояния? Если я правильно понял, и здесь, и в плече были стрелы. Как объяснить, что рана в плече затянулась, тогда как эта... – он вопросительно взглянул на арандамарца.

– Очень просто, – ответил тот невозмутимо. – Неделю в седле тряся, а руками работать не пришлось.

– Положительно, мир сходит с ума, – пробормотал лекарь. А громче добавил: – Подожди, распорядюсь, чтобы приготовили отвар для промывания.

Он вышел. Сидевший у дверей Ритус вскочил и почти-тельно ему поклонился. Лекарь подал ему полотняный мешочек.

– Пусть заварят и принесут сюда. И скажи Розалии, что мне надо с ней поговорить.

Слуга опрометью кинулся исполнять поручение. Вскоре дымящийся в медном котле отвар наполнил комнату терпким древесным запахом. Смачивая ветошь в темно-коричневой маслянистой жидкости, врачеватель осторожно прикладывал ее к ране. Через несколько минут Хаггар удовлетворенно заметил, что пульсирующая боль прошла. Нога немного онемела. Лекарь присыпал рану каким-то серым порошком из крошечной баночки, накрыл ее подушечкой из мха и перевязал чистой тканью.

– Тебе нельзя ездить верхом. По крайней мере, две недели, – сообщил он арандамарцу.

– Не знаю, приятель. Обещать не могу, – добродушно улыбнулся Хаггар.

– Ты хочешь, чтобы тебе отрезали ногу? – в тон ему спросил лекарь.

– Послушай, дружище, если бы из-за каждой такой царапины от меня отрезали даже маленький кусочек, давно бы одни кости остались!

Лекарю было нечего на это возразить. И впрямь, все тело стоявшего перед ним могучего человека покрывали рубцы и шрамы.

– Ты молодец, руки у тебя волшебные! – Арандамарец высыпал из кошелька на стол золотые монеты. – Как у вас в столице принято расплачиваться с мастерами?

Взглянув ему в лицо, врачеватель удивленно вскинул темные брови. – Я не возьму денег.

– Тебе, значит, хозяйка уже заплатила?

Лекарь впервые улыбнулся:

– Хозяйка. Ну, мне пора. Я зайду на днях. И все-таки послушай совет: побольше ходи пешком, а в седло не торопись.

Он забрал сумку и ушел. Еще несколько минут Хаггар бодро ходил по комнате, поглядывая в окна и любясь темно-зеленой листвой молодых кленов, но вдруг почувствовал, что засыпает. Удивившись, он добрел до кровати и погрузился в темную глубину целительного сна.

Розалия ждала лекаря в закутке под лестницей. Ритус передал ей, что разговор будет секретный. Услышав шаги, хозяйка гостиницы вынырнула из-под перил, оказавшись прямо перед врачевателем и, благоговейно взглянув в его усталое лицо, застыла в поклоне. Лекарь спросил:

– Где можно поговорить?

– Сюда, сюда, почтенный! – Розалия проводила гостя в освещенный свечами закуток, усадила его за маленький столик с розовой атласной скатертью.

– Забавный уголок, – заметил гость, оглядев висящие на стенах венки из засушенных цветов и фривольные картинки. Розалия покраснела.

– Это для влюбленных, – пояснила она.

– Прекрасно. Но ближе к делу. Сейчас я был у одного из твоих постояльцев. Хозяйка кивнула. – Он очень важный человек, Розалия. Очень!

Лицо трактирщицы окаменело от ужаса. Лекарь невозмутимо продолжал: – И он опасно болен. Чтобы излечиться как можно скорее, ему необходим покой и сон. А он, как ты, наверное, и сама заметила, не из тех, кто любит спокойную жизнь и прислушивается к чужим советам.

– Даже к твоим, почтенный? – испуганно прошептала хозяйка.

– К моим в особенности, – улыбнулся лекарь. – Поэтому мы поступим вот как. Возьми эту коробочку. Открой. Видишь, здесь в отдельных пакетиках порошки. Эти, серые, ты будешь давать ему во время обеда. Просто подмешивай их в бульоны или добавляй в подливу. Лишь бы съел.

– А это не вредно?

– Ты мне не веришь? – удивился лекарь.

– Как можно! Прости, почтенный! А что делать с этими, в зеленых пакетиках? – Их будешь давать вечером с питьем. Ты поняла? И смотри, не проговорись никому. Если твой постоялец об этом узнает, тебе не поздоровится.

– Я боюсь, господин лекарь! – пролепетала бедная Розалия, чувствуя, что сейчас упадет в обморок.

– Прекрати. Ты же хочешь, чтобы твой гость поскорей уехал отсюда живым и здоровым?

– По правде говоря, очень хочу!

– Ну вот, действуй. И давай ему побольше пить. Соки, отвары... Корми же не слишком обильно. Если что, сразу посылай за мной. – Он встал. – Мне пора. Запомни, Розалия, для твоего же блага – никому ни слова.

Лекарь ободряюще улыбнулся хозяйке и вышел из “Белой розы”.

Хаггар поправлялся. Четыре дня, проведенные им в гостинице, пролетели, как один. Ранним утром он просыпался, завтракал и уходил гулять по городу. Освоившись и приняв местные обычаи, арандамарец признался-таки себе, что Дол-Раэн – город очень даже ничего, и жители столицы больше его не раздражали. Утомившись, к обеду Хаггар возвращался в гостиницу. После визита лекаря отношение хозяйки к своему странному постояльцу изменилось. Теперь она сама приносила ему еду, улыбалась, но заговорить пока не решалась. После обеденной трапезы Хаггара обычно клонило в сон. Вечером он ужинал и снова засыпал. Дважды к нему приходил Велемир. В первый раз забежал на минуту, сказал, мол, все у них в порядке, спросил, как у него со здоровьем, и умчался. А во второй раз пришел надолго. Они вместе поужинали и прогулялись по вечернему городу. Велемир рассказал, что Нира вылечат, ему уже и сейчас лучше. Но в разведку, похоже, ему больше не ходить.

– Надо же! – обрадованно удивился Хаггар. – А у нас точ-

но умер бы!

– Да и у нас не всякий врач за такое возьмется. Спасибо княгине.

– Что, дала своего?

– Она сама его лечила. Ты, наверное, не знаешь, но у нас, в Раэноре, существует обычай: если больной умирает, и никто не в силах его спасти, идут к княгине. Она почти все может. Вот мертвых не оживляет, а так... Слава небесам, что у нас врачи хорошие и народ болеет мало, а то так бы и сидела у дворцовых ворот, исцеляла.

Они долго, неспешно беседовали. Разведчик рассказывал арандамарцу о раэнорских обычаях. Хаггар, невольно сравнивая их с теми, к которым привык в детстве, удивлялся. Многие из них, если не обращать внимания на обычную для Раэнора любовь к вычурности, посути были похожи, явно имея общие корни: новогоднее величание земли, праздник сбора урожая, свадебный обряд и даже эта наивная вера в чудесное исцеление.

Друзья уже возвращались к гостинице, когда зазвенел колокол на башне дворца. Насчитав десять ударов, Велемир забеспокоился:

– Ого! Ты прости, но мне надо бежать. Это тебе хорошо, ты одинокий волк, а я – человек семейный. Я еще загляну на днях, в гости ко мне пойдем.

– Ладно, ладно. Беги, – усмехнулся Хаггар.

– Ты гостиницу-то найдешь?

– Найду. Не в первый раз. – Все еще улыбаясь, арандамарец проводил его взглядом и не спеша направился в “Белую розу”.

Поздно вечером, когда Хаггар уже дремал, в дверь его комнаты тихо постучали.

– До утра не подождать, – пробурчал он полусонно, завернулся в одеяло и пошел открывать. На пороге стоял Дию. С Хаггара сон как ветром сдуло. Радостно обняв старика, он затащил его в комнату и усадил за стол, а сам, зажегши лампу, уселся рядом.

– Дию, старый дружище, наконец-то! – Он снова пожал старому лекарю руку. – Рад, что не забыл, – улыбнулся старик. – А ты изменился, я вижу, – добавил он озабоченно.

– Не знаю, – тряхнул головой арандамарец. – Наверное, да. Вот только к лучшему ли?

– Увидим. – Дию искоса взглянул на него. – Что делать собираешься?

– Жениться, – невозмутимо произнес Хаггар.

– Ага. А невеста как, согласна?

– Пока нет, – все так же невозмутимо ответил арандамарец. – Ну так я подожду. Времени теперь у меня много.

– И правильно, – лекарь похлопал его по руке. – Я слышал, вы с Велемиром поладили.

– Вроде.

– И это хорошо. В степь ходили?

– Ладно, старик. Ты ведь и сам уже все знаешь. – Хаггар

в упор взглянул на лекаря. – Хочешь про храм выведать? За этим пришел?

– Дурачок ты, – махнул рукой Дию. – Про храм я побольше твоего знаю. Ты вот что мне скажи, – его лицо посуровело, – трогал ты нити?

– Да.

– И узор менял?

Хаггар почувствовал, как напрягся лекарь, ожидая ответа.

– Нет.

Дию, отвернувшись от него, задумался. Хаггар впервые после долгой разлуки разглядел старика. Та же широкая выцветшая хламида, та же длинная седая косица чуть не до пояса, вот только сутулится лекарь больше обычного и лицо усталое, невеселое.

– Брось ты об этом думать, – обнял он старика. – Расскажи лучше о себе. Говорят, ты к родственникам ездил. Примерно в те же края, что и мы. Как, навестил?

С усилием оторвавшись от размышлений, Дию пробормотал:

– Нет никаких родственников. Помнишь альвов, что жили в Дол-Раэне?

– Да. Одного, друга Элен, кажется, Талионом звали. С ними что-то случилось? – Они ушли почти пять лет назад. Собрали отряд, воюют против Морна.

– Подожди, как же? Их что, княгиня отпустила? – недоуменно спросил Хаггар. – Тебя же правитель тоже отпустил.

Так?

– Да уж. – Вспомнив отца, арандамарец тяжело вздохнул.

– Я им золото отвозил. Поначалу они отказывались. Думали, за Рекой помогут. Но их даже к переправам не подпустили.

– Почему?

– Боятся. Не верят.

Хаггар понимающе закивал:

– Ну да. Времена сейчас – сам знаешь. И все же не понимаю я этих альвов. Как это родичам не помочь? Отец прав, коварный они народ. Что в них Хэльмир нашел?

– Хаггар, дружок, не все так просто. Я когда-нибудь расскажу тебе историю раэнорских альвов.

– Подожди, а золото откуда? Или ты свое пожертвовал?

– Княгиня дала.

– Элен? А я-то думал... Что же, она против своего господина наемников покупает?

Старик усмехнулся:

– Всё сердисься на нее? Не прав ты. Господина у Раэнора нет. По крайней мере, пока. И альвы – не наемники, Хаггар. Ты разве не читал книгу об истории Раэнора, которую Элен подарила твоему брату?

Хаггар нахмурился:

– Читал. Не бреди ты мои раны. Сколько можно ждать? – Он встал и заходил по комнате. – Надоело торчать в этой небом забытой харчевне. Я столько дел оставил, чтобы сюда

прийти! – воскликнул он с горечью. – И вот сажу тут который день!

– Успокойся.

– Ты думаешь, мне не терпится скорее на ее княжеский трон взгромоздиться? Я гораздо больше отдал брату и не жалею! Как она не понимает, что я ей нужен? Кончились те времена, когда ваш Раэнор мог отсидеться за чужими спинами. Вы что, не чувствуете, что приближается большая война? Элен хочет уйти до ее начала? Прекрасно! Мудро! Но неужели ей не ясно, что еще месяц-другой, и путь в Хьорланд вдоль Великой Реки будет закрыт? А дорога через степь очень опасна. Мы только сунулись туда и потеряли пол-отряда. А если вместо нас будут богатые обозы? Дию, где ее ум? Ей нужны воины, солдаты.

– Она ненавидит войну.

– А ты думаешь, я от нее в восторге? – Хаггар развел руками. – Ладно, если этой женщине не нужна моя любовь... Но отвергать помощь, в которой нуждается ее страна!

– Хочешь, я с ней поговорю? – Дию тоже встал.

– О чем? Что ты скажешь своей госпоже, мой добрый ходай? Что влюбленный дурак, которого она измучила своими капризами, смиренно сидит и ждет, что еще взбредет в голову его драгоценной возлюбленной?

Дию расхохотался.

– Нет! Разбирайтесь сами. Имея дело со столь пламенной страстью, боюсь обжечься. Тем более что ожоги на мне, как

выяснилось, заживают медленно. – Ты о чем?

– Все, все. Потом. Мне пора. Дела, знаешь ли.

– Дела? Старый пройдоха! Ты же в отставке.

– Эх, мой юный друг! Должности уходят, а дела остаются.

Доброй ночи. Спи, набирайся сил. Завтра у тебя будет день сюрпризов.

– Дию, не пугай!

– Приятных сюрпризов, Хаггар.

Лекарь уже на пороге еще раз оглядел его, хмыкнул и исчез.

На следующее утро Розалия, принеся завтрак, отдала арандамарцу записку.

– Вот. Это для господина принес молодой человек. Он сказал, ответ внизу подождет.

– Что за молодой человек? – спросил Хаггар, разворачивая записку.

– Ой, красавчик и, видно, состоятельный. – Розалия немного осмелела и уже открыла было рот, чтобы продолжить описание юного богача, но Хаггар одернул ее на полуслове:

– Довольно.

Он прочел: “Воистину доброе утро, друг мой! Сюрприз первый. Помнишь мальчика, знакомившего тебя с дворцом? Узнав, что ты здесь, он очень обрадовался и упросил нас снова прислать его к тебе. Прими его доброжелательно. Атни – хороший парень. Удачи, Капитан! Дию”. Хаггар обрадованно

подумал: “Старина Дию, спасибо”. И обратился к хозяйке гостиницы, с любопытством щурившейся, пытаясь разглядеть, что написано на маленьком листке бумаги, лежавшем на столе:

– Розалия, значит, этот красавчик, как ты говоришь, ждет внизу?

– Да, господин рыцарь. Что ему передать?

– Я сам передам. Зови его сюда. И носи еще один завтрак и бутылку вина.

– Сию минуту! – Снедаемая любопытством, Розалия поспешила на первый этаж. Вскоре раздались торопливые шаги, и в комнату влетел высокий юноша в богато расшитом золотом зеленом костюме. Хаггар сначала не признал в нем своего проводника. Но, внимательно взглядевшись, узнал его добрые темные глаза, улыбочивую физиономию.

– Здравствуй, старый приятель! – Хаггар протянул ему руку, которую тот с радостью пожал. – Вымахал ты, ничего не скажешь. Не узнать. Как тебя теперь Велемир в разведку возьмет?

– Я не у Велемира буду служить, а у тебя.

– Как это?

– Я твой оруженосец. – Атни покраснел.

– Чего? – изумился арандамарец. – Это кто так решил?

– Княгиня. Она сказала, что такому знатному господину не годится расхаживать по городу одному, как простолюдину, и что тебе обязательно нужен оруженосец. Вот я и напро-

сился. – И Атни смущенно потупился.

– Спасибо. Чем только я тебе приглянулся, не пойму. Помню, орал на тебя всюю и наставления читал.

– Не только. – Юноша улыбнулся. – Я принес тебе письмо. От госпожи. Вот. – Он достал из висевшей на поясе бархатной сумочки крошечный свиток розовой бумаги. Этого Хаггар не ожидал. Он смотрел на свиток, не в силах поднять руку, чувствуя, как тяжело забухало в груди сердце.

– Возьми же! – Атни настойчиво протягивал письмо. Решившись, арандамарец выхватил свиток, развернул и прочел: “Сегодня в шесть часов пополудни на площади перед дворцом. Кажется, я смирилась. Элен”. С минуту он стоял как громом пораженный. Потом еще раз прочел записку. И еще раз. Наконец беспомощно взглянул на Атни:

– Что это значит?

– Это значит, мой господин, что до шести часов нам нужно успеть привести тебя в порядок.

– Ты что, читал записку?

Атни вспыхнул, с возмущением отчеканив:

– Я такими делами не занимаюсь. Мне госпожа приказала.

– Прости, парень. Я что-то плохо соображаю.

– Ничего. Меня Дию предупредил, – смягчился Атни. – Ты, господин, завтракать собирался. Садись, начинай. У нас и вправду много дел.

– Да уж и ты садись. Сейчас Розалия второй прибор принесет. Не такой уж ты и тихоня, каким на первый взгляд ка-

жешься, – проворчал Хаггар. – Получаса не прошло, а уж командуешь, распоряжаешься.

– А как же, господин! – ответил парень, забирая у пришедшей хозяйки поднос с едой. – Ты не местный. Может, и не знаешь. У нас оруженосцы составляют распорядок дня хозяев. Вот если бы ты был моим оруженосцем, тогда бы ты мне говорил, что и когда надо делать.

– Тебя и этому старый прохвост научил? – беззлобно осведомился Хаггар. Оставив его слова без внимания, юный нахал, уже не стесняясь, обратился к хозяйке:

– Мой господин, – и он указал на насторожившегося арандамарца, – желает, чтобы через полчаса здесь был массажист, потом пригласи парикмахера, а затем портного. Вот их адреса и записки для этих почтенных мастеров. Обед подашь в три. А это забери, – он сунул оторопевшей хозяйке кувшин с вином. – До вечера нельзя. Иди, уважаемая.

Выпроводив Розалию, Атни снова уселся за стол рядом с Хаггаром. Тот нахмурился:

– Что-то больно ты смел, приятель. Не нравится мне такая вольность.

Атни умоляюще взглянул на него:

– Прости, господин! Вечером, если захочешь, можешь меня прогнать. Но до этого... Мне княгиня приказала! Пойми!

– А, ладно, – Хаггар махнул рукой. – Делайте, что хотите. Не подозревал, что обладаю безграничным терпением. Валий, командуй.

Вскоре пришел массажист. Бодрый детина смазал широкие ладони имбирным маслом и принялся растирать кожу, разминать мышцы Хаггара, выкручивать суставы, добираясь до застарелых болячек. Время от времени он бормотал:

– У тебя, господин, вся спина деревянная. Чтобы тело тебе служило, его необходимо оживить. Надо мять мышцы до тех пор, пока они снова не станут мягкими и упругими. Терпи.

Хаггар в ответ только благодарно кряхтел. Закончив сеанс, массажист втер в его тело шалфейный крем и удалился.

– Вот так бы и лежал, – блаженно пробормотал арандамарец. Но Атни, накинув ему на спину покрывало, поторопил:

– Некогда, господин. Сейчас парикмахер придет.

– Этот-то зачем?

– Зачем? Пожалуйста, подойди сюда. – Атни стоял перед зеркалом. Арандамарец, кутаясь в покрывало, встал рядом и вздохнул:

– Да-а.

Оба были одного роста. На этом сходство кончалось. Рядом с изящно одетым юношей с темно-каштановыми, тщательно уложенными в локоны, блестящими волосами, струившимися по плечам и обрамлявшими правильной формы лицо с нежной, бархатистой кожей и темным румянцем на щеках, стоял зрелый мужчина с горящими властным огнем глазами на темном от загара лице, с копной перехваченных бечевкой черных кудрей. Хаггар уставился в свое отражение.

– Да-а, – повторил он и про себя добавил: “Волка в ягнен-

ка не превратить”.

– Ну, ты будешь упрямиться? – донесся до него голос Ат-ни. Арандамарец сдался.

Когда в его комнату вошел парикмахер, за ним, будто шлейф из падающих листьев, закружились чудесные ароматы. Его нежные, тонкие, почти девичьи руки творили чудеса. Вымыв в хмелевом настое, парикмахер бережно расчесывал шевелюру Хаггара и ворковал:

– Положительно, мода так изменчива! Не успели мы привыкнуть к золотым булавкам, так теперь всем подавай разноцветные косы из шелка! Господин, смею заметить, имеет прекрасные волосы. Но лучше, чтобы их расчесывали не вульгарным деревянным гребнем, а щеткой, и желательно с белой щетиной. Да не вздумай доверять их этим неучам из западного квартала! Преступно пользоваться варварскими щипцами для завивки, когда наконец-то изобретен совершенно безвредный состав!

Постепенно от секретов своего мастерства парикмахер перешел к сплетням и анекдотам, слушая которые Хаггар и Ат-ни то и дело раздражались смехом. Через час волосы арандамарца были тщательно расчесаны, надушены и уложены в крупные локоны. Он жалобно спросил:

– Ну, как?

– Великолепно! Господин, ты неподражаем! – в один голос затараторили Атни и пришедший несколько минут назад и ожидавший своей очереди портной. Проводив парикмахера,

пряткий оруженосец повлек портного к столу, где, вынув из вместительного мешка, разложил какие-то свертки.

– Вот, милейший, здесь праздничный костюм для моего господина. Госпожа сшила его, когда господин был в отъезде. Ну, чтобы порадовать. Ты же понимаешь, по памяти трудно сделать все идеально. Для этого и нужна твоя помощь.

Портной, расплывшись в улыбке, закивал:

– Как это прелестно! Заботливая жена – это счастье!

Он один за другим разворачивал свертки, замирая на секунду, а потом разражался восторженными похвалами:

– Восхитительно! Какая вышивка! Какая роскошь! А этот бархат – просто чудо!

Заинтересовавшись, Хаггар тоже подошел к столу. Там лежала рубаша из тонкого белого шелка, глянцевито поблескивавшего на солнце. Ворот и широкие манжеты были украшены вышивкой из синей и серебряной нитей, пуговицы – из серебра с вправленными жемчужинами. Рядом лежал жилет и штаны из темно-синего, с отливом в черный, бархата, обшитые серебряным галуном. Тут же был белый атласный плащ.

– Господин мой, поскорее, – торопил арандамарца Атни, помогая одеться. – Ну, мы готовы.

Портной приступил к работе. Выискивая недостатки, он кружил вокруг Хаггара, как хищная птица, властно крутил и поворачивал арандамарца, яростно мыча набитым булаваками ртом. Обнаружив только ему видимые изъяны, портной,

орудуя иглой так, что невозможно было уследить за его движениями, снова закрутился вокруг арандамарца, на сей раз приговаривая:

– Это шедевр портновского искусства! Какой крой, какие стежки! Золотые ручки! Божественно!

Закончив работу, он в восхищении застыл, благоговейно поднеся руки к груди. Арандамарец тоже замер, глядя на плащ, который держал Атни. Он впервые разглядел вышивку – корабль под парусом и корону над ним, символ Арандамара. Он благодарно улыбнулся.

– Госпожа сама вышивала, – сообщил Атни, заметив его взгляд. Когда портной ушел, Хаггар строго взглянул на оруженосца:

– Ну что, карнавал закончен?

– Это не карнавал. Это обряд, господин. Ты не должен сердиться.

– Какой обряд? Украшение жертвенного бычка?

– Вроде того, – хихикнул Атни. – Только ты на бычка не похож!

– Хочешь сказать, уши длинноваты?

– Зубы.

– Ладно, парень. Что теперь в твоём расписании?

– Хороший обед. – Атни подошел к двери, открыл ее и закричал: – Розалия!

– Иду, иду, – раздалось напевное, и хозяйка всплыла в комнату. Предусмотрительный оруженосец выхватил у нее из

рук поднос прежде, чем Розалия увидела своего постояльца. Онемев от потрясения, она только всплескивала руками и все глядела на него, разинув рот.

– Ладно, почтенная, ступай. – Атни, поддерживая ошеломленную женщину под руки, вывел ее из комнаты и закрыл за ней дверь. Хаггар хохотал. – Вот, господин мой, наглядный пример того, что делает с женщинами внешность мужчины.

– Ну, ты в этом деле дока!

– Я – нет. Вот Ирлинг – да.

– Ирлинг? Подожди, насколько я помню, это секретарь княгини.

– Да. У нас с ним спор.

– О чем?

– Пока не могу сказать. Обедать, обедать, господин мой!

Почти покончив с жарким, Хаггар открыл рот, чтобы задать вопрос, но Атни опередил его:

– Сначала заедем к сапожнику, потом выберем доспехи – и во дворец.

– Зачем еще доспехи? – насторожился Хаггар.

– Нужно для обряда.

Какого еще обряда? Арандамарец начинал злиться. Что еще придумала его капризная дама? Однако, решив пока подчиниться правилам ее игры, промолчал. Пообедав, они спустились во двор гостиницы. Служанки, Ритус, поварихи, выглядывавшие из окон кухни, посетители трактира во все

глаза разглядывали постояльца Розалии и его юного спутника. Особо смелые высыпали вслед за ними во двор. Конюхи подали лошадей: Атни – рыжего конька с пышным хвостом, а Хаггару – тонконогую вороную кобылу с белой звездочкой на лбу и с белыми гольфиками на передних ногах.

– Нравится? – уже из седла спросил Атни.

– Хороша. – Хаггар тоже сел в седло и разобрал поводья.

– Я выбирал, – с гордостью сообщил оруженосец, выезжая за ворота.

– Балуете вы меня, – пробурчал арандамарец. – Что-то здесь не так.

У сапожника они пробыли недолго. Тот быстро начистил сапоги Хаггара до зеркального блеска, натер специальным составом золотое шитье на голенищах. Зато у оружейника Хаггар изрядно покопался в снаряжении.

– Мне нужны легкие и прочные. И чтобы блеска поменьше, – исследуя висящие на стенах кольчуги с золотыми вставками, сияющие нагрудники, ноговицы с золотой насечкой, пояснял арандамарец. Атни, будто забыв о времени, не торопил его. Хаггар придирчиво проверял понравившиеся ему доспехи, чуть ли не каждое звено легкого кольчужного жилета рассматривал, прощупал заклепки пластинчатого шлема с коротким белым султанчиком из конского волоса. Надев перчатки, сжимал и разжимал руки, любуясь прекрасной работой. Когда же, наконец, и с выбором доспехов было покончено, Хаггар и Атни поехали во дворец. Мост через

ров был опущен, но Северные ворота были закрыты. На мосту стоял невысокий сутулый человек и кормил хлебом лебедей, когда-то давно облюбовавших это довольно шумное место и не улетавших отсюда даже на зимовку.

– Дию! – узнал в мечтателе старого лекаря Хаггар и, соскочив с лошади, подбежал к нему.

– Здравствуй, здравствуй! – улыбнулся ему Дию. – Я вас давно поджидаю. – Он искоса взглянул на Атни:

– Я торопил, правда! – юноша прижал руки к груди. – Но мой господин...

– Ладно. Оставь нас, – махнул рукой старик. – Ну, как тебе мои сюрпризы?

– Приятно, хотя и немного утомительно. – Хаггар тронул Дию за плечо. – Послушай, старик, она мне написала.

– Знаю, – кивнул лекарь. – Она писала при мне.

– И под твою диктовку?

– Остынь, мальчик. – Дию даже не взглянул на него, продолжая подбрасывать птицам кусочки хлеба. – Ты так говоришь, будто Элен – неграмотная кухарка. Она – моя хозяйка, а не наоборот. Княгиня захотела тебя увидеть, поэтому написала письмо. Единственное, что я ей посоветовал – человека, который бы мог его отнести. И скажи по совести, разве я ошибся? Хаггар оглянулся на неспешно разъезжавшего по безлюдной улице Атни и улыбнулся.

– Нет.

– То-то.

– А ты знаешь, что на уме у твоей госпожи?

– Того, что у нее на уме, не знает никто, порой и она сама.

А вот что ждет тебя за дворцовыми воротами, мне известно.

– Что же?

– Экий ты шустрый! – хмыкнул старик. – Не могу сказать.

Могу дать совет. Хочешь?

Хаггар покосился на него.

– Спрашиваешь! К твоим советам только окончательный глупец не прислушается.

– Ох, твои слова да в уши бы твоей красавице! – вздохнул Дию. А потом, посуровев, положил руку на плечо арандамарца и взглянул ему в лицо. – Так вот. Проверь оружие. Приготовься к бою. И не щади ни себя, ни своего противника. Лучше умри, но не проси пощады. А если ты победишь, но он не захочет просить пощады у тебя, убей. Таковы правила. Ты понял?

– Значит, меня позвали драться на поединке? – разочарованно протянул Хаггар. – Вот оно что. Княгине стало скучно, и она решила позабавиться за мой счет.

– Хватит, Хаггар, – гневно оборвал его Дию. – Не нам судить ее поступки. Уезжай, если что не по тебе, только уж уезжай навсегда. Не морочь никому голову своей любовью и желанием помочь.

– Что с тобой? – Арандамарец в растерянности смотрел в сердитое лицо старика.

– Я от вас устал. И больше ни помогать, ни советовать не

буду. Решай сам. Если согласен на поединок, оставайся здесь и жди. Если нет – уезжай, пока не поздно.

Он отвернулся от арандамарца и быстро зашагал прочь. Поравнявшись с Атни, старик даже головы не поднял, чтобы на него взглянуть. Юноша с тревогой проводил его взглядом и подъехал к Хаггару.

– Что это с ним?

– Не знаю. Муха бешеная укусила, – в раздражении бросил арандамарец. Он и не собирался уезжать. Что ж, хочется Элен испытать его поединком, на здоровье. Хоть какой-то знак из-за молчавших дворцовых стен. А его раздражение было вызвано тем, что он, глупец, на миг поверил, будто ею движет что-то большее, чем любопытство.

Внезапный шум прервал его мысли. Начал бить колокол на дворцовой башне. Сверху, со стен, вторя ему, пронзительно запели трубы.

– Скорей, господин! – закричал Атни, подвел к арандамарцу лошадь и помог сесть в седло. Трубы, взыв в последний раз, смолкли. В наступившей тишине перламутровые створки ворот, переливаясь на солнце, медленно открылись, и Хаггар, попросив у неба удачи, въехал на дворцовую площадь. Следовавший за ним Атни спешился, взял лошадь хозяина под уздцы и повел через площадь к лестнице главного входа. Хаггар огляделся. Широкая площадка перед дверями была заполнена одетыми в прозрачные шелка и золотую парчу придворными. На ступенях стояли пятеро советников

в скромных серых мантиях. Подножие лестницы и вся площадь по периметру были оцеплены солдатами гвардии княгини, молодцеватыми гигантами в красно-белых одеждах с внушительными мечами на поясах. А за их спинами колыхалась разноцветная праздничная толпа, в которой арандамарец с изумлением увидел немало физиономий dwarves. У самой лестницы, почти напротив него, стояли разведчики в праздничном черно-зеленом одеянии. Увидев Велемира, арандамарец улыбнулся ему, но строгий капитан и бровью не повел.

Однако не неожиданное обилие народа изумило и насторожило Хаггара, а нависшая над площадью тишина ожидания. Было слышно, как фыркает, нетерпеливо встряхивает гривой и грызет трензель его лошадь. С разных концов площади доносился глухой звон оружия. Только сейчас Хаггар заметил, что в толпе нет женщин: поначалу его в который уже раз сбили с толку фривольные одежды и длинные волосы раэнорцев. Все, кого он мог разглядеть за широкими спинами гвардейцев, были вооружены. Да и на лицах собравшихся читалась отвага и решимость – качества, у раэнорской знати непопулярные. Ободряюще похлопав кобылу по шее, Хаггар наклонился к Атни.

– А что теперь?

Тот, выпятив грудь колесом и бросая из-под ресниц гордые взгляды, не сразу его услышал:

– А?

– Сейчас лопнешь! Что, спрашиваю, теперь?

– Ждать. Герольды должны подать знак. – Он кивком указал на юношей, двумя рядами стоявших у дверей.

– А почему женщин нет?

– Такой обряд. Они все во дворце, из окон смотрят. Им здесь нельзя находиться.

– И княгиня тоже?

– Конечно.

– А те, на лестнице? Или я опять путаю?

Атни хихикнул:

– Это же жрицы! Их глазами смотрят боги. Давай, господин мой, соберись.

– Что, боишься, опозорюсь?

– Ты? – Атни критически окинул его взглядом. – Не-а.

Их разговор прервал несшийся из-за стен высокий, хрипловатый звук.

– Рог трубит. Господин мой, он здесь! – Атни в волнении крепче сжал повод. – Кто?

– Твой противник.

Рог все трубил, взывая к ответу. Погруженная в оцепенелое молчание площадь наполнялась его пением. Хаггар с досадой вспомнил, что рог правителя, еще в юности врученный ему отцом, оставил брату. Но предусмотрительный Атни уже протягивал ему свой. Поднеся его к губам, арандамарец опасливо попробовал, а потом протрубил свою мелодию-вызов так, словно был сейчас не на площади дол-ра-

энского дворца, а перед каменными воротами Вальбарда, и кони в нетерпении взрывали землю копытами, и его боевые дружины вторили радостным кличем своему полководцу. Низкий бархатный рокот наполнил воздух, снял заклятие молчания. Герольды поднесли к губам трубы. Их звонкие, ясные голоса радостным приветствием неслись к бледному, истомленному жарким солнцем небу.

Ворота вновь открылись. Всадник на вороном коне во весь опор влетел на площадь, остановил жеребца в центре, и тот взвился на дыбы. Из-за оцепления выбежал дверг и, увернувшись от копыт, схватил коня за повод. У дверей на лестнице началось какое-то движение. Хаггар, оторвав взгляд от всадника, увидел, как по ступеням медленно сходит важный, худой человек, в котором арандамарец узнал церемонимейстера. Фреагор гордым движением головы откинул со лба волосы, отвесил серию замысловатых поклонов Хаггару и, вздернув подбородок, двинулся к его противнику. Воин, как влитой, сидел в седле. Его лицо защищала сплетенная из тончайших кольчужных колец маска. На доспехах из вороненой стали тускло переливались солнечные блики. Черный шлем был, наподобие чалмы, обвязан шарфом из серебряной парчи. Бахромчатые концы шарфа лежали на укрытом доспехами плече. Бархатный плащ, скрывавший другое плечо, струился по крупу коня. Вправленный в серебро рог висел на груди незнакомца. Нагнувшись к подошедшему наконец церемонимейстеру, всадник что-то ему

сказал, и тот, почтительно поклонившись, обернулся к снова застывшей в молчании площади и пронзительно-звонким голосом, чуть картавя, возвестил:

– Благородного воина, наследника правителя королевства Арандамар Хаггара, сына Номанатура, вызывает на поединок рыцарь Луны. Ты согласен принять вызов? – повернулся к арандамарцу Фреагор. Хаггар почувствовал, как все взгляды на площади обратились к нему. Незнакомец тоже смотрел на него сквозь узкие прорези маски.

– Согласен, согласен, – усмехнулся Хаггар. Услышав его ответ, молчавшая до этого толпа взорвалась приветственными криками.

– Бой будет пешим, – объявил церемонимейстер и направился к лестнице. Спрыгнув с коня, арандамарец начал потягиваться, разминая мышцы, поглядывая на стоявшего к нему спиной и о чем-то разговаривавшего с двергами воина. Когда церемонимейстер проходил мимо него, Хаггар поймал его за рукав рубахи.

– Что за рыцарь Луны? Не наемник с юга?

Фреагор негодуяще фыркнул, сверкнул зелеными глазами и, вырвав рукав из руки Хаггара, процедил:

– Этот доблестный рыцарь был избран самой княгиней Элен! Если она сочла его достойным, значит, он хорош и для тебя.

И презрительно поджав губы, церемонимейстер поднялся к жрецам.

– Не обращай внимания, господин. Фреагор со всеми так, даже с госпожой, – начал было Атни, но пение труб заглушило его слова. – Все. Удачи! – оруженосец ободряюще улыбнулся арандамарцу и повел его лошадь с площади по оставленному справа и ведущему к конюшням проходу. Следом, еле сдерживая пляшущего жеребца, шел дверг. Хаггар растегнул застежку, и белый плащ упал к его ногам. Воин на другом конце поля тоже освободился от плаща и шагнул ему навстречу. Сойдясь, оба с минуту постояли без движения, изучая друг друга, а потом в приветствии обнажили клинки: длинный, тяжелый меч арандамарца и изогнутый ятаган незнакомца. В третий раз протрубили герольды, возвещая о начале поединка. Делая первые выпады, арандамарец чувствовал себя неловко: уж больно явным было его преимущество. Он, сильный, бывалый боец, закаленный в сотнях сражений, против изящного, худощавого незнакомца, похожего на подростка-альва. Но вскоре он понял, насколько обманчиво это ощущение. Перед ним был опасный соперник. С непостижимой быстротой он кружил вокруг Хаггара, то появляясь, то исчезая, дразня колющими ударами и подставляя под его меч свой ятаган так, что арандамарцу кисти выворачивало. “Ну, погоди, прохвост. Сейчас ты у меня по-другому запоешь”, – арандамарец неожиданно крутанулся, меч со свистом взрезал воздух. Но противник успел высоко подпрыгнуть, уворачиваясь от страшного удара, и мягко, по-кошачьи приземляясь, поднырнул под меч, пытаясь достать до неза-

щищенных доспехами ног Хаггара. Тот отшвырнул его мощным ударом. Они снова закружились по площади. Арандамарец несколько раз пускал в ход уловки, неизменно спасавшие его в бою, но противник каждый раз угадывал его намерения, отвечая не менее замысловатыми атаками. Хаггар поймал себя на мысли, что их бескровный поединок похож на учебный бой с его старым учителем Гаральдом. Он с раздражением отметил, что устал, что не хочет больше махать мечом почем зря. Не было обычной боевой злости. Вдруг противник, будто прочтя его мысли, воспользовался мгновенной заминкой, змеей скользнул под меч и полоснул арандамарца по правой руке. Лезвие прошло по нарукавнику, разрезало кожаные ремни, лишь поцарапав кожу. Отшвырнув ногой упавший нарукавник, Хаггар встретился с противником взглядом. Сквозь прорези маски на него в упор смотрели черные, полыхающие бешенством глаза. Арандамарец, не отводя взгляд, усмехнулся. Он понял – разминка закончена. Вспомнились слова Дию: “Умри, но победи”.

Хаггар с облегчением почувствовал, как разбуженная злобным взглядом врага в нем просыпается уже знакомая холодная ярость. Усталость и раздражение как рукой сняло. Он снова поднял меч. Их бой был похож на танец льва и змеи. В мертвой тишине свистели клинки, сталь скрежетала, натываясь на сталь, снопами сыпались искры. Зрители, заражаясь яростным возбуждением, все громче вскрикивали, когда удары достигали цели. “Боги смотрят на нас, – пронеслись в

мозгу Хаггара неизвестно откуда взявшиеся фразы. – Танцуй для них”. И он танцевал, восхищая скупой точностью движений. “Ты должен победить. Убей или умри. Другого пути нет”. Он несколько раз сбивал противника с ног, но тот снова и снова вскакивал, и ятаган чертил грозные знаки у его лица. “Знак, дай мне знак!” – вдруг подумалось Хаггару. Он и сам не знал, что за знак и у кого просил, занеся меч для удара. Но тот, к кому была обращена мольба, услышал. Горячее раэнорское солнце, как много лет назад, вспыхнуло, обрушивая на арандамарца золотую волну света, и ярость затопила все его существо. Неотвратимой лавиной обрушился он на врага. Тот, изнемогая, сопротивлялся, но его удары были все слабее. Вскоре, не сумев парировать удар Хаггара, он упал, и ятаган со звоном выпал из его руки. Приставив меч к горлу побежденного, арандамарец громко спросил:

– Сдаешься?

Ответом было молчание и ненавидящий взгляд из-под маски. “Убей или умри”, – снова пронеслось в мозгу Хаггара. Не колеблясь, он поднял меч для последнего удара.

– Ты сам выбрал. – И уже готов был опустить клинок на шею поверженного врага, как тот, глядя на нависший над ним меч, отчетливо прошептал:

– Сдаюсь.

Громовой вопль вырвался из сотен глоток. Освобождаясь от напряженного ожидания, орали все, и оглушенный этим криком, Хаггар обернулся к дворцу, скользя взглядом по ок-

нам, в которых виднелись бледные женские лица. За которым из них стоит она сейчас, в волнении кусая губы? Хаггар победно улыбнулся и, подняв в одной руке меч, другой приветственно помахал окнам. Потом повернулся, чтобы помочь встать побежденному, да так и застыл. Меч выпал у него из руки, но арандамарец этого не заметил. Перед ним, сняв шлем и окровавленной рукой вытирая со лба пот, стояла, рассыпав по плечам черные косы, его любовь, княгиня Элен. Ее глаза в упор смотрели на арандамарца, и от этого взгляда у него в груди похолодело.

– Что ж, доблестный рыцарь, ты победил! – выкрикнула она. – И вправе требовать выкуп.

Она выжидающе замолчала. Так вот что значили слова старого лекаря! Вот за что он дрался сегодня! Охрипшим от волнения голосом Хаггар прокричал:

– Я не буду скромным и потребую самое большее, что у вас есть, раэнорцы, – руку вашей повелительницы! Я хочу, чтобы Элен Раэниэль, побежденная мною в бою, стала моей женой!

Элен слабо улыбнулась и, окинув взглядом вельмож, жрецов, советников, воинов, что защищали ее княжество, произнесла:

– Раэнорцы, вы были избраны свидетелями нашего поединка и видели мое поражение. Вы слышали, какую цену требует победитель?

– Да, – прогремели в ответ сотни голосов.

– Справедлива ли она?

– Да!

– Победитель получит награду. – Она вновь взглянула на арандамарца, но теперь в ее взгляде была лишь бесконечная нежность. Хаггар, забыв об усталости, подбежал к ней, подхватив на руки, высоко поднял над толпой, над площадью и впервые за многие месяцы счастливо засмеялся. Ответом был несшийся со всех сторон оглушительный рев одобрения.

Прижав драгоценную ношу к груди, арандамарец быстро зашагал к дворцу, взлетел по ступеням и скрылся в дверях. Вслед ему плотной волной несся гул, вобравший в себя крики воинов, гудение рогов, пение труб герольдов. Но волна не догнала их. Едва Хаггар с Элен на руках оказался во дворце, двери за ними закрылись, и они оказались в тишине. А гул, не стихая, бил прибоем по широким гранитным ступеням, разбиваясь о высокие белые стены. Остановившись в совершенно пустом коридоре перед ведущей на второй этаж лестницей, Хаггар с восхищением глядел в усталое, но счастливое лицо возлюбленной. Он прошептал:

– Значит, это правда?!

– Да, – она, улыбаясь, кивнула. Тогда, осторожно опустив ее на землю, арандамарец заключил:

– Значит, я могу тебя поцеловать.

Элен рассмеялась.

– Попробуй. – И положила руки ему на плечи. Почувствовав на губах кровь и соль ратного труда, Хаггар потерял голо-

ву. Вдруг Элен вырвалась из его объятий и, задыхаясь, прошептала:

– Не сегодня.

– Почему? – растерялся Хаггар.

– Завтра после обряда. Я твоя невеста, а не жена.

Он хотел возразить и уже протянул руки, чтобы снова обнять, но тут наверху зазвучали шаги, громкие, взволнованные голоса, и свита молодых придворных дам поспешила им навстречу. Громко заиграла музыка. Как ни в чем не бывало вложив свою руку в протянутую ладонь Хаггара, Элен торжественно произнесла:

– Доблестный воин, добро пожаловать в мой дворец. Раздели с нами ужин, отдохни. Ведь завтра нам предстоит дорога в Святилище.

Они рука об руку поднялись по лестнице на второй ярус, прошли анфиладу парадных комнат и оказались в уже хорошо знакомом арандамарцу коридоре перед покоями княгини. Элен остановилась и, пожав его руку, мягко произнесла:

– Прошу тебя, следуй за своим оруженосцем в подготовленные для тебя покои. Нам обоим нужен отдых и помощь врача. – Шепотом она добавила: – Честно признаться, мои ссадины и синяки нестерпимо болят.

Двери в ее покои распахнулись, и княгиня, сопровождаемая дамами, скрылась из глаз. Арандамарец долго бы еще предавался недоуменному созерцанию захлопнувшихся дверных створок, но тут у самого его плеча прозвучал по-

чтительный голос Атни:

– Идем, господин мой! Лекарь ждет.

Пожав плечами и тряхнув головой, Хаггар вздохнул:

– Доколе?!

– До завтра, господин. Пойдем! – Дерзкий оруженосец взял Хаггара под руку и увлек прочь. Войдя в свои покои, арандамарец с радостью узнал те самые комнаты, в которых он останавливался в свой первый приезд. Та же кровать с темно-синим балдахинном, те же диковинные птицы на стенах и потолке, и за столом так же, как в то первое утро, спиной к нему сидел человек.

– Дию! – чуть не вскрикнул Хаггар, но вовремя остановился. Человек поднялся и, повернувшись, сделал шаг навстречу.

– А, это ты, – протянул арандамарец, узнав лекаря из гостиницы. – Ты как здесь оказался?

– Княгиня попросила меня прийти, – невозмутимо поклонился лекарь.

– Тебя? Княгиня попросила? – Хаггар окинул его недоверчивым взглядом, но замолчал, заметив на груди врача золотой диск с зеленым камнем посередине, точно такой, какой он видел у Дию. – А это у тебя откуда?

– Это медальон Главного лекаря, господин, – вставил Атни.

– Подожди, – прервал его Хаггар, – ты разве не врачеватель с площади Журавлей? Тебя не слуга из “Белой розы”

присылал?

– Я – Главный лекарь Раэнора, рыцарь, – с достоинством поклонился врач. – Мое имя Фрэй.

– А как же тогда гостиница? – растерянно пробормотал арандамарец.

– Госпожа призвала меня и попросила, чтобы я позаботился о скорейшем твоём выздоровлении, – терпеливо объяснил Фрэй. – Но позволь мне сначала осмотреть тебя, нет ли серьезных ран.

– Вот как, – протянул арандамарец и рассеянно махнул рукой, сняв шлем и бросив его в кресло. – Раны? Какие раны? Царапины. Смазать настойкой – и все.

Однако он с помощью Атни снял перчатки, расстегнул уцелевший нарукавник и стянул кольчугу. Лекарь ловко обработал и перевязал длинные, но неглубокие порезы на правой руке, смазал мазью ссадины на кистях и проверил, не открылась ли свежая рана на бедре.

– Спасибо, – благодарно улыбнулся Хаггар.

– Надеюсь, что мои услуги тебе не скоро понадобятся, – вежливо поклонившись, ответил лекарь и вышел. “Не знаю, не знаю, – подумалось арандамарцу. – Боюсь, зря ты надеешься”.

Элен стремительно вошла в свои покои. У нее еще хватило сил дружелюбно улыбнуться Дию, который, выглянув с балкона, ринулся к ней навстречу. Но тут пол у нее под но-

гами закачался, и она в изнеможении опустилась на стул, заботливо подставленный телохранителем.

– Ну, как? – встревоженно спросил старик. Выдержав его испытующий взгляд, она рассмеялась:

– Прекрасно! Чудесно! Великолепно!

– Уф-ф! – Дию с облегчением вздохнул.

– Но как я устала! Он совсем меня загонял. Дию, у меня все тело ломит, – простонала она, но, заметив мучительно-встревоженный взгляд Румиля, пробормотала: – Друг мой, ничего страшного. Просто я в последнее время не слишком усердно тренировалась, и вот результат. Он победил!

– Он достоин победы, – проворчал Дию.

– Бесспорно. Румиль, помоги мне снять доспехи. Мелита, пусть девушки готовят ванну и растирания. Пошли кого-нибудь к Эльвире. Пусть, как сможет, зайдет ко мне. А где Ирлинг?

– Где, где, – Дию оглянулся на фрейлин. – Вон, с девчонками болтает.

– Ирлинг!

Секретарь, чуть покраснев, подскочил к княгине.

– Прости, госпожа!

– Ирлинг, – подняла она на него подернутые томной усталостью глаза, – отыщи Фреагора и приведи сюда. Быстро! – неожиданно прикрикнула она. Секретарь стрелой вылетел из покоев. Румиль принял у нее из рук шлем, пояс с ятага-

ном, помог расстегнуть застёжки доспехов и осторожно снял с рук кованые перчатки. Оставшись в тонком черном костюме, Элен закатала рукава рубахи. Ее изящные руки с нежной белой кожей были сплошь покрыты синяками и ссадинами. Румиль с ужасом взирал на окровавленные, распухшие запястья, и его черные глаза полыхнули гневом. Дию тоже покачал головой.

– Это еще что! – Элен снизу вверх поглядывала на них. – Голова гудит, как часовой колокол. Румиль, дай шлем. Там должна быть здоровенная вмятина. Точно! – Она показала погнувшиеся и разошедшиеся под тяжестью ударов пластины. – Он меня чуть не убил.

Дию, покосившись на телохранителя, крикнул:

– Хм-м. Ну, вот что. Госпожа, отсылай всех. Займемся тобой всерьез. И поскорей, а то вид у тебя завтра будет неприглядный.

Элен отпустила служанок, оставив лишь Мелиту и Лолу.

– Румиль, друг мой, ничего не поделаешь. Ступай, я потом пришлою за тобой. Телохранитель внимательно оглядел ее и, переглянувшись с лекарем, стремительно вышел.

– Ох! Потихше! Осторожнее, Мелита! – стонала и причитала Элен, пока служанки помогали ей снять костюм. Дию готовил компрессы, то и дело качая головой. После ванны Лола обтерла тело госпожи настоем можжевельника. Мелита растерла ей руки целебным вербеновым кремом, стараясь не притрагиваться к ранам и синякам. Потом Дию наложил на

вспухшие ушибы компрессы и закутал ее в меховую накидку.

– Распорядитесь насчет легкого ужина для госпожи, – обратился он к служанкам, а сам сел в кресло рядом с княгиней и, задумавшись, замолчал. Элен встревожил его озабоченный вид.

– Послушай-ка, Дию, что-то не так?

Старый лекарь, взглянув на нее, тихо произнес:

– Отошли Румиля.

– Что? Я не ослышалась?

– Нет, госпожа. – Дию взглянул ей в глаза. – Отошли его, пока не поздно.

– Что ты говоришь, старик? – Элен возмущенно фыркнула и откинулась в кресле, закутавшись в накидку. – Зачем это я должна его отсылать?

– Он любит тебя, Элен.

Она вскинула голову:

– Ну и что? И ты меня любишь, хоть и вечно ворчишь. И Ирлинг, хоть и побаивается. Что ж, в таком случае мне придется полдворца из столицы выслать!

– Прекрати паясничать! – Дию устало махнул рукой. – Он любит тебя и никогда не простит арандамарцу твоего поражения.

– Вздор. Да и куда я его отошлю? У него и был-то всего один друг, Талион. – Элен помедлила, а потом повторила как эхо: – Талион. Где он сейчас? Зачем покинул меня?

Дию молчал, опустив голову.

– Почему тебя нет со мной в день моей радости? Дию, неужели я больше никогда его не увижу?

– Принц искусный и осмотрительный воин, как и все в его отряде. Возможно, когда кончится война, они придут к тебе в Хьорланд.

– Хьорланд, – протянула Элен. – Белая пустыня. Да, там мы встретимся снова. – Закрыв глаза, она удержала слезы и прошептала: – Но горька будет наша встреча.

– Опять грустные мысли! – Дию был не рад, что поддержал разговор. – Сегодня ты должна быть веселой. А Румиля пошли с каким-нибудь поручением, да хоть на границу, к Дарку.

– Ты бредишь, – раздраженно перебила его Элен. – Румиля – с поручением? Прекрати, Дию! Румиль мне предан. И я не оскорблю его таким недоверием. Представляю – призову его и объявлю: “Дружище, я тут замуж собралась! А твоя мрачная физиономия портит всю картину беззаботного веселья. Так что собирайся, проваливай на время. А как торжества кончатся, так и быть, можешь возвращаться. Нам верные слуги нужны”. Так? Я никогда не отошлю его от себя, ты понял? Никогда!

Зная, что спорить и доказывать бесполезно, Дию сменил тактику.

– Ладно. Прости. Но хоть предупреди Хаггара.

– Хаггар – не мальчик. Пусть сам разбирается.

– С тобой совершенно невозможно говорить. – Дию, рас-

сердившись, встал.

– На такие темы – да. – Элен не пошевелинулась, смотря, как лекарь шагает к двери. Выждав, когда он взялся за дверную ручку, она как ни в чем не бывало спросила: – Дию, друг мой, а компрессы?

Обернувшись, старик язвительно процедил:

– Сама разберешься, моя мудрая госпожа. А если нет, через час присылай, я буду у себя. – И он вышел, оставив ее одну. Вскоре служанки принесли ужин. Элен хотела встать, чтобы одеться, но вместо этого снова со стоном упала в кресло. Радостное возбуждение прошло, все сильнее давали о себе знать боль и усталость. Чуть не плача, она призналась себе, что ни о каком ужине вдвоем не может быть и речи. Следовало побереечь силы, ведь завтра предстоял долгий, хлопотный день. Церемонию откладывать нельзя. Прибывший сегодня утром из Святилища гонец передал, что время выбрано верно. Элен позвала:

– Мелита, детка, мне нужны перо, чернила и бумага.

Хаггар расхаживал по комнате, прислушиваясь к тишине за дверями в коридоре. Если он не ослышался, Элен говорила что-то про ужин. Но вот уже девять, а от нее ни слуху, ни духу. Неужели они сегодня больше не увидятся?

– Господин мой, – робко подал голос сидевший в кресле Атни. – Ты бы прилег, отдохнул. Я сейчас сбегая, принесу чего-нибудь перекусить. А на ночь почитаю.

– Почитаешь? – Хаггар остановился. – Зачем?

– Ну, у нас так принято. – Атни поправил волосы. – Ведь сон приходит не сразу. Чтобы скрасить минуты его ожидания.

– Я от этой напасти избавлен, – отмахнулся арандамарец. – После такого дня успеть бы голову до подушки донести. Думаю, не придется тебе читать, пока ты у меня на службе.

– Ладно. А как насчет перекусить?

– Нет. Я подожду. – И Хаггар, опустив голову, снова принялся мерить шагами комнату. Вдруг он остановился, насторожившись. В коридоре послышались легкие торопливые шаги, а через мгновение раздался робкий стук в дверь. Хаггар тут же открыл и увидел красную от смущения служанку княгини. Не смея поднять на него глаза, она прошептала:

– Госпожа просила передать тебе эту записку, господин рыцарь.

Она протянула ему маленький свиток. Быстро развернув его, Хаггар прочел: “Прости, любимый. Я хотела послать за тобой, но безжалостный Дию не разрешил, напоив вместо этого своими ужасными микстурами. Наверное, поэтому у меня кружится голова и слипаются глаза, а тело такое тяжелое, что не пошевелиться. Не сердись, ведь отчасти ты сам в этом виноват. Поужинай без меня, сегодня – в последний раз. Я рада, что все так случилось”. Арандамарец встревоженно спросил служанку:

– Княгиня не ранена? Это правда, что она лишь устала?

– Да, – наконец-то осмелившись взглянуть на него, тихо ответила девушка. – Господин лекарь долго был у госпожи, и когда уходил, мы спросили, как она. Он сказал, что ей нужно как следует отдохнуть и что все так хорошо, как он и не ожидал.

– Что ж, – арандамарец облегченно вздохнул. – Ну, иди, красавица.

Девушка поклонилась, быстро взглянула на Атни и исчезла.

– Господин, так я поесть принесу? – заерзал оруженосец.

– Иди! Да смотри, не задерживайся, – со смехом отпустил прохожу Хаггар. Вскоре слуги принесли ужин. Атни же прибежал, когда арандамарец уже лег отдыхать.

– Прости, господин, – начал было оправдательную речь оруженосец, но Хаггар перебил его:

– Твой господин давно бы умер при таком нерадивом слуге!

– Да я их на лестнице встретил, если хочешь знать, господин мой! – Атни прижал руки к груди. – И поторопил! А сам подумал, что раз уж без меня все так устраивается...

– Займешься своими делами, которые, конечно же, для тебя важнее, – сурово заключил Хаггар. – Мне такой оруженосец не нужен. Можешь проваливать.

– Господин, – лицо Атни вытянулось, – как же так? – Он потерянно замолчал. Видя, что тот и впрямь не на шутку

огорчен, арандамарец, сдерживая улыбку, проронил:

– Ладно, я тебя прощу, если проводишь меня до садов.

– Сейчас? – изумился Атни.

– Сейчас.

Восстановленный в должности оруженосец расплылся в блаженной улыбке: – Тогда пойдем. Только плащ накинь, господин. Ночь прохладная.

Они вышли из покоев. Атни шел впереди, неся белый плащ Хаггара. Арандамарец не спеша следовал за ним. Немногочисленные придворные, к его удивлению, останавливались и глубоко кланялись. “Не то, что тогда”, – с улыбкой вспомнил свой первый приезд Хаггар. Поплутав по коридорам, они вышли в тупиковый проход, заканчивавшийся небольшой дверью. Атни обернулся:

– Здесь, господин. – Он заботливо накинул плащ на плечи Хаггара. – Тебя подождать?

– Иди спать. Я вспомнил дорогу.

Он похлопал Атни по плечу и, открыв дверь, оказался на знакомом висячем мостике. Арандамарец оглянулся. Было уже около полуночи. Дворец был погружен в сон. Лишь гулкие шаги часовых доносились с залитой светом открытой галереи. Верхние ярусы были погружены во тьму, а высоко в небе маяком светил фонарь Сторожевой башни. В саду было тихо – ни голосов, ни музыки. Только мягко шелестела листва, журчали ручейки и звенели струи фонтанов.

Хаггар медленно шел по аллее, ведущей к “Красавицам

юга”, знаменитому фонтану Дол-Раэна, и вспоминал свой первый приезд, их с Элен прогулки, разговоры, его казавшиеся до сегодняшнего дня несбыточными надежды, ее смех, нежную улыбку, ту сумасшедшую ночь в прекрасном весеннем саду.

Земля растворясь в сизом тумане, и нет нам возврата. Волны бьются в крутые борта корабля. Ключья пены с легким шипением тают на палубе. Ветер пробует парус на прочность. Там, позади, на причалах Последних гаваней, с легким вздохом умерло прошлое. А будущее сияет, золотым солнечным диском вставая над безбрежной зеленью вод.

Арандамарец проснулся оттого, что кто-то нежно гладил его по щеке. Открыв глаза, он увидел склонившуюся к нему Элен. Она рассмеялась, соскочила с постели, увернувшись от его объятий, и потянула за край одеяла: – Вставай, скоро полдень! Я умираю от голода, но завтракать без тебя не хочу. Жду тебя в своих покоях.

Княгиня махнула рукой, исчезла. Хаггар вскочил с постели, выглянул в распахнутое окно, зажмурил глаза, на миг ослепнув от горячих лучей полуденного солнца, и счастливо рассмеялся. Громко напевая, он прошел в ванную комнату, с головой нырнул в обжигающе-холодную воду. Жизнь прекрасна! Одевшись, Хаггар поспешил к Элен, не успевая отвечать на поклоны придворных. В дверях ее покоев он столк-

нулся с выходявшим оттуда телохранителем. Тот, отступив, дал арандамарцу пройти, но когда Хаггар обернулся, чтобы поблагодарить, слова застряли у него в горле – такой холодный, полный ненависти взгляд был устремлен на него.

– Что-то не так? – наконец спросил Хаггар, но телохранитель, ни слова не говоря, повернулся и вышел из покоев. Арандамарцу было не до него. Он влетел в комнату Элен и, подбежав к ней, подхватил на руки и закружил.

– Сумасшедший! – засмеялась она, обхватив его за шею. Ее белое платье забилося, обнажая до колен ножки, обутые в атласные туфельки. – Пусти, голова закружилась, – наконец взмолилась Элен и, очутившись на полу, в изнеможении опустилась в кресло, беззаботно хохоча.

– Ты смейся, смейся, – поддразнил ее Хаггар, – а я пока позавтракаю. Что тут самое вкусное?

– Только не мой виноград! – Она потянулась к золотому блюду, но поздно.

– Именно он, – бормотал арандамарец, отправляя в рот одну за другой прозрачные нефритовые ягоды, подернутые восковым налетом. – А ты смейся, любимая. Мне так нравится твой смех!

Они позавтракали, беззлобно подтрунивая друг над другом, а потом отправились гулять в сад. Держась за руки, они долго бродили по аллеям, останавливались у фонтанов, смотрели, как резвятся золотые рыбки в мраморных бассейнах.

– Элен, ты обещала рассказать о сегодняшнем обряде, – наконец нарушил молчание Хаггар.

– О, прости. Конечно. – Она оглянулась. – Давай присядем.

Они вошли в увитую плетями цветущей глицинии беседку и сели на низенькую скамью. Немного полюбовавшись ярко-фиолетовыми цветами, почти скрывавшими влажные темно-зеленые листья, Элен сказала:

– Я уже говорила про обряд. Наш с тобой поединок – всего лишь его часть, начало. Сегодня мы его завершим. Мы поедем в Святилище, и теперь боги будут танцевать для тебя. Если ты выдержишь их танец, нас благословит Единый.

– А если нет?

– Тогда все пропало.

– Послушай, я вот тут подумал, – подозрительно покосился на нее Хаггар, – а до меня были охотники до обряда?

Она усмехнулась:

– Конечно.

– И что с ними случилось?

– Погибли.

– Вот как.

– Да. Когда тянешься к огню, не взыщи, если обожжешься.

– И ты не пощадила бы меня там, на площади?

– Нет. Неужели ты хотел бы уподобить священное таинство боя возне шутов на ярмарочной площади, где рассчитана каждая подножка? Хаггар, ведь и ты опустил бы меч, если

бы я не признала свое поражение.

Он поднял голову:

– Да.

– Поэтому мы здесь, и поэтому я верю, что ты получишь благословение богов Раэнора.

Вернувшись с прогулки и пообедав, Элен и Хаггар в сопровождении небольшой свиты отправились в Святилище. Проезжая по восточной части города, Хаггар удивленно оглядывался – улицы были пусты. Лишь случайные прохожие да несколько увязавшихся было за ними зевак проводили взглядами кавалькаду придворных.

– Непохоже на раэнорцев, – заметил Хаггар.

– Мы в ремесленном квартале. Все заняты делами, – ответила Элен. – К тому же этот день особенный только для нас.

Когда они выехали за городские ворота, арандамарец залюбовался пейзажем. Узкая дорога уходила все выше на восток, а внизу раскинулись луга. Пахло теплым скошенным сеном. Серебристые лоскутки ржаных полей перемежались с золотыми квадратиками полей пшеницы. На травяных островках резвились лошади. Вскоре скалы заслонили собой долину, и столица исчезла из виду. Дорога петляла меж горных пиков, поднимаясь все выше. Высокие платаны вдоль обочин тянулись друг к другу ветками, сплетали яркую листву, отбрасывали на всадников лиловые тени.

– Смотри, вот Близнецы, – Элен указала на две сросшиеся горы с пологими склонами. – Там, на перевале, мы сделаем

остановку, а оттуда недалеко и до Святилища.

Привычный к горным переходам, Хаггар чувствовал себя уверенно. Серые вздымающиеся к небесам скалы его вовсе не занимали, однако на перевале он не в силах был оторвать взгляд от непривычно зеленевших склонов, по которым, играя на солнце бирюзовыми ледяными струями, текли горные речушки.

– Похоже на Арандамар? – спросила Элен.

– И да, и нет. Наши горы суровее. А здесь как будто вечное лето. Трудно поверить, что Враг так близко.

Надежно укрытая пышными кучами деревьев долина Святилища возникла перед ними внезапно. Всадники оставили солнце за широкими спинами Близнецов. Когда они въезжали в долину, в сгустившемся сумраке уже трудно было что-либо различить. Приехавших встретили служители и проводили в покои для гостей. Оставив Элен на попечение служанок, Хаггар в сопровождении Атни прошел в отведенную для него комнату. Там у стены стояла узкая кровать, столик у окна и массивный табурет. Усевшись на кровать, арандамарец кивнул оруженосцу:

– Сядь, не маячь. Устал?

– Да нет. Вот только к высоте никак не привыкну. Как мой конек ступает на эти хрупкие мостики через ущелья, так у меня сердце останавливается.

– Ты что это, живешь в горах, а высоты боишься?

– Где же в горах? Разве Дол-Раэн – горы? – Атни пренебрежительно хмыкнул. – Вот ты, господин... – Но он не успел договорить. Дверь открылась, и в комнату вошел худой высокий человек в расшитой золотом фиолетовой мантии. Оруженосец вскочил и застыл в растерянности. На мгновение задержав на оцепеневшем Атни взгляд бледно-стальных глаз, вошедший еле слышно сказал:

– Оставь нас.

Юноша низко поклонился и вышел. Хаггар с интересом разглядывал незнакомца. Тот, прикрыв опущенные глаза ресницами, неожиданно низким, глубоким голосом произнес:

– Я – Хранитель Святилища. А ты – человек, пришедший совершить обряд?

– Да, я этот человек. – Арандамарец встал. Длинные ресницы взметнулись, и глаза Хранителя полыхнули светлым пламенем. Но Хаггару был не страшен их огонь. Его лицо дышало безмятежностью. На тонких губах Хранителя появилась едва заметная улыбка. Подняв обнаженные по локоть руки, он трижды негромко хлопнул в ладоши. Драгоценные камни в его перстнях засияли при неярком свете фонаря. Тут же в комнату вошли двое служителей. Они бережно несли на вытянутых руках темно-красные с золотыми искрами одежды.

– Это для тебя, – пояснил Хранитель. – Согласно обряду такой должна быть одежда избранника. Надень. Служители

помогут тебе.

Хаггар, скинув костюм, облачился в широкую, мягкими складками спадающую до пола тунику. На плечи ему Хранитель накинул обшитый широкой золотой тесьмой красный плащ из лощеного шелка. Хаггар поправил на груди талисман Элен – серебряную звезду с померкшим алмазом и уже взялся было за пояс, чтобы пристегнуть меч, но Хранитель мягко отстранил его руку.

– В Святилище Единого оружие бесполезно.

Недоверчиво нахмурившись, Хаггар положил меч на кровать рядом с одеждой. Заметив его недовольство, Хранитель снова едва улыбнулся:

– Не тревожься. Ты найдешь свой меч здесь. – И добавил: – Если вернешься. Пойдем. Пора.

Он кивнул служителям, и те вышли. Хранитель и арандамарец последовали за ними. Выйдя из дома, Хаггар с удивлением остановился, оказавшись перед несколькими десятками человек с зажженными факелами. Они молча смотрели на него. В полной тишине было слышно, как трещит и капает смола, как за поселением пронзительно стрекочут цикады, как в оливковой роще щебечет ночная пичужка.

– Вот человек, пришедший совершить обряд, – вдруг прозвучал голос Хранителя. Факелы дрогнули, но никто не произнес ни звука. – Проводите нас к Святилищу.

Хранитель, высоко подняв голову, зашагал вперед. Толпа почтительно расступалась перед ним. Арандамарец по-

шел следом. А за ним, выстроившись в колонну, двинулись люди с факелами. Вскоре дорога закончилась у восходящих в черноту ступеней. Хранитель остановился перед лестницей. Хаггар последовал его примеру. Факельщики шли мимо них, беря плато в мерцающее огненное кольцо. Когда подали знак, что круг замкнулся, Хранитель начал медленный подъем. Арандамарец шел за ним, оставляя позади ступень за ступенью, и чувствовал, как его охватывает невольное волнение.

Подъем кончился. Они оказались на круглой площадке с белыми мраморными пьедесталами по периметру. Мрамор как будто светился изнутри. В этом призрачном свете холодным огнем горели драгоценные камни и тускло сверкало золото. Только центр площадки был скрыт в темноте, словно гигантская тень легла на черный гранит, сделав темноту непроглядной. Хранитель прошел вперед и, встав на самой границе зловещей тени, обернулся к Хаггару. Его колдовские глаза впились в лицо арандамарца. “Мысли – прозрачные разноцветные камешки, рассыпанные на берегу медленно текущей реки. Я соберу их в ладонь, рассматривая на свет, и, промытые в чистой воде, они не скроют ни искрящейся чистоты, ни царапин, ни мутных теней, ни черных пятен”. Хранитель вскинул руки над головой и начал медленно, ритмично хлопать в ладоши, не отводя взгляд от застывшего в ожидании Хаггара. Подчиняясь ритму, гибкое, сильное тело жреца закачалось. В его глазах полыхнул огонь. Заражаясь

его неистовством, арандамарец вскинул голову, поднял руки и захолопал в такт жрецу. Его охватило веселье, сродни тому, которое охватывает воина, понявшего, что бой смертелен и спасения нет. Весело умирать без надежды, в зверином оскале обнажая крепкие молодые зубы, сжимая меч в руке, пришпоривая задыхающегося коня, стрелой вонзаясь в полчища врага, рубить, не зная пощады, смеяться, видя, как алое зарево встает над полем боя. И со смехом стряхнуть с плеч костлявые руки испугавшейся твоей улыбки и потому подкравшейся сзади смерти. И влететь на залитом вражеской кровью скакуне в бессмертие, став легендой и песней.

Налетел порыв ветра, звезды вспыхнули ярче. В небе раздался резкий птичий крик. Невидимые крылья со свистом разрезали воздух. О, знакомый с детства запах! “Море!” – радостно узнал Хаггар. Со вторым, более сильным, порывом ветра море и птицы исчезли. В наступившей тишине слышались лишь быстрые хлопки Хранителя. Вдруг жрец запел. Хаггар вскрикнул – рокочущий, сильный голос пел знакомый гимн. Гортанные звуки разносились, сплетаясь в слова. Язык могучего, гордого, погибшего народа, язык его предков! Арандамарец подхватил, вторя жрецу, чувствуя, как и в нем разгорается неистовое пламя. Ветер подул еще сильнее, свился в кольцо, прозрачной мерцающей стеной оградил Святилище от остального мира. Хаггар пел все громче, раскрываясь овладевшему им веселому безумию. И тут он с изумлением услышал, что еще один голос присоединился

к их песне. Прекрасная юная девушка сошла к нему с ближайшего пьедестала и, покачиваясь в такт песне, начала свой волшебный танец. Она парила в воздухе, порхая, как бабочка, то удаляясь, то вплотную приближаясь. А потом богиня танца протянула сияющую руку, и Хаггар ощутил ее нежное пожатие. Подведя его к следующему пьедесталу, юная танцовщица исчезла. Вместо нее в рыжем зареве появился великан с искристыми смеющимися глазами. Полный радостной силы, он хлопнул в ладоши, повел могучими плечами и громко запел. Его огненные кудри струились по ветру. Хаггар подался вперед и был не в силах сдержать широкой улыбки. Великан расхохотался и, взметнувшись ясным пламенем, исчез. Вдруг взревел рог. Дрогнула земля. Из черноты вылетели белые гончие псы и с лаем промчались мимо арандамарца. Вслед за ними на могучем коне на площадку выехал витязь. Его чело хмурилось, в светлых очах полыхала ярость. Но, вторя песне, он тоже хлопнул в ладоши. Хаггар бесстрашно смотрел в лицо великого охотника, не отводя взгляда до тех пор, пока тучи не разошлись на божественном челе и лицо не просияло улыбкой. Всадник качнулся в седле, и конь унес его во тьму. Рядом уже стоял суровый старец в белых мерцающих одеждах. Строго зазвучал его голос, и встали за его плечами кроткая Фальмариль, ласково улыбающийся Эллетур, его потерянные друзья, его воины, не вернувшиеся из боев. Все они слили свои голоса с его голосом, и слезы потекли по лицу Хаггара. Но вот вместо них перед

арандамарцем стоит печальная женщина, положив руки ему на плечи. Тихой мудростью светится ее взор, и ее влажные очи пробудили в его сердце жалость ко всем живущим. А слезы ему высушила нежная дева, проведя прохладными ладонями по челу. И годы отлетели осенней листвой, ее разметал ветер, и новая весна зародилась в его душе тонким березовым ростком. Дева же исчезла, уступив место старухе, и та, хлопнув в ладоши, раскинула перед ним пестрое покрывало. Морщинистые руки расчертили звенящий воздух, делая такими ясными события минувшего. Прошлое влило в песню свой тихий, настойчивый голос. Перед арандамарцем чередой прошли видения: дальние страны, бескрайнее море, звездная дорога и лодка, плывущая в серую мглу. Из этой мглы возник хрупкий отрок с золотистыми глазами, тронул тонкими пальцами веки Хаггара и, улыбаясь, исчез. Вокруг арандамарца раскинулись цветущие поля, а по ним, громко, во весь голос напевая их песню, шел голубоглазый муж. Его натруженные руки были полны золотого зерна. За ним, хохоча, бежала девушка. В ее светлых косах синели васильки, цветы расцветали от ее улыбки, и в небе, вторя песне, заливались жаворонки. Эти двое прошли, и высокая, статная женщина встала перед Хаггаром. Ее темные глаза ласкали его, как глаза матери. Расшитый передник был полон спелых, душистых плодов, сладкий яблочный дух напомнил ему о детстве. Снова прогудел рог. Дарительница плодов исчезла. Волны смыли цветущий луг, и из белоснежной пены,

улыбаясь арандамарцу, поднялся прекрасный муж. Он запел, и его чудесный голос украсил песню. Так взмах кисти мастера превращает милую картинку в прекрасное полотно. Он пел долго, весело хлопая в ладоши, и бурлила, вскипала, взвихрялась вода. Но и он утих. Снова стоял Хаггар напротив Хранителя, они оба пели, забыв о времени, лишь бы длилась песня. И тогда появились рука об руку могучий муж и юная женщина. Ветер развевал длинные седые волосы Вейтеля, но, тиха и прекрасна, стояла рядом его подруга и струила божественный свет, ласково глядя на поющих. Сначала она, а потом и ее спутник вплели свои голоса в песню. И не стало ничего. Ослепительный свет, испепеляя, обрушился сверху. Охваченный небесным пламенем, Хаггар горел, и звучало: “Я проверю прозрачные камешки светом. В его потоке не скрыть изъян. И отброшу негодные, а те, что чисты, соберу в ладонь и унесу с собой”. Внезапно наступила тишина. Исчезла обжигающая боль. Прямо перед ним на иссеченном молниями камне в льющемся потоке света стояла женщина. Взглянув ей в лицо, Хаггар с трепетом узнал княгиню. Но сейчас не любимая женщина стояла перед ним, а жрица Светлого бога, объятая его священным огнем. Ее звонкий голос громом прозвучал в Святилище:

– Смертный, огненные боги, веселые боги Раэнора танцевали для тебя. Единый излил на тебя свой свет. Поднимись ко мне.

Хаггар подошел к камню и, быстро шагая по крутым сту-

пеням, встал рядом со жрицей. Она взяла его руку в свою и подняла их.

– Смотри. – Жрица закинула голову. – Не закрывай глаза! Единый, дай нам свое благословение! Твои дети уже дали нам свое.

Хаггар стоял, облитый мягким светом, и силился хоть что-то разглядеть там, в вышине. Но ничего не было, кроме тихого сияния. Потом он увидел длинную, солнечную дорогу, и они с Элен, как дети, побежали по ней без оглядки. Дорога уводила их все выше, выше от земли, уже исчез из виду простиравшийся под их ногами зеленый травяной ковер, море ласково зашумело далеко внизу, а они все бежали, беспечальные влюбленные, пока, наконец, не засияли вдалеке солнечные вершины легендарных гор и благословенный берег не показался на горизонте. Ветер внезапно стих. Элен и Хаггар очнулись. Божественный свет померк.

Тихие и счастливые, они сошли с камня. Хранитель ждал их внизу. Выйдя к лестнице, он поднял руку ладонью вверх. Снизу раздались приветственные крики. Хранитель обернулся к влюбленным:

– Подойдите. – Он неожиданно радостно улыбнулся. – Закончим обряд. Хаггар и Элен встали перед лестничным спуском. Тем временем служители поставили на ступень высокий треножник, а на него – золотую чашу. Первый князь Раэнора привез ее когда-то из-за моря. Вокруг снова воцарилась тишина. Подошел еще один служитель, с поклоном пе-

редал Хранителю бархатную подушечку с кинжалом. “Древний клинок. Прекрасная работа”, – подумал арандамарец. Держа подушечку на вытянутых руках, Хранитель преклонил колена. Элен первой взяла кинжал и поднесла клинок к губам. Обнажив левую руку, она опустила ее к чаше и провела острием кинжала по запястью. Сначала крови не было. Но вскоре первые тяжелые капли медленно, со звоном упали в чашу. Не отрывая взгляда от темно-красной, пузырящейся на дне чаши влаги, Хаггар принял кинжал из рук возлюбленной и тоже поцеловал обогренное лезвие. Вдохнув сладкий запах, он вздрогнул и, не думая, полоснул по обнаженной руке. Его кровь брызнула, пенясь, и чаша быстро наполнилась остро пахнувшей влагой. Треножник убрали. Хаггар увидел приготовленный у подножья лестницы костер. Рука об руку они спустились на последнюю ступень, держа чашу в руках. Элен заговорила:

– Я, жрица Единого, говорю вам: этот человек танцевал с богами и остался жив. Он получил их благословение. И на нем благословение Единого!

Ответом на эти слова был восторженный вопль. Подождав, пока крики улягутся, она продолжала:

– Я, княгиня Раэнора и ваша повелительница, говорю вам. Этот человек, Хаггар из Арандамара, отныне мой муж и ваш князь. Я сделала выбор, и боги его одобрили. Наша кровь пролита одним клинком и смешалась в одной чаше. Мы связаны пролитой кровью навеки, и ничто не в силах расторг-

нуть эти узы. А теперь – огня! – выкрикнула она. Два служителя поднесли факелы к костру. Дрова вспыхнули. Пламя взметнулось над головами, снопами разбрасывая искры. В полном молчании Элен наклонила чашу. Тягучая пурпурная влага полилась в костер, зашипела и, превращаясь в белый пар, таяла в ночном воздухе. Звонкий голос княгини вещал:

– Пусть земля Раэнора возьмет нашу кровь, и впитает, и сольет ее со своей.

Когда последняя капля упала в огонь, Элен обратилась к Хаггару:

– Теперь ты породнился с землей Раэнора. Ты – сын ее, как я – ее дочь. До самой смерти ты должен заботиться о ней, а когда умрешь – лечь в нее, Хаггар.

Она замолчала. Пламя догорало, приняв жертву. В проход между факелами выступили придворные в парадных одеждах. Впереди шел почтенный, седовласый старец. Он нес украшенный драгоценными камнями ларец. У самой лестницы старик с поклоном передал ларец Итису. Тот, приняв его, тоже поклонился и открыл крышку ларца. На черном бархате, блистая алмазами, лежала серебряная корона.

– Преклони колена, – приказала княгиня, и только тогда ошеломленный арандамарец увидел, что и ее чело украшает венец. Опустившись на колени, он следил, как Хранитель с глубоким поклоном протягивает ей ларец. Элен взяла корону и высоко подняла ее над головой. Граненые алмазы сверкали, играя отсветами на ее бледном, сосредоточенном лице.

Повернувшись к коленопреклоненному арандамарцу, Элен медленно, чуть дыша, надела корону на его голову. Хаггар почувствовал ее тяжесть и холодящее прикосновение металла. И, как во сне, услышал слабеющий голос:

– Встань, князь Раэнора.

Строгие свидетели разошлись. Многим в ту ночь не спалось. Грядущие перемены, о которых им напоминали лишь уходившие на север тяжелогруженные обозы, поднялись перед ними, приняв облик человека. Что принес им пришелец из-за Реки? Судя по его порывистым, полным силы движениям, отнюдь не мир и спокойствие. Не спал в своих покоях Итис, вещими глазами разглядев в душе нового князя, пожалуй, слишком многое. Далеко в столице сидел за столом, уронив голову на руки, Румиль, и тоскливые думы теснились в его голове. Старый лекарь Дию, расхаживая по комнате, то улыбался своим мыслям, то озабоченно качал головой, то вздрагивал, не в силах побороть страх, мучивший его с того дня, как прежний владыка Раэнора остановил на нем свой мертвенный взгляд. А высоко в ночном небе бились, закрывая звезды, черные крылья, и горькие стоны долетали до погруженной в тревожный сон столицы.

Элен и Хаггар шли по узкой тропке в лавандовых полях. Легкий ночной ветер был напоен свежим запахом цветущих темно-фиолетовых кустиков. Громко стрекотали цикады. Перейдя по освещенному фонарями горбатому мостику

через весело рокочущую речку, влюбленные вошли в оливковую рощу. Они ступали по мягкой вскопанной земле под невысокими деревьями. Теплые бархатистые листья гладили их по лицам. Миновав рощу, они снова вышли к огибавшей долину Святилища реке. На том берегу их ждал благоуханный сад. Мерцающим светом сияли лепестки раскрывшихся цветов. Над ними, расправив фосфоресцирующие крылья, порхали ночные бабочки. Светлячки веселыми искрами чертили воздух. С мягким стуком на землю падали ярко-оранжевые апельсины и подкатывались под ноги. Тропинка, поднимаясь из долины, уводила их на юг. Вскоре влюбленные оказались на берегу горного озера. Хаггар с удивлением заметил, что, хотя они не взяли с собой светильник, он видит отчетливо в темноте, которую не могли рассеять ни низко висящие, как гроздья спелого винограда, звезды, ни склонившая к ним свое ясное чело луна. Элен, нежно улыбаясь, обернулась к Хаггару. Сбросив одежду, они взялись за руки и вошли в черную воду. Две бабочки, два блуждающих огонька, две светлые тени танцевали над темной озерной гладью, и безмятежное зеркало вод отражало их сияние.

Ах, любимая, посмотри, как восхитителен мир вокруг! И ты молода и прекрасна, как юная ночь, спустившаяся, зачарованная твоим танцем, на спящее озеро! В твоих глазах мерцает звездный свет, отраженный волшебным водяным зеркалом. Волосы, вобравшие его таинственную чер-

ноту, влажными волнами струятся, подобные ручьям, несущимся с горных круч в озерную чашу, укрывают легкое тело. Свет луны играет на бледно-атласной коже, скользит и путается в водопаде волос, отражается в черных очах. Посмотри на этот мир, любимая, и скажи, разве он не такой, как ты? И не сестра ли тебе эта дивная ночь? Вдыхай же душистый, теплый воздух, настоящий на аромате любви! Да, любимый, я смотрю на чудесный мир, буйные запахи лета пьянят, разжигая страсть. Я люблю тебя, обреченный на смерть, муж мой, избранный сердцем! Да будут благословенны боги, позволившие нам увидеть друг друга. И пусть глупцы говорят, что горек наш жребий, но не знают они, что даже день с тобой мне дороже тысячи лет без тебя. Посмотри, любимый, как сердце мое тянется к тебе, распускаясь навстречу нежным цветком! Настал их час, когда мир был лишь в них и для них, когда земля, опустев, сделала их своими избранными обитателями. Им посвящали свои серенады ночные птицы в садах, для них пели цикады, густым шелковым ковром расстилались перед ними травы. Ночь-волшебница, положив им на плечи нежные, теплые руки, заботливо укрыла темным бархатным плащом, затканном светом звезд. Лишь на них томно взирала с небес луна, наполняя воздух страстью. В ее огне лики влюбленных преобразились, неистовое пламя, сжигавшее благословенным огнем их сердца, плясало в устремленных друг на друга глазах.

Дол-Раэн готовился к празднику. Доведенные до белого каления нескончаемыми наставлениями Фреагора советники уехали из дворца в город. Ворондил, не пытаясь сдерживаться, прорычал, яростно сверкая глазами:

– Ноги моей здесь не будет, пока княгиня не придет! Только она может заткнуть твой рот!

– Мужлан! – возмущенно фыркнул прерванный на полуслове церемонимейстер и отправился искать новые жертвы. Эльвира с утра порхала по дворцу, проверяя, все ли ее поручения выполнены.

– Голубчики мои, поскорее! – умоляла она рабочих, завершавших отделку новых княжеских покоев. Старый Кертис наблюдал за работой своих учеников. Он тихо, терпеливо советовал:

– Эти лилии в вазе прекрасны, но не кажется ли вам, что они должны стоять здесь, на столике рядом с окном? И сбрызните их прохладной водой. Розы великолепны. Как раз тот тон, что нужен. Я видел в гирлянде на лестнице фиалки. Уберите их. Они не к месту. Вместо немезий в спальню поставьте эльфисы...

Вскоре прибыли дозорные и, усилив суету и смятение, объявили, что те, кого все так ждут, уже спускаются в долину. С самого утра ожидавшая этого известия пышная процессия встречающих двинулась из дворца к городским воротам. Дню собирался встретить свою госпожу во дворце, но еще утром к нему пришел Ирлинг и сказал, что княгиня

приказала ему взять старика под опеку. Как ни отнекивался лекарь, пришлось ему облачиться в белое парадное платье с золотым поясом-шнуром и поехать вместе с секретарем в праздничной процессии. Советник Ворондил освободил для них место рядом с герольдами у самых ворот, и теперь Дию, почесывая своей смирной лошадке холку, с интересом слушал разговор двух стоявших к нему спиной придворных.

– Я не понимаю княгиню, – недовольно протянул один из них. – Что за нелепая страсть к чужакам!

Второй в задумчивости заметил:

– И все хотят пробраться во дворец. Как будто недостаточно того, что попали в столицу. Что говорить об остальных, если даже Главный лекарь...

– О, да! – всплеснул белыми руками в перстнях и браслетах его собеседник. – Но я принимаю в своем доме только Гельмира. По крайней мере я знаю, кто его отец и мать. Он прекрасный врач и настоящий долбраэнец. Врожденный вкус и обходительность! Даже когда моя дочь решила подарить нам внучку, я был тверд и не поддался на уговоры жены. Чтобы этот выскочка-степняк прикасался к моей девочке своими грубыми руками?

– И как?

– Великолепно.

– Интересно, почему старый лекарь выбрал Фрэя? Сам-то он, насколько я помню, всегда жил в столице.

– О, он странный. Видишь ли, друг мой, еще мой покой-

ный дед знал его и рассказывал нам, что не помнил Дию молодым.

– Да, я слышал, что когда-то очень давно он пришел к нам из-за Реки.

– Вот-вот. Все напасти приходят оттуда.

– А телохранитель княгини?!

– Не говори о нем. Этот морниец ужасен.

– Нет, конечно, он знатного рода, но начисто лишен вкуса.

Не то что ушедшие альвы. Все-таки, что бы ни говорили, они были нашего круга. Любезные, благородные создания.

– Насколько я знаю, этот человек, которого мы все здесь ждем, к альвам отношения не имеет!

– Ты его видел? Говорят, он уже однажды приезжал в столицу. Сущий варвар!

– Это каприз. Надо понять княгиню.

– Да. Но я боюсь, что этот каприз повлияет на нашу жизнь.

Тут за их спинами раздался сухой старческий кашель. Придворные обернулись, увидели лекаря, церемонно ему поклонились, переглянулись меж собой и замолчали.

В долине за воротами горделиво запел рог. Шумная толпа встрепенулась и затихла в напряженном ожидании. Пение рога, накатываясь волнами, приближалось, но, когда уже можно было расслышать цокот копыт по мощеной дороге, внезапно наступила тишина. Церемонимейстер Фреагор в белом с золотыми брызгами костюме вышел в проход перед воротами и подал знак герольдам. Юноши в бело-красных

одеждах поднесли к губам сияющие веселым блеском трубы, их звонкие голоса прорезали тишину. Спрятанные в стене, защелкали шестеренки подъемного механизма, створки ворот разъехались, и поднялась, грозно сверкая шипами, тонкая кованая решетка. Копыта лошадей гулко прогремели по мосту через ров, и под пение золотых труб новый князь въехал в столицу. Дию казалось, что он был готов ко всему. Но когда высокие, статные кони в позолоченной сбруе вошли под своды городских ворот, и их всадники предстали перед молчаливо ждущей толпой, у лекаря перехватило дыхание. Молоды и прекрасны были владыки. Мягкое сияние исходило от их лиц. Ясные глаза лучились любовью и счастьем. Искрились алмазы в их серебряных коронах, пурпурные мантии спадали на крупы коней. Восхищенная толпа молчала. Снова выступил вперед церемонимейстер и провозгласил:

– Приветствуйте госпожу свою княгиню Элен и господина князя Хаггара!

Восторженные вопли горожан слились с ликующим пением труб. Под копыта лошадей посыпались золотые и серебряные монеты, всадников осыпали цветами. Улыбаясь, властители медленно ехали по запруженной народом главной улице. Находившийся в княжеской свите Итис заметил Дию. Старый лекарь в задумчивости смотрел вслед князю, не разделяя восторгов толпы.

– Присоединяйся, почтенный. – Хранитель потянул лошадь Дию за повод, и вот уже старик ехал в праздничной

процессии.

– Послушай, жрец, – наконец пробормотал он, – ты был там с ними. Что должно произойти, чтобы человек так изменился?

Хранитель сдержанно улыбнулся:

– Ты говоришь о князе?

– Да.

– Для него танцевали боги. Да и не так уж он и изменился. Свет сжег накипь, и сияние души стало ярче. Он всегда был таким. Как же иначе, если такая женщина, как княгиня, отдала ему свою любовь!

– Завидую тебе, Хранитель. Для тебя все просто и ясно.

– А для тебя – нет?

– Не знаю, радоваться или печалиться. Будущее не сулит ничего, кроме бед. – Сегодня день радости, старик. Эти двое благословенны. Разве ты не видишь свет, исходящий от них? Радуйся. А когда придет день печали, будем печалиться. Но только тогда, и не раньше.

Свадебные торжества длились три дня. Каждый вечер Элен и Хаггар, уходя в свои покои, с ног валились от усталости. Но это была блаженная, счастливая усталость. Вечером третьего дня, стоя у окна спальни и обнимая жену, Хаггар спросил:

– Кажется, праздники закончились. Что теперь? Что велят нам обычаи?

– Завтра с утра весь город, все, от мала до велика, вста-

нут вдоль главной Северной дороги. По этой дороге мы с тобой поедem медленно-медленно, будем смотреть им в лица и благословлять от имени Единого.

– А потом?

– Потом поедem дальше.

– И так по всей стране?

– Конечно. И никого не забудем. Потому что счастья хотят все, и мы им его обещаем.

Хаггар притворно вздохнул:

– Утомительное занятие, дорогая.

– Обряд исполняется каждый год. Но не пугайся. Страна у нас маленькая.

– А после? – Хаггар был настойчив.

– После делай то, что считаешь нужным. Теперь ты – князь и мой муж, а я – твоя покорная жена.

Обряд благословения начался ранним утром. Сопровождаемые представительной свитой, князь и княгиня выехали из города. Впереди герольды оповещали народ об их приближении, позади, поблескивая оружием, ехали стражи. Разнорцы ждали своих повелителей с рассвета, и теперь, выстраиваясь в бесконечную цепочку, тянущуюся вдоль дороги, ловили их взгляды, стремились прикоснуться к краю их одежд. Время от времени процессия останавливалась в городах, тут же становившихся центрами паломничества для окрестных жителей. Длинные очереди, выстраивавшиеся для того, чтобы почувствовать на себе прикосновение дарящих благодать

рук, не иссякали. Люди, томясь в ожидании по несколько часов, развлекали себя рассказами.

– А вот меня послушайте! – выкрикивал взопревший толстяк. – У меня сосед в прошлом году удостоился. Даром что хромой, пройдоха! Госпожа княгиня на него посмотрела, улыбнулась и сделала рукой вот так, – он покрутил ладонью перед лицом стоявшего рядом крестьянина.

– И что?

– Что! Домой бегом прибежал! Про палку свою забыл, и с тех пор ни хвори, ни напасти!

– Да ну!

– Что да ну? – поддержала рассказчика пожилая, раскрасневшаяся от духоты женщина. – Вон у моей невестки пироги раньше никак не получались. Понятно, рука-то тяжелая. Говорила я сыну, не из той семьи берешь, так ведь нет! Молодые – упрямые.

– При чем княгиня-то?

– Как при чем? После благословения у неестряпня – лучшая в деревне! Хотите попробовать? – Она открыла стоящую у самых ее ног корзину – там аккуратными рядками лежали золотистые, масляные пирожки. – Для госпожи невестка-то послала. Я, может, после благословения тоже так смогу? Вспоминали небывало расцветшие сады, удачный отел любимой коровы, долгожданные свадьбы и даже уж совсем невероятное – рождение ребенка у престарелой одинокой вдовы.

Хаггар был счастлив. Все страхи, опасения бесследно исчезли. И ему уже не было странно, что его руки, до этого приученные лишь к мечу, дают людям здоровье, надежду и исполнение желаний. Привыкшие к одиночеству княгини раэнорцы недоверчиво встречали известие о ее замужестве, но, увидев нового князя, с облегчением признавали правильность ее выбора. Время от времени Элен и Хаггар сворачивали с дороги и заглядывали в поселения dwarves, всегда стоявшие особняком. Там благословения не просили. Принося присягу новому господину, dwarves говорили о происходящих за границами Раэнора переменах. Чем севернее располагались гарнизоны, тем тревожнее были вести. Все в один голос твердили о надвигающейся войне, о постоянных стычках с дикарями, о грозных вестях, доходивших с востока. Хаггар внимательно слушал, приходя во все большее волнение. Во время ночлега в гарнизоне Угарда он спросил жену:

– Элен, почему бы не разобраться со степью?

– Зачем?

– Как зачем? Ты не боишься, что дикари однажды разобьют гарнизон, захватят Стену, а через неделю будут у Дол-Раэна?

– Нет.

– На чем основана такая уверенность?

– Степь платит дань Морну. Границы Раэнора для них священны.

– Вот как. А обозы с переселенцами тоже священны?

Элен не ответила. Ей был неприятен этот разговор.

– Дорогая, тебе не кажется, что посылать безоружных в путь, грозящий гибелью, – предательство? Мы должны расчистить дорогу уходящим.

– Хаггар, Раэнор – мирная страна. У нас нет войск. И поэтому давай прекратим бесполезный разговор.

Они больше не возвращались к этой теме. Но Элен заметила, что арандамарец стал что-то обдумывать. А когда мельком увидела его в обществе капитана гарнизона и его помощников в то время, как он что-то с воодушевлением им рассказывал, она с тревогой поняла, что спокойная жизнь кончилась. В столицу князь и княгиня вернулись только через месяц. По настоянию Хаггара они изменили маршрут, проехав вдоль границ. В гарнизонных поселках князь собирал вокруг себя командиров и подолгу с ними беседовал, вникая в мелочи приграничной жизни. За время благословения из Дол-Раэна ушел на север еще один обоз, возглавляемый советником Торном. Столица заметно опустела. А уж об окраинах княжества и говорить не приходилось. Все стремились на новые земли, ободряемые рассказами о неожиданно быстро налаживавшейся там жизни, соблазненные историями о несметных сокровищах, таившихся в горах Хьорланда. Даже в коренных раэнорцах просыпался дух авантюризма, и они торопились занять места в обозе. Лекарь Гельмир тоже уехал с Торном, и для заносчивой столичной знати настали нелегкие времена. Оставшиеся гримы догоняли своих, ушедших

еще с Диором и Арафантом. Сразу же после возвращения в Дол-Раэн Элен представила князя четверем советникам.

– Дела наши плохи, – начал Хаггар. – Страна пустеет, и, зная об этом, наши соседи так и рвутся сюда. Если мы будем сидеть сложа руки и наблюдать, они в конце концов одолеют Стену. Дверги не железные. Насколько я понял, оружием в этой стране владеют только они?

– Да, – отозвался Ворондил.

– Значит, прорвав их оборону, враги пройдут по стране без сопротивления. И это для них не секрет. Мы не можем больше рассчитывать только на силу dwarves. Честно сказать, мне непонятен и неприятен этот обычай. Почему только один народ Раэнора жертвует собой? И это всех устраивает, я вижу.

– Дверги созданы для войны, – пояснил Балтар.

– Чушь. Никто для нее не создан. Но я не о двергах. Мы должны собрать ополчение и дать Степи отпор, которого она не ждет.

– Это невозможно! – Советник Амтар в смятении оглядел собравшихся. – Сейчас середина сентября. В октябре уйдет еще один обоз во главе с Аманором. В пути им потребуются защита. Поэтому все, кто хоть немного умеет владеть оружием, пойдут с ними.

– Для войны нужны бойцы, – поддержал его Ворондил. – У нас их нет. До сих пор войны Раэнору не угрожали. Зачем было содержать бесполезную армию?

– Но мы говорим не о прошлом, – возразил Хаггар. – Ты, начальник дворцовой стражи, говоришь, что у нас нет солдат. Но большое войско нам ни к чему. Найдутся во всей стране тысяча-полторы храбрецов, готовых защитить своих родичей?

– Всего тысяча? – удивленно воскликнул Аманор. – Что можно сделать с тысячей? Степь развеет их, как песчинки по ветру.

– Согласен, если выступить против дикарей сейчас. Мы же пойдем в поход весной. У нас есть в запасе несколько месяцев, чтобы собрать бойцов и научить их сражаться.

– Я помогу созвать ополчение, – неожиданно оживился Балтар. – Многие переселенцы еще не забыли, как владеть мечом.

– Прекрасно, – улыбнулся князь.

– Но войску нужны командиры, – заметил Ворондил.

– Вот ты и будешь одним из них.

– Хорошо. Только, господин мой, учти, что для меня война – всего лишь слово.

– Зато для меня – нет. Моего опыта на всех хватит. Я поведу вас в поход.

Советники переглянулись. Оглядываясь на остальных, Амтар решительно произнес:

– Так нельзя.

– Это почему?

– Потому что жизнь князя бесценна. В походе же может

случиться всякое.

Хаггар расхохотался – такие взволнованные лица были у советников. Отсмеявшись, он немного подождал и ответил:

– Когда меня венчали на княжество, я принес клятву защищать вашу страну. А защищать – не значит отсиживаться за чужими спинами. Мы все умрем, советники, раньше или позже. Помните об этом.

С этого дня жизнь во дворце стала меняться. Опустевшие коридоры, залы, переходы вновь наполнились людьми. Но это были не изнеженные придворные, а крепкие, загорелые воины.

– Ты заполнил мой дворец мужланами, – дразнила мужа Элен. – Мои девушки боятся выходить из своих покоев!

– Дорогая, – в тон ей отвечал Хаггар, – твои девушки наконец-то увидели настоящих мужчин. Теперь, боюсь, останешься ты без служанок! Еще до весны они повыскакивают замуж за моих молодцов!

Первое время Элен еще старалась вникать в дела мужа. Она сопровождала его в разъездах, когда вместе с Балтаром они собирали ополчение. Но вскоре поняла, что стесняет князя больше, чем помогает ему, и стала оставаться в столице.

Дождливым ноябрьским вечером княгиня и Дию сидели в креслах у горящего камина и отхлебывали из глиняных чашек горячее вино. Элен, кутаясь в меховую накидку, задумчиво пробормотала:

– Ну вот. Снова все, как раньше. Ты, старый лис, сидишь рядом со мной, и мы болтаем о разных пустяках.

Дию искоса взглянул на нее и проворчал:

– А ты, конечно, хочешь, чтобы вместо меня здесь сидел твой непоседа супруг. Вот она, женская дружба!

– Ах, Дию, – Элен грустно покачала головой, – непоседу супруга я видела в последний раз неделю назад, когда он со своими головорезами собирался в Западный гарнизон к Дарку.

– Значит, он примирился с существованием dwarves?

– Примирился? Милый мой, они ему дороже родственников! Я постоянно слышу обо всех этих Крэхх, Угардах и прочих.

– Ты злишься? – Дию захихикал. – Да ты ревнуешь, Элен!

– Отстань! – Она улыбнулась сквозь выступившие слезы. – Просто я скучаю.

– Будет! – Старик нежно погладил ее по руке. – Твой муженек не из домоседов. Ты же всегда это знала!

– Да, глупо было бы надеяться, что он будет довольствоваться только ролью супруга.

– Это точно. Да тебе и самой наскучила бы такая жизнь. Он мужчина. Радуйся этому. И знаешь, весьма неглупый! Как ему удалось примирить меж собой наших спесивых вельмож, советников, Велемира и пограничников?

– Сама удивляюсь. Дию, ты, помнится, говорил, что побывал на учениях?

– Да. Твой муж меня пригласил. Так и сказал, мол, благородный Дию, соизволь обратить свой всезнающий взор на наши нестройные игрища и дай нам свои драгоценные советы.

– Ну-ну. Так и сказал? Дию, да ты же ничего не понимаешь в воинском деле! Советы! Старый болтун! Рассказывай, что видел.

– Ох, госпожа, ничего, кроме полуголых парней, машущих деревянными палками. Велемир их разным хитростям обучает. Они все поле изрыли. Ворондил у Серебрянки на лугах с конницей работает. Очень забавно. А почему ты сама не поедешь? Посмотри, развлекись.

– Послушай, тебе, видно, кажется, что я целыми днями без дела сижу? Весь народ воевать кинулся! Чем их Хаггар пленил? Даже наши изящные юноши туда же! Обычная жизнь забыта. Пожалуй, только я еще не поддаюсь новой моде. Эльвира со следующим обозом уезжает, дела сдает. А в подземельях сколько работы! Итаран потихоньку перевозит туда библиотеку. Да и стены столичные надо укреплять.

– Неужели дойдет до осады?

– Пока я здесь, нет. Но ты никогда не думал о том, как будет уходить последний обоз? Страшные времена грядут. Но я счастлива, несмотря ни на что!

Они надолго замолчали, думая каждый о своем. Вечер меж тем незаметно перешел в ночь, а дождь все стучал в витражные окна и ветер выл в каминной трубе. Давно осты-

ло вино в кружках. Служанки, подавляя зевоту, терпеливо ждали, когда же госпожа соизволит пойти почивать. Злен и Дию не замечали прихода ночи. Неспешно шло время. Старые друзья просидели бы так до утра, что бывало частенько, но избалованная снисходительностью княгини Мелита вывела их из задумчивости, подойдя и бесцеремонно проворчав:

– Госпожа, уже за полночь. А ведь завтра чуть свет придет твой телохранитель. Тебе надо отдохнуть перед занятием. Элен встала, потянулась и поплотнее завернулась в накидку.

– И правда, Дию. Мне пора. Приходи, когда захочешь. Я скучаю по тебе, старик!

Она поцеловала его и ушла в свои покои. Мелита задержалась на минуту и, доверительно взглянув на лекаря, заметила:

– Госпожа так изменилась! Прямо светится от счастья. Вот что любовь делает. Дию улыбнулся:

– А тебя-то, вертушка, когда замуж выдадим?

Мелита помрачнела и буркнула:

– Да я раньше умру, с моим-то бездельником. Ох, господин Дию, что за беспутный человек! Ветер в голове!

– Зачем тебе такой муж, глупышка? – рассмеялся лекарь.

– Люблю я его! – сердито отмахнулась служанка. – Да и как не любить такого красавца!

– Тогда жди. А с княгиней ты говорила?

– Ой, не вспоминай, господин! Она так кричала! Мол,

проходу ей с этим смазливym дурнем – так его и назвала! – не дают. И чтобы я больше о подобных вещах не заикалась. И что он ей не раб, чтоб ему приказывать. И чтобы я лучше к его родителям обратилась.

– Вообще-то, Мелита, она права. В таких делах приказы не отдаются.

– А если обещал?

– Я думаю, дурень этот – ох, права княгиня! – много чего кому наобещал. Вот теперь и не может разобраться. Ладно, малышка, не грусти. Я поговорю с ним. Хоть узнаю, к кому у него сердце лежит.

– Ох, миленький господин лекарь! – Мелита просияла, чмокнула старика в щеку и выбежала вслед за госпожой. А Дию, ссутулившись, снова опустился в кресло и глядя, как в камине с треском распадаются, догорая, последние угольки, снова погрузился в невеселые думы.

Этой весной княгиня вновь почувствовала себя здоровой и сильной и с радостью вернулась к забытым ратным забавам. Румиль приходил за ней каждое утро, приносил легкие доспехи и ятаганы, помогал облачаться в почти невесомую кольчугу, и они шли в Тронный зал. Княгиня, смеясь, пояснила, почему выбрала для занятий столь странное место:

– Давай потревожим призраков. Уж слишком вольготно им жилось последнее время.

И точно, иногда во время боя Румилю казалось, что

сверху, с галерей, на него смотрят чьи-то изучающие глаза. Рискаю пропустить удар, он оглядывался, но никогда никого не видел. Действительно, призраки. Дрались они всерьез, азартно, и Элен звонко вскрикивала при каждом удачном выпаде. Румиль никогда не терял самообладания и лишь усмехался, возвращая ей удары.

В это утро все было, как всегда. Румиль пришел в покои госпожи и они, облачившись в кольчуги, надев легкие шлемы и перчатки, прицепили к поясам ятаганы и отправились в Тронный зал. Урок был трудный. Они отработывали старинный и очень опасный прием – как бы невзначай подставить себя под удар противника, в последний момент увернуться, нырнуть под его меч и ударить самому снизу вверх, по косой. Суровый телохранитель не прощал своей госпоже ни малейшей неточности, упрямо качая головой всякий раз, когда она не так быстро и ловко, как ему хотелось, уклонялась от его атаки. Держа ее руку в своей, он терпеливо показывал, как должна работать кисть. Элен досадовала на неудачи, но упорство брало верх, и она прилежно считала шаги, следила за дыханием и внимательно наблюдала за каждым движением Румиля. Через час, прервав урок, бойцы присели у подножия колонны и достали фляги. Оба порядком утомились. Сделав несколько глотков, Элен толкнула телохранителя плечом и, озорно поглядывая на него, заметила:

– Слушай, дружище, ты ведь отменный мастер, а пропадешь здесь в забвении и нищете! Румиль опасно покосился

на нее. – Правда! Ведь я не слишком щедра, сама это признаю. Жалования я тебе не плачу. Нет у тебя ни своего дома, ни земель. Можно, конечно, возразить, что живешь во дворце, на всем готовом. Так ведь ты же скромник, ни нарядов себе не требуешь, ни слуг. Праздники не устраиваешь, за многочисленную родню не просишь, друзей не привечаешь. Так?

Румиль, усмехнувшись, кивнул.

– Может, мне тебя отпустить? Нет, послушай! – Она крепко взяла телохранителя под руку, так как он уже собирался встать, чтобы не продолжать тяготивший его разговор. – Ты станешь свободным! Сможешь идти, куда захочешь. О деньгах не беспокойся, возьмешь, сколько нужно. Румиль хмуро молчал, пристально разглядывая носки своих сапог.

– Я знаю, тебе неприятен этот разговор. Но, милый, моя жизнь изменилась. И я вижу, что тебе эти перемены даются тяжело. Не мучай себя! Подумай: заживешь своей жизнью, а там, кто знает, обзаведешься семьей. Неужели ты хочешь лишиться себя этого? Я такой жертвы не приму. Я хочу, чтобы ты был счастлив. И я освобождаю тебя от данной когда-то клятвы.

При этих словах телохранитель хмуро взглянул на нее, осторожно высвободил руку, встал и направился к выходу.

– Ты куда? – Элен вскочила. – Мы не закончили урок! Румиль, вернись! Я приказываю!

Но он будто не слышал ее и, не оглянувшись, вышел из

зала. Элен в досаде топнула ногой и проворчала:

– Упрямые безумцы! Вот, слушайся советов старого прохвоста! – Она пнула фляжку, и та, зазвенев, покатилась по полу. – Если так пойдет дальше, пожалуй, уеду я.

Хаггар вернулся в столицу рано утром. Но он не успел добраться до дворца. У ворот князя перехватили давно ожидавшие его возвращения советники. К полудню, едва вырвавшись из их цепких рук, Хаггар устремился к жене, надеясь, что успеет с ней пообедать. Однако Элен в покоях не оказалось. Лола сказала ему, что у госпожи занятие в Тронном зале.

– Какое еще занятие? – нетерпеливо воскликнул Хаггар. Он так соскучился! Князь поспешил в Тронный зал, по дороге гадая, что за развлечение придумала себе его возлюбленная. Не успел он миновать ведущую к залу галерею, как высокая дверная створка бесшумно распахнулась, и оттуда вышел мрачнее тучи телохранитель Элен. Хаггар удивился, впервые увидев его в доспехах. Нелюдим даже шлем держал в руке. Решив выяснить, в чем дело, князь подождал, пока телохранитель подойдет ближе, и окликнул его: – Послушай, Румиль, где княгиня?

Телохранитель, даже не взглянув на него, махнул рукой в сторону Тронного зала.

– Что-то случилось? – озадаченно спросил Хаггар. В ответ он получил лишь хмурый взгляд исподлобья. – Да что же это! – раздасадованно буркнул он. – А ну постой! Постой,

тебе говорят! – Он преградил Румилию дорогу. – Ты что, язык проглотил? – Ответное молчание окончательно вывело его из себя. – Ну и слуга у моей жены! Что ты делал в Тронном зале?

Телохраниитель молчал, упрямо глядя куда-то в сторону.

– Ладно. Молчи, сколько угодно. Только уж давай по-честному. Раз я тебе так не нравлюсь – скатертью дорога. С женой я поговорю, найдем ей другого слугу, повежливей. Соберайся.

Хаггар отвернулся от него. Румиль проводил его взглядом, подождал, пока дверь в зал захлопнется за князем, и медленно пошел к себе.

Войдя в Тронный зал, Хаггар сразу же увидел Элен. Она стояла к нему спиной и даже не обернулась на шаги, а когда он положил ей на плечо руку, с облегчением вздохнула:

– Хвала небесам, Румиль, у тебя хватило ума вернуться.

– Вот это да! – протянул князь, не скрывая досады. Элен резко обернулась и бросилась в его объятия.

– Наконец-то приехал! Как я скучала, Хаггар!

– О да, милая, охотно верю! – целуя ее, прошептал князь.

Когда немного схлынула первая радость встречи, Хаггар оглядел жену и спросил: – Хоть ты мне объясни, что происходит! На войну ты собралась, что ли? Почему в кольчуге, при оружии?

– Объясню, объясню! – Элен беззаботно улыбалась. – Только давай сначала пообедаем. Не знаю, как ты, а я ужасно

голодна.

Однако за обедом объяснять пришлось Хаггару. Элен забросала его вопросами о поездке, о новостях, о его планах. Князь сначала отшучивался:

– Дорогая, почему тебя не было на Совете?

Но потом сдался и подробно описал ей осеннюю дорогу, ощущение растущей тревоги, которое не покидало их в пути, суровую жизнь в гарнизонах и бескрайнюю степь, как шерстью, покрытую бурой пожухлой травой.

– Знаешь, я иногда жалел, что тебя нет рядом и ты не видишь нежную красоту застывших в дреме лесов Аниата. А наша бешеная Горянка, вырвавшись на равнину, превращается в величавую полноводную реку. В ее неспешно текущих водах отражаются старые ивы. Их изящные серебристо-зеленые листья уже пожелтели и нежно звенят на ветру. Темные волны играют с ними, колышут тонкие, гибкие ветви.

– Ты поэт, любимый!

– Нет. Просто я очень люблю тебя. – Хаггар поднес руку Элен к губам и заметил синяк на запястье. – Это откуда?

Она поспешно прикрыла синяк рукавом и смиренно вздохнула:

– Видно, не отстанешь.

– Да уж. – Хаггар встревоженно смотрел на жену.

– Просто теперь мы с Румилем каждое утро занимаемся.

Восстанавливаем былые бойцовские навыки.

При упоминании о Румиле у Хаггара как будто все зубы

разом заболели. Сморщившись, он простонал:

– Зачем тебе это? Девочка моя, тебе нечем заняться? Гуляй в садах, болтай с Дию, езди с Ирлингом верхом, обсуждай с девушками наряды, выращивай с Кертисом цветы.

– Я княгиня! – Элен гордо выпрямилась.

– Ты женщина! И моя жена! – Заметив, как она нахмурилась, Хаггар смягчился: – Элен, не сердись. Взгляни на свои руки! Разве они для этого созданы? Твои запястья вместо синяков должны украшать браслеты с изумрудами! А мечи – дурные игрушки.

– Но ты.

– Я? – Хаггар нежно обнял жену и погладил по склоненной голове. – У меня не было выбора. Никогда. Знаешь, что было первым подарком моего отца? Что он положил в колыбель своего первенца? Вот этот клинок, что висит у меня на поясе. Сколько им пролито крови! Я, бессменный полководец Арандамара, убивший первого врага в шестнадцать лет и с тех пор нещадно истреблявший всех, посягавших на границы нашего королевства, не люблю войну. И не хочу, чтобы ты, любимая, узнала, что это такое.

– Война, война! – раздраженно воскликнула Элен. – Последнее время я только и слышу о войне. Не слишком ли часто ее упоминают? Хаггар, это забава! Румиль.

– Элен, это слишком опасно.

– Но он мастер!

– Сумасшедший. Я ему не доверяю. Хотя теперь, похоже,

наш спор потерял смысл.

– Что ты имеешь в виду? – испуганно спросила княгиня. Хаггар рассказал ей о столкновении в галерее. – Я знаю, что виноват перед тобой. Ведь это твой слуга. Прости. Но его молчаливая ненависть, Элен, мне надоела.

Княгиня беспомощно глядела на мужа, не в силах вымолвить ни слова. “Дию был прав. Это я виновата”, – подумалось ей. Но как объяснить все вот так сразу?

– Ну, что ты молчишь? – Хаггар с тревогой смотрел на нее. Осторожно высвободившись из его объятий, Элен провела рукой по лицу и твердо сказала:

– Нам необходимо поговорить.

Он с готовностью согласился.

– Слушаю тебя.

– Нет, не теперь. Я не готова. Приходи в Каминный зал, как стемнеет.

– А сейчас что же?

– Отдохни. Мне же, прости, нужно побыть одной.

Она встала, поцеловала мужа, взъерошила его густые волосы и вышла из трапезной. Хаггар последовал совету жены. Он принял горячую ванну и прилег отдохнуть, наказав Ат-ни, тенью следовавшему за своим обожаемым господином, разбудить его в пять часов – осенью смеркалось рано. Оруженосец удобно устроился в глубоком кресле рядом с кроватью князя, придвинул поближе к себе светильник и принялся изучать какой-то свиток.

– Что опять читаешь? – уже в полусне спросил Хаггар.

– Это, господин мой, старинная история о ловцах ветра.

– И как, интересно?

– Очень. Хочешь, прочту?

– Нет, благодарю. – Хаггар на минуту замолк. – Эй, Атни,

а ты знаком с телохранителем княгини?

– С Румилем? – оживился оруженосец. – Ну да, я его знаю.

А что?

– Что он за человек?

Атни быстро взглянул на князя и ответил:

– Спроси лучше у княгини, господин.

Хаггар хмыкнул:

– Вот как, значит. Ладно. Так разбуди, как договорились.

Только сам не засни!

Атни кивнул, уже не в силах оторваться от чтения. Хаггар поворочался, и вскоре дрема одолела его.

Поздним вечером, пройдя по длинному проходу в западной части дворца, князь вошел в Каминный зал. Несколько зажженных светильников на стенах не рассеивали мрак. Черные потолочные балки еле угадывались, и невозможно было разглядеть сюжеты развешанных на стенах гобеленов. Зато освещенное ярким пламенем жерло камина горело, как зев дракона. Сам камин, огромный, на четверть стены, тоже растворялся в темноте, представляясь еще более внушительным. Элен сидела, поджав ноги, на косматой медвежьей шкуре, брошенной на толстый, густой ковер. Оранжевые отсветы

плясали на ее задумчивом лице, на светло-голубом платье, казавшемся сейчас жемчужно-серым. Когда княгиня подняла на мужа глаза, Хаггару на миг показалось, что черная, жуткая бездна глянула на него из ее очей. Преодолев неприятное чувство, князь подошел к камину, подкинул в огонь поленьев и сел рядом с женой. Элен тихо произнесла:

– Я хочу рассказать тебе о клейменных альвах Раэнора, любимый. Когда-то очень давно я вот так же сидела в этом зале, а рядом со мной был тот, кого я любила больше всех на свете – мой отец.

– Ты грустна, дочь моя. Этому есть причина? – спросил он, видя, что в моих глазах стоят слезы. И я ответила, слыша, как стонет за окном ветер:

– Отец, скажи, почему столько песен сложено о листьях, что, умирая, облетают по осени? Почему их участь называют горькой? Не стократ ли горше участь дерева, каждую осень прощающегося со своими детьми, становясь свидетелем их смерти? Я – как высокое дерево, отец, одиноко стоящее посреди пустынного поля. Люди вокруг рождаются, живут, умирают, отлетая пожухлой листвой, а я стою, сиротливо раскинув руки, и никого нет рядом. Я одна, отец. Мне больно терять!

– Так ты хочешь смерти?

– Нет. Моя мать не затем отдала мне свое бессмертие, чтобы я так малодушно с ним рассталась. Да и кому я оставлю Раэнор?

– Тогда чего же ты хочешь?

– Друга. Равного себе.

О, как он разгневался! Его серые пронзительные глаза грозно сверкнули.

– Твой безумец – брат тоже хотел их дружбы, дружбы этих вероломных альвов! Тебе ли не знать, чего это всем нам стоило! Он погиб, а твоя мать ушла, оставив тебя сиротой. А теперь и ты хочешь повторить его судьбу?

– Отец, я никогда не обращусь к тем, из-за Реки! Клянусь тебе! Они отреклись от нас, и я от них отрекнусь. Но я знаю, что альвы есть в темницах твоего друга Морна. Я могу заплатить выкуп.

Он расхохотался.

– Рабы из подземелья? Одумайся! Ты – княгиня, моя дочь! В твоих жилах течет царственная кровь! Да ты и не знаешь, что он с ними делает, с этими пленными альвами, в своих подвалах. Они становятся хуже скота!

– Вот я и куплю их, как скот.

Много времени прошло после этого разговора. И вот однажды с очередным посольством Морн прислал мне подарок – юную альфару с младенцем. Как я была рада, когда посол передал письмо, в котором говорилось, что отныне Эарин и ее сын Эстрел принадлежат мне! В письме указывалось, что альфара весьма искусна в вышивании и плетении гобеленов, а еще прекрасно поет и танцует. Моя мать была из альвов, Хаггар. Но она умерла, и я ее не помню. Эарин стала пер-

вой из их народа, с кем столкнула меня жизнь. Из книг, из преданий я знала, что альвы красивы, веселы и беззаботны. Но судьба в тот раз посмеялась надо мной. Когда Эарин привели ко мне, я не поверила, что она – альв! В грязном, рваном тряпье она выглядела молчаливым, напуганным и злобным заморышем. Я знаю их язык, благородный язык древнего народа. Я пыталась с ней заговорить. Но все было напрасно. Она молчала. Ни слова не сказала, когда я объяснила ей, что отныне она свободна. Молчала, когда еще в пути занемогший ребенок кричал от боли. Я пыталась его лечить, но тщетно. И только когда он умер у нее на руках, Эарин прервала молчание. Она запела над мертвым младенцем. И в своей песне рассказала, как жила в чудесном лесу и была счастлива, как пела и плясала под полной луной, как незаметно текло время. Но однажды огромный отряд морнийцев вторгся в их лес. Многих убили, но многих, так же как ее, угнали в плен. Она пела о том, как свищут бичи над головами надсмотрщиков, а опускаясь на спины рабов, разрывают плоть, оставляя незаживающие раны. Пела, как в муках родился ее ребенок и как она, лишившись надежды, желала ему лишь скорой смерти. И вот теперь он снова в их благословенном краю, а она здесь, в темнице. Ах, любимый, как она была красива! Тонкая и гибкая, как ивовая лоза, светло-волосая, с прекрасным, гордым, бледным лицом. А ее глаза я помню до сих пор. Дивные, сияющие очи. Когда она пела, слова оживали, и музыка текла, как ручей. Мне так хо-

телось вернуть ей радость, услышать ее смех! Но все было напрасно. Я говорила ей, что она может возвращаться в свой чудесный лес, что я дам ей провожатых. Но Эарин лишь печально качала головой. Годы шли, а она все никак не могла избавиться от прошлого. И однажды зимой, когда день, не успев наступить, превращается в ночь и не хочется отходить от горящего камина, она заснула навсегда.

Элен замолчала, глядя, как пляшут в камине языки пламени.

– Почему ты называешь их клейменными? – спросил Хаггар. Элен ответила, не отрывая взгляда от огня:

– Мою тоску по альвам заглушили последующие события. Войны, мятежи, страшный мор... Жуткие были времена. А потом настали долгие века благополучия, и снова подступило одиночество. О подарках от угрюмого соседа больше нечего было и думать. Но он сам подсказал хитрость, с помощью которой мне удалось добиться своего. Однажды я поехала с посольством к Морну и там, жалуясь на причиненные войной разрушения, сетовала на нехватку мастеров. Мой хитрый сосед сразу разгадал уловку, но упрямиться не стал. Только с насмешкой спросил о причине моей нелепой тяги к бессмертным. Ведь и среди людей встречаются незаурядные умельцы. – Но подумай сам, – возразила я. – Ведь людей ты мне тоже бесплатно не дашь. Они быстро дряхлеют и умирают. А бессмертные – другое дело. Однажды купив такого раба, можно дальше ни о чем не беспокоиться.

Он рассмеялся и сказал, что я всегда ему нравилась, что у меня есть голова на плечах и что я умею блюсти свою выгоду. Конечно, Морн со мной согласился. Им было нужно золото. Много золота для покорения новых земель. Никогда не понимала его жадности! Мы заключили договор. Отныне время от времени я могла приезжать и отбирать для себя пленников, но не больше пяти за один раз. Я тут же этим воспользовалась. Так здесь появились первые клейменные альвы. Тот, из-за гор, выжигал на лбах своих пленников клеймо – магическую руну своего проклятого имени, как тавро на породистых лошадях. Злодей обхитрил меня. Я-то думала, что смогу дарить им свободу. Но когда несколько альвов бежали из страны, вскоре их изрубленные тела привезли на телегах обратно. А прибывшие со страшным обозом морнийцы объяснили, что так будет со всяким, кто решится перейти границу Раэнора. Я была в отчаянии. Но ненависть моя к Морну вспыхнула с новой силой, когда я узнала о другом его коварном замысле. Колдун сам время от времени выпускал пленников, замутив их разум. Они приносили много бед, возвращаясь к сородичам, и те, если не убивали беглецов, то сторонились и бежали от них, как от мора. С тех пор клейменные альвы не пытались покинуть Раэнор. И так в Дол-Раэне появился альфарский квартал. Много друзей было у меня среди них. Немало пользы принесли они моей стране. И я благодарна судьбе за встречу с одним из них – с принцем Талионом. Помню, как его швырнули к моим ногам. Он не

мог подняться, да и дышал с трудом. Там, за горами, были уверены, что он умрет, иначе никогда не выпустили бы его из застенков.

– Княгиня, прости за столь строптивного раба! – оправдывался морнийский посол. – Дуралей пытался бежать, за что и получил по заслугам. На твоём месте я заковал бы его в цепи.

– Благодарю за совет, – ответила я послу. А что ещё мне было делать? Но он выжил, клейменный принц с благородным сердцем. Спасибо Дию. Он выхаживал его, как сына. Талион стал мне другом.

– Подожди! – воскликнул Хаггар. – Я слышал, что альвы ушли из Раэнора. Как же ты их отпустила? Теперь жди неприятностей с юга!

– Нет. Времена, когда Врагу была так уж важна их участь, прошли. Теперь у Морна другие планы. Что ему я и мои альвы!

– Я сышал от Дию, что ты помогаешь им.

– Всего однажды. Дию встречался с Талионом, когда вы с Велемиром ходили в степь.

– Сунуться за границу одному! Бесстрашный старик!

– Да.

– Элен, а что же Румиль? На альва он не похож!

Она усмехнулась:

– Он из коренных морнийцев. Из тех, кто пришли сюда из-за моря вслед за своим господином. Знатные люди, друг мой.

Древняя кровь. Его родители командуют войсками Морна, а отец был начальником самой грозной тюрьмы Врага. Именно в ее подземелья я спускалась, чтобы отобрать для себя узников. Это было в один из моих последних приездов. Я шла по узким, темным подземным коридорам в сопровождении одного из главных тюремщиков. Они все старались мне угодить. Еще бы, дочь Черного Вестника, друга и помощника их господина! И этот нес передо мной чадящий факел, а я зябко куталась в плащ. Затхлая сырость пробирала до костей. В камерах царила настороженная тишина. Мольбы о пощаде были бессмысленны и встречали лишь жестокие насмешки и побои. Зато мой провожатый болтал без умолку, рассказывая морнийские сплетни. Меня все эти новости не слишком интересовали, но одно его замечание привлекло мое внимание.

– А у нас здесь, вроде, перемены намечаются! – сказал мой спутник.

– Какие же? Еще один этаж выстроят?

Он расхохотался:

– Нет! Нечего дармоедов разводить. – И злорадно выпалил: – Думаю, снимут нашего начальника тюрьмы!

– Это еще почему?

– А ты, госпожа, разве не слышала, что его полоумный сынок вытворил?

– Нет. Я ведь только приехала.

Мой спутник потирал руки от радости, что первым рас-

скажет мне о скандале: – Он всегда чокнутый был, этот его Румиль. С нашей ребятней не водился. Гордый! Еще бы, сын таких родителей! Вот и догордился. Дело темное. Никто не знает, как он тут с нашими постояльцами стакнулся, чем они его прельстили. Короче, сбежали они. А он им помог. Ребята говорят, что среди сбежавших девчонка была, уж больно смазливая. Наш главный как узнал, так сынка своего здесь на нижнем ярусе и запер. И давай дознаваться, что да как. А тот, паршивец, упорный, молчит. Правда, когда наши специалисты за него взялись, запел, как птичка, да все без толку. Орет только, а куда беглецы делись, не говорит. Но папаша у него серьезный, сама знаешь. Упрямый, сынок-то в него. В общем, нашла коса на камень. Позвали колдуна. Я его и приводил к мальчишке. Сам все видел, не вру.

– Что за колдун?

– А, есть тут у нас умелец. В глаза тебе глянет, руками перед лицом поводит, ты ему и выложишь о себе все, как есть. Парень-то его знал. Как увидел, к стене отвернулся и затих. А потом задергался и жутко так застонал. Мы к нему. Перевернули, а уж поздно! Стервец сам себе язык откусил, госпожа, хочешь верь, хочешь нет! Он у него изо рта таким осклизлым комочком вывалился, кровь хлещет... Тьфу! Мы ему зубы ножом разжали, рану каленым железом прижгли, чтоб кровью не истек. Вот волчонок! Так и не удалось выпытать, куда он пленных-то дел, как из тюрьмы вывел. Поэтому главного и турнут. Давно пора! Совсем зазнался.

– Значит, его сын умер? – Элен с трудом, но удалось вспомнить худенького мальчика, которого она несколько раз мельком видела в доме начальника тюрьмы.

– Нет еще. Но он недолго протянет. День, два... Ему от родного папаши так досталось!

– Он здесь, в тюрьме?

– Конечно, где же еще.

– Покажи мне его!

– Зрелище-то неприглядное. Они у нас все тут не красавицы, а этот – просто беда. Только глазами зыркает, звереныш. Того гляди, укусит! Но, если хочешь, пойдем.

Мы спустились в глубь подземелья. На полу чернели лужи, капель гулко отдавалась под низкими сводами – подземные воды просачивались сквозь известняк. Крысы то и дело шмыгали под ногами. Факел в руке моего спутника еле горел, до того сырой и спертый был воздух. Мы шли долго. Наконец в конце коридора тюремщик остановился, отпер ржавую железную дверь, зажег фонарь над входом и пригласил меня заглянуть внутрь. Я никогда прежде не видела такого, Хаггар. В узкой каморке с низким потолком на каменном полу лежал человек. Он был без одежды, и худое тело вздрагивало от холода. Содранная кожа висела на нем клочьями, а в страшных ранах белели кости. Ногти на руках и ногах были вырваны, черная кровь запеклась, склеив пальцы. Лицо было невозможно разглядеть под чудовищной бурой коростой. Преодолев дурноту, я подошла к нему, опустилась на коле-

ни, осторожно прикоснулась пальцами ко лбу и прошептала в самое ухо:

– Потерпи. Помощь близка.

Он вдруг широко открыл глаза и в упор посмотрел на меня. С той минуты я твердо решила освободить пленника. Конечно, я понимала, что сделать это будет очень нелегко. Но этот взгляд, взгляд решившегося на смерть человека, преследовал меня. А ведь мальчику не было и семнадцати! Приготовившись ловчить и исхитряться, я была удивлена тем, как легко пошла мне навстречу. Морнийцы хотели замять скандал. И родственники матери мальчика помогли мне вызволить его из тюрьмы в обмен на обещание, что больше о нем никто никогда не услышит. Через границу его перевезли в моем паланкине. Однако упрямец не хотел жить. Мы с Дио излечили телесные раны, но в его душе была пустота. Я была в отчаянии и однажды поделилась своей бедой с Талионом. Мой друг внимательно выслушал меня и сказал, что попытается помочь.

– Элен, дорогая, позволь мне поговорить с мальчиком.

– Ты, видно, не понял, альв. Он нем! Сказать ему что-то ты можешь, поскольку знаешь его язык, но ответа не дождешься!

– Говорит не язык, а сердце. Надо только уметь слушать, – возразил мой друг. Он навестил нашего пациента. Потом пришел еще и еще, а потом стал появляться в его комнатах чуть ли не каждый день. Мальчик начал оживать. После того

как мы с Талионом снова поговорили о нем, мне понадобился телохранитель. Нечего было парнишке томиться без дела. Вскоре я и сама научилась разговору без слов.

– Вот оно что, – в задумчивости прошептал Хаггар.

– Да. Все не так просто, как кажется на первый взгляд. Дию предупреждал меня. И Талион умолял отпустить Румиля с ним. Как будто он мой слуга, и я могу ему что-то приказывать! А сегодня... Мы оба были к нему жестоки. Я не должна была предлагать ему уехать.

– Ты? – удивился Хаггар.

– Это была ошибка. Я многим обязана своему верному молчуну, милый. Мою жизнь безоблачной не назовешь. У Румиля всегда было много работы. И я не могу с ним расстаться, он слишком мне дорог. Прости.

– Теперь я понял. Ты права. Что ж, попробую все уладить. – Князь стремительно поднялся. Элен с надеждой взглянула на мужа.

– Думаешь, тебе удастся?

– Не знаю, дорогая. Шансов не так много, учитывая строптивый нрав твоего страдальца, и с каждой минутой, чувствую я, шансы эти уменьшаются. Поэтому прости, встретимся в наших покоях.

Он поцеловал ее руку и вышел.

Румиль сидел за столом, погруженный в горестную задумчивость. Итак, его прежняя жизнь в Дол-Раэне кончена. Он

уже собрал вещи, которые решил взять с собой: меч, пару кинжалов, кольчугу, свой дневник, письма Элен и ее маленький портрет. Вдруг в дверь громко, настойчиво постучали. Странно. Он никого не ждал. Стук повторился, и Румиль пошел открывать. Когда дверь распахнулась, телохранитель на миг замер от удивления: на пороге стоял князь. Но, сообразив, что тот пришел проверить, убрался он уже или нет, и поторопить, если что, криво усмехнулся и показал на почти собранную сумку. Однако князь оставил жест без внимания и, не отрывая взгляд от бледного, измученного лица Румиля, спросил:

– Я могу войти? Ъ

Морниец секунду стоял без движения, но миролюбие князя взяло верх. Он посторонился, давая тому пройти. Хаггар устроился в кресле и подождал, пока хозяин тоже сядет. Помолчав немного, он коротко вздохнул и сказал:

– Я говорить не мастер. У нас в семье разговорами отец занимался. Поэтому не взыщи, если что.

Румиль болезненно насторожился. Зачем пришел этот человек? Издеваться над ним? Но его терпение не безгранично! А тот продолжал:

– В общем, вот что. Я тебя обидел. И ты меня прости.

Румиль нервно затеребил пальцами завязки на жилете. Он боялся поднять глаза.

– Я не знал, понимаешь? Мне Элен обо всем только сейчас рассказала. Забудь о моих словах. Оставайся.

Он выжидающе взглянул на телохранителя. Тот долго молчал, а когда, наконец, поднял глаза, Хаггар увидел в них такое смятение, что растерялся, пробормотав:

– Я об этом догадывался. Ты ее любишь.

При этих словах Румиль вздернул голову и с вызовом глянул на князя.

– А если любишь, хочешь, значит, чтобы она была счастлива. А иначе что же это за любовь!

Румиль пристально смотрел на него.

– Останься. У Элен не так много друзей. Я же не только муж ей, но и князь. Я не могу сидеть подле нее целыми днями. И я хочу, чтобы рядом с княгиней всегда был верный, надежный человек.

Морниец опустил глаза. Что ему делать? Зачем князь говорит ему все это? Он больше не нужен госпоже. Он – досадная помеха. И Румиль упрямо покачал головой. Хаггар озадаченно разглядывал его понуро ссутулившуюся фигуру. Кажется, дело улажено. Чего еще хочет этот строптивец? И тут его осенило. Конечно! Неспроста сегодня днем телохранитель был мрачнее тучи!

– Так. Понял, наконец! – Он хлопнул ладонью по столу и встал. Румиль поднял голову. – Она сама предложила тебе уйти! Ведь не из-за моих слов у тебя слезы в глазах! Вот что, Румиль, хватит ребячиться! Разбери свою котомку и ложись спать. Неужели ты не понимаешь, что госпожа твоя тебя оберегает? Видит, что тяжело тебе к новым порядкам

привыкать, что не сошлись мы с тобой. Вот и предложила тебе уйти, а сама плачет. Ну и друзья у моей жены! Чуть вас против шерсти погладишь, вы и бежать. Гордость, видишь ли, оскорблена. Знаешь, Румиль, я бы здорово на твоём месте подумал. Не делай ей больно. Да и мне твоя помощь очень бы пригодилась. Нужно войска обучать. В общем, смотри.

Хаггар ушел. Румиль не знал, что и думать. На следующий день, позавтракав с мужем, Элен провожала его до дворцовых ворот. Хаггар спешил на учения. Северный ветер нагнал со Срединного моря тяжелые тучи, без конца моросил холодный дождь. Поплотнее завернувшись в плащ и накинув на голову капюшон, Элен, не в силах сдерживать дрожь, смотрела, как муж садится на коня, как они с оруженосцем бодро обсуждают предстоящие дела, будто вовсе не ощущая холода. Наконец, отсалютовав княгине, Хаггар и Атни уехали.

Вернувшись во дворец, Элен направилась в Гобеленовый зал. Ирлинг уже ждал ее там. Они вместе просмотрели бумаги, и княгиня объявила о начале приема. Хаггар заразил ее жадной деятельностью. К тому же рядом не было советников, готовых переложить этот груз на свои плечи. На сей раз работу удалось закончить к четырем часам.

– Время обедать, госпожа. – Ирлинг собрал накопившиеся на столе бумаги.

– Да уж. – Элен встала и подошла к окну. Дождь все шел. – Бедняги! – Она вздохнула и поежилась.

– Кто, госпожа?

– Наши воины, мой дорогой. Наши доблестные защитники!

– Ничего они не бедняги! – возразил секретарь. – Навесы у них есть, чтобы от дождя прятаться, с голоду они там тоже не умирают. Все содержатели трактиров из западного квартала на них работают. Сладкое и десерт им из дворца привозят. К тому же, свежий воздух полезен для здоровья.

– Все-то ты знаешь! – съязвила Элен.

– Все не все, а уж это точно. – Ирлинг потянулся, разминая затекшие плечи. – А хочешь, госпожа, съездим туда. Ты сама убедишься в том, что я прав.

– И правда, Ирлинг, давай съездим! Прямо сейчас!

– Нет, сейчас не годится.

– Это почему?

– Они в это время как раз обедают. Когда мы приедем, уже ничего не останется. Даже десерта! Ты хочешь остаться голодной в такой холод, под дождем?

Элен улыбнулась:

– Умник! Иди, распорядись насчет трапезы. Потом зайди за Румилем и бегом ко мне. Я приглашаю вас за свой стол. Поедем за город после обеда.

Вскоре все трое сидели за столом. Элен и Румиль молчали, зато Ирлинг, по обыкновению, болтал, рассказывая дворцовые новости. Сначала княгиня с тревогой поглядывала на своего сумрачного друга, но он был так спокоен, так невоз-

мутимо отвечал на ее взгляды, что у нее отлегло от сердца. Переведя взгляд на секретаря, она в задумчивости подперла рукой подбородок. Красавец Ирлинг, весело скаля белые зубы, соловьем заливался, стараясь развлечь госпожу.

– А знаешь, что, – медленно произнесла она, – надо нам тебя женить.

Ирлинг поперхнулся и закашлялся. Румиль участливо взглянул в его покрасневшее лицо и стукнул пару раз по спине. Отдышавшись, секретарь отер слезы и выдавил:

– Спасибо, старина. Ну и рука у тебя! Ох, как дышать больно! Пару ребер ты мне точно сломал.

Румиль лишь плечами пожал.

– Уф! Чуть не умер. – Ирлинг замолчал, пряча лицо от задумчивого взгляда княгини, а потом пробормотал: – Права ты, госпожа. Сам-то я, видно, не соберусь.

– Почему? Ты разве никого не любишь? А мне другое казалось.

– Правильно тебе казалось, госпожа. Люблю. Даже очень. Но вот решить, которую точно, не могу. А всех в жены взять нельзя.

Румиль хмыкнул.

– И нечего тут! Может, это моя беда! Я девушкам отказывать не в силах. Они все такие милые!

– Ты чудовище, Ирлинг! – возмутилась княгиня. – Зачем ты обещаешь жениться?

– Не знаю, госпожа! – Он взглянул на нее с такой искрен-

ней растерянностью, что Элен рассмеялась.

– Дурень! Выгнать бы тебя, да отца твоего жалко. Достойный, уважаемый человек. В общем, так. Тебе Мелита нравится?

– Очень! – При воспоминании о красивой девушке глаза Ирлинга наполнились нежностью.

– А ей ты жениться обещал?

– Не помню. Может, и да.

– Вот и выполняй обещание. Мелита – девица с характером. Она тебя приструнит.

Ирлинг, соглашаясь, кивнул.

– Прекрасно. Свадьбу сыграем в начале декабря. А теперь собирайтесь, поедем. Ирлинг, распорядись в конюшне, пусть седлают Ахора.

Сменив платье на теплый охотничий костюм, Элен спустилась во двор. Спутники уже ждали ее. Они выехали из дворца, свернули на набережную канала, а потом поехали по широкой прямой улице, ведущей к Западным воротам. Когда город остался позади, всадники проскакали пару лиг по скользкой, размытой дождями дороге и спустились в низину у Серебрянки, где и был разбит военный лагерь.

Элен давно не видела такого скопища вооруженных людей. Воины были разделены на небольшие отряды. Они бились деревянными мечами, бегали, прыгали, стреляли из луков, метали копья и дротики, боролись. До всадников доносились крики и команды наставников. Элен оглядывалась в

совершенной растерянности. Где искать мужа в такой сутолоке? Но Ирлинг окинул низину взглядом и указал на маленький черный флажок, трепещущий на высоком древке в самом центре поля.

– Вот вымпел князя! Поедем туда?

– Конечно! Румиль, не отставай!

Все трое направили лошадей к вымпелу. Люди расступались перед ними и, узнавая княгиню, салютовали ей. Она в ответ весело улыбалась: до чего они были не похожи на тех раэнорцев, которых она привыкла видеть! У флажка заметили их появление. Высокий человек в легкой куртке приветственно помахал рукой. Сердце Элен дрогнуло от радости. Хаггар! Она никак не могла привыкнуть к своему счастью. Князь пошел ей навстречу, вслед за ним тенью кинулся оруженосец.

– Ого! Глазам своим не верю! – воскликнул Атни, подбежав к всадникам и увидев секретаря. – Красавчик Ирлинг! Как это тебя занесло в наши края? Ирлинг свысока взглянул на мокрого, с ног до головы покрытого грязью забияку.

– Госпожа, ты только взгляни, какой неприглядный юноша – оруженосец князя! – Он обернулся к Элен, указывая на Атни рукой, затянутой в серую замшевую перчатку. – Давно ли ты мылся? Боги мои, а какой запах! Даже моя кобыла шахрается! Ты позоришь своего господина.

– Я делом занимаюсь! – возмущенно воскликнул Атни. – Зато я смогу быть полезен князю в походе! А ты только и

годен, что бумажки перебирать!

– Я, мой милый, предпочитаю во дворце тренироваться. Там сухо и тепло. Атни зло рассмеялся:

– Ага! Знаем мы твои тренировки, красавчик! Торчишь целыми днями перед зеркалом, придумываешь новые уловки, чтобы девчонок с толку сбивать!

– Несчастный, маленький грязнуля! – снисходительно улыбнулся Ирлинг. – Ты можешь злобствовать сколько угодно. А знаешь, кто мой учитель? Румиль! – И он торжествующе вскинул голову. – Смотри, не лопни от зависти, малыш!

Атни от неожиданности замолк, но через мгновение шагнул вперед.

– Слезай с лошади. Сейчас посмотрим, какой ты умелец.

– Вот еще! Чтобы я сапоги в такой грязи пачкал? – Секретарь поправил выбившиеся из-под капюшона волосы. – Мы с тобой во дворце встретимся, если тебя, конечно, туда пустят.

Элен и Хаггар вполголоса о чем-то разговаривали, не замечая готовый перерасти в драку перепалки. Спор прекратил подошедший Велемир.

– Эй, парень. – Он похлопал оруженосца по плечу. – Ты чего здесь прохлаждаешься? Нир, твой напарник, заждался. Так не годится. Смотри, быстро замену найду.

Атни погрозил Ирлингу кулаком и побежал к бившимся на мечях бойцам. Велемир поклонился княгине и тут увидел Румиля.

– Старина! Давно не виделись!

Телохранитель спрыгнул с коня, и они обнялись.

– Ты как? Что так долго не заходил? – Разведчик внимательно оглядел друга. – И выглядишь хорошо. А то Дию меня напугал: мол, ты захворал. Я хотел зайти, а он сказал, что нельзя. Так что, все в порядке?

Румиль кивнул и с улыбкой похлопал разведчика по плечу.

– Это хорошо! Слушай, дружище, раз уж ты здесь, может, покажешь моим молодцам пару твоих приемов? И я бы поучился. Или тебе тоже не хочется сапоги в грязи пачкать?

Румиль с усмешкой покачал головой и вопросительно взглянул на него.

– Славно! Мы здесь рядышком тренируемся. Пошли. – Разведчик взял морнийца под руку и повлек за собой.

На небольшой поляне, некогда покрытой дерном, теперь превратившимся в густое скользкое месиво, топтались с ног до головы заляпанные грязью борцы.

– А ну, ребята, разойдись, освободи для мастера площадку!

Бойцы радостно загудели. Телохранитель скинул плащ на руки одного из борцов, не обращая внимания на знобкий ветер и дождь, разделся до пояса. Туго перевязал бечевкой короткие, до плеч, волосы и вышел на середину площадки. Тесной стеной обступившие поляну зрители опускали глаза под его вызывающим взглядом.

– Эх, опять ведь опозорюсь, – Велемир шагнул ему на-

встречу. – Только полегче, дружище. А то в прошлый раз мне Фрэй еле руку на место поставил! Румиль кивнул и начал разминку. Беседуя с князем, Элен краем глаза заметила, как Ирлинг нетерпеливо заерзал в седле. Наконец она спросила:

– Что с тобой?

– Госпожа, там Румиль! Давай посмотрим!

– Что ж ты сразу не сказал? Конечно!

Элен снова села в седло. Хаггар взял Ахора под уздцы и пошел туда, где образовалось плотное кольцо народа. Толпа расступилась, и он увидел двух человек, круживших по пустой площадке. Казалось, они исполняют ритуальный танец. Движения были плавны, каждый жест подчинен замысловатому ритму. Танец, похоже, был жертвенный – один из бойцов то и дело падал в грязь, но тут же проворно вскакивал и продолжал упорное кружение.

– Капитан, держись! – подбадривали разведчики своего командира. Тот и держался, но, видно, из последних сил. После очередного броска Велемир, кряхтя, поднялся и, потирая отбитые бока, заковылял с площадки, бормоча:

– Ну тебя, демон! Знал ведь, что опять проиграю!

Хаггар узнал в победителе Румиля и оглянулся на Элен:

– Ловок!

– Я же тебе говорила: Румиль – мастер. – Для нее, как, видно, и для остальных, победа телохранителя была вещью бесспорной. Хаггар задумался. А Румиль уже показывал отдышавшемуся после поединка Велемиру и его разведчикам,

куда затесался и Атни, те самые приемы, о которых просил его капитан. Хаггар будто впервые видел этого странного человека, черной тенью следовавшего за княгиней. С его живого, нервного лица сошла печать угрюмого безразличия. Обнаженное до пояса тело напомнило о страшной повести, рассказанной ему княгиней. Сизые рубцы ярко выделялись на белой коже. Урок длился долго, и Элен уже подумывала о возвращении домой, как вдруг услышала, как муж пробормотал:

– Попробую-ка и я.

– Ты хочешь с ним биться? Это невозможно!

– Почему?

– Ты князь!

– Я их полководец. И я хочу!

– Хаггар, пожалуйста, все только уладилось!

– Ну не зарежет же он меня прямо тут, на поле.

Элен поняла, что спорить бесполезно. Телохранитель и бровью не повел, когда Хаггар подошел к нему и предложил:

– Может, попробуем, если не устал?

Зрители затихли. Румиль кивнул. Они встали друг напротив друга и приготовились к схватке. Хаггар был выше Румиля на целую ладонь и шире его в плечах, но ему это не помогло. Он и сам не понимал, как то и дело шлепался в холодную грязь. Правда, и ему удалось-таки пару раз уронить увертливого морнийца под бурные вопли одобрения. Княгиня, закусив губу, в напряжении наблюдала за поединком. Ей

хотелось только одного: чтобы эти двое мирно и как можно быстрее разошлись. Через некоторое время князь, последовав примеру Велемира, сдался. Однако теперь никто не спешил поздравить Румиля с победой. Переодевшись и накинув плащ, Хаггар обернулся к телохранителю.

– Подойди сюда, герой.

При этих словах Элен замерла, чувствуя, как похолодело в груди. Румиль ни единым жестом не выдал волнения. Он подошел и спокойно взглянул князю в лицо. Тот выдержал пристальный, немного настороженный взгляд морнйца и вдруг неожиданно широко улыбнулся:

– Так, значит, по утрам ты даешь княгине уроки?

Румиль кивнул, не отводя глаз.

– А как насчет второго ученика?

Элен не верила своим ушам! Румиль тоже недоверчиво разглядывал князя. Хаггар, не желая этого замечать, снова спросил:

– Ну что, согласен? – и протянул телохранителю руку. Тот быстро взглянул на госпожу. Элен, побледнев от волнения, умоляюще смотрела на него. И Румиль сдался. Он скупно улыбнулся и пожал протянутую ладонь.

Княгиня возвращалась в столицу. Хаггар обещал ей приехать к ужину. Румиль сопровождал госпожу. Лошадь Ирлинга трусила за остальными. И тут он увидел в толпе княжеского оруженосца. Подъехав ближе, Ирлинг тронул его носком сапога. Атни обернулся и хмуро уставился на секретаря.

– Ну, что, забияка? Теперь сам князь будет брать уроки у моего учителя. Если ты научишься вежливости и будешь держать свой длинный язык за зубами, я, так и быть, покажу тебе, чему меня научил Румиль.

Он еще раз свысока оглядел покрасневшего от злости парня и, не дожидаясь ответа, пустился догонять госпожу.

К радости Элен утренние занятия с Румилем возобновились. Он был учителем строгим, но терпеливым, и князь, приспособившись к жестким правилам морнийской борьбы, все с большей быстротой перенимал ее приемы. Однако, наблюдая, как Элен и ее телохранитель кружат по гладкому полу Тронного зала, Хаггар не чувствовал в них ни злости, ни боевого азарта. Элен была права: для них это было развлечение, возможность продемонстрировать отточенность и изящество движений. Странно было бы ожидать другого. И Хаггара вновь и вновь одолевали сомнения, не слишком ли необдуманно он поступал, создавая армию из миролюбивых, изнеженных людей? Гораздо больше подходили для его замыслов закаленные в боях дружины dwarves. Элен часто говорила ему об этом:

– Дверги – прирожденные воины. Они присягнули тебе и пойдут за тобой, куда прикажешь. К чему эти мучения?

– Дорогая, оставь dwarves в покое. Если покрывало слишком часто дергать из стороны в сторону, оно порвется. С них хватает обороны границ. А люди... Ничего, это пойдет им на

пользу. Не забывай, у нас впереди отступление в Хьорланд. Пусть научатся защищаться. Я не говорю о большем.

В конце концов, еще несколько раз наведавшись в загородный лагерь, Элен признала, что князь добился поразительных успехов. Это было уже не собрание скучающих аристократов, плененных экзотикой такого досуга, а какое-то подобие войска. К тому же Фрэй, каждую зиму раздираемый на части капризными пациентами, облегченно вздыхал:

– Чудеса! Куда делись их бесконечные простуды? Впервые за мою солидную практику в столице стало не модно болеть!

В декабре тихо, по-семейному справили свадьбу Мелиты и Ирлинга. Хаггар от души веселился, слушая, как сидевшая рядом с Элен мать жениха шепотом ей говорила:

– С одной стороны, госпожа, мы очень рады этой свадьбе. Может быть, прекратятся ужасные скандалы, которые устраивали нам родители его бесчисленных подружек. Но с другой стороны... Их ревность – вот что меня пугает.

– Ничего, почтенная Дора, – утешала женщину княгиня, – твоя невестка – очень серьезная девушка. Она ни себя в обиду не даст, ни твоего сына.

– Ох, госпожа, слышали бы тебя боги! – Дора повернулась к мужу и что-то зашептала ему на ухо, то и дело поглядывая на сияющую новобрачную. И впрямь, ни угроз, ни истерик, ни шантажа, всего, чего так опасались родители Ирлинга, не было. Элен предложила молодым красивый дом недалеко от дворца, втайне распрощавшись и с секретарем, и с растороп-

ной, понятливой служанкой. Но к удивлению и радости княгини оба отказались от подарка. Мелита, ласково глядя на нее, сказала:

– Мы во дворце останемся, госпожа. Времена какие настали! Кто за тобой присмотрит? Теперь хорошую служанку не найти. Лола, та все в облаках витает, не докличешься.

Ирлинг поддержал жену:

– Мелита права, госпожа. Так не годится. Вот в Хьорланд переедем, жизнь наладим, детишками обзаведемся, тогда и дом дари, если не передумаешь, и на покой гони, если чем не угодим.

Элен искренне была им благодарна. Когда же она рассказала о решении Ирлинга Хаггару, тот нехотя признал, что секретарь вовсе не такой глупый, безвольный увалень, каким всегда ему казался. В конце марта князь созвал совет и объявил, что войско должно выступить в поход через месяц.

– Как думаешь, наши бойцы готовы? – Обратился он к Ворондилу.

– Что меня спрашивать, господин? Тебе решать, готовы они или нет.

– Простите, если мой вопрос покажется глупым, – поднялся со своего места Велемир, – но как мы отыщем врага в степи? Между нашей северной границей, Великой рекой и Средним морем сотни лиг, князь. Степняки не глупцы, зачем им лезть на рожон? Одно дело – богатые обозы и маленькие беззащитные отряды, другое – многочисленное войско.

– Это верно. Мы не можем позволить себе охотиться за степняками годами. – Поддержал Велемира Балтар.

– Конечно, не можем, советники. Поэтому пусть они охотятся на нас. Мы прикинемся дичью.

– Вот как! – Ухмыльнулся Ворондил. – Значит, устроим маскарад?

– Именно, – подтвердил Хаггар, – И мы должны заставить разбойников объединиться. Огромный обоз – лакомый кусок. Но такая крупная дичь малому зверю не под силу.

– В степи слухи быстро распространяются. – Оживился Велемир, – Не успеешь в одно селение въехать, а в другом уже готовятся к встрече. По опыту знаю. А уж про богатый обоз степь быстро разносит. Думаю, получится у нас.

В заботах и хлопотах прошел март. А в апреле, когда подсохли дороги и выглянула первая нежная травка, Хаггар повел свое войско на север. Элен, Румиль и Дию проводили князя до городских ворот. Княгиня никак не могла внушить себе, что ее муж едет воевать.

– Дию, – шепотом спросила она, оглядываясь на жителей столицы, вышедших за городскую стену и махавших платками вслед уходящему войску, – может, со мной что-то не так? Я не могу плакать, как эти женщины! Да, в моем сердце тревога, но и радость, и гордость! Почему? Ведь он идет на войну!

– Милая девочка! – Лекарь погладил ее по руке. – Все верно. Он идет на войну. Его, как и любого из его войска, могут

убить. Но ты в это не веришь. Ты полна надежды. И ты права. Потом, может быть, прольются слезы. Но сейчас ты – княгиня. И своей уверенностью ты должна вселять спокойствие и надежду в сердца твоих подданных.

В эти долгие весенние дни никто не видел княгиню хмурой. Она не пролила ни слезинки. Вместо того, чтобы предаваться унылому ожиданию, Элен занималась делами. В дорогу готовился обоз Балтара. Еще раз проверялись списки отъезжающих, готовились крытые обозные тележки, заново подковывали лошадей. Жители собирали самые необходимые, дорогие сердцу вещи. С обозом было решено отправить часть дворцовой библиотеки, и Румиль целыми днями пропадавал у Итарана, упаковывая свитки и укладывая их в специальные деревянные ящички.

За заботами незаметно наступило лето. В одну из теплых июньских ночей в Дол-Раэн прибыл гонец. Его сразу же провели к княгине. В письме, которое он передал ей, Элен прочла: “Мы победили. Ждите нас утром тридцатого. Хаггар”.

– Сегодня уже двадцать седьмое! – Элен всплеснула руками. – Скорее бы! Он не ранен?

– Нет, госпожа.

– Я знала! Ирлинг, – обратилась она к вошедшему в ее покои секретарю, – устрой воина получше! Вот, это подарок за добрую весть! – Она сняла с руки перстень с солнечно-желтым топазом и протянула гонцу.

Чуть свет Элен была на ногах. Она еле дождалась утра. По

всему Раэнору разослали гонцов с радостной вестью, и столица готовилась к встрече. С прошлого лета в Дол-Раэне такие праздники не устраивались, да и поводов как-то не было. А праздники раэнорцы любили. На площадях расставлялись столы, купцы везли в столицу телеги, с верхом груженные вином и снедью. Дома украшались цветочными гирляндами и фонариками. Заранее на городской стене выставили часовых. Ранним утром тридцатого июня они оповестили спящую чутким сном столицу о приближении передовых отрядов. Войско входило в город. И как везде и всегда, замирали сердца у встречающих, и матери ослепшими от слез глазами выискивали в рядах закованных в доспехи воинов своих сыновей. И сквозь восторженные вопли приветствующей своих героев толпы прорывались горестные стоны тех, кто не дождался своих любимых из похода.

Глава 8

ЛЕГЕНДА О ПРИЗРАКАХ ДОЛ-РАЭНА

Элен и Дию стояли на смотровой площадке Сторожевой башни и неспешно беседовали, то и дело замолкая, очарованные прелестью начавшегося лета.

– Жаль, что яблони так быстро отцвели, – вздохнула Элен.

– По всем приметам год будет урожайный, – заметил лекарь.

– Только кто его будет собирать? Хозяева уехали. А те,

кто еще остался, перебираются в столицу. Плоды созреют в садах, войдут в колос хлеба... Земля на нас обидится, Дию.

– Были бы плоды, а сборщики найдутся.

Княгиня немного помолчала, а потом горько проронила:

– Моя бедная страна! Мне кажется, я ее предаю.

– Не думаю. Ведь ты уйдешь последней, когда уже нельзя будет медлить. Ты так решила. Хотя и Хаггар, и я против.

– К чему начинать старый спор, Дию? Ты-то сам тоже не спешишь ехать!

Тот усмехнулся:

– Я другое дело.

– Вот как? И какие же высокочтимый лекарь имеет передо мной преимущества?

– Я фигура незаметная. Отправься я сейчас в Хьорланд своим ходом, медленно, но дошел бы. Кому нужен нищий старик? Ты же, дорогая моя девочка, существо иного толка. Думаешь, за Рекой некому помнить о древнем пророчестве?

– Не пугай меня. Ты разве не знаешь, что творится у Реки? Морн готовится к войне. Все ему мало! Хозяиничает на юге вплоть до моря, как у себя дома. Теперь решил и на западные земли лапу наложить. Нейдется. Так что твоим светлым королям сейчас не до меня.

– Невеселые дела. А где князь?

– Помогает Ворондилу. Тот со дня на день уходит. Последний, двенадцатый советник.

– Да.

– Как странно, Дию! Я и мечтать не могла, что они с Хаггаром так поладят. Их очень сблизил тот поход в степь.

– Надо же, два года прошло, а кажется, что это было совсем недавно.

– Знаешь, друг мой, многие все еще не могут простить Хаггару этой победы. Говорят, слишком дорого пришлось за нее заплатить. Скольких мы тогда потеряли!

Старик, вздохнув, развел руками:

– Всем хочется жить, не теряя. Нас нельзя за это судить.

Ты прав. Ведь и я надеюсь вопреки всему.

Они замолчали. На звоннице ударил колокол. Элен вздрогнула. На лестнице раздались торопливые шаги. Через минуту на площадке появился запыхавшийся секретарь, поклонился и, почему-то понизив голос, сказал: – Госпожа, там приехал человек. Говорит, что он гонец из Арандамара к князю Хаггару.

Элен, пытаясь справиться с дурнотой, тихо спросила:

– Где этот человек?

– В Гобеленовом зале. Румиль с ним. За господином уже послали.

– Хорошо. Иди к нему.

– С тобой все в порядке, госпожа?

Ирлинг не спешил уходить, с возрастающей тревогой заглядывая в полные слез глаза княгини.

– Ступай!

Едва дождавшись, когда секретарь уйдет, Элен горько раз-

рыдалась, уткнувшись в плечо Дию. Старый лекарь молча гладил ее по голове. Да и что он мог ей сказать?

Атни нашел князя на площади у Западных ворот. Тот снова ругал кузнецов:

– За такую работу я вас самих телеги тащить заставлю!

Он вертел перед лицами двоих хмурых работников сломанную подкову. Наконец один из них не выдержал и в сердцах буркнул:

– Да что ты ругаешься, господин! Сами знаем, что плохо. А как лучше-то? Железо кончилось.

– Вон сколько домов пустует! Хоть решетки с окон и ограды снимайте.

Все тот же кузнец упрямо набычился:

– Нет уж, так не годится.

Еле сдерживаясь, князь процедил:

– Это почему?

– Потому что чужое. У кого разрешения спрашивать?

– Ох, устал я от вас! – Хаггар гневно глянул на понурившихся ремесленников, но через секунду махнул рукой. – Ладно, пошлю людей, пусть пройдут по улицам, объявят, что вам железо нужно. Ишь, какие щепетильные там, где не надо!

Тут к нему подлетел запыхавшийся оруженосец и вполголоса, косясь на кузнецов, затараторил:

– Господин мой, за тобой из дворца послали. Говорят, очень срочно! Пойдем! Хаггар отмахнулся:

– Что такое? С утра все было в порядке.

– Пойдем же! – настаивал Атни. – Дело срочное!

– Хорошо. А вы, мои драгоценные, исправляйте работу, а то и впрячь вместо лошадей в повозки впрягу!

Князь вслед за оруженосцем быстро зашагал к дворцу. У главного входа их ждал Ирлинг. Он увидел Хаггара и пошел ему навстречу.

– Наконец-то! Господин, он ждет тебя в Гобеленовом зале. Идем.

– Погодите, – Хаггар остановился. – Кто он? Что все это значит?

– Тебе разве не передали? – Ирлинг гневно сверкнул глазами в сторону Атни. – Гонец из Арандамара.

– Что? – Хаггар схватил секретаря за руку и так ее стиснул, что у того аж дыхание перехватило. Натужно улыбнувшись, Ирлинг выдавил:

– Он ждет тебя. Пойдем!

Они почти бегом неслись по дворцовым переходам. Достигнув Гобеленового зала, князь оставил спутников, а сам, рванув тяжелую дверь, вошел внутрь. Быстро оглядевшись, он заметил одиноко стоявшего у окна человека. Тот обернулся и пошел ему навстречу.

– Хьюрин? – Хаггар не верил своим глазам. – Каким ветром?

– Государь, – гонец приблизился и, будто не слыша Хаггара, медленно поклонился, – правитель Номанатур шлет тебе

привет и это послание.

Он расстегнул поясную сумку, вынул из нее кожаный мешочек и передал его князю. Хаггар нетерпеливо рванул завязки, извлек из мешочка свиток, сорвал печать правителя и прочел: «Сын мой, на Арандамар надвигается беда. Мне с ней не справиться. Умоляю тебя, вернись. Знаю, что не вправе, что и тебе нелегко. Да и брат твой делает все, что в его силах. Но он не может тебя заменить! Не прошу приехать надолго. Думаю, нескольких месяцев вполне достаточно. Это будет наша последняя встреча. Победа в грядущей войне с Морном без союзников невозможна. Однако наши соседи не торопятся с помощью. И альвы молчат. Хьюрин проводит тебя до Элиндора. Там будет ждать Хэльмир с отрядом. Номанатур.»

– Вот как. – Хаггар в смятении зашагал по залу. Все это не вовремя! Надо же было отцу позвать его именно сейчас, когда он так нужен здесь, когда дорога каждая минута. Что делать? Как сказать Элен? Ах, отец, отец!

– Государь, – прервал его размышления Хьюрин. – Мы могли бы выехать сегодня.

Хаггар даже не попытался скрыть мрачное раздражение:

– Не слишком ли ты торопишься? Я еще ничего не решил. И уж во всяком случае не тебе указывать, когда мне ехать.

– Но правитель... смиренно склонив голову, начал было гонец.

– Правитель приказывает тебе и моему брату. Я уже давно

не в его власти.

– Господин Хэльмир ждет тебя в Элиндоре, государь. Там небезопасно.

– Если у господина Хэльмира нет ума, пусть ждет в Элиндоре. – Раздражение Хаггара переросло в гнев. – Почему вы уверены, что я скажу да? Почему не присылали гонцов раньше?

– Теперь я вижу, что ни один из них не достиг этой страны.

– Что ты имеешь в виду?

– Гонцов посылали трижды, начиная с прошлого лета. Ни один не вернулся в Вальбард. И ни один не доехал до Раэнора. Видимо, их перехватывали сразу же за Рекой. То, что я здесь, сейчас мне кажется чудом.

– И тем не менее, Хьюрин, я не дам ответ сегодня.

Когда по его зову появился секретарь, князь приказал:

– Проследи, чтобы гостя устроили как можно лучше. Он проделал долгий и опасный путь.

– Не беспокойся, господин! Княгиня уже обо всем распорядилась.

Ирлинг обратился к Хьюрину:

– Изволь идти со мной, уважаемый.

Уже выходя из зала, пропустив гонца вперед, секретарь вполголоса добавил: – Господин, прости за то, что вмешиваюсь, но я прошу: зайди сейчас к госпоже. Ей нездоровится.

Хаггар медленно шел по галерее. Как сказать Элен, что он уезжает и, возможно, надолго? Он так боялся ее слез! К тому

же Ирлинг сказал, что она заболела. Странно, ведь сегодня утром она была весела и напевала, провожая его из дворца.

Он нашел Элен в спальне. Княгиня сидела в кресле и, казалось, спала. Плотные шторы на окнах были задернуты. Хаггар не хотел тревожить ее сон и повернулся, чтобы выйти, но она подняла голову и тихо сказала:

– Не уходи. Я просто устала.

В легком сумраке ее лицо было бледным, и весь облик был исполнен такой печали, что Хаггар не смог подавить тяжелый вздох. Он подошел к жене и сел рядом на ковер, опустив глаза и не смея открыть ей правду.

– Расскажи, какие вести привез гонец. На тебе лица нет. Видимо, что-то серьезное? – Она с нежным ободрением взглянула на мужа.

– Серьезнее некуда. Война. Морн, кажется, решился. Его войска уже несколько раз переходили Реку, но пока их отбрасывали назад. Однако это всего лишь передовые отряды. Что будет, когда подойдут основные силы, неизвестно. Страшно об этом думать. – Он замолчал. Молчала и Элен. Наконец Хаггар решился:

– Мне надо ехать. Отец зовет. Они не справятся без меня.

Княгиня все молчала. Он с горечью воскликнул:

– Почему все так несправедливо? Он же мне обещал! Перед тем как покинуть Арандамар, я ждал три года. По его просьбе. Три года я учил их обходиться без меня. Все напрасно.

– Ты не можешь отказаться?

– Нет. Пойми, Элен...

– Я понимаю. Если бы моему отцу была нужна моя помощь, я сделала бы для него все. Не задумываясь. Вот только он никогда не просил и не попросит. Когда ты уезжаешь?

– Через два дня. – Он помолчал и добавил:

– Элен, я не думаю, что пробуду там долго. Осенью, самое позднее весной я вернусь, и мы вместе уедем в Хьорланд.

Княгиня взглянула на мужа, в задумчивости провела ладонью по его густым, отросшим на раэнорский манер почти до пояса волосам, тихо коснулась губами лба и неожиданно для него произнесла:

– Я провожу тебя до Озерного края.

– Это опасно, дорогая! – попытался он образумить и ее, и себя.

– Ничуть. Всего лишь до озер, Хаггар. Там мы расстанемся.

Князь благодарно поцеловал ее руку.

– Ты сняла камень с моего сердца!

Князь отвел на подготовку к отъезду два дня. Как быстро они пролетели! Будто и не было. И снова, как много лет назад, Элен и Хаггар ехали по аллее Золотого дождя. Свежий утренний ветер покачивал чашечки собранных в длинные гроздья соцветий. Ярко-желтая пыльца позолотой покрывала темные дорожные плиты. Нежный, еле слышный звон раз-

ливался в воздухе. Только на этот раз не было пышной свиты послов и придворных. Князей сопровождали только разведчики Велемира. Элен и Хаггар ехали, погруженные в грустную задумчивость. За ними следовали телохранитель княгини и утративший вдруг всю свою веселость Атни. Отдельно от всех ехал арандамарец Хьюрин, старинный приятель князя по юношеским забавам. Аллея обогнула столицу с юга и кончилась, выведя путешественников на берег Серебрянки. Речка, петляя, текла меж покрытых лесами холмов. Отряд проехал вдоль реки и остановился у подножия самого высокого из них. Князь и княгиня спешили и взошли на голую вершину. Белые стены, золотые башенные шпили, реющие на ветру флаги и гордый исполин – Сторожевая башня – предстали перед ними. Волшебная столица веселого княжества, беспечный Дол-Раэн простался со своим князем, так недолго бывшим его господином.

Тяжким усилием отогнав мрачные думы, Хаггар прошептал:

– Я вернусь. Что бы ни ждало меня впереди.

Элен закрыла лицо руками. Снова ожил древний кошмар: на прекрасный город пал огненный дождь, и плавилась, как свечи, белые башни.

– Не надо, любимая. Все пройдет. После разлук и потерь мы встретимся с тобой. Обещаю.

– А если судьба будет против?

– Судьба над любовью не властна.

– Едва обрета, я вновь теряю!

– Нет. Прочь дурные мысли. В разлуке я хочу помнить тебя веселой. Разве ты забыла, что я видел полотно судеб? Чем сильнее твоя вера, тем крепче связующие нас волшебные нити. Но если ты отчаешься, если в твое сердце закрадется уныние, искрящиеся нити одна за другой порвутся. Разлука станет вечной.

– Ты шутишь? Говоришь так, чтобы меня успокоить? – Элен с робкой надеждой взглянула на мужа.

– Ничуть.

– Тогда ты больше не увидишь моих слез.

– Ты обещала. Пойдем. Нас ждут.

Чем дальше отряд удалялся от столицы, тем безлюднее становилось вокруг. Раэнорцы и раньше, в мирные времена, не жаловали эти земли за близость к Морну. Они предпочитали селиться восточнее, подальше от воинственного соседа. Вдоль дороги тянулись безлюдные поля, брошенные деревни, оставленные города. Ни одной живой души, только бродячие собаки с лаем выбегали на дорогу. Через несколько дней путешественники проехали опустевшие приграничные поселки и миновали покинутую стражами пограничную заставу. Раэнор был позади. Перед ними лежала поросшая репьями, ковылем и редким кустарником степь. Слева над безжизненной пустошью вздымались горы. За их пиками лежали владения Морна.

Велемир подъехал к князю и сказал:

– Господин, хорошо бы нам поостеречься. Может, ночами пойдем? Я эти земли хорошо знаю. Дорога хоженная, не заблудимся. Так, на всякий случай.

Хаггар одобрил его предложение. Теперь отряд ехал в темноте. Лишь с каждой ночью прибывающая луна освещала им путь, да звезды мерцали в черноте неба. Время от времени ветер доносил до путешественников тоскливый волчий вой. Мрачные силуэты гор вздымались все выше. В воздухе запахло гарью. Не доезжая нескольких лиг до ворот Мрака, разведчики свернули с древней дороги. Теперь впереди ехал Велемир. Он указывал путь в заболоченной долине. Несколько дней гнус висел над ними плотным облаком, дожимая и людей, и лошадей. Когда же зловонная болотистая низина осталась позади, горы отступили, и путешественники оказались в лесу.

– Тинтаур, Серебряная чаша! – Хаггар с наслаждением вдыхал теплый травяной воздух. – Дивный край! Элен, ты помнишь легенду о Деве Озера? Она улыбнулась:

– Что, была такая?

Сейчас можно было ехать и днем. Князь возглавил отряд. На второй день путешествия по лесам Тинтаура Элен, провожая взглядом садившееся за густые древесные купы солнце, проговорила:

– Время течет так быстро! Уже лето в разгаре.

– Госпожа, а не сегодня ночь Великого Полнолуния? – спросил ехавший рядом Велемир.

– Да. – Княгиня заметила тревожный взгляд, брошенный на нее князем.

Всадники остановились на ночлег, когда уже совсем стемнело. Дорвелю, Эгиру и Атни предстояло провести эту ночь в дозоре. Остальные поужинали и разошлись по палаткам. Дозорные удобно устроились на мягкой подстилке из веток и, подбрасывая в костерок сушняк, принялись потихоньку развлекать себя разными байками. Через некоторое время к ним, зевая и зябко кутаясь в плащ, вышел Нир.

– Что, не спится? – шепотом спросил Эгир.

Какой сон! – Нир уселся рядом. – Вы что, не слышали, что капитан говорил?

– Он много чего говорит, наш добрый капитан, – пожал плечами Дорвель.

– Сегодня же ночь Великого Полнолуния! Смотрите, какая луна! – Нир поднял восхищенные глаза к огромному темно-желтому диску, тяжело нависшему над черной кромкой леса.

– Фантазер ты, приятель. – Эгир похлопал Нира по плечу. – Правильно княгиня предсказала быть тебе сказочником.

– Я не против.

– А что это за ночь такая особенная? – заинтересовался Атни.

– О, и этот туда же! – потягиваясь, ухмыльнулся Дорвель. – Давай, приятель, ври, она, ночь-то, длинная.

– Ты понимаешь, эти места волшебные. Мне прадед рассказывал, что где-то здесь есть озеро.

– Ага, да здесь на каждом шагу озера! – не отставал Дорвель.

– Если не замолчишь, не буду рассказывать, – обиделся Нир.

– Правда, Дорвель, дай послушать! – поддержал соседа Атни.

– Молчу, молчу. Прости. Давай дальше.

– Так вот. Озеро непростое. Вода там черная и тяжелая, как свинец. И ничего не отражает. Только один раз в году, в ночь Великого Полнолуния, такая вот луна заглядывает в темноту его вод и будит свое отражение, до поры спрятанное в озерных глубинах.

– Здорово! – У Атни глаза загорелись: – А ты знаешь, где оно, это озеро?

– Оно же запретное! Не всякому открывается. Ну, да главное – не озеро.

– А что?

– Там девки голые купаются! -хохотнул Дорвель.

– Надоел! – Нир в гневе вскочил и занес было руку для удара, но Эгир его остановил:

– Что ты внимание обращаешь на дурня? Сядь, успокойся. А ты уймись в самом деле!

Дорвель шутовски поклонился и отвернулся от них.

– В такую ночь на озере танцует колдунья.

Нир замолчал, ожидая очередной издевательской реплики, но задира молчал. Нир продолжил:

– Она такая красивая, что с ума может свести. Легкая, как лунный свет. Танцует и поет волшебные песни.

Он замолчал, глядя на сияющий лунный диск.

– А еще расскажи! – нетерпеливо затормошил его Атни.

– Она танцует на озере всю ночь, играя с луной.

– Вот бы взглянуть хоть глазком!

– Опасная это затея! Если колдунья увидит такого смельчака, случится беда.

– Почему?

– Тогда она, танцуя, подойдет к нему и посмотрит в глаза. А взгляд у нее такой, что всю душу переворачивает. Ни одна мысль от нее не укроется. Так вот, если ты не поэт, не ради красоты и вдохновения пришел на озеро, а из праздного любопытства или похоти, тут тебе и погибель придет.

– Убьет, что ли?

– Сам умрешь. Упадешь замертво. Таких частенько около озера находили.

– Сил нет терпеть! – Дорвеля прорвало. – Вода там ядовитая! Напьются дурни и мрут! Волшебница, то се...

– Глупый ты. А если ты ей понравишься, она тебе белый цветок подарит. И вместе с подарком к тебе придет вдохновение, как к моему прадеду.

– Точно, Нир! Он ведь у тебя замечательный рассказчик был! И песни сочинял! Значит, он видел колдунью? Как, ко-

гда?

– Видел. В молодости, когда служил в отряде разведчиков. И цветок мне показывал. Маленький такой, засохший, самый обычный. Вот только запах даже через столько лет сохранился. -Нир замолчал. Атни тоже задумался, глядя в тлеющий костер. В лесу царила тишина. Даже ветер заснул в неподвижной листве.

Внезапно из глубины леса до разведчиков донесся едва уловимый нежный звон, будто феи зазвонили в свои серебряные колокольчики. Под мелодичные звуки на поляне появилось облако светлячков. В их мягком мерцающем свете лес преобразился. Заструился меж ветвей душистый ветер, осыпая разведчиков лепестками цветов, проснулись и запели птицы. Зачарованные дозорные увидели, как в светящемся облаке появился огромный черный конь без седла и узды. Он летел, не касаясь копытами густой высокой травы. Его грива и хвост были чернее ночного неба, а шкура лоснилась атласом. На спине могучий жеребец нес деву, нежную, как ночной цветок, и прекрасную, как дальние звезды в небе. Ее обнаженные руки лунными лучами лежали на гриве коня, волосы реяли грозovým облаком. Медленно плыл волшебный конь. Призрачные колокольчики звенели, светлячки мерцали голубоватым светом. Тут взгляд юной колдуньи упал на оцепеневших дозорных. Она заглянула в глаза каждому, лишая воли и пробуждая тоску. И только Атни вдруг радостно ей улыбнулся и протянул руки в тщетной попытке

удержать ускользящий призрак. Его доверчиво распахнутые глаза встретились с черными колдовскими очами девы. Конь остановился, повинувшись всаднице, и сердце Атни таяло огоньком в костре. Юная волшебница улыбнулась ему и, выхватив из волос белый цветок, бросила его в протянутые руки оруженосца.

– Отныне тебе не будет покоя. Потерять все, что имел, тоску и горе избыть сполна, вновь родиться поэтом-безумцем, и искать меня, искать недоступный призрак красоты. А встретив вновь, выпустить жизнь из рук, уронив ее белым цветком, – дивный голос звучал в сердце Атни. А волшебница уже ударила пятками в бока коня, и он огромным прыжком унес всадницу с поляны, исчезнув в темноте леса. Разведчики еще долго сидели, не в силах развеять чары. Первым очнулся Эгир.

– Значит, правда, – пробормотал он. – Вот она какая!

– Цветок-то у парня! Обошла она тебя, Нир, – к Дорвелю вернулась его язвительность. С нежностью глядя вслед исчезнувшей волшебнице, певец вздохнул:

– Видно, не понял ты, друг. Моя судьба на исходе. Да и не цветок был мне нужен. Разве мало того, что мечта о чуде сбылась?

– Нир, это сон? – Атни очнулся и ошарашенно оглядывал товарищей.

– Ты давай в рифму говори! – потребовал Дорвель. – Тебя ж в поэты посвятили! Цветочек-то тебе достался!

– И верно! – Атни взглянул на лежащий в ладони маленький белый цветок с мерцающими лепестками, обсыпанными золотой пылью. – Ошиблась она, Нир. Возьми. – Он протянул подарок певцу. Нир улыбнулся:

– Глупый! Судьбу не обманешь. Спрячь-ка его подальше. Сдается мне, что ты не раз пожалеешь о ее выборе.

Оруженосец бережно завернул нечаянный дар в платок и спрятал его за пазуху.

Луна медленно поднималась над лесом. Все выше парила она над горизонтом, тихая и торжественная, сияющая королева летней ночи. Водопад, широкой искрящейся струей вливающийся в круглую чашу озера, не мог нарушить спокойствия тяжелых вод. Озеро оцепенело в ожидании. Лунное отражение появилось в центре черного водного круга. Застучали копыта, сверкнул алмаз на груди вороного жеребца, и юная дева, сбросив с обнаженных плеч плащ, пробежала, танцуя, к золотому кругу, лежащему на поверхности воды. Озеро оживило. Заколыхались темные воды, пронзенные лучами луны, и полилась песня, которой вторили ночные птицы. Феи звонили в свои колокольчики, и светлячки ласковым вихрем вились, закручивая свет в спирали. Маленькая волшебница, голос озера, мерцающий луч, соединяющий воду и небо, дочь луны и черных вод танцевала дивный танец. Белые душистые цветы звездочками сияли в мятущейся тьме ее длинных волос. Обнаженное тело обливал

мягкий свет. Луна долго взирала с небосклона на любимую дочь, внимая ее песне и любуясь танцем. Ночная странница, дрогнув, вновь заскользила по небосводу. Легкими шагами дева вышла на берег. У водной кромки ее ждал давно и неисцелимо пораженный страстью рыцарь. Его глаза горели властным и нежным огнем. И дева, затрепетав, опустила свой взор. Их приняло цветочное ложе, а ночь ласково укрыла влюбленных затканым звездами покрывалом.

Ранним утром путешественники уже были на ногах. С каждой лигой все явственнее ощущалось присутствие Реки. Разведчики в тревоге переглядывались: запретный западный берег приближался. Он манил и пугал. Какая она, родина князя? Когда миновал полдень, путники устроили привал. Атни в который уже раз подступил к Хаггару:

– Господин, пожалуйста, возьми меня с собой! Я же твой оруженосец! Не будь таким неумолимым!

– Брось, Атни. Ведь я уже все объяснил: твое место среди раэнорцев. Не годится бросать свою страну в тяжелые времена, пусть даже ради господина, которому служишь. Хотя не мне об этом говорить. – Он помрачнел и замолчал.

– Но Ирлинг и Румиль...

– Перестань. – Хаггар взглянул на поникшего парня с отеческой нежностью. – Экий ты глупый! Чужая земля, чужие нравы.

– Ведь ты туда ненадолго!

– Вот именно. Арандамарцам не надо знать, кто я теперь. Пойми, для них я наследник правителя. Мой уход в Раэнор для многих предательство.

– Почему? Ведь это не так, господин!

– Для тебя. Там все по-другому. Эх, Атни, мне самому жаль с тобой расставаться. Чем-то ты мне напоминаешь брата Хэльмира. Вот с кем бы вы сошлись! Но это невозможно. Ладно, не вешай нос, друг! Не успеешь оглянуться, я вернусь. А пока помогай княгине. Когда Ворондил уйдет с последним обозом, тебе многое придется взять на себя. Помни, чему я тебя учил. Не подведи! А теперь иди, собирайся. Мы едем.

Хаггар обошел лагерь, ища Румиля. Телохранитель сидел под ольховым деревцем, опершись спиной о тонкий серый ствол. Он снова что-то записывал в свою потрепанную тетрадь.

– Румиль, может, поговорим? – Хаггар подошел к нему и сел рядом. Телохранитель удивленно взглянул на него, но кивнул, пряча тетрадь в дорожную сумку. – Через несколько часов я вас покину. Меня ждут у Реки. Князь продолжил после небольшой паузы:

– Я не уверен, что мне суждено вернуться. Надо же, только тебе и могу признаться! – Румиль внимательно смотрел на него. – Не ехать я не могу. Это мой долг. Взять с собой Элен тоже не могу. Да она и не поедет. Я оставляю ее, Румиль. И оставляю в тяжелый час. Думаешь, к чему я все это тебе

говорю? Объясню. Друзьями мы с тобой так и не стали. Но ведь мы и не враги? – Телохранитель все так же выжидающе смотрел на Хаггара. – Будь рядом с ней. Тяжело мне даются эти слова! Сам бы должен беречь. Укрывать от ветра, пылинки сдувать, не давать коснуться нелюбящему взгляду... Эх! Князь с досадой стукнул кулаком по колену. Рука телохранителя легла ему на плечо. Хаггар поднял голову.

– Ты любишь Элен. Береги ее.

Хэльмир не находил себе места от нетерпения. Вчера он выслал разведчиков в глубь леса и теперь ждал их возвращения. Хэльмир больше двух лет не видел брата. Хаггар никогда не сидел дома, но такой долгой разлуки у братьев еще не было. И сейчас кто мог точно сказать, увидятся ли они? Хаггар уехал один, никому ничего не объяснив. Отец от гнева и тоски долго не мог прийти в себя. Гонцы с востока не возвращались. Жив ли он? Только бы встретиться снова! Хэльмир условился с Хьюрином, что они будут ждать здесь, в Элиндоре, в самом сердце Тинтаура, неделю. Срок истекал завтра.

– Господин, Астальд возвращается! – прервал размышления Хэльмира один из его воинов. На поляну вышли несколько человек в светло-зеленой одежде с луками за спиной.

– Господин, они едут! – взволнованно доложил один из них.

– Капитан с ними?

Астальд переглянулся с остальными.

– Они далеко были. Не разглядеть. Кажется, с ними.

– Хьюрин точно там, – вставил другой разведчик.

– Идем навстречу. Быстро! – скомандовал Хэльмир и первым вышел из леса на широкую поляну.

Путники, не спеша, ехали по лесной тропе. Хэльмир увидел их и замер в изумлении. Героями старинных легенд показались ему всадники на высоких благородных конях, в легких, невиданных в Арандамаре одеждах. Первыми ехали спокойные, величавые владыки: гордый властитель, а с ним прекрасная женщина. Их лбы венчали короны с ослепительно сверкающими на солнце алмазами. Сопровождаемые молчаливой свитой, владыки вскоре остановились, развернув коней в шеренгу. Хэльмир и верил, и не верил. Неужели этот исполненный грозной силы, благородный муж его брат? А женщина, из-за которой он покинул Арандамар... Хэльмир чуть не вскрикнул. Это она, та фея из его снов! Тогда Хадинг говорил ему... Хадинг?! И Хэльмир, не отрываясь, смотрел в спокойные, немного печальные лица. Меж тем владыка обернулся к своей спутнице и, поцеловав ее руку, с нежной улыбкой, какую Хэльмир никогда раньше не видел, что-то сказал ей и склонил голову. Она возложила ему на чело руки, и ее гордое лицо на миг утратило спокойствие. Затем спутники князя спешили и, преклонив колена, отсалютовали господину. Последним Хаггар простился с хмурым черноволосым человеком, единственным из всех, кто, кро-

ме госпожи, не покинул седло. Наконец князь тронул коня, направив его к ждущим арандамарцам. За ним последовали еще двое Хьюрин и юноша в богатых одеждах. Глядя на приближающегося брата, Хэльмир внезапно почувствовал тоску. Он с ужасом обнаружил, что не хочет возвращения Хаггара! Нет, не из выгоды, не из корысти. Он не дрожал за трон правителя. Как раз к нему он никогда не стремился. Ему стало жаль, мучительно, до слез жаль, той сказки, из которой нещадно вырывала Хаггара жизнь. Пусть бы он жил в мирном краю, пусть бы любил эту гордую и печальную женщину! Но витязь приближался. Ветер разметал по его плечам длинные черные кудри, раздувал алый плащ, теребя складки прозрачных шелковых одежд, украшенных самоцветами и золотым шитьем.

Наконец князь подъехал к застывшим в растерянности арандамарцам. Ехавший с ним юноша спешил первым и придержал повод княжеского коня. Хэльмир удивился. Вот ведь, пригож, как юная дева, а по всему видно, что не робок. И меч на поясе не зря висит. Неожиданно юноша опустился перед князем на колени.

– Благослови меня, господин.

Не удивившись, князь, как перед тем его спутница, возложил свои тяжелые ладони на голову юноши и тихо сказал:

– Да будут милосердны к тебе наши веселые боги. И Единый пусть прольет свет в твою душу. Встань, Атни. Пора. Забирай лошадей.

Юноша медленно встал, с вызовом оглядел арандамарцев и дрогнувшим голосом проговорил:

– Мы будем ждать тебя, господин.

Он вскочил в седло, схватил поводья двух других лошадей и поехал к своим. Князь, не говоря ни слова, смотрел ему вслед. Атни подъехал к всадникам, и княгиня вскинула руку в последнем приветствии, а потом поворотила коня. Когда, не оглядываясь, она исчезла за деревьями, остальные последовали за госпожой. Через минуту поляна была пуста. Хэльмир молчал, не решаясь подать голос. А стоявший рядом с ним человек все смотрел туда, где скрылись пришельцы, не смея порвать соединявшую их нить. Но она натягивалась все туже, и все невыносимее была боль, разрывающая сердце. Не в силах больше терпеть, но и не желая поддаваться тоске, князь обернулся к застывшему в молчании брату и, раскрыв объятия, сказал:

– Вот я и вернулся.

Всю дорогу до столицы княгиня молчала. Румиль разделял с госпожой ее задумчивую грусть. Велемир со своими ребятами мудрил над картами, занося в них какие-то пометки. Только Атни, подавленный и растерянный, ехал один, глядя перед собой невидящими глазами. Разведчики пытались было расшевелить его, но Велемир строго приказал им оставить парня в покое. Элен время от времени участливо взглядывала на юношу. Она понимала, что творится в его душе. Когда

решаешь пройти свой путь за достойным наставником, а он вдруг уходит, оставляя тебя одного, очень трудно поверить в себя и решиться на первый самостоятельный шаг. Во время одного из ночлегов княгиня подозвала оруженосца мужа к себе и велела сесть рядом.

– Знаешь, Атни, какая тоска неизбывнее всех?

Понуро молчавший оруженосец покачал головой. Элен положила руку ему на плечо:

– Тоска по учителю. По тому, кто может дать силы и знания, кто поведет вперед, кто наполнит жизнь смыслом. Атни коротко вздохнул, а Элен продолжила:

– Многие так и не встречают своих учителей. Тебе повезло. Цени это. Помни все, что дал тебе Хаггар.

– Почему он ушел, госпожа? Почему бросил нас?

– Он не бросил нас, Атни. Думаешь, князю хотелось возвращаться в Арандамар? Он выполняет свой долг. Это еще один его урок для тебя.

По дороге можно было останавливаться в гостиницах со всей необходимой утварью, но путники предпочитали ночевать в палатках. На сердце и так было невесело, а вид брошенного жилья окончательно лишал присутствия духа. Они подъехали к Дол-Раэну, когда стемнело. Ущербная луна была в зените. Разведчики остановились полюбоваться спящей столицей. Вдруг Фенгель, взглянув на небо, вскричал:

– Смотрите, сполохи! Как здорово!

В ясном темном небе трепетали прозрачные мерцающие

паутинки.

– Если бы ветер оделся плотью, он был бы таким, – обратилась Элен к Румилю. А потом на них обрушился звездопад. Княгиня засмеялась:

– Светлая богиня надежды дает нам свой знак!

Глаза Атни заблестели. Он неотрывно глядел на пылающие золотинки, дождем льющиеся на спящий город.

Последний обоз уходил из столицы. Сотни повозок выстроились на Северной дороге. Воины столичного гарнизона со своими семьями, купцы, уже отославшие родных, но сами задержанные делами, те, кто ждал до последнего не в силах расстаться с родиной, собирались в дальний путь. Город опустел. Некому стало охранять даже стены столицы.

– Госпожа, поедем с нами! – твердил советник Ворондил. Но княгиня упрямо качала головой.

– Нет. Я жду знак. Возможно, осенью, когда вернется князь...

– Какой знак? Не понимаю! Госпожа моя, границы открыты, я забираю с собой оставшихся dwarves. Столица беззащитна. Безрассудно так рисковать неизвестно для чего! А князь... Оставим здесь небольшой отряд. Они его дождутся и проводят в Хьорланд.

– Нет, Ворондил. Я знаю, что делаю. Не сейчас.

Советник пытался еще и еще, но, наконец, сдался и больше подобных разговоров не заводил. Вся дворцовая челядь

отправлялась с ним. Последние придворные покидали Раэно́р. Жрецы, посетив Святилище в последний раз, тоже уезжали из обреченной столицы. Служители Святилища присоединились к ним. Только Хранитель остался, не пожелав даже переехать во дворец.

И вот настал назначенный день. Княгиня ехала вдоль обоза, прощаясь и благословляя путников в дальний и трудный путь. Наконец по ее знаку тронулись первые повозки. Всадники охраны с гиканьем подгоняли медлительных тяжело­возов. Из повозок доносились слова прощания и плач. Невесело было на душе у княгини. Она все смотрела вслед удаляющемуся обозу и вернулась во дворец лишь тогда, когда исчезла вдали последняя повозка и затих стук колес и грохот подков по узорной столичной мостовой.

Элен медленно шла по дворцовым залам. Вся ее жизнь прошла в этих стенах. Но здесь никогда не было так пустынно. О небо, какая тоска! Осиротевший дворец притих. Не слышны шаги, шепот, смех, нет толкотни и суеты придворных. Затихли разговоры. Исчезли изящные вельможи, ветреные дамы, пожилые сплетницы, беззаботные юноши и веселые девушки. Ушла легкая, суматошная жизнь, протекавшая здесь день за днем. Даже люди на портретах погрустнели! Поникли цветы, растерянно замолчали птицы. Стихла музыка и смолкли песни в княжеских покоях. Девушки-служанки не сновали вокруг, стараясь угодить ее желаниям. Не

было часовых у дверей. Никого! Элен растерянно оглянулась и поежилась. Только не плакать! Она обещала Хаггару быть сильной и надеяться. Но как это трудно! Княгиня вошла в новые покои, заново отделанные для них с князем перед самой свадьбой. Она вспоминала два недолгих года их счастья. С нежностью дотрагивалась до оставленных мужем вещей. Элен вспоминала его тепло, его силу.

– Бедная девочка! Тебе, должно быть, сейчас не по себе, – прозвучал у нее за спиной такой знакомый голос. – Может, поболтаешь со стариком? Все лучше, чем бродить здесь призраком. Ну-ка, посмотри на меня, госпожа моя!

Элен с благодарной улыбкой подошла к Дию и спрятала лицо у него на плече. Старик ласково погладил ее по голове.

– Прячешь глаза? Плачешь?

– Нет. – Она взглянула ему в лицо. – Но мне грустно. Очень.

– Конечно! Что же здесь веселого! Говорилось тебе, езжай с Ворондилем. Уж с ним-то грустно бы не было.

– Да. – Элен усмехнулась. – Знаешь, старый пройдоха, у меня остаться резон есть, а вот ты что здесь делаешь? Может, признаешься, наконец?

– Тебя караулю, моя драгоценная госпожа. Кстати, ты сегодня обедала? И вообще, возможно ли будет теперь обедать? А что с твоими служанками? Неужели ты всех отослала?

– Подожди! – взмолилась Элен. – Все расскажу. Только и

впрямь не мешало бы подкрепиться.

Княгиня подошла к столу и позвонила в колокольчик. Ждать пришлось долго. Только после пятого звонка в комнату торопливо вошла девушка и замерла в почтительном поклоне.

– Лола, нам бы хотелось пообедать. Сходи, узнай, возможно ли это.

Служанка взглянула на госпожу и тихо произнесла:

– Уже обо всем распорядились. Обед подадут в твои покои, госпожа. Я пока приготовлю стол.

– Хорошо, детка. Дию, давай присядем.

Они подвинули кресла поближе к распахнутой балконной двери и сели. Элен бодро начала:

– В тяжкую годину бедствий, милый Дию, даже правителям надлежит проявлять скромность.

– Действительно, – крикнул лекарь.

– Да. Именно скромность и неприязнательность вызывают у подданных искреннее уважение. Поэтому отныне я буду довольствоваться всего одной служанкой, решительно откажусь от услуг массажистов, портных и даже (вот он, подвиг!) парикмахера! Суровый быт, испытания таков отныне мой удел. Я, жена воина, докажу всем, как силен мой дух и непоколебима воля.

Дию расхохотался:

– Ты восхитительна, госпожа моя! Воистину, ты пример для всех женщин Раэнора!

– Не требуй от женщин Раэнора слишком многого, друг мой.

– Я рад, что ты шутишь.

– Это смех сквозь слезы, Дию. Не обольщайся.

– И все же, почему ты не уехала? Неужели князь не настаивал на этом?

– Я буду ждать его здесь. – Элен встала и вышла на балкон. Дию последовал за ней.

– Кого? – Она не ответила. – Кого ты ждешь, госпожа?

Элен в смятении обернулась к нему:

– Люди счастливее нас. Их прошлое так легко умирает, тревожа лишь бледным воспоминанием. Для бессмертных все иначе. Прошлое живо во мне. Оно здесь, оно наполняет эти комнаты призраками. Я чувствую его дыхание. Я слышу гулко отдающиеся в дворцовых переходах шаги отца, смех матери, песни брата. Они жили здесь. Древние стены ведут о них свой рассказ. Я слышу их тихие голоса.

Дию, ссутулившись, молчал.

– Я не могу покинуть Раэнор. Для этого прошлое должно умереть.

Элен замолчала, смотря на опустевший город. Раздавшиеся за их спинами шаги заставили обоих оглянуться. Это был Ирлинг с огромным подносом, на котором стояло несколько блюд и кувшин с вином.

– Вот, госпожа, несу! Сегодня, прости, придется довольствоваться малым. Это все из-за суматохи с отъездом. Но

завтра, обещаю, все будет так, как ты любишь.

Малое, которым им пришлось довольствоваться, состояло из легкого супа, превосходной телятины с овощами, винограда и чудесных пирожных. Секретаря тоже усадили за стол.

– Расскажи-ка мне, любезный, как у нас обстоят дела, – подступила к Ирлингу Элен.

– Очень хорошо, госпожа. Ворондил оставил нам триста бойцов. Велемир с Румилем расставляют их на стенах. Думаем, в любом случае нам удастся продержаться несколько часов. А больше и не надо. Подземелья готовы. Не знаю, кто их строил, госпожа, но сделано все на совесть. Даже если сверху горы на нас свалятся, там, внизу, ни камешек не шевельнется.

– А выходы расчистили?

– Заканчиваем. Вот осень наступит, с ближайших полей урожай соберем, и зимовать можно будет туда спускаться.

– Не спеши в подземелья залезать. Это выход на самый крайний случай, – урезонил его Дию. – Ты мне вот что скажи, уехала все-таки Мелита?

– Уехала, – вздохнул секретарь.

– Надо же, уговорил! А ведь как она не хотела!

– Так и не поехала бы, если бы не Лисичка.

– Хорошенькая у тебя дочка, – улыбнулась Элен. – Вся в отца.

Ирлинг зарделся от удовольствия.

– С родителями отправил. Какой здесь прок от нее с ребенком?

– Конечно. Да ведь и разлука ненадолго. Дождемся князя и в путь, – уверенно заключил лекарь.

Как и полагал Ирлинг, жизнь во дворце наладилась через несколько дней. Но для этого всем пришлось немало потрудиться. Элен должна была заняться вещами, о которых имела смутное представление. Вместе с поварами княгиня проинспектировала съестные запасы, распорядилась дать в помощь Дию нескольких солдат, и те уехали за город собирать травы, с Атни и Велемиром проверила городскую стену. Окружавший дворец канал к этому времени уже был расчищен. Солдаты натаскали из ближайших домов всякого кинутного добра и соорудили ограждение. Однако никто из ранорцев не имел понятия о том, как оборонять осажденный город. Даже выдавший виды Велемир разводил руками, когда Элен спрашивала его советов.

– Да откуда же я знаю, госпожа, выдержат наши ворота таран или нет! – хватался он за голову. – Я этих таранов не видел никогда!

И тут на помощь княгине пришел оруженосец князя. Он недаром провел два года с опытным арандамарским полководцем, внимательно выслушивая и запоминая его советы и наставления. Атни всерьез принял слова князя о том, что должен быть полезен родине. Он так рьяно и толково взял-

ся за подготовку обороны, что Элен назначила его командиром их маленького гарнизона. Воины, сами ненамного старше Атни, восприняли его назначение, как должное. А уж самого юного командира, польщенного таким доверием, подгонять не было нужды. Скорее наоборот, княгине то и дело приходилось ограничивать порывы усердия своего военачальника.

– Внезапное нападение нам не грозит, – со смехом говорила Элен Велемиру, прогуливаясь с ним по опустевшей площади Фонтана.

– Это точно. Дозорные так и спуют по стене. Но это и хорошо. Пусть привыкают.

– Когда ты уходишь в разведку?

– Денька через два. Надо бы посмотреть, что на Востоке делается. Что-то мне неспокойно. Чует мое сердце беда оттуда придет.

– Думаешь, не обойдется?

– И не надейся, госпожа. Дело времени. Соседи у нас всегда были не обрадуешься. Люди здесь жили припеваючи и не знали, что за них на границах дверги отдуваются. А сейчас некому сдерживать любопытство любителей легкой поживы. Так что Атни молодец. Спасибо князю, умный человек. Делу его научил. Видно, давно знал, что самому уехать придется. Да и вообще, чем больше у нас толковых людей, тем лучше.

– До какого ужаса мы дожили, Велемир! – воскликнула Элен.

– Э, госпожа, поверь, это еще не ужас. Тяжело, конечно, насиженные места оставлять, но есть вещи и пострашнее. Будем надеяться, что они-то нас минуют.

– Будем надеяться, друг мой.

В заботах пролетело лето. К середине сентября неожиданно испортилась погода. Едва успели собрать урожай, пополнить запасы подземелий свежими фруктами и овощами, и засыпать в хранилища обмолоченное зерно, как налетевший из-за гор ветер нагнал сизые тучи. Солнце скрылось за свинцовой пеленой. С каждым днем сумерки наступали все раньше. Холодный дождь лил не переставая. Жарко топились дворцовые каминь, но въедливую сырость уничтожить не удавалось. Непривычные к такой осени раэнорцы приуныли. К концу сентября разведчики вернулись из похода. Велемир доложил княгине, что все восточные дороги забиты войсками.

– Они торопятся, госпожа. Так что мы пока можем быть спокойны.

– Значит, война на Западе началась?

– Да. Боюсь, долго мы не увидим князя. Лучше бы ему не ездить за Реку. Княгиня загрустила. Значит, Хаггар осенью не вернется. Кроме тревожных вестей с Востока, Велемир привез Элен письмо от Итиса. Хранитель благодарил княгиню за помощь. Солдаты время от времени наведывались в Святилище, собирали вместе с Хранителем урожай и поддерживали долину в порядке. Когда Элен прочла письмо, ей

захотелось увидаться с отшельником. Да и в Святилище она не была давно, со времени весеннего благословения. Но когда княгиня заикнулась о своем желании в разговоре с Дио, тот ужаснулся:

– Ехать в горы в такую погоду?! Дорогая моя госпожа, ты, видно, решила себя погубить! Погоди, вот появится солнце...

– Оно не появится. Долго не появится. Может быть, нам вообще больше не суждено его увидеть. Ты что, не понял? Морн начал войну.

– Тем более! Если ждать беды, то со стороны гор.

Но все доводы и уговоры были бесполезны. Вскоре Элен с маленьким отрядом выехала в Святилище. К удивлению княгини, Атни решил сопровождать ее и теперь ехал рядом. Путешествие отняло гораздо больше времени, чем обычно. Приходилось часто спешиваться и вести лошадей под уздцы. Разлившиеся из-за бесконечных дождей ручьи кое-где размыли дорогу. Дважды солдаты убирали с пути оставленные оползнями камни. Во время одной из остановок Атни несмело обратился к Элен:

– Госпожа, прости за вопрос.

Княгиня ободряюще улыбнулась:

– Спрашивай. Как ты думаешь, господин вернется?

Атни сам испугался своих слов. Княгиня спокойно ответила:

– А он обещал тебе вернуться?

– Да.

– И мне обещал. Князь свои слова ценит и на ветер их не бросает. Он вернется.

Отряд въехал в долину Святилища при тусклом свете чадящих, шипящих под дождем фонарей. В темноте смутно мигал свет в окнах единственного жилого дома. Остальные строения растворились в мутной черноте. Итис не ждал гостей. Он не сразу вышел на стук, но, увидев княгиню, откинувшую с лица капюшон, радостно улыбнулся и пригласил путников в дом:

– Не ждал вас в такой дождь. Проходите к камину. Сейчас я согрею вина.

Хранитель подбросил угля в затухающее пламя и придвинул поближе к камину длинную скамью. Солдаты с облегчением скинули насквозь промокшие плащи и, усаживаясь, вытягивали поближе к огню ноги в мокрых сапогах. Атни принес из глубины просторной комнаты кресло, усадил в него княгиню и закутал ее в плед, сам же принялся помогать Хранителю разогревать ужин, заваривать травы и накрывать на стол.

– Госпожа, прости за скудное угощение, – рокотал Итис, расставляя тарелки и блюда. – Не знал, что осчастливишь меня своим приездом, а то бы принял, как подобает твоему сану.

– Оставь эти церемонии. – Элен взяла из рук Атни глиняную чашку с горячим пряным вином и сделала глоток. –

Как хорошо! – Она зажмурилась от удовольствия. – У моих поваров так не получается. Итис, раскрой тайну, как ты готовишь этот чудесный напиток?

– Не проси, госпожа. Чем же я тогда смогу заманить тебя сюда?

– Послушать тебя, мой милый Хранитель, так я просто горькая пьяница! Ехать в такую даль и по такой погоде из-за чаши вина?! Ты бы слышал, как меня отговаривал Дию, как он ругался!

Итис усмехнулся:

– Я бы тоже отговаривал. Но взамен благодарю тебя, госпожа, что не поддалась на уговоры.

Наконец ужин был готов. Гости уселись за стол, бывало, вмещавший и более внушительные компании, и принялись за еду, когда вернулись посланные устроить лошадей в конюшню солдаты. При виде их унылых фигур в мокрых плащах все почувствовали облегчение оттого, что они сидят здесь, за столом, в тепле. Когда трапеза закончилась, Атни с солдатами отправился в соседний дом устраиваться на ночлег. Оставшись одни, Элен и Итис сели в кресла у камина. Княгиня не решалась начать разговор, ради которого сюда приехала. Хранитель задумчиво смотрел на пламя в очаге, не желая замечать ее затруднение. Наконец Элен тихо позвала:

– Итис.

Он не отвел взгляда от огня.

– Я слушаю тебя, госпожа.

– Я приехала за тобой. – Она со страхом замолчала, ожидая ответа, но он лишь слегка шевельнул ресницами. – Ты слышал меня? Завтра, самое позднее послезавтра нам надо покинуть Святилище.

– Ты права. Вам не стоит оставаться здесь надолго. Даже я признаю, что это небезопасно.

– Тебе тоже.

Княгиня и не думала скрывать раздражение. Хранитель это заметил и впервые за вечер взглянул ей прямо в лицо:

– К чему нам эта игра, госпожа? Ты же знаешь, я никуда не поеду. Успокой свою совесть. Ты выполнила то, что считаешь своим долгом: приехала сюда, невзирая на опасность. Но признайся, неужели ты и вправду верила, что я покину Святилище?

– Нет. – Элен опустила голову. – Но я надеялась. Итис, мне страшно за тебя! – Она в отчаянии сжала его руку. – Уедем! Ведь боги живут не в Святилище, а в нас. Когда умираем мы, умирают и они. Мы должны жить! Только так мы можем спасти их от забвения. А ты... Священный огонь горит в тебе так ярко! Разве ты не должен его беречь?

– Ах, госпожа моя, возможно, ты и права. Ты жрица Единого. Его возлюбленная дочь. Тебе он дает свои знаки. Может, для тебя все так, как ты говоришь. Ведь твоя жизнь длится гораздо дольше, чем моя. Да, наверное, в этом все дело. Уходи. Уноси наших солнечных богов в своем сердце.

Пусть там, далеко на севере, они снова танцуют для нашего народа. Но я всего лишь человек. И в эту жизнь призван, чтобы быть Хранителем священного места. Святилище мой дом, и я его не оставлю. Мы с тобой можем говорить о предназначении и долге, о спасении и преступности стремления к гибели, но ты, жрица, знаешь так же, как и я, что все это слова. А правда в том, что ты уедешь отсюда, а я останусь. Навсегда. И давай не будем омрачать короткую встречу бесплодными спорами.

Элен впилась взглядом в мерцающие глаза Хранителя, но не прочла в них ни тени сомнения. Его лицо было безмятежно-спокойно. Он был сильнее. И тем безысходнее была ее тоска. Откинувшись в кресле и закрыв глаза, Элен заплакала. Жрец не утешал. Он будто и не видел ее слез – признака слабости, которую он не хотел обнаруживать в своей госпоже. Итис немного подождал, а потом встал и, будто и не было мучительного разговора, заметил:

– Тебе надо отдохнуть. Я знаю, что женщинам в твоём положении волнение и усталость вредны. Да и верхом ты поехала зря.

– Что? – княгиня в изумлении взглянула в невозмутимое лицо Хранителя. – Как ты узнал? Даже Дию, мой лекарь, еще ни о чем не догадывается!

– Прости, не верю. Твои глаза говорят об этом слишком ясно. Думаю, Дию ждет, когда ты сама ему откроешься.

Элен отвернулась от него и в смятении всплеснула рука-

ми:

– Я, наверное, сумасшедшая. Над нами смыкается тьма. Впереди бегство из Раэнора. Муж ушел в поход, вернуться из которого чудо. – Итис хотел был что-то сказать, но промолчал. Элен продолжала:

– Сколько причин для отчаяния! Но нет! Эти слезы первые. Итис, в моем сердце такая радость! Вопреки всему. Главная причина того, что я осталась здесь, отказавшись уехать с обозом, ребенок, которого я жду. Он должен родиться в Раэноре.

Рука Хранителя мягко легла на ее плечо.

– Я тобой горжусь, госпожа. Когда требуется, ты умеешь быть сильной. Ты права, не поддавайся отчаянию. Не ему быть спутником наследника раэнорских князей. Боги с радостью благословят твое дитя. И для меня счастье знать, что твой род достойно продлится. А теперь пойдем, тебе надо отдохнуть.

Элен встала и, кутаясь в плед, пошла вслед за Хранителем. Ее покои, занимавшие всю левую половину здания, встретили хозяйку холодом отсыревшего, нежилого дома. Поразительно, как испортилась погода. Итис зажигал светильники, будто не замечая подавленности Элен.

– Так мы и до настоящей зимы доживем. Я в своем скромном жилище с трудом противостою сырости. Не представляю, как вы справляетесь с ней во дворце.

Он принялся разжигать камин. Элен ходила по комнатам,

как будто впервые их видя. Раньше здесь суетились служанки, нежная роскошь служила для того, чтобы поддержать радостное возбуждение от предчувствия праздника. Сейчас же...

– Мне холодно, Итис. – Не в силах унять озноб, она подошла к камину и протянула ладони к пламени.

– Потерпи, госпожа. Вода готова. Горячая ванна с лавандовым маслом великолепное средство от усталости и хандры.

– Целый день в седле. Дию был прав, я слишком безрассудна. У меня не осталось сил. Почему я не взяла с собой Лолу?

– Потому что здесь есть я. – Элен с таким изумлением взглянула на него, что Хранитель рассмеялся: – Я не хочу занять место твоего мужа! Более того. Рискуя вызвать твой гнев, признаюсь: твоя красота надо мной не властна. Ты для меня не желанная женщина, а сестра по служению. Твое совершенство – лишь правильно истолкованный знак избранности. Поэтому не стоит пронзать меня презрительными взглядами. Пока ты будешь отогреваться в ванне, я приготовлю успокаивающий отвар, а потом провожу в постель, разотру ноги и почитаю на ночь.

Элен покорила. И, уже засыпая, сквозь дремоту слыша бархатный, глубокий голос Итиса, рассказывавшего историю любви лесных духов, пробормотала:

– Ты лучший Хранитель Святылища.

Она заснула. Итис еще долго сидел у ее ложа, в задумчивости глядя на прекрасное, спокойное лицо жрицы. Заглядывая в далекое прошлое, он вспоминал тот первый раз, когда увидел ее, бессмертную избранницу богов.

Он родился в Дол-Раэне. Его родители, знатные раэнорцы, вопреки обычаю покинули дворец и переехали жить в Северный квартал, в дом его отца. Там в покое и любви прошло его детство. Из младенчества Итис помнил только нескончаемое лето, огромный розовый сад, светлые комнаты, из-за своей величины казавшиеся полупустыми даже во время редких приемов. Итис был единственным ребенком, баловнем многочисленной родни. Но среди всеобщего обожания он все время чувствовал на себе пристально-требовательный взгляд отца. Свой десятый день рождения Хранитель помнил отчетливо. Именно тогда отец объявил ошеломленным гостям, что решил отдать сына в Святилище. Итису потом долго снились последовавшие за этим плач, уговоры, угрозы.

И вот, рассказав о предстоящем ритуале-испытании, его в первый раз ведут в Святилище. Там вместе с десятком таких же робких, растерянных мальчишек он впервые увидел жрицу Единого. Она взошла по широким ступеням и встала перед ними, грозная в своей отрешенной красоте. Итис до сих пор помнил, какой ужас испытал, увидев ее застывшее лицо с широко открытыми неподвижными глазами. Этим невидя-

щим и в то же время засасывающе-бездонным взглядом она медленно обвела оцепеневших от страха детей. Кто-то сразу опускал глаза, кто-то, решившись, лишь на миг встречался с ее взглядом. Только Итис, как будто почувствовав сильный толчок в спину, подался вперед и окунулся в черную мглу огромных глаз. Забыв себя, он погружался все глубже и глубже. Итис очнулся так же внезапно, как впал в забытие. Прикрыв волшебные глаза-озера ресницами, жрица улыбалась ему.

Потом была ночь посвящения. Их привели в Святилище и оставили одних, велев встать в круг. Темнота стремительно сгущалась. Собиралась гроза, и лилово-черная туча медленно сползала с гор в долину. Ее недра освещались синими сполохами. Кто-то из мальчиков отчаянно, громко заплакал. Остальные молчали. Они изо всех сил крепились, чтобы не убежать. Могучие раскаты грома сотрясали горы, отдаваясь эхом в безжизненных скалах. Когда туча закрыла небо, из черноты вырвался огонь, пронзая воздух и обжигая землю. Грохот потряс долину. Дети с визгом попадали на холодный каменный пол Святилища. Они в ужасе закрывали руками головы. Итис же, глядя на надвигающуюся грозу, вдруг ощутил сильное, незнакомое волнение, в котором не было ни капли страха. Он с нетерпением ждал первых молний. Когда огненные стрелы вырвались из небесных глубин, вспоров иссиня-черную мякоть туч, чувствуя жар во всем теле, он раскинул руки и, глядя вверх, шагнул навстречу небесному ог-

ню. Неистовство все сильнее овладевало Итисом. Он пошел к возвышавшемуся над площадкой высокому черному камню. Исполин привлекал к себе молнии. Огненные струи хлестали гранит. Итис шел, и путь казался бесконечным. Ошеломленный сотрясавшей его худенькое тело яростной радостью, он почти наощупь взобрался на камень и застыл, закинув голову и широко раскинув руки. Не помня себя от восторга, он кричал, смеялся, танцевал, а затем прямо перед ним появился огненный шар и беззвучно взорвался, рассыпая синие искры. Потом была чернота.

Когда Итис очнулся, то узнал, что его в глубоком беспомытстве нашли на вершине священного камня.

– Такой грозы никто из нас не припомнит, – рассказывал ему дежуривший у его постели старый служитель. – Твой отец, господин, хотел бежать в Святилище. Видимо, передумал и решил тебя забрать. Но жрица запретила. Она сказала, что почти уверена тебе огонь не страшен. Она не ошиблась. Теперь поправляйся.

Итис еле слышно прошептал:

– Где отец? – Слова давались ему с трудом. Все тело ныло, голову обручем сжимала боль.

– Уехал. Жрица отослала его. Сегодня двенадцатый день твоего беспомытства. Что бы он делал в долине все это время?

– Двенадцатый?

– Да, господин мой. И слава богам, ты наконец-то вне

опасности. Отдыхай и не тревожься. Мы пошлем твоим родным весть о том, что ты поправляешься.

Так Итис остался в Святилище. Поначалу он смущался до слез, когда, завидя его, все бросали свои дела и низко ему кланялись. Потом начались занятия с суровыми служителями. Они разъясняли ему премудрости астрологии, толковали историю богов и их княжества, загромоздили его покои неподъемными книгами и старинными свитками. Все это было в тягость ребенку. Он потерянно бродил по своему новому роскошному дому, плача от одиночества. Как непохоже было холодное поклонение Хранителю на нежную любовь родителей к единственному чаду! А потом, когда тоска стала нестерпимой и мысли о побеге уже не казались такими кощунственными, в Святилище приехала жрица Единого с четырнадцатью спутниками. Ему пришлось встретить их как хозяину. Она же ни разу не дала ему почувствовать его возраст, обращаясь с неподдельным почтением. Как он волновался перед своей первой службой! Судорожно повторяя про себя слова древнего гимна и последовательность ритуала, он шел по освещенной факелами дороге, держа за руку строгую, гордую деву с повелительным взглядом. Жрица ни жестом, ни словом не подбадривала, не утешала юного Хранителя. Она не оскорбила его недоверием. Со спокойным достоинством, равная с равным, она вошла на каменное плато Святилища. Смущаясь, Итис впервые запел гимн, раскачиваясь и хлопая в ладоши. Сначала он пел для красивых мужчин и

женщин, стоявших на постаментах и слушавших его тонкий, чистый голос. Но вскоре действие захватило его. Уже знакомый восторг обжег, разгораясь жарким огнем.

С тех пор это пламя живет в нем, то тихое, как огонек потухающего костерка, то неистовое, как пожар в недрах земли. И с тех пор он видит богов так же ясно, как людей. Жрица неслышно дышала во сне. Итис впервые понял, как она красива, когда уже был взрослым мужчиной. Тогда она приехала в Святилище со своим другом альвом. Жрица любила то время, когда зацветали апельсиновые деревья. Вместе со своим гостем она бродила в садах с утра до поздней ночи. Хранитель нечаянно столкнулся с ней, когда она бежала по спускающейся от озера тропке. Княгиня весело смеялась. Ее лицо сияло задором и счастьем. Остолбнев от изумления, Итис не мог поверить, что эта юная, полная детского веселья дева – неприступная жрица с холодными глазами. Однако он, один из всех, предпочитал видеть ее строгой дочерью Единого. Его сердце было свободно от любви, всецело отданной богам.

Ночь длилась. Тьма не торопилась рассеиваться. Дождь все лил. Но Хранитель чувствовал – утро недалеко. Он проверил огонь в камине, поправил сбившееся одеяло и пошел к себе.

Весь следующий день Элен и Итис провели в сокровищнице Святилища. Они тщательно паковали и аккуратно вносили в список самые ценные книги, украшения, обрядовые

одежды. Конечно, служители многое уже увезли. Но то, что осталось, тоже заставило Элен задуматься.

– Не представляю, как мы потащим все это в Хьорланд. – Она растерянно оглядывала громоздящиеся вокруг коробки и ящики.

– Возьми лишь то, что не можешь оставить. Остальное спрячь в тайники. Когда-нибудь ты или твой сын вернетесь за ними, – подсказал Хранитель.

– Ты все говоришь о сыне. А может, у меня будет девочка, маленькая княжна!

– Вряд ли, госпожа. Я видел твоего мужа. Его ребенок будет воином. Так же, как отец.

– Я бы этого не хотела.

После обеда Итис собрался на прогулку. Элен попросилась пойти с ним. Тепло одевшись и закутавшись в плащ, она вышла из натопленного дома на улицу, под нудно морозящий дождь. Фонари тускло горели, не в силах рассеять серую мглу. Медленно шагая по выложенным камнями дорожкам, Элен оглядывалась, не узнавая долину. Петлявшая меж полей речка разлилась. В том месте, где был горбатый мостик, по которому она перебежала, чтобы попасть к озеру, из мутной воды торчали лишь перила. Лавандовые поля превратились в бурые вязкие топи. В апельсиновых садах дождь стучал в маленькие тугие барабанчики, а в оливковой роще шелестел, стекая по мягким бархатистым листьям. Очертания гор в полутьме были размыты, как будто дождь одолел

и камень.

– Какое уныние! – шептала Элен. – Как ты здесь будешь один?

– Я же объяснил тебе, госпожа, – терпеливо ответил Хранитель. – Я не могу уехать. К тому же, я здесь не один.

Не скрывая раздражения, Элен в досаде отвернулась от него:

– Когда все в тебе нуждаются, обрекать себя на затворничество и бессмысленную гибель? Твое упрямство преступно.

Итис, глядя на княгиню, миролюбиво улыбался:

– Госпожа моя, к чему нам ссориться? Мы не переубедим друг друга. Каждый уверен, что прав именно он.

– А вот я прикажу своим воинам связать тебя и силой увезу отсюда! – запальчиво выкрикнула Элен.

– Вполне возможно, что я дам себя связать. Не годится причинять вред твоим людям. Но силой увезти Хранителя из Святилища не удастся даже тебе. Вы погибнете вместе со мной. Боги меня не отдадут. Ты же знаешь это.

На следующее утро Элен покидала Святилище. Уже взявшись за повод, чтобы сесть в седло, она обратилась к стоявшему рядом Хранителю:

– Тебе открыто будущее. Скажи, что меня ждет? Я встречу со своим мужем? Буду снова счастлива?

Итис взглянул ей в лицо и медленно, будто разбирая полустертые письма в глубине ее глаз, произнес:

– Тебя ждет долгая дорога. Черная, как отчаяние, красная,

как кровь, и белая, как снег на вершинах северных гор. Ты снова встретишь любовь, лишь обретя покой. А счастье... Я его не вижу.

– Горькое предзнаменование, – пробормотала княгиня. Атни помогал госпоже со сборами. Он ждал, держа стремя, и невольно слышал предсказание Хранителя. Немного помедлив, он робко обратился к Итису:

– Господин!

Хранитель, только сейчас заметив юношу, воззрился на него с удивлением:

– Не ты ли оруженосец князя? Это ты сопровождал его на испытании?

– Я, господин.

– И ты хочешь мне что-то сказать?

– Я... – Атни покраснел и выпалил: – Господин, предскажи и мне!

– Тебе? – Тонкие брови жреца поднялись в изумлении. Он повелительно взглянул юноше в глаза. – Тебе твою судьбу открыл тот, кто знает об этом гораздо больше, чем я. Верно?

Атни ошарашенно глядел на холодно улыбающегося Хранителя, не понимая, как тот догадался о Деве Озера.

– Верно? – еще раз повторил Хранитель и отвернулся от оруженосца. Он взглянул на княгиню, опустился на колени и почтительно поцеловал ее холодную, влажную руку.

– Прощай, госпожа. Да хранит тебя Единый.

Элен вдруг шагнула к нему, обняла и прижалась щекой к

его лбу. Сдерживая рыдания, она прошептала:

– Я все-таки увезу тебя. В своем сердце. Прощай, последний Хранитель танцующих богов Раэнора!

Она резко выпрямилась, села в седло и подала знак к отпавлению. Маленький отряд тронулся. Лошади осторожно ступали по скользким плитам. Поднялся ветер. Дождь остервенело хлестал всадников ледяными струями. Элен сама не знала, что было причиной ее слез – то ли ветер, то ли щемящая тоска.

Вернувшись в столицу, княгиня слегла. Тело горело сухим жаром, глаза слезились, пересохшие губы потрескались, горло царапало, как алмазной крошкой. По ночам приходили кошмары, и она со стоном просыпалась, боясь снова закрыть глаза. Дию не на шутку рассердился на нее за поездку. Но, видя, что дела идут хуже и хуже, оставил поучения и угрозы. Он, как заботливая нянька, все свое время проводил у постели Элен.

Когда болезнь отступила, и старый лекарь разрешил княгине короткие прогулки, она, преодолевая слабость, поднялась на Сторожевую башню и осмотрелась. Тьма сгустилась. Холодный северный ветер разметал дождевые тучи, но небо недолго оставалось чистым. Вскоре его снова заволкло, но вместо промозглого дождя на землю обрушились снегопады. Снег шел без остановки, засыпая поля, погребая под собой опустевшие селения. Снег! Белая пустыня. Элен вытянула

руку. Ее ладонь вскоре наполнилась невесомыми пушистыми хлопьями. Поднеся ладонь к лицу, княгиня ощутила холод и влажный, свежий запах. Свет играл на гранях снежных кристаллов, вспыхивал искрами.

– Он мне нравится, – прошептала Элен.

– И тебя не пугает холод? – Лекарь, слегка запыхавшись после крутого подъема, стоял рядом с княгиней.

– Немного. Но взгляни, какой необычный вид! Этот снег в Раэноре первый.

– И, надеюсь, последний, – пробормотал старик и покопился на застывшую в задумчивости госпожу. – Бедные деревья! Эта зима их погубит. Да и зверью нелегко придется.

– Дию, а что это за огоньки?

– Где? – Справа от полей Кеменьярлосса.

– Это горят поселки.

– Странно. Такая сырость!

– Через наши земли идут войска, госпожа. Они ничего не оставляют после себя. Только пепелища. Хорошо, что обозы успели уйти. Мы бы не смогли сопротивляться этому нашествию.

Элен презрительно хмыкнула:

– Вот она, цена их обещаниям! Значит, страны больше нет.

– Скоро доберутся и до столицы.

– Мы не так слабы.

– Нам не выдержать осады.

– Должны. Наша задача – продержаться до весны. Потом можно и уходить. Пусть забирают все, если будет кому забирать.

Она поежилась. Дию накинул ей на плечи свой плащ и решительно сказал, взяв за руку:

– Пойдем, моя госпожа. Ты должна себя беречь.

Через несколько дней безжалостный врачеватель наконец-то допустил к Элен посетителей. Первым пришел Румиль, пристально ее оглядел, удостоверился, что глаза его ненаглядной повелительницы снова блестят и на щеки вернулся здоровый румянец, поцеловал ее руки и успокоенный ушел. Потом примчался Ирлинг.

– Я, госпожа, на минуточку! – предупредил он. Но его минуточка растянулась на несколько часов. Пройдоха-секретарь рассказал Элен обо всех дворцовых новостях, а потом еще и книжку почитал. Уже вечером он спохватился: – Ой! Опять ничего не успел! Этот злобный мальчишка Атни меня поедом ест. С чего бы, госпожа? А кстати, как поживает Лола? Что-то я ее давно не видел.

– Лола?! – Элен задохнулась от возмущения. – Опять! Ну, голубчик мой, доберемся мы до северных краев, я твоей жеманушке глаза открою!

– Да что ты, госпожа! Я же по-дружески!

– Ты это Атни расскажи. И еще удивляешься, чего он на тебя волком смотрит. Оставь Лолу в покое, Ирлинг. Я приказываю! А теперь ступай.

Ветреник пожал плечами, грациозно поклонился и поспешил прочь от княжеского гнева. Через два дня к княгине пришли Атни и Велемир. Элен со страхом смотрела на разведчика. Он похудел, лицо обветрилось, щеки и подбородок заросли щетиной, под ввалившимися глазами четко обозначились черные круги. Княгиня с тревогой воскликнула: – Что с тобой? – Только из похода. Прости, что оскорбляю тебя подобным видом, но Атни говорит, что время не терпит.

– Да, конечно. – Элен с нарастающим волнением смотрела то на одного, то на другого. – Садитесь. Я слушаю.

Велемир с явной радостью опустил в кресло.

– Мы дошли до Реки, как ты и велела. Это катастрофа. Ты не можешь представить, сколько у нашего соседа войск. Он может задушить Арандамар, просто завалив его трупами. Им не выстоять. В таких случаях обычно говорят о чуде, ведь больше надеяться не на что. Но я в чудеса не верю. И наше положение тоже незавидно. Идти на север сейчас – безумие. Мы, маленький отряд, еле прорвались сквозь окружение. Люди Морна везде. Они грабят, жгут, разрушают. Раэнора больше нет, госпожа.

Капитан опустил голову.

– Ты неправ, капитан, – возразила княгиня. – Если бы все было так, как ты говоришь, земля давно бы опустела. Вражьи войска проходят через оставленную нами страну? Пусть! Представь себе, что они – смерч, ураган. Они пройдут, земля останется.

– Останется пепелище!

– О чем мы спорим! Велемир, ты грустишь, когда видишь в лесу сброшенные оленем рога? “Бедный зверь, -кричишь ты, – теперь он погиб!” Дома, рухлядь, тряпки – пусть эти дикари гордятся тем, что добыли брошенные обноски! Раэнон жив, пока живы раэнонцы. Почему я должна повторять тебе такие простые истины?

Разведчик впервые за время их разговора поднял глаза.

– Одно дело – говорить об этом здесь, другое – видеть в руинах то, что еще недавно процветало. Мне больно. – Его голос дрогнул. – Наверное, я потерял надежду.

– Ты просто устал. Взгляни на себя! Чуть живой. Поешь, выспишься как следует, и мир перестанет казаться таким мрачным.

– Тут дело не в усталости, госпожа! – подал голос Атни. – Велемир не сказал главного. Они с каждым днем все ближе к Дол-Раэну.

Княгиня вскинула голову:

– Они не посмеют.

– Посмеют. Будь уверена. Мы готовимся к их штурму. Но нас мало. И наши укрепления слишком слабы.

Элен удивленно взглянула на него:

– С чего ты взял?

– Мне князь говорил. – При воспоминании о господине юноша выпрямился, расправив плечи.

– Князь ошибался.

– Госпожа, я знаю, что в стенах спрятано много хитрых механизмов, как раз на случай осады, – вставил Велемир. – Но мы ничего в них не понимаем. Мастера, которые могли в них разбираться, ушли. Может, остались чертежи? – Не знала, что вы умеете читать чертежи, – с притворным удивлением протянула Элен. Оба смущенно переглянулись.

– Может, Румиль... – нерешительно протянул Атни.

– Или Дию, – хмыкнула княгиня. – Завтра утром ждите меня у Северных ворот. Время пришло.

– Но как же ты... – робко сказал Велемир, кивнув на ее четко обрисовывавшийся под одеждой живот.

– При чем здесь это? – Элен встала. – Я ношу ребенка воина. И не забывайте: этот город мой. Я не буду сидеть в бездействии, когда ему грозит опасность. – А вдруг Дию не разрешит тебе выходить? – вспомнил Атни.

– Тогда я проплачу весь день, – съехидничала Элен. – Ступайте. Завтра с утра будьте наготове. Работы у нас много.

Тьма над Дол-Раэном была бы непроглядной, если бы не снег. Он все валил и валил из серых туч, закрывших небо от края до края. Казалось, настала последняя, вечная ночь. Только огромные песочные часы указывали на наступление утра, отмеряя для столицы время глухими ударами колокола. Жизнь во дворце замерла. Каминьы топились только в маленьких комнатах прислуги на первом этаже. Там легче было сохранять тепло. В залах и галереях царила стужа. Княгиня, не пожелав переселяться, часто не могла согреться, сидя у

жарко натопленного камина и кутаясь в меха. Однако в это утро она преодолела оцепенение и, тепло одевшись, впервые за много дней вышла из дворца. Дию начал было ворчать, напоминая ей об осторожности, но поняв, что настроена она решительно, только махнул рукой. Госпожу сопровождал Румиль. Он нес фонарь и бережно поддерживал ее под руку. Элен то и дело останавливалась. Она не узнавала столицу. Снег завалил дома, скрыл под собой лестницы и двери. Окна первых этажей были наполовину занесены. Деревья превратились в сугробы. Только кое-где сквозь снежную толщу пробивалась темная зелень. Когда они дошли до стены, княгиня порядком утомилась. Румиль, заметив это, провел ее в привратническую, где она могла немного отдышаться и согреться, а сам пошел за Атни.

– Итак, – начала Элен, когда ее полководец пришел, – начнем готовиться к обороне. Надо разделить войско на четыре отряда, по количеству входов в город.

– Но у нас трое ворот.

– Ты забыл дорогу через дворцовые сады.

– Ну, кто о ней знает?

– Да кто угодно. Все эти бесконечные посольства... В каждом из отрядов выбери по паре десятков смысленных солдат. Их я научу обращаться с механизмами. Остальные пусть готовят камни, котлы, смолу, багры и колья. И еще, Атни. – Княгиня плотнее запахнулась в меховую накидку. – Нам нужны бойцы для отрядов прикрытия. Это на случай отступ-

ления.

– Думаешь, госпожа, нам понадобятся такие отряды? Это же смертники!

– Как я надеялась избежать этого, – устало вздохнула Элен, взглянув на растерянного юношу. – Но боги рассудили иначе. Когда ты сможешь все это сделать?

– Сегодня. Мы готовы, за исключением нескольких мелочей. Нужных людей я могу прислать тебе прямо сейчас. – Прекрасно.

– Элен одобрительно улыбнулась. – Созывай своих молодых. Да пусть прихватят лопаты. Снега под стены намело – не подберешься.

Вскоре княгиня уже объясняла отобранным Атни воинам, как приводить в движение многочисленные осадные машины. Солдаты слушали, разинув рты, (Они и не подозревали, что кроется в хрупких городских стенах), да с любопытством поглядывали на княгиню. Они привыкли видеть ее издали, мельком, на людных празднествах, окруженную пышной свитой. А теперь она была совсем рядом, хрупкая закутанная в меха женщина с бледным, строгим лицом. Она неторопливо объясняла своим ученикам движение каждого механизма, заставляла пробовать, хмурилась, когда завести машину не получалось, и облегченно вздыхала, улыбаясь, когда все наконец приходило в движение. Однако нападать на столицу не спешили. С высоких стен разнорцы наблюдали за проходившими по их земле бесчисленными войсками, движу-

щимися на запад. Поток не иссякал ни днем, ни ночью. Кто шел по своей воле, надеясь на поживу, кого подгоняли пинками и плетьюми. Хорошо одетые, сытые всадники на крепких мохнатых лошадях подъезжали к полузасыпанному рву и со злой радостью на смуглых лицах что-то кричали на своем тарабарском языке и беспорядочно, будто в шутку, стреляли из маленьких луков. Их сменяли высокие статные воины в меховых одеждах с длинными мечами, неутомимо шагавшие в стройных колоннах. Полные надменной гордости, они не поворачивали головы, чтобы взглянуть на засыпанные стены Дол-Раэна. Элен с тоской осознала, что борьба Арандамара с нашествием будет неравной. В такие минуты она с ненавистью вспоминала старого правителя. Зачем тому было втягивать в бойню Хаггара? Не обещал ли он, что сын умрет для него, уйдя из страны? К чему было тревожить мертвецов? Но не всем проходившим мимо столицы удавалось делать вид, что они не замечают осажденных. Время от времени до раэнорцев долетали угрозы и проклятия на их родном языке.

– Проклятая ведьма со своими вырожденками!

– Колдуны! Чтоб вас всех падучая поразила!

– Подохнете с голоду! Затравим вас, как лисиц!

Элен презрительно улыбалась, слыша полные ненависти речи.

– Вот какое мнение о нас у наших соседей, – говорила она стоявшим рядом Румилю и Атни. – Странно. За что они нас

ненавидят?

– Я думаю, от зависти, – пожал плечами Атни. – Взгляни, госпожа, те, кто орет, по уши закутаны в украденное ими из опустевших раэenorских домов тряпье.

– Возможно. Но оставим этих несчастных. Меня занимает другое: почему они не штурмуют стены? Ты что-нибудь понимаешь?

– Честно признаться, нет. Судя по обилию барахла, которое они тащат, поживиться эти паршивцы не прочь. И все же они сюда не суются. Не подходят к стенам ближе, чем на полет стрелы. Госпожа, это, конечно, глупо, но мне кажется, что им запретили.

– Запретили? – задумчиво проговорила Элен и переглянулась с телохранителем. Румиль кивком пригласил госпожу внимательно посмотреть вниз. Вглядевшись в темную шевелящуюся толпу, Элен проследила взглядом за рукой телохранителя и изумленно прошептала:

– Морнийцы!

Всадники Морна! Маленькими черными островками возвышались всадники в пешем потоке, подгоняя нерадивых плетью. И они же обрывали проклятья, несущиеся из исходящих пеной ненависти ртов.

– Вот она, стена, отделяющая их от нас. – Элен показала Атни на зловещих всадников. – Осады не будет. Можно уходить со стен. Пока мы в безопасности.

Сама Элен так и сделала. Она вернулась во дворец, утра-

тив интерес к происходящему за стенами столицы. Атни какое-то время упрямылся, но потом, измученный бесплодным ожиданием, приказал своим воинам отходить. На опустевшей стене остались лишь дозорные. А снег все падал, то неслышно ложась на землю легкими хлопьями, то, подхваченный ветром, вздымался гигантскими сугробами, то вьюжил, плотной белой пеленой заволакивая мир. Все чаще к вою ветра за окнами и в каминных трубах примешивался другой вой, от которого леденело сердце. И все чаще, сначала шепотом, а потом и в открытую осажденные стали поговаривать о заселявших оставленный город призраках. Поначалу разнорцы восприняли новость как странную забаву. Как в детстве, возбуждением горели глаза при рассказах о белесых тенях, неверном мерцании света в окнах опустевших домов, о злобном шепоте. Но возбуждение прошло, когда уходившие в город люди начали бесследно исчезать. Дозорные возвращались с бледными, неподвижными лицами и остановившимся от ужаса взглядом, а потом заболевали. И гасли, несмотря на все усилия Дию, не в силах справиться с чарами.

Элен решилась. Она созвала совет. Когда командиры четырех отрядов, Атни и Велемир пришли в ее покои, она встала и, оглядев измученных, полных сомнений и растерянности людей, сказала:

– Пора. Мы спустимся в подземелья. Снимайте со стен дозоры. После минутного молчания, воцарившегося после ее слов, Атни воскликнул:

– Еще не время!

Его поддержали:

– Мы сами себя погубим!

– Вот уж впрямь, замуруют нас заживо, как лис в норах!

– Это безумие!

Элен не прерывала, не останавливала. Наконец Атни взволнованно спросил: – Объясни, почему ты считаешь, что время пришло.

Она пожала плечами:

– У нас нет выбора. Вы можете предложить что-то еще?

Один из командиров чуть слышно пробормотал:

– Как только мы уйдем со стен, они войдут в город.

– Никто из живых больше не войдет в Дол-Раэн. Не людей нам надо бояться. – Тогда тем более не надо лезть под землю, – поддержал командира его сосед. – Для хозяйничающих в столице призраков подвалы – дом родной.

– Ты ошибаешься, – спокойно возразила княгиня. – Как-нибудь я объясню это тебе и остальным. Как только мы спустимся в подземелье, оборотни оставят нас в покое.

– Откуда эта уверенность? – хмуро спросил еще один из пришедших.

– От знания, – устало ответила княгиня. Взглянув на Атни, она сказала: – Ты знаешь мое мнение. Решай. Он, хмуро взглянув на соратников, ответил:

– Хорошо. Но не сейчас. Завтра.

И все же какое-то время после их разговора дозоры еще

выставлялись и дворец освещался сотнями свечей. Раэноры не спешили спускаться под землю. Княгиня не торопилась. Она чувствовала, что ждать осталось недолго. Вскоре к несшимся с опустевших улиц унылым звукам и к смутным белесым теням, сливавшимся с непрерывно падающим снегом, прибавился безотчетный страх и приступы жгучей тоски. Люди слонялись по дворцу, понурые, безразличные ко всему, с пустотой в глазах. Командиры в тревоге сообщали Атни о случаях неподчинения их приказам. Темное, мутное небо, сковывающий холод, несмотря на то что каминные печи во дворце пылали вовсю, и снег, белый, безразличный ко всему, сводили с ума. Элен редко выходила из своих покоев. Дию пропадали в подземельях. Оставшихся слуг он заставил работать над благоустройством их будущего жилья. Он посещал княгиню редко, заглядывал на минутку, вглядывался в лицо и уходил.

– Вот, госпожа, теперь ты знаешь, кто больше всех тебе предан, – торжествующе говорил Ирлинг, свысока поглядывая на утомленного старика. – Этот нерадивец, случайно, по недосмотру присвоивший себе звание Главного лекаря, но потом выведенный на чистую воду возмущенными собратьями по ремеслу, тоже, впрочем, не слишком учеными, пренебрегает возложенным на него почетным долгом – следить, не спуская глаз, за твоим драгоценным здоровьем. Вместо этого пронырливый старикан наверняка бездельничает у себя в логове, отговариваясь тем, что в поте лица трудится в

подземельях. Тем же самым, я уверен, занят и твой “верный” телохранитель, наш весельчак Румиль. Где он сейчас?

– Румиль выполняет мои поручения, – невозмутимо ответила Элен.

– Твои поручения, о моя добрая, наивная госпожа?! – Секретарь развел руками. – Да, я понимаю. Он так тебе дорог, что ты поручила ему по десять раз на дню проверять содержимое кастрюль на кухне, а после каждой трапезы отдыхать, чтобы не подорвать здоровье. И только я, твой надежный, единственный из всех преданный до конца слуга, я, Ирлинг, остаюсь рядом. Я разделяю твою скуку и рискую, заразившись приступами изнуряющей тебя хандры, свернуть себе челюсть в непрерывной зевоте.

– Ах ты болтун! – усмехнулся зашедший лекарь. – Нахальный мальчишка! Я вот тебя за уши отгаскаю!

– Меня? За уши? Почтенного отца семейства?! – притворно возмущался секретарь. – Вот, госпожа, как относятся эти нечестивцы к лучшему из твоих подданных, к знатнейшему раэнорцу! И ты молчишь! Ты ни слова не замолвишь в мою защиту?

Элен рассеянно улыбалась, слушая его болтовню. Все эти дни она приводила в порядок свой архив. Разбирала бумаги, грамоты, письма, безжалостно бросая почти все в жаркое пламя камина.

Однажды Дию, зайдя ее проведать, сказал:

– Кажется, упрямец Атни готов отступить. Они не мо-

гут больше бороться с призраками. В городе творится что-то страшное. Ведь мы готовились отражать атаки врага из-за стен. А беда – вот она, внутри. Как изменилась столица! Дом, в котором рождались и счастливо жили поколения твоих предков, стал западней. А доводящий до безумия страх, а болезни! Ворондил оставил в Дол-Раэне отряд в триста человек. Теперь не осталось и половины.

– Да. И это при том, что не было ни одного боя. – Элен ссутулилась. – Едва ли десятая часть погибла от стрел дикарей, что идут мимо города. Остальные...

– Остальных унесла зима. Жуткая зима.

– Я чувствую, конец близок. Те сны, помнишь? Сны, от которых я пряталась на высоте Сторожевой башни? Они снова меня преследуют. Меня сжигает огонь. И мне страшно.

Дио с нежностью погладил ее руку.

– Мы переживем все напасти, моя госпожа. Мы должны. Твои сны – только предостережение. Будь осторожной и осмотрительной. А пылающий в тебе огонь, дорогая моя госпожа, – вовсе не порождение преследующих твою память теней прошлого. Просто у твоего ребенка огненное сердце. Да и может ли быть иначе? Ведь ты – избранница Единого, в тебе, как и в Хранителе, часть его светлого пламени.

Крякнув от натуги, Ясперс повернул воротное колесо, и вода плавной струей потекла по каменному желобу акведука. Тонкие ручьи ответвлялись от основного потока и неслись

к аллеям, рошицам, цветникам. Ясперс зачерпнул ладонью воды из желоба, глотнул и одобрительно причмокнул. Вода из Красного озера, и впрямь отдающая рыжиной и оставляющая на каменном ложе акведука яркий ржавый след, по его мнению, была превосходной. Ясперса ничуть не смущал легкий кисловатый вкус и запах. Он был твердо убежден в ее пользе. А иначе чем объяснить то, что, живя всю жизнь в подземном городе, здоровье смотритель имел отменное, да и жена с детьми на хвори не жаловались. Что говорить о людях! Даже сады верхнего мира не могли похвастаться такой яркой, сочной зеленью, пышностью цветения и величиной приносимых плодов.

– Не понимаю я их упрямства, – пробормотал смотритель, достал из кармана яблоко, откусил и принялся задумчиво жевать.

– Хозяин, обед готов! – прозвучал совсем рядом негромкий, певучий голос. Смотритель, не оглядываясь, отозвался:

– Иду, иду.

– Ты закончил с поливом, Ясперс? – Высокая, статная женщина в светло-зеленом платье подошла к смотрителю. Тот, хмурясь, мельком взглянул на пришедшую и буркнул: – Почти.

Женщина, откинув за спину толстые каштановые косы, подошла к акведуку и, зачерпнув воды, брызнула Ясперсу в лицо.

– Прекрати ребячиться, Карина! – Смотритель строго

взглянул на жену, но не в силах противиться ласковой теплоте ее ясных карих глаз, улыбнулся. Она тоже улыбнулась в ответ и поцеловала его во все еще нахмуренный лоб.

– В чем дело? Что случилось? – Карина взяла мужа за руку. – Ну-ка выкладывай!

– Ай, все никак не приду в себя после разговора с лекарем. Плохи наши дела. – Вот ты о чем! – Карина покачала головой. – И не стыдно тебе? Чем это наши дела плохи? Оглянись-ка, милый друг! Чем тебя не устраивают эти великолепные залы, эти рощи, пруды и фонтаны? Тебе надоела спокойная жизнь? Ясперс, не гневи богов!

– Не то, не то ты говоришь! – Смотритель сокрушенно вздохнул. – Как все это оставить?

Карина притихла. Вот он о чем! Ей-то и думать о переселении было страшно. – Прекрати себя изводить, – наконец произнесла она тихо. – Не рви зря сердце. У нас и так впереди хлопот – не сосчитать. Что Дию сказал?

– Да ничего. Они там, наверху, мнутя, не решаются. Как же, с вольного света – да в подземелье. Даром, что света-то уж и нет давно.

– Что ты все злишься, Ясперс? – Пожала плечами Карина. – Конечно, страшно. Из них-то никто здесь и не был. Я, помню, когда невестой твоей была, тоже боялась. Не шутка – навсегда под землю спуститься! Люди ведь даже и не подозревают, как здесь чудесно. Представляешь, как они удивятся? Вот уж мы позабавимся!

– Позабавимся, позабавимся. – Ясперс взялся за колесо. – Только как бы потом не заплакать.

Помогая ему закрыть заглушку, Карина спросила:

– Ты о чем?

– Вот что, – смотритель искоса взглянул на жену, – поговори с Нионой. Она у нас, хвала небесам, девочка серьезная, не то что ее двоюродные сестрицы. Но все же предупреди, пусть остережется. А то, знаешь, как спустятся сюда молодцы из войска этого выскочки Атни...

– Ох, Ясперс! – Карина оставила колесо и выпрямилась. – Глупости говоришь. Дочь позоришь. Уймись, не болтай попусту вздор. Самому потом стыдно будет. Пойдем-ка лучше обедать. А то Яни, наверное, уж изнемог от голода.

Смотритель поплелся вслед за женой. Но вскоре он догнал ее и, взяв за руку, с виноватой улыбкой пробормотал:

– Прости. Верно, чепуху болтаю.

Они прошли несколько залов. Карина по пути кормила рыбок в маленьких искусственных прудах, доставая корм из висящего на тонком серебряном пояске маленького шелкового мешочка.

– Уж больно лианы разрослись, Ясперс, – обернулась она к мужу, отводя от лица тяжелую плеть, свесившуюся с решетки прямо на дорожку. – Надо бы подрезать. Может, соберетесь вечером с Яни?

– Можно. Заодно в Малиновом зале дорожки поправим. Плитка совсем ветхая, рассыпается.

– Немудрено. Когда ее клали!

– Ма! Па! – По дорожке вприпрыжку бежал мальчишка. –

Там господин Дию пришел! Завтра начинается переселение!

Завидев хозяев, лекарь поднялся из-за стола.

– У меня новость. Завтра принимайте гостей.

Смотритель взглянул на жену, потом на лекаря и усмехнулся:

– Что, решились наконец?

– Да. Ты готов?

– Конечно.

– Ну и прекрасно. Румиля не видел?

– Сегодня нет.

– Плохо. Он мне нужен.

– Загляни в библиотеку. Может, там. К нам сюда он редко заходит, некогда. Даже обедает в хранилищах. Ниона ему еду носит. Дельный человек!

– Да, – поддержала мужа Карина. – Хороший. Только печальный все время. Не в духе.

– Да брось. Просто работы много. Весь последний год здесь у нас пропадает. Если бы не он, не управиться бы нам с хранилищами!

Дию спросил:

– Ворота и вентиляционные шахты проверили? Механизмы в порядке?

– Да, хвала богам. Покорпели мы над чертежами!

– Ну, что ж, славно. Пойду в библиотеку. Пусть Ниона ча-

са через два принесет мне что-нибудь перекусить.

Карина с беспокойством следила за дочерью. Ясперсу что! Всякий раз, когда она заговаривала с ним о странности Нионы, он только отмахивался от жены. Мол, вот и хорошо, что девочка серьезная, не хохотушка. И что книги запоем читает, хорошо. Да и вообще, Карина должна гордиться такой умной, непохожей на других дочерью. Карина и гордилась. Но смутно чувствовала, что эта непохожесть вряд ли принесет девочке счастья. Уж лучше бы ее дочь была обычной глупышкой, какой и положено быть в девятнадцать. Вот Яни – мальчишка как мальчишка. Сорванец, вспыльчивый, но отходчивый. Повадками в отца, глаза – как у матери. Их ребенок. А Ниона словно другой породы: худенькая, легкая, со стремительными, птичьими движениями. Необычайная бледность придавала девушке болезненную прелесть. Пышные белокурые локоны обрамляли белый лоб, под светлыми крыльями бровей влажно блестели голубые глаза. Тонкий нос с едва заметной горбинкой, темно-розовые пухлые губы... Не девушка, а кроткий ягненок! Но Карина насчет характера дочери не заблуждалась. Какая там кротость! Нет, Ниона была доброй и почтительной девочкой, но всегда делала только то, что хотела. Уговоры и отчитывания были бесполезны. Она спокойно выслушивала то и другое, но поступала по-своему. И теперь Карина только вздыхала, глядя, как по утрам, едва притронувшись к завтраку, взяв с собой корзину с рукоделием, Ниона отправлялась на свой остров.

Что с ней происходит? В чем причина рассеянности и грусти? Поначалу Ниона объясняла это произошедшими в ее жизни переменами. Она привыкла считать подземелье своим домом и была неприятно удивлена, когда год назад узнала о том, что княгиня решила сюда переселиться. Ниона не выносила шума и суеты верхнего мира. Когда они с матерью навещали родственников, девушка быстро уставала от двоюродных сестер и торопила родительницу с возвращением. Теперь от чужаков нельзя было скрыться даже дома. И Ниона, чувствуя стыд оттого, что уклоняется от дел, что не помогает родителям именно тогда, когда ее помощь действительно нужна, но не в силах побороть раздражение от чужого присутствия, укрывалась на своем острове. Ее озеро находилось в стороне от главных коридоров, недалеко от поверхности земли. Через прорубленные в горной породе окошки в пещеру проникал воздух и свет. Ниона часами могла смотреть на скользящие по водной глади солнечные блики. Когда давно, еще ребенком, она облюбовала для себя этот укромный уголок, родители помогли ей его обустроить. Ясперс сколотил легкий мостик, выложил камнем узкие дорожки, установил опоры для лиан. Карина вместе с дочерью вскопала газоны, разбила клумбы и подсказала, как ухаживать за лилиями. За шесть лет травы и кустарник буйно разрослись, так что невозможно было разглядеть с берега ни находившийся за островом мостик, ни беседку в его центре. Здесь Ниона проводила все свободное время. Здесь читала любимые книги,

впервые сложила стихи, сочинила первые песни. Часто над озером раздавались звуки лютни и нежный голос девушки.

Но теперь ей не хотелось ни играть, ни петь. Перо не прикасалось к бумаге, и книга выскользнула из рук. Ниона погружалась в похожую на оцепенение задумчивость. О чем она мечтала? Ах, она и сама не знала. Да нет, знала, но боялась себе признаться. Боялась даже в мыслях произнести, что полюбила. Девушка закрыла бесполезную книгу, вышла из беседки и по еле заметной тропинке спустилась на берег. Она не успела выйти на открытый участок, когда увидела на другом берегу озера мужчину. Он сидел у самой воды, держа на коленях доску с листом бумаги. Рядом стоял ящик с разноцветными склянками. Мужчина в задумчивости смотрел на растущие у берега лилии, покусывая черенок кисти. Он был так близко, что Ниона боялась пошевелиться. Ей не хотелось, чтобы он обнаружил ее присутствие. Но девушка зря волновалась. Мужчина забыл обо всем, кроме цветов и своего рисунка. Ниона понимала, что ей лучше вернуться в беседку, но не могла от него отвернуться, оторвать взгляд от его лица. Сколько раз она вот так, украдкой, разглядывала его, еле дыша от волнения! Неужели этот человек не догадывается, как стал ей дорог за прошедший год? Ниона умела прятать чувства, но ей все труднее становилось сохранять видимость спокойствия, встречаясь с ним взглядом. Человек на берегу пошевелился, придвинул ближе ящик с красками и принялся за рисунок. Девушка с удовольствием сле-

дила за быстрыми, уверенными движениями его кисти. Ей было слышно даже шуршание мокрых волосков по шероховатой бумаге. Кисть небрежно окуналась в склянки, делала несколько вращательных па на палитре и плавно заканчивала пируэт на бумаге.

– Румиль, ты здесь!

Ниона вздрогнула. К мужчине с дороги спускался молодой человек. Подойдя к художнику, пришедший опустился рядом с ним на землю и взглянул на рисунок.

– Здорово! Надо же, как все у тебя получается! Рисуешь, как настоящий художник, на лютне играешь получше придворных музыкантов... Я уж не говорю про это, – он хлопнул по рукояти своего короткого меча. – Завидую! Телохранитель усмехнулся и вопросительно взглянул на пришельца.

Тот пояснил:

– Княгиня тебя разыскивает. Время обеда. Пойдем.

Румиль медлил.

– Пойдем! Госпоже негоже ждать. Что-то не нравится мне, как она выглядит. Я Дию сказал, а он только отмахивается. Ее бы сейчас развеселить, порадовать чем-нибудь! Эх, плохо, что князь осенью не вернулся.

Румиль кивнул, коротко вздохнул, отложил доску с рисунком и стал закрывать баночки с красками. Посыльный помог ему. Пока он возился с замком на коробке, Румиль спустился к воде и сорвал лилию, а потом, захватив рисунок, торопливо зашагал за молодым человеком, несшим его краски.

Уже год Ниона любила телохранителя княгини. Она встречала его почти каждый день, наблюдала и стремилась найти, но не находила в нем ничего, что могло бы охладить ее чувства. Несомненно, этого человека Нионе послали боги. Они знали, что только такой мог разбудить в ней любовь. Девушка с презрением вспоминала высокомерных щеголей – кавалеров ее сестер. Вспоминала их глупые письма длиной в лигу, слабость и жеманность. Связать свою судьбу с одним из них? Нет, пусть ее дурочки-сестрички млеют от их слащавых комплиментов и из кожи вон лезут, чтобы заполучить их в женихи. Это не для нее. Не про придворную молодежь складывались старинные легенды, которые она так любила. Там, на страницах книг, жили спокойные, сильные, гордые мужчины, дорожившие честью и долгом, а не приятной внешностью и пышными костюмами.

Когда вечером Ниона вернулась домой, ее ждал Дию.

– А я за тобой, красавица моя. Княгиня хочет тебя видеть.

Девушка удивленно взглянула на старика: – Меня? Зачем?

– Ниона, не задавай вопросов. Раз госпожа хочет тебя видеть, придется пойти, – урезонила дочь Карина. – Не упрячься, пожалуйста.

– Может, наденешь что-нибудь понарядней? – ободряюще подмигнув дочери, спросил Ясперс.

– К чему? – пожала плечами Ниона. – Ты меня проводишь, дедушка? – с неожиданно мягкой улыбкой обратилась она к Дию.

– Конечно! Затем и пришел. Пойдем, если ты готова.

Ниона и лекарь миновали три больших зала и вошли в княжеские покои. Девушка сама готовила их к приезду владелицы после большого ремонта. Ясперс убрал мусор, а она, наводя чистоту, показывала рабочим, где вешать светильники, занавесы и ковры, как расставлять мебель, высаживала на клумбы цветы, подбирала картины и каминные украшения. Странно было делать все это для совершенно незнакомого человека. Интересно, понравилось княгине ее новое жилище?

С того времени, как войско Атни спустилось в подземелье, прошло уже две недели. Суматоха переселения улеглась, и сейчас, по всей видимости, она и узнает мнение госпожи. Хотя какая она ей госпожа, эта никогда ею не виданная княгиня! Пройдя пустую приемную, девушка и лекарь вошли в Каминный зал. Княгиня была одна. Она полулежала на кушетке, при ярком свете фонаря читая свиток. Увидев гостей, она отложила свиток на столик рядом с кушеткой и, с улыбкой указав на кресла, пригласила сесть. Не обращая внимания на приглашение, Дию подошел к госпоже, склонившись над ней, коснулся губами лба и, удовлетворенно погладив ее по плечу, отправился к стоявшему в глубине комнаты дивану, придвинул к себе светильник, улегся на мягких подушках и погрузился в дремотное чтение.

Ниона с интересом смотрела на княгиню. Надо же, эта ма-

ленькая, слабая женщина – повелительница их страны! Княгиня зябко куталась в пушистый плед. Только ее лицо и руки были открыты. Девушка скользнула взглядом по украшенным перстнями с мерцающими самоцветами хрупким кистям, по алмазному ожерелью на шее, по утомленному, худому лицу... Она замерла, увидев в волосах княгини лилию.

– Ниона, прости, что так долго не посылала за тобой, – наконец заговорила княгиня. – В последнее время мне нездоровится. Но, надеюсь, это скоро пройдет.

– Я тоже надеюсь, госпожа моя, – подал голос старый лекарь. Княгиня улыбнулась:

– Я очень тебе благодарна. Дию рассказывал о твоих трудах, но, признаться, я не слишком верила его словам. И зря. Я очень давно не была в подземном дворце. Все изменилось, и к лучшему. Не ожидала. Спасибо тебе!

– В этом заслуга моих родителей. Если благодарить, то их, – спокойно возразила Ниона.

– Несомненно. Я всегда ценила их усердие и старалась вознаградить по достоинству. Но мы говорим о тебе, а не о них. Ниона, я бы хотела сделать тебе подарок, но не знаю, что обрадует тебя больше всего. Подскажи мне.

– Мне ничего не нужно.

– И все же позволь мне сделать тебе что-нибудь приятное.

Ниона чуть заметно усмехнулась и холодно произнесла:

– Того, что княгиня может мне подарить, я действительно не хочу. То же, о чем я мечтаю, она мне дать не в силах.

Элен удивленно взглянула на девушку:

– Ты говоришь загадками. Хорошо. Оставим пока этот разговор. Но я помню, что в долгу у тебя.

Ниона пожала плечами. Не желая замечать ее странное поведение, княгиня сказала:

– У меня есть к тебе просьба. Видишь, я здесь совсем одна.

– А Лола? – вставил Дию.

– А что Лола? Она вечно где-то пропадает. Ну, где она сейчас?

– Ты же сама послала ее к Карине за яблоками!

– Милый мой, прошло уже четыре часа! К тому же, Дию, она так давно мне служит, что мы с ней порядком друг другу надоели, если не она мне, то я ей точно. – Княгиня снова повернулась к Нионе. – С моим лекарем ни о чем, кроме болезней, не поговоришь. Агни и Велемир в два голоса поют мне о военных делах. Как будто женщине это интересно!

С дивана раздался смешок.

– Ниона, пожалуйста, приходи ко мне. Сама я, как видишь, в таком положении, что ходок неважный. Хорошо?

Девушка не успела ответить. Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошли два одетых в доспехи воина. Первый из вошедших швырнул шлем в пустующее кресло и воскликнул:

– Госпожа моя, это не человек, а демон!

Ниона узнала в нем утреннего посланца княгини. Моло-

дой человек скользнул по ней взглядом, но тут же забыл о ее существовании, бросившись к лекарю.

– Дию, мой добрый, благородный друг! Этот злодей опять наставил мне шишек!

– Ирлинг, на тебе же был шлем! – вмешалась княгиня.

– И ты, о моя наивная госпожа, веришь, что шлем от него спасет? Эта кастрюля слетела с моей головы в одно мгновение! И не спрашивай, как он это делает!

– Хорошо, хорошо, не буду! – рассмеялась княгиня. – Пусть Дию тебя пожалеет. Румиль!

Ниона замерла. Телохранитель, едва кивнув, прошел мимо нее, подошел к княгине и, быстро взглянув в лицо госпожи, поцеловал ее руку.

– Румиль, почему так долго? Я скучала.

Телохранитель убрал со лба волосы и улыбнулся. Ниона смотрела на него и не верила своим глазам! Она целый год, изо дня в день встречала этого человека, но ни разу не видела на его лице такой улыбки. Какая нежность была в его черных глазах! Как смягчились черты сурового лица! Так вот каким он может быть!

– У меня гостья, – донесся до нее голос княгини. – Вы ведь знакомы?

Княгиня взглянула на Ниону. Девушка в смятении смотрела на телохранителя. Румиль отвел взгляд от лица госпожи. Улыбка исчезла. Его лицо снова стало бесстрастной маской воина. Он спокойно посмотрел на девушку и еще раз

вежливо склонил голову. Ниона опустила глаза.

– Не обращай внимания! Приветливости от Румиля не дождешься, – отмахнулась от телохранителя княгиня. Не дождешься? Да, эта женщина права. Она, Ниона, никогда не дождетя от этого человека ничего, кроме холодного поклона. Девушка встала.

– Мне пора. Пусть княгиня меня простит, но я ее разочарую. Я не смогу сюда приходить. У нас много дел. К тому же я от природы застенчива, и любое общество мне в тягость.

Она проговорила это бесстрастным голосом, поклонилась и, не глядя на растерявшуюся княгиню, вышла из зала. Элен в замешательстве смотрела ей вслед.

– Дию, ты что-нибудь понимаешь? – наконец обратилась она к лекарю.

– Ниона – умная, славная девушка. Жаль, что вы не поладили, – невозмутимо ответил старик.

– Славная? Не знаю. Но то, что она красавица, бесспорно. И какая красавица! Румиль, ты не находишь, что в ее облике, в движениях есть что-то от альвов? Телохранитель равнодушно пожал плечами. Обычная девушка. И ничего общего с Талионом и его родичами он в ней не находил.

– Это она красавица? – подал голос Ирлинг. – Госпожа моя, ты неправa. Бледная глазастая худышка с неуживчивым характером – вот кто такая эта девица. Наша Лола по сравнению с ней королева!

– Наша Лола? – возмутилась Элен. – Опять! Ну вот что,

доблестные воины, прочь из моих покоев! И к ужину приведите себя в порядок.

Ирлинг и Румиль ушли. Провожая взглядом телохранителя, княгиня пробормотала:

– Да, бедная девочка права. Здесь я действительно бессильна.

Дни шли за днями, похожие, как близнецы. Оставшись без дел, Атни было приуныл, но княгиня быстро вернула ему присутствие духа. Она недовольно выговорила ему, что такому количеству собранных вместе мужчин отдых только вредит. Нужно занять их головы и утомить тела. Иначе неприятностей не избежать. И вот, посоветовавшись с командирами отрядов, юный военачальник возобновил ратные тренировки. Он объявил своим бойцам, что через два, самое большее три месяца они выйдут из подземелья и неизвестно, что ждет их наверху. Надо быть готовыми к любым неожиданностям. К тому же, даже если первое время им и удастся избежать стычек, впереди была долгая, опасная дорога в Хьорланд. И чем лучше будет каждый из них готов к испытаниям, тем больше будет шансов уцелеть. Так было покончено с бездельем. Первое время после переселения Велемир пытался подняться наверх, взглянуть, что творится в городе. Но, узнав о его намерениях, княгиня строго запретила ему и нос высовывать из подземелья. – Нечего там смотреть, – отрезала она, когда разведчик в очередной раз об этом заго-

ворил. – Сам погибнешь и на нас беду навлечешь. Сидите спокойно, пока я не скажу. Не время.

Похоже, единственным, кому переселение пришлось по душе, был Ясперс. Служитель быстро смекнул свои выгоды. Через Дию добившись приема у княгини, он упросил ее каждый день отправлять под его начальство двадцать солдат.

– Прости мою дерзость, госпожа! – говорил он, склонив голову и в растерянности разводя руками. – Когда только мы жили здесь, и беспорядка было меньше. Сейчас же, боюсь, мне не под силу уследить за всем одному. Элен с готовностью согласилась с его доводами. Теперь каждое утро, накормив очередной отряд помощников плотным завтраком, служитель раздавал им задания, чувствуя себя при этом главным командующим. Только вечера оставались свободными. После ужина все собирались в центральной пещере. Кто-то играл в “Каменную дорогу”, кто-то читал, кто-то дремал, придвинувшись ближе к камину. Велемир и его ребята рассказывали о походах, о диковинных землях, о странных происшествиях, об опасностях, подстерегавших на каждом шагу. И, конечно, музицировали. Уж в этом жители столицы были мастера. Но особую радость слушателям доставлял Нир с его прекрасными песнями и телохранитель княгини, когда его удавалось уговорить взять в руки лютню. Обычно для Румиля решающим было слово госпожи, когда та в сопровождении Лолы посещала вечерние собрания. Служитель с семейством тоже частенько наведывался в центральную пещеру.

Он и Яни приносили котел с горячим пряным вином, а Карина с дочерью – большую корзину с маковыми, ореховыми и коричневыми булочками.

После посещения княгини Ниона старалась избегать встреч с Румилем. Днем ей это удавалось без труда. Но по вечерам, когда в пещере он брал в руки лютню, когда, склонив голову, перебирал чуткими пальцами струны, рождая печальные мелодии, Ниона ничего не могла с собой поделать. Она пряталась в каком-нибудь скрытом от глаз закутке и, плача, смотрела в любимое лицо. Но к чему эти мучения, если его печаль, его нежный, внимательный взгляд, его почтительное смирение – не для нее! И Ниона, вытирая слезы, презирая себя за слабость, уходила в свою комнату. Ее страдания не замечал никто, кроме княгини. Возможно потому, что уж очень внимательно следила Элен за странной девушкой. И, видя, как чахнет Ниона, княгиня все чаще с неудовольствием смотрела на своего мрачного друга.

Как-то в один из тихих вечеров, когда половина солдат уже отправилась спать, Атни обратился к княгине:

– Госпожа, ты как-то обещала рассказать о появившихся в Дол-Раэне призраках. Помнишь?

– Помню. И ты, я вижу, не забыл. Что ж, если и остальным интересно, пожалуй, развлеку вас сказкой. Элен откинулась в кресле, ладонями вверх положила на подлокотники руки и ровным, дремотным голосом начала рассказ: – Это было очень давно. Раэнора еще не было. На месте столицы росли

дубовые леса...

Всем показалось, что с ладоней княгини взлетели серебряные песчинки. Погружаясь в блаженное оцепенение, слушатели видели, как из воздуха, обретая прозрачную плоть, появляются зеленые предгорья, речки, луга и деревья, деревья... Повеял теплый, ленивый ветер. Потом появились странные полупрозрачные фигуры. Они плавно двигались, меняя форму, то становясь тенями деревьев, то ныряя в холодную речную воду, дробясь солнечными бликами на зеленоватой поверхности, то сновали в беспокойном полете, подражая кружащим над полянами бабочкам. – ...Так продолжалось тысячи лет, пока мир не начал меняться. В эти земли пришли люди, и покой земных духов был нарушен. Им пришлось таиться, оплакивая свои потери. На месте зеленой долины появился город, наш Дол-Раэн. Улицы и площади заполнил народ. Но в укромных уголках тенистых садов, в фонтанах и бассейнах мелькали знакомые тени. Они не ушли, просто спрятались, терпеливо ожидая, когда придет их время, когда отхлынет людской поток. И теперь духи дождались своего часа. Они возвращаются на исконные земли. Мы не сможем, да и не будем им мешать.

Лето сменилось зимой. Призрачные тени радостно танцевали на засыпанных снегом улицах, взвиваясь в воздух вслед за вьюжащим ветром и тихо опускаясь на землю вместе со снежными хлопьями.

Когда видения кончились, один из слушателей сказал:

– Ты, госпожа, говоришь так, будто их жалеешь. А они вовсе не безобидны.

– Конечно. И нас они не жалуют. Особенно тех, кто хоть чем-то их обидел. У духов земли долгая память. Многие в этом убедились.

– А почему они сюда не спускаются?

– Им здесь нечего делать. В пещерах никогда не было ни солнца, ни трав, ни деревьев.

– Значит, горные духи – выдумка?

Тут подал голос смотритель:

– Нет. Видно, горные духи – более компанейский народ. Да ведь мы у них ничего и не отбираем. Наоборот, наполняем их жилище сокровищами.

Итис накинул на плечи меховой плащ и вышел из дома. Впервые за четыре месяца прекратился снегопад. Низкие серо-лиловые облака застыли в ожидании. Разреженный воздух, несмотря на черноту ночи, был удивительно прозрачен. Над долиной нависла тишина. Не мягкая, уютная тишина снежной зимы, а пугающая, настороженная тишина, от которой в ушах стоял пронзительный звон.

– Потеплело, – произнес Хранитель и вздрогнул, услышав, как резко, неприятно громко прозвучал его голос. Он запахнул в плащ, поднялся с крыльца на сугроб и по утоптанной в снегу узкой тропке направился к Святилищу. Снег пронзительно хрустел при каждом шаге. Итис слышал, как, трес-

каясь, распадаются кристаллы снежинок. Ведущая на плато длинная лестница была погребена под снежной толщей, только две-три ступени еще выступали из сугробов, само же Святилище было тщательно очищено от снега. В этом Итису помогал ветер. Но сейчас и он улетел в горы отдохнуть после долгих дней тяжелого труда. Хранитель был в Святилище один. Он обернулся к долине, улыбнулся приветливо желтевшему в окнах его дома свету и посмотрел на юг.

Итис не испугался, когда плато дрогнуло под его ногами. Темнота отползла на север и там сгустилась в чернильную непроглядность. Зато на юге сквозь лиловую вату туч пробивалось багровое зарево. Небо охватывал гигантский пожар. Он быстро распространялся, и через мгновение весь горизонт был охвачен пламенем. Земля, будто от страха, мелко дрожала. Красные отсветы плясали на искрящемся снегу. Белый мрамор постаментов потеплел. Алые лужи растеклись по темному граниту пола. Приподняв полы одежд, Хранитель начал медленно подниматься на скалу в центре Святилища. Он впервые после стольких лет ступал по высоким темным ступеням – ведь этот камень принадлежал жрице Единого. Но сегодня он, Итис, будет служить богам. И поэтому его место здесь. Со скалы Хранитель все так же бесстрастно смотрел на медленно, но неотвратимо надвигающуюся огневую тучу. Он ожидал знак. Но ничего не было. Все та же тишина, судороги земли. И багровый свет, окрасивший все вокруг в цвет крови. Но если внизу, в долине, и на пла-

то небо разлило алую кровь живых, то его камень сочился густой, черной кровью мертвых. Итису стало не по себе. Он поежился, но тут же упрекнул себя в малодушии. Он не позволит страху испортить последнюю службу.

Вдруг Хранитель почувствовал легкий знакомый толчок в спину. Ветер! Ветер вернулся из гор! Вот он, знак. Глубоко вздохнув, Итис сбросил плащ, поднял вверх руки и хлопнул в ладоши. И ветер, как много раз до этого, заструился прозрачной, упругой волной. Хранитель запел. Так он не пел никогда: сейчас не нужно было сдерживаться, думать об осторожности, об обряде, о жрецах, о том, как бы не погубить их своей неистовостью. Теперь он свободен и может наконец-то сам говорить с богами. Он ни о чем их не будет просить. Своих желаний у Хранителя почти никогда не было, теперь же и о чужих просьбах можно было забыть. Боги так долго танцевали для него! И вот настал его черед. Он вернет им все, чем они его одарили.

Как легко на сердце! Придите же и взгляните на мой танец! Веселые боги и ты, Единый, послушайте мою песню! Жрица была права, он так горяч, огонь, пылающий в моем сердце! Сегодня я выпускаю его на свободу.

Безмолвие рухнуло, как стена. Пышущая жаром туча заволокла небо. Воздух накалился. Снег с шипением таял, превращаясь в плотные клубы пара. Глухой рокот вздымающейся-

ся почвы утонул в грохоте камнепадов. Громовые хлопки лавин сотрясали воздух. Мир рушился. Горы трескались и со стоном оседали в разверзшуюся бездну. Скалы разлетались каменными брызгами. Из самых недр земли сочилась лава. Небо наливалось огнем, тяжелело, впитывая испарения. Наконец, не в силах больше удерживать их в себе, оно со стоном разверзлось. Хлопья раскаленного пепла падали на землю, погребая под собой Разнор.

“Когда же они решили, что все готово и опасаться больше нечего, то дождались ночи и ворвались в королевские покои, безжалостно изрубив преградивших им путь стражей. Служанок и двух придворных дам заперли в комнатке рядом с гостиной. Королева не спала. Она услышала звон мечей, стоны и крики и поняла, что мятеж начался. Она оглянулась на запертую на засовы дверь спальни, подозвала принца и его пажа и велела им поменяться одеждой. Обняв сына в последний раз, она несколько раз изо всей силы ударила его кулаком по лицу. Потом крепко схватила пажа за руку, выбежала вместе с ним на балкон и бросилась вниз. Когда дверь от ударов разлетелась в щепки и мятежники ворвались в спальню, они обнаружили только окровавленного плачущего ребенка. Бросившись им под ноги, он умолял пощадить его, кричал, что пытался спасти принца, своего господина, но что королева его жестоко избивала. Он ничего не мог поделать! Госпожа убила и себя, и сына, бросившись вниз со страшной высоты.

И точно, во дворе замка, под балконом, лежали два трупа с раздробленными черепами. Мальчишку отпустили, убедившись в правдивости его слов”. – Ирлинг отложил рукопись. – Ай да принц! – хмыкнула княгиня.

– А королева какова! – воскликнул секретарь.

– Да, королева Риан была решительной женщиной, – в задумчивости протянула Элен. – Она хотела, чтобы ее сын выжил и отомстил.

– А паж, госпожа? – снова взяв в руки рукопись и пробегая взглядом следующие страницы, укоризненно спросил Ирлинг. Княгиня молчала. Не дождавшись ответа, секретарь взглянул на госпожу. Она, будто прислушиваясь, приподнялась на подушке. Ирлинг растерянно наблюдал, как еще больше бледнеет и покрывается испариной ее лицо, как руки сжимаются в кулаки. Тяжело дыша, княгиня выдавила:

– Зови Дию!

Ирлинг вскочил, отшвырнул рукопись и, не глядя на разлетевшиеся листы, бросился к дверям. У выхода он обернулся:

– Держись, госпожа! Я мигом!

Элен с утра было не по себе. Она силилась подавить беспокойство, но не помог ни бузинно-зверобоевый отвар, ни долгая прогулка после завтрака. Она только отняла у княгини силы, так что Элен пришлось лечь. Ирлинг вызвался развлечь госпожу чтением. Поначалу она еще следила за сюжетом, но вскоре ее внимание отвлекли странные ощущения:

Элен казалось, что пол едва заметно трясется и в комнате становится все жарче. Она заворочалась, сбросила плед, но жар все усиливался и дрожание продолжалось.

– Укройся, госпожа. Еще простынешь, – прервал чтение Ирлинг и снова накинул на княгиню плед.

Значит, он ничего не чувствовал? Боги, что же это? И тут появилась боль. Сначала Элен едва ощущала ее. Но та стремительно разрасталась, вскоре захватив все ее существо. Поясницу жгло, будто на нее надели раскаленный пояс Гейры. Еле сдерживаясь, княгиня послала секретаря за лекарем. Как только дверь за ним закрылась, Элен сбросила плед, выгнулась и застонала. Как больно! Судорога прошла по всему телу. Темнело в глазах. Ей казалось, что внутри у нее – огненный шар. Он увеличивается и, стремясь найти выход, выжигает ее внутренности. Хрипло дыша, княгиня дотянулась до лежавшего на столике рядом с кроватью платка, скрутила его в тугую жгут и закусила зубами. Она не опозорит себя криками. Земля толчками уходила из-под нее. Элен сползла с кровати, прижалась всем телом к каменному полу, но обычно холодные каменные плиты сейчас были раскалены, как противень. Княгиня села, корчась от судорог, оперлась спиной о кровать, но руки разъезжались, и она валилась набок, глядя, как намокает платье, и из-под нее лужей растекается густая, темная кровь.

– Девочка моя, потерпи! – донесся издалека чей-то голос. – Ну, что встал истуканом? Беги за Кариней! Живо!

Дию склонился над истекающей кровью княгиней, вытащил у нее изо рта изорванный платок и дал глотнуть вина. Элен открыла глаза. Через несколько мгновений ее взгляд стал осмысленным, и она прохрипела:

– Началось.

– Да, госпожа моя, – обняв ее за плечи, улыбнулся лекарь. – Не бойся. У нас все получится.

– Мне кажется, я рожаю дракона, – прошептала Элен и сдавленно застонала. – Горит внутри.

– Так и должно быть. Терпи, госпожа. Драконы по сравнению с твоим ребенком – жалкие червяки.

Вбежали Ирлинг и Карина. Дию оставил Элен и подошел к ним.

– Ну, что там?

– Землетрясение, – выдохнула Карина. – Такого еще не бывало. Только бы стены выдержали!

Тут она увидела княгиню и, охнув, прошептала:

– Нехорошо это, господин лекарь. Уж больно много крови! Как бы...

– Молчи, – строго оборвал Дию. – Будешь мне помогать. А ты, – обратился он к Ирлингу, – беги за Румилем. Пусть караулит дверь. Никого не впускать, что бы ни случилось. Пусть хоть горы рушатся. Нам нужен покой.

– А что потом?

– Там посмотрим. Если не будем справляться, поможешь.

– Это запросто!

Когда боль немного отпустила, Элен, глядя, как жена зрителя расстилает на полу простыни, как лекарь заваривает в чанах травяные сборы, прошептала:

– Это не бред, Дию. Я слышу грохот в горах. Чувствую толчки земли. Огонь все ближе. Мы погибли. Подземелье не выдержит. Нас сожжет лава. Пророчество сбывается.

Лекарь секунду помедлил, потом отбросил ложку, стремительно подошел к Элен и, встряхнув ее за плечи, с угрозой рявкнул:

– К демонам пророчества! Хватит цепляться за старые сказки! Ты – княгиня и веди себя, как подобает повелительнице! Ну и что, что огонь все ближе! Не твоя печаль, что происходит за стенами этой комнаты. Не трать силы на страх!

Румиль сидел в кресле у входа в спальню госпожи, настроенно ловя каждый звук, доносившийся из-за закрытых дверей. Он то и дело хмуро поглядывал на прохаживавшегося по комнате Ирлинга. Вдруг дверь в покои княгини распахнулась, и вбежавший Атни с порога закричал:

– Где госпожа?

Ирлинг, на ходу разводя руки, направился к нему:

– Спокойно, спокойно, дружище. Не ори.

Не слушая, Атни оттолкнул секретаря, оглянулся и ринулся к дверям спальни. Но он не успел даже коснуться двери – телохранитель перехватил его руку. Подоспевший Ирлинг зашипел:

– Куда прешь? Княгиня занята. Потом.

Атни с гневом оглядел их и, пытаясь вырвать руку, крикнул:

– Чем занята? Вы что, с ума сошли? Не понимаете, что происходит? Это землетрясение! Входы завалило. Теперь мы отсюда не выберемся, даже если очень захотим. В вентиляционные люки льется лава!

– Да пусть хоть небо на землю валится! – рявкнул Ирлинг. – Плевала она на это! Ей сейчас не до того! Понял? – И он встряхнул оторопевшего Атни за плечи. Тот в смятении отступил назад и, потирая отпущенную Румилем руку, с ужасом пробормотал:

– Сейчас?

– Сейчас! Уж так получилось. Давай, парень, возьми себя в руки. Не паникуй. Ты командир, собери людей, займи их чем-нибудь, пока они со страху с ума не походили!

Но Атни уже справился с потрясением и хмуро буркнул:

– Не учи. Сам знаю, что делать. Ладно, я пошел. А вы тут в оба смотрите. Когда Атни ушел, Ирлинг подошел к снова ссутулившемуся в кресле телохранителю и осторожно произнес:

– Не волнуйся ты. Все хорошо.

Сам-то он так не думал. Но что толку расстраивать человека! Вон как переживает! Руки сцепил так, что пальцы побелели. И глаза тоскливые! Эх, Румиль! Хотя у самого в душе кошки скребли, Ирлинг, стараясь казаться беззаботным, сказал:

– Госпожа справится. Она сильная. Не то что моя Мелита. Жenuшка, когда Лисичку рожала, орала так, что бедняга Фрэй чуть не оглох. Он мне потом жаловался, что у него неделю после этого в ушах звон стоял!

Но тут из-за дверей раздался сдавленный стон, а через минуту – громкий плач ребенка.

В небо взмыл молодой тонкосерпый месяц. Тусклыми блестками обозначились звезды. Из глубины леса подала голос кукушка.

– Да, вот уж и лето в разгаре, – вздохнул Дию, отгоняя от лица привлеченную пламенем костра мошкару. – А до Вальбарда путь неблизкий.

– Ты снова за свое, – недовольно поморщилась Элен. – Прекрати брюзжать. Тем более что это совершенно бесполезно. Мы же решили!

– Одуматься никогда не поздно!

– Хватит. Ложись спать. Ты просто устал, вот и не в настроении.

Старый лекарь, кряхтя, поднялся, завернулся в плащ и, громко вздохнув, отправился в свою палатку. Элен проводила его задумчивым взглядом. Ничего, Дию отдохнет, соберется с силами. Путь у них впереди далекий. Да и пройдено уже немало.

Почти месяц прошел с тех пор, как они наконец-то разгребли завалы и выбрались из подземелья. Первым, конечно,

на вольный воздух поднялся Велемир. Его не было несколько дней. Когда же разведчик вернулся, то доложил, что на многие лиги вокруг нет никого и ничего, кроме черной выжженной земли. Был тихий июньский день, когда княгиня впервые после стольких месяцев затворничества вышла из своего подземного дворца. Сначала ее ослепил солнечный свет. Привыкнув и отирая с лица градом катившиеся слезы, она смотрела в ясное голубое небо, вдыхая горьковатый теплый воздух. Потом княгиня перевела взгляд на странно осевшие и изменившие привычные очертания горы. А когда оглянулась, увидела погребенный под потеками лавы и толстым слоем пепла город. Прекрасная белостенная столица превратилась в тусклый серый прах. Только из играющего бликами озера застывшей смолы вздымался обуглившийся остов Сторожевой башни. Стихия не смогла до конца уничтожить исполина, и он с гневной укоризной вздымался в небо памятником погибшему Дол-Раэну.

Все сбылось. И сны, и пророчества. Ее прошлое погибло, освободив, наконец, душу от многовекового гнета. Не в силах противиться ужасу и отчаянию, плакали стоявшие вокруг нее воины. Даже Румиль с горьким изумлением оглядывал черную безжизненную равнину. А княгиня... Что были потери этих людей в сравнении с ее потерями! Капля в море. Но превыше боли было новое острое чувство свободы. Она наконец-то разбила свой хрустальный шар, и его осколки вспыхивают слюдяными блестками у ее ног. Прижав к

груди сына, княгиня взглянула в его безмятежное личико. Будущий король Хьорланда, наследник славы и величия, дитя благословенной любви, ее надежда и гордость! Элен нежно улыбнулась.

– Госпожа! – прервал ее воспоминания обеспокоенный окрик Ирлинга. – Прикажи этому изуверу оставить ребенка в покое! Элен беспечно от него отмахнулась:

– Румиль знает, что делает. Это же старинная гимнастика морнийских воинов.

– Но твой сын не воин! Госпожа, малышу всего четыре месяца!

– Самое время, Ирлинг. Кстати, ты не забыл напомнить Велемиру, что сейчас время нашего последнего совета?

– Иду, иду. Только вот не понимаю, откуда наш женоненавистник Румиль знает, как обходиться с младенцами.

Когда разведчики расселись вокруг костра, княгиня быстро оглядела их и бодро начала:

– Давайте проверим все в последний раз. Велемир, все в отряде знают, где именно мы должны встретиться?

– Да, госпожа.

– Отлично. Там вы будете ждать меня до сентябрьского полнолуния. Если я не появлюсь в течение десяти дней, уходите в Хьорланд.

Велемир начал было:

– Нехорошо это, госпожа...

Но княгиня прервала его:

– Не начинай все сначала.

– Хоть Румиля с собой возьми! Случись что, какой из Дию защитник.

– Взять Румиля в Арандамар? Морнийца?

– Ладно. Сглупил.

– Меня, меня возьми, госпожа! – стуча в грудь кулаком, воскликнул Ирлинг. Элен презрительно фыркнула:

– Вот уж хлопот не оберешься! Ты, как всегда, будешь на поселенок засматриваться, а я буду их разъяренных родичей успокаивать? Нет, дружок. Хорошо, что Лолу с отрядом Атни отправили, а то бы ты и здесь набедокурил. – Я набедокурил? – возмутился секретарь и оглянулся на разведчиков, ища их поддержки. – Госпожа моя, да этот Атни – злобный ревнивец! Бедняжка Лола, чего она только не натерпится за время путешествия!

– Ничего с Лолой не случится. За ней Карина с дочерью присмотрят, – спокойно возразила Элен. – И хватит о вас. Велемир, – снова обратилась она к капитану разведчиков, – для молодой женщины с ребенком старик – лучший попутчик. Нам и помогут, и в руках себя держать будут. Да и на границе без лишних вопросов обойдемся. А как только мируем пограничные посты, считай, мы уже в безопасности. Мой ребенок – внук правителя, не забывай. Я-то больше за вас беспокоюсь. Время смутное, идите, хоронясь. Для вас сейчас любой – враг.

Разведчик ободряюще улыбнулся ей:

– Не тревожься, княгиня. Мы люди бывалые. Доберемся до места в срок. Только уж и ты не задерживайся.

– Договорились. Ну, а теперь – спать.

Когда все разошлись по палаткам, княгиня осталась у костра одна.

– Румиль, – тихо позвала она в темноту. Телохранитель будто ждал зова, неслышно подошел и сел рядом. Элен подняла с земли ветку с высохшими буроватыми листьями и поднесла к огню. Листья вспыхнули и мгновенно сгорели. Вскоре занялась и ветка. Не отрывая глаз от трепетного язычка пламени, Элен почти шепотом заговорила:

– Завтра мы расстаемся. Надолго. Может быть, навсегда. Если там, в верховьях Реки, вы меня не дождетесь...

Княгиня на мгновение замолкла. В огне уютно потрескивал сушняк. Безмолвно обступившие их деревья погрузились в безмятежную дрему. Только назойливые мошки вились над костром. Румиль сидел, внимательно глядя, как дрожит в руке Элен ветка, как подбирается к ее пальцам маленький упорный огонек.

– Постарайся найти Талиона. И не ждите чудес, уходите в Хьорланд. Там вы будете в безопасности. Ты слышишь?

Телохранитель бесстрастно кивнул. Огонек добрался до руки. Вздвогнув от неожиданной боли, Элен выпустила ветку и потеряла пальцы. Потом вдруг резко повернулась к Румилю, схватила его за плечи и повернула к себе.

– Я не останусь в Вальбарде. Если вы меня не дождетесь,

значит, меня уже не будет в живых.

На следующий день Элен и Дию вышли на древнюю дорогу, ведущую к мосту через Реку. Благополучно, хоть и очень медленно, добрались они до переправы. Раньше им за целый день встречались два-три путника. У Реки же народу заметно прибавилось. Уцелевшие в войне крестьяне спешили на праздник в столицу. Отойдя на обочину дороги, лекарь и княгиня смотрели на обрывистые берега в дырах ласточкиных гнезд, на темные, неласковые воды, медленно текущие к морю.

– Вот мы и расстаемся, – наконец сказал Дию, не смея взглянуть на госпожу. – Да. Спасибо, что проводил. – Элен вздохнула. – Неужели ты тоже останешься в прошлом?

– Похоже, что так.

– Эта Река – как граница.

– Элен, девочка моя, еще не поздно. Уйдем. Запад не для тебя.

– А как же Хаггар?

– Так ты надеешься?

– Конечно. Вдруг он ранен, искалечен? Да мало ли еще почему он не мог вернуться!

– А если все же...

– Тогда я узнаю, как погиб мой муж. И оплачу его.

– И ты действительно оставишь Боргиля Номанатуру?

– Да. Дию, это разумно. Когда альвы Запада узнают о моем ребенке, они будут искать его где угодно, только не в Валь-

барде. Пусть правитель сделает его пажем или отправит в гвардию своих сыновей. Потом, когда кончатся смуты, я смогу его забрать.

– Боргиль... Неспокойное имя.

– Он сам его выбрал. Помнишь, на нашем первом привале, когда я кормила его у палатки, он все смотрел и протягивал ручонки к багровой звезде войны?

– И ты не боишься этого?

– Мой страх ничего не изменит.

Оба снова замолчали. Наконец Элен осторожно подняла с земли спящего ребенка и обернулась к лекарю.

– Что ж, пора. Прощай. Она поклонилась старику и пошла к Реке.